

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Унин

Антология

Сатиры и Юмор

XX века

Антология

Сатиры

в России

Антология

Сатиры и Юмор

XX века

Антология

Сатиры

XX века

Антология

XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Am. Navy

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Унин

«ЭКСМО» 2003

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
И 64

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Аркадий Инин

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

**Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович**

**Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак**

Оформление переплета Лев Яковлев

Автор благодарит фотохудожников:

**И. Гневашева, В. Дозорцева, Р. Ельника, С. Иванова, И. Каледину,
Л. Камышеву, Б. Кремера, В. Кречета, Б. Кудрявова, С. Петрухина,
В. Плотникова, Р. Родина, И. Шагова и других.**

Инин А.

**И 64 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 24. —
М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 640 с., илл.**

**УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4**

**ISBN 5-699-02959-1 (т. 24)
ISBN 5-04-003950-6**

**© Инин А., 2003
© Кушак Ю. Н. Составление, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003**

СОДЕРЖАНИЕ

Антология предисловий	11
Георгий ВАЙНЕР. Давайте говорить друг другу комплименты	11
Виктор МЕРЕЖКО. Ступеньки	12
Михаил МИШИН. Моему другу Аркадию...	13
Попытка автобиографии	16
РАССКАЗЫ	21
Работа у нас такая	23
Лимон	26
Очень давняя история	29
Кто же прав?	30
Поправка к мифу	33
Знание — сила	36
Мы выше этого	38
Как жизнь?	38
Благородный почин	41
Отцы и дети	44
Согласно меню	46

Точный диагноз	48
Бессонница	50
Юная смена	53
Щечина	55
Фокусы Тюрина	58
Новый год по-итальянски	60
Шорт с доставкой на дом	63
Шарад планет	67
Горько!	70
Его знают в лицо	72
Всадников без головы	75
Жрица любви	80
Человек и лев	85
Творец счастья	89
Три темы, три темы...	94
Секс как таковой	97
Умом Россию не понять	100
Телефон доверия	103
А годы летят...	106
В ожидании чуда	108
Переулочек надежд	109
Стоп-сигнал	112
Шотеря	114

Берегите мужчин!	116
Осторожно – лифт!	119
Дерево в Коктебеле	122
Ну что сказать...	126
Маинственно звенит хрусталь	128

ПОВЕСТИ 131

Одиноким предоставляется общезитие	133
Мужчины семейства Луковых	231

КИНОКОМЕДИИ 319

Однажды двадцать лет спустя	321
На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди	363
Отец-одиночка	419

И ЭТО ВСЁ О НЕЙ 477

Женщина и мужчина	479
Женщина и мистика	482
Женщина и деньги	484
Женщина и уборка	488
Женщина и логика	490
Женщина и разговоры	493
Женщина и женщины	497

Женщина и скандал	499
Женщина и все	503
Женщина и выход	506
Женщина и сумочка	510
Женщина и ревность	513
Женщина и география	516
Женщина и возраст	519
Женщина и техника	522
Женщина и ложь	525
Женщина и чудовище	527
Женщина и каприз	530
Женщина и мода	533
Женщина и муки	535
Женщина и брак	538
Женщина и подруга	541
Женщина и путь	544
Женщина и роман	547
Женщина и слезы	549
Женщина и сваха	551
Женщина и тайна	554
Женщина и телевизор	556
Женщина и любопытство	559
Женщина и украшения	561

Женщина и ум	563
Женщина и усталость	566
Женщина и интрига	569
Женщина и время	571
Женщина и я	573
Женщина и одежда	576
Женщина и кокетство	578
Женщина и покупки	580
Женщина и комплименты	583
Женщина и характер	586
Женщина и зеркало	588
Женщина и эмансипация	590
Женщина и феминизм	592
Женщина и измена	594
Женщина и интуиция	597
Женщина и стерва	600
Женщина и секс	603
Женщина и юмор	606
Женщина и нервы	608
Женщина и теща	611
Женщина и свекровь	613
Женщина и сплетни	615
Женщина и общение	618

Женщина и фигура	620
Женщина и загадка	623
Женщина и подтекст	626
Женщина и любовь	628

Библиография	632
Фильмография	633

Антология предисловий

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ КОМПЛИМЕНТЫ

Я взялся написать об Аркадии Иinine.

чтобы реализовать давнюю свою потребность в создании образа героического. А то все мои литературные персонажи — жулики, бандиты и сыщики — никаким образом не могут воплотить те черты самоотверженного хладнокровного героизма, которым должен обладать настоящий сатирик-юморист.

Кто не работает в кино, тот не знает, что рассмешить одного редактора гораздо труднее, чем миллион зрителей. А сами комедиографы вызывают невольное удивление тем, что, проработав двадцать лет в кинематографе, вообще сохранили чувство юмора.

Инин — сохранил. И в жизни, и в профессии.

По своему литературному мировоззрению Инин — социальный утешитель. Он пишет обычно о женщинах и мужчинах, о любви и разлуке, о победе над одиночеством.

Инин очень хочет, чтобы зрители в финале плакали, но исключительно от радости. Его герои горюют весело, а если погибают, то не смертельно.

Эпиграфическим героем для Инина наверняка является горьковский странник Лука — приверженец идеи уместности любых средств для утешения человека, будь то лишь участливое слово, незамысловатая шутка или даже «нас возвышающий обман».

Аркадий Инин возвышающе обманывает, утешает, шутит — как умеет. Во всем, что он делает, есть искренняя вера в необходимости людям социально-сказочных ситуаций, изобретенных им. Убежденность в необходимости эмоциональ-

ного просветительства, неутомимая потребность сеять семена душевного добра и пусть даже почти неисполнимых мечтаний.

И я надеюсь вместе со всеми вами как-нибудь «однажды двадцать лет спустя» оглянуться в наше и его будущее: а чем же еще нас развеселил, растрогал и обнадежил одаренный, жизнерадостный и дарящий радость жизни кинодраматург Аркадий Инин?

Георгий ВАЙНЕР
(«Советский экран», 1988 г.)

СТУПЕНЬКИ

Нет, пожалуй, драматурга, дорога которого была бы идеально гладкой, легкой во всем, удачливой. Обязательно спотыкаешься и о внутреннее «я», и о внешнее «они».

То же самое можно сказать и об Аркадии Инине. Вот его послужной, так сказать, список. За восемнадцать лет работы в кино по его сценариям поставлено двадцать фильмов. За двадцать лет работы в литературе издано десять книжек. За все годы, на протяжении которых он был связан с телевидением, именно им были придуманы любимые зрителями передачи: «От всей души!» и «Вокруг смеха» (совместно с В. Веселовским). А знаменитые КВНЫ 60-х? Сколько же сил, времени, молодости, дарования отдал этим передачам Аркадий Инин!

Итак, по внешнему ряду, казалось бы, все прекрасно, успешно, даже завидно.

Однако жизнь тем и сложна и интересна, что день вчерашний никак не похож на день сегодняшний. Новые задачи, новые проблемы, новые взгляды...

Скажем, десять лет тому назад был возможен такой фильм, как «Между небом и землей», сценарий которого написал Инин и который не был замечен ни зрителями, ни критиками. Но вот сегодня не только возможен, но и необходим фильм «Единожды солгав», сценарий которого написал тот же Инин. Фильм не только замечен критиками, зрителями, социологами, он являет собой направление, по которому, я думаю, может двигаться наше честное, принципиальное и нравственное кино.

Или можно, скажем, увидеть в картине «Однажды двадцать лет спустя» некую карамелечную историю, историю бесконфликтную, сказочную. Но можно увидеть в ней и другое. В то время, когда детские дома переполнены детишками, брошенными безнравственными, бездушными женщинами, в то время, когда мы сетуем на низкую рождаемость, на малочисленность семей, не является ли обращение драматурга Инина к этой теме актом высокогражданским, высоконравственным?

Совсем не зря, думаю, одна из самых разборчивых, принципиальных наших актрис Наталья Гундарева после «Однажды двадцать лет спустя» дала согласие сниматься в новом ининском сценарии «Одиноким предоставляется общежитие».

Я, признаться, поражаюсь: Аркадий Инин — один из наших самых активных сценаристов, он пишет рассказы и публикует их от «Литературки» до «Крокодила», он уже много лет ведет при Союзе кинематографистов объединение молодых сценаристов, и совсем недавно он еще начал преподавать в сценарной мастерской ВГИКа.

И вот, по одной из наших далеко не самых лучших традиций, я задаю вопрос:

— Ему что — больше всех надо?

И сам же отвечаю:

— Да нет, просто все это — трудолюбие, ответственность и доброта!

Думаю, именно доброта — основное качество Аркадия Инина.

Та самая доброта, которая — в его сценариях, рассказах, телепередачах, и самое главное — в его жизни.

Виктор МЕРЕЖКО
(«Советская культура», 1988 г.)

МОЕМУ ДРУГУ АРКАДИЮ...

который войдет в историю
как человек, знающий наизусть тексты всех советских песен — даже ненаписанных.

Моему другу Аркадию.

который досматривает любой фильм до конца,

который способен высидеть даже малобюджетную картину студии Горького,

который не уходит из зала даже после того, как Мэри говорит Джону:

«Почему бы тебе не выпить немного виски, это тебя приободрит!»

Моему другу Аркадию,

который в любое время суток говорит одновременно по двум телефонам

и при этом смотрит параллельно четыре телевизора,

где идут четыре выпуска одних и тех же новостей,

и при этом печатает одновременно на двух компьютерах,

на одном — сценарий, на другом — заявку на другой сценарий.

Моему другу Аркадию,

который обладает героической женой,

которая имеет отвагу иметь от него двух детей,

которые имеют склонность иметь проблемы,

которые надо решать, и он решает их,

а у них опять проблемы, и он их решает, а у них опять, а он...

Моему другу Аркадию,

который на первое ест мясо,

а на второе — мясо, но много,

а на третье — компот из бараньей косточки.

Моему другу Аркадию,

который входит во все советы, комитеты, комиссии и гильдии,

который куда ни придешь, а он уже там,

который член всего, что есть на свете,

но при этом ничего из этого не приватизировал,

что выдает его общественную тупость,

которую многие принимают за личную скромность.

Моему другу Аркадию,

который одалживает деньги у читателей,

чтобы отдать их издателям,

чтобы издать свою книгу за свой счет,

чтобы потом продать эти книги читателям,
чтобы отдать долги издателям.

Моему другу Аркадию,
который есть главный автор капустников Дома кино,
не говоря о тридцати нормальных фильмах, где он тоже
автор,
который деятель каких-то искусств,
который чего-то там профессор.

Моему другу Аркадию Яковлевичу Игину — 60 лет,
что само по себе не имеет значения,
но дает мне повод выразить ему свое восхищение
и понадеяться на его и мое светлое будущее.

Михаил МИШИН
(«Московские новости», 1998 г.)

Попытка автобиографии

Я родился в теперь уже прошлом веке — двадцатом.

Я родился в теперь уже иностранном городе — Харькове.

Я живу в теперь уже совершенно другой стране, чем та, в которой я родился и жил согласно прописке: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз».

Защищая эту великую страну, в сорок первом году погиб мой отец.

А мама моя всю жизнь проработала в гальваническом цехе на заводе.

В детстве я вовсе не мечтал стать писателем. И после школы пошел по инженерной дороге мамы — в Харьковский политехнический институт.

А дальнейшую мою судьбу, как и все человеческие судьбы, определил случай.

У меня таким случаем оказалась обычная лень: очень не хотелось убирать кукурузу.

Поясняю. Советских студентов в начале учебы отправляли на сельхозработы — кукуруза, картошка, хлопок, в зависимости от региона. Увильнуть от этого можно было, только записавшись в агитбригаду самодеятельности, которая ездила по колхозам, развлекая пахущих на полях однокурсников.

Я и записался. Но так как ни петь, ни плясать, ни играть на музинструментах я не умел, то оставалось одно: стать ведущим — конференсье. А значит, мне пришлось самому себе сочинять искрометные шутки. Типа: «На улице идет дождь, а у нас идет концерт!»

Так все началось. Так до сих пор и продолжается.

Вернувшись с кукурузы, агитбригада стала студенческим театром, а я его худруком. И опять-таки никто за меня не писал — пришлось самому.

Далее институтские капустники перерастали в развлекательные программы для Харьковского телевидения, а эстрадные репризы складывались в юмористические рассказы для местной прессы.

При всем при этом я учился на инженера. И выучившись, инженером трудился. За восемь лет мне четыре раза повышали зарплату. Последняя была — сто двадцать рублей.

А тем временем в Харьковском университете обучался филологии и руководил университетским студенческим театром юный остроумец Леонид Осадчук.

Очередной судьбоносный случай свел нас, и возник литературный дуэт «Арк. Инин и Л. Осадчук». Десять лет работы, десять лет дружбы, десять книг юмора.

А потом я уехал из Харькова в Москву — во ВГИК.

Но опять же я вовсе не мечтал творить кино. Все снова решил случай.

На этот раз случаем оказалось любопытство. Я ведь долго совмещал инженерную и литературную работы, и мне, наконец, стало любопытно: а стоит ли этим заниматься?

И я послал мои опусы на конкурс в Москву — в Литературный институт и в Институт кинематографии. В надежде получить глубокий анализ моего творчества, который либо утвердит меня в данном занятии, либо подвигнет забросить его к чертовой бабушке.

Наивный! В ответ на два абсолютно одинаковых длинных текста я получил две абсолютно разные короткие бумажки. Из Литинститута: «Вы не прошли творческий конкурс». Из ВГИКа: «Вы прошли творческий конкурс и допускаетесь к вступительным экзаменам».

Тут опять взыграло мое любопытство: а вдруг поступлю?

И я поступил. И стал киносценаристом — автором тридцати пяти кинокомедий.

Нет, не сразу, конечно. В дипломе ВГИКа написано «сценарист, литературный работник кино и телевидения». И начинал я работать именно на телевидении — КВН,

«Голубой огонек», «Кабачок «13 стульев» и прочие юмористические передачи.

А еще я один из создателей программ «Вокруг смеха» — с незабвенным Сан Санычем Ивановым и «От всей души!» — с неповторимой тетей Валею Леонтьевой.

На последнюю программу приходили вагоны писем. Одно я запомнил навеки: «Дорогая редакция! Десять лет назад от меня ушла моя любимая жена. А вчера, после вашей программы «От всей души!», моя любимая жена вернулась. Будьте вы прокляты!»

А потом я объединил юмор «Вокруг смеха» и слезы «От всей души!» и стал писать лирические кинокомедии. То есть рождественские сказки, где можно посмеяться, затем всплакнуть, опять посмеяться, снова погрузиться, и все завершает хеппи-энд — счастливый конец. В конце фильма я своих героинь непременно выдаю замуж. Правда, не все согласны, что это — счастливый конец. Но я их выдаю, а потом они сами разбираются.

В те далекие годы молодые сценаристы поначалу трудились «неграми» на среднеазиатских киностудиях — Ташкент, Душанбе, Фрунзе. Мы писали сценарии за местных классиков. Слава — им, часть денег — нам. Края были великолепные, гостеприимство — сказочное, плов — фантастический, да и представления местных кадров о кинопроизводстве тоже были на грани фантастики.

Например, директор студии на просьбу режиссера выдать цветную пленку отвечал: «Конечно, дорогой, выдадим! Только скажи, тебе цветной пленка какой цвет нужен?»

После Средней Азии уже более-менее оперившиеся сценаристы перелетали на европейские студии — Беларусь-фильм, Молдова-фильм, Киностудия им. Довженко.

А уж потом, если повезет, — Мосфильм, Ленфильм, Киностудия им. Горького.

Мне повезло. Более того, меня занесло даже в Америку, где Леонид Гайдай снимал наш фильм «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди».

Долгое время, как убежденный материалист, я полагал, что искусство и жизнь — это параллельные, ни в чем не пересекающиеся миры.

Однако. Не успел я написать сценарий фильма «Однажды двадцать лет спустя», где блистательная Наташа Гундарева сыграла многодетную маму, как у меня, уже имевшего шестнадцатилетнего сына, неожиданно родился второй сын.

Далее. Не успел я написать сценарий фильма «Отцы и деды», где потрясающий Анатолий Папанов сыграл деда, как старший, но еще очень юный сын столь же неожиданно сделал меня дедом.

Эти события поколебали мою убежденность в непересекаемости искусства и жизни.

А моя мудрая жена поставила вопрос ребром: «Раз у тебя все так совпадает, напиши что-нибудь из жизни миллионеров!»

Кстати, жену Инну я нашел сорок два года назад в той же самой институтской агитбригаде. Родственная душа — она пела, как умела, только бы не собирать кукурузу.

Теща, с которой мы познакомились в день свадьбы, подарила мне парадные туфли. Они не только жали, а просто резали ноги. Но я проходил в них весь день — не мог же я обидеть тещу. А ночью я снял подарок и обнаружил стертые в кровь пальцы и картонные вставки в носках туфель, которые я не сообразил вынуть. С тех пор я раз и навсегда понял: главное в семейной жизни — это терпение, пусть даже до крови.

Что еще следует указать в автобиографии? А, да, звания и награды.

Заслуженный деятель искусств России, орденоносец. Точнее — орденохранилец: я ордена не ношу, а храню их в тумбочке.

Еще что? Военнообязанный. Но разделяю девиз упомянутого выше Сан Саныча Иванова: «В случае любого вооруженного конфликта мое место — в плену».

А еще в моей биографии есть... Да нет, ничего в ней такого нет!

Это ведь только великие художники убеждены, что каждый их шаг, каждый их чих и даже, пардон, каждый их пук влияют на судьбы всего человечества.

К примеру, Илья Эренбург писал мемуары в таком стиле: «В пять утра я лег спать — в шесть Гитлер двинул танки на Польшу».

Но я не великий художник. Я простой труженик пера.

И ничего невероятно поучительного и поучительно невероятного для всего человечества в моей жизни не было и не будет.

Так что на этом я завершаю попытку автобиографии.

А уж мемуаров и вовсе, как в известном анекдоте, не дождетесь!

Рассказы

Работа у нас такая

Васю провожали, как на фронт.

— Ты только не волнуйся! — говорила мама, пеленая Васин завтрак уже в третью газету.

— Главное, держи себя в руках! — сказал папа и сунул сигарету в рот горящим концом.

— Это тебе на счастье, на счастье... — приговаривала сестра, укладывая в Васиные туфли медные пятаки.

Вася их не слышал. Он яростно запихивал в новенькую папку гору конспектов и учебников. Сегодня молодой специалист Василий Коробов впервые шел на работу.

Вася шел по улице, судорожно листая конспекты. Его губы молитвенно шептали формулы, правила, законы. Он был во власти извечной студенческой мечты — мечты безумной, но гордой: в последние секунды перед экзаменом постичь мудрость веков.

Пять студенческих лет проносились перед ним. Пропущенные лекции болью отдавались в сердце. Списанные лабораторки делали неуверенным его шаг.

Хотелось многое изменить. Хотелось посидеть на лекции. Самому посчитать проект. Сдать экзамен без шпаргалки.

Хотелось любить декана.

У дверей проектного института Вася с ужасом почувствовал, что забыл третий закон Ньютона. Все три закона он, конечно, помнил. Но какой из них именно третий?!

У Васи опустились руки. Конспекты посыпались на землю. Вася хотел повернуть домой, но удержался. Он из последних сил собрал конспекты, собрался сам и толкнул входную дверь.

Начальник отдела принял Васю как родного:

— Смена наша пришла! Ну, давай, давай, сменяй нас, ветеранов. Ляпиков! — подозвал он лысого инженера. — Вот, под твое крыло хочу определить. Знакомься: Коровов... Как по имени-отчеству?

— Василий Николаевич, — порозовел от удовольствия молодой специалист и великодушно добавил: — Можно просто — Вася.

— Пошли, Вася, — воспользовался его любезностью Ляпиков и зашагал в свой угол.

Ляпиков был немногословен.

— Вот, — ткнул он Васе эскиз. — Деталька. Сможешь?

«Конечно, нет!» — тоскливо подумал Вася и сказал:

— Конечно, смогу!

— Срок тебе три дня.

— Не успею! — ужаснулся Вася и лихорадочно заработал рейсшиной.

Вася сделал чертеж за час. Он вытер потный лоб и огляделся. В отделе, кроме него, никого не было. Вася подождал полчаса и пошел искать Ляпикова.

В коридоре стоял ровный рабочий гул. Сотрудники бродили в одиночку и группами.

Стайка молоденьких копировщиц изучала журнал мод. Слышалось взволнованное щебетание: обсуждалась жгучая проблема смены «мини» на «макси» или наоборот.

На диване женщины постарше обменивались рецептами варенья. Тут же дегустировались образцы.

В углу, заслонив спиной амбразуру стального сейфа, собирал взносы председатель ДОСААФ.

— По одному, товарищи, по одному! — базарно покрикивал он, хотя особой давки не наблюдалось.

С лестничной площадки валил дым. Как будто горела небольшая деревня. В сизых клубах мелькнула лысина Ляпикова. Вася прикрыл голову пиджаком и храбро нырнул в дым. Курильщики обсуждали превратности большого футбола. Здесь знали все — от количества голов первой в истории футбольной встречи до точного счета последнего матча на этой планете.

Вася тронул Ляпикова за рукав.

— Я уже...

— Что — уже? — не понял Ляпиков.

— Уже сделал чертеж.

Ляпиков громадным усилием воли оторвался от проблемы офсайда и попытался вникнуть в сказанное Васей. Вник и изумленно вытаращил глаза.

— Ну пошли, глянем...

Чертеж был сделан верно. Ляпиков как-то странно посмотрел на Васю и сунул ему новый эскиз.

— Это тебе на неделю. Не-де-лю, — раздельно повторил он. — Понял?

— Понял, — кивнул Вася.

И сделал чертеж за час.

О Васе заговорили. Сотрудники многозначительно кивали в его сторону. Из других отделов приходили на него посмотреть. В перерыв заглянула даже главный человек в институте — секретарша директора.

Когда Вася закончил последний чертеж месячного плана отдела, до конца рабочего дня оставался еще час.

Ляпиков не выдержал.

— Вася, а Вася, — ласково сказал он. — Как ты себе, Вася, представляешь свои задачи на работе?

— «Неуклонно повышать производительность труда! Экономить каждую минуту рабочего времени!» — лихо прочел Вася плакат над головой Ляпикова.

— Не туда смотришь, — поморщился Ляпиков. — Ты сюда глянь.

Он открыл дверцу своего стола. Дверца была изнутри оклеена, как кабина шофера, портретами звезд кино и футбола. Незаклеенное пространство дверцы было заполнено надписями.

— Заповеди проектанта! — гордо сказал Ляпиков. — Читай.

— «Работа не волк!» — прочел Вася. — Ну и что?

— А то, что в лес не убежит! — хихикнул Ляпиков. — Понял?

— Нет, — признался Вася.

— Ну, тогда слушай. Знаешь, как в песне поется? Работа у нас такая, забота у нас простая...

За год Вася научился многому.

Не искать себе работу — она тебя сама найдет.

Не делать за один день то, что можно сделать за один день.

Не откладывать на завтра то, что можно сделать послезавтра.

Вася стал настоящим специалистом. Его повысили в должности.

А еще через год институт ликвидировали. Выяснилось, что на соседней улице был такой же институт. И еще один — в доме напротив. И еще один — в этом же доме, только этажом выше.

Ликвидация проходила без банкета. Уходили молча и незаметно. Последним помещение института покидал директор.

А возле входа уже стояли машины с маленькими кроватками — в здание въезжал детский сад. Молоденькие няни несли ящики с игрушками.

— Может, поможем? — обратился Вася к группе коллег, медленно докуривающих прощальную сигарету.

Вася с Ляпиковым таскали кровати. Начальник отдела и его заместитель пыхтели под грузом кубиков.

Впервые за время своего существования коллектив проектантов работал.

1965

ЛИМОН

Тлавбух Кочетов слышал перебои в сердце. А может, это ему только показалось. Но врач, видимо, услышал их тоже и выдал Кочетову больничный.

Кочетов лежал в толстом боксерском халате и наслаждался заслуженным отдыхом. Он бесцельно глядел в потолок и ждал кого бог пошлет.

Бог послал Абдулова — заместителя Кочетова по работе. Абдулов сообщил, что, несмотря на болезнь начальника, бухгалтерия продолжает работать, что коллектив мысленно с ним и что у Марии Николаевны родился внук.

Потом Абдулов рассказал две новые сплетни, три старых анекдота и стал прощаться. У двери он хлопнул себя по лбу, полез в карман, вручил Кочетову большой пупырчатый лимон и ушел.

Кочетов вытер лимон рукавом халата и задумался.

— Зачем Абдулов принес лимон? Может, просто так? Нет, просто так не бывает! Просто так никто ничего не делает... Бердяев, помню, купил лотерейный билет. Просто

так, говорит, купил. А потом выиграл по нему утюг! Да-а, просто так ничего не бывает...

Кочетов снова вытер лимон рукавом. Посмотрел его на свет. Понюхал. Пахло лимоном.

Кочетов забегал по комнате.

— Ну зачем, зачем он его купил? А может, он и не покупал? Может, ему профком поручил, а он, подлец, за свою инициативу выдает? Ну, мы его сейчас расковыряем!

Он нервно завертел диск телефона.

— Алло! Мне товарища Бобруйского! Семен Семеныч? Кочетов тебя беспокоит. Ну, спасибо тебе и всей общественности твоей, уважили старика... Лимончик первый сорт!

— Какой еще лимончик?

— Да вот он лежит, желтенький, спеленький.

— Слушай, Кочетов, а ты чего на больничном? — поинтересовался Бобруйский. — С головой нелады?

— Да нет, сердце у меня пошаливает.

— Тогда слушай. Не посылали мы тебе лимона. У меня, вот, ведомость по разделу «Человеческое отношение профкома к людям». Тут все записано: Урушадзе — конфеты «Золотой ключик» посылали, Буркиной на свадьбу — часы с кукушкой, вахтеру к шестидесятилетию — сочинения академика Павлова. А тебе не посылали. Но ты у меня запланирован, ты жди, слышишь?

Кочетов швырнул трубку на рычаг.

Лимон был. Ясности не было.

— А может, у Абдулова неприятности? — тоскливо гадал Кочетов. — Может, поддержки ищет? Лимонами задабривает?

Он снова быстро набрал номер.

— Отдел кадров? Фролов? Кочетов тебя беспокоит. Слушай, что там, говорят, у нашего Абдулова обнаружилось? Неполноценности какие-то, говорят, в анкете? Графы, говорят, какой-то не хватает?

— Кто говорит?

— Да так, некоторые.

— Не слыхал. Но, может, у тебя на него чего-то есть?

— Нет-нет, у меня на него ничего...

За три часа Кочетов придумал, проверил и отверг двенадцать объяснений поступка Абдулова. Лимон горел на

столе. Он был похож на гранату «лимонку», готовую взорваться.

— Почему у него были такие глаза? — стонал Кочетов. — Как будто жалеет меня! А чего ему жалеть своего начальника? Ой, понял! Понял: я уже не начальник! Я болею, а он, гад, мое место занял!

Перебои в сердце участились. Кочетов принял валидол и набрал номер. Зажав нос двумя пальцами, он прогнусавил не своим голосом:

— Попросите, пожалуйста, главного бухгалтера Абдулова.

— Абдулов не главный, — прощепетала секретарша. — Главный у нас Кочетов. Только он сейчас болен.

— Болен! — обрадовался Кочетов. — Это хорошо! То есть, я хотел сказать...

Он опустил трубку и заплакал. Больше версий не было.

Ночью в квартире Абдулова зазвонил телефон. Абдулов в испуге схватил трубку и услышал измученный голос:

— Слушай, зачем ты принес лимон?

— Какой... лимон? Прекратите хулиганить!

— А-а, вот ты как заговорил... Не узнаешь вроде, что это не хулиган, а твой главный бухгалтер!

— Сергей Петрович? Ох, извините, я спросонья... Что случилось?

— Это я хочу понять — что? Ты зачем принес лимон?

— Как зачем? Просто так...

— Нет, — жалобно прошептал Кочетов, — просто так не бывает! Зачем, а?

— Ну, скажем, для поднятия настроения...

— Для поднятия настроения? — ожил Кочетов. — Так бы сразу и сказал! Теперь все ясно, теперь все понятно! Спасибо тебе, друг, спасибо!

Кочетов кружился в давно забытом вальсе по комнате, гладил шершавые бока лимона и пел:

— Для поднятия настроения, настроения, настроения! Теперь мне все ясно, все ясно, все ясно!

Он пошел на кухню.

Налил стакан чая.

Отрезал ломтик лимона.

Положил его в стакан.

Поднес стакан ко рту.

И застыл.

— А зачем ему вдруг понадобилось поднимать мое настроение? А?! — застонал Кочетов.

И бросился к телефону.

1966

ОЧЕНЬ ДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

Знаете ли вы, откуда у Жирафа пятна? Нет? Тогда слушайте.

Когда-то, много-много лет назад, у Жирафа совсем не было пятен. У него была чистая и светлая шкура цвета солнечных лучей. И все звери очень любили и уважали Жирафа за то, что он такой большой и чистый.

Не любил Жирафа только старый Крокодил. Обыкновенное зеленое пресмыкающееся. Всю свою жизнь он прожил в грязном иле и терпеть не мог всего светлого и солнечного. Когда стройный и чистый Жираф проходил мимо его болота, Крокодил злобно шипел:

— У-у-у, чистюля! Боишься замарать свою шкуру? А мы тут должны в грязи копать! У-у-у, интеллигент!

А однажды Крокодилу показалось, что Жираф смотрит на него свысока. Этого уже Крокодил вынести не мог. Он заскрежетал зубами и сел писать письмо.

— Жираф — верхогляд! — писал он. — Жираф — ту-неядец! У Жирафа родственники в джунглях. А еще Жираф хулиганит и плюется в общественных местах. И значит, он вовсе не Жираф, а Верблюд.

И подписался: «Доброжелатель».

Вот и пришлось Жирафу доказывать, что он не Верблюд. А сделать это оказалось непросто. Знаете, почему? Потому что письмо Крокодила попало к Попугаю. К тому самому Попугаю, который повсюду кричал, что «Попка-дурак». И надо вам сказать, это не было просто популярной в тех краях самокритикой.

Попугаю Жираф сразу не понравился. Потому что хоть и сидел Попугай на высоком шестке, а Жираф все равно был на голову выше.

Жираф возмущался, что все в письме лживо, что от письма за сто шагов несет грязным болотом, что это каждому дураку ясно. Но Попутай сказал, что не каждому.

— Раз пришел сигнал, — сказал Попутай, — надо отреагировать.

Видит Крокодил: реагируют. Совсем он тогда разошелся, стал бить хвостом, грязью Жирафа забрызгивать. Крокодил брызжет грязью, а Попутай за ним повторяет. Крокодил брызжет, а Попутай повторяет:

— Верхогляд!

— Тунеядец!

— Развратник!

— Хулиган!

— Модернист!

Вот так и запятнали Жирафа.

С тех пор прошло много лет. И все убедились, что Жираф не был ни в чем виноват. Ему выдали справку о том, что он совершенно не запятнан. И еще выдали бутылочку пятновыводителя.

Крокодила строго наказали и выслали из этих мест. Теперь он мутит воду в соседнем болоте.

Попутай ушел на пенсию и пишет научный труд «Повторение — мать учения».

А Жираф... Жираф так и остался с пятнами.

И ничем их не выведешь.

Потому что пятна ставились на совесть.

1966

КТО ЖЕ ПРАВ?

В 19 часов 00 минут Катя Косичкина познакомилась с Борей. В 19.03 она поняла, что больше без него жить не может. В 19.05 Боря назначил ей свидание на 20.30 у кино.

В 20.30 Бори у кино не было. Не было его и в 20.31. В 20.32 Катя заплакала и целых десять минут думала, как жить дальше. Вопрос оказался неожиданно сложным, и Катя поняла, что без посторонней помощи ей не обойтись.

В 22 часа Катя отправила письмо в газету и легла спать.

Катя спала спокойно.

А литсотрудник молодежной газеты Иннокентий Абзац не спал вторые сутки. Иннокентий курил. Перед ним лежало письмо Кати, полное раздумий и орфографических ошибок.

Письмо начиналось словами: «Дорогая редакция, помогите!», а заканчивалось резолюцией главного редактора: «Помочь и осветить!»

Иннокентий докурил последнюю сигарету, собрал двенадцать листов своих соображений и потащил их главному редактору. Соображения понравились.

— Хлестко заворочено! — гремел главный. — Любовь — это не просто чувство. Любовь — это дискуссия. Надо столкнуть читателей лбами!

Дискуссия развернулась на страницах трех номеров газеты.

Первый номер вышел под шапкой: «Ты не прав, Боря!» Второй — заявлял: «Ты не права, Катя!» Третий — ставил вопрос ребром: «Так кто же прав?»

Читатели с грохотом сталкивались лбами.

Летели искры.

Гудело эхо.

— Любовь — это сложно! — убедительно заявлял читатель Н. из поселка М.

Но читатель М. из поселка Н. с ним категорически не соглашался.

Пенсионер Люлькин, член домового комитета с 1920 года, вспоминал, что в 1892 году с ним произошел аналогичный случай: «Правда, не в кино это было, потому что самого кино тогда еще не было. И звали меня в то время не Боря, а Вася, и ее не Катя, а Нюра. И на свидание я вовремя явился. А в остальном — тот же самый случай. И теперь у нас — внуки. Верю: будут и у вас!»

Под рубрикой «Два письма по поводу одного письма» появились статьи двух детских писательниц. Одна статья называлась «А если это любовь?», другая «А если нет?» Одна — во всем обвиняла школу, другая — клеймила за равнодушные семью.

Гражданка Елесоветская писала гневно: «Эх ты, Катя! Боря не пришел в кино — разве это беда? Меня, напри-

мер, муж уже двадцать лет не водит в кино. Но нас с ним связывает нечто большее!»

Токарь-скоростник Антон Сверло выразил единодушное мнение своей бригады: «Товарищ Косичкина! Для того чтобы не потерять окончательно голову, вы должны уйти с ней, то есть с головой, в общественную работу».

Мнение бригады поддерживали многие читатели. Большинство считало, что по-настоящему забыться Катя сможет только в «Обществе защиты животных».

Моряки пароходства прислали шифрованную радиogramму: «Дорогая Катюша! Команда паромы «Безмозглый» с тобой. Так держать! Капитан Черняк, парторг Беляк, комсорг Синяк».

Спецкор «Пионерской правды» сообщал: «По всей области проходят сборы, костры, линейки. Пионеры дают торжественную клятву: «Мы не будем такими, как Боря!»

Композитор Дурнозвуков был краток: «Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить. По себе знаю. В доказательство предлагаю мою новую песню».

Видный кинорежиссер Бомм заявил: «Боря прав! Он не пришел в кино не потому, что ему не по душе Катя. Он не пришел потому, что ему не по душе сомнительные художественные принципы демонстрировавшегося в тот вечер фильма, созданного моим глубокоуважаемым коллегой талантливым режиссером Керасимовым. Ты прав, Боря!»

В примечании «от редакции» сообщалось, что редакция не согласна с таким упрощенным подходом к проблеме и письмо печатается в порядке полемики.

Дискуссия разбухала. Газетный подвал становился ей тесен. Писали домохозяйки и пожарники, юные мичуринцы и укротители тигров, общество отважных дружинников «Давайте пройдемте!» и кружок боксеров-любителей «Не в бровь, а в глаз».

Только Катя больше ничего не писала. И это становилось тревожным. Иннокентий Абзац получил задание взять у Кати интервью.

Дверь Иннокентию открыл рыжий молодой человек. На груди его был кухонный фартук, а на лице бессмысленно-счастливая улыбка начинающего мужа. Из-за его плеча сияли веснушки Кати.

Иннокентий заулыбался:

— Значит, вы вместе? Значит, помогло? Поздравляю! От души и от редакции! Знаете, Боря, я вас именно таким и представлял...

Молодые переглянулись. Катя удивленно затараторила:

— Послушай, Саша! Что он говорит? Какой Боря? Ничего не понимаю!

Иннокентий понял все. Он еще автоматически хотел спросить о дискуссии, но удержался. В свой медовый месяц он тоже не читал газет.

В редакции Иннокентия ждало новое письмо. Листок из тетради в косую линейку требовал ответа: кто прав — Люда Душкина, не давшая Коле списать задачку по физике, или Коля, обидевшийся за это на Люду?

Письмо начиналось словами: «Дорогая редакция, помогите!», а заканчивалось резолюцией главного редактора: «Помочь и осветить!»

Иннокентий открыл новую пачку сигарет, достал авторучку и задумался.

1966

ПОПРАВКА К МИФУ

Это неправда, что Бахус был алкоголиком с детства. Тем более — богом алкоголиков. Это, если хотите, просто ложь.

Он был обыкновенным ребенком, как все дети на Олимпе. И все напитки он познавал в установленном задолго до него порядке: молоко матери, вода кипяченая, сырая вода, чай, кофе с молоком, черный кофе. И, наконец, популярный на Олимпе нектар. Что-то вроде молочного коктейля. Вкусно и питательно.

Вот так Бахус и рос. Рос и вырос. Вырос и стал искать работу. Все должности богов были уже заняты. Выбиваться в герои — дело хлопотное. Так что Бахус устроился в небесной канцелярии и женился. На свадьбе Бахус впервые попробовал напитки покрепче — на то и свадьба. Но выяснилось, что это действительно «горько», и Бахус не втянулся.

Изредка ему еще приходилось опрокинуть чарку-другую на именинах Зевса или на юбилее Меркурия. Но это только чтобы не обидеть начальника.

Так они и жили. Тихо-мирно, вдвоем на зарплату жены-Богини. Можно сказать, по-божески жили. Цветной телевизор купили в кредит.

Но однажды жена уехала навестить своего дядю — кузнеца Гефеста, который что-то захромал.

Первую неделю Бахус жил за счет содержимого холодильника. А когда холодильник опустел, у Бахуса остался один выход — ресторан «Горка». Есть на горе Олимп такое заведение общественного питания для холостых и командированных Богов.

У входа Бахуса встретил швейцар Геракл. Он приподнял расшитую золотом фуражку, пригласил Бахуса войти и занялся своим делом.

Геракл пытался поднять лежащего у порога ресторана Антея. Но Антей был не дурак. Он твердо знал, что его сила в связи с землей, и категорически отказывался от нее отрываться. Геракла он называл Гера и пытался лягнуть его в живот. Наконец Геракл ловко провел двойной «нельсон», крикнул и приподнял Антея. Антей сразу обмяк и покорно надел шапку. Так был совершен седьмой подвиг Геракла.

Бахус отыскал местечко за столиком, где уже сидели трое: два периферийных Божка и один столичный Бог. Периферийные подливали местному:

— Так что, поедут в наш район новые колесницы?

— Если смажем, поедут! — многозначительно гудел столичный.

— А когда поедут? — интересовались периферийные.

— А когда смажем!

Периферийные заказали еще балычка.

Через полчаса к столику Бахуса подлетела прелестная нимфа. Она приготовила блокнотик и вопросительно посмотрела на клиента. Бахус заказал салат «Дионис», котлеты «по-зевсовски» и бокал нектара. Нимфа застенографировала его пожелания и снова вопросительно уставилась на Бахуса:

— Пить что будете?

— Я же сказал: бокал нектара.

— Это запивать, — терпеливо улынулась нимфа. — А пить что? Вино, водку, коньяк?

— Ничего не нужно, — твердо сказал Бахус.

Нимфа презрительно фыркнула и упорхнула на кухню.

Салат был пересолен. Котлеты недожарены. Нектар отдавал пивом.

Нимфа ткнула Бахусу счет и язвительно бросила:

— Между прочим, без денег в рестораны не ходят!

Бахус побагровел от негодования. Но как вы помните, он не был алкоголиком и потому имел отличную нервную систему. Он спокойно достал самую крупную на Олимпе купюру, небрежно бросил ее на стол и вышел со словами:

— Сдачи не надо!

На другой день Бахус занял место за тем же столиком. К нему сразу подлетела знакомая нимфа. Она смущенно перебирала накрахмаленный фартучек.

— Вы меня извините, пожалуйста, что я так вчера про деньги. Мы с девчонками думали-думали: наверно, вы не пьете, потому что больной. Сердце, наверное, да?

И снова Бахус проявил олимпийское спокойствие. Он вежливо ответил, что сердце у него абсолютно здоровое. Что он чемпион общества «Дедал и Икар» по марафону. И что он просит принести бокал нектара.

Так продолжалось неделю. Семь дней Бахуса встречали грязные скатерти и презрительные взгляды. Семь дней он был вынужден дольше всех ждать недожаренные котлеты. Семь дней о Бахусе говорил весь ресторан. Одни утверждали, что у него все-таки туго с деньгами. Другие категорически считали его сердечником. Директор ресторана просто думал.

На восьмой день директор додумался, что Бахус — ревизор. Взволнованный своим решением, он лично поспешил к столику Бахуса. Но это уже было ни к чему: на восьмой день Бахус сдался сам — перед ним появился запотевший графинчик.

И все волшебным образом изменилось. Хмурые лица нимф прояснились. От блюд потянуло домашним дымком. Растроганный директор прислал на столик Бахуса бутылку коньяка времен Троянской войны.

В эту ночь директор ресторана впервые спал спокойно. Ночь была тихая, похожая на украинскую. Тишину на-

рушал только ленивый лай Цербера и песни Бахуса. Бахус был так пьян, что даже бывалые пьяницы, попадавшие на его пути, с уважением снимали фуражки и восхищенно смотрели ему вслед. Бахус чувствовал себя богом.

Так что это неправда, что Бахус был алкоголиком с детства. Тем более — богом алкоголиков. Это, если хотите, просто ложь.

1968

ЗНАНИЕ — СИЛА

У режиссеров неприятностей хватает. Актрисы с истериками, не предусмотренными сценарием. Погода, бросающая открытый вызов бюро прогнозов. Критики, принципиально не согласные даже с собственным мнением. И еще целый ряд всевозможных неприятностей, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к кино, но это только на первый взгляд.

У режиссера Никина, кроме всех этих неприятностей, была еще одна: сосед, который знал все про кино.

— Да-а, — говорил сосед, и сразу становилось ясно, что он знает все. — Наблюдал я ваш фильм, просматривал... Ничего, крепко скроен, ладно сшит. Вот, к примеру, то место, где они у вас с коней и — под колеса. Впечатляет, волнует даже. Тех, кто в кино ни бум-бум! Но мы-то с вами понимаем: комбинированная съемка. Скачут на бревне, падают на матрасик, а колеса с Курского вокзала подклеили.

Режиссер бледнел и клялся, что на коне скакали взаправду, падали тоже взаправду, потому что так нужно было для правды жизни и никакой комбинированной съемкой этого не добьешься. Сосед выслушивал режиссера с терпеливой улыбкой, похлопывал его по плечу и уходил со словами:

— Ну, мы-то с вами понимаем...

После содержательной беседы о тайнах киноискусства сосед спокойно спал, а режиссер даже не ложился. Всю ночь он мучительно размышлял о том, что хотя с коней прыгали взаправду, но все-таки не актеры, а каскадеры, и если зритель испытывает недоверие, надо делать выводы.

В следующем фильме режиссеру удалось уговорить актера выпрыгнуть из машины за метр до пропасти. Счастливый режиссер до потери пленки снимал падающий в пропасть автомобиль и еще более счастливого актера, отделавшегося легким заиканием.

— Да-а, если кто не понимает, — одобрительно говорил сосед, — так и придраться не к чему. Но мы-то с вами знаем: пропасть сняли в Сыктывкаре, машина — игрушка, человек — чучело... И склеили!

Режиссер бил себя в грудь и рассказывал все, как было. Сосед понимающе улыбался и успокаивал рыдающего режиссера. А режиссер снова не спал ночами и делал выводы.

В очередном фильме он упросил актера рубить сук, на котором тот сидел. Это обошлось режиссеру в две крупные суммы: за срубленный сук и за сломанную ногу.

Сосед был в восторге.

— Поразительно закручено! Но мы-то с вами понимаем: вся сила в рирпроекции. Сук — деревянный, нога — синтетическая!

И тогда режиссер, окончательно потеряв веру в торжество экрана, привел соседа на съемочную площадку нового фильма. Там пылал страшным пламенем дом, любовно подожженный со всех сторон.

— Вот! — сказал режиссер соседу. — В этом доме герой будет спасать пострадавших.

— Здорово, — понимающе сказал сосед. — Отличный макетик.

— Нет! — застонал режиссер. — Дом настоящий! Даже кооперативный!

— А-а, значит, огонь ненастоящий, — понимающе подмигнул сосед.

Режиссер дико вскрикнул и подтолкнул соседа к пламени. Сосед деловито пощупал огонь и понимающе сказал:

— Жжется. Комбинированный, а жжется!

Режиссер глянул в его понимающие глаза и, даже не простившись со съемочной группой, шагнул в пламя. Последнее, что он услышал, были слова соседа:

— Смотрите-ка, полная видимость творческого горения! Но мы-то с вами понимаем...

МЫ ВЫШЕ ЭТОГО

Наша чертежница Аня родила сына.
А мужа у нее нет. И не было.

Ну, возможно, где-нибудь это бы вызвало разговоры. А у нас — как будто бы Аня и не родила, как будто бы и муж у нее есть.

— Хотя Аня и родила без мужа, — сказал начальник отдела, — мы выше этого. Ее ребенок — наш ребенок!

Все горячо зааплодировали и сдали по рублю на подарок.

На следующий день на столе у Ани сидел плюшевый медведь, и мы по очереди целовали счастливую маму.

— Хотя ты, Аня, и родила без мужа, — говорили все, — мы выше этого!

Еще через день в институтской стенгазете появилась статья «Внимание — чуткость», в которой рассказывалось, что чертежница Аня родила сына и что это большое счастье не было омрачено даже тем, что Аня родила без мужа.

В конце статьи говорилось: «Чуткость отдела должна быть подхвачена всем институтом. Пусть каждый подойдет к Ане, скажет ей теплое слово, и тогда Аня совсем забудет о том, что она родила без мужа».

Целых два года мы окружали Аню вниманием и не оставляли ее одну.

А в прошлое воскресенье Аня вышла замуж. Повстречался ей хороший парень, и мы сыграли им свадьбу.

Встал наш начальник отдела и произнес тост:

— Хотя в свое время Аня и родила без мужа, мы оказались выше этого!

И все закричали: «Горько!»

1966

КАК ЖИЗНЬ?

Есть у Рябова приятель Миша. Вернее — просто знакомый. В общем, малознакомый ему человек по имени Миша. Или Коля, кажется.

Этот знакомый приятель Рябова — очень душевный человек. Видятся они на улице то ли два раза в месяц, то

ли раз в два месяца, но всегда он не просто «Здравствуйте!» скажет, а и душевно так поинтересуется:

— Как жизнь, старик?

Поинтересуется и бежит дальше. А Рябов ему вслед тоже вежливо отвечает:

— Спасибо, жизнь в порядке!

Вот и вчера он мимо Рябова по улице спешит и на ходу, с улыбкой:

— Как жизнь, старик?

Рябов ему вслед, как обычно:

— В порядке!

И вдруг подумал: за что это я человека обижаю? Он моей жизнью интересуется, а я так ему сухо, по-казенному: жизнь, мол, в порядке, и не твое это постороннее дело.

Рябов быстренько развернулся, догнал своего знакомого приятеля и говорит ему:

— Ты меня извини, пожалуйста, Миша (или, кажется, Коля). Вот ты постоянно жизнью моей интересуешься, но мне все недосуг ответить поподробнее. А сейчас как раз выпала свободная минутка, так я тебе с удовольствием и по-душевному освещу вкратце этот вопрос.

— Какой вопрос? — не понял тот.

— Ну, вопрос насчет того, как моя жизнь.

Рябов взял его под руку, и они пошли не спеша по улице.

— Так вот, откровенно говоря, жизнь моя не совсем в порядке. Есть, конечно, отдельные приятные моменты, но неприятностей тоже хватает. Во-первых, здоровье. Так, с виду, я вроде бы и абсолютно здоров. Но это только внешне. А внутри и сердце шалит, и желудок пошаливает. На работе тоже не все гладко. С одной стороны, месяц назад премию дали, а на той неделе выговор схлопотал. Хотя вовсе и не по моей вине, а по вине...

Тут Миша (или, кажется, Коля) интеллигентно так перебил:

— Ты извини, старичок, вот мой трамвай стоит, я очень спешу.

— А мне, — говорит Рябов, — как раз спешить некуда. Я тебя провожу.

Сели они в трамвай, поехали. Рябов два билета взял, усадил приятеля на место для инвалидов с детьми и вполголоса коснулся интимных сторон своей жизни:

— Жена мне попалась не очень удачная. Вкусы у нас

абсолютно не совпадают. Я, как ты уже знаешь, на диете. А она, наоборот, предпочитает грузинскую кухню...

На этом интересном месте трамвай остановился, и знакомый приятель как-то быстро, наверно, по рассеянности, выскочил из трамвая. Хорошо, что Рябов все-таки успел выпрыгнуть за ним. Обнял его крепко, по-дружески за плечи и продолжал:

— А вот дети у меня как раз неплохие. Даже хорошие. Один — отличник, другая — в детском саду, в самодеятельности участвует. Песенку про счастливое детство знает. Ты извини, у меня со слухом не очень, но слова я все помню. Сейчас спою...

И Рябов ему эту песенку спел. Тот так растрогался, что даже сердце у него заболело. Завел Рябов его в аптеку, купил валерьянки бутылочку. Когда тот в сознание пришел, Рябов ему снова последний куплет про счастливое детство пропел, чтобы он нить рассказа не потерял. И стал делиться планами на летний отдых.

Во время этих планов Миша (или, кажется, Коля) вспомнил, что ему надо срочно купить плавки в ГУМе. Рябов его пытался отговорить, потому что в ГУМе народу масса, ему о своей жизни криком кричать придется, чтобы тот ничего не прослушал, и вообще там потеряться можно. Но тот на своем настоял. И действительно, они в ГУМе потерялись.

Рябов, конечно, сразу по радио объявил, что ждет его у фонтана, но тот, видно, не слышал — не пришел. Только часа через три Рябов его случайно в Лужниках повстречал.

— Что же ты, — говорит Рябов, — здесь меня ищешь, а не у фонтана? Могли ведь и разминуться. Ну, ладно, слушай дальше...

Тот вроде не очень обрадовался, но слушает вежливо, не перебивает. Потом вдруг такси остановил и говорит водителю:

— Во Внуково!

— Ты что, — удивился Рябов, — улетаешь?

— Улетаю!

— Каким рейсом?

— Ближайшим!

По дороге во Внуково Рябов ему рассказал о своих взаимоотношениях с соседями и порадовал, что скоро получит изолированную жилплощадь.

Во Внуково выяснилось, что ближайший рейс оказал-

ся на Магадан. Рябов ему на билет добавил. А багажа у него не было.

— Ты что же так, без вещичек?

— А вещи мне малой скоростью подошлют!

Рябов контролершу уговорил, она его в автобус пустила. И пока они к трапу самолета подъезжали, Рябов успел поделиться тем, какое место в его жизни занимают литература и искусство.

У трапа Рябов ему вручил букет каллов. Расцеловались они.

— Ну, Миша (или, кажется, Коля), счастливо тебе! Если вернешься, обязательно телеграмму дай. Я встречу, расскажу, какие изменения произошли в моей жизни.

Из Внукова Рябов возвращался пешком. Был тот самый вечер, который справедливо характеризуется эпитетом «чудный». Все без исключения звезды сияли на своих рабочих местах. В меру прохладный ветерок обвевал его лицо. Хотелось петь, и Рябов пел. Он пел песенку про счастливое детство, и никто из редких встречных не интересовался у него на ходу, как жизнь.

Но у самого дома Рябову снова испортили настроение. У дома он встретил своего приятеля Сашу. Вернее — знакомого. В общем, малознакомого ему человека по имени Саша. Или Петя, кажется.

— Как жизнь, старик? — бросил тот и привычно побежал дальше.

Была ночь. Рябов устал. Ладно, подумал он, считай, Саша (или, кажется, Петя), что тебе повезло, черт с тобой, в другой раз...

Рябов крикнул ему вслед обычное:

— Жизнь в порядке, старик!

И пошел спать.

1968

БЛАГОРОДНЫЙ ПОЧИН

В тот день у начинающего литератора Антипенко снова не приняли повесть. Это было его восьмое не принятое произведение из восьми написанных.

Антипенко лежал на тахте и пил без всякого удовольствия коньяк. Рядом сидел Борзый — критик из местной

вечерки «А у нас во дворе» — и утешал его. Но Антипенко не слышал утешений.

— Что делать? Что же теперь делать? — шептал он и вдруг вскочил: — А вот что делать! Сжечь! Сжечь все это и — в оправдомы!

Он схватил не принятую сегодня повесть, прихватил еще семь папок, не принятых ранее, и побежал на кухню. Здесь он развел огонь во всех четырех горелках плиты и начал сжигать ненапечатанное по страницам, отрывкам и целым главам.

Потрясенный критик несколько минут наблюдал, как багровые отсветы играют на волевом лице литератора, а затем вылетел из дому.

Назавтра вечерка «А у нас во дворе» в разделе «Культура или жизнь» поместила статью «Почин литератора». Критик Борзый рассказывал о благородном почине литератора Антипенко, который добровольно сжег полное собрание своих сочинений, тем самым избавив от их чтения работников издательств, критиков и дорогих читателей.

«Мне могут возразить: какой же это почин? — писал Борзый. — Ведь общеизвестен аналогичный исторический случай с Н.В. Гоголем. Я отвечу догматикам: принципиальная новизна почина тов. Антипенко в том, что Гоголь сжег книгу гениальную и в минуты душевной депрессии, а тов. Антипенко сжег несомненно бездарные произведения и находясь в полном психическом равновесии».

В заключение статьи критик обращался с пламенным призывом к литераторам поддержать этот самоотверженный почин — сжигать бездарные произведения в рукописях.

Статья имела необычайный общественный резонанс. В редакцию пришли сотни писем с горячими благодарностями автору нового почина. А главное — у него появились последователи.

И как всегда, первой новый почин подхватила молодежь. В отделение Союза писателей стали приходить десятки молодых бездарностей, принося в урнах прах своих произведений.

Постепенно к ним стали присоединяться и бездарности среднего поколения, а затем даже маститые бездарности. Они сжигали свои записные книжки, рукописи, а

один из маститых забрал из типографии и сжег верстку своего полного собрания сочинений.

Правда, как и во всяком благородном начинании, здесь тоже не обошлось без халтурщиков. Двое молодых поэтов были уличены в том, что ничего не писали, а просто сжигали чистую бумагу. Не обошлось и без плагиаторов, сжигавших чужие произведения. Один плагиатор обнаглел настолько, что сжег томик Пушкина.

Но в основном новый почин породил очень нужное литературное движение, поддерживаемое самой широкой общественностью. В связи с необычайным размахом этого движения в отделении Союза писателей была создана специальная секция самосожжения. Во главе секции встал Антипенко.

К этому времени он уже был принят в писательский Союз, много выступал, обмениваясь опытом, руководил семинарами по самосожжению, готовил юную смену бездарностей к исполнению их общественного долга. Он председательствовал на торжественном собрании, посвященном первой годовщине славного почина. Работники издательства преподнесли ему памятный адрес, а благодарные читатели вручили модель газовой плиты с четырьмя горелками, пылающими вечным огнем.

И кроме всего, Антипенко очень много работал. Он был добросовестным человеком — не мог позволить себе сжечь чистую бумагу, неоконченное или литературно недоработанное произведение. Поэтому приходилось писать. Писать много, всерьез, бессонными ночами.

Однажды, когда Антипенко с удовлетворением сжигал первые главы только что законченного романа, критик Борзый схватил его за руку.

— Стой! — крикнул Борзый, пробегая глазами страницы. — Кажется, это совсем неплохо... То есть просто хорошо! Это нельзя жечь. Это надо печатать!

Антипенко на секунду остановился. В глазах его вспыхнул лихорадочный огонек новичка, мечтающего о первой публикации. Но тут же погас.

— Нет! — твердо сказал он. — Я уже не в том возрасте, чтобы менять жанр!

Он вырвал из рук Борзого последнюю главу романа и решительно отправил ее вслед за первыми — в огонь.

ОТЦЫ И ДЕТИ

В огромном нарядном зале вокруг огромной нарядной елки собрались — тоже очень нарядные — дети и родители.

Родители были празднично взволнованы. Дети были буднично спокойны.

— Сейчас, сейчас к вам явится Снегурочка! — тормозили родители детей.

— Знаем, знаем, — успокаивали дети родителей. — Вон в ту дверь войдет.

И действительно, из указанной ими двери выпорхнула юная очаровательная Снегурочка.

— Какое чудо! — застонали от восторга родители. — Смотрите, сарафан весь в снежинках! А коса, коса!

— Парик, — снисходительно объяснили дети. — Сейчас она загадки будет загадывать.

И действительно, Снегурочка предложила собравшимся несколько веселых загадок. Дети иронично промолчали, а родители довольно толково прокричали отгадки.

Потом Снегурочка торжественно взмахнула рукой.

— Ра-аз, два-а, три-и... — протянула она.

И застыла в ожидании.

— Ну же, ну! — заволновались родители. — Крикните все хором «Елочка, гори!» — и елочка сама зажжется!

— Не сама, — урезонили их дети. — А электрик врубит рубильник, и лампочки зажгутся. Если только не будет короткого замыкания.

— Раз, два, три... — нетерпеливо повторила Снегурочка.

И родители, махнув рукой на просвещенных отпрысков, сами хором закончили магическую формулу:

— Елочка, гори!

Елка послушно вспыхнула сотнями электрических свечей общей мощностью с небольшую сельскую электростанцию.

Родители дружно ахнули и зааплодировали.

Дети потянулись в буфет.

А Снегурочка уже читала стихи, призывая явиться Деда Мороза.

— Сейчас придет Дедушка Мороз! — обрадовались родители. — Смотрите, смотрите!

— Видели, видели, — заверили их дети. — У него такая дубленка до пяток.

Дед Мороз не замедлил откликнуться на стихотворный призыв Снегурочки и явился — белобородый, в роскошной шубе, с туго набитым мешком за атласными плечами.

Он раздвинул в широкой улыбке красные яблоки щек:

— Здравствуйте, дорогие ребята! С Новым годом вас!

— Спасибо, и вас также, — воспитанно ответили дети.

А родители прокричали, как положено:

— Здравствуй, Дедушка Мороз! Ты подарки нам принес?

Дед Мороз утвердительно потряс мешком и распустил на нем завязку.

Родители задрожали от любопытства.

Дети привычно выстроились в очередь к мешку.

Они получали подарки, вежливо благодарили, тут же начинали поглощать содержимое и, соря крошками печенья, хвастали друг перед дружкой совсем другими подарками: теми, что получили на Новый год от родителей, — велосипед, фотоаппарат, лыжи.

А потом... Потом родители плясали вокруг елки. Дед Мороз и Снегурочка заводили их бурный, чуть запыхавшийся хоровод, лица родителей были светлы и праздничны, и кто знает, что видели они в эти минуты?

Может, виделись им в ослепительных электрических свечах огоньки настоящих свечек на худеньких послевоенных елках.

Может, казалось им, что прекрасные наряды Деда Мороза и Снегурочки перешиты, как когда-то, из старой шинели и гимнастерки.

Может, чудились им в сказочных стеклянно-нейлоновых украшениях нынешней елки давние деревянно-картонные игрушки на елках их детства.

А может быть, ничего такого им вовсе не виделось, не чудилось и не казалось. Может быть, просто им было по-настоящему хорошо и весело, и поэтому, только поэтому, и плясали родители в бурном, чуть запыхавшемся хороводе вокруг елки...

А дети пили сидро в буфете.

СОГЛАСНО МЕНЮ

Вагон-ресторан скорого поезда покачивало на рельсах, постукивало на стыках.

Широко расставляя ноги, как бывалый матрос на палубе корабля, к столику приблизился белоснежный официант.

— Принесите, пожалуйста, чай, — попросил пассажир.

— С лимоном, — уточнил официант.

— Нет — без.

— Без — нет.

И он вежливо почесал карандашиком строчку в меню. Там было написано: «Чай с лимоном — 7 коп. Чай без лимона — нет».

— Почему нет? — удивился пассажир. — Ведь чай с лимоном есть?

— Есть.

— Почему же нет без лимона?

— Согласно меню, — учтиво, но твердо ответил официант.

— Но давайте все-таки подумаем...

— Давайте подумаем.

Официант старательно напрягся.

— Итак, — спросил пассажир, — вы можете принести мне чай?

— Могу.

— И можете принести лимон?

— Могу.

— А принести чай, но не приносить лимон можете? Только не спешите с ответом, поразмыслите, пожалуйста...

Официант честно и долго собирал все морщины на лбу, собрал наконец и покачал головой:

— Нет, не могу.

— Но почему?

— Согласно меню.

Они помолчали. Официант постепенно отходил от непривычного напряжения. Пассажир ласково потянул его за рукав белой куртки:

— Да вы присядьте, пожалуйста, не волнуйтесь. Давайте-ка снова поразмыслим.

— Давайте, — без всякой надежды кивнул официант.

Он опять послушно собрал лоб гармошкой.

— Значит, так: у вас есть чай?

— Есть.

— И есть лимон?

— Есть.

— Выходит, для того чтобы получить чай без лимона, надо просто не класть в чай лимон.

Эта неожиданная мысль вышибла крупные градины пота на висках официанта. Его приятный баритон умоляюще дрогнул:

— Нельзя...

— Да почему же?

— Согласно меню!

Пассажир обнял официанта, погладил по редющим кудрям, и тот доверчиво приник к его груди.

— Друг мой, товарищ мой, брат! — прошептал пассажир в большое и чистое ухо официанта. — Расслабьтесь, подумайте... Не может не быть чая без лимона. Может только не быть чая с лимоном. Такое еще иногда бывает: чай есть, а лимона нет. Нету — и все! Но раз есть чай и есть лимон, значит, теоретически может существовать и отдельный чай без отдельного лимона. Ведь так, милый? Ведь так, родной?

— Нет, — всхлипнул официант, утираясь галстуком пассажира, — не может. Согласно меню!

Официант зарыдал. Пассажир дал ему валидол и принял сам.

— А вы попробуйте, хороший мой, — шептал он, ворочая таблетку под языком. — Попробуйте пойти на кухню, налить стакан чаю, а лимон в него не класть. Это совсем не страшно. Просто не кладите — и все! Это не страшно, это можно без наркоза, вы попробуйте...

Официант попробовал сорвать стоп-кран, но пассажир нежно перехватил его руку.

Тогда официант отчаянно кивнул, собрал остаток сил и, держась за столы, ушел на подламывающихся ногах.

И он принес чай. Без лимона.

— Вот видите, славный мой, — облегченно улыбнулся пассажир, — в жизни нет почти ничего невозможного!

Официант тоже облегченно и счастливо улыбнулся. И взял с пассажира семь копеек. Как за чай с лимоном. Согласно меню.

ТОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

В солнечный июньский день — День медицинского работника — Саша Орлов с утра побрился, повязал новый галстук и уселся в ожидании поздравлений. Основания для этого у него были: накануне Саша защитил диплом и получил гордое звание врача-стоматолога.

Первым пришел его старший брат Коля — штангист нелегкого веса.

— С праздником тебя! С твоим медицинским днем!

Коля огромной лапой сплющил Сашину ладонь. У Саши на глазах выступили слезы.

— Не плачь, — печально сказал брат Коля. — Мне самому плакать хочется. Вчера рекорд рванул, а сегодня аппетита нету! Что делать, порекомендуй.

— Не знаю, что тебе порекомендовать.

— Как так не знаешь? Разве для того мы вырастили из тебя врача, чтобы ты ничего не знал?

— Почему же ничего? — обиделся Саша. — Стоматологию я знаю. А в других областях я не специалист...

— Все равно — врач! — отрубил Коля. — Клятву Гипократа проходил? «Обязуюсь прийти на помощь и другу моему, и врагу...» А какой я тебе враг? Я тебе брат!

Не успел Саша закрыть дверь за обиженным братом, как на пороге появилась его двоюродная тетя Маня.

— Дорогой мой, поздравляю! — чмокнула она Сашу в щеку. — Сколько лет мы всей семьей ждали этого дня и вот...

— Какого дня? — уточнил Саша. — Дня медицинского работника?

— Да, дня, когда в семье появится наш родной медицинский работник, которому мы сможем без опасений доверить свое здоровье. Значит, так, дорогой мой, у меня, как ты знаешь, ишиас. Каждую весну, как только...

— Тетя Маня, извините, пожалуйста, но я не разбираюсь в ишиасе. Вам надо обратиться к специалисту.

— Очень хорошо! — трагически воскликнула тетя. — Он отправляет родную двоюродную тетю к платному специалисту!

— Ну почему именно к платному?

— А разве бывают специалисты бесплатные?! — зада-
ла риторический вопрос тетя и хлопнула дверью.

Саша хотел догнать оскорбленную родственницу, но зазвонил телефон.

— Штрафштфуй, тятя Шаша! Ты меня ужнаешь?

Конечно, Саша узнал своего пятилетнего племянника Женю, который не выговаривал тридцать пять из тридцати трех букв русского алфавита.

— Здравствуй, Женечка!

— Поштрафляю ш праштником! Мама шкашала, што теперь у наш ф шемье ешт токтор и он наушит меня рашкофаривать.

— Нет, Женечка, — как можно ласковее сказал Саша. — Я не умею этого делать. Пусть мама поведет тебя к логопеду.

— Не хошу к локопету! — заревел Женя. — Боюшь локопета!

Его мать возмущенно закричала в трубку:

— Зачем ты пугаешь ребенка?

Саша не успел ответить, так как в дверь уже звонили очередные поздравляющие.

Дедушка пришел с коньяком и попросил измерить ему давление.

Бабушка пришла с тортом и попросила измерить ей температуру.

Дядя пришел с сыном и попросил пощупать им пульс.

В этот день Сашу Орлова посетили все родственники, живущие в его городе, и еще пятеро приезжих. Их визиты проходили одинаково: начинались поздравлениями с Днем медицинского работника, продолжались рассказом о болезнях и заканчивались обвинениями в черной неблагодарности за все, что сделала для Саши его большая семья. К вечеру у Саши разболелся зуб, задергалась щека и отвратительно задрожали руки.

Последним около полуночи снова пришел брат Коля — штангист нелегкого веса.

— Это — тебе! — Коля с грохотом водрузил на стол мраморный бюст Гиппократ. — Как говорится, пусть будет он живым примером! Я пока его дотащил, что-то сердце у меня забилося. А-ну, послушай... Сам понимаешь, не отдавать же родное сердце в чужие руки!

Брат Коля начал стягивать рубаху.

Саша дернул щекой и трясущимся пальцем набрал номер «Скорой помощи».

— С праздничком! — сказал Саша. — Приезжайте в гости, будем рады. У меня тяжелый случай нервного расстройства, осложненный всеобщим маниакальным психозом!

...Через неделю, выписывая Сашу из клиники, врач-психиатр с удовлетворением подтвердил, что хотя Саша и не специалист, но первичный диагноз он поставил абсолютно верно.

1967

БЕССОННИЦА

Зуев спал беспокойно. Зуеву снились сны.

Вообще-то сны снятся всем людям, но у Зуева они были совсем особенные. Во-первых, он видел их постоянно, каждую ночь. А во-вторых, сны его были цветные, долгие и остросюжетные. Так что, можно сказать, Зуеву снились полнометражные художественные фильмы, как будто, ложась спать, он не выключал телевизор, а продолжал смотреть его всю ночь.

Разница заключалась лишь в том, что Зуев не мог выключить этот свой ночной телевизор. Да и не хотел. Потому что его сны-фильмы были по-настоящему интересны и увлекательны. А самое главное, сны Зуева были глубоко жизненны и злободневны, какой бы сферы они ни касались.

В этих снах художественно решались, а точнее, остро ставились, требуя серьезного разрешения, вопросы производства, где Зуев работал в отделе снабжения. Место скромное, но очень ответственное — некий эпицентр, в котором сходились все проблемы бесхозяйственности и безответственности, головотяпства и очковтирательства.

В этих снах с большой достоверностью отражались и вопросы общественной жизни. Ведь Зуев был членом местного комитета и по мере своих сил боролся за справедливость, восставая против показухи и зажима критики, шумел при нечестной раздаче путевок и премий.

Наконец, в этих снах с глубоким знанием дела рас-

сматривались и семейные проблемы. В них был неизменно внешне привлекательный, но спорный по части жизненной позиции образ жены, упрекающей мужа в том, что он наивный неудачник, не добившийся достойного места под солнцем. И весьма современный образ взрослого сына, осуждающего отца, который уступил очередь на квартиру более нуждающемуся сотруднику. И по-настоящему драматичные сцены распределения скромного семейного бюджета с центральной дилеммой: купить джинсы дочери или на ту же сумму отдохнуть всей семьей у моря.

Зуев рассказывал свои сны родным и знакомым. Они слушали эти ночные повести, затаив дыхание, а потом пересказывали их своим знакомым и родственникам. Только жена иногда пыталась внести коррективы в сцены семейной жизни. Но Зуев был непреклонен и не позволял искажать правду сна.

Так он и жил: в трудах и заботах, в проблемах производства и хлопотах по хозяйству, в месткомовских баталиях и домашних скандалах, а главное — в ожидании той блаженной минуты ночи, когда на его смеженные ресницы тихо прилетит новый увлекательный сон...

Все изменилось в тот день, когда слухи о феномене Зуева докатились до научно-исследовательского института сна и сновидений. Зуева пригласили туда, и два доктора с одним кандидатом в течение трех часов перекрестными допросами пытались разоблачить его и выудить признание, что все им рассказанное он увидел вовсе не во сне, а по телевизору. Или вычитал в книжках. Или наблюдал в театре. Но вскоре ученые были вынуждены сами признать свое поражение: ни по телевизору, ни в книжках, ни в театре не было и в помине таких интересных и достоверных историй на современную тему.

Тогда Зуеву предложили работу в научном институте. Сначала он отказался. Потому что как бы там ни было, а он любил свою работу и свой коллектив. Но потом согласился. Потому что науку он тоже любил и очень уважал.

Да и предложенная работа была весьма необычной. Зуев должен был приходить в институт в половине двенадцатого ночи и... ложиться спать. Спать и видеть сны. Так и называлась должность, введенная специально для него, — «сновидец». А все остальное делали сами ученые: обкладывали и обвешивали Зуева датчиками, фиксировали пока-

зания приборов, вели журналы наблюдений, следили за пульсом и дыханием феномена, пытаясь по их изменениям вычислить моменты кульминаций в сюжетах сновидений.

Наутро отлично выспавшийся Зуев отправлялся домой. А не смыкавшие всю ночь глаз ученые оставались на своем научном посту и, подкрепившись холодным кофе, принимались выкраивать из полученных данных будущие диссертации.

Жизнь Зуева волшебным образом изменилась. Как смутный сон, вспоминал он теперь свой отдел снабжения, ругань с поставщиками, брак и липовые отчеты, нервные заседания месткома. Давно забыты были и прежние упреки жены: теперь уж его никак нельзя было назвать неудачником, не нашедшим достойного места под солнцем. Да и платили в науке лучше, чем в отделе снабжения.

А тут еще, как и следовало ожидать, Зуевым заинтересовались писатели и драматурги. Сюжеты его сновидений легли в основу книг, фильмов и спектаклей. С одной стороны, это значительно повысило их художественный уровень. А с другой стороны, это значительно повысило и семейный бюджет Зуева — он, естественно, стал везде соавтором. Так что уже не было проблемы в совмещении отдыха всей семьей у моря с покупкой джинсов для дочери и кооперативной квартиры для сына.

Ночная работа и полная свобода днем дали также Зуеву возможность для значительного повышения собственного культурного уровня. Он часто ходил в театр, прочел много книг и уже подумывал о том, чтобы начать писать самому. Без соавторов.

Все было хорошо. Зуев спал. Ученые строчили диссертации о феномене. В семье царили мир и достаток.

Плохо было лишь одно: к Зуеву пришла бессонница. Нет, не в том смысле, что ему не спалось. Бессонница заключалась в том, что он теперь спал без снов.

Правда, это мало что изменило в его жизни. Из института его не уволили. Потому что, если начать увольнять каждого, у кого не хватает данных для работы в науке, так можно уволить пол-института. Закаленные ученые тоже стойко перенесли этот удар, продолжали нести вахту у спящего Зуева и строчили диссертации на новую тему: о фе-

номене исчезновения феномена. Так что и на работе, и дома все были всем довольны.

Печален был только Зуев. Как мечтал он снова увидеть сон — хоть какой-нибудь, хоть малохудожественный, хоть короткометражный! С какой надеждой он каждую ночь укладывался на свое научное ложе! Как крепко он закрывал глаза, как тщательно смежал он ресницы в ожидании, что вот, сейчас, на них прилетит, как прежде, сон...

Но сны не прилетали. Зуеву больше никогда ничего не снилось. Зуев спал спокойно.

1982

ЮНАЯ СМЕНА

На семейном совете было решено, что Вовочка Мякин должен учиться. Так сказал папа. Учиться в медицинском институте. Так сказала мама. Учиться на врача-кожника. Так сказал дедушка. Потому что дерматологам хорошо: их не вызывают по ночам, и больные у них никогда не умирают, но и никогда не выздоравливают. Так сказала бабушка.

И семья решила действовать.

Ранним солнечным утром ректор медицинского института профессор Карпов вышел из своего дома. У подъезда дворник сметал ночной сор. Это был необыкновенный дворник — он любил поговорить с профессором о международном положении.

— Доброе утро! — сказал дворник.

И профессор приготовился к дискуссии о конференции неприсоединившихся стран. Но политически грамотный дворник заговорил о другом:

— Годы идут, товарищ профессор. Годы идут и даже проходят, не правда ли? А мы потихонечку стареем и начинаем думать о своей юной смене.

— Да, да, — рассеянно ответил профессор Карпов.

— Я всегда знал, что вы меня понимаете! — обрадовался дворник. — Вот я и говорю: он очень способный мальчик, этот Вовочка Мякин. Он будет вашей правой рукой. А если нужно, то даже и левой!

— Извините, мне пора, — заторопился профессор.

Когда он садился в троллейбус, знакомая водительша приветливо улыбнулась ему. А когда дверь мягко за ним закрылась, раздался ее слегка окрашенный прононсом микрофона голос:

— Следующая остановка — улица Чехова. Универсам, оперный театр, ботанический сад, медицинский институт.

И после крохотной паузы:

— Между прочим, к сведению гостей нашего города, институт славится не только светилами медицины, но и заботой о подготовке смены для светил. В этом году ожидается талантливый отряд абитуриентов, среди которых особо выделяется Владимир Мякин...

Профессор нервно закрылся газетой и поспешил к выходу.

До работы он еще зашел на примерку костюма. Закройщик из всех сил тянул вниз полу торчавшего под мышками пиджака и увещевал профессора тоном профессионального гипнотизера:

— Шикарно, шикарно, шикарно! Это не пиджак, а просто-таки модная картинка. Вы знаете, такой пиджак получается у меня, чтобы не соврать, второй раз в жизни. Первый раз я шил одному юному вундеркинду. Да вы, конечно, должны слышать о нем, об этом Вове Мякине...

Профессор, как дикий барс из капкана, вырвался из треснувшего по швам пиджака.

Отчитав первую лекцию, он почувствовал, что на вторую у него уже нет сил. Надо было воспользоваться двухчасовым перерывом, чтоб эти силы восстановить.

Знакомый банщик очень ощутимо, но с большим уважением тер мочалкой профессорскую спину и приговаривал:

— Ай-яй-яй, дорогой профессор! Такая редкая спина, и вдруг на самом интересном месте — прыщик. Очень правильно писал в свое время известный русский баснописец Крылов. Насчет того, что у сапожника, как правило, дырявая обувь. Вот так и вы, доктора, делаете нам такую замечательную кожу, но на себя посмотреть вам некогда. А вот если бы у вас был... коллега, который мог бы посмотреть на вас со стороны... ну хотя бы раз в месяц. Кстати, есть один молодой человек по фамилии Мякин...

Профессор — намыленный — вылетел в раздевалку.

До конца дня о Вовочке Мякине профессору Карпову сообщили два сотрудника в институте, три пациента на приеме, продавщица в магазине, чистильщик обуви и еще восемь совершенно незнакомых людей.

Поздним вечером, удачно улизнув через забор от поджидавшего его у ворот дворника, профессор ехал в лифте, читая на стене свежевыцарапанную детским почерком надпись: «Карпов+ Мякин = любви!»

Войдя в квартиру, он успел только раздеться и рухнул в постель.

Жена погасила торшер и сказала:

— Знаешь, сегодня на рынке говорили, что есть один очень способный мальчик Вовочка Мякин...

Профессор понял, что это конец, и тихо заплакал в подушку.

Пять лет учебы Вовочки Мякина в медицинском институте пролетели незаметно.

Ранним солнечным утром профессор Карпов вышел из своего дома. У подъезда сметал ночной сор необыкновенный дворник, любивший поговорить с профессором о международном положении.

— Доброе утро, товарищ профессор! — сказал он.

И профессор приготовился к дискуссии об ассамблее ООН. Но дворник продолжал:

— Годы идут, товарищ профессор. Годы идут и даже проходят, не правда ли? И мы потихоньку стареем и начинаем думать о юной смене. Особенно — о смене в нашей великой и самой передовой науке...

Профессор похолодел. Он понял, что Вовочка Мякин собирается поступать в аспирантуру.

1985

ПОЩЕЧИНА

— Ты... ты... просто обманщик и подлец! — крикнула девушка дрожащим от слез голосом.

И влепила парню звонкую пощечину.

Ручка у хрупкой на вид девушки, видимо, была крепкая — этот плечистый тип чуть не упал, резко повернувшись

и двинулся напролом через кусты, так что Клюкин еле успел спрятаться за дерево, чтобы тип на него не налетел.

Клюкину было очень неловко, что он оказался невольным свидетелем этой драматической сцены в уединенной аллее парка. Конечно, теперь ему бы следовало потихоньку ретироваться, но девушка уж очень горько рыдала и даже легонько стучалась головой о спинку скамьи.

Клюкин вообще не мог видеть, когда женщины плачут. Ведь если разобраться, то в девяноста девяти случаях из ста они плачут по вине мужчин. А значит, и по вине его — Клюкина. Вот и сейчас, без вины виноватый, он стоял, мучился и понимал, что не имеет права оставить ее в эту трудную минуту жизни, когда плечи девушки вздрагивали, по щекам струились черные ручьи туши, а кудрявый завиток возле нежного ушка трепыхался на ветру трогательно и незащитно.

Она довольно долго не принимала утешений Клюкина, просила оставить ее в покое, уверяла, что ничем помочь он ей не может, и заявляла, что вообще у нее все в жизни кончено. Клюкин же пламенно убеждал, что все у нее в жизни, наоборот, только начинается, что, может быть, он как раз тот человек, который и может ей помочь, и что он не оставит ее в покое, пока она действительно не успокоится.

И она успокаивалась. Постепенно, но успокаивалась. Подсыхали глаза, розовели щеки, бледнел носик и прояснялась причина ее слез. Оказывается, у нее просто были неприятности по основной работе и неполадки по заочной учебе. Ну что ж, пусть — работа, пусть — учеба. Клюкин, конечно, не стал опровергать такую версию. Это не входило в его планы. А то, что входило, он выполнил: девушка, говоря возвышенно, возвратилась к жизни.

Но все же нет-нет, да и вырывался из ее груди прерывистый вздох. Нет-нет, да и увлажнялись синие глаза. Нет-нет, да и сходились печальным «домиком» ее тоненькие брови. И Клюкин понимал, что оставлять ее одну пока рановато.

Поэтому он угостил ее мороженым. После пломбира с орехами выяснилось, что ее зовут Татьяна Викторовна, а его Николай Сергеевич.

Потом он покатал ее на карусели. После третьего круга она позволила называть себя Таней и сама стала называть его Колей.

Затем он повел ее в кино. После полутора часов перестрелки шпион был пойман, а они с Таней перешли на «ты».

Старания Клюкина явно давали плоды: Таня веселела, хорошела и расцветала буквально на глазах.

Но они еще поплавали на лодке, постреляли в тире, сфотографировались вместе у старичка возле фонтана и взвесились поодиночке у старушки под часами. Таня подарила Клюкину на память их общую фотографию и свою личную квитанцию с указанием ее идеального веса в соответствии с ростом.

На этом день закончился. И начался вечер. Вечер у них прошел тоже содержательно, весело и открыто: коктейль на открытой веранде, мультики в открытом кинотеатре, танцы на открытой танцплощадке.

Клюкин был явно в ударе, так что Таня позабыла обо всех своих неприятностях, и по работе, и по учебе.

Во всяком случае, когда они прощались у ее дома, она ему так и сказала. И добавила, что они восхитительно провели вечер. И спросила, когда они проведут его так снова.

Клюкин не мог ей ответить ничего определенного. Честно говоря, ему казалось, что он сделал все, что должен был сделать интеллигентный человек при виде плачущей девушки. А теперь эта девушка уже не плакала и даже, наоборот, очень хорошо улыбалась. Поэтому на ее вопрос: «Когда снова?», он ответил туманно, что «как-нибудь при случае». И даже пошутил, что лучше бы аналогичный случай больше не представился.

Естественно, Клюкин только имел в виду, чтобы ей больше не представился случай плакать. Но Таня почему-то скисла. Он опять забеспокоился, не обидел ли ее чем-нибудь. Таня вздохнула и сказала, что нет, ничем не обидел и что она все поняла: просто он женат. Почему ей это взбрело в голову, не известно. Но Клюкин отмел эту странную догадку и заверил, что не женат и никогда еще женат не был.

Тогда она чрезвычайно удивилась. И спросила, зачем же он, собственно, целый вечер морочил ей голову.

Клюкин начал объяснять, что голову он не морочил, что просто увидел плачущую девушку и хотел ей помочь, как человек человеку. Но дальше слушать Таня не стала.

— Ты... ты... просто обманщик и подлец! — крикнула она дрожащим от слез голосом.

И вlepила Клюкину звонкую пощечину.

1979

ФОКУСЫ ТЮРИНА

— *С*онравились мне твои фокусы, Тюрин! — сказал после вечера самодеятельности заведующий лабораторией Василий Петрович. — Очень понравились! И всем нашим сотрудникам тоже.

— Стараемся, Василий Петрович, — скромно расцвел лаборант Тюрин.

— Хорошо стараешься. Здорово у тебя выходит: и платочки эти — откуда ты их только вытаскиваешь! — и шампанское с пузырьками даже — а бутылка-то пустая! — и главное, курица эта рыжая — черт ее знает, где она у тебя в шляпе сидела!

— Ловкость рук и никакого мошенства, — довольно улыбнулся Тюрин.

— Не понял...

— Ну это так про фокусников говорят: ловкость рук и никакого мошенства. Грамотнее надо бы сказать — никакого «мошенничества», но «мошенства» — вроде как-то складнее получается.

— А-а... Ну не в словах дело. Главное, что все по-честному: шампанское — так шампанское, курица — так уж не петух. Удивительное все-таки дело, где же она в этой шляпе помещалась!

— А она не в шляпе. Там под шляпой в столе потайной ящичек. В шляпе бы ей не поместиться, это понятно.

Василий Петрович задумался. Потом сказал:

— Мне-то, конечно, понятно. А другим товарищам?

— Что... другим? — удивился Тюрин.

— Другим может быть непонятно. Товарищи считают, что курица — в шляпе, а она — в ящике. Нехорошо. Получается это самое мошенство, которое мошенничество.

— Что вы, это же просто ловкость рук...

— При чем тут ловкость? — перебил Василий Петро-

вич. — Это, знаешь, Тюрин, совсем другим пахнет. Я полагаю: если курица — в ящике, надо так и сказать — в ящике.

Теперь задумался Тюрин.

— Что-то я ничего не понимаю.

— Вижу, что не понимаешь, Тюрин. Вижу.

— Нет, но как же получается... Значит, надо рассказать, что и платочки я не из уха достаю, а из-за шивороты?

— Если оттуда — надо!

— И что шампанское льется, потому что бутылка с двойным дном?

— Иди ты! — изумился Василий Петрович. — Правда?

— Правда.

— Обязательно Расскажи. И покажи.

— Тогда, может, и рассказать, что это вовсе не шампанское, а лимонад?

— Ну? — посуровел Василий Петрович. — Огорчил ты меня, Тюрин, просто по-человечески огорчил! И думаю, коллективу это тоже не понравится.

Тюрин рванул на груди лаборантский халат.

— Но ведь это же фокусы! Понимаете, фо-ку-сы!

— Вижу, что фокусы. Понимаю. И скажу откровенно: не нравятся мне твои фокусы, Тюрин!

— Василий Петрович, — взмолился Тюрин, — но нельзя же раскрывать профессиональные секреты.

— Секреты? — прищурился Василий Петрович. — Интересно... А что было бы с нашей лабораторией, если бы я не передавал вам все свои знания, опыт, можно сказать, сокровенные тайны науки? Что было бы, а?

— Плохо было бы! — горячо заверил Тюрин. — Просто-таки ужасно!

— Согласен, — несколько оттаял Василий Петрович. — А теперь возьмем наших товарищей. Кто тебе — молодому, необученному — помогал в работе на первых порах? Зяблов, Кавтарадзе, Самарский... Про Лучинкина я уже не говорю!

— Да, я им очень благодарен.

— Хороша благодарность! Что ж они теперь скажут — Зяблов, Кавтарадзе, Самарский, про Лучинкина я уже не говорю! — если узнают, что у тебя от них секреты?

— Это не от них! — ударил себя в грудь Тюрин. — Это секреты иллюзии. Чтоб интересней было.

Василий Петрович похлопал ладонью по столу, давая понять, что разговор затянулся.

— В общем, так, Тюрин. Иллюзия — иллюзией, а люди — людьми. И людям как раз интересно без всяких иллюзий, чтобы ясно, понятно и общедоступно. Так что делай выводы, Тюрин.

Тюрин попытался было еще что-то сказать, но Василий Петрович остановил его новым хлопком ладони по столу.

— Нет, я тебе, Тюрин, ничего не навязываю. Я тебе просто излагаю. А ты себе просто делай выводы.

На очередном вечере самодеятельности Тюрин опять показывал фокусы.

Перед началом выступления он заверил собравшихся, что все, что он сейчас продемонстрирует, не является мистикой, а есть абсолютно реальное и материальное явление, без всяких секретов и тайн. И вообще, во всех этих фокусах нет никаких фокусов. Шарики, которые он сейчас достанет якобы из носа, на самом деле спрятаны у него вот здесь — в рукаве. Целенькая афиша, которой он сейчас заменит афишу изорванную, находится у него вот тут — в заднем кармане брюк. А насчет белого кролика, которого он на глазах изумленной публики извлечет из шляпы, так дело вовсе не в шляпе, а вот в этом потайном ящичке стола.

Потом Тюрин блестяще продемонстрировал все названные фокусы.

Зрители скучали. И Зяблов, и Кавтарадзе, и Самарский, про Лучинкина мы уже не говорим.

Зато Василий Петрович после концерта тепло обнял его и улыбнулся.

— Понравились мне твои фокусы, Тюрин. Как говорится, все при тебе: и ловкость рук, и — никакого мошенства!

1982

НОВЫЙ ГОД ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Григорий Дудин никогда не бывал в Италии. Как-то все было не до этого. Работа, семья... Семья, работа... Не бывал Григорий Дудин и в других, как загнивающих, так и

развивающихся, зарубежных странах. И ни об одной из них он совершенно не жалел. Но вот Италия... Ах, Италия!

У Григория Дудина была какая-то невероятная тяга к этой солнечной, далекой, но необъяснимо близкой ему стране. За неимением времени лично посетить Италию Григорий Дудин неоднократно прогуливался по ней с помощью газет и журналов, а также посредством произведений классической литературы и телевизионного клуба путешественников.

Не раз уже он ловил себя на том, что при встречах произносит «чао», при расставаниях — «ариведерчи», а при сильном волнении — «мама миа», что несомненно свидетельствовало о постепенном стирании граней между Григорием Дудиным и простым итальянским народом.

Вновь и вновь Григорий Дудин мысленно переносился туда — в район Форума и Колизея, а затем так же мысленно возвращался обратно — в район Бирюлево, сохраняя в душе и в памяти итальянские пейзажи, итальянские песни, итальянские нравы и обычаи.

Вот и сейчас, накануне Нового года, Григорий Дудин сидел в своем кресле у стены — под эстампом «Весна», между телевизором «Сони» и музыкальным центром «Самсунг» — и задумчиво вспоминал, что в столь далекой, но близкой ему Италии существует давний обычай: встречая Новый год, расставаясь с прошлым, выбрасывать из окон на улицу старые ненужные вещи.

— Темпераментный все-таки народ итальянцы, — думал он. — Как вещами разбрасываются... Ах, Италия!

Григорий Дудин подумал еще немного и оживился.

— Чао! — приветствовал он рождение славной мысли. — А может, шурануть чего-нибудь с третьего этажа?

В его глазах появился жаркий неаполитанский блеск.

— А что? Чем мы хуже? Мебели у нас, что ли, не хватает!

На секунду его несколько смутила возможность недопонимания со стороны прохожих и милиции самого факта переброса итальянского обычая на русский тротуар. Но он себя успокоил:

— Не рояль же я стану выбрасывать! Выберу чего полегче.

К неаполитанскому блеску в глазах добавилась сицилийская отчаянность.

Он решительным взглядом обвел комнату: гарнитур «Марина», люстра «Каскад», сервиз «Мадонна», пепельница «Чинзано», зеркало в раме «Амбир», а в зеркале — он сам в кресле у стены, под эстампом «Весна», между телевизором «Сони» и музыкальным центром «Самсунг».

Ненужных вещей не было.

— Мама миа! — расстроился Григорий Дудин. — Из собственного дома ничего не могу выбросить. Ну, допустим, не мебель, ну хоть, допустим, ну, допустим...

Он бормотал это, обводя уже гораздо менее решительным взглядом массивную пепельницу «Чинзано», в которую ему никогда не разрешалось стряхивать пепел, хрустальную люстру «Каскад», у которой ему никогда не разрешалось включать все лампочки, расписные тарелки сервиза «Мадонна», на которые ему никогда не разрешалось класть еду.

Выбросить пепельницу? Расстроить жену.

Выбросить люстру? Расстроить тещу.

Выбросить тарелку? Расстроить сервиз.

Ненужных вещей не было.

Хотя, впрочем... Да, впрочем... Григорий Дудин вдруг пришел к мысли спокойной и ясной: есть в доме одна совершенно ненужная вещь. И ее вполне можно выбросить.

Он подошел к окну, рванул раму, пробормотал прощальное «ариведерчи» и шагнул с подоконника в пустоту.

Ах, Италия!

Вскоре после этого шага Григория Дудина возвратилась из парикмахерской его супруга Анна.

Привычным хозяйским глазом она обвела комнату: гарнитур «Марина», люстра «Каскад», сервиз «Мадонна», пепельница «Чинзано», зеркало в раме «Амбир», а в зеркале — кресло у стены под эстампом «Весна», между телевизором «Сони» и музыкальным центром «Самсунг».

Все вещи были на своих местах. Но Анна Дудина ощущала смутное беспокойство. Какой-то вещи все же не хватало.

Она подошла к открытому окну и глянула вниз. Из огромного сугроба торчали две ноги в туфлях «Саламандра». Анна огорчилась: эти ноги в этих туфлях «Саламандра» должны были вовсе не торчать из сугроба, а находиться в комнате на ковре типа «палас».

Супруга Анна вздохнула и пошла доставать из сугроба мужа.

Вскоре промерзший, но практически невредимый Григорий Дудин сидел на своем месте — в кресле у стены под эстампом «Весна», между телевизором «Сони» и музыкальным центром «Самсунг» — и согревался чайком. Супруга подливала ему горяченького и приговаривала:

— Ну его, обычай этот итальянский. Придумают тоже: вещи из окон кидать. Хулиганство какое-то, а не обычай!

И она поставила фарфоровый чайничек «Мейсен» на керамическую подставочку «Роджерс».

Теперь все вещи в доме были снова на своих местах.

Ах, Италия...

1976

ТОРТ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Утренний поток прохожих бурлил по улицам, изгибаясь на поворотах, пропуская машины и снова устремляясь вперед мимо теперь уже нетерпеливо подрагивающих машин.

Этот мощный поток нес на своих волнах, как щепочку, Козина — маленького, лысеющего, сорока с лишним лет. Козин не желал быть щепочкой, он пытался обежать идущих впереди, обойти их на поворотах, но это ему не удалось. Мощные фигуры вырастали на его пути, широкие спины смыкались, закрывая даже самые узенькие просветы, в которые он старался проскользнуть.

Наконец Козин ухватился за ручку какой-то двери, как за спасательный круг, и благодаря ему вынырнул из потока. Дверь с ручкой вела в большой гастроном. Козин пробежал торговый зал, лавируя между покупателями, и очутился у застекленной кабины с надписью «ЗАКАЗ ПОДАРКОВ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ».

У кабины, прикрыв грудью амбразуру-окошечко и широко расставив локти на подоконнике, здоровенный мужчина с двойным затылком заполнял бланк заказа. Козин по-птичьи попрыгал вокруг здоровяка, пытаясь пробиться к окошечку. Но тот был неприступен, как на Волге утес. Тогда Козин исхитрился — просунул руку под отставлен-

ный локоть здоровяка и на ощупь выхватил бланк заказа. В бланке было написано: «Требующееся для доставки подчеркнуть: коньяк, шампанское, торт (указать надпись на торте)».

Козин заерзал авторучкой от товаров к ценам и обратно. На несколько секунд авторучка приостановилась в районе «коньяка», но решительно свернула и подчеркнула «шампанское». Затем Козин так же решительно подчеркнул «торт» и задумался над «надписью».

Ничего не придумав, он робко заглянул через локоть здоровяка в его бланк. Здоровяк выводил такую надпись: «Глубокоуважаемому директору товарищу Грушанскому по случаю десятой годовщины со дня его вступления...» Козин перестал читать и быстро написал на своем бланке: «С днем рождения, Борис Борисович». Хотел уже передать бланк женщине в окошке, но дернул его обратно и добавил к надписи восклицательный знак.

И снова людской поток понес Козина по улицам, и снова он пытался вырваться вперед, чтоб сэкономить секунды, но снова все было безуспешно — его влекла неведомая сила. И в троллейбусе он ничего не мог поделать с навалившейся на него мощной фигурой, так что нос Козина был расплюсчен о стекло задней площадки. И в трамвае его рука, зажата пневматической дверью, торчала снаружи, будто предупреждая о повороте направо, причем трамвай направо и свернул.

Только на тихой немногочленной улочке Козин, наконец, получил желаемую свободу перемещения во времени и пространстве. Он использовал ее для того, чтобы рысцой пробежать два квартала, распахнуть грудью стеклянную дверь и взлететь на третий этаж.

Здесь его ждал мрачный долговязый мужчина с саквояжем в руке и револьвером на боку. Козин, глядя на него снизу вверх, и рад был бы объясниться, извиниться, но так запыхался от бега, что только виновато развел руками и засеменил в конец коридора. Мужчина с револьвером, как статуя командора, молча последовал за ним.

Козин, долго не попадая дрожащей рукой, открыл два замка и очутился в тесной фанерной клетушке. «Командор» даже не попытался туда войти — все равно бы он здесь не поместился. Стоя у порога, он раскрыл саквояж и вывалил на стол плотные пачки денег. Козин привычным

Как молоды мы были...

Мои прадедушка и прабабушка с чадами и
домочадцами, г. Умань, конец XIX века

Бабушка и дедушка — по линии мамы

Дедушка и бабушка — по линии папы
Вокруг них — моя мама, дяди, тети и четыре двоюродных
брата (я — в галстукe)

Мама и папа — еще до меня

Мама и папа — уже со мной

Мой послевоенный класс

Начинающий бабник

Пою на колхозных полях, лишь бы на них не работать

На страже Родины

Роли в студенческом театре :
Дзержинский, Мефистофель, стражник в
пьесе А.Миллера «Салемские колдуньи»

движением сгрел деньги в ящик стола, расписался в бумажке и вручил ее «Командору».

Мрачный инкассатор величественно удалился, а Козин закрыл дверь и открыл окошко кассы.

Это окошко было единственным окном в большой мир у кассира Козина на ближайшие восемь часов рабочего дня. А руки — чужие и его собственные — были единственной осязаемой связью с этим большим миром. Руки, протягивающие документы, руки, расписывающиеся в ведомости, руки, отсчитывающие деньги, руки перебирающие кнопки калькулятора...

Правда, был и перерыв — обеденный. Но и тогда Козин не покидал кассу. Он разворачивал принесенный из дому газетный сверток с бутербродами, аккуратно прилепливал к маслу отвалившиеся кружочки колбасы, опускал в баночку из-под майонеза три кусочка сахара и пакетик чая, придерживая его за ниточку, заливал кипятком и не спеша ел бутерброды, запивая их крепким и очень сладким чаем. Обедал.

А потом опять были руки — считающие, расписывающиеся, перебирающие кнопки, вспарывающие пачки купюр... И наконец, последнее движение руки, захлопывающей окошко кассы.

Домой с работы Козин обычно брел неторопливо, не пользовался транспортом. Но сегодня он и домой спешил так же, как на работу. Бежал по улицам, пытаясь обогнать прохожих. Ехал в трамвае, где его болтало на поворотах, и он с тоской поглядывал на поручень, до которого не мог дотянуться. А в троллейбусе, наоборот, был так зажат с двух сторон баскетбольного роста ребятами, что никакие резкие торможения для трамбовки, предпринимаемые водителем, были ему не страшны.

Дома он принялся сразу за множество дел: включил электроутюг, влетел в ванную, вылетел со взъерошенными мокрыми волосами, погладил сорочку и брюки, снова влетел в ванную и побрился, выскочил на лестничную площадку и почистил туфли... А когда — в отутюженном костюме и белоснежной сорочке — он у зеркала повязывал галстук, раздался звонок.

Козин вздрогнул, затянул узел галстука, чуть не придушив себя, и побежал открывать. На пороге стоял человек в фуражке с эмблемой фирмы добрых услуг. Такой же

маленький, тех же лет, что и Козин, с таким же усталым грустноватым лицом, выражение которого не могла изменить официально-поздравительная улыбка. В руках он держал шампанское и торт.

— Мне бы Козина... Бориса Борисовича.

— Это я, — сказал Козин.

— Поздравляю. — Человек в фуражке заглянул в накладную и добавил: — С днем рождения.

— Спасибо, — кивнул Козин и скис.

Вот уже много лет в день своего рождения он посылал сам себе торт и шампанское. И уже много лет надеялся, что их доставит ему очаровательная девушка. Такое он видел давным-давно в одном хорошем фильме. Каждый раз целый год Козин готовился к этой встрече и представлял ее себе до мельчайших подробностей.

Девушка будет красивой и застенчивой, как Стефания Сандрелли. Она поздравит его, а он улыбнется ей широкой улыбкой Жана-Поля Бельмондо и скажет: «О, торт! Ну и придумали сослуживцы по работе хохму! Хохма — это такая шутка, понимаете?» И она, глядя на него умными и грустными глазами Гурченко, скажет: «Понимаю». И он с легкостью и обаянием Баталова предложит ей: «Пока гости не подъехали, давайте примем шампанского!» А она сначала испугается смешно, как Ахеджакова: «Что вы, нельзя, я же на работе!» Но потом все-таки выпьет. И ей станет весело от шампанского, и она счастливо рассмеется звонким смехом Клаудии Кардинале в дубляже Наталии Фатеевой. И все! И больше Козину никогда не придется обедать бутербродами. Все, больше никогда, никогда в жизни, ни за что...

— Распишитесь в получении, — сказал человек в фирменной фуражке насморочным голосом Луи де Фюнеса в дубляже Романа Ткачука.

Козин посмотрел на него. Они действительно были очень похожи друг на друга. Маленькие и усталые.

— Еще раз поздравляю, — сказал человек в фуражке и повернул к двери.

— Не надо, не надо, — Козин, побежал за ним и робко схватил за рукав. — Я вас очень прошу, давайте выпьем шампанского!

— Что вы, нельзя, я же на работе, — испугался гость.

Но Козин все тянул его за рукав, приговаривая:

— Я вас очень прошу, очень... Понимаете, сослуживцы по работе... Эту хохму... То есть нет, это я сам, конечно, сам... Ведь нужно, чтобы хоть кто-нибудь... в такой день... вы понимаете?

Гость молча наблюдал, как Козин суетливыми движениями сорвал крышку с торта, соскреб серебристую обертку шампанского, открутил проволочку, и пробка резко выпалила в потолок. Гость вздрогнул.

— Извините! Пожалуйста, извините! — Козин стал разливать шампанское в бокалы. — Понимаете, в такой день... вы понимаете?

— Я понимаю. — Гость наконец снял фирменную фуражку и взял бокал. — Ваше здоровье!

— Не в том дело, — забормотал Козин, — понимаете, дело совсем не в этом...

— Я понимаю, — тихо повторил гость.

Бокалы сошлись над тортом, над бело-розовой надписью кремом «С днем рождения, Борис Борисович!».

Хозяин и гость чуть улыбнулись друг другу и стали пить шампанское — медленно, долго, с наслаждением...

1981

ПАРАД ПЛАНЕТ

Накануне был день как день. И вечер как вечер. У телевизора.

Большой ученый, снисходительно улыбаясь — какие, мол, предрассудки, — заверял широкие массы телезрителей, что так называемый «парад планет», который состоится завтра, — явление вполне научное и абсолютно естественное, а все антинаучные слухи о сверхъестественных изменениях, якобы ожидающихся по случаю парада планет в жизни отдельных граждан или даже всего человечества, — это чистейший вымысел и обывательский бред.

Петр Петрович — мужчина средних лет и среднерукотопяще-подчиненного общественного положения — позировал в кресле перед телевизором, полностью разделяя авторитетный взгляд ученого на природу вещей и явлений.

Вот только Антонина — жена Петра Петровича, подобно всем нашим женам, смутно верила в загадочные силы космоса и позволила себе усомниться в правоте ученого. Однако Петр Петрович быстренько пресек ее мистику, зевнул еще раз-другой и отправился спать. Глубоко убежденный в торжестве света науки над мраком невежества.

А утром Петр Петрович проснулся другим человеком.

Нет, конечно, он не стал прекрасным юношей. И у него, естественно, не выросли золотые ослиные уши. Но в это утро — впервые за много лет — Петр Петрович проснулся в хорошем настроении, с улыбкой на устах. И даже подарил эту улыбку жене Антонине. Чего с ним тоже давненько не случалось.

А еще, едва проснувшись, Петр Петрович с удивлением услышал музыку. Не за окном, не на кухне, а в собственной душе. Он напряженно прислушивался, пытаясь уловить мелодию. То ли это были какие-то современные ритмы, которые крутил до одури его великовозрастный сын — тоже Петр. То ли, наоборот, это был какой-то из классических вальсов, которые Петр Петрович — тогда еще просто Петя — слушал в далекой юности вместе с женой Антониной — тогда еще Тонечкой — в исполнении симфонического оркестра на открытой эстраде в горсаду. То ли это была вообще совсем иная музыка, не слышанная ранее, а рождающаяся именно сейчас и именно в его душе.

На работе в этот день Петр Петрович — тоже впервые за много лет — не юлил перед начальством и не кричал на подчиненных. А всем улыбался и спокойно делал свое дело.

После работы Петр Петрович поехал к маме Татьяне Васильевне, у которой не был уже месяц. И починил водопроводный кран, который обещал ей починить уже год.

А потом он навестил старого друга Илью, которого не видел со студенческих лет. И как нынче говорится, имел с ним беседу. Нелегкую, но облегчившую душу.

А потом он встретился с одной женщиной, Анной, перед которой был давно и крепко виноват. И теперь молил ее о прощении.

Ну и что тут такого необычного, возможно, скажете вы. Все это вполне нормально.

Да?

А то, что в этот день Петр Петрович, уважаемый человек, прогулялся по центральной улице города под дождем босиком!

А то, что он раздавал цветы у выхода из загса всем оформившим законный развод!

А то, что вообще этот день окончился тем, что он привел домой с улицы совершенно незнакомого человека по имени Мухамед Кузьмич и объявил жене Антонине, что этот Мухамед Кузьмич — его друг отныне и навеки и, следовательно, навеки поселится в их доме!

Надо ли говорить, что в этот день Петр Петрович стал предметом многочисленных размышлений и обсуждений, мнений и сомнений целого ряда окружающих его товарищей.

Заволновались друзья: не заболел ли?

Забеспокоилось начальство: не перетрудился ли?

Зашушукались подчиненные: не снимают ли?

И только жена Антонина все объяснила научно ясно и мистически просто: парад планет. И ушла из дому. От греха подальше. К маме.

Ну, и конечно, жена Антонина, как и все наши мудрые жены, оказалась права. На другое утро Петр Петрович проснулся в своем обычном состоянии духа и тела. Только после вчерашнего побаливала голова. Но к этому ему тоже было не привыкать.

А дальше все пошло как надо. Он выпроводил из дому «навечного друга» Мухамеда Кузьмича. Вернул в дом жену Антонину. Отправился на работу, пронюхал и учел настроение начальства, отругал задним числом и впрок подчиненных.

В общем, все вернулось на круги своя — парад планет закончился. День был как день. И вечер как вечер. У телевизора.

Большой ученый успокоительным голосом сообщал, что завтра намечается солнечное затмение, что явление это вполне научное и абсолютно естественное, а все антинаучные слухи о сверхъестественных изменениях, якобы ожидающихся по случаю солнечного затмения в жизни отдельных граждан или даже всего человечества, — это чистейший вымысел и обывательский бред.

Ученый говорил, убеждал, заверял, что завтра все будет так же, как всегда. Спокойно и нормально.

Ученый говорил. А его убаюкивающий голос заглушался пробуждающимися в душе Петра Петровича первыми знакомыми аккордами той самой незнакомой музыки. И скучное лицо Петра Петровича оживлялось, странно расцветало, озарялось таинственным светом загадочной улыбки ожидания...

1986

ГОРЬКО!

С каждым днем мы становимся старше. С каждым годом мы просто стареем. А вот брак — он с каждым годом, с каждым днем, наоборот, молодеет. Да, все более и более молодые, даже уже совсем юные, вступают в законный брак. Позабыв про всякие там «встать на ноги», «стать самостоятельными», «обрести положение»... Об этом твердят ученые и неученые, шумят социологи и психологи, кричат родители и соседи. Они себе твердят, шумят и кричат, а молодые и юные отвечают им просто: «А если это любовь?»

Вот и у Вити с Катей нынче торжественное бракосочетание, веселая свадьба. Конечно, свадьба безалкогольная. Не потому, что отцы — трезвенники, а потому, что дети по возрасту еще не имеют права на крепкие напитки.

Вообще эти возрастные недоразумения начались еще в загсе. Витю и Катю остановили на пороге, сообщив, что дети до шестнадцати в брак не допускаются. Но Витя гордо достал из широких штанин документ о совершеннолети. И регистраторша, всхлипнув, поздравила молодых.

Ну что ж, наши молодые действительно молоды. Но это только внешне. А внутренне они вполне зрелые люди. Катя недавно решительно бросила играть в куклы. И Витя бесповоротно забросил рогатку и фантики. Да, они не только взрослые, но и уже вполне самостоятельные люди: Витя, например, категорически отказался носить вещи своего отца. Они ему малы.

Родители молодых встречают гостей. Оба папы и обе мамы вне себя! От радости. Гости приносят им свои искренние глубокие поздравления.

— Ну как вы? — спрашивают гости у мам.

— Мы счастливы! — хором отвечают мамы.

И тихо плачут.

— А вы как? — интересуются гости у пап.

— Мы в восторге! — отвечают хором папы.

И нервно смеются.

Стол ломится от еды и напитков. Минеральные воды, фруктовые соки, молочные коктейли — для молодых, вальерьянка — для их бабушек.

— Как я рада, — шепчет бабушка Кати, — что наконец-то не я, а Витя станет будить Катеньку на завтрак!

— Как хорошо, — шепчет бабушка Вити, — что теперь уже не я, а Катя будет напоминать Витеньке чистить зубки!

Бабушки полны безутешного счастья.

А пытливые дедушки все донимают молодых вопросами.

— Ну, ребятки, ну, скажите, только честно, вот эта прекрасная мысль пожениться в ваши годы — она что, случайно пришла вам в голову?

— Во-первых, — застенчиво отвечает Витя, — совсем не в голову...

— А во-вторых, — перебивает Катя, — совсем не случайно. Я еще в пятом классе задумалась: а не засиделась ли я в невестах?

Свадьба в самом разгаре. Гости взволнованы. Молодые спокойны. Ведь у них отлично продумана вся дальнейшая совместная жизнь.

Продуман жилищный вопрос: с милым рай и в шалаше. Шалаш отцовский, кооперативный. Надо только переставить мебель и выставить родителей.

Продуман и бюджет молодой семьи. Если к зарплате, которую пока еще не получает Витя, прибавить зарплату, которую когда-нибудь будет получать Катя, то получится кругленькая сумма. Кроме того, Катя очень экономна, знает счет деньгам. И Витя тоже может красиво сказать: «Сдачи не надо!»

Молодой муж умеет и многое делать по дому. Включать и выключать свет. Во всех комнатах. Доставать продукты питания. Из холодильника. Заводить будильник. Смотреть телевизор.

И юная жена неплохо преуспела в домашнем хозяйстве. Она умеет ловко плюнуть на утюг. Если зашипит — значит, нагрелся. Запросто попадает ниткой в иголку.

С третьей попытки. И прекрасно варит макароны. В стиральной машине.

В общем, праздник продолжается. У всех на душе радостный осадок. И как-то все чаще, как-то все искренней звучит всеобщее «Горько!».

А собственно говоря, почему? Ну почему уж так уж горько?

Мы, что ли, всегда имели эти квартиры, эти серванты, эти зарплаты? Мы, что ли, не начинали с общежитий и пирожка на двоих? Мы, что ли, были не такие?

Нет, конечно же, не такие! Мы были постарше, посамостоятельнее. Мы не бросались вот так, с бухты-баряхты, очертя голову. Мы сначала соображали, мы думали

А может... может, зря думали? И совсем не до того додумались?

Может, как раз и надо было, совершенно не раздумывая, жениться на той рыженькой первокурснице — один носик, две косички и только ветер в голове? Может, как раз и надо было вовсе не раздумывать, а идти за того долгоязого парнишку, когда еще ни кола, ни двора?

О-о, нет-нет, все, хватит! Мало ли что когда кому надо было сделать... И вообще, при чем тут мы? Лучше давайте-ка еще раз дружно крикнем молодым... А-а, они уже и сами целуются!

Безо всякого нашего «Горько!» целуются молодые. Молодые-молодые. Совсем юные. Ничего не знают, ничего не умеют, ничего у них нет. Одна эта проклятая любовь!

И они счастливы.

И уже вступают в брак.

И еще не понимают, что от этого могут быть дети...

1985

ЕГО ЗНАЮТ В ЛИЦО

«Встреча с интересным человеком» — любимая рубрика читателей нашей газеты. Вот и сегодня наш корреспондент в гостях у такого человека.

Его знают в лицо. Это лицо, эти имя и фамилия — Ве-

недикт Лаптев — сегодня известны всем. И тем, кто не может жить без кино. И тем, кто терпеть не может телевизор.

Нелегким был непростой путь Венедикта к экрану. Сначала Вене пришлось прожить невыносимо счастливое детство. Потом он впал в отрочество, и лишь затем пришла юность, которая умеет мечтать.

На приемных актерских экзаменах Веня читал монолог Катерины из «Грозы» Островского — «Почему люди не летают?» Вопрос этот остался невыясненным. Но сколько с той поры довелось налетать и наездить юному артисту, молодому творцу, зрелому мастеру кино! От строителей Новых Черемушек до работников коневодства на Центральном ипподроме, от тружеников моря из магазина «Океан» до нефтяников автозаправочных станций по Садовому кольцу.

Его знают в лицо. Анфас и профиль. Как часто эти две стороны одной его медали появлялись на страницах «дел» сыгранных им персонажей — наших бандитов и ихних шпионов. Да, с этого Лаптев начинал. И кто знает, что тому причиной: то ли его босоное детство, то ли голоштанная юность, то ли умение наших режиссеров заглянуть в самую душу артиста.

Впрочем, бандитов и шпионов Лаптев играл только в кино, а на телевидении, наоборот, только милиционеров и разведчиков. Я откровенно спросил у Венедикта: «Чем объяснить такой парадокс?» И он мне так же откровенно ответил: «Понятия не имею!» Но в общем-то силы примерно равны: на счету у милиционеров Лаптевых и у Лаптевых-бандитов одинаковое число задержаний.

А жизнь шла, и вместе с нею пришли новые, хотя и все еще по-прежнему безымянные роли: предместкома, клоун, академик, инкассатор... «В роли инкассатора, — доверчиво улыбается мне артист, — я впервые задумался над тем, что, наверно, пожалуй, не в деньгах счастье. И до сих пор размышляю: а в чем же?»

На смену безымянным персонажам наконец пришли и персонажи с именами. В фильме «Саша» Веня сыграл Митю. А в фильме «Митя» Веня сыграл Сашу. Жизнь наполнилась смыслом. Крупные роли, крупные фильмы, крупные сметы. По сей день после съемок детектива «Пароль — осетр, отзыв — осетрина» идет успешное восстановление рыбного хозяйства на Средней Волге. Об этой

картине Венедикт Петрович вспоминает тепло, но скупое: «Когда мы ели икру ложками...» И умолкает.

Его знают в лицо. Его лицо невозможно забыть! Как бы этого ни хотелось.

Венедикт Петрович принимает нашего корреспондента в своей скромной двухкомнатной квартире с трехкомнатной лоджией. Артист задумчив. Всем нам до боли знакомы его ироничные с лукавинкой губы, его пронизательные с прищуриной глаза, его остроумные с придуринкой речи. В свои тридцать лет он выглядит ничуть не старше сорока, и уж во всяком случае никто ему не даст его пятидесяти.

На стенах квартиры — дипломы, в шкафу — призы. Самый почетный из них с международного фестиваля в Сан-Дебильо. Его вручили Венедикту Лаптеву за лучшую женскую роль. Произошла небольшая путаница: в сандебильском языке нет женского и мужского рода. «А в нашем языке есть! И у нас, как известно, женщины с мужчинами наравне! — остроумно замечает Венедикт Петрович. — Так что я этот приз никому не отдам. Он мне особенно дорог!» Артиста можно понять: устроителям фестиваля действительно пришлось раскошелиться на этот ценный приз — цветную объемную фотографию десяти тысяч фунтов стерлингов.

Разговор заходит о редких минутах свободного времени, о коротких годах отдыха. «Отдыха у меня не бывает, — по-хорошему сокрушается артист. — А если бывает, провожу его в кругу семьи. — Он по-доброму оживает: — Очень люблю сына — от первого брака. И дочь — от второго. Обожаю жену — от третьего».

Венедикт Петрович — романтическая натура. Он может часами любоваться игрой дождя, днями слушать шепот листвы, сутками следить полет облаков... Лишь бы не работать.

А работать с Лаптевым нелегко. Он принципиален и требователен. Он требует того, что выше человеческих сил: вовремя приходить на съемку, не забывать дома кинокамеру, не пить на площадке с утра.

Но, несмотря на все трудности, жизнь и работа продолжают. Новые фильмы, новые роли. Возможно, даже совершенно новая жизненная роль, мечту о которой лелеет Лаптев: стать кинорежиссером. И правильно. Потому

что, как известно, режиссером может быть всякий, кто не доказал обратного. А Венедикт еще докажет!

Да, его знают в лицо. Как часто, выходя с киностудии, Лаптев слышит за спиной восторженный шепот: «Смотрите, смотрите! Янковский идет!»

Ему звонят поклонники. Ему пишут поклонницы. Предлагают руку и сердце. Берут автографы. Дают взаймы.

Но все это — маленькие праздники. А завтра вновь — трудовые будни. Снова истощный крик режиссера: «Мотор!» — и пошел...

Счастливого вам пути! Интересного нам кина!

1983

ВСАДНИКОВ БЕЗ ГОЛОВЫ

Проснувшись утром в понедельник, Степан Сергеевич Всадников обнаружил, что у него нет головы.

Точнее, проснувшись, он еще ничего не обнаружил. Он потянулся, спрыгнул с кровати, пошлепал в ванную, взял зубную щетку, выдавил пасту, оскалил для чистки зубы... и замер.

В зеркале не отразилось ничего. Вернее, отразилась только его рука с зубной щеткой. Но ни оскаленных зубов, ни вообще рта, ни глаз, ни носа, ни головы в целом!

Однако, несмотря на отсутствие головы, все, чему положено быть на этом важнейшем органе тела, функционировало нормально. Всадников все видел, все слышал, все соображал... Только решительно ничего не понимал.

— Стёп, яичница стынет! — позвала из кухни жена.

— Я... да-да... М-м... Сейчас, — невнятно забубнил он.

— Привет! — в ванную влетела дочь, студентка Ольга.

Всадников закрылся полотенцем. Но дочь на него и не смотрела, бросилась к крану — промыть глаза от туши.

Всадников выскользнул из ванной. И в прихожей наткнулся на сына Сережку со школьным ранцем за спиной.

— Пап! Дай денежек, Колька восемь кораблей в автомате подбил, а я заспорил, что десять выбью!

Всадников полез в карман пальто на вешалке, пряча от сына лицо... или что там у него теперь было вместо ли-

ца. Но сын следил только за отцовской рукой, копавшейся в кармане.

— Спасибо, пап! — Получив деньги, он выскочил за дверь.

Следом за ним вылетела Ольга, опаздывавшая в институт.

И ошеломленный Всадников остался в прихожей один.

— Стёп! — Голос жены стал раздраженным. — Ну скоро ты?

Степан Сергеевич на ватных ногах приблизился к кухне, но в последний момент сдрейфил, схватил с тумбочки газету и сел за стол, прикрывшись газетным листом.

Татьяна Павловна шлепнула перед ним на тарелку яичницу и уселась напротив с чашкой кофе. Всадников напряженно ждал. Заметит? Не заметит? Не может быть!

И вдруг понял: может. Ведь они уже много лет завтракают вот так, друг против друга, жена со своим кофе, он со своей газетой — как же ей увидеть его лицо?

— Все, побежала! — вскочила жена.

И чмокнула мужа в щеку. Ну, не совсем в щеку, а привычно клюнула воздух где-то возле его щеки. И умчалась на работу.

Степан Сергеевич пораженно застыл: родная жена не заметила, что у мужа нет головы! Что же теперь делать ему? Тоже идти на работу? Но какая уж тут работа? Сейчас бы, скорее, на бюллетень... Ну, конечно! Как это сразу не пришло ему в голову... или во что там теперь?

В очереди поликлиники все обошлось спокойно. Что им до головы Всадникова, когда у самих болела голова, или руки-ноги, или ухо-горло-нос.

Врач за столом заполнял историю болезни предыдущего пациента.

— Раздевайтесь! — Он не поднял головы от бумаг.

Врач не был ни груб, ни равнодушен. Он был затуркан.

Степан Сергеевич покорно стянул сорочку. Врач прильнул стетоскопом к груди Всадникова.

— Так... Чудненько... Чудненько... А вот это совсем не чудненько... Много курите?

Всадников кивнул. Хотя непонятно — чем. Впрочем, врач и без его кивка установил, что пациент курит много.

— А надо бы поменьше! Зато двигаться — побольше! В основном же у вас особых отклонений нет.

Всадников возмутился. Потом ему стало даже обидно: как это — нет отклонений?!

— А... — начал было он.

Но врач уже протягивал ему рецепт:

— Попросите, пожалуйста, следующего.

Так. Бюллетеня нет. Значит, надо идти на работу. И Всадников пошел.

Он шел и думал. Хотя головы по-прежнему не было. Как он мог ее потерять? Да-да, отчего люди теряют голову? Можно, скажем, потерять голову от счастья. Но никакого особого счастья в его жизни, кажется, не наблюдалось. Еще можно потерять голову от горя. Но и никакого горя, к счастью, тоже не было.

Конечно, были другие варианты. Он чуть-чуть не потерял голову от ослепительной Инессы из планового отдела. Да, чуть-чуть, но ведь не потерял.

Еще друг Зубов потащил его на бега. Там запросто можно было потерять голову в азарте. Но опять же не потерял, не такой уж он игрок.

Еще... Еще была комиссия из главка. Кое-кто потерял голову от страха. А он — ничего, отчитался, все в ажуре.

Но теперь вот ни с того ни с сего голова пропала. Целая голова! Не ухо, не глаз, не нос... Он, конечно, помнил гоголевскую историю про нос майора Ковалева, разгуливавший отдельно от владельца. Так, может, и его голова бродит сама по себе?!

Степан Сергеевич пугливо огляделся. Да нет, ерунда, чертовщина какая-то! Вокруг не видно никакой головы. То есть голов-то полно, но все они были там, где им положено быть. На плечах. У других людей. Один только Всадников шел на работу без головы.

В гардеробе он бросил пальто на стойку и бочком прошмыгнул к лифту. Но его остановил изумленный крик гардеробщицы.

— Батюшки, что это с вами!

«Заметила», — тоскливо подумал Всадников и, не оборачиваясь, спросил по возможности официально:

— В чем дело?

— Это я интересуюсь, в чем дело? Шляпу-то сдайте!

Всадников с облегчением бросил шляпу рядом с пальто. И поспешил к лифту.

Здесь его ждало новое испытание: секретарша Раечка. Лицом к лицу. Если сейчас это можно было сказать о Всадникове. Правда, Раечка была занята разглядыванием собственного лица в зеркале лифта.

— Здравсьте! Что это вы опаздываете?

— У врача... задержался, — промямлил он.

— А что с вами? — Раечка скользнула по нему глазками. — Выглядите вы прекрасно!

От такого комплимента Всадников оцепенел.

— Степан Сергеевич! — Глаза Раечки вдруг округлились.

— Ч-что? — Он уже заикался.

— Ну кто так старомодно завязывает галстук! Вы же еще молодой мужчина!

Раечка выпорхнула из лифта. Всадников утер галстуком взмокший — хотя и невидимый — лоб. И поехал дальше.

А дальше все пошло гладко. В большом отделе бездельники были заняты своим бездельем, труженики вовсю трудились, и на его появление никто особого внимания не обратил.

Он говорил по телефону, и на другом конце провода не было видно, есть у него голова или нет.

Он подписывал бумаги, и тот, кто ждал подписи, следил не за его головой, а за его авторучкой.

Он разбирался с коллегами в чертежах, и опять-таки никому не было дела до его головы — все смотрели в чертежи.

Лишь еще раз Всадникову пришлось переволноваться — на совещании у директора. Но у директора были свои проблемы, он переговаривался по селектору, следил за экраном дисплея, делал кому-то втык по одному телефону, и сам получал втык по другому.

Правда, был один критический момент. Всадников, находясь в страшном напряжении, ляпнул что-то невпопад.

— У вас есть голова на плечах?! — вскипел директор.

Обезумевший от ужаса Всадников чуть было не брякнул: «Нету!» Но последним усилием воли сдержался, сообщив, что вопрос директора был чисто риторический.

А к концу дня Всадников осмелел настолько, что когда фотограф снимал коллектив отдела к юбилею их конторы, Степан Сергеевич, не дрогнув, зафиксировался в общих рядах.

И только по дороге домой его вновь одолели страхи и сомнения. Ну ладно, утром, в суматохе, семья ничего не заметила, но что будет теперь?

Однако ему положительно везло. Если, конечно, все это считать везеньем! Дома были гости. Чета Сапожниковых вернулась из солнечной Италии. И Татьяна Павловна, Ольга и Сережка разглядывали не своего мужа и отца, а Сапожниковых — как отлично выглядят, да какие на них обновы.

Дальше — еще легче: погасили свет. Стали показывать слайды: замечательные красоты Италии на фоне Сапожниковых.

Потом гостей проводили. Потом благополучно улеглись спать.

А утром Всадников проснулся и...

И вы, конечно, ждете, что Всадников проснулся, а все происшедшее с ним оказалось сном. Дурным сном!

Но нет. Он действительно проснулся, однако ничего не изменилось — головы на его плечах нет, как и не было. И так он в дальнейшем и жил. И прожил долго и счастливо. Без головы.

Более того, в нравоучительных беседах со своими детьми он с каким-то особым удовольствием употреблял пословицы вроде «одна голова — хорошо, а две — лучше», «с дурною головою ногам нет покоя» и даже такую в его положении рискованную, как «снявши голову, по волосам не плачут».

Что же касается волос, то Всадников очень рано облысел. И это тоже оказалось удачей. Ведь единственный, кто волей-неволей обнаружил бы отсутствие у Всадникова головы, это парикмахер.

А если Всадников по чему и плакал, то не по волосам, а по усам. Дело в том, что перед исчезновением головы он как раз собирался отрастить усы. Но вот не успел. А теперь не знал: вдруг голову по-прежнему не будет видно, а выросшие усы окажутся на виду?

И всю свою дальнейшую, долгую и счастливую, безго-

ловую жизнь Всадников мучился лишь одним этим вопросом. Потому что, согласитесь, голова без усов это еще куда не шло, но усы без головы это уже какая-то мистика!

1985

ЖРИЦА ЛЮБВИ

МАМОЧКА ВЫШЛИ ТЕЛЕГРАФОМ ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ

Этот текст телеграммы в маленький уральский городок сложился у Кати сам собою, когда на исходе отдыха в небольшом приморском городке она обнаружила, что бестолково растрывькала почти всю свою наличность буквально по мелочам: кофеек по-турецки на набережной, кукуруза по дороге на пляж...

Да, текст сложился, но посылать телеграмму не хотелось. Маме-пенсионерке и самой надо было у кого-то занимать. А потом аж до следующего отпуска придется выслушивать мамины нотации, как следует жить на Катину зарплату. Нет, телеграфировать не хотелось, но очень хотелось кушать. Так что телеграмма была неизбежна, если бы... Если бы Кате случайно не попалась эта газета.

Печатный орган с присущими нашим дням гласностью и беспардонностью рассказывал о труженицах древнейшей профессии в городе-курорте Сочи. Катя была потрясена. Как?! За такие суммы?! Она на своей фабрике чулочно-носочных изделий получала за месяц дневного труда меньше, чем они за час труда ночного! Да и велик ли труд?

И Катя задумалась. А что?.. А может?.. А почему бы?.. Нет, не вообще, конечно, не как постоянная работа, но только раз, всего один разочек...

Решение зрело мучительно, но созревало быстро. Во-первых, стимулировало то, что газета писала хоть и строго-осуждающе, но и красиво-завлекающе: «жрицы любви», «ночные охотницы», «путань»... В конце, правда, припечатали уже и нашим словом, но все равно иноземного происхождения, а до исконно русского краткого и ясного словечка все же не дошли. А во-вторых, газета ис-

кренне сокрушалась, что на это безобразие толкового закона пока не имеется, а если и прибирают этих «жриц», так лишь за скандалы с иностранными клиентами. Ну так этот маленький приморский городок — не Сочи, иностранные тут — разве что грузины.

Так что все выходило складно: по закону не привлекут, на далеком Урале никто ничего не узнает, а главное, мамы нудные нотации слушать не придется, потому что денег у нее просить не надо. Наоборот, может, еще и маме на сувенир останется.

На миг еще промелькнуло сомнение: а каков, откровенно говоря, товар? Покупатели-то найдутся? Катя придирчиво оглядела себя в зеркале и решила по-честному: может, и не путана какая-нибудь, но для отечественного клиента вполне сойдет. Тем более что двое на пляже и так уж вились вокруг нее. Белобрысый, никак не загорающий, а только алыми пятнами идущий, здоровяк-монтажник из Тамбова и солидный, уже с залысинами, но еще не лысый, штурман полярной авиации. Правда, Катя на их старания — ноль внимания. Потому что легкомысленные курортные романы не уважала и, несмотря на близкое тридцатилетие, все еще верила в настоящую и светлую любовь, венчающуюся законным браком.

Последней в утомленном мозгу засыпающей под утро Кати почему-то возникла мысль о Катюше Масловой. Случайное сходство имен — а теперь уж, наверно, и судеб — с прекрасной толстовской героиней как-то окончательно утвердило Катю в ее решении. И она безмятежно уснула.

Утром, проснувшись, вспомнила, ужаснулась, но решила: а чего терять? И верно, терять-то ей уже было нечего...

Белобрысый монтажник, как обычно, приветствовал Катю своей любимой шуткой:

— На базаре вздорждали груши — выходила на берег Катюша!

— Хэлло... мальчик! — бросила Катя севшим от волнения голосом.

— Чего? — сразу насторожился монтажник.

— Хэлло, говорю! — Катя неумело качнула бедрами.

— А-а, привет...

— Ну, чего пятишься, мальчик? — Это словечко пока-

залось Кате весьма профессиональным. — Я ж, мальчик, вроде тебе нравлюсь?

— Вы? А-а, да-да, конечно...

— Так я согласна, мальчик!

— Да? Очень приятно...

Богатырь-монтажник затравленно озирался, словно ожидая мордобоя и прикидывая, на чью помощь он может рассчитывать.

Катя для убедительности скинула бретельку с острого плечика.

— Может, тебе и приятно, мальчик, но мое согласие дорого стоит.

— Сколько? — выпалил тамбовец и сам испугался. — Ох, виноват, я что-то не того...

— Того, того! — заверила Катя и, набрав полные легкие воздуха, как перед глубоким нырком, бухнула: — Сто долларов это стоит, вот сколько!

То ли сумма привела его в чувство, то ли он наконец собрал все свое мужество, которое являл на монтажной высоте, но так или иначе тамбовец резко перешел на «ты»:

— Ну ты! Очумела? А ну вали отсюда, вали!

И сам быстренько отвалил в сторону моря.

Лысеющего штурмана полярной авиации, казалось бы, сумма не должна была слишком смущать. Однако он долго жевал губами, что-то прикидывал в уме, а потом обратился к Кате не слишком этой ситуации соответственно:

— Дочка... Понимаешь... Вообще-то ничего, недорого. Если б только я в отпуске был — с отпускными. А я ж, если честно, тут нахожусь в командировке, и командировочные, сама понимаешь, какие...

Катя, не дослушав, ушла на пирс. Поклонники, на которых она рассчитывала, были исчерпаны.

Но, видно, твердое решение стать «жрицей» и серьезный настрой «охотницы» начали действовать, и зверь сам побежал на ловца.

Первых двоих Катя решительно отвергла: юношу бледного со взором горящим (малец, сам еще на сигареты стреляет) и рыжего широколицего толстяка (жлоб, сразу видно, за копейку удавится). А откликнулась Катя на притязания мужчины средних лет, вполне симпатичного, хотя и чуть лопоухого. В ответ на ее деловое предложение он просто выдвинул предложение встречное:

— Сто — круто. Пятьдесят.

Катя отошла с видом оскорбленного девичьего достоинства.

— Пятьдесят пять! — крикнул он ей вдогонку.

Она даже не обернулась.

Еще три попытки закончились неудачно: один — удивился, другой — возмутился, третий — вообще не понял.

С четвертым дело пошло на лад. Они уже оговаривали место встречи, время свидания... Но тут невеста откуда опять возник лопухий и предложил:

— Шестьдесят!

Клиент, конечно, сразу испарился. А лопухому было сказано несколько теплых слов, которые он принял безропотно. И лишь с надеждой бросил ей вслед:

— Шестьдесят пять!

Катя решила, что надо сменить пляж, и поехала автобусом через весь городок на мыс, где снимали дачи столичные писатели и прочие мастера искусств — люди, по слухам, денежные и обладающие прогрессивными взглядами на вопросы любви вообще и жриц любви, в частности.

Действительно, не прошло и часа, как ей попался писатель. Настоящий — в кожаных шортах, мексиканском сомбреро, с бородой и трубкой в зубах. Он называл Катю «мадемуазель», угощал мороженым и вообще был жутко галантен. Когда же, осмелев, он дал немного воли рукам, называя ее при этом «неповторимой и бесценной», Катя, не отвергая рук, но скромно потупившись, назвала цену.

Писатель всплеснул белыми нетрудовыми ладошками — но не от цены, нет, не от цены — а от, как он выразился, «бездны морального падения». И не от возмущения этой бездной, вовсе нет, а от, как он выразился, «глубочайшего сострадания заблудшей душе». Писатель заявил, что, естественно, он Кате даст — но не деньги, нет, не деньги, а несколько гуманных книг и среди них свою, которые помогут ей встать на путь, как он выразился, «светлого нравственного возрождения». Он поклялся, что и сам посвятит ее возрождению все свои силы и время. Во всяком случае — время своего отдыха. А если понадобится, он даже, возможно, женится на ней. После того, естественно, как разведется.

Писатель говорил столь вдохновенно, что Кате стало бесконечно жаль себя, своей чуть было не загубленной жизни, и когда он ушел за спасительными книгами, она сбежала.

На закате дня у нее все же завязался флирт с местным иностранцем — грузином. А может, представителем иного закавказского края. Самое поразительное, что уже через пять минут флирта он спросил сам:

— Сколько стоишь?

Катя по природному женскому инстинкту чуть было не дала ему в морду. Но вовремя вспомнила, что сегодня у нее другая роль. И ответила — сколько.

— Уже нэт, — скорбно вздохнул он.

— У вас уже нет такой суммы? — огорчилась она.

— Нэт, уже ты такой суммы не стоишь. Нэ свэжий пэрсик!

Катя опять хотела дать ему в морду и позвать милицию. Но вновь сообразила, что милиция в ее роль не вписывалась.

Кате стало тоскливо и гадко. Захотелось отмыться от чего-то, и она прыгнула в море. Размашистыми саженками добралась до буйка. И здесь из морских глубин вынырнул все тот же лопухий с новым предложением:

— Шестьдесят восемь!

Тут уж Катя не стала миндальничать и так треснула его по башке, что он скрылся под волнами — возможно, навсегда. Хотя, наверно, нет, потому что, когда Катя безо всякого сожаления повернула к берегу, от буйка доносилось нечто булькающее:

— Семьдесят... бульк... три... бульк...

А синим звездным вечером, когда, уже потеряв всяческую надежду, Катя плелась домой, ей наконец повезло. Крупно, по-настоящему. Парень был что надо: молодой и кудрявый, белозубый и статный. Он сыпал хохмами, на все Катины условия согласился, не торгуясь, более того, заявил, что сначала с него — ресторан.

Все было замечательно, он произносил красивые тосты, они танцевали на открытой веранде, Катя млела, проклинала себя за свою мерзкую затею и уже лихорадочно размышляла, как бы плавно и нежно перейти к чистой и бескорыстной любви.

Но на исходе вечера он стал произносить тосты все чаще, потом пил без тостов, потом стремительно мрачнел, потом рухнул лицом в салат и захрапел.

Были крики официантки, была милиция, были попытки отыскать в карманах на бесчувственном теле деньги, но — безрезультатно.

Катя уплатила за стол и таксисту, впихнув в машину то бессильное и бормочущее, что осталось от того белозубого и статного.

А у нее осталась лишь какая-то мелочь. На которую утром «жрица любви» дала телеграмму:

МАМОЧКА ВЫШЛИ ТЕЛЕГРАФОМ ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ

1987

ЧЕЛОВЕК И ЛЕВ

Сто произошло в тот вечер со львом Тамерланом, не понял никто. Ни зрители, ни укротители, ни, может быть, и сам лев...

Поначалу все было как обычно — набитый публикой цирк, сверкающий огнями манеж, ажурная конструкция клетки, посреди которой Шувалов работал свой знаменитый аттракцион «Человек и лев». Работал он его уже который год, и на этот раз все тоже шло привычным образом: бодрая музыка, появление Шувалова с традиционным поклоном-«комплиментом», щелчок бича-шамбарьера, в музыка интригующее фортиссимо, выбегает красивый гришстый Тамерлан, вскакивает на тумбу, затем...

А затем лев должен был перепрыгнуть на вторую тумбу, третью и так далее, совершая круг по манежу. Но Тамерлан дальше первой тумбы не двинулся. Просто сел на нее и посмотрел на укротителя.

В зале еще ничего не поняли, еще дети восторженно аплодировали самому факту появления льва. Но Шувалов уже, конечно, ощутил сбой в номере, уже заметил устремленные на него немигающие желтоватые глаза.

Сохраняя — для зрителей — широкую белозубую улыбку, Шувалов сурово свел брови и ответил льву прямым, не сужающим хищнику ничего хорошего взглядом. Обычно в

случаях неповиновения — очень редких, надо сказать, случаях — Тамерлану было вполне достаточно такого взгляда хозяина. Но на этот раз лев не только не сник испуганно, не только не поспешил исполнять задержанный на несколько мгновений номер, но, наоборот, устроился на тумбе поудобнее и не отвел от человека своих нахальных глаз.

Шувалов погасил улыбку и резко щелкнул шамбарьером. Тамерлан опять ничуть не испугался. А грозный и громкий щелчок бича показался лишь жалкой хлопушкой по сравнению с оглушительным ревом, который выдал царь зверей.

Тут уже все поняли, что происходит что-то неладное. Зрители притихли. Униформист с брандспойтом приник к решетке. Шувалов растерянно попятился. А лев спрыгнул с тумбы и вкрадчивой кошачьей походкой двинулся на укротителя.

— Тамерлан... Ты что?.. — забормотал Шувалов, продолжая пятиться. — Тимка, на место! Тимур... Стой!

В ответ лев снова оглушительно рывкнул, рванулся вперед, и Шувалов, все так же пятясь, невольно вскочил на тумбу.

Все произошло столь неожиданно и смешно, что притихший было зал взорвался смехом, приняв это за ловкий трюк, клоунскую репризу: укротитель и хищник поменялись местами.

Опытный Шувалов мгновенно оправился от первого шока и тоже сделал хорошую мину при плохой игре: легко подпрыгнул на тумбе и раскланялся, словно это и впрямь был заранее подготовленный трюк.

А лев... лев, похоже, только этого и добивался. Он перестал рычать и спокойно присел возле тумбы, словно ожидая за этот фокус с укротителем аплодисменты в свой адрес.

И зал охотно аплодировал ему, все более убеждаясь в подготовленности комического номера.

Только униформист все отлично понял и уже сунул дуло брандспойта сквозь решетку, чтобы мощной струей отогнать обнаглевшего хищника.

Но Шувалов остановил его успокаивающим жестом, еще раз поклонился публике и хотел спрыгнуть с тумбы. Однако Тамерлан резко вскочил, оцетинил дыбом гриву и

издал такой громоподобный рык, что Шувалов, не владея собой, испуганно прыгнул с тумбы не наземь, а на другую тумбу. Лев, продолжая рычать, метнулся за ним. Шувалов прыгнул от него на третью тумбу, лев — следом. Шувалов — на четвертую тумбу, пятую, шестую...

Зал смеялся и аплодировал ловкому укротителю, а Шувалов летал с тумбы на тумбу, еле удерживаясь на них, обливаясь потом и содрогаясь. Но, как ни странно, вовсе не от ужаса перед хищником, а от лихорадочных мыслей: какой кошмар, какие неудобные эти тумбы, какие неустойчивые опоры, какая шаткая конструкция...

С этими мыслями Шувалов завершил круг по манежу и замер на последней тумбе. В тот же миг лев перестал рычать и гнаться за ним, а вновь присел, доброжелательно поглядывая на Шувалова, словно хотел наградить его сахаром за отлично исполненный номер.

Сахара-награды у Тамерлана, конечно, не было, зато публика наградила смехом и аплодисментами исполнителей этой забавной дрессуры наоборот — человека и льва.

Шувалов опять вынужденно раскланялся на тумбе. Опять сделал предостерегающий знак униформисту не пускать в ход брандспойт — кажется, лев наконец утихомирился. И опять хотел спрыгнуть с тумбы.

Но Тамерлан вновь вскочил, зарычал — пока что негрозно, только предупреждающе — и мотнул мохнатой головой куда-то в сторону. Шувалов глянул туда: Тамерлан явно указывал в направлении подвешенного на столбах бревна — очередного снаряда, на котором должен был работать лев в их программе.

Шувалов похолодел от простой и очевидной мысли: лев хочет заставить его отработать свой аттракцион! Будто подтверждая справедливость этой мысли, Тамерлан мотнул башкой, опять зарычал — уже во весь голос — и Шувалов легкой ласточкой перепорхнул с тумбы на бревно.

Он шел, балансируя обеими руками, ежесекундно рискуя сорваться. И непонятно, что его поддерживало — то ли испуг, то ли странные мысли, которые опять упрямо лезли ему в голову: что за чертова деревяшка, зачем ее покрыли этим дурацким лаком, наверное, для идиотской красоты, но от лака ужасно скользко, на этом лаке невозможно удержаться...

Шувалов медленно шел по бревну, Тамерлан вышаги-

вал рядом, негромко и вполне довольно урча. Публика смеялась. Униформист растерянно сжимал брандспойт, уже начиная сомневаться, а может, и впрямь никакой опасности нет и весь этот комический аттракцион придуман заранее?

Наконец Шувалов удачно завершил проход по бревну. А в финале вдруг неожиданно для самого себя не просто прыгнул, а прокрутил двойное сальто, ловко приземлился и победно вскинул руки, призывая зрителей к аплодисментам. Зрители щедро откликнулись на его призыв.

Шувалов устало и счастливо улыбался и... И тут же получил не очень сильный, но вполне ощутимый толчок сзади. Это его ласково боднул Тамерлан, направляя в сторону пылающего ярким огнем кольца — туда, куда лев обычно прыгал, завершая номер.

— Нет! — прошептал Шувалов. — Это уж нет! Я тебе не мальчик, я немолодой человек...

И вдруг с тоской вспомнил, что Тамерлану десять лет, что по его львиным меркам он тоже давно не щенок, а вполне пожилой зверь.

Лев не дал ему додумать эту грустную думу. Он уже настойчивее и гораздо крепче поддал Шувалову сзади. Тот волей-неволей ступил на трамплин, лев могучей лапой ударил по другому концу трамплина, и Шувалов, оторвавшись от грешной земли, ракетой полетел в пылающий обруч.

Дыхание коснулось его лица, легким дымком потянуло от сверкающего блестками роскошного костюма. В этот краткий миг полета укротитель только успел подумать: дьявол, кто придумал такое узкое кольцо, как же в нем жарко, как невыносимо жарко...

И приземлился на манеже. Уже безо всякого сальто, без распахнутых рук. Просто шлепнулся кулем в песок.

Это совсем не было похоже на комический номер. Зрители вновь испуганно замерли. Униформист вскинул брандспойт.

Но в этот момент лев Тамерлан вскочил на тумбу. На самую первую тумбу, с которой он должен был начать и не начал аттракцион. Однако теперь Тамерлан легко запрыгал с тумбы на тумбу, сделал положенный круг по манежу, перелетел на бревно, грациозно пробежал по нему, подскочил к большим разноцветным шарам, стал ловко подбрасывать их то носом, то лапами.

Лев исполнял весь аттракцион без команд укротителя. Лев работал весело и непринужденно. Лев даже не работал, а просто играл. Увлеченно, шумно, задорно, как расшалившийся котенок.

Все изумленно главели на него — зрители в зале, Шувалов на манеже, униформист за решеткой.

А лев носился по арене, проделывая номер за номером, трюк за трюком, пока не завершил аттракцион великолепным, чуть замедленным, как в кино, прыжком сквозь пылающий обруч.

После чего приземлился рядом со все еще сидящим на песке Шуваловым. Челюсть у Шувалова отвисла от изумления, рот был широко распахнут. Лев глянул на него, кажется, размышляя над самым коронным трюком — сузить голову укротителю в пасть... то есть в распахнутый рот. Но, видимо, передумал и, скромно склонив голову набок, присел на задние лапы рядом с хозяином, отдавая ему все лавры неповторимого аттракциона.

Да, больше этот аттракцион никогда не повторился. А что произошло в тот вечер со львом Тамерланом, так никто и не понял. Ни зрители, ни укротитель, ни, может быть, и сам лев.

Шувалов проработал с ним еще долго. Тамерлан был неизменно послушен и ласков. Аттракцион «Человек и лев» пользовался большим заслуженным успехом.

А тот случай Шувалов даже не вспоминал. Не послушал он и никаких рекомендаций специалистов сменить льва или пересмотреть методы дрессуры.

Единственное, что он сделал на следующее же утро после того вечера, это — укрепил конструкции тумб, содрал лак с бревна и расширил пылающее кольцо.

1986

ТВОРЕЦ СЧАСТЬЯ

Он снимал кино. Черно-белое. Короткометражное. По заказу.

Заказ Глазов всегда принимал сам, пытливо вглядываясь в лица, запоминая особые приметы, отмечая киногоеничность или, наоборот, некиногоеничность тех, кто

пришел во Дворец бракосочетаний подавать документы для вступления в законный брак. А заодно — прочитав объявление об этой доброй услуге новобрачным — оформлял заказ: навеки запечатлеть на киноплёнке торжественный (возможно, даже неповторимый?) момент своей жизни. «Фильм-сувенир» — так это называлось.

Наверно, оформившие заказ сразу забывали о Глазове. Но он уже не забывал о них. И весь месяц, положенный им законом на размышления о будущем браке, он использовал на размышления о будущем фильме.

Глазов прикидывал интересные ракурсы съёмки. Его волновал профиль невесты. Его заботил фас жениха. Конечно, если бы у него была такая возможность, он бы кое-что подготовил. Посоветовал бы невесте сделать причёску, открывающую ее невысокий лоб. Посоветовал бы жениху сделать пробор не посередине, а сбоку, или еще лучше — вовсе пробор не делать. Но такой возможности вмешаться заранее, что-то изменить, подготовить у него не было. Глазову предстояло делать фильм из материала заказчика.

Потом наступал этот волнующий день. Приходили герои его будущего фильма. (Если, конечно, за месяц не передумывали.)

Жених и невеста являлись уже не одни, а в окружении родителей и свидетелей, друзей и родственников. Глазов пристально вглядывался в эти новые лица, мысленно группируя семейный портрет в интерьере. Но только — мысленно. Он никогда не позволял себе всякие пошлые «станьте правее», «повернитесь туда», «не смотрите в объектив»... Нет, опыт больших художников кино подсказывал ему только кинематограф жизненной правды.

К сожалению, условия Дворца бракосочетания не давали ему возможности съёмок настоящей скрытой камерой. Но он все же старался максимально скрыть свое присутствие, таясь за портьерами, колоннами, спинами гостей. Он готов был застыть с камерой в любом, самом неловком положении, лишь бы не ставить в неловкое положение молодоженов.

Впрочем, они были так взволнованы моментом, что не обращали на Глазова особого внимания. Главные герои будущего фильма вели себя почти естественно. Гораздо больше хлопот было со статистами, с окружением. И это

понятно: при всех дружеских или родственных чувствах к брачующимся все-таки не им самим предстояло это ответственное решение. И окружение позволяло себе глазеть по сторонам, таращиться в объектив, а то и откровенно заслонять собою жениха и невесту, нахально выходя на первый план. Причем любопытно: чем более дальними были родственники, тем ближе они подгребали к камере.

Но и Глазов был не лыком шит. Он легко разгадывал их маневры и мгновенно предпринимал свои контрманевры, отсекая массовку, сохраняя в фокусе объектива главных действующих лиц.

Нет, конечно, опыт больших художников кино подсказывал ему, что и массовка тоже очень важна. Потом, в монтаже картины, он обязательно использует те фрагменты, детали, которые умело ловил сейчас. Мечтательно-ностальгический взор бабушки невесты, возможно, вспоминающей себя много-много лет назад в такой же белоснежной фате. Взволнованно-слезный взгляд матери жениха, вероятно, размышляющей, в надежные ли руки отдает она единственного сына. Задумчиво-суровые глаза обоих отцов молодых, наверно, прикидывающих, во сколько обойдется свадебное веселье.

Хорошо также поймать в кадр какого-нибудь дядю из Тамбова с умиленно-завистливым выражением лица. Умиленным — потому что наконец-то его любимая племянница выходит замуж. А завистливым — потому что она-то выходит, а в Тамбове ее двоюродная сестра, то есть дядина дочь, ничем вроде не хуже, а вот засиделась в девках.

Увлекательными могут быть и кадры друга жениха, сотрудника по работе, с которым они когда-то вместе познакомились с будущей невестой. И шансы у них тогда были равные, а теперь этот друг смотрит на друга-жениха, на невесту и никак не может сообразить, упустил он свой шанс или слава богу, что упустил.

А особенно интересны свидетели молодых. Уже в самом этом их звании — «свидетели» — есть некий криминальный оттенок. Когда они ставят свои подписи под актом бракосочетания — а Глазов всегда снимает это очень крупно, — на лицах свидетелей с одной стороны светится радость: вот, мол, мы лично скрепили благословенный союз Гименея, а с другой стороны ощущается и некое злорадство: ага, мол, окольцевали вас, голубчики!

Но, конечно, все-таки больше всего Глазова интересуют главные действующие лица — жених и невеста. Глазов категорически убежден: они должны быть счастливы. Во всяком случае — в его фильме. И, в общем-то, ему для этого обычно ничего особенного предпринимать не приходится: снимай себе и снимай естественно счастливые лица молодых.

Однако так бывает не всегда. Бывает и вовсе не так. Случается, что невеста (правда, довольно редко) входит в церемониальный зал обреченно, как на плаху. А случается, что жених (это, пожалуй, чаще) нервно озирается по сторонам, словно готов он повторить подвиг бессмертного Подколесина: сигануть из-под венца в окошко.

И тогда Глазов пронзительно ощущает ответственность творца за счастье своих персонажей. Он внутренне собирается и совершает чудо. Чудо кино. Печаль невесты прячется за романтически легким взлетом фаты. Мрачность жениха утаивается в свадебном миллионе алых роз. Камера по крупницам фиксирует малейшие проблески улыбок на лицах новобрачных. (Пусть и улыбок, вовсе не относящихся друг к другу. — все равно все это впоследствии суммируется на экране в картину счастья.)

Однажды Глазову даже пришлось снимать невесту, уже находящуюся в деликатном положении. Это было очевидно всем на церемонии во Дворце. Но в фильме Глазова это стало абсолютно незаметно! Впрочем, тут уже все дело было в монтаже.

О, киномонтаж! Соединение несоединимого, сопоставление несопоставимого, стык двух разных мгновений жизни, рождающий третье мгновение, совершенно новое по сравнению с первыми двумя.

Опыт больших художников кино подсказывал Глазову, что монтаж таит в себе неисчерпаемые возможности. Вот возьмем два кадра: ноги невесты в белых туфельках, легко ступающие по ковру, и обручальные кольца, лежащие на бархатной подушечке. Склейте сначала — кольца, потом — ноги, и в результате вы получите ужасный символ: растоптанное семейное счастье! А склейте наоборот, сначала — шагающие туфельки, а потом — сияющие кольца, и вы получите символ прекрасный: светлый путь к счастью семьи!

Короче говоря, искусство монтажа имеет массу нюан-

сов, и Глазов владел этим в совершенстве. Особенно последователен он был в одном: никогда не монтировал на экране невесту с грядущей свекровью. Ибо никому не дано предугадать, как там они еще смонтируются в жизни...

В общем, Глазов творил. Творил семейное счастье. В маленькой лаборатории при Дворце бракосочетания, которую он — только он единственный — упорно величал «киностудией». Он возился там целыми днями. А по ночам... По ночам Глазову снились сны.

Он видел себя на съемочной площадке настоящей киностудии. Не в обычном одиночестве, а в окружении профессионалов-единомышленников: оператора, художника, гримеров, костюмеров... Вот только профессиональных актеров на площадке не было. А были десятки, нет, уже, пожалуй, сотни реальных новобрачных, которых он снимал во Дворце, которых отлично помнил — всех до одного, и с которыми он теперь снимал свой новый фильм. Не какую-то там черно-белую короткометражку, а полнометражный цветной широкоэкранный фильм. Фильм о семейном счастье.

Глазов был убежден, что он выстрадал это право. И как знаток кино, и как знаток предмета. И потому он уверенно и спокойно усаживался в складное брезентовое креслице с надписью на спинке: «Режиссер», подносил ко рту мегафон, коротко командовал: «Мотор!», выбегала стройная «хлопушка»-ассистентка, хлопающая перед камерой дощечкой, громко объявляла в микрофон: «Кадр первый, дубль первый!» и... И Глазов просыпался. Дальше этого места его прекрасный сон не продолжался еще ни разу.

Глазов вставал, умывался, одевался, завтракал и шел на работу.

Конкурентов в работе у него не было. Но недоброжелатель был. Фотограф того же Дворца. Ведь далеко не все заказывали фильмы-сувениры. Многие обходились фотографиями. Быстрее и дешевле.

Фотограф Антипов снимал не только быстро и дешево, но и из рук вон плохо. Однако, несмотря на это, процветал и посмеивался над художественным пафосом Глазова, именуя его «великий немой» (фильмы-сувениры, конечно, не озвучивались). Глазов с достоинством отвечал, что почитает это звание за честь, но, увы, не может ответить ему,

фотографу Антипову, хотя бы званием «сапожник», ибо так кличут хотя и нерадивого, но все же механика кино.

Антипов на это ничуть не обижался — наоборот, хохотал. И никто даже не догадывался, что по ночам он тоже видел один и тот же несбыточный сон. Фотографу Антипову снилось, что он научился фотографировать.

А Глазов был спокоен. Что эти жалкие фотографии, эти плоские застывшие картинки по сравнению с его фильмами, наполненными вечным движением! И он упорно делал свое дело — творил чужое счастье. Потому что Глазов был тайно, но твердо уверен: те, кто навсегда соединился волшебным искусством кино на экране, уже и в жизни не расстанутся никогда.

...Сам Глазов был неженат. Опыт больших художников кино подсказывал ему, что приходится выбирать одно из двух. Или — создавать свое семейное счастье, или — творить чужое.

1988

ТРИ ТЕМЫ, ТРИ ТЕМЫ...

Еще на давней заре своей писательской юности Сеня Пухов (сатирический псевдоним — Сем. Гранитный) твердо усвоил от старших коллег по разящему перу, что если у поэтов есть лишь одна вечная тема — любовь, то у сатириков-юмористов вечных тем целых три: теща, посещение зубного врача и сантехник-алкоголик. Но если поэтам писать на вечную тему любви ничуть не зазорно и даже необходимо, то юмористам-сатирикам пользоваться свои вечные темы стоматолога, тещи и сантехника просто неловко и даже неприлично.

Все это, повторяем, Сем. Гранитный (он же Сеня Пухов) усвоил в ранней писательской юности. Усвоил и написал за долгую творческую жизнь семнадцать рассказов про тещу, двадцать три юморески про стоматолога и сорок семь фельетонов про алкаша-сантехника.

Объяснялось это просто: Сеня был не только юморист, но еще и реалист. Он мог писать лишь о том, что действительно болело, что мучительно доставало, что терзало душу. А болели как раз зубы, мучительно доставала теща, и

душу терзало бесконечное завывание неисправного бачка унитаза. Но главное, именно эти опусы беспощадного сатирика безотказно брали в редакциях, именно над этими сочинениями до слез смеялся зал на его выступлениях. Значит, было в этих вечных темах нечто такое, что не только у самого таланта, но и у его поклонников болело, доставало и терзало душу.

Нет, Сем. Гранитный был не дурак. Да, Сеня Пухов был умный. Он понимал, что есть немало других волнующих тем. Ну и что? Может быть, тронуть эту, страшно сказать, систему социализма? Дулю тебе позволят! А может, задеть эту, жутко подумать, правящую партию? Фигу тебе разрешат! Или обхохмить этот, не к ночи будь помянут, КГБ? Кукиш только можешь ему показать, причем — только в кармане!

В общем, Сеня был не глупец. Семен был реалист. Социалистический.

Но вот грянула перестройка. Ускорение, демократия, гласность. То есть свобода слова, а значит, и свобода смеха. Ну, теперь держитесь, социализм, партия и КГБ!

Первым не удержался социализм. Рухнул по всей Европе, как берлинская стеночка. Затем качнулся и упал железным Феликсом КГБ — переименовался, открыл архивы, побратался с диссидентами. Дольше всех держалась партия. Но и ту доконали, загнали в окопы, а типы, которые время от времени высывались из окопов, не требовали юмористических сочинений — их самих невозможно было видеть и слышать без смеха.

Великий лозунг сатириков всех советских времен «Утром — в газете, вечером — в куплете» потерял свой смысл. Теперь и утром, и днем, и вечером, и в газетах, и по радио, и на телеэкране, составляя дикую конкуренцию профессиональным юмористам, остряли, смешили, иронизировали дилетанты юмора — некогда вполне серьезные экономисты, политики и международные обозреватели.

А самое главное: на чем всегда строился наш юмор? На намеке, на подтексте. Сеня с умилением вспоминал те времена, когда стоило только при чтении текста подпустить легкую картавинку или нажать на «г» фрикативное, как публика мгновенно улавливала экивок на Ильича — того или другого, и зал радостно хихикал, внутренне замирая за судьбу сатирика-смельчака. А нынче? Горбачев-

ского «начать» вместо «начать» хватило на три-четыре монолога профессионалов, а затем пародировать генсека нагло принялась вся клубная самодеятельность.

Не успел Сеня вымучить хохму «дерьмократия», как ее уже стали пользоваться сами демократы. Едва Семен перекаламбурил «перестройку» в «перестрелку», как об этом же зачастили депутаты Верховного Совета. А с репризой «прихватизация» сатириков опередил сам президент, выдав это словечко в тронной речи по телевизору.

Юмор литературы явно отставал от фарса жизни. Маркс и Энгельс переворачивались в гробах, без тени Сталина уже не обходилась ни одна кинокомедия, и всего кратчайший исторический миг понадобился, чтобы обсмеять вековые святыни — штурм Зимнего, крейсер «Аврора», броневик, кепку и Мавзолей Ленина.

А в день, когда бойкий менеджер шоу-бизнеса предложил показывать за бабки, как мумию египетского фараона, бальзамированного вождя мировой революции и никто в стране над этим не рассмеялся, Сеня Пухов (Сем. Гранитный) решил: все, конец, пора переквалифицироваться из юмористов в брокеры.

В этот день было гадко на душе. Да и вокруг ничуть не лучше.

С утра Сеню особо достала теща, устроившаяся в коммерческом ларьке и намекавшая, что зять теперь находится на ее содержании. В оскорбленном сознании Семени всплыла давняя реприза: «Что такое смешанное чувство? Смешанное чувство — это то, что ты испытываешь, когда твоя теща на твоей машине летит в пропасть».

Днем Сеня, не в силах больше тянуть с ноющим зубом, потащился к стоматологу. Вальяжный труженик кооперативной, очень платной клиники орудовал в писательской зубной полости с ничуть не меньшим варварством, чем прежний замызганный костолом советской бесплатной медицины. В слезах и столах вспоминался Семену трагикомический парадокс: «Что такое счастье? Счастье — это когда, явившись к стоматологу, ты видишь табличку «Приема нет».

А вечером пришел, точнее, приковылял на непослушных конечностях долгожданный сантехник — тоже теперь уже не какой-то там жэковский, а из совместной фирмы «Уют». Народный умелец добился от унитазаного бачка

перехода с надрывного завывания на утробное урчание и с чувством исполненного долга и честно заработанного гонорара удалился. В ответ на возмущенно-изумленный попрос хозяина, как он ухитрится надираться даже при таких бешеных ценах, царь сантехнической природы подарил ему свой расхожий афоризм: «А че — цены? Во, этому крантику при всяких ценах завсегда одна цена — бутылка!»

Ночью Сене не спалось. И не только из-за унитазной симфонии. Поворочавшись без сна, Семен вскочил, присел к машинке и на едином дыхании в давно забытом порыве вдохновения накатал три новых сатирических произведения на три старые, но вечные темы: про тещу, про зубного врача и про сантехника-алкоголика.

1993

СЕКС КАК ТАКОВОЙ

Когда забеременела отличница Люся Кудряшова из пятого класса «Б», педсовет школы № 13 решил: пора! Пора, наконец, категорически начать сексуальное воспитание учащихся. Пора открыть глаза нашим детям на то, что мир делится не только на угнетателей и угнетенных и даже не только на отличников и двоечников. Нет, пора уже объявить детям во всеуслышание, что мир делится еще и на мужчин и женщин.

Конечно, нельзя сказать, чтобы в этом направлении повсе ничего не делалось. Отнюдь, еще в начале учебного года со старшеклассниками встречался профессор-сексолог. Потом в учительской он с восторгом сообщил, что на этой встрече узнал много для себя интересного и неожиданного.

Но все же это мероприятие было скорее случайным, чем закономерным. А на сей раз педсовет школы решил приступить к глобальному рассмотрению секса как такового — верного спутника, боевого товарища великой и чистой любви. Выполнить эту непростую задачу педсовет поручил, конечно же, тем, кто ближе всех к своим подопечным — классным руководителям.

Руководитель седьмого «А» Сергей Петрович Васин

в этот вечер долго не ложился спать. Дождавшись, пока жена Анна Ивановна, domыv посуду и дочитав кошмарную статью об организованной преступности, забылась тревожным сном, Сергей Петрович включил настольную лампу, положил перед собой чистый лист бумаги для конспекта грядущей беседы, вывел первую строчку «Дорогие ребята, в нашем обществе секс...» и надолго задумался.

Большой педагогический стаж Сергея Петровича подсказывал ему, что самыми успешными, самыми доходчивыми для детских душ были уроки, пропущенные через душу учителя, освещенные и согретыe его собственным жизненным опытом. Несомненно, и теперь следовало поступить так же.

Сергей Петрович покосился на уткнувшуюся носом в подушку голову жены в стальных бигуди, протяжно вздохнул и начал вспоминать свою сексуальную жизнь.

Вспомнил Васин первую ночь с Анной Ивановной, вернее, тогда еще юной Анечкой, а еще вернее, даже не ночь, а вечер — новогодний вечер в студенческом общежитии, где они проживали оба, но, естественно, в разных комнатах. У него — соседи, у нее — соседки, остаться наедине было практически невозможно. Но пламенное чувство первой любви мощным магнитом тянуло их друг к другу. Пока не утянуло на чердак общежития. И были неумелые поцелуи и неуклюжие объятия, и были ее стыдливые уверения «ты меня не станешь уважать» и его страстные клятвы «стану уважать еще больше», и была долгая борьба, и когда у него уже не осталось никаких сил, она наконец отдалась ему — там, на чердаке, в антисанитарных условиях. После этого Анечка три дня плакала, еще три дня избегала встреч с ним, а еще через три дня они подали заявление в загс...

Вспомнил Васин, как жили они потом в коммунальной квартире, в одной комнате с его мамой и бабушкой. По ночам мама тихонько сопела, бабушка громко храпел, но Аня плакала, что родственники не спят, лишь притворяются, чтобы не мешать молодоженам, а он уверял ее в обратном. И только уже под утро они предавались краткому и бестолковому процессу, думая лишь об одном: как отвратительно скрипит этот проклятый диван-кровать...

Вспомнил Васин, как у них появилась наконец своя собственная квартира — шикарная, однокомнатная, со-

вмещенный санузел и сын Коля на раскладушке. Ребенок рос нервный, просыпался от каждого шороха, не говоря уж... Так что заниматься сексом — или, как прочитала Анна Ивановна в одном зарубежном романе, «делать любовь» — по ночам не удавалось. А днем оба на работе. Значит, оставались только выходные. Сыну Коле давали деньги на кино. И было большой удачей, когда фильм оказывался двухсерийным. Но если кино крутили скучное, Коля мог сбежать пораньше, так что они с дрожью ожидали дверного стука в самый волнующий момент. А когда Николай подрос и получил свой ключ от квартиры, так они и вовсе бросили «делать» эту нервную «любовь»...

Вспомнил Васин еще — а чего уж, вспоминать, так все! — вот он и вспомнил: санаторий в Пицунде, темная ночь, крупные звезды, запах магнолий и Кира Львовна — тоже учительница, очень серьезная, в роговых очках, но с какой-то дьявольской косинкой в удлинненных очках. Они бродили по пляжу, одобряли прогрессивный педагогический метод Сухомлинского, осуждали школьную процентоманию и сами не заметили, как цивилизованный пляж закончился, как начались дикие валуны, как лица их сблизились, как их руки сплелись, как над их головами опрокинулись звезды... и как потом звезды померкли в мощных лучах фонарей наряда по охране государственной границы с собаками. Кира уехала утром. А ему не наступали по месту работы только потому, что он выпил с главврачом бутылку марочного коньяка и сделал контрольную по химии старшей медсестре — заочнице фармацевтического института...

А еще вспомнил Васин... Нет, больше вспоминать было нечего. Точнее, то, чего еще было вспомнить, это уже вовсе не хотелось вспоминать.

Сергей Петрович опять вздохнул, снова покосился на ошетилившуюся, как противотанковый еж, стальными бигуди голову жены, придвинул лист конспекта будущей беседы и к уже написанному «Дорогие ребята, в нашем обществе секс как таковой» добавил всего два слова «не прилился».

И поставил точку

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ

Надоело Ухогорлову и Горлоносову работать на дядю. В смысле — на родимое государство. Имеется в виду институт НИИНИНИ. Пришел, отсидел, получил зарплату. В общем, конечно, работа не пыльная. Но и зарплата не сильная.

— Надоело! — сказал Ухогорлов.

— До чертиков! — согласился Горлоносов.

— Уходим из нашей конторы, — решил Ухогорлов.

— В другую контору? — не понял Горлоносов.

— Никаких контор, — отрубил Ухогорлов. — Только в фирму.

— Иноземную! — обрадовался Горлоносов.

Фирму выбирали долго и придирчиво. Сразу отпали итальянцы.

— Они ж мафиози. Как пить дать, обдурят, — сказал Ухогорлов.

Потом решили не беспокоить японцев.

— Не тот менталитет. С нашим несовместимый, — пояснил Ухогорлов.

— Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда, — поддержал цитатой Горлоносов.

Мексиканцев и прочих латиноамериканцев тоже отвергли.

— Мне эти мыльные оперы дома осточертели! — поморщился Ухогорлов.

В результате остановились на штатской фирме, то есть из Соединенных Штатов Америки. Это ведь общеизвестно, что американцы и по характеру, и по простоте душевной ближе к русскому народу.

— Практически, что мы, что они — как дети, — улыбнулся по-доброму Ухогорлов.

— Ага, большие дети, — улыбнулся в ответ Горлоносов.

И, в общем, они верно сообразили: эти фирмачи оказались настоящими детьми. Но что такими наивными — этого они даже сообразить не могли.

Командовал там американский мужик Менеджер. То ли должность у него такая, то ли фамилия. Да это и не важно, а важно то, что этот Менеджер из всех детей — младенец!

Больше всего Ухогорлова с Горлоносовым изумило, что Менеджер всю дорогу говорил то, что думал. А что думал, то и говорил. То есть если он говорил, что надо чего-то сделать к такому-то сроку, то он так и думал, что к этому сроку это надо сделать. Но Ухогорлов-то с Горлоносовым не младенцы, они же знали, что это только говорится — сделать к сроку, а думается — сделаем, как успеем, ну, в общем, сами понимаете.

А Менеджер этого совершенно не понимал. Ни Ухогорлова не понимал, ни Горлоносова, ни вообще никого из наших. А наших в этой иностранной фирме уже собралось немало. Кроме Ухогорлова с Горлоносовым, туда устроились Иванов, Петров, Сидоров и еще Джапаридзе с Кулибековым, а также Описько и Кац — короче, теплая компания русских специалистов. Но эти американцы совершенно, ну абсолютно просто ни капельки не понимали нашу русскую душу.

К примеру, назначают наши специалисты чужеземному клиенту деловую встречу. Но что же, у них нет больше дел, кроме этой деловой встречи? Вот они своими делами и занимаются, а клиент приходит, а их нету, а Менеджер первичает: как это — клиент есть, а вас нету?!

— Бывает, — исчерпывающе объяснял Ухогорлов.

— Всякое бывает, — уточнял Горлоносов.

А Менеджер все бубнит, что не бывает и ни в коем случае не должно такого быть.

— Возможно, что и не должно быть, — вежливо согласился Ухогорлов.

— А все же есть! — констатировал Горлоносов.

Он упертый, этот Горлоносов. Даже упорнее Ухогорлова. Потому что убежден в своей правоте.

Вот так они и работали. И зарабатывали. Деньги конвертируемые. То есть — в конвертах. Как только они первый раз конверты получили, Ухогорлов свой вскрыл, пересчитал купюры и спросил:

— А у тебя сколько?

— Вот столько, — показал свой конверт Горлоносов.

Выяснилось, что у него больше. Ну, само собой, пошли к Менеджеру: почему такое неравенство?

Менеджер аж побелел и стал выяснять, как они об этом узнали.

— Слава богу, считать умеем, — усмехнулся Ухогорлов.

— А может, вы не умеете? — заподозрил Горлоносов.

И подал Менеджеру оба вскрытых конверта.

Менеджер аж посинел и стал объяснять, что деньги им дают не по общей ведомости, а в индивидуальных конвертах как раз для того, чтобы никто ничего друг про дружку не знал и друг дружке не завидовал.

— А ты плати всем поровну, вот и не будут завидовать! — не сдержался, нагрубил Ухогорлов.

— Поровну — это справедливо, это по-нашему, — толковал Горлоносов.

Менеджер аж побагровел и стал кричать... нет, кричать это дитя природы вовсе не умело... он просто на чуть повышенных тонах стал объяснять, что по-нашему в этой фирме быть не может, а может быть только по-ихнему, по-иноземному.

— А это еще бабушка надвое сказала, — возразил Ухогорлов.

— Или натрое? — задумался Горлоносов.

Тогда Менеджер собрал собрание. Общее — всех русских специалистов: Ухогорлов с Горлоносовым, Иванов, Петров, Сидоров, Джапаридзе с Кулибековым, Описько и Кац.

На собрании менеджер говорил о трудовой дисциплине, об ответственности за порученную работу, о пунктуальности деловых встреч... В общем, о многом говорил на собрании Менеджер. И не он один говорил. Его горячо поддерживали все русские труженики американской фирмы. Они искренне признавали свои недостатки и пламенно обещали эти недостатки искоренить.

После собрания, как водится, еще посидели — уже, конечно, без Менеджера — ну и, как положено, обмыли это хорошее мероприятие.

А утром все пришли на работу — не к началу, само собой, а скорее к середине, но все же к концу пришли.

Менеджер уже не синел, не белел, не багровел, а только заикался: к-как же т-так... ведь в-вчера на собрании вы г-го-ворили... вы об-бещали...

— А как же? — чистосердечно удивился Ухогорлов. — На то и собрание, чтоб поговорить, пообещать...

— Покаяться и поклясться, — добавил Горлоносов.

Честно говоря, им этого Менеджера даже было жаль. Сразу видно, никогда он не состоял ни в партии, ни в ком-

гомоле и не получил закалки в профсоюзе — школе коммунизма. Потому и не соображает, что согласно никем еще не отмененному материализму бытие определяется сознанием, а не собранием.

И как неоднократно в истории случалось, материализм оказался всесильным, потому что верным. Все постепенно утряслось. Сначала Менеджер хотел нанять других работников. Но где их взять — других? И какие они еще будут — другие? А эти уже вроде бы как свои.

В общем, наши слегка подсобрались, иноземцы чуток расслабились, а в День международной солидарности трудящихся 1 Мая — правда, американцы его не признавали, хотя родился он как раз в их городе Чикаго, — но так или иначе в этот день Менеджер впервые принял. Немного — буквально семь капель водки. И сразу раскололся, что Менеджер — это все-таки должность, а фамилия у него Джонсон.

— Молоток, Джонсон и Джонсон! — обнял менеджера за плечи Ухогорлов. — Без русской водки русскую душу не постигнешь.

— Умом Россию не понять! — поддержал цитатой Горького.

И добавил Менеджеру, то есть Джонсону, еще семь капель.

1995

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

Когда демократическая перестройка разрушила развитый социализм, который Козлов строил долгие годы, когда беловежские соглашения развалили Советский Союз, в котором Козлов проживал всю жизнь, когда гайдаровские реформы превратили в пыль сбережения, которые Козлов честно хранил в сберкассе, когда рыночная экономика угробила проектный институт, в котором Козлов беспорочно служил инженером-сантехником, когда в результате всего этого от Козлова ушла жена, а дети стали звонить, только когда им надо было подбросить ему внуков... вот тогда Козлов понял: с этим что-то делать надо, надо что-то предпринять.

Козлов задумался. И додумался. Пошел к старому другу, который прошагал те же этапы большого пути с одной только разницей: он хранил свои сбережения не в сберкассе, а в валюте, и потому кое-что сохранил. Так вот, Козлов пошел к другу и одолжил у него небольшую сумму. Которую отнес в редакцию газеты и уплатил за такую рекламу: «Телефон доверия: 152-93-96».

Первой, конечно, позвонила женщина.

— Это телефон доверия? — робко спросила она.

— Да, — радостно ответил Козлов.

— Сколько? — поинтересовалась она.

— Чего сколько? — не понял Козлов.

— Ну сколько платить за доверие? — объяснила она.

— А-а, — понял Козлов, — нисколько, все бесплатно.

— Бесплатных услуг не бывает! — отрезала она и повесила трубку.

Но тут же телефон зазвонил вновь. И снова — женщина. Вся какая-то нервная и порывистая:

— Але! Але, але! Телефон доверия? Доверия или нет?

— Доверия, доверия, — успокоил ее Козлов. — И если у вас есть немного времени...

— У меня времени много! — перебила она. — Очень много никому не нужного времени!

— Прекрасно, — обрадовался Козлов. — Раз есть время, я вам расскажу...

И он начал рассказывать. Про то, как разрушили его развитой социализм, про то, как развалили его Советский Союз, про то, как превратили в пыль его сбережения... А вот про то, как угробили его институт, он рассказать не успел — женщина перебила:

— Что вы несете?!

— Ничего не несу, — удивился Козлов. — Я рассказываю вам о своих житейских проблемах.

— На фига мне ваши проблемы! Это телефон доверия?

— Именно. Я доверяю вам свои беды и печали. В надежде, что мне станет легче на душе.

— Ты больной на голову?

— Нет-нет, я практически здоров. Хотя, конечно, с годами здоровье мое...

В трубке забились короткие гудки.

Но телефон продолжал звонить вновь и вновь. И Козлов вновь и вновь пытался доверить свои душевные муки

разным женщинам и мужчинам. Женщины дослушивали до угробления его института или до ухода жены. Мужчин хватало только до развала Советского Союза.

В ответ Козлов услышал многое: веселый смех, смех истерический, рекомендации обратиться к психиатру, советы никуда не обращаться, а ехать прямо в дурдом, невнятную брань и отчетливый мат.

И все-таки свершилось! Около полуночи какая-то женщина выслушала Козлова до конца — до его детей, которые теперь звонят, только когда им надо внуков... Короче, он высказал все и умолк. Она тоже молчала. Потом вздохнула:

— Спасибо вам...

— За что?

— У вас неприятностей куда больше, чем у меня. А я-то, дура, разнюнилась... Но теперь все, на сердце спокойней стало!

И повесила трубку.

А Козлов опять задумался. Что ж это выходит? Он дал телефон, чтоб как-то самому выговориться, облегчить свою душу, а в результате и другим на душе легчает. Это же получается: у соседа корова сдохла — пустячок, а приятно!

Пока он думал, раздался новый звонок. Опять — женщина и опять — терпеливая. Все его беды выслушала и обрадовалась:

— Господи, а у меня-то всего ерунда — муж на стороне гуляет! Но ведь погуляет, погуляет и возвращается. А так и работа у меня хорошая, и соседи славные. Чего ж я вам-то жаловаться собралась, когда вы сами в такой глубокой... Ну спасибо вам большое, огромное вам спасибо!

Она так благодарила Козлова за его несчастья, что ему невольно захотелось их увеличить. И когда позвонил очередной мужчина, Козлов, недолго думая, ко всем своим реальным бедам добавил еще и якобы сломанную ногу. Эффект был потрясающий: душевный клиент забыл о своих алкогольных проблемах, по поводу которых он, собственно, звонил, и немедля вызвался таскать Козлову продукты, пока не срастется его нога.

Ну, а дальше заработало лучшее средство информации — «сарафанное радио»: мол, есть такой телефон доверия у одного мужика, жизнь которого, мало сказать, не

сахар, а просто хуже горькой редьки, и потому, как слушаешь этого бедолагу, так твоя хоть и тоже не сладкая жизнь покажется медом.

Козлов было попытался дать задний ход, что не все у него так уж плохо, что живет, слава богу, не помирает, но народ этого и слушать не желал, народ требовал кошмарных подробностей. Поэтому Козлов довольно быстро превратился в инвалида с детства, затем в эпилептика, а там и в параноика с паралитиком. Остановился он, лишь дойдя до глухонемого, так как вовремя сообразил, что в этом качестве не смог бы функционировать по телефону.

А функционировать было надо. Прошли те времена, когда на вопрос «сколько» Козлов отвечал «нисколько». Нет уж, теперь он пахал с утра до вечера, а за это требовалась оплата и даже предоплата. Которую, честно говоря, уже было смешно сравнивать с той «зряплатой», что он получал в своем утробленном институте. Ну а с укреплением материального положения наладились и его семейные дела: жена вернулась, дети уважают, внуки обожают.

Так что неожиданно возникла новая проблема: на что ж ему теперь жаловаться? Остались только загубленный социализм да развал Союза. Но на этом нынче большого сочувствия не соберешь. Вот и приходится Козлову вернуться — сочинять то пожар, то наводнение, то болезнь Паркинсона, то пляску святого Витта.

И набирают люди заветный номер, и слушают про чужие беды да хвори, и теплеет у них на душе, и собственная их жизнь кажется светлее и краше...

Славная все-таки это штука — телефон доверия!

1997

А ГОДЫ ЛЕЯТ...

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Все, с завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Хватит валяться в постели до последней секунды, давиться на бегу яичницей, влетать в класс наперегонки со звонком и весь урок слушать не учителя, а собственный пульс.

Теперь будет так: лег по часам — вскочил по будильнику. Ледяной душ до дрожи в зубах. Утренняя гимнастика

до ломоты в костях. Гантели. Эспандер. Шведская стенка. Датский бутерброд. Бегом до леса. Трусцой обратно.

Решил твердо: если к Новому году не стану чемпионом школы по всем видам спорта — просто утоплюсь!

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Все, с нового дня все по-новому. Кончаем с этими мечтаниями о физическом совершенстве — подумаем о совершенстве духовном.

Любовь! Да, только она улучшает, возвышает и облагораживает. Рука в руке. Глаза в глаза. Сердца в унисон. Мы вдвоем — и слов не надо.

Решил твердо: если к Новому году не объяснюсь лучшей девушке третьего курса Перегудиной — просто утоплюсь!

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Все, хватит вздыхать и томиться. Какая там любовь — дело надо делать, настоящее дело.

Перекуры — до минимума. Откопать институтские конспекты — поискать забытые мысли. На шефа больше не пашу — своих идей навалом.

Решил твердо: если к Новому году не прикину в общих чертах диссертацию — просто отравлюсь!

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Все, ни к чему суэта всяких знаний и званий. Ни к чему дребедень повседневных дел. Излиться — так в непреходящем, изваяться — так на века.

А правда, почему не создать? Кто-то из великих считал: хоть одну книгу — о своей жизни — может написать каждый. Ведь сколько действительно было — люди, годы, встречи, расставания... Как не рассказать? Хотел бы в единое слово. Но боюсь, не выйдет. Придется — роман. В стихах. Или — поэму. В прозе.

Решил твердо: если к Новому году не набросаю хотя бы мемуары — просто зарежусь!

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Все, вот и пора подводить итоги. Пора, мой друг, пора... Что ж, подведем.

Чемпионом школы не стал. Перегудиной не объяснился. Диссертацию не прикинул. Мемуары не набросал. Не утопился, не отравился, не повесился, не зарезался... Ну так и что — застрелиться мне, что ли!

1980

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

«А не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить...» Была такая песня, была... А что, собственно, значит — «дорогие»? Как дороги, как бесконечно дороги мне были подарки, которые я в детстве находил под подушкой в день моего рождения! Я никогда не знал, что я увижу утром под подушкой. А мама... мама всегда знала, что я хотел там увидеть в этот День Чуда.

В понедельник снова мой день рождения. Но теперь я уже знаю: чудес не бывает.

Жена смотрит на календарь и сообщает, что понедельник — день тяжелый, а значит, гостей надо собирать позже — в субботу.

Я робко пытаюсь предложить хотя бы пятницу: все-таки поближе к моему дню... Но жена обзывает мою попытку впадением в детство, да к тому же в пятницу по телику — последняя серия, так что я должен понимать, что всем будет не до меня.

Я понимаю. Чудес не бывает.

Далее жена размышляет насчет подарка. Решение такое: я беру из моей зарплаты тридцать рублей и покупаю себе ботинки. Это мне подарок от жены. Она не просто принимает такое решение, но и заботливо интересуется, доволен ли я.

Я доволен. Чудес не бывает.

На работе ко мне подбегает Лебедев — наш затурканный сборщик общественных налогов. Голосом профессионального нищего он требует гнать трешку. На день рождения. На мой собственный день рождения.

Через секунду этот факт доходит и до усталых извилин Лебедева. Он хлопает глазами. Но трешку все-таки берет.

Потом, я знаю, коллеги будут подсчитывать собранные трешки и соображать, какой купить подарок. В ре-

зультате они сообразят, что на такую сумму ничего путевого не купишь и лучше всего просто вручить имениннику деньги.

Этот конверт мне преподнесет профорг в пятницу. Чтобы в субботу я мог купить к понедельнику сам себе подарок.

Весь отдел аплодирует. Чудес не бывает.

В понедельник я принимаю телефонные поздравления друзей, которые придут в субботу.

Тамада нашей компании Петюня исчерпывающе формулирует принципы проведения торжества: закуска — ваша, выпивка — наша.

И еще, я знаю, в субботу, вручая мне очередной конверт от друзей, Петюня сосрит насчет того, что можно было бы, конечно, подарить и цветы, но цветы завянут скоро, а денежки никогда.

Да, так он и острит. Чудес не бывает.

Я просыпаюсь среди ночи. Тихонько, чтобы не разбудить жену, одеваюсь. Иду на вокзал и покупаю билет.

Я мысленно тороплю и без того скорый поезд, чтобы успеть к понедельнику, к моему дню рождения. Успеть самым ранним утром заглянуть под подушку.

Я еду к маме. Я — в ожидании чуда.

1976

ПЕРЕУЛОК НАДЕЖД

Я часто прихожу в этот переулок. Обычный, тихий, даже сонный в течение дня переулочек, оживающий после шести в будни, а в выходные — с утра до вечера. В эти часы жизнь его становится похожей на маленький театр под открытым небом со своими большими человеческими драмами и комедиями.

Здесь расположено бюро обмена квартир. Вдоль переулочка тянутся щиты, заклеенные объявлениями. Адреса, фамилии, варианты. Но эти адреса и эти люди меня не интересуют. У них есть время и деньги. Деньги, чтобы давать объявления, и время, чтобы ждать ответа. Ну что же, пусть ждут.

А меня интересуют другие. Те, что толпятся в этом переулочке после шести в будни и с утра до вечера по выход-

ным. Они не хотят или не могут ждать. Они нетерпеливы. Они желают обменяться как можно быстрее, срочно, немедленно... И ходят сюда неделями, месяцами, иные — годами.

Обмен — это всегда надежда. Надежда на лучшее. И она неистребима. Каждый приходящий сюда надеется: вот только произойдет ЭТО — две смежные на две раздельные, или юго-запад на северо-восток, или одна трехкомнатная на две в разных районах — и с этой минуты все, все, все будет хорошо!

Обмен — это характеры.

Одни скромны и честны. Они меняют так на так, шило на мыло, исходя из простых и естественных побуждений: скажем, поближе к работе или подальше от дымящего завода.

Другие предприимчивы и боевиты. Они не упустят своего и желают прихватить чего-нибудь из чужого. В их предложениях всегда присутствует туманное до прозрачности «возможны варианты».

А третьи... Третьи просто одержимы какой-нибудь прекрасной, безумной, несбыточной и оттого еще более прекрасной мечтой. Здесь, например, давно бродит человек с горящими глазами безумца или гения, предлагающий комнату в коммуналке без всяких удобств на окраине сменять на отдельную квартиру со всеми удобствами в центре. Впрочем, последнее время я что-то его не встречаю. Ну что ж, история человечества знает примеры осуществления и куда более дерзких и возвышенных проектов.

Обмен — это судьба. Соединение судеб или их разлучение.

Эти двое хотят соединиться. Они любят, они стремятся быть вместе, они торопятся... Но не спешат. Счастье не располагает к отчаянности решений. Они ищут, они выбирают, они взвешивают, как лучше объединить свои сердца и жилплощади. И они найдут, они объединятся. То ли — для вечного блаженства. То ли — кто знает? — для того, чтобы вновь появиться в этом переулке. Как вон те двое...

Они не могут больше ждать. Они действуют оба — в разных концах переулка. Им больше невозможно, невы-

носимо вместе, и они готовы на любые варианты, лишь бы — врозь. Беда вынуждает к отчаянным решениям. И они, конечно, разъедутся. То ли — для того, чтобы наконец успокоились издерганные души. То ли — кто знает? — для того, чтобы в разных концах города затосковать друг по другу и снова когда-нибудь оказаться в этом переулке.

Одни бегут как можно скорее и как можно дальше от родителей: еще хоть три дня вместе, еще два совета свекрови, еще одно словечко тещи — и молодая семья рухнет. Другие калачами заманивают родителей в общий дом: внуки беспризорные, в квартире бедлам, пельмени осточертели — они же оба не уступают, они же оба диссертации пишут.

Одни уезжают из центра — в пампасы, в деревню, которая уже просто новый микрорайон, но еще сохранила свой лесок и свою речушку. Другие в этих окраинных райских кущах испытывают только кислородное отравление от свежего воздуха и тянутся в центр — в аромат выхлопных газов, в суету людей и машин, в театры, куда можно добраться без электрички.

Одни рвутся из нашего города к морю, к солнцу, к пальмам. Другим душной ночью под кипарисами навязчиво снятся наши снега и дубленки.

Разные люди, разные стремления. А иначе какой же обмен? Если бы всем хотелось одного и того же, что на что мы бы стали менять? Нет, обмен — это всегда мечта об ИНОМ. О том, чего у нас нет. О том, что — мы надеемся — и есть счастье.

Они бродят по этому переулку. Люди с разными мечтами. Здесь есть новички и есть ветераны. Ветераны дают новичкам советы и рассказывают легенды. Эти легенды бытуют здесь давно и передаются из поколения в поколение. В них повествуется о невероятно замечательных и замечательно невероятных обменах. Но легенды уверяют: это возможно, это свершилось. Легенды даруют надежду.

А потом новички становятся ветеранами. И уже сами рассказывают старые легенды новым новичкам. И уже не замечают, что приходят сюда не столько для обмена, сколько для встреч. И рождается сказка, очень похожая на быль. А может, именно быль, похожая на сказку. Про тех двоих, что пришли сюда, чтобы обменяться, а вместо

этого познакомились. И обмен уже стал им не нужен, вернее, нужен, но совсем-совсем другой.

И еще я знаю, здесь есть люди, которые, даже если и найдут свой вариант обмена, не осуществляют его. Они просто ни за что и никогда не уйдут с этой ярмарки жизни, из этого переулочка имени Надежды На Лучшее И Мечты Об Ином.

Я точно, я совершенно точно знаю, такие люди есть. Один из них — я.

1982

СТОП-СИГНАЛ

Насчет вопросов питания человеческого организма я лично испытал в жизни два потрясения.

Первое — в раннем детстве. Когда я задал традиционный вопрос: «Мам, а мам, а где я был, когда меня на свете не было?» Мама ответила тоже вполне традиционно: «Ты тогда сидел у меня в животике». И я ужаснулся: «В животике?! Значит, я там сидел, а ты кушала, и все мне на голову сыпалось!»

С тех пор прошло много лет. И многое, конечно, я за это время узнал. И про то, где бывают дети, когда их еще не бывает. И про то, как идет процесс нашего с вами питания. Казалось, меня уж тут ничем не удивить, ничего нового не сообщишь. И вдруг — второе в жизни потрясение! Нет-нет, насчет детей ничего нового. Но насчет питания...

Как-то в обычный выходной я лежу после обеда и, как обычно, пью себя за то, что лежу, да еще после обеда, вместо того чтобы заняться активным отдыхом, пробежаться, встряхнуться и стряхнуть вредные жировые накопления, но сколько себя ни пью, все равно лежу, никуда не бегу, ничего не стряхиваю, а лежу после обеда и хорошо хоть, не сплю, а просматриваю прессу. И в разделе «Открытия науки» нахожу сообщение. Потрясающее! Оказывается: сигнал о заполнении желудка человека поступает в головной мозг этого человека только через двадцать минут после заполнения желудка все того же человека.

Представляете? Мы себе поглощаем жиры, белки и углеводы и уже наелись, уже насытились, уже наша топка набита до отказа, а мы все подбрасываем в нее уголек. Потому что мы же ничего не знаем, даже не подозреваем, ведь сигнал еще в мозг не поступил и поступит только через двадцать минут.

Вот, объясняет наука, отчего все наши беды — избыточный вес, всевозможный стресс и тому подобное. Мы лишние двадцать минут набиваем себя лишними продуктами. Причем — дефицитными!

Так что, выходит, не надо никаких зарядок, гимнастик, бегов трусцой, французских диет и японских голодовок. Надо просто заканчивать есть на двадцать минут раньше, чем наелся. А сигнал, что сыт, потом сам к тебе придет, в положенное время.

Утром же я пошел на эксперимент. Обычно я завтракаю полчаса. Встаю из-за стола с набитым животом — еле в троллейбус помещаюсь. Теперь завтракал десять минут: ницницу не доел, кофе не допил, яблоко не догрыз. Встал из-за стола с легким чувством голода. Но и с ясным пониманием, что это просто еще сигнал в мозг не дошел, а через двадцать минут придет законное чувство сытости.

Пока ехал на работу, двадцать минут прошло. Даже тридцать. А сигнала нет. И легкое чувство голода становится тяжелее. Час проходит, другой идет — готов выйти на связь, весь настроен, как приемник на короткой волне. Но сигнала нет. А есть хочется — нет сил!

Стало ясно: ошибся в постановке опыта — рановато закончил завтрак.

Еле дождался обеда. Побежал в столовую. Сменил методику. Теперь так: съел только борщ и сижу — жду сигнала. Двадцать минут прошло, сигнала нет.

Тогда принялся за лангет со сложным гарниром. Лангет съел, гарнир не трогаю — жду сигнала. Двадцать минут прошло... нет, только пятнадцать — и перерыв кончился.

Пришлось срочно сворачивать испытания: проглотал, не прожевывая, сложный гарнир, захлебнулся компотом с черносливом, косточки выплевывал уже на бегу.

Ну, думаю, уж вечером поставлю чистый эксперимент, вечером спешить некуда.

Включил телевизор — «Спокойной ночи, малыши!»,

сел ужинать. Съел одну котлету — ловлю сигнал. Двадцать минут прошло — тишина, не сигналил.

А уже информационная программа новостей начинается. Съел вторую котлету, сижу, жду. Информация идет, новости звучат, аппетит есть, сигнала нет. Кто его знает, может, просто у меня сигнал барахлит?

А по телику, как назло, пошел фильм из зарубежной жизни, и там все едят — в ресторане жуют, в кафе глотают, в бистро. А тут хоть бы... Нет, вот, сигналил! Чуть-чуть, отдаленно так... Но не в головном мозгу сигналил — мол, все, сыт. А наоборот, под ложечкой сосет — мол, кушать очень хочется!

Чтоб ежесекундно не поглядывать на часы, завел будильник. И съел еще котлету. Ровно через двадцать минут — есть сигнал! Но — будильника. Трезвонит, как безумный. А в мозгу — ничего!

Уже и фильм прошел, уже и концерт отзвучал, уже и прощальные новости сообщают... Ничего не понимаю. Может, просто я за эти двадцать минут — от одного приема пищи до другого — успеваю проголодаться?

А вот уж и программу на завтра объявляют. Плюнул я на эксперимент, рубанул еще три котлеты и запил чаем. С кексом.

Ну тут, конечно, засигналило, завопило, ударило во все колокола: хватит, наелся, сыт, отвали от стола, стоп питание!

А чего уж теперь — стоп, стоп? Раньше надо было сигналить...

1989

ПОТЕРЯ

Тде же я мог ее потерять? Где и когда?

Может быть, утром, по дороге на работу...

Да, возможно, когда толпа на автобусной остановке все росла, умножалась, накатывала, как волна океанского прилива без всякой надежды на отлив. Автобуса и близко не было видно, но люди теснились, уплотнялись, сбивались в прямоугольный брикет, как будто они уже в автобусе и уже участвуют в давке. А когда стало совершенно яс-

но, что автобуса уже не будет никогда, во всяком случае в этом столетии, автобус все-таки пришел. И не один, а сразу четыре гуськом, подтверждая бытующую в народе догадку, что автобусы ходят не по расписанию, а по окончании партии «козла», которого водители «забивают» на конечной остановке вчетвером. Толпа, сметая недостаточно сильных и чересчур интеллигентных, ринулась на штурм машин. Вот тут я, наверно, ее и потерял... Или, может, чуть позже? Уже в автобусе, распятый и подвешенный в безвоздушном, но очень многолюдном пространстве двумя квадратноплечими ребятами и одной дамой с фигурой гладиатора, упершейся в мою грудь острым ребром чемоданчика-«дипломат». При каждом толчке я с ужасом ожидал момента, когда он соскользнет с моей груди и упрется в мое горло, как в горло побежденного врага. Тут-то я ее, наверно... Хотя нет, тут она еще была со мной. Я помню, я ведь все-таки выжил, вырвался и побежал на работу с облегченной улыбкой.

Где же тогда я ее потерял?

Быть может, на работе...

Да, вероятно, когда спешил в кабинет начальника отдела, где мне пришлось выслушать от него руководящие советы по моей научной теме. Советы мне — единственному специалисту в этой области. Советы от него — глубоко убежденного, что Джоуль—Ленц — это один человек. Конечно, я был взбешен и... Впрочем, нет, скорее я потерял ее, когда выслушивал от замдиректора по хозяйству глубокомысленные замечания по поводу литературного стиля моего отчета. Стили! О нем мне говорил этот человек-загадка: никто в нашей фирме не может понять, почему он произносит «хвакт» вместо «факт», когда ему так отлично удастся произносить «фост» вместо «хвост»... И все-таки нет, наверно, я потерял ее уже под вечер, когда наш директор поинтересовался у меня, как продвигается его докторская диссертация. Да-да, он считал это вполне естественным — о своей диссертации спрашивать у меня. И даже поделился со мной остроумным наблюдением, почему докторские диссертации обычно слабее кандидатских. Потому, оказывается, что кандидатские диссертации пишут доктора — за своих учеников, а докторские пишут кандидаты — за своих начальников. Я вылетел от него вне себя и, конечно, мог в этот момент... Нет, я помню

ню, я довольно быстро взял себя в руки и взглянул на все это с ироничной улыбкой.

Тогда где же я ее потерял?

Скорее всего уже по дороге домой...

Я мог потерять ее в толчее магазина, где в ответ на просьбу выдать жалобную книгу меня пообещали отправить как дебошира в милицию. Я мог потерять ее в очереди химчистки, где вместо моих новеньких простыней мне выдали истлевшее тряпье с выжженными каленым железом штампами по углам — «интернат для дефективных». Я мог, конечно, потерять ее у закрытых дверей почты, которая, видимо, соблюдая тайну переписки, ежедневно меняла часы работы, а теперь изобрела постоянное расписание, но такое, которое собьет с толку любого шпиона, даже самого вооруженного до зубов компьютером: «понедельник — с 8 до 16, перерыв с 13.30 до 14.30; вторник — с 7.40 до 19.45, перерыв с 16.18 до 17.21; среда — с 5.30 по московскому времени до 3.50 по Гринвичу...» Да, во всех этих местах я, конечно, мог ее потерять. Но все же нет, я помню, она еще была со мной. И у меня хватило сил плюнуть на все и отправиться домой с усталой улыбкой.

Но вот дома... Дома я уже не смог улыбнуться жене, приготовившей замечательную окрошку. Я не смог улыбнуться сыну, принесшему из школы сразу две пятерки. Я не смог улыбнуться даже любимому терьеру Джою, притащившему в зубах мои тапочки.

Я только сидел и думал: где же я ее потерял?

Где я потерял свою улыбку...

1985

БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН!

Я думаю, эмансипация — это все-таки не главная беда. Ну, водят женщины наравне с мужчинами самолеты и курят сигареты, ну, носят брюки и таскают рельсы... Нет, это еще полбеда. А куда страшнее эмансипации — феминизация. То есть когда, наоборот, мужчины наравне с женщинами. Холят длинные кудри и ходят на высоком каблучке, вышивают болгарским крестом и благоухают француз-

ским парфюмом, теряют мужской характер и обретают женскую логику...

Казалось бы, хватит, мужики, все, докатились, феминизировались, пора остановиться! Но нет. Если эмансипация дошла до предела, то уж феминизация вообще не знает границ.

Читаю газеты. Новая Зеландия: «Профессор Питер Джексон пришел к выводу, что мужчина в принципе может выносить и родить ребенка». Франция: «Более тридцати процентов мужчин готовы обдумать проблему вынашивания своего ребенка». Лос-Анджелес: «Всемирно известный киноактер Дастин Хоффман заявил, что мужчинам давно пора рожать».

Представляете? Нет? А я вот довольно живо себе представил...

Дождливый осенний вечер. Жена, как обычно, задержалась на собрании. Потом забежала выпить пива с подругами. А мне сегодня как-то не по себе. С утра поташнивает. И очень тянет на соленькое.

Но вот хлопает дверь. Является она. Любимая. Неласковая.

Жена интересуется, чего это я не сплю, разбрасывает где попало пальто, шапку, грязные сапоги и намекает, что раз уж я не сплю, то мог бы сообразить ей что-нибудь перекусить.

Я покорно ставлю на плиту котлеты. В сковородку невольно падает непрошенная слеза.

Заметив это, жена бодро хлопает меня пониже талии и требует не киснуть.

В ответ я лишь тихонько всхлипываю.

Жена начинает заводить: ну что, чего, ну сначала собрание, потом с Танькой по пиву, ну что стряслось!

Я сильно краснею и застенчиво шепчу ей на ухо.

Мое сообщение вызывает на ее неприветливом лице недоверчивую радость. Сначала жена предполагает, что этого не может быть. Но я смущенно уверяю, что очень может быть и даже точно есть. Потому что я сегодня ходил к врачу.

Жена счастлива. Она подхватывает меня на руки и кружит по комнате.

Это, конечно, приятно, но я пугаюсь, потому что мне же теперь так резко нельзя...

Жена все понимает, заботливо укладывает меня на тахту. И сообщает, что хочет мальчика.

Я еще больше смущаюсь, но обещаю постараться. И порываюсь встать — там на кухне котлеты...

Но жена силком укладывает меня обратно и бежит перевернуть котлеты. А возвратившись, сообщает, что отныне все-все она будет делать сама, мне же надо себя беречь и, главное, не сметь больше таскать с рынка картошку.

Я ненавижу эту нудную мужскую повинность и потому радостно киваю. Но затем мрачнею и печально вздыхаю, что скоро я стану некрасивым — живот до носа...

Жена утешает, что мужчину живот только украшает, клянется ежедневно прогуливать меня в парке, и больше никаких собраний, никакой Таньки с ее пивом!

Но я все равно капризничаю, что стану толстым, некрасивым и она меня бросит.

Жена вне себя от возмущения. Как? Она бросит меня? Будущего мать ее ребенка?!

Я неуверенно уточняю — отца.

Жена так же неуверенно предполагает, что отец, наверное, она.

Мы оба задумываемся. Потом она тревожится: а может, в моем возрасте опасно... Нет, нет, пугаюсь я, мой папа считает, что первый раз надо обязательно рожать. А то — бесплодие. Мой папа по себе знает.

Жена веселеет: ну, тогда все решено, носи и не беспокойся!

Но я вновь начинаю хныкать, что когда Иван Сергеич с автобазы рожал, так жена ни разу не навестила. Его из роддома ребята-водители забирали. Тоже отцы-одиночки.

Я плачу в голос, жена снова подхватывает меня на руки, кружит по комнате, роняет в кресло...

И я прихожу в себя. За окном осенний дождь. Я сижу в кресле.

Но тут же в комнату заглядывает жена и язвительно интересуется, чего это я сижу, вместо того чтобы сходить за картошкой.

Я еще по инерции ужасаюсь: за картошкой — в моем положении?!

Жена начинает разводить пары: в каком это я положении, какое у меня такое особое положение...

Не дожидаясь взрыва парового котла, я прихожу в себя окончательно, хватаю авоську и бегу за картошкой.

Никогда еще я не исполнял столь охотно и радостно эту нудную мужскую повинность.

1987

ОСТОРОЖНО — ЛИФТ!

Не люблю я лифты. Нет, не люблю.

Как-то не по душе мне эти странные коробочки, эти поезда ближнего следования, ежеминутно принимающие и выпускающие пассажиров, сводящие людей так тесно, так близко, глаза в глаза, но ничуть не печалюсь о том, что через краткий миг люди эти расстанутся и, возможно, навсегда.

Так и снуют они вверх-вниз, от и до: от первого этажа до последнего. Есть в этом движении что-то ограниченное, бескрылое, что ли... Хотя бы раз эта коробочка преодолела свои «от» и «до», взлетела бы в небо или, на худой конец, провалилась бы в землю!

Нет, конечно, я трезво осознаю, что у лифта совсем другие задачи, разумно-полезные. И не зря призывают: «Берегите лифт — он бережет ваше здоровье!» Наверно, так и есть. Даже наверняка. Лифт бережет наши ноги. Но нервы, нервы...

Честно говоря, я просто не знаю, как вести себя в лифте.

Вот я вхожу в кабину. А там все стоят. Стоят плечом к плечу. Лица отрешенные, какие-то скорбные. Одни опустили очи вниз, другие возвели их кверху. Как на гражданской панихиде. Я невольно включаюсь в общее настроение, так же скорбно склоняю голову, столь же печально опускаю глаза. Лифт мерно гудит, мы в торжественном молчании дружно возносимся к небесам... До следующего этажа.

А там — полнейшая метаморфоза. Кто-то выходит, кто-то заходит. Среди вошедших две девушки. Они приносят с собой аромат духов — так мягко назовем этот запах, сразу превращающий кабину в душегубку. И атмосфера панихиды резко сменяется праздником коммунальной кухни.

Нимало не стесняясь, но крайне стесняя присутствующих, девушки с фантастической скоростью выдают за кратчайший промежуток времени — между тремя этажами — колоссальный объем информации. Культурно-мануфактурно-амурной: от размеров талии до певцов Италии. Когда они громким и открытым текстом переходят к совсем интимному: «А он что? А ты что? А вы что?», — я вжимаюсь в угол, я готов провалиться сквозь пол, но пол не проваливается, лифт неуклонно движется заданным курсом, а прекрасные незнакомки все щебечут, щебечут...

Впрочем, ничуть не лучше, когда в лифте — знакомые незнакомцы. Мои соседи, жильцы большого дома, с которыми я встречаюсь только в лифте.

Как быть? Поздороваться? Вроде неловко — незнакомые же люди. Не здороваться? И это неудобно — все же соседи. Похоже, они испытывают по отношению ко мне аналогичные чувства. И потому в лифте начинается кашель.

Я первым неловко откашливаюсь, что вполне можно расценить и как невнятное «здрасьте» и как хронический катар верхних дыхательных путей. Соседка с восьмого этажа немедленно отвечает мне бухающим рецидивом острого респираторного заболевания. Сосед с шестого этажа тут же вспоминает о своей застарелой чахотке. Эпидемия кашля мгновенно охватывает весь лифт. И даже лохматая собака с третьего этажа заходится в лающем кашле или в кашляющем лае.

Собаки в лифте — это особая тема. Не знаю, почему, не знаю, как на других, но на меня все псы — от малого шпица до огромного волкодава — смотрят одинаково: как Мухтар на нарушителя границы. Едва я появляюсь в кабине, они делают стойку, резко подтягивают животы, стально напружиниваются. И если есть в их глазах хоть какое-то сомнение, то лишь одно: укусить его сразу или враг сам побежит?

Да, не люблю я лифты. Нет, не люблю.

Я чувствую себя в них таким несвободным, таким зависимым. Мне нужно вверх, а лифт заряжен автоматикой вниз, и я вынужден спускаться лишь для того, чтобы подняться вновь. Или: я еду, например, на двенадцатый этаж, а меня могут остановить — совершенно независимо от моей воли — скажем, на шестом. Или: только я делаю

шаг в кабину, как зажигается табло: «Перегрузка». Знаете, очень обидно себя чувствовать даже лишним человеком. Но куда обиднее чувствовать себя лишним грузом.

И вообще, что это за надпись: «6 человек, 500 килограммов»? Я всегда невольно и мучительно начинаю прикидывать... Сколько, интересно, потянет этот верзила с чемоданом? А эта дама внушительной комплекции? Про таких в Одессе говорят: «Мне в ней нравятся три вещи: подбородок!» А этот мальчик? Мальчик-то он мальчик, но до чего упитанный. Да и сам я хорош: зарядку забросил, к бегу что-то остыл, к сауне как-то охладел, вот и набираю вес, а ведь тут — только пятьсот килограммов... Тьфу, ну что за дурацкие мысли являются в этом идиотском лифте!

Но хуже всего — ехать в кабине вдвоем. Нет, уж пусть даже скорбно-молчаливая, как на панихиде, толпа, пусть даже оглушительно-интимный стриптиз незнакомых болтушек, пусть даже свирепые собаки, подозревающие во мне шпиона, но только — не вдвоем!

Когда я еду в лифте вдвоем с незнакомым человеком, я абсолютно теряюсь. Я не знаю, как стать, как повернуться? Лицом — вызывающе. Спина — бестактно. Я не знаю, куда смотреть? В глаза — нахально. В потолок — глупо. Я чувствую себя совершенно обязанным о чем-нибудь заговорить. Но о чем? Узнать, который час? Поделиться прогнозом погоды? От всей этой неловкости я не нахожу ничего лучшего, как только молча совершать массу нелепых движений: поправлять одежду, приглаживать волосы, почесывать нос...

Так было и в тот день, когда я вошел в лифт, а там — всего одна девушка. Девушка как девушка. Я вошел, и мы поехали.

Начал я с того, что одернул пиджак. Она поправила прическу. Я подтянул галстук. Она открыла и закрыла сумочку. Я сунул руки в брюки. Она похлопала ресницами.

А лифт себе ехал и ехал. Никто его не останавливал. Никто в нем не появлялся. Мы ехали вдвоем. И обстановка с каждой секундой накалялась.

Я вытер платком лоб. Она внимательно осмотрела маникюр. Я проверил запонку. Она ослабила ногу в колене. Я прислонился к стенке. Она подкрутила часики на руке.

Возможно, все бы и обошлось, если бы этот лифт нахо-

дился в старом доме, этажей девять, ну пусть двенадцать. Но дом был новейший, экспериментальный, двадцатичетырехэтажный.

На семнадцатом этаже я почесал бровь. Она повертела перстенок на пальце.

На восемнадцатом — я отбил ботинком пару тактов неизвестной мелодии. Она застегнула верхнюю пуговку платья.

На девятнадцатом — я сильно дернул себя за ухо. Она полуобморочно закатила глаза.

А на двадцатом этаже я почувствовал, что силы мои на исходе, и понял, что это конец. Я открыл рот. Я набрал воздуха. И предложил ей стать моей женой. От отчаяния. А она немедленно согласилась. От испуга.

С тех пор мы с ней и живем. Вроде бы дружно и, кажется, счастливо.

Но не люблю я все-таки лифты. Нет, не люблю.

Самая большая для меня радость, если я подхожу к лифту и читаю сообщение, что он в настоящий момент ремонтируется. Тогда я вздыхаю облегченно и весело.

И мое хорошее настроение не может испортить даже то, что какой-то остряк к благословенной табличке «Лифт на ремонте» приписал очень старую шутку: «Ближайший лифт — в доме напротив».

1986

ДЕРЕВО В КОКТЕБЕЛЕ

Оно стоит возле почты. И я не знаю, как лучше его назвать... Дерево-почтальон? Дерево-телеграф? Дерево-связной?

Нет, вообще у этого дерева есть свое название — акация. Старая акация с раскидистой кроной, которая уже частично переплелась с кроной соседних деревьев. Но у соседей ветви и листья начинаются довольно низко, а у этой акации — очень высоко, оставляя внизу голый, сухой, не слишком корявый ствол.

И вот весь этот ствол увешан, оклеен, обколот бумажками.

Есть тут обычные объявления, которые можно встретить и в других краях, на других деревьях, столбах, заборах:

«КТО ПОТЕРЯЛ ОЧКИ В ФУТЛЯРЕ, ОБРАЩАЙТЕСЬ ПО АДРЕСУ».

«ПРОДАЕТСЯ ДОМ, УЛ. ПОДГОРНАЯ 7. ПЛОЩАДЬ 60 КВ. М».

«ИМЕЮТСЯ ДВА БИЛЕТА ДО МОСКВЫ НА ПОЕЗД № 104».

Но таких сообщений на дереве немного. И они не главные. Главные здесь совсем иные — призывы к встрече.

Одни из них кратко-информативны:

«ЛЕНА ИЗ МИНСКА! Я ЖИВУ ПОЛЕВОЙ ПЕР., 2. ОЛЬГА».

«КАЗАЧИХА! МЫ В УЩЕЛЬЕ. КАБАНЫ».

«ДИТЯ О. БЕНДЕРА! МОЙ ДОМ — ЖУКОВСКОГО 13. МАВР».

Другие записки категорично-требовательны:

«ВИТЕК! ИЩИ МЕНЯ ВОЗЛЕ ПИОНЕРЛАГЕРЯ. СЕРЕГА».

«ЛЕХА! Я НА КАЛИНИНА, 8. ЗАХОДИ. ВОВА».

«КАТЯ И АНЯ! Я ПРИЕХАЛ, И ОТ ЭТОГО ФАКТА НЕВОЗМОЖНО ОТМАХНУТЬСЯ. СООБЩИТЕ СВОИ КООРДИНАТЫ. Л. Ю. ШЕЛМАНОФФ-ЭСКВАЙР».

Третьи послания исполнены откровенной мольбы:

«ГАЛЯ! ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ЖДУ НА АЙВАЗОВСКОГО, 51 ТВОЙ».

«МАРТЫШКА! НЕ ПРОЙДИ МИМО КЕМПИНГА! ПИТОН».

«ШУРИК! ТЫ НУЖЕН, КАК ВОЗДУХ!!!» (без подписи).

Впрочем, далеко не все корреспонденции столь лаконичны. Многие содержат подробности — географические и биографические:

«ЗИС И ЧИК (СВЕРДЛОВСК)! МЫ С 10 ДО 13 — НА ПЛЯЖЕ. В ОБЕД — ТРАКТИР «ВОЛНА», ПОСЛЕ 17.00 — ЗА ПИВОМ. МИХАИЛ».

«ОЛЯ! МЫ ЖИВЕМ — ВСЕ ЕЩЕ ОДИНОКО — НА НАБЕРЕЖНОЙ, 25. СПРОСИ, ГДЕ «ШАНХАЙ», ВСЯКИЙ ПОКАЖЕТ. ЖДЕМ, ТОСКУЕМ. СВЕТА, ТАНЯ».

«МЭРИ ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА! ЕСЛИ ОБОЙДЕШЬ ПОЧТУ СПРАВА, ПОПАДЕШЬ НА ПЛЯЖ ЛИТФОНДА. ТАМ НАС ТОЧНО НЕТУ — ГРАМОТЫ НЕ ХВАТАЕТ! А МЫ ЗА ПАН-

СИОНАТОМ «ГОЛУБОЙ ЗАЛИВ». СМ. СХЕМУ. БОБ, МАК И СТЕПА».

Чертеж-схема, венчающая последнее послание, очень напоминает с детства любезные нашему сердцу планы захоронения пиратских сокровищ. А непосредственное место, где Боб, Мак и Степа ждут свою Мэри, помечено жирным крестом, достойным «черной метки» знаменитого Билли Бонса.

Другие записки смахивают на шпионские радиোগраммы, доступные лишь посвященным:

«С-Н! КЕМПИНГ. ВТОРАЯ СПРАВА. ТОЛЬКО ПОЛДЕНЬ. Б.».

Или уж вовсе не по-нашему:

«ATTENTION! ЛЯЛЯ AND ДР. МЫ ВАС НАЙДЕМ САМИ! К. AND С.».

Я прихожу к этому дереву у почты несколько раз в день. Почта работает с 9 до 19. Телеграф работает с 8 до 22. Дерево трудится круглосуточно.

Дерево встреч... («ЖДУ В «КОФЕЙНОЙ» ПО ЧЕТНЫМ, В «ЧЕБУРЕЧНОЙ» ПО НЕЧЕТНЫМ!»)

Дерево надежд... («НАЙДИ МЕНЯ ДНЕМ ИЛИ НОЧЬЮ У ТОГО ЖЕ СТАРИКАНА!»)

Дерево любви... («НЕ УЕДУ, ПОКА НЕ ВСТРЕТИМСЯ, ПУСТЬ ХОТЬ ВЫПРУТ ИЗ ИНСТИТУТА!»)

Одни записки — таких немного — появляются утром, а исчезают уже к обеду. Что это значит? Такая скорая счастливая встреча? Или просто бумажку унесло ветром?

Другие — таких записок большинство — висят подольше и пропадают только через день-два. Но снова неясно. Люди нашлись? Или, наоборот, совсем потерялись?

Третьи — их тоже немного — висят давно и надежно. Или может — безнадежно? Они уже просолены морским дыханием, они опалены крымским солнцем. Вот одна из них:

«Я, СЕРГЕЙ АРСЕНОВ, ПРИЕХАЛ! ВСЕ, КОМУ Я НУЖЕН. ГДЕ ВАС ИСКАТЬ?»

Под этим страстным призывом предусмотрительно оставлено пустое пространство. Пока что так и остающееся пустым. Никому Арсенов не нужен. Некого Сергею искать.

А на дворе уже осень...

Все чаще по утрам на пляже не выдают водные велосипеды: штормовое предупреждение. Все чаще по вечерам срывает просмотры в летнем кинотеатре осенний дождь.

Желтеют и облетают листья старой акации. Желтеют и облетают с нее последние листочки посланий. И с каждым днем мне почему-то все острее хочется успеть тоже что-то написать, кого-то позвать, кому-то назначить встречу.

Хорошо бы, конечно, написать ей... Ну, скажем, так:

«ЖДУ В «ШАНХАЕ»! ЖДУ ВЕЧНО!»

Но она далеко отсюда. Она не увидит мой клочок бумаги. Не прочтает. Не придет. Да наверно, если бы и не далеко, если бы и увидела, если бы и прочтала, все равно бы не пришла.

И потому, может, надо написать совсем иное:

«ИМЕЕТСЯ ОДИН БИЛЕТ ДО МОСКВЫ».

И повесить эту записку на дерево, а с него снять другую:

«ПРОДАЕТСЯ ДОМ, УЛ. ПОДГОРНАЯ, 7».

И пойти на эту наверняка тихую улочку и поселиться насовсем в этом благословенном краю, где шумит синее море, где парят белые чайки, где растет удивительное дерево, помогающее людям найти друг друга...

Минутку! Что значит — насовсем поселиться? Разве там написано «дарится» дом? Нет, там написано «продается». За деньги. А денег, вырученных за билет до Москвы, подозреваю, не хватит на дом в Коктебеле.

Нет, не знаю я, что мне написать. Не знаю, какое послание доверить надежному дереву-почтальону.

А ветер осенний крепчает. А серые волны растут.

И на осиротевшем стволе старой акации уже белеет всего лишь один, накрепко прищипленный, но все еще безответный крик души:

«Я, СЕРГЕЙ АРСЕНОВ, ПРИЕХАЛ! ВСЕ, КОМУ Я НУЖЕН, ГДЕ ВАС ИСКАТЬ?»

Я подхожу к дереву и оставляю на этой записке свои координаты.

НУ ЧТО СКАЗАТЬ...

Поезд вечернего метро летит светящейся стрелой в темноте тоннеля. Кто читает книгу, кто беседует с соседом, кто утомленно клюет носом. А я смотрю на небольшой железный ящик в стене с надписью: «Экстренная связь с машинистом».

Да, все-таки метро — самый совершенный вид транспорта. Вот в трамвае, в троллейбусе — там, наоборот, таблички «Разговаривать с водителем категорически воспрещается!» А здесь — пожалуйста. Не только не запрещают, но даже приглашают потолковать с машинистом. Только нажмите черную кнопку с надписью «нажмите» — и говорите себе в решеточку с надписью «говорите».

Но только что я ему — машинисту — скажу?

Может, просто рассказать, что вот я еду домой после напряженного трудового дня. Поработал сегодня неплохо. И настроение хорошее, только устал немного. Нет, даже здорово устал. Потому что работы до черта, а я, увы, далеко уже не мальчик. Хотя этого никак не желает понять наш заводделом и посылает меня то туда, то сюда за всякой ерундой, словно мальчика на побегушках...

Впрочем, что это я — все о себе да о себе? Очень это интересно слушать машинисту! У него наверняка хватает своих забот.

Но тогда что же я ему скажу?

Вот, надо как раз и спросить его о его заботах. Узнать, как соблюдается график движения, как насчет безаварийности в работе... Или нет, лучше расспросить его, как он поживает, как здоровье, как семья... А если у него нет семьи? Или была, но распалась, и я ему своими бестактными вопросами — только соль на рану... А может, вообще машинист — женщина? Ну, если он — женщина, тогда в принципе совсем другой разговор...

Хотя о чем я еще размышляю? Тут же все написано ясно: «Экстренная связь с машинистом». Экстренная, то есть срочная, то есть только тогда, когда не поговорить просто нельзя, когда уже молчать совершенно не можешь... А я? Я тоже не могу молчать!

Да, но что я ему конкретно скажу?

О, например, я могу рассказать, что она мне вчера

сказала... И это после двенадцати лет совместной жизни! Нет, про нее лучше не надо, про нее не смогу спокойно, только разнервничаюсь, раскричусь, никакого разговора не получится... Лучше я ему — про сына. Вот уж действительно не сказать нельзя! Растил его, лелеял, надеялся, и несмотря на все, что я для него сделал, он устраивает в школе... Нет, не могу! Это тоже не расскажешь так, на расстоянии, через микрофон. Вот если бы поговорить с машинистом с глазу на глаз...

Ну и что бы я ему, интересно, сказал?

Не знаю, ну толком не знаю, но ящичек на стене так и манит, так и зовет: «нажмите»... «говорите»... «нажмите»... «говорите»... А что, если просто признаться ему, что в детстве я тоже мечтал стать машинистом? Только, конечно, не метро — я тогда жил в городке, где метро и в помине не было. Зато недалеко от моего дома был железнодорожный полустанок, и я мечтал стать машинистом паровоза. Я снился сам себе — в паровозной будке, мускулистый, чумазый, в промасленной спецовке, ловко управляющий рычагами и колесами, уверенно глядящий в набегающую даль, только глаз чуть прищурен, чтоб не попали угольные пылинки.

Где тот полустанок, где тот паровоз, где я...

Я еду в метро, но вовсе не машинистом, а обычным пассажиром, и у меня совсем не та профессия, и заводделом считает меня мальчиком на побегушках, а когда я прихожу домой после двенадцати лет совместной жизни, она мне выдает такое, а сын, несмотря на все, что я для него сделал...

Стоп! О чем это я опять? Сам не понимаю, но ведь надо же, необходимо же мне поговорить с машинистом! Ведь это не так часто предлагают, да еще совсем просто: нажмите — и говорите сколько и что душе угодно. Ведь чаще наоборот: поговорить не с кем, все на своем замкнулись, каждый сам на себя заиклился, а если и говорит о чем, так как раз о том, что поговорить совершенно не с кем...

Нет, не имею я права упускать такую возможность, должен я с ним поговорить.

Но что же, что я все-таки ему скажу?

Да что-нибудь, что угодно. Ему, наверное, там в кабине скучновато, ему хочется услышать живой человече-

ский голос. А то ведь сам он что — целый день твердит одно и то же: «Осторожно, двери закрываются... Следующая станция...»

Все, я наконец решаюсь. Я протягиваю руку. Я нажимаю кнопку. Нажимаю еще раз. Еще нажимаю. Жду ответа...

Ответа нет. Переговорное устройство не работает.

Ну и хорошо. Вот и ладно. Мне, честно говоря, даже стало как-то легче.

Нет, ну правда, ну что бы я ему сказал?

1985

ТАИНСТВЕННО ЗВЕНИТ ХРУСТАЛЬ

Я пересматриваю содержимое моих карманов один раз в год. Тридцать первого декабря. Хотите — верьте, хотите — нет. Но врать мне ни к чему, ведь ни о чем, кроме моей лени и безалаберности, это не говорит.

Впрочем, если честно, то дело здесь не только в указанных недостатках. Просто для меня это — ритуал. Таинственный. Священный. Немного потусторонний.

В эти предновогодние минуты я вызываю тени прошлого. Яснее вижу настоящее. И даже слегка проникаю в будущее.

Я достаю из шкафа три своих костюма. Я вытряхиваю на стол из двадцати четырех карманов — двенадцать пиджачных и двенадцать брючных — их разнообразное содержимое.

Воспоминания.... Радостные и грустные... Сбывшиеся мечты... Надежды, которые никогда не осуществляются...

Я освобождаю на столе чистое пространство. Сюда ляжет все, что уйдет со мной в новый год.

Я ставлю мусорную корзину. В ней останется то, что должно остаться.

Два предмета уверенно ложатся на стол. Записная книжка и авторучка. Уже много лет они кочуют из кармана в карман, из года в год. Прежде с ними путешествовала и расческа. Но последнее время она мне ни к чему.

Маленький календарик. Он всегда улетает в корзину. Триста шестьдесят пять дней, которые не повторятся.

Наш театр в гостях у Аркадия Райкина. Крайний справа
вверху — я, крайняя слева внизу — Инна

Мы с Инной — в день свадьбы...

... и сорок три года спустя

Очень маленький,
но все равно
старший сын Дима

Младший сын Костя

Два сына, два брата

Сын Костя подрост

Пну́к Па́шка подро́астает

Инна в двух ипостасях:
невестка — с моей мамой,
свекровь — с невесткой
Наташей

Моя семья

Дед и внук

Красные кружки дней рождения. Я переносу их на новый календарик. Не все. Некоторые исчезнут. Как исчезли адреса из записной книжки. Как забылись глаза и волосы.

Пробитые талоны — трамвайные, троллейбусные, автобусные... Маленькие свидетельства моего большого уважения к общественному порядку.

Счастливый билет. Правда, это уже подтвердить невозможно: цифры совсем стерлись. Она была не очень сильна в математике. Может, сумма первых трех цифр все и не равна сумме трех последних. Но все равно билет не может не быть счастливым, раз его дала мне она. Иначе как я найду ее в новом году?

Старинная монета — медная, тяжелая. Помогает мне решать сложные житейские проблемы. Пойти в кино или пойти спать? Съесть яичницу или омлет? В таких случаях я щелчком подбрасываю монету: орел или решка? Метод не слишком научный, но избавляет от лишнего напряжения мозговых извилин.

Два письма из двух журналов — рецензии на мой рассказ. Один рецензент скорбит: «Литературные достоинства погубила избитая тема». Другой сокрушается: «Даже наличие любопытной оригинальной темы не может скрыть отсутствие литературных достоинств». Очень уважаю наших критиков за умение по-разному, но одинаково точно смотреть на вещи. Ведь в главном они сошлись — рассказ не напечатан.

Гора в корзине растет. Меня это всегда огорчает. Так сказать, все тщетно, все преходяще.

Однако при небольшом умственном усилии можно предложить и другую трактовку. Более утешительную, даже бодрящую: мы берем с собой в новый год только лучшее, сметая в корзину старье и хлам!

Оптимистическая формула придает силы. Я решительно сваливаю со стола кучку билетов — в театры, на концерты, на презентации... За каждым из них — целый вечер. Радостный или убитый. Убитых значительно больше.

Три пуговицы, вырванные «с мясом». В новом году их ожидается больше: я меняю работу и буду ездить с двумя пересадками.

Наклейка с бутылки кавказского вина — краткий, но исчерпывающий отчет о моей командировке в Сочи. Увижу ли я море в новом году?

Много бумажек, начинающихся словами «сделать», «написать», «решить»... В новом году мне придется писать те же слова. К сожалению, и дела — те же.

Описание гимнастики йогов. Отличные ребята, эти йоги. Время от времени они становятся на голову. Это дает возможность увидеть многие вещи повернутыми с головы на ноги.

С йогогами, в частности, связана моя красивая мечта — делать зарядку. Кто-то из классиков юмора сказал: «Самое легкое дело на свете — бросить курить, лично я бросил тридцать два раза». Классиков я уважаю, но мне все же думается, что самое легкое — начать делать зарядку. Лично я начинал шестьдесят четыре раза...

Всегда с особым волнением я ожидаю минуту, когда на столе останется последний предмет. Это символично: куда он отправится — в новый год или в корзину?

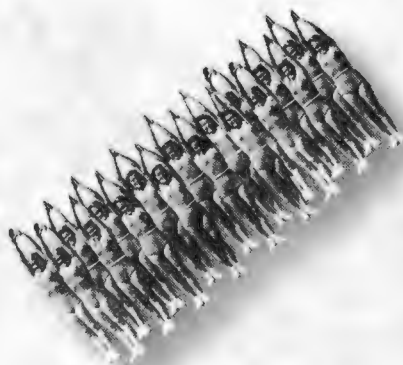
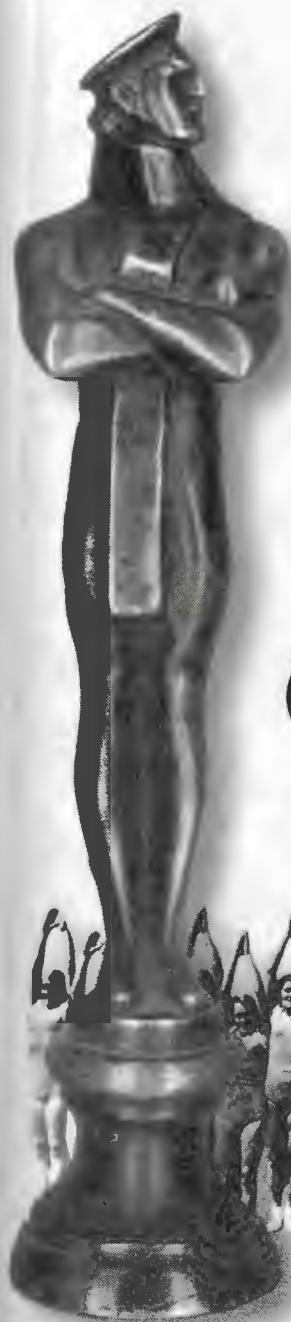
Сегодня последним остался обломок сигареты. И я просто закуриваю.

Потом открываю шампанское. Наполняю бокал. Подхожу к окну. Тихонько чокаюсь о стекло со всеми, кто там — за окном.

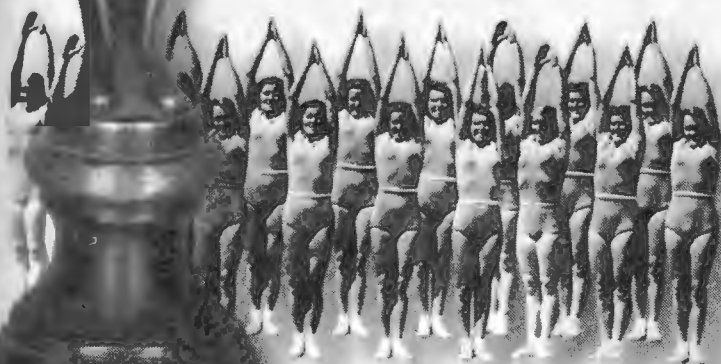
Таинственно звенит хрусталь...

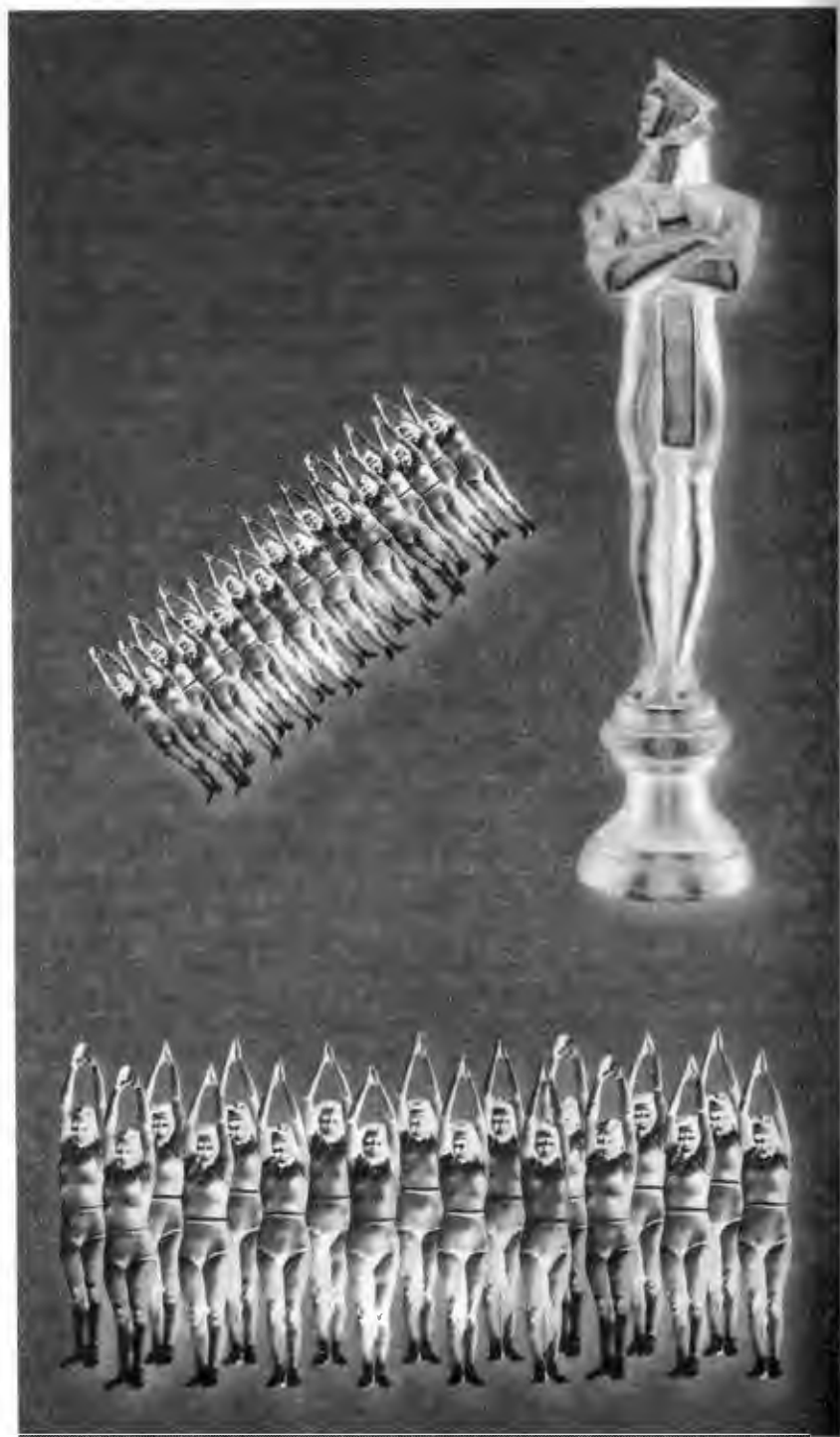
С Новым годом!

1966

Globecru

Одиноким предоставляется общежитие

Девушка укладывала чемодан.

Собственно, все ее нехитрое имущество было уже сложено, и осталось лишь уложить в чемодан то, что лежало на тумбочке у кровати и висело на стене. С тумбочки девушка отправила в чемодан будильник, потрепанную книжку, парфюмерные банки-склянки и шкатулочку, слепленную из открыток с видами моря и пестрых ракушек. — «Привет из Крыма!». А со стены девушка уложила в чемодан эстамп с какой-то пышной заморско-пальмовой природой, почетную грамоту в рамочке под стеклом, японскую стереоскопическую открытку — в зависимости от ракурса японочка в кимоно подмигивала левым глазом, и большой цветастый календарь, на котором иностранными буквами было написано трудное русское слово «Внешторгтекстильэкспорт».

Последними на стене остались черно-белая фотография самой девушки, курносой, с коротенькой челочкой, и роскошный, в цвете, вырезанный из журнала портрет зарубежного киноартиста Жана-Поля Бельмондо. Она откинула от стены фотографии, собственную отправила в чемодан, а над киноартистом слегка помедлила, глядя ему в глаза, будто прощалась, и наконец отбросила фото в сторону, захлопнула чемодан.

А потом грянул Свадебный марш известного композитора Мендельсона, и стало совершенно ясно, почему Бельмондо уже был не нужен. На смену герою экрана явился герой в жизни, ее собственный принц. И пусть он

был не так красив, а просто белобрыс и мужествен. И пусть не столь элегантен, а наглухо скован черным костюмом с галстуком. Но как хорошо, как радостно ей было идти с ним рядом — все такой же курносой, с той же челкой, но уже в длинном белом платье невесты и с тюльпанами в руках.

Жених и невеста в сопровождении нарядных друзей и подруг выходили из дверей. А из всех окон всех пяти этажей глядели жительницы старого краснокирпичного дома — женского общежития. Одни выкрикивали добрые пожелания молодым, другие молча махали им вслед. Одни — помоложе — провожали их радостными взглядами, полными своей затаенной надежды. Другие — постарше — смотрели не без грусти о своих несбывшихся мечтах.

Свадебная процессия уходила по зеленой солнечной аллее, ведущей от дверей общежития к стоявшим в отдалении такси, увитым цветными лентами и с традиционными целлулоидными пупсами на радиаторах. А на крышах машин были сплетены воедино золотистые обручальные кольца, и в каждом из них подвешен колокольчик — дар Валдая. Этакая новейшая обрядовая помесь: зверь-машина с птицей-тройкой.

Жених шагал торжественно-негнушийся. Не спеша и осторожно переставляя ноги, будто ступая по ненадежному весеннему льду. Парни-друзжки поддерживали его дух веками апробированными шуточками:

— Коля, ты чего такой серьезный? Чего невеселый, Коль? — заводил один.

— Так его невесту замуж выдают! — откликнулся другой.

— А за кого?

— Да за него!

Парни от души гоготали. Жених хранил серьезность момента.

А невеста перешептывалась с подругой — женщиной с простым и милым русским лицом.

— Ой, чего-то я трушу! — шептала невеста. — Прямо ножки не несут!

— Шурочка, дурочка ты моя, — ласково улыбалась подруга. — Знаешь, что говорила моя мудрая бабушка?

— Что?

— Девушка может надеть балльный наряд, но не пойти на бал, надеть купальный костюм, но не лезть в воду. Но

если уж девушка надела подвенечное платье, она дойдет до алтаря!

Обе засмеялись, невеста слегка расслабилась, но вновь напряглась — такси дружно засигналили. Невеста ухватилась покрепче за руку жениха и так проследовала к машинам.

Здесь начались последние напутствия, объятия, поцелуи. Невеста, подобрав подол длинного платья, уже садилась в машину, но вдруг бросилась назад, обняла подругу, запричитала, путаясь в слезах и улыбках:

— Спасибо тебе! За все, за все спасибо! Ой, как же я теперь без тебя... ой, совсем одна-а...

— Какая же ты теперь одна? Ты — вдвоем, а там, глядишь, и — троим, — улыбнулась подруга. — Это я вот без тебя остаюсь одна...

Машины вновь нетерпеливо посигналили. Жених — уже хозяйской рукой — оторвал невесту от подруги, усадил в машину, захлопнул дверцу, сам сел с другой стороны, и головная машина с молодыми плавно тронулась. За нею последовали две остальные. Приветственные возгласы и добрые пожелания слились в единый хор, достигнув своего апогея. Свадебный кортеж уплыл за поворот. Прощающие стали расходиться.

И только подруга невесты все стояла и смотрела вслед уже невидимым машинам и улыбалась — светло и чуть печально.

ЛЕТО

1

Окна старого общежития уютно светились в темноте летнего вечера.

Общежитие стояло на холме, одном из нескольких холмов, на которых возник этот старинный русский городок, хранивший память о многих иноземных нашествиях. Его землю топтали ханские кони, месили сапоги наполеоновских солдат, корежили гусеницы немецких танков. Но все они прошли, проползли, прохромали, а городок остался и стоял. И хранил память о былом — в сердцах людских и в застывшем камне: остатках древней крепостной ст-

ны, когда-то опоясывавшей городок, монументах российским воинам, отстоявшим родную землю от французского нашествия, и памятниках солдатам войны, недавно минувшей.

После этой войны старый городок и стал превращаться в город. Все началось со строительства огромного ткацкого комбината. Налетели-накатили веселые строители, бывалые ребята и не менее бывалые девчата. Ворвались в почти деревенскую атмосферу городка, принесли с собой энергию и размах великих строек, новое понимание многих жизненных вопросов, непривычную по тем временам и в тех краях свободу нравов и боевито-романтические песни под гитару, тогда еще простую, не электрическую.

Городок стремительно рос и превращался в город по всем приметам. Проложили трамвайную линию и перестали по-деревенски здороваться с незнакомыми людьми. К улицам и переулкам добавилась первая асфальтированная магистраль с гордым названием «проспект». Построили новый клуб, переименовали кафе в ресторан и основали вырезвитель.

Через несколько лет, когда первая очередь комбината была сдана, вольные перелетные птицы строители полетели в новые края — «строить и мстить в сплошной лихорадке буден». А на смену им в новенькие ткацкие цеха пришли работники, точнее — в основном — работницы. Конечно, нечего было и думать, что эти кадры наберутся за счет малочисленного коренного населения. И потому в город хлынуло рабочее пополнение со стороны — девушки из окрестных и дальних деревень и поселков.

Город превращался в типичный, воспетый в известных песнях «текстильный городок», где «незамужние ткачихи составляют большинство». Строились новые очереди комбината. За ними развернулось жилищное строительство, появилось новое, впрочем, довольно скоро ставшее привычным название — «микрорайон». Бывший клуб реконструировали в огромный Дворец культуры, «пятак» в горсаду расширили до большой танцплощадки и выстроили новый роддом.

Затем в городе открыли филиалы текстильного и технологического институтов. Прибыл профессорско-преподавательский состав. Ткачихи ринулись на штурм высшего образования. Штурм этот оказался нетрудным и ус-

пешным, но мало что изменил в жизни девушек. Разве что — по причинам загадочным — невесты с вузовским дипломом котиrowались у местных женихов гораздо ниже, чем с обычным школьным аттестатом зрелости. Кроме того, часть новоиспеченных молодых специалистов перешла из цехов в отделы. Но многие и с дипломами остались в цехах: заработок в отделах не тот.

Однако, так или иначе, интеллигентская прослойка в городе солидно укрепилась. К традиционной, испокон веков существующей учительской и медицинской интеллигенции добавилась техническая. Интеллектуальные потребности возросли, в город зачастили гастролеры всяческого толка. От симфонических оркестров до цыганских ансамблей, от молодых поэтов, с одинаковым подвыванием читавших разные стихи, до чтецов мыслей на расстоянии и прочих чудесников, демонстрировавших на глазах изумленной публики загадочные, доселе необъяснимые явления природы. Кстати, тяга к чудесному и стремление объяснить необъяснимое спланивала все слои населения — и рабочий класс, и трудовую интеллигенцию. В городе был свой общепризнанный экстрасенс, два открыто гонимых, но тайно посещаемых знахаря, а число живых свидетелей явления летающих посудин примерно равнялось числу аналогичных очевидцев в любой другой цивилизованной местности страны.

Впрочем, про чудеса — это так, для информации. А вообще-то жизнь тут шла вполне реальная. Обычная жизнь современного города, где имеется все: работа и учеба, трамвай и троллейбус, места для культурного отдыха и занятий спортом, центральная площадь с часами — традиционное место свиданий — и колхозный рынок, где слеза у входа возникла одновременно с комбинатом и безбедно функционировала по сей день будочка звукозаписи, в которой — какие бы ни сменялись времена и моды! — самым ходовым товаром были и оставались сладостные песни из индийских кинофильмов.

Сельские девчонки — кровь с молоком, золотые руки, распакнутые сердца, твердые моральные устои — довольно легко и быстро освоили ткацкую профессию и городской стиль жизни. Разница заключалась лишь в том, что профессию они освоили в корне, а культуру — по верхушечкам. Пьянящая свобода вдали от бдительного мате-

ринского глаза и суровой отцовской руки манила, звала сломать рамки и сжечь мосты. Чтоб жить — «как все». Чтоб все — как в кино, а несколькими годами позже все — как в телевизоре. И девчонки, мужественно преодолевая материальные трудности и проблемы дефицита, отчаянно и упрямо проводили в жизнь это самое «как», забывая, к сожалению, про «чуть-чуть». Чуть-чуть короче, чем по крайней моде, юбка, чуть-чуть побольше туши на ресницах, чуть-чуть лохматей синтетический парик, чуть-чуть побольше воли напористым мужским ручонкам...

Короче, было в городе «все как у людей»: были в свое время стилиги — и вспарывали дружинники их узенькие брючки; были потом и брюки клеш, которыми мели мостовые, но их уже не резали, а только гневно клеймили в куплетах на стендах «Не проходите мимо!». Все расцветало в этих краях пышным цветом года через три-четыре после столицы, пока еще кино да заезжие эстрадные гастролеры донесут «культуру». А уж когда вовсю развернулось телевидение, периферия стала поспевать за красивой жизнью центра почти синхронно, ну там запаздывая всего на каких-нибудь полгода-год. Все шло своим чередом. Гитары электрифицировались, шейки сменялись диско, мечтательно-крамольный романтизм песен про поездки «за туманом» заглушился дозволенно-суровым реализмом Высоцкого. На комбинате появились три первые героини труда, две матери-героини и многочисленные матери-одиночки. Все как у людей...

И жили-были эти самые люди. Девчонки — вчера сельские, сегодня городские. Бойкие и тихие; работающие и с ленцой; копящие копеечки в кубышках и пускающие всю получку на ветер за один день; вполне склонные принять законы домостроя и отчаянно эмансипированные, лихо врущие друг дружке сквозь сигаретный дым, что любовь в наше время — это бред, но при этом все — все как одна! — отчаянно ждущие этой любви, затаенно верящие в нее и никогда не теряющие надежды.

Все они, прибывая в город, селились в общежитии на холме. Его построили вместе с первой очередью комбината. Дом оставался с годами внешне все тот же: пятиэтажный, красного, уже потемневшего кирпича, с парадным входом, обрамленным четырьмя колоннами портика — популярным архитектурным излишеством былых времен.

А внутренне дом менялся вместе с городом: котельную заменило центральное отопление, печи в коммунальных кухнях на этажах вытеснили газовые плиты, угловые комнаты отдали под душевые, крыша ошестинилась усами телеантенны — при нынешних заработках практически каждая комната покупала в складчину телевизор.

Покупались не только телевизоры. И холодильники, и магнитофоны, и кое-что из мебели: этажерки, тумбочки, книжные полки. Дело не только в том, что девушки обрастали приданым. Нет, просто те, которые не сбегали сразу, оседали в общежитии надолго. Не месяцы, но годы проходили до того торжественного момента, когда они покидали его, уходя в дом мужа или в свой собственный долгожданный дом, в квартиру, выделенную комбинатом.

Старое общежитие было широко известно. Сначала, когда город был маленьким, его слава гремела во всем городе. Потом, когда город значительно разросся, только и прилегающем к общежитию районе. Слава та была двойного свойства: мужчины тянулись к общежитию и упоминали о нем с игривой усмешкой, а женщины гоняли от общежития принадлежащих им мужчин — возлюбленных или мужей — и упоминали общежитие только с определением «это всем известное» или вообще заменяли его словами типа «гнездо», «притон», а то и словечками похлеще — все зависело от уровня культуры и степени обиды, нанесенной той или иной горожанке жительницами общежития.

Справедливость этих упреков была весьма сомнительна: ведь соперницу и разлучницу можно встретить не только в общежитии, но и с таким же успехом в трамвае, на улице или в своем же подъезде в квартире напротив. Просто подобные одиночные случаи так и оставались случаями, не разрастались до системы, а целый коллектив негодных соперниц и разлучниц, сосредоточенных в одном месте, рождает мысль о неизбежности любовной конфронтации и возбуждал неприязнь уже к самому этому источнику повышенной опасности.

А девчонки — они никого специально не отбивали и ни с кем злобно не разлучали. Они просто любили и были любимы. Или — нет. Встречались навсегда или расставались навеки. А порой и сами по ночам плакали в подушку, кляня городских разлучниц, которые отлавливали у них

нестойких женихов на крючок с самой верной наживкой — квартирой.

Жилье... Что поделаешь, и в этом смысле наш город тоже не отличался от общей картины: производственные площади росли быстро, ударно сдавались, звонко отмечались в победных рапортах, а вот жилье, а также магазины, а также кинотеатры... У бывалых строителей есть присказка: «За соцкультбыт орденов не вешают!»

В самом общежитии эта проблема стояла так же остро. Старый краснокирпичный дом на холме с большим трудом вмещал в себя напористый поток сельских жительниц, стремившихся стать горожанками. Правда, на соседнем холме уже возводилось новое шестнадцатизэтажное здание, которое должно было вобрать в себя всех нынешних и будущих жильцов как женского, так и мужского общежитий. Здание это уже обрисовывалось внешними современными формами из стекла, бетона и алюминия и подготавливалось к внутренней начинке — тоже, по слухам, самой современной и комфортабельной, чтобы к будущей весне принять своих обитателей.

Но это к весне. А пока окна старого общежития на холме уютно светились в темноте тихого летнего вечера.

2

Долговязый, худой и мрачный мужчина с глубоким шрамом через всю щеку постоял на ступеньках под колоннами общежития, огляделся, помедлил и зашагал ко входу решительным шагом, несомненно выдававшим в нем военного человека, хоть и был он в штатском костюме, только флотская тельняшка виднелась из-под распахнутого ворота сорочки.

В просторном вестибюле пожилая могучая вахтерша тетя Зина и две девушки — с красными повязками дежурных — стойко сдерживали напор мужчин разнообразных возрастов, рвавшихся в общежитие. Человек в тельняшке не присоединился к ним, а занял наблюдательную позицию в углу и следил за разыгрывавшимися баталиями.

— Все! И не молитесь — время одиннадцать! — категорически объявила вахтерша.

Но мужчины не сдавались, проявляя изобретательность и выдумку. Один твердил, что ему только на минут-

ку. Другой уверял, что привез некой Бутько письмо с родины. Третий клялся, что принес Шатиловой книжки из института. В общем, причины для срочного проникновения в общежитие были невинны и безотлагательны. Однако тетя Зина была не лыком шита.

— Знаю я ваши минутки, — басила она, — до утра не выкуришь! Письмо с родины оставь, я передам. А в институтах нынче каникулы.

Могучей рукой она легко перехватила вильнувшего и обход нее кудрявенького паренька.

— А ты куда?

— Я муж! — гордо заявил паренек.

— Муж? — усмехнулась тетя Зина. — Скажи еще — отец! Знаем мы таких мужей...

— Да муж он, тетя Зин, муж, — вступилась за кудрявенького одна из девушек-дежурных. — Он Зыковой муж. Вы в отпуску были, а они зарегистрировались.

— Любка? — изумилась вахтерша. — Во скорострельница — успела! Ладно, муж, проходи... До двенадцати!

Счастливчик муж поспешил вверх по лестнице, а осмеленная тетя Зина вновь преградила дорогу. Но тут к ней пробился парень в широкополой шляпе, составлявшей ослепительный ансамбль с москвошвеевскими джинсами и майкой, украшенной черными, но чрезвычайно белозубыми личностями, в которых отдаленно узнавалась компания «Бони М».

— Я к Вере, — сказал он.

— А-а, — кивнула тетя Зина. — К Вере — проходи.

Мужчины, осаждавшие ее пост, восприняли все вполне спокойно.

А человек в тельняшке, наблюдавший из угла, засек этот факт с удивлением.

Вахтерша окинула опытным глазом обстановку. Мужчины слегка притихли, ослабили напор, изобретая очередные поводы для штурма твердыни. Тетя Зина воспользовалась этой передышкой и наказала девушкам-дежурным:

— Глядите тут! А я двор огляжу.

Она покинула вестибюль. Человек в тельняшке с интересом последовал за нею. Выйдя из парадного входа, вахтерша обогнула здание и оказалась во дворе общежития.

Здесь было еще многолюднее, чем в вестибюле. С этой

стороны дома, в отличие от фасада, были балконы. Мужчины торчали под балконами, а на балконах стояли девушки. Местные Ромео переговаривались, пересмеивались, а кто и переругивался со своими Джульеттами, бросали им записочки, завернутые в камушки, и ловили записочки от них.

Человек в тельняшке, следуя в отдалении за тетей Зиной, с интересом созерцал эти «сцены под балконом». Вдруг тетя Зина метнулась в сторону и затаилась в кустах. Он тоже схоронился за дерево, наблюдая за нею. А тетя Зина наблюдала за лысым дядей, который был уже на полпути к балкону второго этажа: приставил с земли доску и карабкался по ней к женщине, придерживавшей конец доски на балконе. Тетя Зина проследила весь этот крестный путь, а когда лысый перевалил брюшко через перила балкона и скрылся в комнате, она — не без труда, но упорно — уволокла доску и спрятала ее в кустах. Затем удовлетворенно отряхнула ладони и окинула последним пристальным взглядом двор: все остальное было вполне допустимо, на уровне коммуникаций без прямых контактов, по системе земля — балкон.

Тетя Зина успокоенно возвратилась в вестибюль. Человек в тельняшке, наблюдавший весь этот спектакль, вернулся за нею. Мужской прибой у вахтерского поста несколько ослаб. То ли, пользуясь кратковременным отсутствием тети Зиной, часть страдальцев уболтала девушек-дежурных, и они их пропустили. То ли, напротив, девушки, как и их наставница, стояли насмерть, и потому самые слабые и наименее заинтересованные ушли с поля боя, покинули помещение. Все же оставшиеся при появлении вахтерши бросились на новый штурм. Однако со старым результатом. Тетя Зина была неприступна, как на Волге утес.

Но все-таки опять произошло нечто странное. Солидный мужчина, в костюме и при галстукe, уверенно миновал осаждавших вход.

— К Вере, — спокойно бросил он.

И снова вахтерша так же спокойно кивнула:

— Проходи.

И снова все прочие претенденты восприняли это безо всякого возмущения.

Но человека в тельняшке таинственный пароль явно

заинтересовал. Он задумался, наблюдая, как мужчины, теряя надежду, один за другим покидали вестибюль. Да и те, которые были допущены в дом ранее, теперь, согласно режиму, покидали его, получая у дежурных оставленные в залог своего возвращения документы. Наконец девушка показала вахтерше пустой ящичек.

— Все!

— Не все, — возразила вахтерша. — Опять лысый к Беловой проник. Ну ничего, мы его, козла, дождемся!

Тетя Зина сложила могучие руки на могучей груди.

И тогда человек в тельняшке, на что-то решившись, шагнул вперед.

— Куда? — преградила ему путь вахтерша.

— Я... к Вере, — не слишком твердо произнес он загадочный пароль.

Но вахтерша не почуяла его неуверенности, спокойно кивнула.

— Проходи.

Он обрадованно рванул вверх по лестнице, но постепенно замедлил шаг, пытаясь на ходу сообразить: а куда же это, собственно, к Вере?

Общежитие жило своей привычной общей жизнью. Из-за дверей слышались голоса, смех, кое-где музыка. В коридоре появлялись девушки в домашних, порой довольно откровенных нарядах — распахнутые халатики, шлепанцы на босу ногу, у многих бигуди в волосах, а кое-кто вообще проскакивал из своей комнаты в соседнюю просто-напросто в комбинации. Но все они ничуть не смущались, не прятались, а наоборот, с нескрываемым любопытством оглядывали мужчину, возникшего в их женском запоеднике в столь поздний час.

Которая же из них была Вера?

К счастью, по лестнице спускался тот солидный, в костюме и при галстукe, который был пропущен до него.

— Браток, не скажешь, как пройти к Вере?

— К Вере? — удивленно пригляделся к нему солидный. — Так она сегодня уже не принимает... Все, устала.

— Меня, браток, примет! — заверил человек в тельняшке.

— Ну тогда удачи тебе... — пожелал солидный и, невольно повинуясь его морскому напору, добавил: — ...браток! Пятый этаж, сто седьмая.

Он последовал дальше вниз, а человек в тельняшке, окрыленный точными координатами и подогреваемый нетерпением, взлетел одним махом на пятый этаж, остановился перед дверью с цифрой «107», постоял, переводя сбившееся дыхание, а затем постучал. Требовательно и властно.

— Да?.. — с некоторым удивлением донеслось изнутри.

Он распахнул дверь и вошел. Комната была обычной: шкаф, стол и стулья, три кровати. Возле одной из них стояла женщина, придерживая у ворота и у пояса халат — видимо, уже собиралась ко сну. Это была та самая подруга, с которой прощалась невеста в начале нашей истории.

— Добрый вечер! — сказал он. — Вы Вера?

— Да, Вера... Вера Николаевна.

Она приглядывалась, припоминала, знакома ли с ним. Но так и не припомнив, спросила:

— А вы?..

— Фролов! — четко, по-военному доложил он. — Виктор Петрович Фролов.

— Очень приятно! — Эти имя, отчество и фамилия явно ничего ей не прояснили. — Мы, кажется, не договаривались, но если вам срочно...

— Срочно! Во как! — Он рубанул себя ладонью по горлу.

— Хорошо, хорошо, срочно так срочно, — успокоила она. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Фролов сел к столу, молча оглядывая комнату, обычные девичьи безделушки на тумбочках, столь же обычные фотографии на стенах. Она не торопила гостя, терпеливо ждала. Но молчание затягивалось, и она его нарушила.

— Ну что же, рассказывайте... Почему так срочно? Какие у вас намерения? Какую женщину вы бы хотели найти?

— Что-о? — вытаращился на нее Фролов.

— Не волнуйтесь, — успокаивающе улыбнулась Вера. — И не смущайтесь, дело житейское. Чем откровенней вы будете, тем лучше будет результат. Кто вам больше по сердцу? Начнем с простого: блондинки, брюнетки? Затем — какой рост, характер, образование...

— Так-так! — прервал он. — А тут — на любой вкус?

— Ну, не будем преувеличивать, но какой-то выбор, конечно, есть.

— Выбор? Ага! — Шрам на его щеке нервно дернулся. — У меня к вам тоже будут откровенные вопросы.

— Пожалуйста, — с готовностью кивнула она. — Хотя прежде мне необходимо выяснить...

— Нет уж, — вновь перебил он, — сначала выясню я! Где это я, а? Куда я, хотелось бы знать, попал? Это общежитие ткацкого комбината или притон в Неапольском порту? Блондинки, брюнетки... Я что, свататься сюда пришел?

— А разве нет? — удивилась она.

— Что... нет? — опешил он.

— Вы разве пришли не свататься?

— Я?! — Ему не хватало воздуха от гнева. — Да кто вы такая, Вера? Кто вы, интересно знать, Вера Николаевна?!

— Сваха я, — ответила она спокойно.

— Кто-о?

— Я сваха, — с достоинством повторила Вера. — А вот вы кто такой?

Фролов вскочил и отчеканил:

— А я новый комендант вашего общежития!

Вера уставилась на него изумленно, потом уронила голову в ладони, и плечи ее затряслись от смеха. Долговязый Фролов гневно возвышался над нею и выглядел в своем гневе несколько глуповато. Она смеялась. Он стоял. Потом развернулся и вышел, так треснув дверь, что стены задрожали.

3

Утром общежитие шло на работу. Точнее — бежало. Видно, так уж устроены все женщины мира: даже если работа в двух шагах от их дома, они все равно опаздывают. И женское общежитие в этом смысле не было исключением. Казалось бы, для своевременного выхода на работу есть все: и будильники, и соседки по комнате, страхующие пробуждение друг дружки, и, наконец, тетя Зина, в положенный час включавшая общий звонок громкого боя, который будил даже тех, кому надо во вторую смену. Но все равно они опаздывали.

Причин было множество — и совершенно непредсказуемых. Очередь в душевую; сбежавший, как его ни карауль, кофе на плите; затерявшиеся черт их знает куда именно в этот утренний час колготки или туфли; забытый в спешке кошелек, за которым пришлось возвращаться, и

так далее, а также тому подобное. Была причина и попросе, но весьма распространенная: девушка бодро просыпалась с первой же трелью будильника, была вполне готова к подъему, вот только пусть соседки первыми отправятся в душевую и на кухню, соседки отправлялись, а она... мгновенно засыпала вновь. Самой же распространенной картиной была следующая: вовремя вставали, вовремя умывались, никуда не убегал кофе, все нужные вещи были под рукой, ничего не забывали дома... и все равно опаздывали.

Поразительная и необъяснимая загадка природы! Почти все всяких там «тарелочек»!

Вот почему каждое рабочее утро так стремительно скатывался от общежития на холме вниз к ткацкому комбинату поток девушек — поодиночке, попарно с подружкой или целыми стайками. Одни — ночные «совы» — были еще сонные и двигались как сомнамбулы знакомой дорогой. Другие — утренние «жаворонки» — уже щебетали всю, обсуждая события дня минувшего и новости грядущего дня. Кто на бегу повязывал косынку или застегивал пояс. Кто на ходу дожевывал бутерброд или подкреплялся яблоком.

Вера догнала размашисто шагающую женщину. Она была очень высока — «верста коломенская» — и ощущала это, а потому носила туфли без каблуков и некрасиво сутулилась.

— Привет, Галина! — сказала Вера. — Отлично выглядишь!

— Да?..

Галина недоверчиво глянула на Веру, сомневаясь в истинности комплимента.

— Не да, а точно! — успокоила ее Вера. — Семенов будет в семь, не забыла?

— Помню... — Галина вдруг смутилась и попросила: — Верочка, милая, может, ты еще сегодня с нами... Последний раз, а?

— Последний раз был прошлый! — отрезала Вера. — И не гни спину, отвыкай: Семенов же два метра!

Да уж, нелегко ей достался этот Семенов. Баскетбольной команды в городе не было, юные акселераты, естественно, не подходили Галине по возрасту, так что пришлось Вере подсуетиться, пока не отыскался в воинской

части — главной надежде и опоре для Веры в ее многотрудном деле — этот самый прапорщик Семенов. Вымахал в гору он на славу, как только в танке помещался? Но не в одном росте, конечно, было дело, а в том, что они с Галиной — «пара», это Вера сразу поняла. И они сами это почувствовали. Вот только Галина все робела, не в силах поверить в долгожданный случай, да и прапорщик оказался в этом деле не боец. Вроде бы уже взрослые — чтоб не сказать более — люди, а все боялись остаться наедине и каждый раз изобретали поводы, чтобы Вера тоже посидела в комнате или сходила с ними в кино.

Вот и сейчас Галина канючила:

— Ну правда, Верочка, последний раз... Посидим, чайку попьем, у меня знаешь какое вишневое...

— Нет! — Вера была тверда. — Все, обходитесь без третьей лишней!

Галина еще пыталась умолять, но они уже вошли в проходную, а во дворе комбината поток работников разделился и разнес их к разным цехам.

К Вере подъехал автокар. Водительница его — маленькая, конопатенькая, похожая на какую-то печальную птичку — молча остановила машину. Вера тоже молча уселась рядом с нею. Конопатенькая повела автокар, не глядя на Веру, уставившись на дорогу большими грустными глазами. Так они и ехали. И молчали.

Наконец Вера как-то виновато сказала:

— Нет, Маша, пока нет.

— Я понимаю, — без всякого выражения сказала конопатенькая.

— Но будет, Машенька, — горячо заговорила Вера, — обязательно будет! Сегодня придет один из управления кингстроительства. Он, конечно, немного в летах... но не это главное, ты понимаешь?

— Я понимаю, — так же повторила конопатенькая.

— А не он, так другой, — продолжала Вера, — но обязательно будет! Ты только жди и надейся.

— Я надеюсь, — без всякой надежды вздохнула конопатенькая.

И остановила автокар возле цеха Веры.

Вера помедлила — но что она могла еще добавить? — и спрыгнула с машины. Вновь как-то виновато улыбнулась

и помахала Маше. Маша на улыбку не ответила, но тоже махнула рукой и покатила дальше по двору.

А Вера вошла в цех и отправилась в раздевалку, прислушиваясь к неумолчному грохоту за стеной.

Ткацкие станки ровно и безостановочно выстукивали свой ритм. Вдоль станков сновали молоденькие девчонки и женщины постарше, подвязывая оборвавшиеся нити, переключая станки с режима на режим. Все они были одинаково повязаны косыночками, а в остальном одеты по-разному. Кто в темных халатах, кто в ярких платьях, кто в брюках с кофточками.

Раньше, в первые годы комбината, у всех у них была униформа: комбинезоны из прекрасного ситца, ими же производимого. Но со временем продукция комбината стала греметь на всю страну, потом о ней прослышали за рубежом. Соответственно и эти замечательные ситцы сначала распространились по всей стране, а затем стали уплывать за ее кордоны, все реже и все в меньшем количестве оседая в родном городе. А затем и родная страна практически потеряла возможность любоваться этими российскими ситчиками. На сегодняшний день продукция комбината была уже продана в двадцать иностранных государств на двадцать лет вперед.

Правда, ткачихам выдавали норму — по восемь метров ситца в год. Но кто же станет тратить натуральный дефицит на рабочие комбинезоны? Вот и парились в цехах ткачихи в синтетике — от пятидесяти до ста процентов. Так что, плюсуя к этому запыленность и влажность, они спецмолоко получали не зря.

Вера работала в своем ряду спокойно, умело, с изящной сноровкой, в которой ощущался многолетний опыт. Глаза Веры внимательно следили за ритмом станков, готовые уловить малейший сбой.

Но ее отвлекли: подкатился очкастый толстячок в костюме с нарукавниками, размахивающий голубыми билетами.

— Вот! — перекричал он гул станков. — Достал! Два в филармонию, концерт Брамса!

Вера слегка замаялась. И он это сразу почувствовал, обеспокоился.

— Что? Что не так?

Ну как ему объяснить? Надо же, интеллигентный человек — технолог, а не понимает.

— Что, ну что? — не отставал он. — Не надо филармонию?

— Да нет, Леонид Григорьевич, почему, филармонию надо, но только, может, не так сразу...

— Как сразу?

Ладно, придется объяснять. Разве он не знает, что Катерина тут совсем недавно? Почему же, знает, три месяца. Ну вот. А знает он, откуда Катерина сюда приехала? И это знает: с Крайнего Севера. Вот именно, прямо из тундры. А там, в тундре, конечно, у каждого пастуха оленей на шее болтается транзисторный приемничек, но зато телевизора они еще не видели. То есть видели, но только на витрине в поселковом магазинчике. Телевизоры туда уже завезли, но телевидения там пока что нету — не доходит туда напрямую, а ретрансляторы только еще строят.

— Боже мой, — ужаснулся он, — неужели еще имеются места без телевидения?

— Имеются, Леонид Григорьевич, очень даже имеются.

Он многого не понимал, этот технолог. Дожил до сорока лет, а не понимал. Может, оттого, что всю жизнь был при маме — тоже технолог, даже замначальника отдела главного технолога на комбинате. В далекой юности мама — женщина умная и остроумная — довольно умело отшивала всех кандидаток в Ленечкины жены. Боялась, что разлучат ее с сыночком эти недостойные создания. Леня поначалу еще барахтался, сопротивлялся, но потом привык. Жить с мамой было удобно и нехлопотно. А что до разовых сердечных утех, то в «текстильном городке» это не было проблемой.

Так они и жили. С мамой. Но когда мама вышла на пенсию и осела в пустом доме, ей захотелось внуков. И теперь уже она сама стала усиленно подталкивать сына к союзу Гименея. Но тут уж старый холостяк — а Ленечка незаметно стал именно таковым — принялся с наследственным хитроумием отфутболивать одну за другой всех маминих невест.

Завершилось все это житейски просто и невесело. Не дождавшись внуков, мама ушла в мир иной. Ленечка остался один. И тогда он обратился за помощью к Вере.

— Что же делать? — Леонид Григорьевич растерянно вертел в пальцах голубенькие билеты.

— Да ничего такого. — Вера обеспокоилась: — Вы только не думайте, Катерина хоть и из тундры, а девушка толковая! Она и до Брамса обязательно дотянется. Но — со временем. А для начала, может, вам в театр? Я вот на той неделе смотрела «Брак по любви» — смешная комедия. И со смыслом.

— Конечно, конечно, — поспешно закивал он, — я согласен и на «Брак поневоле».

— «По любви»! — строго уточнила Вера.

Больше в этот день ее никто от работы не отвлекал. Был конец месяца, план, естественно, горел. И в цехах, и в отделах была привычная, но от этого не менее напряженная запарка. Так что всем было не до матримониальных вопросов.

Только в обеденный перерыв у Веры состоялся еще один разговор на эту тему. Они сидели в дальнем тихом закутке комбинатской столовой, и Вера задумчиво жевала котлету, слушая восторженный щебет хорошенькой глазастой блондиночки.

— И Гурам говорит: «Нина, я проверил свои чувства к вам, и они выдержали трудное испытание временем!» А я тогда говорю: «Представьте себе, Гурам, я тоже испытываю теплую симпатию». А Гурам тогда мне: «Раз мы оба это испытываем, я думаю, мы оба должны быть вместе!» Верочка, я ужасно счастлива! Спасибо тебе, за все, за все спасибо!

Нина чмокнула Веру в щеку. И пригляделась к ней.

— А ты что, Верочка, ты не рада за меня?

— Рада, конечно, — задумчиво отвечала Вера. — Рада, но опасаясь: рановато я тебя просватала...

— Верочка! — удивилась Нина. — Между прочим, я уже вполне совершеннолетняя!

— Совершеннолетняя. Но неприспособленная. Готовить совсем не умеешь. Я ведь предлагала: давай сначала готовить научу, а потом уже...

Вера ковырнула вилкой развалившуюся котлету.

— Учти, Ниночка, муж такое есть не будет.

— Муж? — беспечно засмеялась Нина. — Да Гурам из моих нежных ручек примет даже отраву!

— Этого я и боюсь, — вздохнула Вера.

А после работы поток девушек — в отличие от утреннего, неторопливый и усталый — тек в обратном направлении, от комбината к общежитию.

И нелегкий рабочий день давал себя знать, и сама дорога была хоть и та же, а иная — не с холма, а в гору. Так что разговоров было куда меньше, чем утром, даже самые юные и болтливые приумолкли. Впрочем, все это только до вечера. Сейчас передохнут часок, намарафетятся и на пришедшем втором дыхании рванут из жизни общественно-трудовой в сферу лично-развлекательную. В разнообразную вечернюю жизнь, а кому повезет — и в ночную. А чего, народ холостой, неженатый, а главное — в большинстве своем молодой.

Еще вечерний поток отличался от утреннего тем, что утром он был плотнее и целеустремленнее — все спешили в одно место к одному часу. А с работы уходили не столь одновременно, и поток добирался до общежития сильно иссякшим, растекшимся на ручейки по сторонам: кто спешил в магазины, кто заходил в парикмахерские, кто отправлялся по иным своим делам.

Вера тоже свернула на углу к голубому домику почты. Здесь она присела к столу, достала из сумки конверты и несколько фотографий. Среди женских лиц, изображенных на них, было одно совсем юное, однако, к сожалению, не одаренное не то чтобы красотой, но хотя бы миловидностью. Остальные были лица как лица — женщины за тридцать лет.

Еще Вера достала из сумки газету, целый лист которой был заполнен короткими объявлениями. Часть из них были обведены зеленым карандашом, часть — прежде тоже обведенные зеленым — были затем перечеркнуты красным. Разложив газету на столе, Вера стала вкладывать фотографии в конверты и надписывать адреса из объявлений. География ее посланий была обширна: Рига, Минск, Кишинев, Донецк...

Покончив с этим делом, Вера еще заскочила в магазин за колбасой и кефиром и вернулась в общежитие. Поужин-

нала наскоро — спешила в кино. Боевой культсектор — та самая «верста коломенская» Галина — организовал культпоход общежития на американскую комедию.

В кино Вера и подруги много смеялись, даже хохотали. Но по дороге домой пришли к единому мнению, что хоть и смешно, конечно, но в целом — пустячок. Ни тебе серьезного рассказа о жизни народа Америки, ни какой-нибудь небывалой истории любви, ни даже, на худой конец, возможности поглядеть, как там нынче люди одеваются: кино было двадцатилетней давности.

Из-за культпохода никаких встреч с женихами и невестами на вечер назначено не было. Так что Вера еще немного потрепалась с соседками по комнате, почитала при свете ночника новый роман из жизни большого комбината, не ткацкого, правда, а швейного. Роман давал такое же представление о нашей жизни, как фильм — об американской. Вера погасила ночник и уснула привычно на правом боку, подложив под щеку обе ладони, как в далеком детстве.

Нового коменданта общежития Виктора Петровича Фролова в этот день Вера ни разу не встретила. И не вспомнила о нем ни разу.

4

А между тем, Фролов после вчерашней встречи с Верой сегодня уже с раннего утра был в кабинете заместителя генерального директора комбината Ильи Ефимовича Бельенького. Долговязый Фролов нервно вышагивал из угла в угол по диагонали, а маленький пухленький хозяин кабинета насмешливо следил за ним из-за массивного стола.

— Ну удружил, Илюша, спасибо, удружил! — выкрикивал Фролов. — Спокойное, говоришь, место, тихая работа, милые девушки? Да это же... это гарем какой-то! Чистой воды гарем! Я там себя чувствую... ну просто чувствую...

— Султаном? — с улыбочкой подсказал Илья Ефимович.

— Издеваешься! — вскипел Фролов. — Да я тебя...

Но тут зазвонил телефон. Илья Ефимович схватил трубку, ловко прижал ее к уху плечом, а руки у него оставались свободными, и он ими тоже бурно «разговаривал».

— Бельенький! Да... Что?! Я же приказал: на главный корпус! Именно на главный! Что?! При чем тут Чубарев?

Кто здесь замдиректора: Беленький или Чубарев? Кто, я спрашиваю, Чубарев или Беленький?

Замдиректора был он — Беленький. Но и Чубарев тоже. Причем Чубарев именовался первым заместителем генерального директора. В принципе, и права, и обязанности у них были примерно равными, а сферы работы почти не пересекались. Но эта приставочка «первый» у Чубарева все-таки определяла хоть на вершок, а повыше ступенечку в табели о рангах и не давала ни сна, ни отдыха измученной душе Беленького.

Директором же комбината была Анна Дмитриевна Тихомирова, по прозвищу «генеральша». Генеральша не по мужу, муж-то у нее был тихий школьный учитель, а по собственной силе, характеру и власти, каковой она обладала не только на комбинате, но и вообще в городе. Своим умом, своими руками, ну и еще — тоже не последнее дело — завидной статью сероглазой российской красавицы преодолела эта бывшая сельская девчонка непростой путь от ткацкого станка до директорского кресла. В городе ее знали все. Все и побаивались. Но очень многие любили. За то, что строга, но справедлива. За то, что казнит по крайней необходимости, а милует от широты души. А главное, любили ее на комбинате за то, что свойская, «из наших», из простых. Она при случае не станет читать нежливо-нудных нотаций, а рубанет сплеча таким задумчивым словечком... Своя, в общем, баба.

Обоих своих заместителей-мужиков эта умнющая «генеральша» твердо держала в узде, одергивая то одного, то другого, давая то одному послабление, то второму, ловко сглаживая их при необходимости, но и столь же умело в кульминационный момент развода по углам ринга. Говоря объективно, ее маневры всегда оказывались на пользу общему делу. И оба замдиректора это понимали. Вот только Беленький, все отлично понимая, не мог смирить свою гордую душу.

— Я сказал! На главный корпус! Все!

Он вырвал рукой трубку, зажатую между ухом и плечом, и шмякнул ее на рычаг аппарата. Но сразу успокоиться, переключиться не смог и продолжил боковую тему с Фроловым.

— Нет, Виктор, ты скажи: кто тут замдиректора — я или Чубарев?

— Да ты, Илья, ты, не суетись...

У Фролова была своя больная тема, и он желал продолжить именно ее.

— Так вот, Илюша, как замдиректора, как друга детства и юности, я тебя прошу: найди мне другое место!

— Витенька, солнце мое, — Илья постепенно отходил от неприятного разговора и вновь обретал улыбку. — Ну подумай, милый... Комендант женского общежития — чем плохая должность для молодого пенсионера?

— Илья!!! — зарычал Фролов.

— Хорошо, хорошо, — быстренько пошел на попятный Илья Ефимович, — найдем что-нибудь другое. Раз ты просишь — найдем.

— Когда? — поставил вопрос ребром Фролов.

— Не все сразу, Витенька... Подумаем, поищем, найдем. Ты меня тоже пойми, на тебя ведь не было прогноза. Как говорится, не ждали!

— Я тоже, Илюша, такого не ожидал...

Фролов произнес это с пронзительной тоской. Илья Ефимович внимательно глянул на него. Сказал уже без улыбки, негромко:

— Спокойно, Виктор. Что поделаешь, надо начинать новую жизнь.

— Какую новую? Какую — вот вопрос! На флоте жизнь была ясная, от побудки до отбоя. А тут? Не знаю я, Илюша, понятия не имею, как найти себя... на развалинах прошлой жизни.

— Почему развалины, интересно? — бодрился Илья. — Здесь никакие не развалины, а твоя родина, твои друзья и даже подруги. Вот дома твоего, правда, жаль, уже нет... Но кто думал, что ты вернешься?

Никто. Этого, верно, никто не мог предугадать.

Всем еще с детства было ясно: не жить этому упрямому пацану Витьке среди родных холмов и долин. Говорят, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. А этому, видно, суждено было утонуть или жить на море, так упрямо, неутомонно, с каким-то яростным фанатизмом рвался он на морские просторы.

Откуда это было в нём, почему, непонятно. Дед с бабкой — селяне, родители — заводские. В родном городке даже паршивой речонки не было, а уж до моря — скачи, не доскачешь! И все-таки он трижды сбегал к морю, раз

на юг, раз на север, раз на восток. Возвращали с милицией, плакала мать, порол дед. А он сушил сухари для четвертого побега. Теперь, после юга, севера и востока, по логике, следовало бежать на запад. Но география, единственный предмет, по которому у него всегда была пятерка, подсказывала, что при побеге к западным морям возможны пограничные осложнения. И потому Витька вновь выбрал юг.

Однако бежать не успел: незаметно подошел восьмой класс, и родня смирилась, благословила Виктора на поступление в мореходку. Он покинул родные края, увидел свою мечту — море, понял, что не ошибся в этой заочной любви, и стал военным моряком, убежденный, что на всю жизнь.

В родной город Виктор приезжал на побывку, отсыпался, ел любимые домашние пирожки, рассказывал морские истории и выслушивал мамины причитания по поводу своей холостяцкой жизни. А он с этим делом не спешил — легко ли выбрать жену для моряка, который месяцами в море. Вопрос и сам по себе непростой, да кроме того, Виктор все в жизни делал только по пламенной любви. Наконец и это произошло: влюбился и женился. Долго он ждал своего часа — казалось, дождется чего-то необыкновенного. А закончилось все довольно традиционно, примерно так же, как и у большинства его сослуживцев несколькими годами раньше — хорошенькой смешливой официанткой из офицерской столовой.

И зажили они мирно и счастливо у самого синего моря.

Дома Виктор последний раз был лет десять назад. Приезжал хоронить мать. Пробыл только три дня, его подлодке предстоял долгий и дальний поход. Перед отъездом, не задумываясь, дал добро на снос своего старого опустевшего домика: предстояло строить новый микрорайон. И уехал. Теперь уж точно — навеки.

Но нет ничего вечного и ничего абсолютно точного в нашем подлунном мире. Кто мог знать, что приключится с ним такое... И вот он снова здесь. И кажется, вот это уже именно навсегда. Во всяком случае, старый друг Илья Беленький призывает его это признать и с этим смириться.

А они действительно были друзья. Не просто одноклассники, а именно верные друзья. Всех удивляла эта дружба, так они были несхожи: Витька, шпана, безотцов-

щина, отчаянная голова, и тихий, головастенный Илюша из благополучной семьи, династии городских врачей. Но, наверно, то их и сближало, что — разные. Витька был Илюше физической опорой и защитой, его быстрые кулаки не раз предохраняли от «фонарей» миловидное, почти девичье личико маленького толстячка. Зато сам Витька при этом, конечно, светил «фонарями» днем и ночью. А Илюша — верный друг, не голова, а «дом правительства» — планировал все Витькины побеги, подсказывал ему на уроках, готовил «шпоры» для экзаменов. И еще, обладая с детства завидно взрослым почерком, Илюша писал записки в табачный киоск, якобы от лица болящего, не в состоянии выйти на улицу деда, с просьбой продать внушонку Витьке папиросы для дедушки. Курил этот малолетний паразит с третьего класса!

А главное, пожалуй, этих непохожих пацанов сближало то, что каждый из них мечтал об иной жизни, чем та, которой жили его предки. Витька рвался из сухопутья в морские стихии. А Илюша не выносил фамильные рецепты, скальпели и клистиры, ощущая в себе совсем иные, фонтанирующие административно-организаторские способности, при которых недостает лишь точки опоры, чтобы перевернуть весь мир. И каждый из друзей в общем-то добился своего: Виктор Фролов стал моряком, Илья Беленький стал заместителем директора огромного комбината. Так что, казалось бы, все о'кей...

Если бы только не этот Чубарев, томился Беленький.

Если бы только не эта беда, горевал Фролов.

И вот он сидит в кабинете своего друга — молодой пенсионер, списанный с флота по болезни сердца. А как ему — бедному сердцу — было не болеть...

— Ты понимаешь, — сказал Фролов, — раз уж так вышло, не смог я! Понимаешь, жить у моря, но не быть в море... Не смог, и все!

— Я понимаю, — кивнул Илья.

— Что ты можешь понять, сухопутная душа... — вздохнул Фролов.

— Я могу понять многое, — заверил Илья. — Например, я могу понять, что работа в общежитии решает и вопрос твоего жилья. Временно, конечно.

— Ага, временно, — усмехнулся Фролов. — Известное дело: временное жилье самое постоянное!

В кабинет заглянула секретарша.

— Илья Ефимович, вас Чубарев вызывает.

— Меня?! Чубарев?!

Илья Ефимович прямо-таки позеленел и вновь завелся с полоборота.

— Кто здесь, интересно, замдиректора — я или Чубарев? Нет, я спрашиваю: Чубарев или Беленький?

Однако он все-таки выкатился шариком из-за стола и поспешил к двери.

— Витенька, извини, я должен кое-что объяснить этому Чубареву! А с тобой мы решили: временно это, временно.

Фролов гулко хлопнул ладонью по столу и встал.

— Ну гляди, Илья Ефимыч, не пожалей. Предупреждаю: я — человек морской. И я там наведу порядок флотский!

— Солнце мое! — воскликнул уже в дверях Илья. — Флотский порядок — это как раз то, что нам нужно!

5

Должность коменданта общежития была весьма уважаемой и неизменно вакантной.

Человек, занимающий это место, обязан был обладать уникальным сочетанием разнообразнейших способностей: хваткой завхоза, талантом воспитателя, материнской заботливостью, отцовской строгостью, сомоновой мудростью, воловьим терпением, умением ладить как с начальством, так и с подчиненными, трезвостью ума и просто трезвостью.

Отсутствие любого из этих качеств было чревато. Толковые хозяйственники наводили порядок в отоплении, водоснабжении и канализации, но упускали из виду смятение душ и конфликты характеров. Мудрые воспитатели наводили порядок в душах, но начинала протекать крыша, что не способствовало душевному равновесию. Мякотелые и добросердечные комендантши распускали девчонок до невозможности. Суровые коменданты пытались согнуть их в бараний рог, реакцией на что являлись стихийные бунты с разбирательством на фабкоме. Ну а если эта должность вверялась любителю спиртного, то немедленно приходило в полнейший упадок все — и хозяйство, и нравы.

В основном комендантами общежития были женщины. Что естественно: им все-таки полегче было управляться с «женским монастырем». Шли на это место чаще всего бесквартирные. Во-первых, они получали комнату в общежитии. А во-вторых, отработав, точнее отмаявшись здесь положенный срок, получали от комбината квартиру и немедленно переходили на другую должность.

Были за всю историю общежития его комендантами и трое мужчин. Двое — по указанной выше причине — комендантовали всего месяца по три и были загублены чрезмерными возлияниями, организованными парнями и мужчинами, стремившимися завязать контакты на предмет беспрепятственного проникновения в общежитие до и после дозволенного часа. А третьим комендантом-мужчиной был непьющий, но кудрявый баянист. Из оркестра народных инструментов, расформированного по причине наступления эры электрогитар. Он был совершенно не озабочен ни хозяйственными, ни организационными вопросами. Его одинокая гармонь рвала по ночам сердца жильщиц общежития. И когда в разных комнатах в течение одного года появились два одинаково кудрявеньких младенца, их вместе с печальными мамами переселили в общежитие для семейных, а кудрявый баянист зафрахтовался массовиком-затейником для поднятия уровня культуры на новостройках далекой нефтяной Тюмени.

Последние полгода общежитие прозябало вообще без коменданта. Так что явление друга Виктора для замдиректора Беленького, ответственного за этот участок, было просто подарком небес: и друга устроил, и — возможно — работа наладится. Или хотя бы на некоторое время оттянется решение этого извечно больного вопроса.

Мрачный Фролов производил тщательный генеральный смотр общежития. Отмерял длинными ножищами метры коридоров и ступени лестниц, ко всему приглядывался, принюхивался, то отколупнет пальцем осыпающуюся штукатурку, то ковырнет начищенным до блеска ботинком отставшую половицу, то запросто допрыгнет до светильника на потолке, мазнет по плафону белоснежным носовым платком и сурово уставится на почерневшую белоснежность.

Сопровождала его в этом походе миловидная женщи-

на, полненькая, круглолицая, круглоглазая, будто вся состоящая из посаженных один на другой колобков.

— Непорядок, — ворчал Фролов, — форменный непорядок, товарищ воспитательница!

— Воспитатель, — поправила она.

— Что? — не понял он.

— Воспитательница — это в детском саду. А в общежитии — воспитатель. Независимо от пола — воспитатель.

— Ага, — усвоил он. — Понятно, товарищ воспитатель.

— Но лучше — Лариса Евгеньевна, — уточнила она и кокетливо добавила: — А можно просто — Лариса. Нам ведь работать вместе.

— Ясно, Лариса Евгеньевна, — нарочито подчеркнул он ее отчество. — Так вот, говорю, непорядок тут у вас, грязь, разруха.

— Извините, Виктор Петрович, но моя епархия — воспитательный процесс, культурный досуг...

— А это? — перебил он, указывая на разбитое окно в коридоре. — Тоже не ваша... епархия?

— Нет. Но могу объяснить. Это — женихи.

— Кто?

— Ну парни, мужчины... Когда их не пускают — после одиннадцати или, скажем, дисциплинарное наказание — так они девушек вызывают камешками в окно. Иногда вот не рассчитают...

— А чьи конкретно женихи?

— Конкретно ничьи. Мы так вообще их всех называем, — хихикнула она. — Ну как потенциальных женихов.

— Ага, — повторил он, мрачней.

Хотел еще что-то добавить, но сдержался и зашагал дальше. Лариса Евгеньевна поспешила за ним.

На общей кухне, в кипении кастрюль и шкворчании сковородок, на Фролова с Ларисой Евгеньевной набросились девушки в халатах, передниках, чалмах из полотенец.

— Год обещают еще плиту поставить, а где она? Чай пьем в три смены! — кричала одна.

— И вытяжки нету никакой! Задохнуться можно! — наступала вторая.

— Столы где новые? Где полки? — вопрошала третья.

А с претензией коренного свойства выступила, конеч-

но, Лиза Лаптева. Многие в общежитии были, слава богу, остры на язычок, но Лаптева была острее и бойчее всех. Крупная, ладная, хоть и не писаная красавица, но вполне ничего, с вечно насмешливым глазом, выглядывающим из-под косой челки, она в миг перед главным вопросом или колким словечком смешно оттопыривала нижнюю губу, сдувала челку со лба и выпаливала этот вопрос или словечко. Вот и сейчас она выпятила губу, сдунула челку и выпалила:

— Это все — цветочки! Вы главное скажите: обещали нам на пятом этаже кухню вернуть, а она все под складом, почему? А? Ответьте, вы ответьте!

Лариса Евгеньевна грудью прикрыла Фролова, слегка растерявшегося под напором вопросов.

— Тихо, Лаптева! Виктору Петровичу не за что пока отвечать. Он не виноват, что мы полгода без коменданта.

— Ладно, ладно, теперь комендант есть, — перебил ее Фролов. — Претензии ваши, товарищи девушки... женщины, понял. Примем меры, обещаю.

— Нам уже обещали! — не унималась Лаптева.

— Кто обещал, пусть отвечает, — нахмурился Фролов. — А я за свое отвечу.

— Ах, приятно слышать слово настоящего мужчины! — просияла Лаптева. — Только один вопросик: вы к нам в коменданты надолго?

Фролов помедлил и ответил честно:

— Как выйдет. Полагаю, не на всю жизнь.

— Ясно! — Лаптева сдунула челку, сверкнула хитрым глазом. — Жених приходящий. И уходящий!

Девушки, давно ждавшие этого момента, расхохотались.

А Лариса Евгеньевна взвилась от негодования:

— Ну-у, Лаптева!..

— Погодите. — Фролов уставился на Лаптеву. — Как звать?

— Меня? Лиза. А что?

— А то, что язва ты, Лизавета, ох и язва. Век тебе жениха не видать!

Он четко, по-военному развернулся на каблуке и носке и вышел из кухни. А девушки вновь грохнули смехом — на этот раз в адрес озадаченной, впервые не нашедшей что ответить Лизы Лаптевой.

Лариса Евгеньевна с трудом поспевала за сердито шагавшим по коридору Фроловым и быстренько сообщала:

— Эта Лаптева, учтите, из самых-самых вредных! Где какой конфликт, там всегда она! А еще про нее говорят... конечно, только между нами, строго конфиденциально...

— Чего там «строго»? Строго говоря, права эта ваша Лаптева. На сто процентов права!

— По сути — возможно. Но по форме...

— Не в форме суть! — отрубил он.

И остановился перед дверью с надписью «УЧЕБНАЯ».

— Что здесь?

— Комната для занятий. У нас много вечеринок, заочниц. Только...

Она хотела о чем-то его предупредить, но Фролов, не дослушав, толкнул дверь, вошел — и остолбенел от визга девчонок в неглиже. Он вылетел как ошпаренный.

— В чем дело?!

— Да я же не успела сказать, — оправдывалась Лариса Евгеньевна. — Эту «учебку» временно под жилье отдали. Жилья ведь не хватает, а учащиеся как-нибудь приспособятся...

А что делать — приспособлялись. Занимались в институте, готовились к экзаменам в читальных залах. Труднее всего было тем, кому предстояло чертить курсовые и дипломные проекты. Чешские чертежные комбайны были закуплены в достаточном количестве, но где их поставить, когда закрыта учебка? Однако и с этим приспособились. Металлические основы комбайнов пылились на складе, а чертежные доски с них содрали и, выторговав у соседок по комнате пару часов в день, укладывали эти доски на обычные столы и горбились над ними, чертили.

В комнате Веры тоже трудилась над доской, лежащей на столе, худая, с острыми скулами, будто с годами вся засушенная Ирина. Таких обычно называют «воблами» или еще как-нибудь острят весьма небезобидно. Но с Ириной никакие остроты и никакие прозвища не проходили: достаточно было один раз наткнуться на ее ледяной взгляд — и желание острить как-то само собой пропадало, причем надолго.

Ирина чертила. А на кровати сидела, поджав колени

к подбородку, совсем юная толстушка Милочка — только третий месяц, как приехала на комбинат из деревни. Доверчиво сияя распахнутыми глазами, она слушала неторопливый и, видимо, уже долгий рассказ Веры, сидевшей на кровати рядом с нею.

— И вот Шура не теряла надежду... Никогда-никогда не теряла. Пусть не вышло в ранней юности, пусть. Но все равно она верила: когда-нибудь он обязательно придет! Она всегда ждала — и дождалась. В один прекрасный... да нет, в самый, наоборот, обычный день он пришел...

— Прямо сюда? — взволнованно перебила Милочка.

— А куда же еще? Ты ведь теперь живешь как раз на месте Шуры. Так вот, однажды он вошел и сказал: «Александра, я не могу существовать без вас!»

Милочка восторженно ахнула. А Ирина съязвила:

— Слушай, Милочка, слушай сказки бабушки Веры.

— Почему же сказки? — удивилась Вера. — Разве он не пришел сюда?

— Да, разве он не пришел? — воинственно поддержала Милочка.

— Пришел, — согласилась Ирина. — Но знала бы ты, сколько Вера его обрабатывала, пока он явился!

— Ну и что? — спокойно заметила Вера. — Люди не всегда сразу понимают свое счастье. Иногда надо им помочь... Но в конце концов, разве они не пара?

— Пара, куда уж дальше, — вынуждена была признать Ирина. — Он даже в ее любимого Бельмондо влюбился — ни одного фильма не пропускает.

— Общность интересов! — счастливо выдохнула Милочка.

И страстно покосилась на многокрасочный портрет киноартиста Боярского, приклепленный над ее кроватью.

— Исключительная общность! — усмехнулась Ирина.

Она вновь склонилась над доской, повела под рейсшину на ватмане четкую ровную линию и таким же ровным нудным голосом заговорила:

— В общем, Милочка, вот так ты и будешь по вечерам слушать сказки бабушки Веры, а днем будешь работать и учиться мастерству у той же Веры Николаевны, и вырастешь под ее руководством в такую же передовую ткачиху, как и она, и так пройдут годы, и однажды ты оглянешься и увидишь, что ты уже не Милочка, а Людмила... как там

тебя?.. Васильевна, и ты все так же одна — одна в этом осточертевшем общежитии...

— Милочка, не слушай! — перебила Вера. — У нее просто настроение такое. Нервное напряжение: с прошлого года тянется хвост по проекту.

— Ну да, нервное, — усмехнулась Ирина. — Причем, конечно, исключительно из-за хвоста.

Милочка мечтательно сказала:

— Я тоже обязательно в институт поступлю.

— А вот этого я тебе как раз не советую, — снова усмехнулась Ирина. — Учти, девочка, мужчин высшее образование в женщине отпугивает. Им гораздо спокойнее, когда домработница неграмотная.

— И этого не слушай, Милочка, — возразила Вера. — Институт нужен. Не для мужа — для тебя самой. Я вот как-то не сообразила вовремя — и жалею... А ты, Ирина, не сбивай девочку, она же еще не знает, что ты хорошая, просто у тебя характер...

Ирина резко выпрямилась.

— Что характер? Я слишком гордая, да? Нет! У меня просто есть чувство собственного достоинства. Искать с твоей помощью жениха по объявлению я не буду! И Милочке не советую.

— А мне и не надо...

Милочка сказала это и смущенно умолкла. Соседки с интересом уставились на нее. И она, понимая, что тут молчанием не отделаешься, призналась:

— У меня есть Володька.

И опять смущенно замолчала.

— Кто это — Володька? — живо заинтересовалась Вера.

— Ну, парень из нашего села. Он сейчас на границе служит. И пишет.

— Прекрасно! Какое счастье, что тебе не придется слушать все это...

Ирина схватила с тумбочки у кровати Веры знакомую газету с помеченными зеленым и красным карандашом объявлениями и стала читать с ироническим пафосом:

— «Мужчина пятидесяти лет, рост сто шестьдесят сантиметров, материально самостоятельный, интересующийся искусством, ищет подругу жизни с теми же интересами. Фотографию высылать обязательно».

Милочка хихикнула:

— Ой, где это печатают?

— В Риге. И в Алма-Ате. И в Днепропетровске, — спокойно отвечала Вера. — И это совсем не смешно.

— Да, это романтично! — Ирина продолжила с тем же пафосом: — Вот, целая поэма: «Мое сердце ценит и нежность, и ум, и доброту. Рост не выше ста пятидесяти сантиметров».

Милочка смеялась. Вера возмущенно выхватила у Ирины газету.

И тут постучали в дверь.

— О! — воскликнула Ирина. — Может быть, это тот самый счастливый миг: явился Он! Прошу, входите!

Вошли Фролов и Лариса Евгеньевна.

— Добрый вечер, девушки! — громко приветствовала всех воспитатель.

Ирина молча уткнулась в свои чертежи. Милочка робко сползла с кровати. А Вера ответила за всех:

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

Фролову при виде ее не то что присаживаться, но вообще бы испариться отсюда хотелось! Однако, как справедливо говорится, «положение обязывает». Да и, кроме того, военному человеку отступление было бы не к лицу.

— Спасибо, рассаживаться нам некогда, — отвечал он, стараясь не смотреть на Веру. — Я к вам в порядке знакомства как ваш новый комендант...

— Фролов Виктор Петрович, — подсказала Вера.

Фролов все-таки пришлось глянуть на нее — испепеляюще.

— Хочу узнать, — продолжил он, — какие имеются жалобы, предложения?

— Жалоб нет, — лучезарно улыбнулась Вера.

— Как... нет? Совсем никаких жалоб?

— Никаких новых, — уточнила она. — Вы же к нам не к первым пришли. Так?

— Так, — растерянно кивнул Фролов.

— По коридорам прошлись? На кухне были? Учебку закрытую видели? Так?

— Так, — снова растерянно подтвердил Фролов.

— Чего ж повторять жалобы? Работать надо. Так?

— Так...

Кроме этого словечка, Фролов, похоже, ничего в дан-

ный момент выдавить из себя не мог. На помощь пришла Лариса Евгеньевна.

— Ну-у, Голубева! — протянула она с осуждением и угрозой.

Вера продолжала улыбаться крайне доброжелательно. Фролов потоптался бессмысленно и пошел к двери, на всякий случай уточнив на прощание:

— Значит, жалоб никаких нет.

— Почему, есть! — вдруг объявила, оторвавшись от чертежа, Ирина.

Он с интересом обернулся к ней:

— Ага! На что жалуетесь?

— Нет счастья в личной жизни! — сообщила Ирина.

Фролов нервно передернул шрамом на щеке и — в два огромных шага — покинул комнату.

Лариса Евгеньевна поспешила за ним, на прощание стандартно осудив Ирину:

— Ну-у, Санько!

А Вера глянула им обоим вслед и сказала задумчиво:

— Девочки, а правда, он немножко похож на пирата?

ОСЕНЬ

1

*Ш*ел серый нудный осенний дождь.

Лето пролетело незаметно, как обычно в этих краях. Сначала шпарило солнце, и весь город, изнемогая от жары, твердил, что, по абсолютно достоверным источникам, такого жаркого лета не было за последние сто лет. Потом зарядили дожди, и весь город, кутаясь в плащи, уверял, что, по тем же достоверным источникам, такого холодного лета не было уже лет двести. В жару молили о прохладе. В холода мечтали о тепле. А в принципе, лето было как лето — нормальное в средней полосе России.

Но все-таки вера в необычайные катаклизмы была сильнее и увлекательнее нормальной оценки событий, и все были убеждены, что погодные дела на нашем шарике идут вкривь и вкось. А вахтерша тетя Зина знала и абсолютно точную причину этого: все — от спутников и космических кораблей, протыравивших в сплошное решето

небесную сферу. И все в общежитии — кто с улыбкой, кто всерьез — но в общем-то разделяли ее глубоко научную точку зрения.

Впрочем, особого времени для обмена мнениями у жителей общежития не было: они виделись нечасто. Лето — пора отпусков, а также сельскохозяйственных работ городских трудящихся. Так что разметало наших девушек, кого на южные пляжи, кого по северным рекам, кого по туристским тропам в сибирские края, и практически всех — то ли до, то ли после отпуска — в колхоз. Здесь ткачихам были рады: в отличие от, скажем, физиков-теоретиков или, к примеру, врачей-кардиологов наши девушки приносили в колхозе реальную пользу, ибо многим из них был еще памятен и привычен сельский труд их детства.

В целом лето прошло без чрезвычайных происшествий, если только не считать одного. Неугомонная Лиза Лаптева и тут отличилась: намалевала и вывесила возле правления плакат: «ТОВАРИЩИ КОЛХОЗНИКИ, ПОМОЖЕМ ТКАЧИХАМ УБРАТЬ УРОЖАЙ!» Когда ее потребовали к ответу, она оправдывала свой поступок тем, что, во-первых, колхозный бригадир пил горькую, распустил свою бригаду — и ткачихам приходилось вкалывать, даже не видя рядом колхозников. А во-вторых, — заявила Лаптева, — в одном из фильмов недавно был аналогичный призыв: «ТОВАРИЩИ КОЛХОЗНИКИ, ПОМОЖЕМ СТУДЕНТАМ УБРАТЬ УРОЖАЙ!» И значит, раз такое можно в фильме, то можно и в жизни.

Из всего происшедшего был сделан соответствующий вывод. Вернее, три вывода. Первый: Лаптевой поставили на вид. Второе: бригадира-алкаша сняли с бригадирства. И третий: написали коллективное письмо на киностудию с требованием подобные деморализующие зрителей кадры в фильмы не вставлять.

В остальном же лето прошло-пролетело незаметно и спокойно, а сейчас над городом уже шел серый и нудный осенний дождь. Девушки спешили знакомой дорогой вниз с холма — от общежития к комбинату. Купола зонтиков прикрывали этот торопливый, говорливый, живой поток от тоскливого потока, льющего с небес.

Вера шла под одним зонтом с тоненькой женщиной в больших круглых очках. Общий зонт заставлял их держаться теснее друг к другу, и беседа располагала к тому же.

— Женечка, — говорила Вера, — он недавно испытал одно разочарование, но человек он, по-моему, хороший и добрый.

— Я тебе верю, — серьезно сказала Женя.

— Да я что, я и ошибиться могу. Но мне кажется, вы подходите. Ты музыкальная, он тоже филармонию посещает...

Речь шла, как вы, наверно, догадываетесь, о том самом одиноком технологe Леониде Григорьевиче, любителе Брамса. Минувшее лето не принесло изменений в его семейное положение. Более того, надежды на Катерину из тундры рухнули. Хоть и поменял тогда Леонид Григорьевич билеты в филармонию на спектакль «Брак по любви», но все равно не нашел с Катериной общего языка. Зато Катерина, причем без всякой помощи Веры, сама нашла общий язык и все остальное с лейтенантом Медведенко из воинской части. Поистине неисчерпаем был этот источник женихов для ткачих!

Порадовавшись за Катерину, Вера болела душой за непристроенного Леонида Григорьевича. А еще у нее душа болела за Женю — выпускницу культпросветучилища по классу фортепиано. Она по распределению попала на должность музыкального руководителя во Дворец культуры комбината и жила в общежитии, хотя все сроки предоставления жилья молодому специалисту давным-давно прошли. Вот эти две свои душевные боли Вера и пыталась объединить в одну здоровую семью.

— Я тебе полностью верю, — повторила Женя.

— Да ты не мне, ты себе поверь — вот что главное.

Женя покорно кивнула. Вера со вздохом глянула на нее и сказала осторожно:

— Знаешь, я тебе посоветовать хочу... Не обидишься?

— Что ты! — испугалась Женя.

— Понимаешь, Женечка, очень ты... безропотная, что ли. А мужчине надо иногда и характер показать. Не гонор, нет, но характер.

— А если, — робко спросила Женя, — если у меня нет характера?

— Так не бывает. Женщина — это уже характер! И у тебя он тоже есть — тонкий, интеллигентный. Хотя, извини, но чересчур аккуратный и... как это?.. педантичный, вот.

— Разве можно быть аккуратной чересчур? — удивилась Женя.

— Можно. Нерях, конечно, не любят, но и аккуратисток... Знаешь, почему Ширяев от Лили ушел?

— Почему?

— Железным порядком доконала. Представляешь, он ночью встанет... ну там, воды попить... вернется — а постель уже застелена!

Потом Вера ехала к своему цеху на автокаре с конопатенькой водительницей Машей.

— Нет, Машенька, пока нет, — говорила Вера.

— Я понимаю, — печально кивала конопатенькая.

— Но все равно будет! — уверяла Вера. — Вчера я с одним из ОТК говорила. Он, правда, разведенный, но ты понимаешь...

— Я понимаю.

— Нет-нет, если ты против, мы другого найдем. Обязательно найдем! Ты, главное, надейся, — улыбнулась Вера.

— Я надеюсь, — ответила без улыбки Маша.

В цехе Вера ловко связывала нитку на станке Милочки и что-то объясняла ей. Милочка понимающе кивала. Затем сама почти так же ловко связала концы нити и вопросительно посмотрела на наставницу. Вера удовлетворенно улыбнулась и пошла было к своим станкам. Но по центральному проходу цеха катился толстячок Леонид Григорьевич, о котором она только утром беседовала с Женей. Он размахивал розовыми билетиками.

— Вот! — кричал Леонид Григорьевич сквозь станочный гул. — Два в цирк! На медведей!

Вера только вздохнула. Он заволновался.

— Что? Не надо? Не надо медведей?

— Да нет, можно, конечно. Но понимаете, Леонид Григорьевич, может, Катерине на Брамса было рановато... А Женечка все же не из тундры, а из почти что консерватории, на ней вся наша самостоятельность держится. Как бы ее медведи поначалу не пугнули.

— Вы правы, вы совершенно правы, — огорчился он.

— Так, может, Женю как раз — на Брамса?

— Конечно, конечно! В воскресенье в филармонии... правда, не Брамс, а Гендель...

— Тоже неплохо, — одобрила Вера. И добавила с улыбкой, но строго: — А вообще я вам хотела — выговор.

— За что? За что же? — обеспокоился он.

— Что это у вас за привычка: спрашивать у женщин, сколько им лет!

Было такое, было. С этого начал он знакомство с Екатериной и теперь успел задать аналогичный вопрос Жене.

— А что, — удивился Леонид Григорьевич, — разве я не могу знать возраст?

— Можете. Но — частично, — ответила Вера.

После работы Вера из общего потока, медленно подымающегося по холму к общежитию, свернула к голубому домику почты.

На этот раз она ничего не отправляла, только получила в окошке без предъявления документов — здесь ее хорошо знали — несколько заказных писем. Вера пробежала глазами адреса: Мурманск, Душанбе, Смоленск... И остановилась на письме из Запорожья. Нетерпеливо вскрыла конверт, достала фотографию мужчины и уставилась на него оценивающим глазом. Простое курносое загорелое лицо. Чуть лысоват. Сорока пяти лет. Рыбаков Иван Васильевич.

Вот он, значит, каков, этот таинственный «И. В.» — под такими застенчивыми инициалами в абонентный листик № 1217 он просил отвечать на его объявление о желании вступить в брак, помещенное в днепропетровской «Вечерке». Узнав о существовании «одинокого геолога, всю жизнь проводившего в изыскательских экспедициях, непьющего, некурящего и ныне желающего вступить в брак с женщиной до сорока лет, можно с ребенком» — так вот, прочитав обо всем этом, Вера немедленно откликнулась. Выслала ему со всеми необходимыми характеристиками фотографию крановщицы Насти Зайковой — разведенки с восьмилетней дочкой. И вот наконец ответ.

Вера вложила фотографию в конверт и собралась было уходить с почты. Но не выдержала, присела у стола, достала из конверта письмо и взволнованно углубилась в изложение повести жизни одинокого геолога.

2

В воскресенье комендант Фролов в неизменной тельняшке и трусах прибрался в своей комнате общежития. Он смахнул тряпкой пыль со стола. Аккуратно расставил вокруг него стулья. Подровнял книги на полке. Прошелся ладонью по одеялу идеально, «под ниточку» застланной кровати.

Послышался свисток: на тумбочке закипел электрочайник. Фролов выключил его, включил утюг, достал из тумбочки заварной чайничек и железную коробку с чаем, засыпал заварку, залил кипятком и накрыл чайничек салфеткой настаиваться. Затем он расстелил на столе брюки и принялся выводить утюгом лезвия «стрелок».

Во всем, что делал Фролов, ощущались его любимый флотский порядок и сноровка продолжительной холостяцкой жизни.

Пытался он навести этот самый флотский порядок и во вверенном ему общежитии. Пытался все минувшее лето. Но не вышло: то ли он чего-то еще не понимал и не умел, то ли лето не самое подходящее время для наведения порядка. Отпуска и колхозы похищали людей из цехов. Подводили смежники, у которых были свои отпуска и колхозы. Терроризировали зарубежные заказчики, у которых этого не было, но были свои — глубоко чуждые нам — представления о сроках и договорных обязательствах.

В общем, производство трещало по швам. А как говорил друг Фролова замдиректора Илья Ефимович, «когда горит производство — быт позабыт»! Фролов с этим не соглашался, отлавливал крайне занятого друга где только мог и приставал как с ножом к горлу: ремонт, кухня, учебная комната... Илья Ефимович, подчиняясь его напору, давал Фролову обещание все сделать. Потом твердое обещание. Потом — самое последнее обещание. И наконец — клятву.

Дав обещание, Илья Ефимович не выполнил его, попытавшись уговорить Фролова, что все равно вот-вот сдадут новое общежитие. Дав твердое обещание, Илья Ефимович умчался в зарубежную командировку: никто лучше его не умел уговаривать заказчиков подождать со своими дурацкими сроками. Самое последнее обещание Беленькому помешал выполнить вечный соперник первый зам

Чубарев, приковав его в конце квартала к цехам, заваливавшим план. А уж дав Фролову клятву, Илья Ефимович уехал в отпуск — заслужил.

Вчера, в субботу, он вернулся, и мрачный Фролов вошел утюгом по брюкам, прокручивая в уме схему последнего решительного разговора с руководящим другом в понедельник.

В дверь постучали. Он поспешно натянул недоглаженные брюки и пошел открывать. Это была возмущенная Лариса Евгеньевна с каким-то плакатом в руках.

— Вот! Полюбуйтесь! Только что сняла с двери «красного уголка».

Фролов удивленно глянул: на плакате был изображен он сам, довольно похожий, в тельняшке, клешах, со шрамом через щеку, в пиратской косынке на голове и с большим рупором, из которого вылетали одни восклицательные знаки. Под рисунком имелись стихи:

*Обещать горазд и рад
Наш отчаянный пират!
Но на деле — слаб и робкий:
Нет ни кухни, ни учебки!*

— Ага! — Лицо Фролова потемнело. — Кто художник?

— Это Лаптева! — уверенно заявила Лариса Евгеньевна. — Я вас предупреждала, эта Лаптева...

— Лаптева так Лаптева, — перебил он. — Давайте эту художницу!

— Сейчас, сейчас... А стихи — это точно Зелинская...

— Давайте обеих! — скомандовал Фролов. — И срочно соберите совет общежития!

Сладкий послеотпускной воскресный сон замдиректора Беленького был прерван разрывающимся звонком. Фролов звонил у кожаной с металлическими звездочками двери, не отпуская кнопку, пока не выглянул испуганный Илья Ефимович в полосатой пижаме.

— Собирайся! — опередил все его вопросы Фролов.

— Куда? — сонно протирает глаза Илья Ефимович.

— В общежитие. Люди ждут.

Из глубины квартиры донесся голос жены Ильи, тихой

женщины Сонечки, посвятившей свою жизнь делу домашнего служения своему кипучему мужу.

— Что случилось, Илюша? Кто там?

— Не волнуйся, Сонечка, это наш Витенька! — крикнул Илья Ефимович, все еще не выпуская Фролова в квартиру. — Ему в воскресенье не спится, так он решил и нас разбудить. Ты же его знаешь, он у нас весельчак!

— А-а, — отвечала жена, — здравствуй, Витя! Заходи, я сейчас оденусь...

— Спасибо, Соня! — крикнул Фролов. — Не хлопочи, я только на минутку.

— Да-да, — подхватил Илья Ефимович, — он только заскочил, пошутил и пойдет дальше.

Фролов сгреб друга за пижаму и сказал негромко, но внятно:

— Целое лето ты кормил меня обещаниями. Теперь все! Сейчас пойдешь со мной и сам лично пообещаешь людям. Последний раз и с точными сроками.

— Пустя, щекотно! — отбивался Илья Ефимович. — Никуда я не пойду!

— Не пойдешь — понесу!

Фролов не выпускал Илью из железной хватки. И по глазам его было видно, что этот выполнит свою угрозу — понесет.

Илья Ефимович обмяк и сказал покорно:

— Дай хоть одеться.

Фролов выпустил его. Илья Ефимович пошел в квартиру. Фролов неотступно, как статуя командора, двигался за ним. На пороге комнаты Илья Ефимович не удержался и шепнул другу с привычной игривостью:

— Только, Витенька, уговор: Сонечке ни слова, что мы идем к девочкам. Она этого почему-то страшно не любит!

Илья вел свои золотистые «Жигули» очень ловко, с лихим пижонством. Но Фролов на это не реагировал, мрачно глядел вперед, и только вперед.

— Ай-яй-яй, — укорял Илья, — я думал, устрою друга детства на хорошую работенку, он мне спасибо скажет, а он... Ни сна тебе, ни отдыха! Не-ет, Витенька, уволью я тебя, в шею выгоню.

— Вот тогда я тебе и скажу большое спасибо! — Пообе-

щал Фролов. — А пока не уволил, я тебя предупреждал: покоя от меня не жди — я человек морской!

— Ты человек тупой! Не можешь усвоить простую истину: мы сдаем новое общежитие весной...

— До весны доживем, — перебил Фролов. — А сейчас выполняй обещания — или у тебя будет веселая жизнь!

— Ви-тя, — простонал Илья, — ты ребенок! За срыв на главном корпусе генеральша даст мне по шее, за склады — вмажет по спине, за реконструкцию цехов — двинет мне еще ниже... А за общежитие — максимум на ковер в фабком. Разумно.

— Нет, очень глупо, — убежденно сказал Фролов. — В общежитии — люди, работники. А без работников хрен цена всем твоим цехам и складам!

— Солнце мое, а ты, оказывается, демагог, — прищурился Илья. — Вырастил, называется, на свою голову... Давай лучше о чем-нибудь лирическом. Что-то ты к нам совсем в гости не заходишь? Новых друзей завел? — Илья хихикнул. — Или подруг?

— Нет, — коротко ответил Фролов.

— И зря! — Илья посерьезнел. — Знаешь, хватит уже одному небо коптить...

— Илья! — с угрозой оборвал Фролов.

— Что Илья, что? — Он вздохнул. — Витя, я все понимаю... Но пойми и ты наконец: не от тебя одного жена ушла.

— Она не ушла, — глухо сказал Фролов. — Она сбежала, когда я был в море. Когда я после вахты пел с ребятами в кубрике хорошую песню: «Пусть и штормы и торосы, верно ждет жена матроса»... Все, больше я эту песню не пою. И петь не буду. Никогда!

Шрам на его щеке дернулся, и он умолк.

Все было так, как он сказал. То есть, конечно, трудно утверждать, что жена ушла именно в тот момент, когда он пел в кубрике свою хорошую песню. Может, это произошло раньше, а может — позже. Но так или иначе, произошло. И поход-то был недолгим и недальным, всего неделю. А вернулся из похода он уже в пустую квартиру. И хорошо, что в пустую, понял он. Не сразу, а потом, когда чуть отошел от первого удара, он подумал и понял: хорошо, что не успели завести детей.

Она уехала с залетным гастролером, артистом концертной бригады, слегка потрепанным жизнью, но все еще

импозантным и речистым завсегдатаем провинциальных салонов. Все — как в пошлых романах. А впрочем, разве пошлые романы не есть отражение пошлости жизни?

Когда уходит жена, одни начинают пить, другие ударяются в разгул. Фролов не сделал ни того, ни другого. У него только очень сильно заболело в груди. Слева — где сердце. Это было тоже как в романах: сердечная боль от великой любви и печали. Потом, с годами, осталась только печаль. А великая любовь сменилась столь же великой ненавистью. Не конкретно к бывшей жене, а ко всему женскому сословию, ко всем представительницам столь прекрасной, но, как выяснилось, и столь коварной половины рода человеческого.

И еще осталась сердечная боль. Не в фигуральном, а в самом прямом смысле. Он прятался от врачей, но они отлавливали его на неизбежно регулярных медосмотрах. Были оттяжки, наивные хитрости, слезные мольбы, но все равно наконец был объявлен диагноз-приговор: жить будете долго, плавать — никогда.

— Витя, — сочувственно сказал Илья, — но сколько можно жить одной болью? Ты ведь уже пять лет...

— Семь! — оборвал Фролов.

— Тем паче!

Илья сердито крутанул баранку и резко свернул, заставив вспорхнуть на тротуар зазевавшегося пешехода. Постовой милиционер махнул жезлом.

— Это он тебя? — обеспокоился Фролов.

— Меня. Приветствует меня, — ухмыльнулся Илья. — Я, между прочим, в городе известный человек. Любимец публики!

Машина пролетела широким проспектом, свернула в тихие переулки, утопая колесами в заваливших не только тротуары, но и проезжую часть осенних листьях, и вдруг затормозила так, что Фролов клюнул в стекло.

— Что... это? — вымолвил Илья.

Фролов молчал, давая ему рассмотреть картину.

А картина была такая: на ступенях общежития их бурно приветствовала толпа девушек, подняв над головами большой плакат: знакомая рука художника весьма похоже изобразила Илью Ефимовича на трибуне, размахивающего, как Шива, десятком рук, а изо рта у него выле-

тали мыльные пузыри с надписями «ремонт», «кухня», «учебка»... И подо всем этим — незамысловатые, но исчерпывающие стихи:

*Все мы Беленького знаем,
Дружно шлем ему привет!
Он словам своим хозяин:
Хочет — сдержит, хочет — нет!*

Илья повторил растерянно:

— Что это... такое?

— Я же говорил: люди ждут.

Фролов перегнулся через окаменевшего друга и распахнул дверцу с его стороны.

— Прошу, любимец публики!

3

Было бы наивным считать, что описанная сцена разрешила все проблемы. Нет, хотя в этот день Илья Ефимович перед лицом заинтересованной общественности с готовностью дал обещания, — он с той же готовностью вполне мог забыть эти очередные обещания, как и все предыдущие.

Однако история эта, конечно, получила огласку. Над Ильей Ефимовичем подтрунивали друзья и сослуживцы. Даже генеральша Анна Дмитриевна при случае намекнула Беленькому на возросшую его популярность в кругах общежития. Но и это все Илья Ефимович стерпел.

И лишь когда на какой-то планерке в его адрес отпустил шпильку первый зам Чубарев, вот тут уж Илью Ефимовича задело за живое и в нем разыграло ретивое! И он принялся действовать с той вулканической энергией, на которую был способен, если уж принимался за дело. Стало возможным все, что прежде было невероятным. Появились нужные материалы, появились рабочие руки, появился стремительный план переселения внутри общежития и даже получения дополнительной квартиры в исполкоме, результатом чего было освобождение учебной комнаты от жилья и кухни из-под склада.

Умел Илья Ефимович работать, ух, как умел! Когда хотел.

Из учебной комнаты уже вынесли кровати, и девушки

расставляли чертежные комбайны, раскладывали учебники на полках, подключали настольные лампы.

Долговязая Галина огляделась с высоты своего роста.

— Хорошо-то как, девочки! Не надо больше по комнатам горбатиться...

— Тебе бы и так не пришлось, — заметила Лиза Лаптева. — Прапорщик Семенов получил казенную жилплощадь.

— А ты откуда знаешь? — удивилась Галина. — Он же только позавчера...

Лаптева сдунула челку со своего хитрого глаза и туманно сообщила:

— У кого миленок — прапорщик, а у кого — разведчик!

Девчонки засмеялись. Одна только соседка Веры тощая Ирина сохранила серьез и призвала всех к делу:

— Я предлагаю: развернем столы. Тогда свет будет из окна. А лампы поставим слева, чертим ведь правой рукой.

Лаптева и тут не промолчала:

— А я — левша!

— Мы тебе поставим персональный стол, — пообещала Галина.

— Мерси, — раскланялась Лаптева. — Галочка, а я давно хотела спросить: где заказывают персональную раскладушку?

Галина насторожилась:

— Какую еще... персональную?

— Ну на обычной вы же с Семеновым в длину не поместитесь!

Девушки снова захихикали. А Галина треснула Лаптеву рейсиной промеж лопаток.

На кухне пятого этажа, освобожденной от склада, тоже кипела бодрая работа. Девушки протирали плиты, накрывали клеенкой столики, расставляли посуду на полках и развешивали ложки-поварешки на крючках.

А из духовки одной из плит Вера уже торжественно вынимала пышный румяный пирог.

Вездесущая Лаптева влетела в кухню, мгновенно сориентировалась на кулинарное чудо и затараторила:

— Первый не комом! Первый не комом! Тьфу-тьфу-тьфу!

Вера молча отмахнулась от нее, сосредоточенно выло-

жила пирог на блюдо и приступила к нему с ножом. Девушки нетерпеливо пробовали, обжигались и приходили в восторг, выражаемый невнятными, но красноречивыми стонами:

— У-у! М-м! В-в-в!

Пирог таял на глазах.

— Стойте, голодающие! — опомнилась Милочка. — Оставьте хоть кусочек Фролову, он заслужил.

— Ой, пират, ой, закружил голову бедной девочке, — запричитала Лаптева.

— С ума сошла? — возмутилась Милочка. — Он же совсем старый!

— Ну и ничего, что старый, — утешила Лаптева. — Тебе же его не варить!

Девчонки, нетерпеливо ожидавшие очередную лаптевскую шутку, радостно прыснули. А тут еще в кухню заглянул Фролов.

— Телепатия! — восхитилась Лаптева.

Общий смех усилился. Фролов глянул с подозрительностью.

— Как устроились? Может, что не так...

— Все так и только так! — заверила Лаптева.

И протянула ему ломоть пирога на тарелочке.

— Просим отведать. С благодарностью по случаю открытия нового пищеблока. Не побрезгуйте.

Фролов, поколебавшись, отщипнул кусочек и попробовал. Вера затаив дыхание следила за его реакцией. Он тщательно и деловито прожевал, закатил глаза и выдал уже знакомые звуки:

— У-у! М-м!

— Нравится? — обрадовалась Вера.

— Не то слово!

Он отправил в рот уже не кусочек, а весь ломоть.

— Видите, вкусно, — наставительно сказала Лаптева. — А вы с нами дружбу не водите. Вы что, очень не любите женщин?

Она спросила это шутливо, но Фролов, проглотив пирог, ответил всерьез:

— Не люблю. Очень!

От его прямого ответа возникла неловкая пауза, которую неожиданно разрядила Милочка:

— Это вы женщин не любили, пока нашу Веру не встретили.

— Людмила! — возмутилась Вера.

Но Лаптева быстренько сориентировалась.

— Да нет, Верочка, просто Мила имела в виду, что ты постарайся и найдешь ту единственную женщину, которую Виктор Петрович обязательно полюбит.

— Вряд ли! — хмуро отрезал Фролов. — И вообще, как это только могло в голову прийти...

Он умолк. Вера насторожилась:

— Что именно?

— Да это... сваха. В наши дни!

— Люди ищут друг друга во все дни, — спокойно ответила Вера.

А Лаптева оскорбилась за подругу.

— У Верочки, между прочим, еще бабушка свахой была. Профессиональной! Полгубернии сосватала. И даже самого губернатора!

— Так ему и надо, губернатору, — усмехнулся Фролов.

— Неостроумно! — отрезала Лаптева. — И мама у Веры тоже все село переженила. Хотя при этом была первой женщиной-трактористкой.

— Ага, — съязвил Фролов, — целая династия.

— Да, династия! — с вызовом подтвердила Вера. — И вдруг улыбнулась: — А хотите, правда, я вам хорошую невесту сосватаю...

Она не успела договорить — отшатнулась от нервного вскрика Фролова:

— Нет!!!

Когда точно это у нее началось, Вера не помнила. Вообще-то все женщины, ну пусть не все, но абсолютное большинство, по своему характеру — сводни. Вряд ли найдется женщина, которая не только в кругу друзей, но даже придя в незнакомый дом и узнав, что там имеется потенциальная невеста, тут же бы не воскликнула: «Вы знаете, у моей соседки (или: «у моей тети», или: «у моей сотрудницы») есть замечательный парень, я вас непременно познакомлю!» Конечно, словечко «сводня» имеет пренебрежительно-отрицательный оттенок. А между тем, если разобраться, ничего плохого нет в том, чтобы СВОДИТЬ

людей. Помогать найти друг друга в этом «безумном, безумном, безумном мире», имеющем почему-то тенденцию не столько людей соединять, сколько разлучать их. И если женщины по своему изначально природному складу противятся такому огорчительному положению вещей, то честь им только и хвала!

У Веры это началось, пожалуй, с самого детства. Когда мальчишки и девчонки под оглушительный свист и всеобщий смех гоняли по селу очередных малолетних «жениха» и «невесту», Вера одна не смеялась, а становилась на их сторону, уговаривая не стыдиться, а, наоборот, с гордостью нести эти почетные звания. За что неоднократно получала по шее от и без того разъяренного пацана-«жениха».

И позже, в школе, увидев намалеванное на стене и выцарапанное на парте «Ваня + Маня = любви!», она не хихикала вместе со всеми над слагаемыми этого извечного уравнения, а всерьез опекала их, защищала от гонителей и хулителей. За что тоже получала свои синяки и шишки. Причем порою с обеих сторон.

А может, и верно, это у нее было «династическое», фамильное? Бабушка Веры действительно трудилась в качестве профессиональной свахи. И плюньте в лицо тому, кто скажет, что кусок хлеба, зарабатываемый этим трудом, достается легче, чем любой иной. Это только в старинных водевилях сваха — лицо смешное, суетливое и вздорное. А на самом деле сколько нужно ума и хитроумия, какое тонкое требуется знание характеров и понимание нравов! Сваха — это психолог и полководец, актриса и математик, вдохновенный продавец и расчетливый покупатель... И еще сваха — это, увы, человек, умеющий смирять свою гордыню, ибо когда тебя гонят в дверь, надо уметь вернуться в окно. Бабушка Веры обладала всеми этими способностями, и слава о ее мастерстве гремела по всей губернии. Ну разве что только про сватовство лично господина губернатора — это она сама приврала, распустила слухок для престижа и в целях саморекламы. А как же, реклама — двигатель не только торговли.

Мать Веры тоже сватала. Но уже совсем по-иному. Комсомолочке тридцатых годов, боевой трактористке, местной Паше Ангелиной — ей, конечно, негоже было делать сватовство профессией. Но материнские гены и азартный

характер привели к тому, что она сватала, как сказали бы сегодня, из спортивного интереса. Самые невероятные дуэты, самые несходные натуры. Все говорили: ни за что! А она отвечала: хотите на спор? И совершала невозможное — сватала. И между прочим, сосватанные ею противоположности жили впоследствии куда лучше и дружнее тех, кого безусловно считали созданными друг для друга. Все изумлялись, пытались разгадать ее секреты. Но скорее всего весь секрет в том и состоял, что не только в физике однополюсные заряды отталкиваются, а разнополюсные — очень даже притягиваются!

Для Веры сватовство не было работой, как для бабушки, и не было игрой, как у мамы. А было это... ну как бы вам сказать?.. это было просто естественной ее жизнью. Как с деревенского детства повелось, так и приехав в семнадцать лет на работу в город, Вера увидела в общежитии множество одиноких — и решила, что одиноких быть не должно. Совсем. Или хотя бы должно быть меньше.

Через год из пятерых соседок — тогда еще жили по пятеро в комнате — осталось только двое, считая саму Веру. Слава о ее таланте загремела на все общежитие. Приходили девчонки и женщины, просили. Вера никому не отказывала. Иногда получалось, иногда нет. Но все-таки чаще — да. И потому слух о ней очень скоро вылетел за пределы общежития, достиг комбината, затем распространился и в городе.

Круг заинтересованных лиц расширился. Не только за счет кандидатур для бракосочетания, но и за счет представителей общественных организаций, с пристальным интересом и некоторой растерянностью приглядывавшихся к непривычному явлению. Обвинить Веру, скажем, в тунеядстве или в утаенной от фининспектора работе на дому было невозможно: сватала Вера бескорыстно и в свободное от ткацкого труда время. Один рубака, горячая голова, хотел было применить к ней испытанное и бьющее наверняка «моральное разложение». Но головы попрохладнее и поумнее остудили его, указав на то, что тут уж, наоборот, если можно так выразиться, наблюдается «сложение».

Однако что-то надо было предпринять, ибо Вера своей тихой борьбой с одиночеством громко заявляла о том, что

оно — это самое одиночество — есть. А в те времена было еще твердо установлено, что одиночества у нас в принципе нет. Чем бы дело кончилось, неизвестно. Но настали иные времена, подули иные ветры и наряду со многими другими новыми вестями принесли и весть о том, что одиночество у нас все-таки тоже существует. И штука эта не-веселая, и желательно избавляться от нее всеми возможными способами. Сначала об этом повсюду заговорили. Потом стали писать в прессе. И наконец — после привычного осторожного выжидания — откликнулись и кино с телевидением. А это сразу поставило проблему на должную высоту.

Повсюду, как грибы после живительного дождя, стали возникать клубы «Для тех, кому за тридцать», вечера «Давайте познакомимся», и даже появились — не очень широко, робко, но все же появились! — трижды заклеяменные и четырежды осмеянные страницы брачных объявлений в «Вечерках» нескольких городов.

Все это вроде бы и облегчило жизнь Веры, но и усложнило. С одной стороны, было признано: да, дело это нужное. Но с другой стороны, вопрос: почему это нужное дело вершится ею кустарно, в одиночку, когда имеются столь плодотворные общественные формы?

Вопрос этот витал в воздухе, но оставался без ответа. А пока что по вечерам после работы шли к Вере люди. С мольбой и надеждой. С благодарностью и не только...

Восточный мужчина с пышными усами, в ратиновом пальто и велюровой шляпе распахнул дверь в комнату Веры и втащил за руку плачущую и упирающуюся хорошенькую блондиночку Нину — ту, с которой Вера беседовала летом в комбинатской столовой по вопросам домашней кулинарии.

— Возвращаю! — торжественно и гневно объявил восточный гость.

Нина всхлипнула. Вера удивленно улыбнулась:

— Здравствуйте, Гурам, здравствуй, Ниночка... Что случилось?

— Возвращаю! — на том же накале повторил Гурам.

— Что... возвращаете?

— Он меня возвращает, — Нина зарыдала.

— Ничего не понимаю! Да сядьте вы, наконец, разденьтесь.

Нина, покорно сбросив пальто, плюхнулась на стул. А Гурам остался стоять, только шляпу снял. И обнаружилось, что пышные у красавца лишь усы, а голова совсем не богата растительностью, чтобы не сказать — просто бедна.

— Так в чем дело? — спросила Вера.

— Я возвращаю мою жену Нину Александровну! — сообщил Гурам. — Потому что моя жена не оправдала моих надежд на счастливую семейную жизнь!

— А точнее можно? — попросила Вера.

— Точнее — вы мне говорили: Нина красивая, Нина добрая, Нина уважаемый человек на работе... Говорили?

— Говорила.

— И это все настоящая правда.

— Ну! — обрадовалась Вера. — Так что же...

— Но вы не говорили, что Нина абсолютно не умеет готовить!

Наконец-то Вера все поняла. Впрочем, она это и предвидела. Что тут можно было сказать? И Вера промолчала в ожидании дальнейшего развития событий.

— Нет, я уме-ею готовить, уме-ею, — прорыдала бедная Нина.

— Хорошо, — согласился Гурам, — пусть ты умеешь готовить. Но я не умею есть то, что ты умеешь готовить!

— А яичницу-у?

Гурам изменился в лице, глаз у него дернулся.

— Утром яичница, днем яичница, вечером омлет! Я скоро буду кудахтать, как цыпленок!

Вера уточнила:

— Кудахчет курица.

— Неважно! От такого питания кудахтает даже петух!

Гурам выкричался, помолчал и сказал уже потише:

— Нет, я не сдавался. Я приобрел Нине «Книгу о вкусной и здоровой пище».

— И теперь?... — заинтересовалась Вера.

— И теперь Нина знает русскую кухню, французскую кухню, японскую кухню... Она только не знает, нужно класть в котлеты мясо или нет!

Нина вторила его речам тихими всхлипами.

— Я похудел, — тоскливо продолжал Гурам, — я осунулся, у меня плохое рабочее настроение... Но это еще не самое главное.

— А что самое главное? — спросила Вера.

— Понимаете, — доверчиво сообщил он, — я грузин.

— Я знаю, — кивнула Вера.

— Нет, вы не знаете. Для грузина дом — это стол. Приходят мои друзья, приезжают мои родственники... За каким столом я подниму бокал за их здоровье и благополучие? Это мой позор, понимаете! Вот почему я возвращаю мою любимую жену Нину Александровну.

В знак окончания печальной поэмы своей семейной жизни Гурам встал и надел шляпу.

— Гурамчи-ик! — тоже вскочила Нина.

Вера ласково, но твердо усадила ее за плечи.

— Что же ты, Ниночка, я ведь тебе в свое время говорила... Нет, он-то, конечно, ведет себя как феодал недобитый: возвращаю жену, не возвращаю...

— Минуточку! — вскинулся Гурам.

— Уж теперь вы меня минуточку послушайте! Так вот, Нина, конечно, он феодал, — с нажимом повторила Вера, — но в чем-то он все-таки прав.

— Видишь! — обрадовался Гурам.

Вера, не реагируя на него, продолжила:

— И ты зря отмахивалась, когда я тебя предупреждала. А дом — и не только грузинский — он на женщине всегда стоял и держался.

— Замечательно сказали! — воскликнул Гурам. — Нина, ты слышала, что сказала твоя умная подруга? Ты запомнила?

— Слышала-а, — всхлинула Нина. — И запомнила-а...

— Тогда пойдем, — сказал Гурам.

— Куда? — удивилась Вера.

— Домой!

Гурам взял Нину за руку. Но Вера решительно их руки разняла.

— Нет. Вы ее вернули. Я ее приняла.

— Как?!

— А так. Ваш брак — это мой брак. Брак в моем деле.

Приходите за Ниной недели через две. Она будет мастером кулинарии.

— Зачем? Я уже пригласил маму из Зангезури, мама научит...

— Нет, — твердо повторила Вера, — свой брак я всегда исправляю сама. Нина останется.

Гурам опять сорвал с головы шляпу и беспомощно закипятился:

— В чем дело? Я муж или не муж? И я прав или неправ?

— Вы муж, — спокойно подтвердила Вера. — И вы правы. А Нина неправа.

Гурам был окончательно сбит с толку.

— Вы говорите: неправа, и я говорю: неправа! Так в чем же дело?

— А в том, — Вера улыбнулась, — что французы так считают: если женщина неправа, первым делом надо попросить у нее прощения!

5

И снова гремел в общезитии Свадебный марш. И снова из всех окон всех пяти этажей махали руками и выкрикивали добрые пожелания новобрачным, двум «верстам коломенским»: Галине и Семенову.

Хотя богатырь прапорщик действительно был двухметрового роста, Галина все никак не могла избавиться от своей многолетней привычки — сутулилась. Но сейчас даже это не могло испортить ее, похорошевшую от счастья. С алыми розами в руках и в длинном платье невесты, не белом, правда, — годы все же не те.

Свадебная процессия торжественно проплыла по осенней аллее от подъезда к машинам, увитым лентами, Галина обняла Веру, так что невысокая подруга уткнулась носом в ее грудь, и они зашептались в прощальном порыве слез и улыбок.

Наконец невеста оторвалась от Веры, уселась в машину. За нею, сложившись в три погибели, втиснулся жених Семенов.

Из окон общезития махали и кричали девушки.

Вера стояла и дольше всех глядела вслед удалявшимся в новую жизнь по бесконечной дороге осенних листьев.

ЗИМА

1

Белым заснеженным утром общежитие бежало на работу. Бежало и потому, что, как обычно, припаздывало, и потому, что подгонял крепкий морозец. Но в этом утреннем потоке разговоры и смех по-прежнему не смолкали, хотя девушки и кутались в шубки, прятали носы в воротники, притопывали на бегу сапожками.

Ох уж эти сапожки... Они просто не давали спокойно спать вахтерше тете Зине! Она еще как-то переносила то, что давно уже ткачихи — особенно те, кто помоложе, — не делали различия, в чем ходить на работу по будням, а что прилично светлому воскресенью. Шубки, модные пальто, даже дубленочки — с этим тетя Зина, так и быть, смирилась. Но сапожки, такие ладные, так нежно облегающие стройные девичьи ножки — ну как можно их таскать по-чем зря каждый день?! «Да я б такую обувь, — причитала тетя Зина, — мыла, протирала и в мешок клала!»

Самые молоденькие девчонки — а в основном именно они щеголяли такими сапожками — смеялись: один раз живем, тетя Зина, на том свете все босиком гулять будем! На что им тетя Зина твердила одно: «Вы еще сами и не жили, и своего не нажили, а только мамкино проживаете!» На это тете Зине тоже лихо отвечали: ничего, скоро и сами заработаем! И верно, зарабатывали. Однако получалась вот какая штука: сапожки, купленные на свои заработанные, носились куда реже и бережней.

Впрочем, общей картины это не меняло. Каждый год появлялись в городе новые девчонки, нетерпеливо жаждущие своих радостей жизни, и потому все новые сапожки топотали на морозце по той же дорожке — от общежития к комбинату.

Веру догнала мрачная Лиза Лаптева. И с ходу брякнула: — Верка, ну скажи: чего от меня мужики шарахаются?

Вера даже остановилась. Лаптева была неузнаваема, унылая челка свисала, прикрывая озорной глаз, и Лаптева даже не пыталась привычно сдунуть ее.

— Ты что, Лиза? Тебе что-то приснилось?

— Приснилось? — оскорбилась Лаптева. — Да я вовсе

ночь не спала! Вчера Бортиков... ну что ты на Октябрьские познакомила... уж такой плюгавенький и тот сбежал! Почему?

Вера промолчала, пошла дальше. Ей явно не хотелось отвечать. Но Лаптева неотступно следовала за нею и ждала ответа.

— Понимаешь, — осторожно начала Вера, — ты... как бы тебе объяснить... ты девушка с характером.

— Не понимаю! — заявила Лаптева.

— Ну фильм такой был — «Девушка с характером». И другие фильмы вроде... Там нас, женщин, призывают дело не по делу, а характер мужчинам предъявлять: вот, мол, я какая лихая, независимая.

— А ты считаешь, — спросила с вызовом Лаптева, — им в ножки кланяться?

Вера молчала, обдумывала ответ. Не хотелось обидеть в сущности неплохую, хоть и строптивую подругу. Примеров-объяснений она, конечно, могла привести тьму. Взять хотя бы Левина из планового отдела. Вера их познакомила, а он Лизе сразу не понравился. Но Лаптева все-таки свидание ему назначила, на аллее перед общежитием. Сама же не явилась, а собрала девчонок под окнами: посмеяться, как он там мается. Мало того, пошел дождь, и бедный Левин слонялся по аллее — ведь даже укрыться негде, а Лаптева с подружками помирали со смеху, наблюдая из окна поклонника — мокрую курицу.

— Стелиться перед ними не надо, — сказала Вера, — но и так, как делаешь ты... Помнишь Левина из планового? Думаешь, такое забывают?

— Да плевать я хотела, если не понимают шуток!

— Плюй. Только мужчинам почему-то больше нравится, когда на них не плюют, а уважают. Понимаешь, Лиза, мужчины — они ведь тоже люди.

Лаптева была крайне озадачена этим открытием. Но совладала с собой и заявила убежденно:

— Домострой все это, Верка! А мы — девушки вполне современные!

— Но мужчины-то все больше старинные. Мягкости ждут, женской ласки.

Вера вздохнула и добавила:

— Понимаешь, Лиза, ты с ними вроде находишься в

состоянии войны. Всегда начеку и готова дать отпор. А мужчины, представь себе, Лиза, желают мирного сосуществования!

К своему цеху Вера ехала на автокаре с закутанной в пуховый платок — один унылый нос торчит — конопатенькой водительницей Машей. И снова не было у Веры для нее никаких утешительных известий.

— Нет, Машенька, пока нет, — говорила Вера те же слова тем же виноватым голосом. — Не выходит что-то, понимаешь...

— Я понимаю, — кинула носиком Маша.

— Но все равно ведь будет, я чувствую, очень скоро будет! — Вера ободрающе улыбнулась. — Ты не унывай, ты надейся.

— Я надеюсь, — не ответила на ее улыбку Маша.

Цех привычно грохотал. Ткачихи сновали вдоль станков, быстро, почти автоматически совершая все необходимые операции.

Вера работала как всегда четко и легко, засекая внимательно малейшие неполадки и тут же устраняя их. Сегодня никто ее не отвлекал. Ученица Милочка, работавшая за соседними станками, была уже вполне самостоятельна, деловита и умела — уроки наставницы пошли ей впрок. Технолог Леонид Григорьевич, любитель выяснять в рабочее время концертно-брачные вопросы, был в отпуске. Специально взял зимой, чтобы легче было с путевкой в Трускавец — подлечиться чудодейственной водичкой и успеть вернуться к Новому году. Потому что, как ощущала Вера, где-то к этому времени у него назревал решительный и, кажется, благоприятный разговор на тему руки и сердца с Женечкой — выпускницей культпросветучилища по классу фортепиано.

Так что глаза и руки Веры были сейчас автоматически заняты работой, а мысли — мысли напряженно вертелись вокруг предстоящего не очень приятного разговора с медсестрой Люсей — рыжей зеленоглазой красавицей.

Они беседовали во время обеденного перерыва в медпункте комбината. Точнее, говорила только Вера, сидев-

шая на белой кушетке, а Люся, повернувшись к ней спиной, старательно и бесцельно переставляла с места на место склянки в шкафу, будто пытаюсь за этим занятием укрыться от спокойного голоса Веры.

— Нет, ты скажи, Люся, ты ведь сама мне говорила: я устала, я дико от него устала... Говорила?

— Угу, — промычала Люся, не оборачиваясь.

— И сама просила: найди мне нормального, спокойного — в общем, положительного... Просила?

— Угу, — так же промычала Люся.

А что она могла еще ответить? Действительно просила, умоляла избавить ее от этой муки мученической — от любимого кудрявого красавца — таксиста Митьки Шаповалова, то есть уже бывшего таксиста, потому что пил этот красавец по известному принципу: с утра стакан — и целый день свободен! Так что давно перевели его из водителей в слесари. Потом в мойщики машин и вскоре, похоже, вовсе турнут из автопарка.

Сто раз Митька клялся Люсе «завязать» и сто раз «развязывал». Сто раз они разбегались навсегда, и столько же раз неизъяснимая сила любви приводила их снова в объятия друг друга. Пока однажды Люся не глянула на себя в зеркало и увидела потухшие глаза, черные круги под ними, жесткие складки в уголках губ. Еще чуть-чуть — и красавица могла стать бывшей красавицей. Вот тогда Люся и попросила Веру.

Вера выполнила ее просьбу. Прораб Игнатий Петрович — даже имя-то какое основательное — был так же основателен, положителен и во всем прочем. Пил только по праздникам, не курил вовсе, имел свой дом и серьезные намерения. Люсю Игнатий Петрович обожал. Люся с Игнатием Петровичем находила душевное успокоение от прошлой жизни. И все у них шло на лад, но...

— Но что же это получается? — спросила Вера. — У тебя вчера опять был Митька. И опять — на бровях. Как ты можешь снова влезать в этот кошмар, когда у тебя такая перспектива?

Люся долго молчала, стоя по-прежнему спиной к Вере. Та терпеливо ждала. Наконец Люся резко обернулась.

— А любовь?!

И уставилась на Веру пронзительными своими зелены-

ми глазищами. Вера выдержала ее взгляд. Лишь голос стал чуть глуше.

— Любовь?.. Это конечно. Только любовь, Люсенька, проходит. Очень быстро проходит. А перспектива жизни остается...

После работы Вера, как обычно, забежала на почту. На этот раз зря. Ей ничего отправлять пока что не надо было, и никаких вестей в ее адрес тоже не поступило. Вера побежала домой, пряча в карманы пальто озябшие даже в варежках руки.

В вестибюле общежития пожилая женщина в овчинном тулупе и вязаном платке пила чай за столиком с вахтершей тетей Зиной. При виде ее на сердце у Веры сразу стало тепло.

Теплей на сердце становилось, наверно, у каждой девушки в общежитии, когда к кому-нибудь — неважно, к кому именно, — приезжала мама. Это был праздник не только для дочери, но и для ее соседок по комнате, и для соседних комнат, и вообще в этот день по всему общежитию незримо, но ощутимо витали воспоминания детства, родного дома. Все это мамы приносили не только любимыми плюшками, пампушками, пирожками, баночками варенья и брусками сала, но и — самое главное — тем, как после обильного чаепития или нескольких рюмочек домашней настойки усаживалась мама рядом с дочкой и, подперев ладонью щеку, часами выслушивала ее рассказ о такой прекрасной и такой нелегкой городской жизни. И радовались мамы вместе с дочерьми, когда было чему, и печалились с ними, когда было о чем. Больше всего мамы неизменно огорчались одному: что ж ты, доченька, так отошчала-то! И все убедительные объяснения дочери, что не отошчала она, а, наоборот, с немалым трудом добилась кондиций фигуры, никак не утешали материнское сердце.

Женщина, чаевничавшая с тетей Зиной, была мамой Вали Шубиной — девицы нескладной и бестолковой, вечно влипавшей в какие-то истории, но доброй души, легко ладившей со всеми в общежитии.

— Анна Прокофьевна, с приездом! — сказала Вера. — Вы чего сидите здесь?

Приезжая только горестно махнула рукой. А тетя Зина объяснила:

— Ее Лариска в дом не пускает — Валентина опять проштрафилась.

— Что? — возмутилась Вера. — А ну пойдемте, Анна Прокофьевна!

Но мама испуганно забормотала:

— Нет, нет, не надо! А то Валечку из общежития отселят. Я уж тут посижу... и домой.

— Никаких «домой»! — приказала Вера. — Сидите, я сейчас!

Унылая Валентина стояла в «красном уголке» перед воспитателем Ларисой Евгеньевной и бубнила унылым голосом:

— Ну Ларис-Геньна, ну слово даю, ну поверьте...

Лариса Евгеньевна отвечала бесстрастно, как давно надоевшее:

— Слово ты, Шубина, уже давала. И мы тебе, Шубина, уже верили.

— Ну Ларис-Геньна, ну последний раз...

— Последний раз мы Таращанского с Орловым из вашей комнаты выпроваживали.

— Ну Ларис-Геньна, ну мы ж алгебру готовили, алгебру...

— Конечно — «алгебру». В полной темноте!

Распахнулась дверь, и влетела Вера.

— Лариса!.. Евгеньевна!.. Мне надо с вами поговорить. Валентина, выйди, пожалуйста.

Валентина покорно удалилась. Вера с трудом сдерживала гнев.

— Лариска! Ты что, совсем офонарела? Мать к дочери не пускаешь!

— Не кипятись, Голубева, — насмешливо сказала Лариса Евгеньевна. — Я не к дочери не пускаю, а к злостной нарушительнице. Глянь на «Санэкран».

На стене «красного уголка» висел «Санитарный экран» — большой лист с номерами комнат, днями недели и проставленными разноцветными карандашами оценками за чистоту и порядок. «Санэкран» был великим мерилом, определявшим поощрения лучшим — порой даже

и виде денежных премий — и наказания худшим — молнии «Позор!», выговоры и запреты посещения гостей. Лариса Евгеньевна указала на графу, полную жирных черных двоек.

— Вот так всю неделю. Хорошо?

— Плохо, — согласилась Вера. — Но это еще...

— Но это еще не все, — подхватила Лариса Евгеньевна. — Еще их комнате за все художества «Позор!» вывесили, но этот «Позор!» куда-то со стенки исчез. Хорошо?

— Да плохо, плохо, кто спорит! Но это же не метод...

— Методам ты меня, Голубева, не учи! — холодно оборвала Лариса Евгеньевна. — Пока что, учти, здесь я воспитатель.

Вера хотела ответить что-то резкое, но сдержалась и указала на графу в «Санэкрane».

— Ладно, но у меня тут пятерочки, да? Ну так Анна Прокофьевна будет моим гостем. Имею право?

Не дожидаясь ответа, она пошла к выходу.

— Имеешь, имеешь, — усмехнулась ей в спину Лариса Евгеньевна. — Две недели у тебя уже Нинка гостила. Ну как, обучила ее готовить борщ и сациви?

Вера резко обернулась, подошла к ней, сказала негромко:

— Лариска, ты же веселая была, заводная... Что ж ты так обозлилась?

— А ты добрая, да?! — сорвалась на крик Лариса. — Что ж ты, такая добрая, в общаге гниешь? Тебе ведь квартиру вместе со мной давали, а ты, добренькая, Жуковым уступила!

Вера ответила спокойно:

— У них ребенок. А мне еще дадут. Но при чем тут это?

— При том, все при том! Ты вспомни, как мы с тобой в этой общаге жили. Без горячей воды, без газа, печку топил... Зимой в пальто спали, помнишь?

— Я это никогда не забываю, — тихо ответила Вера. — Ну и что?

— А то! — закричала уже со слезами Лариса. — То, что эти девки ничего такого не знали и знать не хотят! Все у них — и вода, и газ, и сортир, и телевизор — а им все мало, их еще и уважай, еще расстелись перед ними!

Она выкричалась и умолкла, тяжело переводя дыхание. Вера тоже молчала. Потом тронула ее за плечо.

— Одиноко тебе, Лариска... Да?

Лариса сбросила с плеча ее руку, сказала устало:

— А тебе — нет? Ты, что ли, не одна?

— Конечно, я одинокая, — просто ответила Вера. — Но все же не одна я — с людьми.

2

Субботу-воскресенье в общежитии любили. Вы скажете: естественно, кто же не любит эти два выходных? А вот представьте, когда в город приехала компания шустрых социологов из столицы и провела опрос, подавляющее большинство народа из мужского общежития высказалось за отмену двух выходных, объявление только одного и сложение всех вторых дней в дополнительный ежегодный отпуск.

Объяснялось все просто. Город был хоть и большой, а все равно невелик. И особых развлечений, кроме кино да заезжих редких гастролеров, для мужчин не было. Пресловутый «козел» надоедал уже в субботу. И потому воскресенье да практически уже и конец субботы употреблялись мужчинами для другого печально общеизвестного способа убивания времени. Вытрезвители воскресной ночью были полны, цеха утром в понедельник — пустынные.

Ну а в женском общежитии тот же опрос социологов дал, конечно, обратный результат. Большинство голосовало за два выходных. Женщины всегда найдут себе работу после работы — уборка и постирушка, глажка и шитье у них никогда не кончаются. И читают они больше мужчин, и учащих в вечерней школе и в институтах среди них больше. А маникюр-педикюр-прически? А просто, наконец, почесать язычки или пошептаться о сокровенном с подружками, в общем, как-то разрядиться, расслабиться — это ведь тоже женщинам необходимо.

Вера воскресным утром прохаживалась по аллее перед общежитием, постукивая сапожком о сапожок, зябко поводя плечами. Видимо, прогулка на морозе затянулась.

Она прошла до конца аллеи и повернула обратно, но из кустов вывалился парень в распахнутой куртке и без шапки. Пошатываясь, он встал перед нею — бывший таксист, а ныне мойщик таксопарка, буйная головушка Митька Шаповалов.

— Здрасьте, Вера Николаевна, мать всяя Руси!

Митька низко поклонился ей и еле удержался на ногах. Вера хотела его обойти, но он, пошатываясь, преградил ей дорогу.

— Не спеши, поговори с одиноким путником.

— Да как с тобой, Митя, разговаривать, — миролюбиво сказала Вера. — Ты ведь уже с утра...

— Ошибаешься, я еще с вечера! — не без гордости сообщил он. — Чтоб ты знала, я — Стендалы!

— Кто?

— Писатель был — Стендаль: пил красное по-черному!

Он довольно заржал собственной остроте, но вдруг зло перекосился и схватил Веру за лацканы пальто.

— Слушай, мать-заступница! Кончай Люську от меня отвращать! Еще ей слово против скажешь, — я тебя...

— Брось, Митька! Сообрази лучше: не я Люсю отвращаю, а рожа твоя непросыхающая. Извини за прямоу.

Вера отстранила его и пошла по аллее. Митька уже без всякого куража поплелся следом, заговорил с тоской:

— Люблю я ее... Жить не могу, как люблю!

Вера тоже ответила без резкости, даже сочувственно:

— Любви нормальный человек радуется, а ты пьешь.

Митька остановился, напряженно задумавшись над этим тезисом, потом объявил:

— Так я ж пью потому, что Люська меня гонит!

— Она гонит потому, что ты пьешь, а ты пьешь, потому что гонит... Замкнутый круг получается, да?

Митька только тяжело вздохнул. И остороженько поинтересовался:

— А этот... Игнатий Петрович... он что, совсем в рот не берет?

— Почему же, берет. Но — в меру.

Митька вновь задумался. Наверно, пытался осмыслить немыслимое: как это человек может знать свою меру заранее? Решения этой загадки он, видимо, не нашел и задал второй осторожный вопрос:

— Готовишь... бракосочетание?

— Не я готовлю. Это им самим решать.

Митька снова рванул ее за лацканы пальто и заревел:

— Я им решу! Я их жизни решу, и себя решу, и тебя решу...

Но вдруг от чьего-то мощного удара Митька отлетел

носом в сугроб. А выбравшись на свет божий, отряхиваясь и отплеываясь, увидел стоящего над ним коменданта Фролова.

— А-а, пират! — криво усмехнулся Митька.

— Чего-о? — с угрозой шагнул к нему Фролов.

Вера вклинилась между мужчинами.

— Прекратите! Ну что вы... Митька, иди домой, мы с тобой потом поговорим! Виктор Петрович, да он же пьяный, не трогайте его...

Она вертелась между ними — то к одному лицом, то ко второму, сдерживая рвущихся друг к другу бойцов. Наконец ей удалось оттащить Митьку подальше, приговаривая:

— Иди, Митенька, отдохни... отдохни... Мы еще побеседуем, все обсудим...

Обмякший Митька покорно удалялся. Но на прощание пригрозил:

— Ниче, пират, мы еще встренемся!

Фролов снова рванулся к нему. Вера бросила Митьку, схватила под руку Фролова и повлекла его к общежитию, давая парню возможность уйти.

— Не надо, Виктор Петрович, ну будьте выше, успокойтесь...

Фролов шел за нею не упираясь, но успокоиться не мог.

— «Пират», а?! Уже не первый раз я слышу — «пират»... Кто ж это, интересно знать, додумался?

Сейчас, конечно, был не самый подходящий момент для Веры признаться, что первой до этого «додумалась» именно она. Вера лишь спрятала невольную улыбку и поспешно сменила тему:

— Виктор Петрович, говорят, вы в области кафель получили?

Фролов легко поддался, переключился с одного большого вопроса на другой.

— Получил? Не то слово. Пробил, прорвал, прогрыз!

— Ну, мы и не сомневались, — одобрила Вера, — вы же у нас молодец!

— У вас? Я тут у вас вообще черт знает во что превратился!

И Вере пришлось выслушать изложенную с непривычным для него жаром и многословием точку зрения Фроло-

ва на то, во что он тут у них превратился. В какого-то завхоза! Нет, хуже — в Плюшкина! Он теперь трясется над каждой железкой, подбирает гвоздики, складывает стеклышки... Точный Плюшкин! А еще этот замдиректора комбината, он же друг детства Илья Ефимович, своим скопидомством и жмотничеством превратил его в какого-то менялу базарного! Шифер недавно махнул на умывальники, паркет на олифу...

Фролов вдруг прервал горестный монолог и спросил:

— А что это за тип?

— Кто? — не поняла Вера.

— Ну этот... что на вас напал.

— А-а, Митя? Он не напал, нет. Это на него самого любовь-тоска напала. А он вообще-то парень неплохой, только...

— Только водка плохая, — подсказал Фролов. — Ага, это дело известное.

Вера промолчала. Они подошли к общежитию. Он стал подниматься по ступеням ко входу, а Вера остановилась.

— Я еще погуляю.

Фролов удивленно глянул на нее и рубанул с солдатской прямоотой:

— Куда вам еще гулять? У вас нос как морковка!

— Да?..

Вера огорчилась и потеряла нос варежкой.

— Пойдемте, пойдемте, пока совсем не отморозили...

— Да не могу я, — уклончиво призналась Вера, — гости у меня.

— У вас гости? А вы — тут?

Он удивленно глазел на нее. Вера вздохнула: придется объяснять. Да, она тут. А соседка Ирина — в читалке. А соседка Милочка — в кино. Понимаете? Нет, Фролов решительно ничего не понимал. Пришлось объяснять дальше. Пока они все ушли, у них там в комнате Лиза Лаптева и Лев Андреевич. Потому что Лаптева со своими соседками, естественно, в контрах, а Лев Андреевич — тот вообще приезжий, из Тамбова...

— Та-ак! — вскипел Фролов. — Это общежитие или дом свиданий?!

— Да вы не думайте ничего такого, — успокоила его Вера. — Просто не разговаривать же им на морозе.

Он только развел руками.

— Нет слов! Женская логика!

Вера смиренно вздохнула.

— Что делать, у женщин есть хоть женская логика, а у мужчин и такой нет.

Фролов вызверился на нее, передернул шрамом на щеке, но ничего не сказал и ткнул кулаком в дверь общежития, желая удалиться. Однако в ярости он забыл, что дверь открывается совсем в другую сторону. Он упорно и тупо тыкал кулаком в дверь, а Вера молча смотрела на него с ангельской безмятежностью. Наконец он опомнился, рванул дверь на себя и скрылся, так треснув этой самой дверью, что, кажется, все общежитие задрожало.

А Вера снова потеряла варежкой нос и побрела по аллее.

3

Новый год приближался, и общежитие готовилось встретить его достойно.

Накручивались и расчесывались перед зеркалами волосы, собирались в тугие пучки и распускались волнами по плечам, укладывались в замысловатые башенки и разделялись пробором.

Накрашивались, стирались и снова крашивались губы, румянились бледные щеки и покрывались пудрой румяные, особенно тщательно оформлялись глаза — прятались в таинственно-завлекательные синие тени, загадочно удлинялись искусно дорисованным восточным «разрезом».

Примеривались, сбрасывались и опять примеривались разнообразные комбинации праздничных нарядов и украшений в поисках тех единственных, которые прицельно поразят в новогоднюю ночь желанную цель — у кого конкретную, а у кого пока еще неизвестную — и тем самым, может быть, принесут счастье и на все остальные ночи и дни грядущего года.

Новый год встречали в общежитии, все вместе. Точнее — вместе, но уже далеко не все. Это в былые годы считалась нерушимой традицией общая встреча Нового года, на которую собирались все обитательницы дома плюс приглашенные мужчины. Мужчин, конечно, было меньше, но это как-то не слишком огорчало, и в танцах до утра вполне мирно кружились рядом «нормальные» пары — он

и она и «шерочка с машерочкой» — девчонка с девчонкой. Нынче же традиции домашней встречи придерживались в основном ветераны общежития, а молодежь разбегалась по приглашениям в разные компании, и на общую встречу оставались лишь те, кто мог пригласить своих ухажеров сюда.

Толпу этих приглашенных празднично принаряженных мужчин сдерживала в вестибюле возле большой елки нахтерша тетя Зина в сверкающем кокошнике Снегурочки.

— Во народ! — басила она. — То их после одиннадцати не пускают, так они недовольны. Теперь не раньше одиннадцати велят — опять они недовольные!

Мужчины роптали, но умеренно, больше так — для порядка.

А на всех кухонных плитах жарились, парились разнообразные блюда для общего стола, который уже собирался из отдельных столиков в небольшом актовом зале общежития.

Ассортимент этого общего застолья тоже традиционно складывался из частных «фирменных» блюд, которыми могла похвастать та или иная девушка. Все с нетерпением ждали, каким получится сегодня «Лидкин салат» или «Томкин холодец», и впоследствии долго вспоминали, как хороши были «Настины блины» или «Танина кулебяка». Вспоминали аж до следующего общего праздника — 23 февраля, Дня Советской Армии.

С этим днем здесь, как и повсюду у нас, сложилась ситуация все-таки довольно странная. День Армии, праздник воинов, он как-то постепенно превратился, подобно восьмимартовскому Женскому дню, в некий Мужской день. С этим днем стали поздравлять не только военнослужащих и ветеранов войны, но и вообще всех представителей сильного пола. Поначалу сугубо штатские мужчины удивленно отвергали поздравления, затем принимали, но отшучивались. Однако довольно скоро даже самые хилые, плюгавые, которых не то что воином, но и вообще мужчиной можно было именовать с большой натяжкой, стали принимать эти поздравления как должное. Более того, стали даже обижаться, когда их не поздравляли.

Поздравлениями дело, естественно, не ограничилось. За поздравлениями последовали непременно подарки. За подарками — застолья, банкеты, посиделки. «Мужской

день» утвердился по всей стране. Есть мнение, что этот праздник лукаво протащили в жизнь мужчины в качестве компенсации за эмансипацию. Есть и противоположное мнение, что изобрели и утвердили его сами женщины с хитроумной целью: обласкать и одарить мужчин в преддверии своего Женского дня, чтобы в этот день вернуть себе поздравления и подарки сторицей. Но скорее всего, постарались тут и те, и другие — обе, как говорится, «заинтересованные стороны», ибо действительно интерес общий: возможность получить еще один праздник в суете буден.

Впрочем, этот праздник еще впереди. А Новый год уже вот он, и хозяйки активно к нему готовятся по комнатам и кухням, гости нетерпеливо топчутся в вестибюле, а комендант Фролов с воспитателем Ларисой Евгеньевной озирают праздничное убранство актового зала.

Фролов пару раз щелкнул выключателем, зажигая и гася разноцветные лампочки на елке, и удовлетворенно заключил:

— Люкс!

— Красиво, — согласилась Лариса Евгеньевна. — И безопасно. Пожарный надзор проверил проводку и украшения, дал добро. Дружинники у нас свои — комбинатские, а милицию я поставила в известность.

— О чем? — не понял Фролов.

— Как о чем? О встрече Нового года.

— Молодец! — одобрил Фролов. — А то б они... там в милиции... и не знали бы про Новый год.

— Неостроумно, — сухо сказала Лариса Евгеньевна. — Я не вообще сообщила, а про то, что в общежитии проводится встреча. Они обязаны знать. На всякий случай.

— А если никакого случая? Может такое быть?

— Может, — без особой уверенности кивнула Лариса Евгеньевна.

И пошла к магнитофону. Фролов наблюдал, как она изучала наклейки на кассетах.

— «Бони М»... «АББА»... «Чингисхан»... Мда-а, поздновато, конечно, а надо бы уточнить: о чем поют? Смысл текста?

— Какой там смысл, — усмехнулся Фролов. — Сплошное «ай лав ю».

— Да? А один мой... хороший знакомый, — сказала Ла-

риса Евгеньевна с ударением, — владеющий зарубежным языком, говорит, что не так уж там все безобидно. Кроме любви, они поют и про отвратительную власть денег и, я извиняюсь, про секс... Наш молодежный контингент может не так понять.

— А как понять, — удивился Фролов, — без языка?

— Действительно, — несколько успокоилась Лариса Евгеньевна, — язык у нас, слава богу, в объеме школьной программы.

Вера — в халатике и шлепанцах на босу ногу — вбежала в комнату, неся на вытянутых руках блюдо со своим фирменным пирогом.

— Успела! — облегченно сообщила она. — Теперь еще намазаться...

Она поставила пирог на стол, метнулась к полочке с косметикой, но вдруг снова вернулась к пирогу и тревожно принялась:

— Подгорел, что ли?.. Дымком тянет...

Нет, дымком тянуло не от пирога. Милочка, сидевшая перед зеркалом к Вере спиной, что-то поспешно спрятала в тумбочку. Вера подлетела и выхватила у нее блюдце с торопливо загашенной сигаретой.

— Ты куришь?! — изумилась она.

— А что? Нельзя? — с вызовом отвечала Милочка.

И развернулась на табуретке от зеркала. Вера изумилась еще больше, просто ахнула: лицо Милочки было размаLEVано косметикой, брови выщипаны, губы пламенно алели, как минимум вдвое увеличенные помадой.

— Ты что с собой сотворила?! — закричала Вера.

Из-за дверцы шкафа выглянула переодевавшаяся Ирина. Она тоже была неузнаваема: вместо обычной чопорной сухости по лицу ее бродила легкомысленная улыбочка.

— Чего ты шумишь? — не без игривости спросила она. — Мы сделали Милке макияж лица. По Диору!

Вера пригляделась к обеим.

— Девчонки! Вы уже выпили!

— А что? Нельзя? — повторила все с тем же вызовом Милочка.

— Новый год, Новый год, веселится весь народ! — пропела Ирина.

Вера молча швырнула в мусорное ведро окурки вместе с блюдцем, потащила Милочку к умывальнику и сунула ее головой под кран. Девчонка истошно вопила. Но Вера, не обращая внимания на вопли, железной рукой отмывала ее личико.

Ирина поскуцнула и сказала:

— Оставь Милку в покое. У нее беда.

Вера в испуге выпустила Милочку.

— Какая беда?

— Володька с Новым годом не поздравил, — объяснила Ирина.

— Ну, беда-а! — облегченно рассмеялась Вера.

Милочка, воспользовавшись секундной свободой, схватила полотенце и стала яростно утираться, выкрикивая:

— Не поздравил — и не надо! И не очень хотелось! И пусть!

— А ты, Ирина, хороша... — с укоризной сказала Вера. — Вместо утешить ребенка — поить...

— Да уж как умеем! — отрезала Ирина. — Утешение — это по твоей части. Давай, давай, Лука, великий утешитель!

Вера только коротко глянула на Ирину, обняла Милочку одной рукой, а другой помогала ей вытирать голову полотенцем, приговаривая:

— Чудо ты мое, Володька же за тыщу километров. Север, пурга, ураган жуткий... Телеграмме сюда неделю пробиваться надо.

Милочка затихала, всхлипывая, похожая на промокшего воробышка. Вера стащила с кровати одеяло, укрыла ее плечи и стала тихонько укачивать, как ребенка.

— А Володька твой, может, сейчас на посту стоит и думает. О тебе думает. Помнишь, какое он хорошее письмо на Октябрьские прислал... Хочешь, опять прочитаем?

— Не надо, — слабо возразила Милочка, — и вообще, я не из-за Володьки... То есть не только из-за него. Мне просто грустно стало...

— Что так вдруг?

— А потому что Новый год... А я Новый год всю жизнь дома встречала. С мамой... Я по маме соскучилась!

Вот это уж Вера знала, хорошо знала. Сама — моло-

денькая была — три раза под Новый год домой в деревню сбегала. И так почти всех новеньких — охватывала вдруг перед праздниками тоска по дому. Сколько уж Вера наблюдала: освоится девчонка в городе за месяц-другой, и будто родилась она тут и всю жизнь прожила, и вся такая уже городская, лихая, боевая... А подойдет какой-нибудь праздник — и куда девалась вся эта лихость и боевитость! Загрустит девчонка, по дому затоскует, обязательно маму испомнит, разнюнится. Ну что делать, маму, конечно, забывать не надо и родной дом тоже, но надо и понять, что теперь общежитие — тоже твой дом, и надо жить в нем, и любить его...

Все это Вера и пыталась втолковать Милочке, обнимая ее за плечи, глядя по мокрым волосам.

— Понимаешь?

— Понимаю, — вздыхала Милочка. — Только грустно очень...

— Грустно. Бывает. Но курить и краситься — это тоже не веселье. Это еще больше тоску нагонит. А мы лучше сейчас Новый год пойдем встречать, к людям пойдем, да?

— Пойдем... Только все равно... мама-а. И Володька-а...

Несмотря на все уговоры, вроде бы уж совсем успокоившаяся Милочка вновь жалобно заплакала. Ирина, с независимым и несколько презрительным видом стоявшая у окна, не выдержала нейтралитета и тоже подседа к Милочке, обняла ее с другой стороны.

— Ну что Володька, Володька? Тебе же сказано: пурга там, возможно, и этот... шторм.

— Урага-ан, — сквозь слезы уточнила Милочка.

— Тем более! Объявится твой Володька, и к маме скоро в отпуск поедешь... И вообще, чего ты реवेशь, мы что тебе, не подруги?

— Подрути, конечно! — испуганно заверила Милочка. — Самые-самые родненькие подруги!

— Тогда давай, подружка, мазаться сначала. Только культурненько, — улыбнулась Вера. — Поспешай, а то Новый год на носу!

За общим столом вперемежку с допущенными на праздник мужчинами сидели хорошо знакомые нам жительницы общежития. Знакомые и незнакомые — неузна-

ваемо нарядные, взволнованные и похорошевшие от волнения.

Фролов стоял с бокалом в руке. Потому что приближался самый главный момент: над притихшим залом раздавался бой курантов. С последним их ударом Фролов поднял бокал еще выше и выкрикнул традиционные, но от этого ничуть не менее значительные слова:

— С Новым годом, дорогие товарищи! С новым счастьем!

И все встали, и зазвенели бокалы, и празднично слились голоса, и все было очень похоже на большую и дружную семью.

Однако к середине ночи эта семья распалась. Что было вполне естественно, ибо в каждой семье — особенно большой — имеются, кроме общих, еще и сугубо личные интересы.

Столы отодвинулись к стене, высвободив место для танцев. Но не все покинули столы, отдельные любители остались, продолжая сепаратные тосты.

Магнитофон гремел на всю катушку, выдавая современные ритмы. Однако каждая пара танцевала на свой лад.

Толстый очкарик Леонид Григорьевич танцевал с такой же очкастой, но тоненькой музыкантшей Женей. Не знаем, была бы довольна мама одинокого технолога его выбором, но он, похоже, был абсолютно счастлив. Они с Женей глаза в глаза, вернее очки в очки, кружились в плавном вальсе. И их совершенно не беспокоило, что из магнитофона звучал совсем не вальс.

Зато Милочка лихо отплясывала с длинноволосым пареньком как раз в нужном ритме. Раскрасневшаяся, легкая, веселая и уже позабывшая все свои печали.

Лаптева танцевала с мужчиной на полголовы ниже ее. Из-за его спины она корчила рожи подружкам, помиравшим со смеху.

Рыжая зеленоглазая медсестра Люся прохаживалась — иначе этот танец никак не назовешь — в паре с солидным прорабом Игнатием Петровичем. Кудрявый красавец бывший таксист Митька, сидевший в теплой компании за столом, взирал на них лютым зверем. Накануне он опять приполз в общежитие «на бровях» и опять клялся Люське в вечной любви. Но ввиду бессвязности речи и

крайней неустойчивости на ногах был вновь выдворен за дверь с ответной клятвой Люси: никогда больше не пускать его на порог. Однако сегодня Митька был снова здесь, воспользовался приглашением давно влюбленной в него буфетчицы Татьяны из комбинатской столовой. Но после первых же тостов про Татьяну забыл, прочно окопался за столом, отвергая все Татьянины попытки вытащить его на танец, и лишь метал взгляды, полные страсти и гнева, на Люсю с партнером. А она разворачивала в танец Игнатия Петровича таким образом, чтобы оказываться к Митьке спиной.

Вера, Ирина и еще несколько женщин их возраста приглашений на танцы уже не ждали и компенсировали это наблюдением за танцующими: кого-то одобряли, кого-то порицали, перешептывались, пересмеивались. В этой компании своих ровесниц активно функционировала и Лариса Евгеньевна — слегка навеселе, крайне оживленная и потерявшая бдительность по части подрывной тематики зарубежных ансамблей.

Пошушукавшись о чем-то с товарками, она подбежала к магнитофону, провела краткие переговоры с обслуживавшим музыку радистом, тот согласно кивнул, поколдовал над кнопками, магнитофон умолк, затем зашипел, перегоняя ленту, и наконец сменил оглушающий ритм на томную мелодию — несомненно о любви.

— Белый танец! — объявила Лариса Евгеньевна. — Дамы приглашают кавалеров!

Ряды танцевавших смешались, одни мужчины получили отставку, других, наоборот, пытались вытащить из-за стола.

А вся компания женщин по сигналу Ларисы Евгеньевны подступила к Фролову, шумя наперебой:

— Разрешите пригласить! Прошу на танец! Не откажите одинокой женщине!

Фролов торчал среди них долговязой каланчой и был весьма растерян.

— Да вообще-то я это... — бормотал он, — я не по этому вообще-то делу, не умею...

— Ничего, мы подучим! — первой напирала Лариса Евгеньевна. — Вы, главное, глядите, какой выбор — лучшие женщины комбината, а значит, и города! Выбирайте, ну выбирайте!

Фролов чуть попятился от ее взволнованного бюста, зацепился отчаянным взглядом за Веру, стоявшую позади всех, ничего не требовавшую, и неожиданно для себя самого спросил:

— А можно... можно пригласить вас?

— Меня? — удивилась Вера. И вдруг сказала торопливо и радостно: — Да, конечно, пожалуйста!

Она даже сама взяла Фролова под руку, словно опасаясь, что он передумает или его уведет другая. Остальные женщины притворно заахали, играя обиженных. Только Лариса Евгеньевна была без всякого притворства оскорблена.

Вера и Фролов начали танец нерешительно, как бы вспоминая это изрядно подзабытое занятие. Поэтому танцевали они сосредоточенно и молча. А необходимость поговорить в танце все же ощущалась, но о чем — неизвестно.

Наконец Вера спросила:

— Трудно вам с нами?

— Почему трудно? Ничего совсем не трудно, чего трудного-то... — забубнил он.

— Ну да! — с улыбкой прервала Вера. — Нами, бабами, командовать потруднее, наверно, чем кораблем.

— А я кораблем и не командовал. До старшины всего дослужился. — Он уточнил с достоинством: — Главный корабельный старшина.

— Вот, все-таки главный, — уважительно отозвалась она.

И вновь замолчала, не зная, что еще сказать или спросить. Они еще немного покачались в неловком танце на месте, а потом Вера, уже просто не вынеся молчания, неожиданно призналась:

— А это ведь я первая вас прозвала пиратом.

Он резко остановился и совсем по-детски обиделся:

— За что?!

— Ну так, вы уж извините, просто вы всегда такой суровый, даже грозный. — Она осторожно коснулась шрама на его щеке. — И еще это... при выполнении особого задания...

— Это? — изумился он. — Это при воровстве соседских яблок! — И поспешно добавил: — В семилетнем возрасте.

Вера облегченно рассмеялась. Он удивленно и обиженно смотрел на нее.

— Ой, извините! — Она с трудом погасила смех. — Ну девчонки, ну трепачки! Все узнали в кадрах по секрету: командир подводной лодки, еле живой остался при выполнении особого задания и отправлен на пенсию во цвете лет!

— Кое-что соответствует, — помрачнел Фролов. — Про подлодку. И про пенсию. Во цвете лет.

— А почему же?..

— Сердце, — коротко объяснил он. — Забраковали.

— Извините, я не знала. — Она забеспокоилась: — Так если сердце, вы посидите — наверно, вам танцевать вредно...

— Ничего, ничего, — он вновь повел ее в танце. — Это для военного дела у меня мотор не тот, а для мирной жизни — нормально.

— Вот и хорошо, — она пыталась сгладить неловкость, — вот и замечательно. Вы не печальтесь, учтите: в мирной жизни мужчины тоже очень и очень требуются!

Он промолчал. Они танцевали. И танец их становился все более складным, плавным, единым.

Лариса Евгеньевна следила за ними издали ревнивым глазом.

Потом в коридоре Фролов стоял у окна и курил «Беломор», выпуская дым в открытую форточку. А Вера, сидя на подоконнике, продолжала негромкий разговор. За окнами кружились медленные и большие снежные хлопья. За дверями зала слышались музыка и смех. А они беседовали тут, неподалеку от шумного бала, и беседа их была уже долгой, и по упрямой ложбинке меж бровей Фролова было видно, что он не был согласен со всем, что Вера говорила до сих пор, и заранее не согласен со всем, что она еще скажет впредь.

— Нет, вы все-таки еще чего-то не понимаете, — огорчалась Вера. — Общежитие — это очень важно, это ведь не просто приют какой-то для отдельных бездомных. Через общежитие миллионы проходят: и постоянные рабочие, и строители, и студенты...

— Вот именно — проходят, — подхватил он. — Пролетают — и скорее по своим домам.

— Да, конечно, — согласилась она. — Потом обязательно разойдутся по своим домам. Но с тем, что в общем доме нажили.

— Невелик багаж, — усмехнулся Фролов.

— А вот и неправда! Вы вслушайтесь, слово-то какое: общежитие — общее житье. Тут сразу понятно, кто чего стоит. И ничего не утаишь, ни хорошего, ни плохого.

— Вот-вот, вся жизнь — как в аквариуме!

— Не в аквариуме. Просто у людей на виду. Злюку сразу видно, жадину видно, неряху... А это кому приятно? Вот и подтягиваются, переделываются.

— Ага, — не сдавался Фролов, — так сразу и перековались!

— Не сразу. Кое-кто и никогда. Но большинство улучшаются, это точно. Потому что хорошего в общежитии много. Дружбы такой я нигде не видала, братства даже. И помочь умеют как нигде, и просто на груди поплакаться. А жены из общежития выходят самые лучшие, уж вы поверьте...

И тут он неожиданно взорвался:

— Опять?!

— Что... опять? — не поняла она.

— Опять вы меня сватаете!

— Я — вас? И не думала.

— Думали, думали, это уже второй раз!

— Ну знаете...

— Знаю, знаю! У вас только одно на уме, больше нет забот!

Вера задыхнулась от возмущения. Потом выпалила:

— Да кого за вас можно просватать? Какая дурочка за вас пойдет? Мрачный тип! Бирюк!

— А вы... сваха! Сватья баба Бабариха!

— А вы... вы... пират!

Она сама не знала, как это у нее вырвалось, — и замерла. Он тоже просто-таки ошеломлен. Потом швырнул окурок в форточку и пошел прочь, пошагал по коридору «нелегкой матросской походкой».

Вера растерянно глядела ему вслед, хотела что-то сказать, но промолчала и уткнулась разгоряченным лбом в холодное оконное стекло. Глупо все вышло. Просто идиотски! Разругались, как пионеры, не пионеры даже — детский сад. Взрослые люди, а слово за слово, и — я с тобой

больше не играю, дурак, сам дурак... И если бы хоть еще — дурак, а то прицепился этот чертов пират, пират... Какой там он пират! Матрос с разбитого корыта...

Из зала доносилась бодрая музыка, там продолжалось веселье. А за окном кружились и падали снежные хлопья, равнодушные ко всем людским радостям и горестям. Вера уставилась в светлую ночь невидящим взглядом. Она не плакала. Но плакать ей хотелось.

Сзади послышались шаги. Вера порывисто обернулась. Но это был не Фролов. По коридору степенно шли под ручку Игнатий Петрович с Люсей. Вера смотрела, как они удалялись. И когда, дойдя до площадки, они уже собирались спускаться по лестнице, она вдруг крикнула сорвавшимся голосом:

— Люся! Можно тебя на минутку?

Люся удивленно обернулась. Сказала что-то своему спутнику и побежала к Вере.

— Что, Верочка?

— Люська! — Вера обняла ее и жарко зашептала: — Брось ты этого Игнатия, брось! Беги к Митьке, любит он тебя, и ты его любишь, я знаю, любишь!

У Люси глаза полезли на лоб.

— Вер, ты что?! Ты ж сама говорила...

— А ты не слушай меня, ты сердце свое слушай! Ну пусть пьет, пусть, а ты борись, ты его зубами от этой водки оторви, только любовь свою не отдавай! Слышишь, Люська, только не любовью!

Две женщины, обнявшись, взволнованно шептались в одном конце коридора.

В другом его конце терпеливо ждал, переминаясь с ноги на ногу, Игнатий Петрович, не ведая, что в этот миг решается его судьба.

В зале играла музыка. А за окнами кружился и падал первый тихий снег нового года — белый и чистый. Как надежда на лучшее.

4

В новом году Вера и Фролов долго не виделись.

Фролов уехал в областной центр, потом в столицу — продолжать свою хозяйственную или, как он сам ее сердито именовал, «плюшкинскую» деятельность. Укатил он

срочно, потому что под Новый год строители приняли повышенные обязательства и дали последнюю смертельную клятву замдиректора Беленькому, а Илья Ефимович дал соответственную клятву на комбинате: ввести в строй по весне, к майским праздникам, новое общежитие. Выполнят ли свою клятву-обязательство строители, было неизвестно, но в любом случае Фролову следовало быть начеку и обеспечить новый дом новой мебелью, приличной сантехникой и прочей хозяйственной начинкой.

А когда он вернулся из странствий по кабинетам и базам, причем вернулся, надо отдать ему должное, не с пустыми руками, тогда как раз уехала Вера. В составе делегации передовиков на предмет обмена опытом работы с ткачихами в Закарпатье.

Вообще-то Вера не любила эти поездки. Потому что знала: подобный обмен опытом сводится исключительно к обмену тостами. Застолья и экскурсии, массовые выезды на природу и трапезы в узком кругу предбанника сауны отнимали все время, отведенное передовикам для обмена новостями в их ткацком деле. А если еще учесть, что за все эти поездки вообще не удавалось хотя бы заглянуть в цехи гостеприимных хозяев, то у Веры даже сложилось тайное, хотя, наверно, глубоко ошибочное, мнение: эти встречи проводятся не для обмена, а, наоборот, для тщательного сокрытия новейших секретов производства.

И все же Вера поехала. Во-первых, ее включили в делегацию, а она не умела отказываться. Во-вторых, никогда не была в Карпатах, интересно было поглядеть. И в результате съездила она все же не зря. Хотя член их делегации ткачиха Перепелкина и вернулась в родные края, но лишь для того, чтобы подать заявление об уходе по собственному желанию. Которое полностью совпадало с желанием закарпатского инспектора ГАИ товарища Семибатько, чья машина неизменно сопровождала автобус делегации по горным дорогам. Что и дало возможность Вере сосватать эту симпатичную пару в рекордные сроки и в буквальном смысле на ходу.

Вот эти поездки и развели на долгое время Веру с Фроловым. И встретились они впервые после Нового года уже только на заседании фабкома. А фабкому предшествовало следующее...

Молодая женщина, с бледным лицом и жестко сжатыми губами, шла по коридорам и лестницам общежития. На руках она несла спеленутого в голубое одеяло младенца. Она шла стремительно, не отвечая на приветствия встречавшихся ей на пути, и все поспешно отступали в сторону, давая ей дорогу и провожая сочувственными взглядами.

Дверь комнаты она открыла ударом ноги — руки были заняты младенцем. Вера медленно поднялась из-за стола. Женщина, не здороваясь, прошла в комнату, положила ребенка на стол и сказала бесцветным голосом:

— Вот. Твоя работа.

— Ася, здравствуй! Садись, разденься...

Вера хотела помочь ей снять пальто, но Ася резко отисла ее руку, сдернула только платок с головы и повторила:

— Твоя работа, любуйся.

— Ну почему же моя...

— А чья? Ты меня с ним свела.

Да, так оно и было — свела. Ася тогда была красивая... Куда подевалась теперь та красота! Ее огромные сияющие глаза стали еще огромнее, но глубоко запали, и ушло из них сияние. Погасли они. Огромные погасшие глаза.

Из своего глухого маленького села где-то на Псковщине Ася приехала с узелком вещей и чемоданом книг. Девчонки удивлялись: что, в городе книжек нету, да есть сколько угодно и какие угодно! «А эти — любимые», — тихо отвечала Ася. Вскоре выяснилось, что и читает она только эти книги. Вернее, даже не читает, а перечитывает. Одни и те же. Девчонки удивлялись еще больше: ну конечно, хорошие книжки, классика — Пушкин, Тургенев, Чехов, но прочла и хватит, что она, наизусть их учит, что ли? «Я не учу, я жизни учусь», — тихо отвечала Ася.

Она была очень красивая и очень тихая. А Гена был страшен как черт и шумен как сто чертей. Вообще-то он был совсем не Гена, а Сашка Мальцев, слесарь-наладчик. Но ввиду того, что был уродлив, как крокодил, да еще умел очень ловко вырезать из яблок, картофеля и вообще из чего попадетсЯ под руку смешные фигурки-чебурашки, вот за все это его и прозвали «крокодил Гена». Потом «крокодил» как-то отпал, а «Гена» остался. Так его звали все на комбинате, даже бригадир слесарей спотыкался

ся: «Слышь, Гена... тьфу, Сашка, мотай во второй цех, машина у них барахлит!»

Гена-Сашка был мастер на все руки, а язык — на семейных рос, да одному достался! Шутки-прибаутки, байки-анекдоты плюс вовремя презентованные фигурки-чебурашки, короче говоря, — первый парень на деревне! Несмотря на страшноватую внешность, не одной девчонке вскружил он голову. И тихая красавица, начитанная Ася тоже не устояла перед этим «крокодилом». Ах, классики-классики, великие учителя жизни, позабылись все ваши уроки в тот день, когда Ася тихо попросила Веру: «Познакомь...»

— Ты меня с ним свела! — сказала Ася. — Ты меня научила!

— Я не этому тебя учила, — мягко возразила Вера. — Помнишь, ты ведь и счастливая прибегала: «Гена меня самой сладкой на свете назвал! Ты, говорит, моя медово-сахарная!»

— А когда живот увидел, сказал: «Сахарная-то ты сахарная, только у меня своей сахарницы нет. С милым рай и в шалаше, а с милой — только в квартире!»

— Подлец! — сорвалась Вера.

— Подлец, — вяло согласилась Ася. — А был юморной...

Они помолчали. Потом Вера спросила:

— Ты что, домой уезжала?

— Уезжала. Родить — смилостивились, позволили. А потом папаша заявил: «Такого позору у нас на деревне не потерплю! Езжай в город и безмужней девкой не вертайся!»

Тоже знакомая история. Круговорот! Приезжали из села в город девчонки-одиночки и возвращались на круги своя из города в село — тоже одиночки, но уже матери. А куда деваться в городе, если еще совсем молоденькая, без специальности — только в ученицах на комбинате успела походить, да без квартиры, без надежных друзей... Дорога одна — обратно к мамочке, к родненькой, под крылышко. Мамы, конечно, принимали блудных дочерей. Но попадались суровые отцы, патриархальные главы семейства, которые в призыве «береги честь смолоду» делали главный упор на девичью честь. Для этих папаш позор на всю деревню, как они его понимали, был выше отеческих

чувств. И тогда ожидал девчонку от ворот поворот и двойной круговорот: деревня — город — снова деревня — и снова город.

— Ну, что теперь делать? — с вызовом спросила Ася. — Советуй, ты же у нас советчица!

Вера сдержалась, сказала спокойно:

— Подумаю, посоветую. А пока жить будешь здесь. Милочка уехала в отпуск, кровать свободна.

— Ты что! Из общежития с ребенком так попрут...

— Не попрут, я отвечаю. — Вера, склонившись над младенцем, улыбнулась. — Тем более с таким симпатичным. Мальчик?

— Геннадий, — тоже слабо улыбнулась Ася и вздохнула: — Причем копия этот паразит.

— Вот мы им и устроим очную ставку, — пообещала Вера. — Эти глазенки любую паразитскую душу перевернут.

Геннадий, не ведая забот, сладко посапывал.

— Он вообще-то очень спокойненький, тихий такой, — заверила Ася. — Все буквально удивляются, до чего же он тихий...

И тут младенец завопил. Громко, пронзительно, требовательно. Его богатырский крик разнесся по всему общежитию.

Вздрогнули и прислушались девушки на кухне.

Оторвались от чертежных досок девушки в учебной комнате.

Удивленно остановился Фролов в коридоре.

Прислушалась в «красном уголке» Лариса Евгеньевна, проставлявшая разноцветными карандашами отметки в «Санитарном экране». Прислушалась и с треском швырнула карандаш на стол.

5

Фабком заседал в среду. Все сидели вдоль длинного стола и сурово молчали. Только Крутойров — седой мастер ОТК, неизменный член фабкома со времен основания комбината — ритмично постукивал карандашиком по столу, глядя на Веру. Она сидела в торце стола и чуть на уголке, так что вроде и вместе со всеми, а все же слегка в стороне — будто на скамье подсудимых.

Наконец председатель фабкома Алла Антоновна — женщина лет сорока с короткой стрижкой — нарушила молчание:

— Ну что, товарищи, какие будут мнения?

— Двух мнений тут быть не может, — сказала Лариса Евгеньевна. — Выселить! Без права и в дальнейшем проживать в общежитии.

Фабком молчал. И это молчание было очень похоже на знак согласия. Лариса Евгеньевна, ощутив поддержку, продолжила разговор. Она была совсем не похожа на себя — обычно суетливую, многословную. Сейчас она говорила кратко, весомо, и от этого становилось страшновато.

— Сколько мы будем терпеть? Голубева систематически нарушает распорядок. У нее проживают посторонние личности. Нина Кавтарадзе, в девичестве Обрезкова. Потом совершенно чужая женщина, приехавшая из села. Наконец она додумалась поселить у себя мать-одиночку с ребенком. Выбор один: или Голубева, или порядок в общежитии.

Члены фабкома молча кивали. Фролов, приглашенный сюда как комендант, мрачно поглядывал на Веру, на Ларису Евгеньевну и тоже молчал.

— У вас все? — спросила Алла Антоновна. — Высказывайтесь, товарищи.

— Я только хотела... — начала Вера.

Но предфабкома оборвала ее:

— Погоди, Голубева. Слово членам фабкома.

— А я, между прочим, тоже член фабкома, — заметила Вера.

Алла Антоновна несколько смешалась, осмысливая этот факт в данной ситуации, и согласилась:

— Да, член. Ну и что скажешь? Считаешь, ты права?

— Неправа, конечно, — вздохнула Вера. — Только с другой стороны... Нину надо было вернуть в семью? И мать Валентины на улице не оставишь, хотя дочка и проштрафилась. А насчет ребенка — тем более. Я вроде в Асиной беде сама не без вины виноватая...

— Вот! — тяжело уронила Лариса Евгеньевна. — Дело не в отдельных нарушениях. Голубева — вообще источник всех бед. Эта ее брачная контора... Чего мы закрываем глаза? Не знаем, что ли?

Молчаливый до сей поры фабком будто взорвало. Как

созревший нарыв. Ну конечно же, об этом знали все. И знали давно. Одни горячо поддерживали Веру. Другие столь же горячо ее осуждали. Третьи — их было большинство — не знали толком, как к этому отнестись, и лишь осторожно посмеивались по этому поводу, подшучивали и иронизировали, готовые присоединиться в оценке деятельности Веры как к первым, так и ко вторым — смотря по обстоятельствам. И сейчас на фабкоме тоже ощутилась вся эта разногласица.

— Да конечно, знаем! От людей уже стыдно слышать!

— А чего стыдного? Нормальное дело, хорошее даже.

— Это в наше-то время? Купеческие нравы!

— Она еще по газетам бегаёт: печатайте брачные объявления! Просто смех!

— Тебе смех, а меня уже в райкоме спрашивали: что там у вас за сваха Агафья Тихоновна?

— Агафья Тихоновна не сваха, а невеста. Гоголя почитай!

— Какая разница. Все равно — мещанство какое-то. Прошлый век!

Фролов только слушал всех и молчал.

Алла Антоновна перекрыла общий шум:

— Товарищи, давайте по одному! Дослушаем все-таки Голубеву.

— Я не знаю, — растеряннo сказала Вера, — люди просят, я помогаю. Люди ищут друг друга...

— Правильно, ищут, и помогать надо, — перебила женщина в строгом костюме, кадровик Клавдия Андреевна. — Но вопрос — как помогать? Вот мы создали клуб знакомств, вечера «Для тех, кому за тридцать». Это, я понимаю, современные формы. А вы хотите отменить!

— Не надо отменять, — заволновалась Вера. — Клуб, вечера — это очень хорошо, это нужно. Но, понимаете... ну не все так могут: прийти открыто, вот, мол, я замуж хочу. Некоторым это легче с глазу на глаз, ну интимнее, что ли...

— Интимнее? — сурово переспросил седой мастер Крутойров. — У нас интим должен происходить на глазах общественности!

— Как это... общественности?! — изумилась Вера.

— Да не прикидывайся ты, Голубева! — вмешалась Лариса Евгеньевна. — Речь о том, что есть общественные

методы создания семьи, а есть твоя подпольная деятельность.

— Почему подпольная? Я же не скрываю. И вообще, какая разница, как... Лишь бы одиноких стало поменьше.

— Какие еще одинокие? — прищурился Крутойяров. — У нас все — в коллективе!

Вера вздохнула, ответила терпеливо, как маленькому:

— И в коллективе бывает одиноко. Особенно в общежитии. Понимаете, люди от родных корней оторвались, а новые корни еще не окрепли. Я считаю, мы и объявление в кадрах неправильно пишем...

— В каком смысле? — насторожилась кадровик Клавдия Андреевна.

— А в таком: «одиноким предоставляется общежитие». Как-то даже обидно сразу на одиночество настраиваться. Писали бы: «несемейным»...

— Ну хватит!

Клавдия Андреевна даже встала, подчеркивая ответственность момента и непримиримость своей позиции в этом вопросе.

— Товарищи! Голубева орудует на очень ответственном участке. Общежитие. Неоперившаяся, нетвердая во взглядах молодежь. Но она же — и будущая опора нашего производства.

— Правильно, — подхватила Вера. — И производству нужны люди с корнями, основательные. А одиночек ничего на месте не удержит.

— Не подменяйте сложнейшие общественные вопросы мелкими личными проблемками! Это же понятно всем.

— Нет, — негромко возразила Вера. — Мне непонятно.

— Что именно?

— Все, — так же негромко сказала Вера. — Личное — это не «мелкие» и не «проблемки». Это очень даже большая проблема. И вот как раз вы или не понимаете, или... просто врете.

— Что-о? — вытаращилась на нее Клавдия Андреевна.

— А то! — Вера взволнованно вскочила: — Мы для чего живем? Для счастья или для этих метров ткани, которые выдаем по плану? Общественное, личное... Да это же известно: счастливое общество и состоит из счастливых личностей! Но одинокий не может быть счастлив. Нет ничего хуже, печальней, тоскливей одиночества! А будет че-

ловеку на душе хорошо — будут и эти метры, и километры, и вообще все будет!

Вера умолкла. Фролов смотрел на нее серьезно и удивленно, будто видел впервые. Фабком сидел притихший.

— Извините, — смутилась Вера, — я вроде лекции читаю...

Лариса Евгеньевна усмехнулась:

— Нет-нет, все очень интересно. Только неубедительно. Твой же личный пример опровергает. Вот ты, Голубева, и передовик, и наставница, в общем, гордость производства, хотя при этом — одиночка. И семейных изменений не предвидится. Несмотря на всю брачную контору!

Вера замерла. Губы ее дрогнули.

— Лариса Евгеньевна! — возмутилась предфабкома.

— А что, что? Я просто хочу понять...

Вера отшвырнула ногой стул и выбежала из комнаты. Повисла неловкая тишина.

— Ладно, — сказал седой мастер Крутояров. — Что будем решать, Алла Антоновна?

— Не знаю...

Предфабкома вдруг смущенно улыбнулась:

— Вообще-то меня саму замуж тоже Вера просватала...

Вера бежала домой, натываясь на прохожих и не замечая машин, которые со скрежетом тормозили, чтоб не сбить ее. Вослед ей неслись проклятия водителей, но Вера ничего не слышала, не видела. Обида, гнев, отчаяние душили ее.

Ворвавшись в комнату, она, не раздеваясь, бросилась к своей тумбочке и стала вышвыривать из нее на пол письма, фотографии, газеты. Испуганная Ирина пыталась ее остановить, успокоить, расспрашивала, что случилось. Вера, бессвязно выкрикивая, рассказывала ей о фабкоме, продолжая опустошать тумбочку и приговаривая сквозь закипающие слезы:

— Все! Теперь все! Не хотят — не надо! Дура я, самая настоящая дура!

Разобравшись, в чем дело, Ирина не стала больше успокаивать Веру, а поддержала ее в обычной своей сухой и категоричной манере:

— Конечно, дура. Я всегда говорила: зачем тебе это надо?

— Мне? Раз никому не надо — и мне не нужно! Пусть сами пишут, сами ищут, сами... все!

Она бессильно опустила на пол посреди писем, газет, улыбающихся мужских и женских лиц и твердила, как клятву:

— Все, конец! Больше ни за что, никому, никогда!

— Хорошо бы, — вздохнула Ирина. — Только я же тебя знаю: не удержишься, опять начнешь.

— Я?! — возмутилась Вера. — После всего этого? Ни за что, никогда в жизни...

И вдруг умолкла на полуслове.

— Ну? Что еще? — усмехнулась Ирина.

Вера посидела, не отвечая, потом поднялась с пола, присела рядом с Ириной.

— Нет, ты не думай, я твердо решила. Но есть одно очень серьезное дело. Последнее, честное слово! Только ты не волнуйся...

— А почему это я должна волноваться? — пожала плечами Ирина.

Вера еще чуть помедлила и сказала:

— Понимаешь, Ира, было одно объявление... Он сам из Риги, инженер. И он описал свою мечту...

— Которую ищет всю сознательную жизнь? — поинтересовалась Ирина.

— Да, он так и написал... Откуда ты знаешь?

— А что еще могут написать эти чокнутые!

— Не надо, Ира... ты только послушай. Он написал про свою мечту все: возраст и характер, рост и фигуру, образование и привычки...

— Зачем ты мне рассказываешь?

Ирина хотела встать, но Вера удержала ее за плечи.

— Подожди, Ирочка! Я рассказываю потому, что все это... ну и характер, и внешность, и привычки... все это — ты.

Ирина резко расхохоталась и так же резко оборвала смех.

— Нет, ты точно ненормальная! Ты думаешь, я себе позволяю...

— Ирина! — Вера заговорила быстро-быстро, чтобы подруга не успела ее перебить. — Я ему написала и посла-

ла твою фотографию, и он ответил, что да, ты — как раз мечта его жизни, да-да, именно мечта, и он сегодня прилетел из Риги, и через час он придет сюда!

Ирина оцепенела. Сидела, глядя прямо перед собой. Вера даже забеспокоилась.

— Ира, ты что?.. Что с тобой, Ирочка?

— Ты... ты... — начала осевшим голосом Ирина и вдруг закричала: — Ты зачем отдала в чистку мое финское платье?! Сколько раз тебе твердить: финское я стираю сама!

6

И снова гремел Свадебный марш.

И снова знакомой аллеей, только на этот раз заснеженной и окаймленной деревьями в инее, покидала общежитие новая пара: Ирина и блондинистый рыжеусый жених из Риги. Щеки жениха и двух его друзей — таких же рыжеусых блондинов — пылали здоровым румянцем, то ли от крепкого мороза, то ли от принятых против него не менее крепких средств. Наверно, все же — от второго, потому что и невеста Ирина, растеряв былую чопорность, что-то уж больно весело хохотала и поводила плечами, все пытаясь сбросить накиннутую на свадебное платье шубку. Однако жених с неизменной прибалтийской галантностью каждый раз успевал подхватить шубку до того, как она упадет на снег, и набросить ее, согревая плечи невесты.

И снова махали им вслед из всех окон всех пяти этажей общежития. И снова были прощальные объятия, последние поцелуи, отъезд машин.

И снова дольше всех стояла и глядела им вслед Вера...

ВЕСНА

1

Весна пришла ранняя — солнечная и зеленая.

Голубело небо, чирикали птички, звенели ручьи, быстро подсыхал на солнышке асфальт. Все радовало глаз весной, особенно — женщины. Казалось, в один день, как

по команде, они сбросили зимние — что ни говорите, а довольно однообразно-серые — одежды и перешли на весеннюю форму — разноцветную, веселую, яркую. Тяжелую поступь зимних сапог сменил легкий цокот каблучков, водопады волос, выбившись из-под зимних шапок и платков, заструились по плечам. Женщины стали как-то стройнее, стремительнее, воздушнее, что ли.

И еще порадовало этой весной небывалое событие — можно сказать, чудо природы: выполнение строителями принятых на себя обязательств. Можете, конечно, не верить, но обещали они сдать новое общежитие — и сдали.

Ну не совсем сдали, естественно. Еще заканчивались отделочные работы, еще утюжили двор бульдозеры, еще поднимали лебедкой на крышу битум для перекрытия. Но основной строительный кран уже не торчал журавлем, а лежал на боку, готовый к разборке и перевозке на новое место, ибо здесь он свое дело уже сделал: новая шестнадцатизэтажная башня сверкала на солнце стеклом и алюминием оконных переплетов.

А внутри здания шел весенний воскресник. Жильцы старых общежитий, мужского и женского, трудились, чтобы ускорить въезд в свой новый, теперь уже общий, дом.

Вера с подругами мыла окна на верхнем этаже, откуда был виден весь город.

— Красотища! — восхищалась Милочка, но и пугалась: — Только я пониже попрошусь, тут голова кружится — страшное дело!

— Теперь в комнатах по двое будем жить — тоска... — сказала чернявая молоденькая девчоночка. — Одна куда-то ушла — так и потрепаться не с кем.

— Нет, по двое хорошо, — возразила женщина постарше. — А еще говорят, ветеранкам, что по десять лет на комбинате, вообще на одного давать будут. Вера, не слыхала такое?

Вера промолчала. А Лаптева незамедлительно встряла в разговор:

— А Верке что? Ей к лету квартиру дадут. Железно!

Вера опять ничего не сказала, терла и терла себе тряпкой оконное стекло.

Двое парней в линялых солдатских гимнастерках подвешивали светильники в коридорах и комнатах. Заявились они и сюда со своей стремянкой.

— Салют, соседки! — сказал один.

— Кому сосед, а кому — привет! — с ходу отбрила его Лаптева. — Мы рыжих в гости не приглашаем!

— А мы к рыжим и приглашенные не ходим! — столь же быстро парировал он.

Заметим при этом, что ни он, ни Лаптева рыжими не были — оба вполне натуральные брюнеты.

Второй парень, взбираясь по стремянке, сказал:

— Жалко, ты, Вера, сватать народ перестала. Тебе бы в общем доме такой фронт работ!

— И без меня справляетесь. Вчера три свадьбы играли.

Вера улыбнулась, но улыбка вышла не очень веселая.

Все верно. Были три свадьбы в субботу. И не только эти три за последнее время, но и другие, к которым Вера не имела отношения. Впрочем, так было, конечно, и прежде — не будем преувеличивать, не весь же город и даже не все общежитие она сватала.

И сейчас, как и прежде, Вера была рада этим «не своим» свадьбам и от души поздравляла девчонок-невест, но... Сейчас какое-то странное чувство примешивалось к ее радости — профессиональная ревность, что ли? Все ей казалось, что не совсем тот выбор сделан, что не очень они «пара» — эти новоявленные супружеские союзы, что она бы сосватала иначе, точнее, лучше... Вера нещадно ругала себя за эти мысли, гнала их. Старалась не поддаваться им, как не поддавалась и ни на какие уговоры тех, кто по старой привычке еще обращался к ней с просьбой о сватовстве.

Нет, все. Она покончила с этим. Навсегда.

Фролов мотался по коридорам и лестницам нового общежития, появлялся в комнатах и холлах, возникал во дворе и на крыше. Он не только наблюдал и командовал, но и помогал тащить газовую плиту, навесить дверь, закрепить умывальник... Чувствовалось, что у нового дома есть хозяин.

Илья Ефимович тоже приехал на сдаточный объект, и Фролов, оживленно жестикулируя длинными ручищами, почему-то кричал ему, будто тот был глухой:

— Квартиры со всеми удобствами, со своей кухней.

это, конечно, блеск! Общая кухня — это ж рассадник всех психологических конфликтов... Хотя тебе не понять!

— Где уж мне уж, — кивал Илья, пряча довольную ухмылку.

— Но вот со стиркой решим так. Нечего трепыхаться в ваннах, даже в отдельных. Оборудуем прачечную, машины завезем, я на выставке видал автоматы, чудо что вытворяют!

Илья все кивал и улыбался его кипучим речам.

— Теперь — мебель. Это мне девчата подсказали. Зачем всюду стандартные кровати? Можно в каждой комнате одну кровать и один диван. Уютнее будет, по-домашнему.

Илья хотел что-то возразить, но Фролов опередил его:

— Деньги? Ага, понимаю. Но и ты пойми: сэкономишь на общежитии — погоришь на текучке кадров!

Илья слушал-слушал старого друга и вдруг ласково так улыбнулся:

— Витюша, солнце мое, а я ведь твою просьбу выполнил.

— Какую просьбу? — остановился Фролов.

— Ну насчет того, чтоб вырвать тебя из этого... гарема. Нашел тебе хорошее местечко в ДОСААФ. Спокойное, достойное настоящего мужчины.

Фролов посмотрел на него долгим взглядом, вздохнул:

— Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие!

И размашисто пошагал дальше.

Во дворе, расстелив на земле полотнище, Лариса Евгеньевна — в перепачканном комбинезоне — выводила большой восклицательный знак свеженаписанного алой краской на белом фоне призыва: «Сдадим наш общий дом в досрочный срок!»

Фролов вышел из подъезда, постоял за ее спиной, понаблюдал за работой.

— Хороший почерк, — одобрил он.

— Ой, как вы меня испугали! — подпрыгнула Лариса Евгеньевна. — Нравится, да? — И заявила с гордостью: — Воспитатель должен уметь делать все!

— Да уж, — Фролов окинул глазом этажи здания, — делов нам теперь всем хватит. Это не то что бывшая хибарка.

— Вот именно, — оживилась Лариса Евгеньевна. — И меня очень беспокоит главное.

— А что — главное?

— То, что здесь будут жить одновременно и мужчины, и женщины!

— Не понял...

Лариса Евгеньевна посмотрела на него с жалостью, как на несмышленища.

— Зато я уже все поняла. И все продумала. Даже планчик набросала, потом покажу.

— Какой... планчик?

— Очень простой. Но с гарантией! Делаем так: мужские этажи — нижние, женские — верхние. Во-первых, пусть теперь женихи попробуют залезть на седьмой этаж или хотя бы камешек добросить! А во-вторых, мы одну лестницу перекроем, а на другую — вахтер и дружинники. Круглосуточно!

Фролов с неподдельным интересом выслушал ее вдохновенный план. Подумал, предложил:

— Лариса Евгеньевна, присядем-ка на минутку.

— Присядем, конечно, нам столько нужно обсудить.

Они сели на ящики у подъезда.

— Я давно хотел вас спросить, Лариса Евгеньевна, — осторожно начал Фролов, — откуда вообще-то берутся воспитатели в общежитии? На них что, учат где-нибудь?

— Что вы! — воскликнула она. — Этому не научишь, это только призвание.

— А-а... Ну а все же откуда они — воспитатели?

— Да кто откуда. Из бывших педагогов, из комсомольских работников, просто из активистов. Еще жены военных — муж в город переведен, а ей ведь тоже где-то нужно работать... В общем — по-разному.

— Ясно, — Фролов спросил еще осторожнее. — А вот, например... вы к этому как пришли?

— Я как раз из активистов, — с удовольствием сообщила она. — Работала ткачихой, жила в этом же общежитии, занималась общественной работой... И меня выдвинули.

— Ага, выдвинули, — кивнул Фролов.

Что-то в его тоне насторожило Ларису Евгеньевну, она забеспокоилась:

— А почему вы, собственно, интересуетесь? Я люблю свое дело!

— Любите, конечно, — вздохнул Фролов. — Но я вот чего думаю: может, любить это еще маловато? Может, надо еще уметь?

— Что?! — Она вскочила с ящика. — Я первая прихожу в общежитие и последняя из него ухожу! На мне огромный объем работы, на мне — все, буквально все только на мне!

— Вот это меня и пугает, — задумчиво сказал Фролов.

От возмущения Лариса Евгеньевна потеряла дар речи, передернула плечом и пошла прочь, задев ногой банку. Алая краска растекалась по белому полотнищу, заливая бодрящий призыв о сдаче общего дома «в досрочный срок».

Несколько раз в этот день Фролову встречалась Вера — то моющая окна в коридоре, то спешащая с ведром воды, то наскоро перекусывающая с подругами кефиром и булочками, разложенными на подоконнике... Каждый раз ему очень хотелось остановиться и поговорить, но она скользила по нему отсутствующим взглядом, да и вообще было не до разговоров — работа.

А когда работа закончилась, когда солнце уже садилось в наплывающую, неожиданно возникшую ранней весной грозовую тучу и здание покидали последние участники воскресника, Фролов дождался Веру у подъезда.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Здравствуйте, — кивнула она.

И пошла дальше под руку с Милочкой. Но он не отставал.

— Вера Николаевна, мне бы с вами поговорить...

Она, чуть поколебавшись, остановилась, сказала Милочке:

— Иди, я сейчас догоню.

Фролов неловко топтался, глядя вслед уходящей Милочке. Вера молча ждала, что он скажет. И он начал:

— Вера Николаевна, я человек морской...

— Это известно, — холодно перебила она.

— Ага, конечно... Так вот, я человек морской...

— Это вы уже говорили, — так же холодно заметила она.

— Не сбивайте меня, я и сам собоюсь! — взмолился он и упрямо повторил: — Как человек морской, я не буду крутить. Скажу прямо: я был не прав! Тогда на фабкоме. Я по-зорно молчал, и я прошу вас меня за это извинить.

От холодности Веры вмиг не осталось и следа.

— Правда? — обрадовалась она. — Вы правда все поняли?

— Все. Много думал — и понял.

— Я рада. Очень рада! — Вера улыбнулась. — Вот ведь как хорошо иной раз подумать. Хотя, может быть, еще важнее — почувствовать...

— А я и чувствую! — выпалил он.

— Да?..

— Да! И потому я хочу вам сказать...

Он умолк. Она с улыбкой подбодрила:

— Ну? Что сказать? Смелее, вы же человек морской.

— Я хочу сказать... вот вы всем помогали найти друг друга...

— Нет! — улыбка Веры сменилась прежней холодностью. — Я больше этим не занимаюсь.

— Да, я знаю. Но может... может, я сам попробую... на-счет одного человека...

— Вы? — поразились она. — Мужчина — сваха?! А что, даже очень интересно, попробуйте.

Он оглядел свою чумазую после работы внешность.

— Я вообще-то как-то не одет...

— Ну и что? Вы же не перед невестой. Начинайте, пожалуйста.

Она уселась на железную бочку, с интересом наблюдая за Фроловым.

Он взволнованно сосредоточился.

— Ну, значит, как вы мне тогда... при первой нашей встрече говорили? Чем откровеннее, тем лучше будет результат... Да?

— Точно! — засмеялась Вера. — У вас определенный дар.

Он не поддержал ее смех, оставался крайне серьезен.

— Тогда скажите, Вера Николаевна, кто вам по сердцу — блондины, брюнеты?

Вера была разочарована.

— А-а, так это вы сватаете меня за вашего человека?

Жаль, пустые хлопоты. Я ведь к мужчинам равнодушна. Как вы — ко всем женщинам.

— А я уже не равнодушен! То есть не ко всем женщинам... а только к одной. — Он глотнул воздух, как перед глубоким нырком, и торжественно начал: — Вера Николаевна, я человек морской и...

Вера глянула в его горящие глаза и вдруг все поняла.

— Нет! — вскочила она с бочки.

— ...и я скажу прямо! — упорно продолжил он. — Я не равнодушен... то есть я люблю... вас!

— Нет! — опять вскрикнула она и добавила тихо: — Это невозможно.

— Почему?! Я вас сразу полюбил! С первого взгляда, с того вечера... А мужиков, что к вам ходили свататься, я их... я убить их был готов!

Вера хотела что-то сказать, но вдруг заплакала.

— Что вы?! — испугался Фролов.

— Ничего, я ничего. — Она сдержала слезы, сказала глухо и тоскливо: — Просто я устала ждать. Я всю жизнь ждала... были свадьбы, и снова свадьбы, и я была так счастлива за всех, и каждый раз говорила себе: все, Вера, теперь — ты...

— Ну вот же, вот! — взволнованно выдохнул он.

— Нет. Однажды я сказала: все, Вера, все. Твое счастье где-то заблудилось и никогда не найдется. Я перестала ждать, перестала надеяться. И мне сразу стало легче, спокойнее. И я больше не хочу начинать сначала, это очень больно, не хочу, нет!

Как бы подтверждая решительность ее отказа, сверкнула молния, грянул гром, хлынул дождь.

— Гроза... — Фролов растерянно поднял голову к развершимся небесам.

— Первая. Весенняя, — сказала Вера.

И опять заплакала.

Лил дождь. Лились слезы из глаз Веры. А Фролов, наоборот, почему-то расплывался в улыбке, широкой, нежной, освещавшей невиданным до того теплым светом его суровое лицо.

— Вера Николаевна, — сказал он дрогнувшим голосом, — я люблю вас. И буду любить всю жизнь.

— Нет! — вскрикнула она с последним отчаянием. — Это невозможно! Нет, нет, нет...

На звездной дорожке «Кинотавра». За мной —
М. Мишин, догоняет — В. Вишневский

Лицом к лицу с «Ералашем»

Узбекское застолье — С.Бэлза, А.Лазарев,
С. Немоляева, Л. Голубкина

На церемонии «Кумир» с А.Баталовым

На церемонии «Тэфи» с А.Максимовым

Кавээнщики шестидесятых — Ю.Волович, Я.Харечко,
В.Хаит

Команда ветеранов КВН — 1997г.

За столом с Ю. Никулиным

За книгой с Е. Матвеевым

Она твердила это, не столько отвечая ему, сколько убеждая себя. И побежала со двора общежития.

Фролов не сделал движения за ней. Просто стоял и смотрел все с той же нежной улыбкой, как Вера выбежала на улицу и растворилась в людской толпе, над головами которой распустились яркие зонтики, и все тоже бежали, ничуть не печальась, а скорее радуясь этой первой весенней и веселой грозе.

Но в кухне пятого этажа старого общежития было не до веселья. С потолка в углу текло, на полу растекалась лужа, девушки перетаскивали столики в другой угол, вытирали лужу, подставляли под частую капель с потолка тазы и шумели:

— Вот паразиты, крышу только залатали, а надо было ремонт!

— Так думали же: в новое переедем...

— А в старом — хоть потоп, да?

— Девчонки, дайте еще таз!

В дверь кухни заглянул Фролов — мокрый, видно, только с улицы.

— Что за шум?

Лаптева, как всегда, была в центре событий.

— А вы гляньте, гляньте! Вы только полюбуйтесь!

— Гляжу, — оборвал ее Фролов. — И люблюсь. Черт, эта гроза...

— Кто бы мог подумать, весной — гроза? Загадка природы! — Лаптева, выпятив губу, сдунула челку с насмешливого глаза. — А зимой, говорят, в России даже снег бывает!

Шрам на щеке Фролова грозно дернулся. Но он ничего не стал отвечать этой язве, развернулся и вышел, по своей гневной привычке так треснув дверь, что стены задрожали.

У себя в комнате Фролов сорвал с вешалки флотский дождевик с капюшоном, достал из-под кровати чемодан, вышвырнул все из него и быстро ушел, размахивая пустым чемоданом.

Потом он бродил по стройке нового общежития, отыскивая и бросая в чемодан гвозди, паклю, инструменты...

Отлил из бочки битум в жестяную банку и прихватил ее с собой.

А затем под дождем, поливавшим как из пожарной кишки в руках умелого брандмейстера, Фролов — в дождевике с надвинутым капюшоном — сидел на крыше и яростно приколачивал лист кровельного железа.

Ветер рванул лист из рук. Фролов придавил его коленом и перевел дыхание. Полез в карман за папиросами, щелкнул зажигалкой раз, другой. Наконец затеплилось пламя. Фролов, оберегая его согнутой ладонью, склонился над ним с папиросой в зубах. Но сверкнула молния, громыхнул гром, и порыв дождя с ветром загасил трепетный огонек.

Фролов отшвырнул мокрую папиросу и еще яростнее застучал молотком по железу.

— Стучит? — заглянула в кухню Лаптева.

— Стучит... — Милочка выключила газ и закатила глаза к потолку.

— Второй час уже стучит. — Женя тоже уставилась очками в потолок.

Глухие удары не смолкали.

— А между прочим, он совсем не старый! — вдруг горячо заявила Милочка. — И довольно интересный мужчина. И поступок его — мужской.

— Глупый поступок, — возразила Лаптева. — Его одного на все крыши не хватит. Он руководить толково должен, а не молотком стучать.

— И все равно — настоящий мужчина! — убежденно повторила Милочка.

Лаптева не успела возразить — Женя вскрикнула:

— Кажется, перестал!

Все прислушались. Действительно, стук над потолком затих. И последние капли уже очень редко стучали в тазы. А на пороге возник Фролов. Злой, усталый, руки в ссадинах, с дождевика — ручьи.

— Ну? — мрачно спросил он. — Не протекает?

— Нет, не течет, спасибо! — смущенно засуетились девушки. — Только зачем же вы так, сами... Мы вам сейчас чайку горячего, чтоб не простыли...

— Морская душа не простывает! — отрезал Фролов.

2

А потом «морская душа» Фролов болел. И как все мужчины — болеть не умел.

Куда подевался грозный пират и весь его флотский порядок! На полу валялись бумажки. На столе грязная посуда. Стулья в полном беспорядке в разных углах комнаты. Сам Фролов лежал на измятой постели, в тельняшке, с перевязанным какой-то цветной тряпкой горлом, сопливый и кашляющий.

Когда в дверь постучали, он, подтянув одеяло к подбородку, сипло откликнулся:

— Заходите!

И пораженно уставился на чинно явившуюся делегацию: Лаптева, Милочка, Женя, Люся, еще девушки. В руках у них были баночки, бутылочки, пакеты, коробки.

— Что?.. Почему?.. Зачем?.. — бестолково хрипел Фролов.

Лаптева выступила вперед как руководитель делегации.

— Спокойно! Думаете, мы позволим вам помереть в берлоге? Нет уж! Девочки, берегите мужчин!

И первая выставила на стол склянку.

— Малина. Лучшее средство от простуды.

— Молоко и сода, — добавила свои дары Женя. — На ночь, от кашля.

— Настойка подорожника. Мама прислала. От всего! — заявила Милочка.

— И поставим банки, — заключила медсестра Люся.

— Банки? — дрогнул Фролов.

— А как же! — сурово подтвердила Лаптева и огляделась. — Но первым делом драим палубу. Девочки-и!..

Через полчаса комнату было не узнать — она вновь сверкала чистотой и порядком. Фролов восседал на белоснежных простынях, с заботливо подложенными под спину белоснежными подушками, и даже повязка на его шее была новая, тоже белоснежная.

Стол придвинули к кровати, вокруг стола сидели девушки, ловившие каждый его взгляд и каждое движение

руки. Фролов пил чай из блюдечка и по праву чувствовал себя султаном.

— Ну как? — поинтересовалась Лаптева. — Хорошо?

— Хорошо! Ага, очень! — растроганно забормотал он. — Спасибо... товарищи... девушки... дорогие вы мои девчонки!

Все были тоже растроганы и умильно глазели на пациента. А Милочка сообщила:

— Это еще не все. Еще — сладкий сюрприз!

Отворилась дверь, и вошла Вера. С пирогом на блюде.

Фролов взволнованно приподнялся на подушках.

— Вы?!

Вера молча смотрела на него. За нее ответила Лаптева:

— Она это, она. И пирог тоже ее — фирменный!

Вера так же молча приблизилась и поставила пирог на стол. Девушки принялись за дело: резали пирог, раскладывали ломти на тарелочках. А Вера через их головы, словно их и не было тут вовсе, не отрывая глаз от Фролова, спросила негромко:

— Виктор Петрович, как вы себя чувствуете?

Он отвечал так же — не замечая никого и ничего вокруг, словно они были наедине:

— Спасибо, Вера Николаевна, я чувствую себя хорошо.

— А ваше сердце? Не болит?

— Мое сердце не болит. Оно поет.

— Поет? О чем?

— О том, что... «Пусть и штормы, и торосы, верно ждет жена матроса!»

Девушки наконец услышали этот странный их разговор и притихли, глядя на Веру и Фролова. А те по-прежнему никого вокруг не замечали.

— Я никогда не слышала такую песню, — сказала Вера.

— Это хорошая песня, морская. Я давно ее не пел. И думал, уже никогда... Но вам я ее спою. Когда горло пройдет.

— Я буду ждать, поправляйтесь скорее. А может... может быть, вам еще что-нибудь нужно?

Лаптева не удержалась, влезла в их неземную беседу.

— Просите, Виктор Петрович! Просите что хотите — нынче ваш день!

— Да, — сказал Фролов. — Я попрошу.

Он выбрался из постели — в тельняшке, с замотанным

горлом, в каких-то нелепых шароварах, босиком. Встал перед Верой, торжественный и смешной. И сказал:

— Я прошу... Вера Николаевна, я прошу вас: будьте моей женой!

3

И снова грянул Свадебный марш. Последний в нашей истории.

На весенние зеленые травы аллеи перед общежитием вышли жених и невеста — Фролов и Вера. Впервые его тельняшка скрылась под белой сорочкой, и он был затянут в костюм с галстуком, что отдавалось некоторым страданием на его счастливом лице. А она — в длинном платье невесты и с цветами в руках — была красива той поздней, а впрочем, никогда не поздней красотой, которой женщина прекрасна, когда она любит и любима.

Рядом с Фроловым шел старый друг Ильи Ефимович и очень веселился.

— Женишься, Витенька. Вот ты и женишься, солнце мое!

Фролов дернул шеей в ненавистном галстуке.

— Ты-то чего так радуешься?

— А вот увидишь, скоро сам увидишь — и тоже ой как обрадуешься! — обещал Илья Ефимович и смеялся еще веселей.

Веру сопровождали подруги во главе с Лизой Лаптевой. Неумная Лаптева укоряла невесту:

— Дезертируешь, Верка! Кто ж нас, бедненьких, теперь замуж поведает?

— Я норму перевыполнила, насватала больше бабушки, — улыбалась Вера. — И все. Нынче это отжившее явление.

— Я читала: электронную сваху изобрели, — сообщила Милочка.

— Вот, правильно, кибернетика, — кивнула Вера. — А я уж — на покой.

Свадебная процессия приблизилась к такси, увитому лентами. Друзья усаживались в две машины. Фролов распахнул дверцы третьей — для Веры. Она уже собиралась сесть... И вдруг увидела в толпе провожающих большие взволнованные глаза. На нее смотрела конопатенькая ав-

токарица Маша. Та, которой Вера столько раз виновато говорила «нет».

— Маша! Я же тебя ищу!

Вера бросилась к ней, утащила в сторонку и зашептала:

— Машенька, ты только не волнуйся, кажется, есть... Нет, я просто уверена, есть! Вчера письмо пришло из Сыктывкара. Это город такой — Сыктывкар...

Такси трижды посигналило, призывая невесту. Но Вера даже не обернулась.

— И знаешь, Машенька, он пишет все — про тебя. Ну как будто всю жизнь тебя знает... Просто удивительно!

Вновь послышался нетерпеливый сигнал. Вера досадливо отмахнулась и сказала торопливо:

— Извини, Машенька, надо бежать. Но вечером покажу письмо, и мы поговорим...

— Вечером — твоя свадьба, — напомнила Маша.

— Ну и что? Что нам свадьба, когда такое серьезное дело!

Вера быстро обняла Машу и побежала к такси. Машина рванулась догонять две ушедшие вперед. Но Вера еще высунулась из окошка — чуть не до пояса — и закричала:

— Ты, главное, надейся! Слышишь, Машенька, ты надейся!

— Я надеюсь! — тихо сказала Маша.

И впервые улыбнулась.

А за ее спиной вслед уходящим махали остающиеся. Из всех окон всех пяти этажей общежития.

Мужчины семейства Луковых

ПРОЛОГ

Вечерний закат догорал над рекой.

Ни один листик не шевелился на прибрежных деревьях. Неподвижна была и хрустальная гладь воды. Недвижимо лежала на ней алая дорожка заката.

В общем, если и существовала где-то на свете абсолютная идиллия, то это где-то находилось именно здесь.

И все это было так красиво, так долго... пока не вынырнул вдруг из воды, как чертик из табакерки, мальчишка лет пятнадцати. И сразу нарушил идиллическую тишину и покой — шумно зафыркал, переводя долго сдерживаемое под водой дыхание и тараща глаза по сторонам.

Следом за мальчишкой, на некотором отдалении от него, вынырнул мужчина — лет под сорок. И тоже стал жадно хватать ртом воздух, озираясь вокруг. А увидев мальчишку, сам закричал, как пацан:

— Ага! Пересидел я тебя, ага!

— Ничего не пересидел! — бурно протестовал мальчишка. — Мы вместе выпрыгнули, вместе!

— Какое вместе, где ты видел вместе, ничего не вместе! — совсем уж по-детски завелся мужчина. — Я только еще вылез, а ты уже тут торчишь!

— Я торчу? Да я только глаза открыл — и ты вылезашь...

Мальчишка осекся и поглядел вокруг.

— Пап, а где дед?

Мужчина тоже огляделся. Вода, встревоженная их появлением, уже успокоилась, вновь стала зеркально-неподвижной. Оба стали беспокойно и бестолково призывать наперебой:

— Батя!..

— Дед!..

— Ну батя!..

— Дед, ты где?

Вода была неподвижна. Зеленые листья и белые цветы кувшинок безмолвны.

Голос мужчины стал тревожным, в голосе мальчишки зазвенел неподдельный испуг.

— Батя!

— Дед!

— Батя, кончай дурить!

— Дед, ну правда, дед!

И тогда наконец из тихих вод явился их дед и отец. Он не вынырнул, не выпрыгнул, а именно явился — без звука, без плеска, без фыркания возник из водных глубин, будто прожил там весь свой век.

И поинтересовался как ни в чем не бывало:

— Вы чего? Звали?

Сын и внук оторопело уставились на него. А он, насладившись произведенным эффектом, довольно ухмыльнулся:

— Сдаетесь, слабаки?

Сын и внук пришли в себя, захлебнулись возмущением, и возмущению этому не было предела:

— Ну, батя, ты даешь! Что за черные шуточки!

— Ты жулишь, дед, жулишь! Ты через трубочку дышал, нет, через камышину, срезал и дышал через нее!

Дед продолжал ухмыляться.

— А ты меня поймал за эту соломину-камышину?

— Чего ловить? — обиделся внук. — Это же самому глупому дурачку ясно!

— Дурачку-то, может, и ясно. А вы, сильно умные, уху проспорили. Вам — варить, а мне — хлебать!

Дед радостно загоготал, свистнул по-разбойничьи, сунув два пальца в рот, и рванул к берегу размашистыми саженьками.

Сын и внук метнулись за ним, выплевывая воду и обиженные вопли:

— Это не считается, ты жулишь!

— Не считается, дед, переиграем!

Переигрывать дед ничего не стал. Однако не стал и до тошно настаивать на соблюдении условий пари и отлы-

нивать от общего дела. Втроем они соорудили и разожгли костер. Втроем сварганили уху из наловленной за день рыбы. Втроем и уплетали ее с аппетитом, который нагуляли на свежем воздухе.

Потом они еще долго лежали, как три луча звезды вокруг костра — головами к нему, ногами от него, — и негромко толковали о жизни.

А ночь надвигалась, и костер угасал до последней светящейся искорки, которая тоже наконец растворилась во тьме.

Тогда они собрали рюкзаки и через лес потопали домой — дед, сын и внук, Алексей Павлович, Паша и Лешка, трое мужчин семейства Луковых.

Глава 1

Скажем сразу: все описанное в прологе вовсе не является прологом нашей истории. Как, впрочем, и ее эпилогом или, скажем, кульминацией. Нет, это просто первое знакомство, общая визитная карточка наших героев. Если хотите, как говорится, кто есть кто.

А наша история берет свое начало в одном неприметном переулке, затерянном в лабиринте других переулков центральной части города. Этот тихий переулок имеет к нашей истории вот какое отношение: там находилось бюро обмена квартир, а Луковы задумали именно квартирный обмен.

Точнее, задумали не все Луковы — дед, отец и сын, а только одна Люся Лукова — мать, жена и невестка. И это вполне естественно. Мужчин, как правило, мало волнуют проблемы жилплощади, лишь бы таковая имелась в принципе. А в остальном — только бы с крыши не текло и в окна не дуло. Но для женщин, почти как для англичан, их дом — их крепость. В которой они проводят гораздо более значительное время, чем мужчины. И потому детали бытия, мужчинам безразличные, для женщин первостепенны.

Итак, Люся Лукова — жена Паши Лукова, мать Лешки Лукова и невестка Алексея Павловича Лукова — искала в анналах бюро обмена варианты. И нашла один неплохой. Обмен устраивал обе высокие договаривающиеся стороны. Но была еще сторона третья — райисполком. Инстан-

ция, призванная стоять на страже интересов граждан путем учинения этим гражданам различных препятствий. В изобретении и осуществлении данных препятствий труженики исполкома были вдохновенны и изобретательны. Ибо, похоже, именно в этом они находили высокое оправдание получаемой ими довольно низкой зарплаты. Нашлись такие препятствия и в обменном варианте, который взлелеяла Люся: где-то было метром больше, где-то метром меньше... Для разрешения ведомственного конфликта ответственный квартиросъемщик Алексей Павлович Луков был приглашен на депутатскую комиссию исполкома.

Но это — вечером, после работы. А утром Луковы еще только начинали свой трудовой день. Мужчины уходили раньше. Люся — преподаватель детской музыкальной школы — уходила позже. Но как хозяйка дома она уже обеспечила мужчин калорийным завтраком. И теперь стояла на балконе — квартира была на втором этаже — и напутственно махала рукой уходящим на работу и учебу мужчинам. Такова была многолетняя семейная традиция. Мужчины снизу помахали ей в ответ и пошли своим путем.

Путь их пролегал через обширный пустырь, вдоль чугунной ограды городского парка. Пустырь был усеян останками снесенных деревянных домишек — на их месте предполагался новый микрорайон. Несколько хибарок еще стояли вдали, но их судьба была уже решена: мощный бульдозер накатывал и откатывал, долбая крайнюю из них. Домишко дрожал, но все же держался — крепко строили предки. В этом его сопротивлении тупой машинной силе было что-то бесполезно-смешное. Но и нечто безумно-героическое.

Время было раннее, дорога пустынная. Луковы шли и толковали о заботах грядущего дня.

— Ни пуха ни пера тебе на алгебре! — сказал дед внуку.

— К черту, к черту, — откликнулся Лешка.

— Батя, — сказал Паша, — а все же надо бы в исполком ордена надеть...

— Не День Победы! — отрезал Алексей Павлович.

— Да я-то понимаю, но...

— Но мама Люся просила, — закончил за отца Лешка.

— С тобой не обсудили! — оборвал язвительного от-

прыска папа Паша и сказал Алексею Павловичу: — А может, и верно, ни к чему орденами глаза мозолить, сейчас как-то к ним отношение иное...

— Какое? — жестко прищурился Алексей Павлович. — Какое иное отношение у вас к нашим орденам?

Паша, очутившийся меж двух огней, отмахнулся и от отца, и от сына:

— Да ну вас! К каждому слову цепляетесь!

— А ты слова выбирай, — остывая, заметил Алексей Павлович. — И вообще, чего суетиться? Объясню я этим депутатам по-людски, все поймут...

Он не договорил, остановился у крайнего домика с резными наличниками и затейливым коньком на крыше. Глянул на работающий в отдалении бульдозер.

— Вот о чем не забыть бы в исполкоме потолковать! А то уж к нему подбираются...

Алексей Павлович, переключившись на новые мысли, прибавил ход. Сын и внук следовали за ним, больше не докучая разговорами.

Так они вошли в парк. На центральной аллее было уже многолюдно. Неспешно прогуливались мамы и бабушки с колясками. А спешившие на работу обгоняли их.

У боковой аллеи первым от троицы откололся Лешка — сделал ручкой и поскакал вприпрыжку налево. В сторону школы.

Паша свернул в следующую аллею. Она вела к боковым воротам парка, за которыми был его — Пашин — проектный институт.

Алексей Павлович прошел еще немного в одиночестве по центральной аллее, а затем тоже свернул — на узенькую дорожку, зажатую с обеих сторон кустами.

Вскоре позади него появился бегун. Нет, это был не спортсмен — для спортсмена тяжеловат, да и староват, лет тридцати пяти. Но это был и не пациент из тех, кто убегает от инфаркта, приближаясь к инсульту, нет, слишком молод и крепок он был для пациента — розовощекий, кудрявый, держал четкий ритм и ровное дыхание. В общем, скорее это был просто человек предусмотрительный, решивший жить согласно разумному девизу: береги вес смолodu!

Увидев впереди препятствие в виде неторопливо иду-

щего Алексея Павловича, бегун весело и дружелюбно прокричал:

— Дорогу, папаша!

Алексей Павлович, углубленный в свои думы, даже не оглянулся, а просто сошел покорно с дорожки и прижался спиной к кустам, давая дорогу представителю молодежи.

Бегун, проследовав своим курсом мимо него, так же весело и доброжелательно крикнул:

— Спасибо, дедуля!

И скрылся за кустами.

Алексей Павлович вновь ступил на дорожку, и она после нескольких поворотов вывела его к мощной кирпичной стене, в которой зиял рваный пролом.

Кто и когда возвел эту стену — неизвестно. Возможно, у нее даже была многовековая история. И своя история была у пролома. Если и не многовековая, то, во всяком случае, многолетняя. В ней, говоря принципиально, отражался конфликт власти и народа. Коммунальное руководство было твердо убеждено, что стена эта должна быть единой и нерушимой и никакому пролому в ней быть не положено. А заводской народ, сокращавший и ускорявший через этот пролом путь на родное предприятие, был так же твердо убежден, что пролому в этой стене самое место. Коммунальные службы заделали незаконное отверстие кирпичной кладкой. Через несколько дней от кладки не осталось ни кирпичика. Тогда пролом заварили сплетением металлической арматуры. Через некоторое время от мощных прутьев остались лишь жалкие хвостики. Тогда пролом перекрестили на манер тюремного окошка стальными рельсами. Вскоре эти рельсы были отогнуты в разные стороны какой-то чудовищной силой.

Кто задраивал пролом, было известно — работы совершались ясным белым днем. А кто разрушал препятствие, было загадкой — умельцы трудились под покровом темной ночи.

Говорят, кто-то где-то уже внес разумное предложение: не прокладывать и не асфальтировать прямые и теоретически прекрасные дорожки согласно строительным проектам, а сначала изучить реальную миграцию населения в этом месте и только потом зафиксировать, заасфальтировать пусть не прямую, а косую или даже кривую, но житейски верную народную тропу. Возможно, кто-то

где-то уже и осуществляет разумную идею. Но до нашей стены эта идея еще не дошла. По-прежнему с упорством, достойным лучшего применения, явные силы загораживали пролом, и по-прежнему силы тайные вновь прорубали это, как выражались местные остряки, «окно в Европу».

На сегодняшний день пролом находился в полусвободном состоянии: очередное его перекрытие было разрушено только наполовину, и через пролом можно было пробраться, лишь согнувшись в три погибели. Алексей Павлович так и поступил: оглянулся — не видит ли кто его несолидность? — и шмыгнул в дыру.

Так он оказался за пределами парка. Здесь уже было многолюдно. Поток тружеников тек в одном направлении — к воротам завода. Алексей Павлович отряхнул пиджак от известковой пыли, влился в этот поток, сразу оброс знакомыми, завел с ними обычные утренние разговоры на ходу и вскоре исчез в заводской проходной.

Но мы за ним в проходную не последуем. Потому что он пошел на работу, а для нашей истории, скажем сразу, где и кем работает Алексей Павлович, принципиального значения не имеет. Наша история вполне могла бы произойти, будь он хоть академик, хоть герой, хоть мореплаватель, хоть плотник... Но все же, чтобы не создавать ненужную таинственность и уж тем более намек на какую-то секретную работу на номерном предприятии, сообщим: завод самый обыкновенный, машиностроительный, и рабочая профессия Алексея Павловича тоже вполне обычная — просто лекальщик. Ну, не просто лекальщик, а лекальщик высшего шестого разряда. И если быть до конца точными, то не совсем обычная это профессия, а уникальная, принадлежащая к элите рабочих профессий. И еще интересно, что лекальщику — если, конечно, он хочет оставаться именно лекальщиком, а не, к примеру, инженером — некуда расти по должности. То есть он не может, к примеру, вырасти из простого лекальщика в старшего лекальщика или в начальника лекального цеха. Потому что цеха такого не существует. Не на этом заводе, а вообще в природе. Лекальщик — дело штучное, индивидуальное и даже, как нынче любят изъясняться, глубоко личностное.

Вот этим штучным, одним и тем же делом на одном и

том же месте и занимался Алексей Павлович на родном заводе ровно сорок лет. С перерывом на четыре года войны.

И все. И достаточно об этом. Алексей Павлович ушел на работу, вот пусть он себе и работает, не станем ему мешать.

А встретимся с ним уже после работы. На заседании жилищной комиссии райисполкома.

Алексей Павлович сидел в конце длинного стола, робко утнездившись воробышком на краешке стула — уж сколько лет жил на свете, а так и не сподобился освоить внушительно-солидное пребывание в условиях казенных кабинетов. Зато вальяжный председатель комиссии явно поднаторел и в сидении на заседаниях, и в проведении их. Он кратко и толково изложил суть обменного дела, отметил некоторую закавыку в несовпадении метражей и наконец обратился к собравшимся:

— Какие будут мнения, товарищи депутаты?

Товарищи депутаты глубокодумно размышляли, не спеша делиться своим драгоценным мнением. Требуемая пауза была выдержана, и первой взяла слово женщина средних лет в строгом двубортном костюме.

— Полагаю, что возможно, — сказала она. — Товарищ Луков ветеран войны и труда. Так что можно разрешить в порядке исключения.

— Я вполне — за, товарищ Попова, — поддержал седой мужчина. — Только про исключение не нужно записывать. Исключения для лиц с правом дополнительной жилплощади.

Лысый молодой человек уточнил:

— Или для перспективных семей. А здесь, как видите, не тот случай.

Больше никто не высказывался. Председатель комиссии решил подвести итог обсуждения.

— Что ж, товарищи депутаты, раз все за...

Но неожиданно вмешался Алексей Павлович:

— Виноват, минуточку! Я не совсем понял. Насчет... перспективы семьи... О чем речь?

Седой мужчина добродушно улыбнулся ровеснику:

— Речь о том, что нас с вами, дорогой товарищ, перспективными уже не назовешь.

— Но вы не беспокойтесь, — сказала строгая Попова, — обмен мы вам разрешаем, так что...

— Минуточку! — повторил Алексей Павлович и наконец уселся на стуле более основательно. — Обмен — это ладно. Жили без обмена и дальше проживем. А я все же понять хочу: вроде вот он я — живой, как говорится, еще не помер. Отчего ж нет перспективы?

Седой опять добродушно улыбнулся:

— Перспектива у нас одна — пенсия...

— У вас? Не возражаю, если желаете. А я лично пока что на пенсию не собираюсь.

Председатель глянул на часы и сказал, чуть-чуть, ну самую малость раздражаясь:

— Вы нас не поняли, товарищ Луков. Обмен мы вам разрешаем и...

— Нет, это вы меня не поняли, — Алексей Павлович все-таки ощущал себя на стуле неудобно и встал. — Я же говорю: обмен — это тьфу! По праву — так разрешайте, а не по праву — так и запретите. Но я другое понять хочу: отчего я у вас в бесперспективные попал?

Председатель хотел что-то сказать, но вмешался лысый молодой человек.

— Извините, раз я предложил этот термин, так я уж и объясню. Мы говорим о перспективе образования новой семьи...

— Понимаю. У меня как раз внук подрастает...

— Подрастет — поговорим, — председатель начал терять терпение. — Но вы-то, надеюсь, не женитесь!

— Ага, в этом, значит, перспектива? — Алексей Павлович усмехнулся. — Тогда чего ж, может, и я в один прекрасный день раз — и женюсь!

Комиссия ответно заулыбалась ему.

Только суровая женщина Попова сурово покачала головой.

— Я как врач всегда за юмор — стимул жизненной бодрости. Но тут...

— Какой юмор? — перебил Алексей Павлович. — Нет, я серьезно, давайте разберемся: значит, если я женюсь, появляется перспектива...

— Ай-яй-яй, товарищ Луков, — на суровом лице женщины даже появилось слабое изображение улыбки. — Я вот, извините, несколько моложе вас, но мне же и в го-

лову не приходится считать себя по этой части... перспективной.

— И зря! — совершенно искренне заявил Алексей Павлович. — Вы женщина, я б сказал, в самом соку!

Комиссия опять заулыбалась, но на этот раз скрывая улыбки.

А Попова сначала побелела, затем покраснела и наконец вскипела:

— Ну хватит! Вам идут навстречу, а вы издеваетесь!

Алексей Павлович огорчился:

— Что вы! Я вполне объективно...

— Вот и мы объективно! Безо всяких исключений!

Попова встала, сказала безапелляционно:

— У меня предложение: в обмене товарищу Лукову отказать!

Вечером атмосфера в доме была мрачно-молчаливая. Тишину нарушало лишь щелканье ножниц. Это мать-жена-невестка Люся подстригала своих сына-мужа-свекра.

Процедура была следующая: мужчины сидели перед трельяжем, спеленутые по горло общей простыней, укрепленной на плечах сорочек бельевыми прищепками, а Люся сновала челноком позади них — от одного затылка к другому. Наверно, все можно было сделать проще: постричь одного, затем другого, потом третьего. Но у Люси был свой, можно сказать, конвейерный метод: сначала она в целом обстригала всех по очереди, затем ровняла всем затылки, потом подравнивала височки и так далее. В трех зеркалах трельяжа отражались три покорных Самсона, беспрекословно отдавших себя в руки новоявленной Далиле.

Особенно покорно свесил повинную голову Алексей Павлович. И вокруг этой головы ножницы Люси щелкали наиболее агрессивно.

— Не вертитесь, папа! — прикрикнула Люся, хотя он и так был тише воды, ниже травы. И съязвила: — Я ведь должна выстричь из вас жениха!

Алексей Павлович виновато забубнил:

— Ну ладно, Людмила, ну какой там жених... Ну сморзил я, признаю, сморзил...

— Вот именно! Надо было намекнуть, что вы с самим

Кириловым воевали, а вы?.. Про какую-то перспективу, про женитьбу...

За отца рискнул вступиться Паша:

— Люсь, закрыта тема, ну закрыта!

— Людмила, да ты не волнуйся, — поддержал Алексей Павлович. — Ну, схожу я еще туда, потолкую. Хочешь, и ордена надену... Все!

— Спасибо, не надо. Действительно, тема закрыта. Звонила Симочка: наклеывается более интересный обмен.

Пощелкивая ножницами, Люся прошла за спинами клиентов, оценивая собственную работу и устраняя подмеченные недостатки.

— Вот и хорошо, — с облегчением сказал Алексей Павлович. — А на меня, Людмила, ты уж не сердчай...

— За что, папа? — удивилась Люся. — Во всем виновата только я сама.

— Новое кино! — вздохнул Паша. — Виновата ты?

— А кто? Надо же быть такой идиоткой: доверить серьезное дело мужчине! Ну скажите, Луковы, вы хоть что-нибудь толковое в жизни сделали без меня?

Мужчины дружно замотали головами, заверяя на все голоса:

— Нет! Что ты, конечно... Нет-нет!

— Не вертитесь! — опять прикрикнула Люся, но уже смягченная их покорностью. — А то ухо отхвачу и отвечать не буду!

Мужчины угодливо хихикнули и послушно замерли. А Лешка вздохнул:

— Все-таки жаль, что дед не женится...

— Тебе-то, тетка, это зачем? — не понял дед.

Внук объяснил с ехидцей:

— А тогда б родители-мучители меня воспитывать бросили и на твою жену переключились!

Глава 2

В городском парке было пустынно и тихо. Ни людей в аллеях, ни голосов, ни шелеста листьев, ни щебета птиц.

Только возник где-то какой-то странный стук-перестук.

Тук! Тук! Тук! Тр-рах! И снова: тук, тук, тук-тук...

Это Алексей Павлович с тремя партнерами играл в домино на поляне за грубо сколоченным дощатым столом. И не одна это была доминошная четверка, а рядом была другая, а дальше еще и еще.

Стук-перестук звучал все громче, нарастал... За столом забивали «козла» пенсионеры. Их было человек сто, а может, и все двести — по обе стороны бесконечного стола.

Стук доминошных костяшек напоминал пулеметные очереди и даже перерастал в гул орудий дальнобойной артиллерии. Но вдруг он оборвался. На месте, где только что сидел Алексей Павлович, восседал козел. Живой, натуральный, с противной седой бородкой. Он грохнул по столу копытом с доминошным дублем шесть-шесть, отвратительно заблеял...

И Алексей Павлович проснулся. Уставился прямо перед собой глазами, расширенными кошмарным видением. Потом робко покосился — не видел ли кто, что он уснул?

Нет, все было в порядке. Сын и внук увлеченно следили за порхающей по экрану фигуристкой в лиловом трико. Дед облегченно выдохнул и тоже уставился на экран.

А Люся в строгом вечернем платье мучилась перед зеркалом сомнениями, по сравнению с которыми гамлетовские сомнения были простеньким кроссвордом: она то набрасывала на шею цепочку, то прикалывала у ворота платья брошь, то опять набрасывала, то вновь прикалывала... И наконец взмолилась:

— Паша! Ты как считаешь, сюда хорошо брошку?

Дело в том, что сегодня Люсю и Пашу ожидала встреча с прекрасным — в город на гастроли нагрянул столичный театр. Паша подсуетился насчет билетов, Люся саморучно сварганила к этому дню вполне миленькое платьице. И вот сейчас она собиралась на выход.

— Паша! — нетерпеливо повторила Люся. — Как сюда брошка — хорошо?

Паша, не отрываясь от телевизора, ответил:

— Брошка — хорошо!

Но Люся, вложившая душу в эпизод классической роли — «жена в трудную минуту обращается за советом к мужу», не удовлетворилась лаконичностью текста партнера.

— А может, лучше цепочку?

— Цепочку — лучше, — с той же готовностью подтвердил Паша.

Он продолжал сидеть лицом к телевизору, спиной к жене, и это спасло ему жизнь: иначе он был бы испепелен взглядом Люси.

На экране лиловую фигуристку сменила бордовая.

Люся огромным усилием воли удержалась от дальнейшего продолжения дискуссии с мужем, решительно и бесповоротно приколола брошь и обратилась к мужчинам:

— Ну как?

Все трое, не оборачиваясь, вскинули над головой большие пальцы.

— Во!

Это было уже слишком. Люся так нажала на кнопку телевизора, что он качнулся на тонких ножках. Фигуристка растаяла на экране.

— Луковы! — воскликнула Люся. — Вы можете хоть раз в жизни оторваться от своего ящика? Можете заметить, что, кроме этих красоток, существует живая женщина? Которая на вас пашет, кормит, поит, одевает...

У нее было еще много чего сказать. И она бы все это высказала. Но мужчины были не лыком шиты.

— Люсь! — прервал ее Паша, преувеличенно широко разводя руками. — Люсь, ты ж просто королева!

— Королева красоты! — подобострастно уточнил Алексей Павлович.

— Мама! — Лешка небрежно кивнул на экран. — Эти мымры тебе в подметки не годятся!

Медовый поток беспардонной лести выплеснулся на Люсю, обволок ее с ног до головы, она завязла в нем по уши и смогла только вздохнуть:

— Подлизы вы, Луковы. Все как один подлизы...

— Мы? Подлизы? — благородно оскорбился Лешка. — Вот так всегда: раз в жизни скажешь правду — так тебе, конечно, не верят!

Паша почувал, что гроза миновала, и завершил операцию:

— Да нет, Люсь, ну честно, без балды, — шикарно!

— Что шикарно? — вяло сопротивлялась Люся. — В пятницу банкет у Мананы, так вот она будет шикарна. Ей Гоги из Брюсселя вечерние брюки привез!

Манана Горгуладзе была ближайшей подругой и мно-

голетней душевной болью Люси. Некто вроде дочери миллионера Вандербильда — извечной соперницы людоедки Элочки. Нет, конечно, муж Мананы, скромный советский работник госбезопасности, не мог соревноваться по части капитала с заокеанским миллионером. Но все же и он время от времени выезжал за океан по долгу чекистской службы: сопровождал в зарубежных гастролях местный симфонический оркестр. Результатом этих вояжей было обеспечение полного порядка и спокойствия гастрوليрующих советских артистов, а также обеспечение подруги жизни Мананы продукцией иноземной легкой промышленности. Но главное угнетающее отличие тандема Элочка — Вандербильд от Люся — Манана заключалось в том, что Элочка, как известно, соревновалась с Вандербильдихой заочно, созерцая ее умопомрачительные наряды лишь на журнальных картинках, а Люся вынуждена была непосредственно лицезреть выставку достижений зарубежного народного хозяйства, демонстрируемую Мананой на встречах праздников, юбилеях, вернисажах. Вот и снова в пятницу этот банкет, эти вечерние брюки из Брюсселя...

Нет, только Алексей Павлович с его глубоким знанием жизни и тонким пониманием женской души мог спасти ситуацию. И он спас.

— Брюки, конечно, хорошо, — усмехнулся Алексей Павлович. — А куда твоя Манана денет свои ноги?

Что может доставить большую радость женщине, чем неприкрытая правда о ее ближайшей подруге? Ноги у Мананы действительно не были совершенством. Скажем больше, они были весьма несовершенны: у них был недостаток длины, не компенсируемый избытком толщины. Намек Алексея Павловича был бальзамом для израненной костюмным соперничеством души Люси, и она довольно хихикнула.

Алексей Павлович немедленно закрепил успех.

— В общем, выглядишь ты, Людмила, — хоть нынче под венец!

— Спасибо, но уж второй раз я такой глупости не сделала бы. А вот вы, папа, если надумали, пожалуйста!

— Что я надумал? — не понял Алексей Павлович.

— Жениться. Вы ведь сами при народе объявили.

Нет, все-таки женщины — народ неблагодарный. Или,

как минимум, неразумный. Он ей — бальзам на душу, а она ему в ответ — соль на рану!

Паша попытался выправить положение.

— Люсь, — засмеялся он, — что, батя глупей тебя? Он же не камикадзе: сегодня — в загс, а завтра — на пенсию!

Нет, и сын оказался не деликатней невестки. Ничего себе, выручил! Алексей Павлович крутнул головой и встал.

— Чтоб ты знал, Паша, камикадзе — это самоубийца. А я, Паша, еще только жить собираюсь!

И вышел из комнаты.

Все озадаченно глядели ему вслед.

— Ну, папа, у тебя и юмор! — возмущенно сказал Лешка.

И выбежал за дедом.

Он догнал его уже на улице. Алексей Павлович шагал так размашисто, что Лешка еле поспевал за ним.

— Дед! Ну постой, дед... Ты куда?

— За пивом, — не останавливаясь, сообщил Алексей Павлович.

— Нет, ну правда, куда? Ну постой... Ты обиделся?

— Я? На что?

— Ну что они сказали, что ты вроде старый...

— А чего ж на правду обижаться? Все верно: они молодые, ты — вовсе юный, а я — уже старый.

— Да какой ты старый? Академик Зелинский в восемьдесят лет женился и еще ребенка родил!

— Кто-кто? — дед наконец остановился.

— Зелинский, академик, который изобрел противогаз. Нам химик рассказывал, когда углекислоту проходили. Вот это, говорит, ученый! Мало того, что — противогаз, так еще и женился, и родил... Вот это, говорит, сила духа!

— Чего? А-а, ну да, сила... духа...

Дед замолчал, предпочитая не развивать эту деликатную тему.

А внук снова принялся его жарко убеждать:

— Нет, ты правда не расстраивайся! Они же не хотели тебя обидеть, просто все неожиданно...

— Что неожиданно?

— Ну что ты жениться решил.

Алексей Павлович даже застонал:

— О-о! Да кто решил? Кто жениться? Да я... я ж еще даже противогоаз не изобрел!

Он усмехнулся и пошагал дальше. Но Лешка не отставал, следовал за ним вприпрыжку, успокаивая:

— Ну и ладно, ну и не решил, ну и не надо... Но только, дед, ты сейчас куда? Куда ты идешь, а?

— Да за пивом я иду, за пивом! — Дед для убедительности выхватил из кармана авоську и потряс ею. — Пиво чешское в «Поплавок» завезли, понимаешь?

А тем временем Люся заканчивала сборы в театр. Сделав окончательный выбор, она отцепила брошку и все же набросила цепочку, сунула в сумку носовой платок, хлопнула сумку, снова отщелкнула замок, добавила в сумку помаду и флакончик духов, поправила у зеркала отбившийся от общей прически локон... И все это — молча, нервно, наэлектризованно.

Паша смирно наблюдал в сторонке. И наконец попытался снять электричество, накалявшее воздух.

— Люсь, ну не дергайся... Ты, как всегда, все преувеличиваешь...

Она словно ждала этой реплики и обрадованно парировала ее:

— Нет, Луков, это ты, как всегда, все преуменьшаешь! Папа ничего не делает необдуманно. И все эти разговорчики, намеки — жених, невеста, под венец — все это не случайно!

— Допустим. Так давай прямо потолкуем с батей, все выясним...

— И он нам так же прямо все расскажет? Что я, папу не знаю? — Люся напряженно думала. — Нет, тут нужен подход... — Она вдруг просияла: — Семен Ильич, вот кто нужен!

Глава 3

Семен Ильич и Алексей Палыч были друзья детства. А также юности, зрелости и теперь вот уже и старости. Все у них было общее — одна средняя школа, одна разведрота, одна улица, один родной завод... Но были и три отличия. Первое — внешность: Алексей Павлович высок, 246

плечист, кудряв, в движениях нескор и основателен, а Семен Ильич — маленький, тощенький, ни секунды не находящийся в состоянии покоя. Второе — профессия: Алексей Павлович, как уже сказано, всю жизнь проходил в рабочем звании лекальщика, а Семен Ильич выбился в люди — стал инженером по технике безопасности. И наконец, третье их отличие — увлечение. Или, как нынче говорят, хобби. Собственно, у Алексея Павловича не было какого-то всепоглощающего одного увлечения — были ему по душе и рыбалка, и грибные походы, и мелкие поделки по дому... А вот у Семена Ильича была всего одна, но очень пламенная страсть!

Семен Ильич собирал мудрые мысли. Практически он постоянно проживал, согласно названию одного из сборников, «в мире мудрых мыслей». Крылатыми высказываниями великих людей прошлого и настоящего были набиты домашняя библиотека Семена Ильича, его записная книжка и его лысая башка.

Сборники мудрецов носили разные названия — и упомянутое «В мире мудрых мыслей», и «Крылатые слова», и «Золотые россыпи». Но содержали они, как правило, одни и те же разделы: «О человеке», «О природе», «О труде», «Об искусстве», «О любви и дружбе», «О браке и семье» и, конечно же, — «О счастье».

Состав мыслителей также имел как постоянный контингент, так и перманентный набор — в зависимости от того, какое время стояло на дворе. Неизменными в сборниках были общепризнанные мудрецы древности Платон и Аристотель, Сократ и Аристофан, философы Спиноза, Декарт и Вольтер, а также отечественные и зарубежные писатели Толстой и Стендаль, Чехов и Бальзак, Горький и Диккенс. Со временем в сборники стали проникать и более сомнительные имена — Даниила Заточника и Эразма Роттердамского, Мишеля Монтеня и даже Зигмунда Фрейда. А по именам публикуемых в сборниках политических мыслителей можно было, не заглядывая в исходные данные, устанавливать годы их издания. Один том основательно покоился на мудрых мыслях Сталина и цитатах Мао Цзэдуна, в следующем выяснялось, что истинными мудрецами являются вовсе не они, а Никита Хрущев и Владислав Гомулка, а еще в следующем с мудростью Бебе-

ля, Достоевского и Рабиндраната Тагора могли сравниться лишь перлы Брежнева, Гусака и Хо Ши Мина.

Семен Ильич с наслаждением купался в этом море — нет, даже океане — мудрости. Он помнил все, сказанное ими. И не просто помнил, не просто жадно копил чужую мудрость, а всегда был готов поделиться своими несчетными богатствами с близкими и далекими ему людьми. И делился. Доводя и далеких, и — особенно — близких порой до белого каления. Ибо не существовало, наверно, в жизни ни единой ситуации, по поводу которой не высказался бы хоть кто-нибудь из великих. И Семен Ильич был всегда готов услужливо сообщить, как именно этот великий высказался.

Вот и сейчас, когда на скверике заводского двора Алексей Павлович — в промасленной спецовке и Семен Ильич — в костюме с нарукавниками, запивали кефиром бутерброды и играли в шахматы, Алексей Павлович сидел на скамейке, размышляя над партией, а Семен Ильич нетерпеливо приплясывал и выкрикивал, перекрывая шум ползущего по двору старенького паровозика с платформой чугунных болванок:

— «Старость мужчины — это когда вид красивой девушки вызывает только воспоминание, а не надежду!» Ничего сказано? Да? Нет?

Выпалив этот многозначительный афоризм, Семен Ильич пристально проследил выражение лица Алексея Павловича. Но оно было лишь сосредоточено раздумьем над ходом. Он передвинул фигуру и проворчал:

— Отстань, Сенька, мешаешь думать своими глупостями!

Возмущение Семена Ильича было неопишимо.

— Глупости?! Это не глупости, это мудрости! Хотя, к сожалению, и не мои, а других — но тоже толковых — людей.

— Ходи давай! — перебил Алексей Павлович.

Семен Ильич кинул быстрый взгляд на доску и небрежно сделал ход.

— Шах!

Алексей Павлович крайне удивился и озадаченно уткнулся в доску. А Семен Ильич снова запрыгал у скамейки, приговаривая потише, потому что паровозик уже уполз:

— Ты скучно живешь, Леша! У тебя же, кроме работы, нет никаких жизненных интересов. Или... есть?

Этот, по его мнению, коварный вопрос Семен Ильич задал исподтишка и выжидательно уставился хитрым глазом на Алексея Павловича. Тот, склонясь над доской, отвечал на вопрос вопросом:

— А у тебя?

— У меня? Ты прекрасно знаешь: я погружен в мир мудрых мыслей, я их читаю и упиваюсь, читаю и блаженствую, читаю и...

— Ходи, читатель!

Алексей Павлович не слишком уверенно переставил слона. Семен Ильич, почти не глядя, шагнул ладьей и продолжил:

— Это великое дело! Можно написать, к примеру, целый роман «Анна Каренина», а можно сказать лишь одну фразу: «В любви теряют рассудок, в браке замечают эту потерю!» Да? Нет?

Но и очередной контрольный вопрос не дал желаемой реакции Алексея Павловича — он был погружен в позицию на доске. Однако Семен Ильич не сдавался.

— Или вот: «Только первая страница брачной книги написана стихами, все остальные — суровой прозой!»

Алексей Павлович наконец полюбопытствовал:

— Слушай, Сеня, что за тематика у твоих мудрых мыслей?

— А что? Что? — Семен Ильич подпрыгнул от охотничьего возбуждения.

— Ну все про... это самое. А про что-нибудь другое твои мудрецы высказывались? Или ты подбираешь по своему интересу?

— По моему?!

Семен Ильич так вознегодовал, что чуть было не выложил все о том, по чьему именно интересу, устремленному в последнее время во вполне определенном направлении, он вынужден сегодня подбирать афоризмы. Но сдержался и объяснил нейтрально:

— Да нет, это я для примера... Просто одна из моря мудрых мыслей.

— А-а, ну если только одна...

Алексей Павлович задумался над очередным ходом, поднял ферзя, но окончательно переставить его не решал-

ся, все вертел беленькую фигурку в пальцах. Семен Ильич пристально понаблюдал за ним и сказал вкрадчиво, как коварная кошка, подбирающаяся к бедной мышке:

— Леша... Вот у тебя в руках королева...

— Королева, королева, — рассеянно подтвердил Алексей Павлович.

— А какие мысли приходят тебе в голову... ну что ты, так сказать, ощущаешь, держа в руках королеву?

Алексей Павлович вытаращился на друга.

— Сенька! Ты о чем?

— А о чем? — сделал невинные глазки Семен Ильич.

Алексей Павлович помедлил и сказал осторожно:

— Ты прости, но, может, ты не совсем... здоров? Какие-то у тебя... ассоциации. Что с тобой, Сеня?

— Со мной?! — возмутился Семен Ильич. — Это с тобой что?

Он даже прихлопнул рот ладонью, но слово уже вылетело. Алексей Павлович потемнел лицом и разом смел фигуры с доски.

— А ну выкладывай!

— Что?

— Все выкладывай, все! Он меня на кривой козе объезжает, а я ушами хлопаю... Ну? Людмила моя тебя натравила?

Семен Ильич сокрушенно кивнул и выложил все. Прото, как необычайно взволнованная Люся позвонила ему, как рассказала про странные намеки Алексея Павловича на загадочную женитьбу, как умоляла тонко и ненавязчиво выведать у старого друга его ближайшие житейские — и в частности, матримониальные — планы.

— А ты и рад стараться?

Семен Ильич только развел руками.

— Хоро-ош друг!

Семен Ильич пристыженно потупился. И вдруг спросил с детским любопытством и, пожалуй, некоторым даже ужасом:

— Леш, а ты правда женишься? Да? Нет?

Алексей Павлович расхохотался над его перепутом.

— Ну дружок, ну ровесник! А ты и представить себе не можешь? Ты что, уже по этой части... отпал?

— Я?! — оскорбился Семен Ильич. — Да я еще... Ого-го!

Алексей Павлович с ухмылкой наблюдал распетушившегося друга. Допотопный паровозик, надрывно пыхтя, снова потащил через двор платформу чугунных болванок. Алексей Павлович погасил улыбку и тихо спросил:

— Сень, неужели мы уже старики?

— Да кто тебе такое сказал!

— Сказали, Сеня. И в бесперспективные меня тут списали, и дома про годы намекнули...

— А ты не слушай никого! К нам еще придет второе дыхание!

Похоже, этот лозунг мало вдохновил Алексея Павловича, он остался задумчив. Да и Семен Ильич после паузы был вынужден признать:

— Правда, как говорится, «иногда второе дыхание приходит с последним вздохом».

— Еще одна мудрая мысль — убью! — спокойно, но твердо пообещал Алексей Павлович.

— Ладно, давай без мудрых мыслей. Давай спокойно: мы еще в полном порядке. И что бы там они все ни говорили...

— Да не в них дело, — перебил Алексей Павлович. — Я сам боюсь, ох боюсь, Сеня, не превратиться бы в козла!

— В какого... козла?

— Ну, сон мне один приснился... Понимаешь, вроде все как прежде — хоть на работе, хоть дома, хоть на рыбалке. А чую: все не то — сдаю!

Алексей Павлович, чуть поколебавшись, признался:

— Не поверишь, Сеня, я у телевизора уснул!

— Ну и что? — горячо утешил Семен Ильич. — У телевизора — это нормально. Устал и уснул. — Но вдруг добавил грустно: — А я, Леша, хуже... Я в кинотеатре уснул!

— Вот это как раз нормально, — теперь принялся утешать друга Алексей Павлович. — Как не уснуть — такие фильмы делают...

— Ну да, вали на серого!

Нет, не выходило как-то со взаимными утешениями. Оба невесело умолкли. Потом Алексей Павлович сказал еще грустнее:

— А главное, как бы-быстро все! Только вроде вчера мы с тобой к девкам бегали, на войну уходили... А вот уже и отбегались, отвоевались...

Семен Ильич сделал последнюю отчаянную попытку:

— Алексей, я тебя не узнаю! Ты-то чего плачешься? И дома первый человек, и на заводе! На пенсию попросишься — директор за тобой на пузе поползет...

То, чего не смогли сделать дружеские утешения, сделало одно упоминание о пенсионной перспективе — Алексей Павлович разозлился и в результате ободрился.

— Фиг им — пенсию! Заслуженный отдых, спокойная старость? — Он погрозил неведомо кому, а скорее всего — сразу всем: — Не дождутся они от меня этого!

— Ну и правильно, — обрадовался Семен Ильич. — А вот я действительно... Начальница спит и видит меня на пенсии — ставку бы ей освободить. И осколок в руке ноет, и вообще — как мокрая курица...

Ну, тут уж дело пошло на принцип фронтового братства — сам погибай, а товарища выручай! Алексей Павлович хлопнул друга по плечу.

— Да ты что, Семен! Какая же ты курица? Орел! Я всю жизнь бодрости твоей завидовал и оптимизму! Ты ж у нас Сенька-встанька, тебя так запросто не уложишь!

— Да ладно...

— Чего ладно! На тебя все бабы оглядываются!

— Думаешь? — слегка оживился Семен Ильич.

— Вижу! — заверил Алексей Павлович.

Да, все-таки взаимоподдержка сработала: после работы два старых друга бодро шагали по бульвару, улыбаясь чему-то своему и довольно жмурясь — то ли от бившего в глаза закатного солнца, то ли от обилия и красоты шедших навстречу женщин.

А женщины были действительно прекрасны, как бывают прекрасны женщины на исходе лета, когда их открытые плечи, шеи, руки потеряли зимне-весеннюю городскую бледность и обрели послеотпускной загар. Озорные глаза, летящие по ветру волосы, очевидные под мини и угадывающиеся под макси колени... Какой волшебный хоровод! Друзья улыбались женщинам, и представьте, женщины отвечали на их улыбки, а некоторые еще и оглядывались — видно, все-таки было в этих двух бодро шагавших, пусть немолодых, но и не таких уж древних мужчинах нечто для женщин магнетическое.

Выйдя с бульвара, они простились. Семен Ильич по-

шагал дальше, Алексей Павлович с молодцеватой легкостью — через ступеньку — впрыгнул в трамвай.

Здесь женщины тоже были очаровательны. Особенно одна — уже не девчонка, но совсем еще юная, сидевшая у окошка. Алексей Павлович откровенно залюбовался ею. И она почувствовала его взгляд, оторвалась от окна, обернулась. Он радостно улыбнулся ей. А она улыбнулась смущенно. И вскочила.

— Ой, извините, я засмотрелась... Садитесь, дедушка!

Расправленные плечи Алексея Павловича мигом опали. Пиджак осел мешком. Он пробормотал нечто невразумительное и поспешил вперед по проходу трамвая. Он бы сбежал и куда подальше, но дальше была уже только кабина вагоновожатого. Так что Алексею Павловичу пришлось притормозить у стеклянной двери с табличкой «Разговаривать с водителем строго воспрещается!».

Глава 4

В пятницу вечером Алексей Павлович получил сообщение по оперативному каналу: в «Поплавок» опять завезли чешское пиво. Оперативным каналом служил ресторанный швейцар Савельич — пусть и не однополчанин, но все одно тоже старый вояка. Полученная от него информация не была информацией к размышлению, а являлась призывом к действию. Потому что как это золотистое ароматное чудо из братской социалистической страны неожиданно появилось, так неожиданно могло и исчезнуть. Алексей Павлович сунул в карман боевую авоську и поспешил в «Поплавок».

Почему в этом абсолютно сухопутном городе ресторану было дано такое водное наименование, не знал никто. Одни остряки утверждали, что слово «поплавок» — есть символ состояния «одиночного плавания» отдельных гостей после посещения этого заведения. Другие всерьез уверяли, что ресторан был назван так потому, что в городе как-то сложилась традиция выпускников высших учебных заведений именно здесь «обмывать» дипломы и полагающиеся к ним значки-ромбики, именуемые «поплавками».

Одно время — то ли к славному пятидесятилетию, то ли к еще более славному шестидесятилетию страны — «Поплавок» был переименован в «Юбилейный». Но помпез-

ное название не привилось, горожане упорно употребляли прежнее наименование, да и отцы города запоздало, но все же сообразили, что это заведение — не лучшее место для увековечивания достижений страны, и ресторану вернули былое имя.

С этим именем он и жил, и функционировал в сети общественного питания. Но в наши дни, в эпоху ликвидации застоя и застоля, он получил новое гордое наименование — правда, не на горящей синим пламенем неоновой вывеске, а в устах народных. Его гордо нарекли «последний очаг сопротивления». Потому что «Поплавок» стал единственным рестораном в городе с подачей горячительных напитков. А также, как отмечено выше, с периодическим завозом чешского пива.

Вот Алексей Павлович за пивом и отправился. Швейцар Савельич приоткрыл решетчатые ворота ресторана, впустил его в щель и ловко оттер плечом прочих страждущих.

Алексей Павлович вошел в зал. На эстраде гремел оркестр, на пятачке перед ним отплясывали гости, за столиками шла гульба. Наша, отечественная. Это вам не зарубеж какой-то с чинными клиентами, неслышно скользящими и возникающими (прежде чем вы успели их не то что позвать, но хотя бы о них подумать) официантами и с тихой ненавязчивой музыкой... Нет, у нас — даешь децибелы, даешь дым коромыслом, даешь «Одессу-маму»... А иначе чего ж в ресторан ходить — дома, что ли, кушать нечего!

Алексей Павлович, деликатно огибая разбушевавшихся танцоров, прокладывал путь ко входу в буфет. И вдруг замер: на него удивленно глядели родные лица — Паша и Люся. Лица эти находились за банкетным столом, возглавляемым той самой извечной Люсиной соперницей Мананой. Ее легендарные вечерние брюки из Брюсселя были не видны из-за стола, но зато блузка очень смотрелась: вся в белоснежных — и тоже, вероятно, брюссельских — кружевах.

Алексей Павлович хотел было «не заметить» родственников, но Люся следила за ним с таким напряженным интересом, что... у него зачесалась переносица. А это означало, что сейчас он что-нибудь выкинет. Так было и в детстве, и в юности — как только Алексея Павловича, да нет,

поначалу просто Лешку, потом Алексея, неожиданно подмывало на какое-то непредсказуемое и необъяснимое действие, из тех, что именуются «отмочить» или «отчебучить», так у него тут же начинала отчаянно чесаться переносица. Феномен необъяснимый, но симптом неотвратимый. Вот и сейчас Алексей Павлович, почуяв зуд в переносице, даже не попытался его унять — пустое занятие! — а быстро огляделся, заметил в углу маленький столик, за которым сидела одна женщина, лет тридцати пяти, и решительно направился к ней.

— Добрый вечер!

— Добрый... — она удивленно припоминала, знакома ли с ним.

Алексей Павлович помедлил, ощущая спиной неотрывные взоры озадаченных родственников. И брякнул:

— Улыбнитесь мне, пожалуйста!

— Что-о? — опешила женщина.

— Улыбнитесь мне, как старому знакомому, ну пожалуйста, очень надо!

Она колебалась, приглядывалась. Вроде вполне приличный человек в летах, на алкаша не похож, на приставалу тем более... Может, ему и впрямь для чего-то позарез нужно, чтобы она ему улыбнулась? Ну, пожалуйста, не жалко — она выдавила широкую почти естественную улыбку.

— Благодарю! — обрадовался он и присел к ее столу.

Женщина не возражала, послушно держала улыбку на лице.

— Вы меня не бойтесь, — успокоил Алексей Павлович.

— А я и не боюсь, — промолвила она сквозь сияющие зубы. — Мне еще долго улыбаться?

— Ох, простите, все, все, хватит! — спохватился он. — Спасибо вам огромное!

— Не за что. — Она глянула насмешливо. — Чем еще могу помочь?

— Нет-нет, больше ничего не надо. Я сейчас посижу... И сейчас пойду...

Он несколько увял, не зная, как продолжать игру. Женщина терпеливо ждала, причем уже с интересом. Он скосил глаз — Люся и Паша изумленно таращились на него издали. Это снова раззадорило его, разожгло азарт.

— Вот еще бы что еще... Еще бы потанцевать.

— Вы меня приглашаете? — уточнила она.

— Нет! — пошел он на попятный, но взял себя в руки: — То есть да, я приглашаю. А вы против?

В его вопросе была некоторая надежда. Но, видно, он тоже попал на азартную, и она перекрыла ему путь отступления.

— Почему против? Я вполне за.

И первая пошла к танцевальному пятачку. Алексей Павлович поплелся за ней, как на плаху, боязливо вслушиваясь в дикие звуки оркестра, вглядываясь в безудержно отплясывающие фигуры. К счастью, на подходе музыка стихла, и ударник объявил:

— Для нашего дорогого гостя Шалвы Георгиевича — старинное танго «Брызги шампанского»!

О, это был стиль оркестра «Поплавка» — танцы по заказу. Надо ли добавлять, что заказ подкреплялся материальным стимулированием? Время заказов наступало во второй половине ресторанного вечера. А начинался вечер чинным вальсом «Огни города», согласно утвержденной районным отделом культуры программе музыкального ансамбля. В программу входили, как было указано, «песни советских композиторов и популярные зарубежные мелодии в соотношении два к одному». То есть на каждую ихнюю песню следовало отвечать двумя нашими. Не уменьем, так числом! И в первой части вечера музыканты-хитрованы не только выполняли, но и перевыполняли это обязательство: наяривали подряд однообразные, тягучие или бойкие мелодии отечественного производства. Гостям становилось невмоготу. И вот уже кто-то первый подходил к ударнику, совал ему пятерку и что-то просительно шептал. Ударник понимающе кивал, пятерка исчезала каким-то inferнальным образом — ударник к ней зримо не прикасался — и первый раз в этот вечер звучало с кабацкой задушевностью:

— Для нашего дорогого гостя...

Дорогой гость первым горделиво выводил на пятачок свою даму — ведь он был тот, кто заказывает музыку! Танцы оживлялись, дорогие гости все дорожали — вместо пятерок в ход шли уже червонцы, заказной репертуар становился все разнообразнее, а репертуар, утвержденный отделом культуры, благополучно забывался. Вершиной игры по заказу было соревнование — с нарастанием азарта и

сумм взносов — в исполнении национальных мелодий детей разных народов: «Тбилисо», «Лезгинка» и, уж конечно, «Семь-сорок».

Однажды подобное состязание затянулось на весь вечер и стало впоследствии легендарным. Заказов в тот вечер было много, но постепенно они свелись к заявкам от двух больших компаний, сидевших в разных углах зала. То от одной, то от другой компании спешил гонец к ударнику. И один раз ударник объявлял: «Для наших дорогих гостей с Кавказа...», а другой раз: «Для уважаемого семейства Шульманов...». И снова: «Для наших дорогих гостей с Кавказа...», и опять: «Для уважаемого семейства Шульманов...». Конкурс накалялся, ставки росли, никто не хотел уступать. Уже весь ресторан следил, кто победит в этом захватывающем музыкально-финансовом поединке. Победила дружба. Последним было объявление: «Для уважаемого семейства Шульманов... — ударник сделал паузу и завершил: — ...от наших дорогих гостей с Кавказа!»

Вот какой был в «Поплавке» оркестр. И сейчас он вновь звучал на победной кавказской волне:

— Для нашего уважаемого гостя Шалвы Георгиевича — старинное танго «Брызги шампанского»!

Пожилой красавец — волосы соль с черным перцем — вывел на пяточок пышнотелую блондинку. Алексей Павлович пристроился со своей дамой следом за ним. Он видел при этом, как Люся выдергивала Пашу из-за стола, а Паша упрямылся, но Люся победила, и они влились в ряды танцующих. Паша хотел было, как положено, вести жену, но она овладела инициативой и сама его повела так, чтобы все время держать в поле зрения Алексея Павловича с партнершей.

Алексей Павлович начал танец скованно, с трудом вспоминая основательно подзабытое занятие. Но женщина в его руках была послушна и подбодрила его комплиментом:

— А вы ничего водите!

Оценка его усилий мобилизовала Алексея Павловича, и он уже более уверенно повел ее мимо стреляющей глазами Люси. Да и сами «Брызги шампанского» были мелодией юности не только импозантного заказчика Шалвы Георгиевича, но и самого Алексея Павловича. Под эти «брызги» он танцевал когда-то со своей незабвенной Ва-

рей, дорогой женой Варварой Матвеевной... Воспоминания юности еще более вдохновили его, и он даже позволил себе фигуру — «выход» в довоенном стиле. Но тут музыка кончилась.

Люся под финал танца точно вывела Пашу к отцу.

— Добрый вечер! — улыбнулась Люся.

— Здравствуй, Людмилочка! — небрежно кивнул Алексей Павлович.

И галантно, под ручку, повел свою партнершу к столу. А она с интересом оглянулась на оцепеневшую Люсю.

Алексей Павлович так же галантно пододвинул стул, усадил ее и опять снис, не зная, как быть дальше. Она взяла со стола набитый пластиковый пакет, появившийся там, пока они танцевали.

— Ну, мне пора... Я только за апельсинами заходила к подружке. Работаю тут напротив — в Доме обуви.

— А-а... Я тоже — только за пивом. Извините, задержал вас.

— Ничего, ничего, приятно было познакомиться.

— Так мы ж вроде и не знакомились.

— Верно, — засмеялась она. — Меня зовут Наташа.

— Алексей... Павлович.

— Вот теперь действительно очень приятно!

— Да?

Он глянул на Люсю с Пашей, тараторивших на него с танцевального пяточка, и расхрабрился.

— А давайте за знакомство — шампанского!

— Давайте, — легко согласилась Наташа.

Алексей Павлович адресовал официанту совсем уж гусарский взмах руки:

— Шампанского!

Люся рванулась от оркестра к ним.

— Я сейчас...

— Стой! — вцепился в ее руку Паша.

— Пусти, я только скажу... я ей все скажу...

— Она-то при чем?

— Как это при чем? Именно она... О-о!

Люся простонала, увидев, как официант принес шампанское и хотел откупорить бутылку, но Алексей Павлович забрал ее и сам шумно пустил пробку в потолок. Наташа смеялась.

— Дрянь! — прошипела Люся. — Она ж ему в дочки годится! Нет — во внучки!

— Люсь, не загибай...

— Я загибаю? Значит, эта мымра тебя вполне устраивает? Значит, эта твоя красотка...

— Моя?! — отшатнулся Паша. — При чем тут я?

— При том, Луков! Все вы, Луковы, при том, что...

При чем тут все Луковы мира — осталось неизвестным, потому что снова грянула музыка и споривших супругов поглотил вал хлынувших на пятачок танцоров.

Но Алексей Павлович уже больше на них и не оглядывался. Он лихо разливал шампанское, Наташа гасила пшпшщую пену в бокале металлической проволокой от бутылочной пробки, а он произносил тост, и бокалы их со звоном сходились, и играла музыка.

А потом был второй тост, и второй бокал.

А потом они снова танцевали — медленный фокстрот, который сыграли как по заказу — вернее, именно по заказу все того же Шалвы Георгиевича.

А потом они допили шампанское.

А потом Паша с Люсей беспомощно-гневно наблюдали, как их почтенный родитель, ведя под руку молодую женщину, не слишком твердым шагом покинул ресторанный зал.

На воздухе Алексей Павлович несколько поостыл. В прямом и в переносном смысле. И нерешительно оглядывал улицу в поисках выхода из сложившейся ситуации. А Наташа весело щебетала:

— Какой вечер, какой прелестный вечер! Я бы с удовольствием прогулялась...

Он воспринял это как подсказку и вновь загусарил:

— Позвольте проводить?

— Конечно! Я вас дома кофе напою — бразильским.

Он опять дал слабину:

— Спасибо, но кофе на ночь глядя...

— Ну тогда чай. У меня индийский — «три слона», подружка из кондитерского снабжает!

Но в результате было — и не кофе, и не чай, а бутылка благородного «Цинандали» — тоже, наверно, продукт снабжения очередной Наташиной подружки из гастроно-

ма или другого заведения сферы торговли или сферы обслуживания, живущих нынче по принципу «Пролетарии всех сфер, объединяйтесь!».

«Цинандали» — наполовину осушенное — стояло на столике, возле магнитофона. Из аппарата неслась обволакивающая мелодия, и вновь Алексей Павлович с Наташей танцевали. Она расслабленно уткнулась лбом в его плечо и прикрыла глаза. Он бережно вел ее, млея от восторга. Кудрявый завиток на виске Наташи был так близок, так неотразимо манил к себе... Но за стеной раздался детский плач.

— Ой, Тamarочка проснулась!

— К-кто? — заикнулся от неожиданности Алексей Павлович.

Наташа выключила магнитофон и убежала в другую комнату.

Алексей Павлович постоял, огорошенный таким поворотом событий. Огляделся. Комнатушка была маленькая, по-деревенски увешанная семейными фотографиями. Внимание Алексея Павловича привлекла одна: молоденький курносый паренек в солдатской форме минувшей войны.

— Это мой дедушка... — Наташа неслышно появилась позади него. — Смех, да? Если он дедушка, так я уже бабушка, верно?

Алексей Павлович задумчиво глядел на фотографию. И сказал неожиданно для себя самого:

— Верно... дочка.

Но она не заметила смену его настроения, щебетала свое:

— Бабушка не бабушка, а мамка я никудышная — даже не сказала вам про Тamarочку! Она у меня умница: пять лет, а сама спать ложится.

— А-а...? — замялся Алексей Павлович.

— Отец? — Наташа весело махнула рукой. — Отец-молodeц! — И закончила неожиданно: — Но — подлец!

Алексей Павлович хотел еще что-то сказать, но Наташа явно не желала развития этой темы и потащила его к столу.

— Чего ж мы не пьем?

Она плеснула вина в бокалы.

— За что? — спросил он.

— А за то... Ну, за то, чтоб лето не кончалось!

Тост не слишком вдохновил Алексея Павловича, но он выпил.

Наташа опять включила магнитофон, только убавила громкость.

— Потанцуем? — и положила ему руки на плечи.

Алексей Павлович уже менее решительно повел ее. Магнитофон пел на непонятном языке, но все равно понятно — о любви. И снова ее локон маняще подрагивал у его губ. И снова Алексей Павлович сомлел, прошептал:

— Ей-богу, сон! Я здесь... И ты со мной, с таким...

— С каким с таким? — удивилась Наташа. — Вы надежный.

— Ну-ну... Вокруг вон сколько молодых...

— Кузнечики! — презрительно усмехнулась она. — Попрыгунчики безмозглые. Сейчас бы такой молодой тут, знаете... А вы — все красиво... Нет, солидный мужчина — берег надежный.

Это ему начинало как-то не нравиться, но он еще улыбнулся.

— Чего это ты все про надежность? Как в сберкассе...

— А что? Вот наша завсекцией за пенсионера вышла. Ну лет на двадцать он ее старше, так что? Она за ним как за линией Маннергейма.

— За чем? — изумился Алексей Павлович.

— Ну это чего-то военное, я не знаю, она так шутит — за линией Маннергейма. Надежно, значит. Он не пьет, не курит даже, а насчет женщин, сами понимаете, тем более...

Алексей Павлович споткнулся в танце и резко помрачнел. Однако Наташа ничего не замечала, продолжала мечтательно травить ему душу:

— А с нее какие хлопоты? Ну, кашку ему сварит, на скверике прогуляет... Ни скандалов, ни загулов, тишь, благодать. Телевизор поглядели — и зубы на полку.

— Чего?! — Алексей Павлович встал как вкопанный.

— Ну это она тоже так шутит: зубы на полку. В смысле, он на ночь свою челюсть в стакан на полку кладет. Да вы танцуйте, танцуйте...

— Спасибо, натанцевался!

Алексей Павлович рухнул в кресло. Наташа забеспокоилась.

— Что? Сердце прихватило?

— Зубы! — Он вскочил. — Зубы у меня прихватило, зубы!
И пошагал из комнаты.

Дело уже шло к полуночи. Алексей Павлович мрачно брел по обезлюдившим улицам и мысленно пригвождал себя к позорному столбу: «Козел! Старый козел! Козел дра-ный!» Он поймал себя на соображении, что в последнее время козлиная тема как-то становилась доминирующей в его сознании. Но не стал подыскивать иной формулировки, а продолжал в том же духе: «Козел! В чей огород полез — травку щипать! Поздно, чересчур зеленая для тебя уж травка, козлище поганый!»

Так он шел, попрекал и где-то даже клеймил, но вдруг поймал себя на еще одной мысли: а ведь, похоже, он попрекает и даже клеймит не без некоторого удовольствия. Ибо козел-то он, конечно, козел, а все же есть, явно есть еще порох в пороховницах!

Неизвестно, до чего бы довели его подобные скользкие размышления, но ноги уже привели его в свой двор. И он увидел в темноте на скамейке две тоненькие фигуры. Пригляделся: внук Лешка и девчонка его же лет — по-мальчишески стриженная, в джинсах и свитерке. А-а, это ж Машка, Лешкина одноклассница и дочка бывшего одноклассника папы Паши — Николая Ветрова, ныне доцента пединститута.

— Вы чего тут делаете?

— Ничего, дед, уже по домам идем, по домам, — торопливо сообщил Лешка.

— Вовремя же вы, тезка, по домам собрались! А...

Дед только рот открыл, чтоб о чем-то спросить, но внук опередил его, коротко бросив прощание-приказ:

— Машка, пока!

Девчонка молча кивнула и молча растворилась во тьме, будто ее и вовсе тут не было. Дед так и остался с открытым ртом, с недосказанным словом. А Лешка, не давая ему опомниться, затараторил:

— Понимаешь, дед, у меня задачка не получалась, и я пошел к Машке, потому что она сочинение взяла, чтобы на химии биологию передрать, и у нас с ней было тут очень важное дело, понимаешь?

— Чего не понять, — дед с улыбкой осмысливал наговоренные внуком сорок бочек арестантов. — Все ясней ясного. Машка — очень важное дело! Но ты хоть домой звонил, чтоб не волновались?

— А папа-мама на банкете, и тебя не было. Дед, а ты откуда?

— Да я это... задержался... зубы я лечил, — пробормотал Алексей Павлович, радуясь, что в темноте не видно его лица. — Так что, наших все нет?

— Нет. Мы с Машкой уже часа два наблюдаем.

— Без отрыва от важного дела? — уколол дед.

Лешка сделал вид, что не понял подначки, заторопил:

— Ну чего мы стоим, пошли, есть хочется!

Они поднялись на свой второй этаж, вошли в квартиру, включили свет и увидели: на тумбочке в прихожей стояли вечерние туфли Люси и мокасины Паши.

— Тоже мне наблюдатель! — прошептал Алексей Павлович. — Дома они, спят уж, наверно... Тс-с!

Дед и внук, как два загулявших подростка, сбросив обувь, на цыпочках пробрались в свою комнату. Разделись, стараясь не производить шума. Дед хотел лечь, но Лешка попросил:

— Давай чайку попьем, а?

— Чайку еще ему, чайку на ночь глядя, — проворчал дед.

Но все же они — в трусах и босиком — остороженько прошлепали на кухню... и застыли. За кухонным столом сидели и смотрели на них — как сама совесть! — Люся и Паша в вечерних ресторанных нарядах. А дед с внуком — в трусах — мягко говоря, им не соответствовали.

Утром Люся на балконе не появилась. Тщетно трое Луковых, выйдя из подъезда, ожидали, задрав головы, что она, согласно семейной традиции, осенит их сверху напутственным взмахом руки. Нет, Люся не появилась. Что ж делать, Луковы отправились на свои труды дневные без благословения.

— Обиделась, — вздохнул Алексей Павлович. — Вообще-то мы, конечно, слегка того, заездили Людмилу. Ты б, Паша, хоть порадовал ее чем. Цветочков бы, что ли, принес.

— Цветочки можно, — согласился Паша. — Но это слабо. Мы вот давно в Сочи не были... Может, в Сочи съездить?

— Нет, — предложил Лешка, — лучше порадуем маму: возьмем на рыбалку. Она такую уху варит!

— Сообразил, тетка, порадовал, — укорил дед. — Мало она у плиты жарит? Нет, мы лучше вот чего... мы ей уборку выдадим, генеральную. Сюрприз!

Идея была поддержана всем мужским коллективом. И сразу успокоившись, даже как-то горделиво распрямившись, словно они эту генеральную уборку не только что задумали, а уже с блеском произвели, мужчины вышли к пустырю перед парком.

Там уже остались только три хибарки. Бульдозер урча подобрался к ближайшей, долбанул по какой-то главной опоре, так что домик от одного удара весь осел и скособочился.

Алексей Павлович тревожно глянул на крайний — резной — домишко.

— Ах ты мать честная! Заморочился я тогда в исполнении — и про дом не потолковал.

— Да-а, — вздохнул Паша. — Сколько я себя помню, столько и этот теремок.

— И я, — тоже вздохнул Лешка. — Жалко...

— Вы чего раньше времени его хороните? — пресек их вздохи Алексей Павлович. — Да я завтра же в райком!

— Завтра суббота, — напомнил Лешка.

— Ну в понедельник! В понедельник, прямо утром!

С этим твердым решением Алексей Павлович пошагал к воротам парка. Трое Луковых влились в поток спешивших на работу по центральной аллее. Потом Лешка взмахнул рукой и повернул налево. У следующего поворота Паша тоже помахал и удалился направо. А Алексей Павлович продолжил свой путь прямо. Пока не свернул на узенькую дорожку, зажатую с обеих сторон изгородью кустов.

Вскоре позади него появился знакомый розовощекий бегун. И подал загодя сигнал, оберегая пешехода от своего бурного движения.

— Дорогу, папаша!

Алексей Павлович послушно прижался к кустам. Бегун легко протопал мимо, благодарно бросив:

— Спасибо, дедуля!

И скрылся за извивом дорожки.

А Алексей Павлович пошел дальше, до пролома в стене.

Перед проломом стоял металлический решетчатый

брикет, наполненный кирпичом. Видимо, хранители порядка передвижения готовились к новому этапу борьбы за перекрытие народной тропы. Но пока что пролом еще был свободен, и Алексей Павлович, привычно оглядевшись — не видит ли кто? — шмыгнул в дыру, вынырнул за стеной и оказался на улице... у ног строгой женщины Поповой из жилищной комиссии исполкома. Он — в пыли и на четвереньках, она — в белоснежном халате, возле машины «Скорой помощи». Несколько секунд они онемело глядели друг на друга.

Наконец Алексей Павлович поднялся с четверенок и сказал:

— Здрасьте!

— Доброе утро! — сухо ответила Попова.

И опять возникла пауза. Алексей Павлович потоптался на месте.

— До свиданья!

— Всего доброго, — кивнула Попова.

Он пошел по улице. Она открыла дверцу, собираясь сесть в машину. Но вдруг он вернулся.

— Извините, я все гляжу и думаю: это вы или не вы?

— Это я.

— Ага... Здравствуйте!

— Вы это уже говорили.

— Ну да... Но я вас как-то сразу и не признал...

— Зато я вас узнала сразу.

Она насмешливо покосилась на пролом. Он неловко засуетился, пробормотал:

— Я вот чего... я сказать хотел: вы уж извините меня...

— Да пожалуйста! — перебила она. — Если вам нравится, лазайте на здоровье... до первого милиционера.

— Да я не про это! — огорчился он. — Я говорю: извините, что так на комиссии вышло. Ей-богу, не хотел я вас обидеть...

— О чем вы? Я и не думала обижаться.

— Правда? — обрадовался он.

— Абсолютно. Я же все понимаю. Как медик.

— Что... как медик?

— Ну, я понимаю: неkoordinированный контроль над собой.

— Почему это неко... неkoordinированный? — опешил он.

— Вполне обычное дело, — успокоила Попова. — Нормальное возрастное явление в ваши годы...

— Будьте здоровы! — гневно оборвал Алексей Павлович.

И пошагал, как мог широко, к заводским воротам.

Глава 5

Знаете ли вы, что такое мужская уборка в доме? Нет, хочется верить, что вы не знаете этого. И очень хорошо, если не знаете. Потому что имя мужской уборке — бедлам, кошмар, монгольское нашествие... ну, дальше можете сами подобрать определения по аналогии.

Прежде всего, в мужской уборке нет никакой системы, порядка, осмысленной очередности процесса. Главное в ней — сначала все «разрушить до основания, а затем»... Затем уже, как бог на душу положит, собрать из руин нечто благообразное.

Половину дела, первый этап Луковы уже осуществили: квартира была разорена до основания. Мебель сдвинута и перевернута, содержимое холодильника вывалено на пол, со стен сняты фотографии, с окон сдернуты шторы. Теперь предстояло за те полдня, на которые Люся была хитроумно спроважена на дачу к подруге Манане, выполнить вторую часть грандиозного плана преобразования квартиры — привести все в божеский вид.

Алексей Павлович пылесосил ковер, пытаясь увернуться от его шланга, который норовил обвить змеей его ноги.

Паша мыл окна, искренне недоумевая, отчего после проведения по стеклу тряпкой на нем остается больше грязи, чем было до того.

Лешка собрал в охапку оконные шторы и понес их вытряхивать во двор. На пороге он с нескрываемым удовлетворением оглянулся на панораму квартиры.

— Вот мама обрадуется: приходит — а дома чистота!

— Чистота и порядок, — подтвердил Паша.

— Шик, блеск, красота! — заключил Алексей Павлович.

Окружающая обстановка делала весьма сомнительными их оптимистические прогнозы. Но, видимо, трое Луковых обладали единым редчайшим даром: провидеть в настоящем хаосе грядущую гармонию.

Лешка со шторами пошел к двери. Но его остановил звонок.

— Вернулась! — ахнул Алексей Павлович.

— Не успели! — огорчился Паша.

— Ну да, дождь пошел, — уныло сказал Лешка. — Чего в дождь на даче сидеть...

Звонок повторился. Резче, требовательнее.

— Что делаем? — спросил Лешка.

— «Что», «что»... — проворчал Алексей Павлович. — Иди открывай.

Внук ушел открывать дверь. Дед и отец обреченно ждали появления Люси.

Но появилась не она. Вошел солидный сорокалетний человек в солидном костюме при галстуке и солидных роговых очках. Вошел и замер при виде картины разрухи.

Если у Люси, как вы уже знаете, была подруга Манана — извечная соперница по части внешнего облика, то у Паши был школьный друг Николай — вечный пример по части внутреннего содержания. В отличие от — возможно, и одаренного, но явно безалаберного — Паши, друг Николай — возможно, и не слишком одаренный, но крайне целеустремленный, — защитил диссертацию и пребывал в должности доцента педагогического института. Это обстоятельство не давало покоя Люсе, пожалуй, даже более, чем конкурентные наряды Мананы. Имя Николая стало притчей на ее устах. Трудно назвать конфликтную житейскую ситуацию, в которой бы Люся упустила случай поддеть Пашу: «А вот Николай... А вот у Николая... А вот если бы ты с Николаем...»

Так бедный друг Николай, не повинный ни в чем, кроме своей житейской прилежности, невольно стал для Паши заклятым другом, или, если хотите, закадычным врагом, с которым хотелось видиться как можно реже, а лучше бы не видиться совсем. Но совсем не видеться они не могли. Во-первых, все-таки школьные друзья, а во-вторых, как вы, возможно, помните по ночной встрече во дворе, уже возникла дружба следующих поколений одноклассников: сына Паши — Лешки и Маши — дочери Николая.

И вот Николай вошел в дом друзей. Вошел и замер при виде того, во что этот дом превратился усилиями генеральных уборщиков. Он замер, а они так обрадовались,

как, наверно, никогда еще в этом доме не были рады ему — Николаю.

— Это ты?! — завопил Паша. — А мы боялись — Люська! Мы ж ей, видишь, уборочку устроили — сюрприз, понимаешь?

Николай оправился от первого потрясения и сказал холодно:

— Сюрприз. Понимаю. Я к вам тоже — с сюрпризом. Павел, мне решительно надо с тобой поговорить! Твой Алексей... Алексей, где ты?

Только теперь все заметили, что как Лешка ушел открывать дверь, так и не вернулся. И на призыв Николая ответом было молчание.

Тогда строго позвал папа Паша:

— Лешка!

Молчание было и ему ответом. Тогда уже сурово прикрикнул дед:

— Тезка, а ну явись!

Прежде чем Лешка явился, прошло еще несколько секунд. Причем все смотрели в прихожую, куда он уходил, а Лешка возник позади них из своей комнаты. Как он там очутился, осталось загадкой.

— Чего, дед? — с невинным видом поинтересовался он.

— Павел, мне решительно надо с тобой поговорить, — повторил Николай.

— А-а, — сказал Лешка, — так я не нужен...

И собрался опять ускользнуть. Но Николай схватил его за руку.

— Нет, юноша, вы-то именно и нужны! Все, Павел, чаша моего терпения переполнена: недавно Мария явилась в двенадцатом часу ночи!

Алексею Павловичу было как-то не по душе это величание всех высокопарно полными именами — Павел, Алексей, Мария... Он попытался снизить дипломатический уровень переговоров:

— А-а, видал я их с Машкой. Ворковали во дворе.

— Ворковали? — саркастически переспросил Николай. — Нет, они не ворковали, а скрывались от справедливого возмездия!

Дед и отец удивленно повернулись к внуку, Лешка выносил все это молча, с видом оскорбленной невинности.

Тогда они повернулись к Николаю в ожидании объяснений. И он их дал.

Оказалось следующее: вечером в многоэтажной башне, где проживал Николай, Лешка с Машкой затащили в лифт — большой, грузовой — журнальный столик, два кресла, торшер. Затем расположились в кабине по-домашнему: Лешка — в трусах и майке, Машка — в мамином халате с павлинами, оба — с газетами в руках. И когда проживающий в этом же доме академик Удалевич вызвал лифт и кабина открылась, он решил, что попал в чужую квартиру. Академические мозги хотя и предприняли напряженное мыслительное усилие, но не сумели совместить факт нажатия кнопки общественного лифта с фактом попадания в частное жилище. И академик на несколько мгновений потерял сознание.

Несмотря на весь трагизм информации, дед и отец Луковы не удержались от улыбки. Николай был оскорблен.

— Вам смешно?!

— Действительно, Пашка, чего ржешь? — с трудом по-серьезнел Алексей Павлович.

— Да уж чего смешного! — спохватился Паша и переадресовал праведный гнев Лешке. — Ты зачем это устроил — академика в обморок...

— Павел, — перебил отдохнувший после рассказа Николай. — Я не желаю никаких выяснений. Я только пришел попросить, нет, потребовать, чтобы Алексей прекратил всяческие контакты с Марией!

Решительный меморандум был предъявлен. Теперь требовался ответ противоположной стороны.

— Николай, — начал Паша, — ты все же растолкуй, что он там еще натворил?

— О-о, это будет долгая повесть!

Голос Николая окреп, стал как-то по-особому внятен, сразу видно — доцент не какого-нибудь там, а именно педагогического института.

— Начнем с того, что Алексей сорвал участие Марии в математической олимпиаде. Увез ее якобы по грибы...

— Что я, силой, что ли, ее увез? — возмутился Лешка.

— Помолчи! — хором оборвали его отец и дед.

А Николай продолжил печальный перечень Лешкиных грехов. Прежде всего, он научил Марию играть на дурацкой гитаре, и теперь она целыми днями бренчит на ней.

нарушая тишину и покой доцентских пенатов. Затем, используя математический талант Марии, он подбил ее решить все задачи по программе на год вперед. Распечатал решения для всего класса, и теперь учитель математики просто плачет от бессилия. И наконец, Лешка чуть физически не погубил Марию: заставил ее сидеть в реке под водой — кто дольше высидит. И Мария чуть не задохнулась, потому что Лешка играл нечестно: он дышал через какое-то приспособление.

При этом сообщении Алексей Павлович — автор преступного приспособления — сконфуженно потупил очи. Но Николай не обратил на это внимания и подытожил:

— В общем, мне очень неприятно, Павел, но я вынужден категорически настаивать на прекращении всяческих контактов Алексея с Марией!

И повернулся, считая свою миссию оконченной.

— погоди, Николай, — остановил Алексей Павлович. — А ты, тезка, передохни неподалеку. До вызова на ковер. Лешка с облегчением исчез в соседней комнате.

Паша попробовал выдвинуть более общепонятную версию происходящего:

— Коль, может, ты немного... ну, драматизируешь? Мальчишка, девчонка — дело такое...

Но Николай эту примитивную версию отверг:

— Если бы! Было бы прекрасно и нормально, если бы речь шла о первом чувстве... Но этого и в помине нет! Нет ни мальчишки, ни девчонки, а есть дуэт хулиганов, дуэт неуправляемых личностей, и первую скрипку в нем, извините, играет ваш Алексей! Вот почему я категорически настаиваю...

— Это ты уже говорил, — напомнил Алексей Павлович.

— Да-да. И вы очень педагогично удалили Алексея. Давайте сначала обсудим поведение ребенка на нашем уровне...

— Ребенка мы обсудим, — пообещал Алексей Павлович. — Но давай сначала на нашем уровне обсудим тебя.

— Меня?

— Тебя, Николай, тебя, — Алексей Павлович говорил с ласковой усмешечкой, но внутренне уже закипал. — Что ж ты, Николай, склеротиком стал? У тебя что, Колька, совсем память отшибло?

— Батя... — удивился Паша.

— Я вас не понимаю! — оскорбился Николай.

— Вижу, что не понимаешь. Даже того не понимаешь, что Машка, Мария твоя, она ж вся в тебя. Ну ничего, я тебе память освежу... Тебя как в школе дразнили? Колька Прыщ?

— Алексей Павлович! — пробовал еще петушиться Николай.

Но Алексей Павлович от него только отмахнулся и продолжил:

— А почему тебя Прыщом прозвали? Потому что себе и этому оболтусу, — он указал на Пашу, — ты всю грудь чернилами разрисовал, будто фурункулы, чтоб школу сачкануть. Так?

— Точно! — радостно заржал Паша.

А Николай молча и медленно багровел.

— Потом, Коля, — продолжал все так же ласково Алексей Павлович, — ты в пятом классе Пашку подбил с пожарной прыгнуть — месяц вдвоем костыляли... А в шестом — вы на пару скелет завучу подкинули... А в седьмом — в стенгазете ишака изобразили, ты малевал, Пашка раскрашивал... — Алексей Павлович наконец взорвался: — А в восьмом классе моя Варвара Матвеевна, покойница, к твоей матери бегала, слезно молила тебя к нам не пускать, чтоб дал ты Пашке спокойно школу окончить! А я, если помнишь, тебя все же тайком на чердак пускал, где вы с Пашкой ракету строили... От которой наша пожарка и сгорела!

Алексей Павлович закончил обвинительный монолог и утих. Паша одиноко рассмеялся. Николай сидел пунцовый.

— Старый ты, Колька, стал, — грустно добавил Алексей Павлович. — Что ж ты такой-то старый?

Николай молчал. С него сползла вся холеная солидность, плечи жалко обвисли. Он снял очки и, близоруко щурясь, все протирал и протирал пальцами стекла.

— Коль, — вдруг спросил Паша. — А ты давно наших не встречал?

— Давно...

— И я... В том году только Никифорова видел.

— Пузана? А я последним Лаптева наблюдал. Оппонировал на моей защите...

— Ха, Лапоть? — хохотнул Паша. — Наш главный Ту-парик?

— Он... И между прочим, врезал мне неплохо по старой дружбе. А больше — никого... Знаешь, Паша, я даже думаю: может, кто из наших и помер? Верно — старые мы уже...

Алексей Павлович заволновался:

— Не, Коля, это ты брось! Я не в том смысле — про старость. Я в смысле, что скучный ты какой-то стал...

— Да ну, вы все верно сказали.

— Нет-нет, а как отец ты прав, и мы Лешке его законные всыплем...

— Не надо! — горячо запротестовал Николай. — Я вас по-человечески прошу: забудем.

Он чуть поколебался и решился:

— Хотите честно? Я бы в жизни к вам с этим не пришел!

— Нинка прислала? — догадался Паша.

Догадаться ему было нетрудно. При всем вышеописанном неравенстве жизненных достижений одного школьные друзья достигли в равной мере: оба их супружеских корабли железной рукой направляли курсом семейного счастья полновластные жены-капитаны.

— Ага, Нинка... — уныло подтвердил Николай и понизил голос, словно та, что его послала сюда, здесь же незримо и присутствовала. — Талдычит: «Что ты за отец, ребенок пропадает, надо спасти ребенка...»

Все сочувственно помолчали. Николай вернул очки на переносицу и сразу как-то опять посolidнел, попытался отвоевать утраченные позиции.

— Нет, но Машка у меня действительно толковая — математику сечет на раз! И вообще, девка с головой.

— Ясное дело, вся в тебя, — заметил Паша.

— А то нет? — завелся Николай. — Что, у меня голова хуже твоей работала? Хуже?

— Лучше! — Паша неожиданно расхохотался. — В сто раз лучше!

И убежал в Лешкину комнату. Алексей Павлович с Николаем недоуменно переглянулись. Паша вернулся, скрывая что-то за спиной.

— А ну-ка скинь очки!

— Зачем? — насторожился Николай.

— Скинь, тебе говорят!

Николай пожал плечами и снял очки.

— Твоя башка, Коль, работала лучше всех! — крикнул Паша. И, выхватив из-за спины, подбросил к потолку футбольный мяч.

Николай заворуженно уставился на мяч, и на лице его сменялась богатейшая гамма чувств — от возмущения выходкой Паши до радостного, какого-то совсем детского ожидания встречи опускающегося мяча со своей головой. И когда эта встреча состоялась, Николай отлично принял мяч на темечко. Мяч отлетел, и Паша в свою очередь принял его лбом. Так они перебрасывали мяч головами, смеясь и выкрикивая.

— Коль, а давай соберем наших, стоняем на пустыре!

— Давай, Пашка! В понедельник вечером?

— Годится! Я Пузана достану, и Лаптя, и Димку рыжего...

— А я — Тюрина, и Рябчика, и Косого обязательно...

Мяч летал от головы к голове, рискованно минуя люстру, зеркало, вазу. Алексей Павлович с улыбкой наблюдал за расходившимися сорокалетними мальчишками. А когда мяч пролетел мимо него, он неожиданно для себя ловко боднул его головой.

— Батя, класс! — восхитился Паша.

На шум выскочил из своей комнаты Лешка. И без лишних слов включился в игру. Мужчины — и стар, и млад — играли в футбол, играли, позабыв обо всем, потеряв всяческую бдительность.

И совершенно зря. Потому что в дверях стояла Люся с двумя хозяйственными сумками в руках. И с тихим ужасом на лице наблюдала пейзаж разгрома квартиры.

Паша первым — спиной — почуял неладное, оглянулся, пропустил мяч, и он таки расколотил вазу. Зазвенели осколки, вся компания ахнула, увидела Люсю и замерла с видом нашкодивших школяров.

— Добрый день! — промолвила Люся с олимпийским спокойствием.

— Люсь... Понимаешь, Люсь, — забормотал Паша. — Мы тут уборку организовали... Сюрприз тебе...

— Сюрприз, вижу, — Люся улыбнулась одними зубами. — Не ожидала, спасибо вам большое!

— Не за что, — ляпнул Алексей Павлович. — Мы не со-

всем это... не успели. Тут, понимаешь, Николай пришел... про Лешку кое-что рассказать...

Николай выступил вперед и опять стал очень солидным — это мгновенное перевоплощение у него как-то здорово получалось.

— Я пришел сказать: спасибо! — сообщил он. — Большое спасибо за сына, которого вы воспитали!

Трое Луковых были восхищены этим ярким образом перестройки.

— Ваш Алексей служит для моей Марии примером, — весомо продолжил Николай. — Прекрасным примером буквально во всем.

— Да? — несколько усомнилась Люся.

— Да! — горячо подтвердил Николай. — Чудный мальчик, воспитанный, полный фантазии, от него можно ожидать чего угодно!

Комплимент ребенку, пусть даже такой сомнительный, не может не смягчить материнское сердце.

— Приятно слышать, — сказала Люся. — Спасибо, Коля.

— Это тебе, Людмила, спасибо! И тебе, Павел, и вам, Алексей Палыч!

— А что ж мы стоим? — В Люсе проснулась гостеприимная хозяйка. — Присаживайся, Коля, пообедаем...

— Спасибо, Людмила, не могу, мне пора...

— Что ж так скоро? — Люся не удержалась от колкости. — Поиграли бы немного, вон еще сколько вазочек осталось!

Мужчины подобострастно захихикали, оценив ее шутку.

— В другой раз поиграем. — Николай напомнил Паше: — Значит, в понедельник на пустыре. А сейчас побегу, там уже Нинка...

И он ушел. Такой же, как пришел, — солидный, степенный. Мужчины проводили его взглядом, а потом, как по команде, повернулись к Люсе. В ожидании заслуженной экзекуции и с безропотной готовностью вынести все, что положено судьбой. Но Люся не предприняла никаких карательных действий — наверно, еще не решила, какого именно наказания достоин столь тяжкий проступок. Она лишь молча смерила мужчин уничтожительным взором и ушла со своими сумками в кухню.

Мужчины тоже молчали. Не знали, что делать даль-

ше — то ли продолжать грандиозную уборку, то ли хотя бы вернуть все к изначальному виду.

— Да-а, жаль... — вздохнул Паша.

— Чего жаль? — не понял Алексей Павлович.

— Не будет у нас футбола в понедельник. Не будет...

— Думаешь, Колька совсем забурел, не явится?

— Да что Колька... Я не явлюсь. У меня в понедельник собрание. Во вторник — семинар. И тэ дэ и тэ пэ...

Что-то в тоне Паши не понравилось Алексею Павловичу. Он внимательно глянул на сына.

— Ты чего? Замотался?

— Да есть немного...

— Ну ты не кисни. Держи нос морковкой, хвост трубой!

Отец шутливо взлохматил волосы сына. Но тот не повеселел.

— Да я не кисну... Только все крутимся мы, крутимся на этой карусели... Сплошные будни и никаких тебе праздников!

Лешка, понявший, что гроза над его головой, с которой начался сегодняшний день, окончательно миновала, осмелел и решился выступить с предложением:

— А давайте устроим деду день рождения. В воскресенье.

— Давайте! — обрадовался Паша.

— Да ну, — отмахнулся Алексей Павлович, — не юбилей еще, слава богу...

— Все равно праздник! — Паша заметно оживлялся. — Гостей соберем, стол соорудим...

— Подарков надарим, — пообещал Лешка.

Алексей Павлович озорно ухмыльнулся.

— Вот это дело. Я вам, ребята, признаюсь: с детства обожаю подарки! — Он подумал и добавил: — А также клубничное варенье!

Глава 6

Легкомысленные мужчины сначала приняли решение о маленьком семейном празднике и лишь потом задумались: как подключить к этой затее Люсю? Да нет, «подключить» — не то слово. Люся, естественно, должна была стать не какой-то там подключенной, а главной фигурой в

организации этого события. Кто же, кроме нее, осуществит основной элемент праздника — застолье! Но как сообщить ей об этом? Особенно после такого афронта с уборкой, когда Люсе пришлось немало попахать, чтобы вернуть квартире хотя бы первичный вид. Правда, мужчины были все время рядом, на подхвате, безотказно исполняя все ее указания и не гнушаясь самой черной работой.

Только после того как квартира вновь засияла чистотой и Люся несколько отмякла, они осторожно сообщили ей о своем решении... нет, решение, конечно, осталось за Люсей, а они лишь сообщили ей свое предложение. Но — к их немалому удивлению и облегчению — Люся сразу согласилась. Ну не сразу, а сначала слегка пообливала мужчин заслуженным презрением, сначала использовала возможность лишний раз показать им, насколько они без нее беспомощны, объяснить наглядно, чего вообще стоят мужчины, пусть хоть целая толпа, без женщин, пусть даже единственной в доме. Но после всего этого презрения, показания и объяснения Люся все-таки согласилась. И даже обрадовалась. Конечно — только внутренне. Мужчинам вовсе незачем было знать о ее радости, мужчины должны были воспринимать ее согласие как знак величайшего снисхождения и подарка судьбы.

Но на самом деле Люся все же обрадовалась. Потому что день рождения Алексея Павловича, этот семейный праздник, как нельзя лучше подходил для осуществления ее тайного плана. Дело в том, что абстрактные матримониальные намеки Алексея Павловича по-прежнему не давали ей покоя, а страшное конкретное видение — он с дамой из ресторана — вообще неотвязно стояло у нее перед глазами! И Люся решила: ладно, пусть. Раз уж седина в бороду, а бес в ребро, так не следует хотя бы пускать это дело на самотек. Надо подыскать Алексею Павловичу достойную пару.

А как производить такие поиски, женщину учить не нужно. Люся развила бурную и плодотворную деятельность, в результате которой выяснилось, что неизвестно, как насчет любви, а желанию вступить в брак действительно все возрасты покорны! Во всяком случае — женские. После телефонных звонков и личных переговоров у Люси сложилась пачка фотографий пожилых вдов и одной старой девы средних лет.

Теперь оставалось решить две проблемы: выбрать из множества претенденток лучшую кандидатуру и найти удобное место и время для ее знакомства с Алексеем Павловичем. Вот для решения второй проблемы — места и времени знакомства — как раз и подвернулась удачно идея домашних именин. Все будет скромно, ненавязчиво, среди гостей случайно присутствует Люсина... ну, скажем, старшая подруга.

Что же касается первой проблемы — выбора кандидатуры на роль подруги, то Люся решила с этой целью собрать семейный совет с участием Семена Ильича — кто лучше него знает вкус старого друга? — но, конечно, без участия самого Алексея Павловича.

Оставалась только последняя мелочь: сплавить его куда-нибудь из дому под деликатным предлогом. Но в тот самый момент, когда Люся размышляла над изобретением этого предлога, Алексей Павлович сообщил ей, что нынче вечером уходит по делам и, возможно, допоздна. Все уладилось само собой и как нельзя лучше. Но Люся, эта неисправимо-коварная Люська, конечно, не удержалась, чтоб не использовать момент, и недовольно поморщила носик: что это ему никак не сидится дома? Зачем ей был нужен этот попрек сегодня, она пока точно не знала, но как стратег была убеждена, что в будущем и этот пустяк может пригодиться в сложном искусстве навигации домашнего корабля.

А сам Алексей Павлович тоже внятно не знал, куда и зачем он уходит в этот вечер. Вернее, куда — он себе примерно представлял, но вот зачем... Дело в том, что перед ним, как и перед Люсей, тоже неотвязно возникало воспоминание о женщине Наташе из ресторана. Разница была лишь в том, что перед Люсей это видение возникало в качестве кошмара, а перед Алексеем Павловичем... нет, он и сам бы не смог точно определить, какое именно это воспоминание. Было в нем и что-то приятное, по-мужски бодрящее, но было и что-то неловкое, нелепое, даже что-то обидное — не для него, для той женщины...

Алексей Павлович не то чтобы терзался, но все же маялся этими мыслями. И наконец решил: надо снова увидеться с Наташей. Зачем? А хоть поговорить. О чем? А там видно будет.

Ее дом — стандартную блочную башню — он отыскал не без труда — ведь тогда была ночь. Но все же отыскал — ведь как-никак бывалый фронтовой разведчик.

На двери подъезда красовался хитроумный кодовый замок. Но это не стало препятствием — замок был выдеран с корнями разноцветных проводков. Как символ непокорного, неистребимого сопротивления отечественного Левши иноземным нововведениям.

Алексей Павлович вошел в подъезд, нажал кнопку лифта. Кнопка зажглась красным огоньком... и ему почему-то вспомнилась авантюра внука Лешки с подругой Машкой: квартирный интерьер в лифтовой кабине и академик, лишившийся чувств при виде этого. Картинка была настолько яркой и впечатляющей, что Алексей Павлович с некоторой опаской заглянул в прибывшую кабину. Но она, естественно, была пуста.

Алексей Павлович усмехнулся своим нелепым опасениям, вошел в лифт и свою непродолжительную поездку совершил в спокойном одиночестве.

Алексей Павлович позвонил в дверь, и ему открыла Наташа.

— Здрасьте!..

Это было вовсе не приветствие, а возглас изумления, нечто типа «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!».

— Здравствуй...те. — Вот Алексей Палыч как раз просто поздоровался.

— Добрый вечер. — Теперь и она наконец поздоровалась, но в дом не приглашала. — Чем обязана?

— Да мне бы с вами... поговорить бы мне...

— О чем?

Если бы он сам знал, о чем!

— Ну? — поторопила она. — Так о чем разговор?

— Если честно, сам не знаю...

— Узнаете — заходите.

Она хотела закрыть дверь, но он резко подставил ногу.

— Погоди, Наталья, я уж который день думаю... На душе муторно: обидел я вроде тебя...

— А я не гордая — прощаю. Все?

— Нет, постой... Я ведь тогда про что подумал...

— Ясно, про что! Что я вас замуж заманиваю.

— Ничего я такого не думал...

— Думали, думали! А я же... Мне просто показалось, вы — человек! Человек, с которым поговоришь, а он поймет... Знаете, как одной на свете тошно!

— Знаю, — неожиданно тихо сказал он. — Я, как Варя моя померла, сразу... угас, что ли. Вроде и друзья есть, и дети рядом, а все — одиножды один...

Он умолк — усталый, неприкаянный. Наташа глядела на него, словно видела впервые. И наконец сказала:

— Ну, чего мы стоим... Чаю, что ли, выпьем, у меня индийский — «три слона»...

На этот раз чай действительно оказался чаем. И беседа получилась самая что ни на есть чаевничья, российская, коротающая время и облегчающая душу. Он пришел поговорить, но как-то так вышло, что говорила больше она, а он слушал.

Наташа рассказывала про жизнь. Про свою жизнь. Но так похожую на множество других жизней других женщин. Казалось, он читал знакомую газету или смотрел бесконечную знакомую киноленту. Все как у людей. Сначала хорошая любовь, потом веселая свадьба, потом ребенок, потом водка... Все перепробовала: и письма в партком, и уходы к маме. Не помогло. С трех работ его за пьянку выгнали, а тогда уж и она не выдержала — туранула из дому своего Витька.

— Уже за тридцатник давно, а имя-отчества не нажил, — горько усмехнулась она. — Все ему: «Витек», «Витек»...

Алексей Павлович сочувственно кивал, слушая повесть ее жизни, и Наташе это как-то не понравилось. Она сменила грустную пластинку на бодрый лад:

— Да вы особо-то мне не сочувствуйте, не переживайте. У меня под окнами кузнечики пачками стрекочут!

— Ну! — обрадовался Алексей Павлович.

— Да уж! — гордо подтвердила Наташа. — И в любви вечной клянутся. — Но добавила для объективности: — Замуж, правда, не зовут.

— А-а, — увял Алексей Палыч.

— Чего — «а-а»! Кому оно нужно это замуж — ярмо на

шею! — Наташа засмеялась. — А Витек-дурачок ревнует жутко, караулит меня, завязать божится. Только я ему больше не верю...

— Может, зря?

— Не зря! Хватит, изуверилась, устала, тихой жизни хочу. Я теперь из дому — на работу, с работы — домой. Девчонки в дискотеку зовут, представляете: дурочки — под тридцать, а все пляшут... А у меня теперь подружки в годах, вот наша завсекцией, помните, та, что «за линией Маннергейма»? Так она твердит: молодым стрекозлам одного надо, а тебе, Наталья, совсем другого. Надо прибиться к надежному берегу — солидному мужчине... Ой! — спохватилась Наташа. — Вы опять думаете...

— Да не думаю я! — огорчился Алексей Павлович. — Заладила тоже... И не слушай ты свою Маннергеймшу! Не в том счастье.

— Не в том, конечно. Знать бы только: в чем?..

На этот вопрос он не смог ответить. Да и кто бы смог?

— Папа! — раздался детский голосок.

Алексей Павлович резко обернулся: на пороге соседней комнаты стояла тоненькая девчушечка в ночной сорочке. Наташа метнулась к ней, подхватила на руки.

— Тамарочка, доченька, ты что не спишь?

Девочка прижалась к матери и очень вежливо сказала Алексею Павловичу:

— Извините, пожалуйста, я думала, пришел мой папа, а вы совсем чужой дедушка.

Выйдя из подъезда, Алексей Павлович огляделся, ориентируясь в чужом районе, и выбрал курс к автобусной остановке.

Но едва он отошел от дома, как из темноты кустов вырос здоровенный детина и схватил его за грудки.

— Слушай, ты! Я тебя второй раз тут секу! Предупреждаю: третий будет последний!

Алексей Павлович вырвался из его лапищ, оставив с треском кусок ворота сорочки, и сам схватил детину за куртку.

— А ты кто такой, чтоб меня предупреждать?

— В морге узнаешь!

Детина занес было руку для удара, но свет луны упал на лицо Алексея Павловича, и он удивленно опустил руку.

— Тю! Ты ж старый...

Лучше бы он его ударил. Как угодно больно! Алексей Павлович стиснул зубы и бросился на детину. Тот небрежно оттолкнул его, так что он упал в канаву.

— Иди проспись, старичок!

Алексей Павлович вскочил и снова бросился на детину. Но тот легко остановил его длинной ручищей и так держал, с ухмылкой наблюдая, как противник впустую машет кулаками.

— Да я... я... — задыхался от ярости и горечи бессилия Алексей Павлович. — Я таких, как ты, в свое время...

— Верю, дедок, верю — в свое время, — детина был даже добродушен. — Только время твое прошло. И не спорь с Витьком!

Он небрежно оттолкнул Алексея Павловича и пошел.

— Стой! — крикнул Алексей Павлович.

— Тебе еще? — с готовностью обернулся детина.

— Ты Витек?

— Ну, Витек...

— Тогда Витьку — Витьково! — определил Алексей Павлович.

И так врезал детине в челюсть, что тот гулко припечатал землю крепким задом. Но он не огорчился, а, напротив, одобрительно заржал:

— Ого, старичок, еще может! — И начал приподниматься. — Ну счас я тя утроблю...

— Сидеть, гад!

Алексей Павлович — грозный и чумазый — навис над Витьком.

— Ты че? Че? — струсил детина.

— Угробит он меня... Ты и так уж троих утробил!

— Каких троих?!

— Себя, жену и ребенка в бутылке паршивой утопил! Ух, гад!

Он яростно замахнулся. Витек трусливо отъехал по земле на плотной заднице.

— Ты че, сдвинутый? Безумный, да?

— Это у тебя все водяра сожрала — ум, душу, совесть... Отелло вонючее! Чем из кустов подглядывать, к дочке бы зашел. Ждет ведь дочка тебя... козла!

Алексей Павлович снова замахнулся. Витек испуганно втянул голову в плечи. Алексей Павлович только сплюнул и пошагал прочь.

А дома шел «совет в Филях». С фотографий, веером разложенных на столе, глядели женщины, которым журналы мод отводят небольшие разделы с уклончивым наименованием «возраст элегантности». Люся комментировала кандидатуры, Паша разглядывал фотографии, а шустрый Семен Ильич бегал вокруг стола и бросал через плечо косые взгляды и ехидные реплики.

— Вот, — говорила Люся тоном ярмарочного зазывалы, — Нина Петровна, подруга моей мамы, очень милая женщина, начитанная...

— У Леша своя библиотека — все подписки! — вставил Семен Ильич.

— А это, — продолжала, не реагируя на него, Люся, — Ася Даниловна — главбух из моего музучилища. Готовит — пальчики оближешь!

— А Леша в еде не переборчив! — опять влез Семен Ильич. Но Люся вновь не среагировала, продолжила:

— А вот Роза Борисовна, она на пенсии, но вышла рано — как балерина. Очень интеллигентная женщина.

— Оказывается, батя дефицитный жених, — ухмыльнулся Паша.

— Ярмарка невест! — не выдержал Семен Ильич. — Только не поедет Лешка на эту ярмарку, ни в жизнь не поедет!

— Семен Ильич, опять? — возмутилась Люся. — Вам дорога судьба вашего друга?

— Дорога! Потому и протестую. Захочет жениться — сам себе невесту найдет!

— Этот кошмар мы уже видели в ресторане! — отрезала Люся.

Семен Ильич надулся. Люся сменила тон:

— Семен Ильич, миленький, мы же договорились: это не в загс, а просто в гости. Не понравится — не надо. А вдруг?..

— Вдруг, вдруг, — проворчал, отходя, Семен Ильич. — Что я, Лешку не знаю...

— Именно потому, что знаете как никто другой, я и

прошу, с учетом вкуса вашего друга, оценить достоинства и недостатки... э-э... претенденток.

Семен Ильич немедленно изрек афоризм:

— Если вы хотите узнать о недостатках женщины, скажите что-нибудь хорошее о ней ее лучшей подруге!

Паша засмеялся. Люся сказала строго:

— Не будем отвлекаться! — и подсунула фотографию женщины с гордо посаженной головой и высокой седой прической. — Я лично склоняюсь к Юлии Васильевне... Ваше мнение?

Семен Ильич склонился над фотографией и отшатнулся.

— Хуже всех! Она похожа на нашу с Лешкой классную руководительницу!

— Бо-оже, о чем вы! — простонала Люся. — Главное — она прекрасная хозяйка, тактична, скромна в быту...

— Люсь, — сказал Паша, — я чего-то не пойму, ты отцу жену ищешь или себе соседку по кухне подбираешь?

— И соседку тоже! Между прочим, от того, как ладят женщины на кухне, зависит и ваша мужская жизнь.

— Так-то оно так, — согласился Семен Ильич. — Но все равно не пройдут у вас с Лешкой эти смотрины.

— Какие смотрины — именины! У папы день рождения, я приглашаю старшую подругу, а ваша задача только подготовить друга к этой... случайной встрече.

— А я? — напомнил Паша.

— А ты...

Люся задумалась. Возможно, самым верным, с практической точки зрения, был бы ответ: а ты здесь вообще ни при чем! Но, согласитесь, отсутствие Паши на дне рождения Алексея Павловича было бы, мягко говоря, необъяснимым. И Люся все же нашла применение мужу:

— А ты в разговорах за столом будешь ненавязчиво создавать образ своего отца.

— Какой образ?

— Привлекательный, конечно! Да такой, какой он и есть: умница, труженик, не пьет, не курит, характер спокойный, большой аккуратист...

Лица Семена Ильича и Паши странно вытянулись. Люся осеклась на полуслове и обернулась. На пороге стоял Алексей Павлович в сорочке с оторванным воротником, всклокоченный и перемазанный глиной.

В комнате стало тихо-тихо. Так подозрительно тихо, что из своей комнаты удивленно выглянул Лешка.

— Дед пришел! — обрадовался он. — Чай будем пи...

Но тоже утих, разглядев деда.

— Па-апа! — наконец прошептала Люся. — Что случилось?!

— Подрался, — весело отвечал Алексей Павлович.

— Как... подрались? Из-за чего?

— Ну из-за чего дерутся? — горделиво усмехнулся Алексей Павлович. — Само собой, из-за женщины!

Ночью деду с внуком не спалось. Они молча глядели в потолок, лежа в своей комнате.

Комната эта стала для них своей в результате долгой миграции населения квартиры. И двигателем этой миграции был Лешка. В розовом младенчестве он, естественно, почивал в коляске или в кроватке посреди родительской спальни. А едва выбравшись из собственного ложа, он перекочевал в кровать к маме Люсе. Засыпал, только уткнувшись носиком в ее теплое плечо. Поначалу это было трогательно до слез. Потом стало до слез неудобно: Лешка подрос, и они с мамой полночи ворочались, мешая друг другу. Тогда ему отдали кровать папы Паши, вытурив последнего из спальни на диванчик в гостиной. Там он и ютился, пока Лешка рос, ходил в первый класс, становился октябренок, готовился в пионеры... Но все эти годы он оставался маменькиным сыночком и ни за что не засыпал, пока мама не убаюкает его или хотя бы не полежит рядышком. А уж если он просыпался среди ночи, то непременно перелезал в мамину постель. Потом он вновь засыпал, и мама — пока был еще маленьким — возвращала его на кровать, а когда подрос, сама перебиралась в его постель. И утром он долго хлопал глазками, не соображая, как они с мамой поменялись местами.

Мама Люся, чуть-чуть сердясь, но больше млея от такой сыновней привязанности, утверждала, что он так и не будет засыпать без нее до дня собственной свадьбы. Но положение изменилось несколько раньше. В десять лет Лешка стал пионером и вдруг ощутил в себе определенную взрослость, а возможно, уже и некоторую мужественность, несовместимую со званием «маменькиного сыночка». И он самочинно избрал местом своей ночевки диван-

чик в гостиной. А папа Паша, намявший на этом малова- том для него ложе бока, радостно вернулся в супружескую спальню.

Некоторое время Лешка проживал на диванчике, но затем место там все чаще стала занимать бабушка Варя. Ибо у Лешки как-то постепенно возник необъяснимо тес- ный и душевный контакт с дедушкой Лешей. А впрочем, что тут необъяснимого, это уж давно замечено, что осо- бые душевные связи часто возникают через поколение — внуков с дедами — в отличие от вечно занятых, затуркан- ных суетой отцов. Так что Лешка все чаще засиживался в комнате у Алексея Павловича, пока бабушка Варвара Матвеевна копошилась на кухне. И частенько, когда она возвращалась, Лешка уже сопел в две ноздри на ее постели. Дед только разводил руками, а бабка отправлялась на диванчик в гостиной, даже не помышляя тревожить лю- бимого внука.

Когда же Варвара Матвеевна тихо отошла в мир иной, дед и внук уже окончательно обосновались в одной ком- нате.

- Не спишь? — нарушил долгое молчание Лешка.
- Дремлю, — ответил Алексей Павлович.
- И я... Слушай, дед, а чего это ты вдруг хиппуешь?
- Не понял...
- Ну, в смысле — возникаешь.
- А еще понятней?

Лешка попытался объяснить: дед всегда был такой спокойный, уравновешенный, сдержанный... А теперь — каждый день у него ЧП! То ресторан, то драка... Чего это он разбушевался?

Алексей Павлович помолчал. Он сам, честно говоря, не смог бы внятно растолковать, что с ним происходит. Но, как обычно, если мы сами не можем что-то объяс- нить, то мы избираем формулу: другие это что-то не смо- гут понять. Так примерно Алексей Павлович и ответил: мал ты еще, не поймешь.

— Я? — оскорбился Лешка. — Не пойму? Да я, может, тебя лучше всех понимаю!

- Приятно слышать, — улыбнулся дед.
- Не смейся! Мы же с тобой — угнетенные поколения. Дед с интересом приподнялся на локтях.
- Это как?

— А так. Мне ЕЩЕ ничего нельзя, а тебе УЖЕ ничего нельзя!

Дед уселся на кровати. И внук уселся, готовый к разговору.

— Так-так, любопытно... Но не факт.

— Факт! Вот кто всегда во дворе? Вы да мы.

— То есть?

— Старики и пацаны. Нормальные люди по квартирам сидят. Или в гости ходят. А мы с вами из квартир — во дворы или по подъездам... Понимаешь, нас к СВОИМ тянет!

Дед был несколько огорошен наблюдениями внука. Вроде все верно, все сходится. Но и как-то несерьезно все это, смешно. Он и попробовал отшутиться:

— Новый класс угнетенных — пенсионеры с пионерами!

Но Лешка не принял шутку, рассердился:

— Да не смейся ты! Вот про нас говорят: «У них все — в будущем». Про вас: «У них все в прошлом». А что же у нас с вами в настоящем?

Алексей Павлович сказал не без грусти:

— Вот про это, тетка, я как раз и думаю...

А в супружеской спальне Паша читал книгу на кровати, а Люся раздевалась. Раздевалась она медленно. Сняла свитерок, юбку. Посмотрела на мужа. Муж читал книгу.

— Паша, — сказала Люся, — между прочим, я раздеваюсь.

— Угу, раздеваешься, — Паша не отрывался от книги.

— А когда жена раздевается, тебе уже совсем неинтересно?

— Угу, неинтересно, — автоматически согласился Паша, но почуял что-то неладное и все же поднял глаза на Люсю: — Что?.. Что неинтересно?

Люся вырвала у него книгу и швырнула в угол.

— Люсь!

— Что «Люсь»? Это единственный способ привлечь твое драгоценное внимание!

— Да что с тобой?

— Со мной ничего! Это с тобой... с нами... что-то происходит!

Люся утерла брызнувшие слезы, с трудом уняла дрожь губ. Паша глазел во все глаза, не узнавая жену — обычно боевую, суетливую, громогласную. Он сказал осторожно:

— Нет, но все-таки... Что, Люсь?

Она ответила негромко и печально:

— А то, Паша, что нельзя жить без любви. Просто невозможно!

— Ну конечно, — обрадовался он хоть какой-нибудь, пусть даже и такой, ясности. — Без любви нельзя, конечно, нельзя, кто ж спорит!

Люся поморщилась от его поспешной угодливости. Ну о чем толковать с таким типом? Но раз уж она начала, то не могла уже остановиться не выговорившись.

— Вот сейчас с папой... Я ведь понимаю — ему одиноко. Очень одиноко. Думаешь, я просто его женить хочу? Глупости! Я хочу ему помочь найти любовь, понимаешь? Может, я и слишком суечусь, но мне очень хочется ему помочь, потому что человек не может без любви...

Паша слушал, слушал и не выдержал:

— Какая любовь? Ну какая у него уже может быть любовь?

— Наверно, последняя. Последняя любовь...

Люся умолкла. И Паша молчал. Он решительно не желал даже беседовать на эту безумную тему.

— А у Лешки — первая, — вдруг тихо улыбнулась Люся.

— Что? — не понял он поворот ее мыслей.

— Первая любовь у твоего сына, — терпеливо объяснила жена. — Тебе нравится Маша?

— Какая Маша? А-а, Машка... Нет, тут ты, Люсь, не в курсе. Это не любовь, это дуэт хулиганов...

Люся с горечью рассмеялась:

— Эх ты, отец! Да все вы — мужики... Ну ничего, она девочка симпатичная. Хотя и с характером. А наш Лешка такой телянок...

Теперь рассмеялся Паша.

— Люсь, ты бы весь свет переженила! Пусть даже у них и это... любовь, так ведь сама говоришь — первая...

Люся посмотрела ему прямо в глаза и поинтересовалась, знает ли он, Паша, что он — тоже ее, Люси, первая любовь? Паша оскорбился такому вопросу. Конечно, знает, еще бы не знать, и она, Люся, у него, Паши, тоже первая, самая первая любовь...

— Луков, Луков, врун ты несчастный, — перебила Люся. — Ладно, не в том даже дело — первая, последняя... Лишь бы была она — любовь.

И вновь погрузившись, Люся сообщила, что как раз любви-то у них в семье больше и нет. Паша опять оскорбился: как это нет, почему это, интересно, нет?! Почему — Люся не знала. Но знала одно: они живут как бы по инерции. Семнадцать лет по инерции, по привычке... Нет — она попыталась быть объективной — не все семнадцать, конечно. Но последние, многие последние годы он... ну как бы это сказать... просто исполняет должность мужа. Должность отца. А главное, он ее больше не любит.

— Я? — закипятился Паша. — Я тебя не люблю? Да я...

— Не надо, Паша. И не в тебе одно дело. Кажется, я тоже... я как-то привыкла... я не люблю тебя так, как прежде.

Вот! Это уже был прекрасный повод, чтобы по-настоящему оскорбиться, по-крупному. С этого ей и следовало начинать. С того, что она разлюбила. А не вешать всех собак на него. Она, именно она разлюбила, и он это понимает, он это очень даже хорошо чувствует.

По ходу своего монолога Паша и впрямь все более ощущал себя оскорбленным и униженным, все более проникался искренней жалостью к себе, все горше ощущал бесцельно прожитые годы... Но Люся прервала его блистательный монолог с материнской улыбкой.

— Лу-уков! Ну когда же ты, Луков, перестанешь быть ребенком?

— Это я ребенок? — выпучился он. — Я?

— Ты, конечно, ты...

Люся погладила его уже слегка лысеющую, но все еще неразумную голову. Паша затих под ее рукой и признался растерянно:

— Знаешь, я... просто я, наверно, про любовь говорить разучился.

— Разучился! Ты никогда и не умел. Я ведь и предложение тебе сама сделала.

— Ну знаешь!

— Знаю, знаю. Спасибо, не отказал.

Паша опять зафонтанировал, заколотил себя в грудь, о каком, мол, отказе могла идти речь, когда он сам мечтал, так мечтал стать ее мужем, хотя, может, и не гово-

ДВА ЛЕОНИДА

Виктор Веселовский, с которым мы придумали программу «Вокруг смеха»

А участвовали в ней И.Макаров, Б.Морозов, С.Альтов, Е.Смолин, В. Волин и многие другие

На юбилей Алексея Арбузова под мою гармошку поют
В. Славкин, А.Казанцев, А.Родионова, О.Кучкина, А.Ремез,
А.Розанов, В. Карасев, Л.Корсунский, Л.Петрушевская.

На «Золотом Дюке» в Одессе

Разговор по делу с М. Захаровым

Беседа на отдыхе с И. Чуриковой, Г. Гориним
и Л. Гориной,

Перекур с О. Янковским

Нотация от М. Козакова

»На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди«

А.Джигарханян, Л.Гайдай, Д.Харатьян

Л.Гайдай и оператор В.Алисов

«Частный детектив, или Операция «Кооперация».

Д.Харатьян, И.Феофанова, Л.Гайдай

М.Галкин

Д.Дибров

А.Булдаков

рил, но так мечтал... Люся утешила его, успокоила сообщением, что она об этом хорошо осведомлена.

— Что ж я, совсем дурочка — предлагать свою любовь без твоей?

Паша, как и всякий мужчина, люто ненавидевший выяснение отношений, чрезвычайно обрадовался завершению семейного симпозиума.

— Ну! Я тебя люблю, ты меня любишь, так о чем же мы толкуем?

— Не знаю... Трудно мне, Паша, очень мне бывает трудно.

— А мы как договаривались? Если в жизни будет трудно — сядем и поговорим.

— Вот и поговорили, — улыбнулась она печально.

— Ну что, Люсь, что опять? — затосковал он. — Нормально поговорили, по-хорошему. Как и сговаривались: все конфликты решать мирным путем...

— Мирным, Паша, только мирным! — снова улыбнулась она, но уже как-то загадочно.

И одной рукой обняла мужа, а другой дернула выключатель торшера.

Глава 7

Операция «Сватовство», закамуфлированная под именины Алексея Павловича, происходила в воскресенье.

Предвыборная кампания фотокандидатур будущей невесты, как вы помните, была скомкана неожиданным явлением потенциального жениха. И Люся приняла единоличное волевое решение: назначила невестой Юлию Васильевну. Вовсе не «классную руководительницу», как высказался о ней Семен Ильич, а женщину, вообще никем никогда не работавшую и являвшуюся хранительницей семейного очага местного композитора Грухова — музыкального наставника самой Люси. Лебединая песня творца отзвучала уже несколько лет назад, и теперь его вдова жаждала обогреть у старого очага нового супруга.

Юлия Васильевна ожидалась в семь часов. Но уже к шести в доме царил всеобщая суматоха, все были при деле. Люся — в фартучке поверх нарядного платья — металась из кухни в комнату с новыми и новыми блюдами. Паша обеспечивал стол бутылками и открыванием их. Леша

ка раскладывал столовые приборы и тащил в рот всякие деликатесы, за что получал по рукам от бдительной мамы. А Семен Ильич просто сидел в кресле и с тайным сарказмом взирал на боевые приготовления.

И только сам именинник Алексей Павлович ни о чем не подозревал, искренне радовался полученным с утра подаркам, с нетерпением дожидался вкусного — а в этом он, зная Люсю, не сомневался — застолья и вообще пребывал в благодушнейшем настроении.

Правда, отдельные нюансы слегка озадачивали его, но мимолетно. Ну, скажем, с утра Люся зачем-то подровняла ему височки, хотя лишь недавно она же произвела всеобщую семейную стрижку. Потом пришел друг Семен и укачал его надеть новый костюм. Хотя отлично знал, что Алексей Павлович предпочитал находиться дома в уютном свитерке, связанном еще женой Варварой. А только что Паша еще перемерил на нем три галстука. Хотя знал отлично, что отец вообще галстуков не любит. Все эти детали на миг удивляли Алексея Павловича, но так и не насторожили бывалого разведчика, не пробудили в нем чувства надвигающейся опасности. Ну, височки, ну, костюм, ну, галстук... Что уж тут такого, просто все хотят, чтоб именинник в этот день, как говорится, выглядел. Более того, Алексей Павлович и сам себя поймал на желании, дотоле неизвестном: в последнее время ему отчего-то и самому желалось выглядеть бодрее и моложе.

— Ну? — покрасовался он на всеобщее обозрение уже в третьем галстуке. — Этот хоть годится?

— Классно! — одобрил Паша.

— Майкл Джексон! — заверил Лешка.

— Нет! — отвергла Люся. — Вы что, все не видите — галстук совершенно не в тон сорочке.

— Людмила! — взмолился Алексей Павлович. — Чего ты меня терзаешь? Что я — жених на ярмарке?

Паша поперхнулся от невольной проникательности отца. Люся быстренько перевела разговор:

— При чем жених, при чем ярмарка? Просто мы сегодня не только в своем семейном кругу. Юлия Васильевна — женщина с тонким вкусом.

— Да откуда она вообще взялась, эта Юлия Васильевна? Ну, пригласила ты какую-то подругу, так чего плясать-то вокруг нее... Что она — королева английская?

Семен Ильич, до сих пор дипломатично помалкивавший, не удержался от афоризма:

— Англичане утверждают: «Покупая кота в мешке, будь осторожен, чтоб не купить кошку!»

— Это в каком смысле? — прищурился Алексей Павлович.

Люся поняла, что мужчины сейчас все могут испортить, и принялась разгонять эту компанию.

— Семен Ильич, миленький, продегустируйте салат — я только вам доверяю... Леша, поменяй вилки на те, что в буфете... А ты, Паша, все-таки подбери галстук папе, у тебя же целый шкаф.

Мужчины послушно занялись исполнением поручений.

Паша увел отца в спальню, открыл дверцу шкафа, где на леске висел десяток галстуков, и стал их перебирать.

— В полоску, что ли... Или вот, серый...

— Да ни тот, ни этот! — Алексей Павлович сорвал и галстук, что уже был на нем. — Я этих удавок вообще терпеть не выношу! И не стану, хоть и для королевы вашей облезлой!

— Ну и зря, батя, ты же Юлию Васильевну не видел. Очень достойная женщина, говорят, веселая. И по части кухни умелица...

— Пашка! — засмеялся отец. — Что у вас у всех нынче за настроение? То из меня жениха корчите, то эту Юлию расписываете, как невесту на выданье!

Прямолинейный Паша рубанул без лишних затей:

— А чего, был бы ты у нее, как у Христа за пазухой!

— Что-о?

— А что?.. — Паша струхнул, увидев глаза отца. — Я говорю, хорошо бы... ты... и она...

Алексей Павлович понял все. Все туманные штришки этого дня сложились в четкую картинку. И картинка эта его удручала.

— Та-ак! Продал, значит, по дешевке!

— Кто продал? — засуетился Паша. — Кого продал?

— Ты! Отца родного продал. В капкан заманил.

— Какой капкан? Ты ведь жениться собрался, а Люська решила тебе помочь...

— Люська да Люська! Слушай, сын, ты когда, сын, мужиком станешь? Взрослым мужиком?

— Батя! — обиделся Паша.

— Цыты! Что «батя», что? Сколько же тобой будут вертеть, как хвостом собачьим? Не мужик ты, нет, не мужик! Слова сказать не умеешь так, чтобы всем ясно: это Пашка Луков сказал — значит, так и есть и так и будет!

Алексей Павлович умолк, глядя на сына не столько с гневом, сколько с болью. А Паша сказал тихо и растерянно:

— Так уж вышло, батя...

— Как вышло? Ну как?

И Паша объяснил как. Вышло так странно в жизни, что он никогда себя Пашкой, просто Пашкой Луковым не ощущал. Сначала он был сын. Сын Алексея Павловича Лукова, известного человека — что на заводе, что во дворе. Так про Пашу и говорили: это сын Алексея Павловича. А потом, не успев оглянуться, и сам отцом стал. Отцом Лешки — тоже личности известной, ну пусть не настолько, как дед, но достаточно популярной и в школе, и во дворе. Вот Паша и услышал про себя, как пацаны кричат: это отец Лешки Лукова! Так и вышло: сначала чей-то сын, потом чей-то отец. А самим собой Паша вроде никогда и не был...

Алексей Павлович выслушал эту огорчительную повесть и озадаченно молчал, не зная, что и сказать — такой оборот жизни сына ему как-то не приходил в голову.

За дверью спальни раздался серебристый голосок Люси:

— Папа! Папа! Вы скоро?

Алексей Павлович все вспомнил и заметался, как тигр в клетке.

— А-а, обложили меня, ну обложили!

— Прости, батя, переморгаем, — виновато утешил Паша.

— Мы-то переморгаем, а про женщину, про Юлию эту, ты подумал? Она ж придет с надеждой, а мы... Да мне ей на глаза показаться стыдно!

— Что же делать?

— Не знаю! Но туда, — Алексей Павлович указал на дверь, — туда я ни ногой!

Электрический звонок в квартиру подействовал на отца и сына как электрошок — оба коротко дернулись и за-

цепенели. Потом Алексей Павлович затравленно огляделся и принял решение:

— Пашка, стань на дверях, чтоб вошли только через твой труп! А потом брешь, что сумеешь, заболел... помер... в туалет пошел — и весь вышел!

Алексей Павлович взобрался на подоконник. И, повторяя бессмертный подвиг гоголевского Подколесина, исчез за окном. Паша опомнился и рванул за ним, но его остановил еще более посеребренный голосок Люси.

— К нам пришла Юлия Васильевна! Па-аша... Па-па...

— Папа... это, — дрожащим голосом откликнулся Паша, — папа... вышел!

— Куда вышел?!

Люся заглянула в спальню, и у нее отпала челюсть.

Семен же Ильич и подниматься из своего кресла не стал, словно и так заранее был осведомлен о действиях старого друга. Он только победно ухмыльнулся и на этот раз прибег не к мудрому афоризму, а к воинскому девизу:

— Гвардия погибает, но не сдается!

Именно это утверждение и реализовывал сейчас старый гвардеец Алексей Павлович. Да, он не сдался. Но и гибель его была не исключена. Одно дело — решительно выбраться из окна, совсем другое — благополучно добраться до грешной земли. Алексей Павлович распластался по стене и, цепляясь за выступы, за водосточную трубу, медленно сползал со второго этажа.

Хорошо хоть, внизу лежала совсем тихая улочка. Но все же два свидетеля наблюдали это малоэстетичное зрелище. С особым — профессиональным — интересом следил молоденький сержант из милицейского «газика» и с не меньшим и тоже, кажется, профессиональным интересом наблюдала врач Попова из притормозившей машины «Скорой помощи».

Сержант спокойно дождался приземления Алексея Павловича и не спеша направился к нему. Нарушитель покорно ждал встречи. Попова насмешливо созерцала их сближение. Но лицо Алексея Павловича было столь вино-што-несчастливым, что она не выдержала и выскочила из машины.

— Товарищ милиционер! Этот гражданин — наш... пациент.

Сержант понимающе улыбнулся.

— То-то я гляжу, на домушника он вроде не похож.

— Какой домушник, какой пациент, — залопотал Алексей Павлович. — Я... ко мне... просто пришли гости!

Сержант продолжал понимающе усмехаться.

— Ну да, ну да, к вам пришли, а вы ушли. Вам захотелось покататься, а мы вам как раз транспорт подали.

И указал на милицейский «газик». Алексей Павлович возмущился.

— Да вы что, свихнулись!

Это уже было оскорблением должностного лица при исполнении обязанностей. Сержант перестал улыбаться и сдвинул брови. Но Попова его успокоила:

— Ничего, ничего, это у них обычный способ самообороны — нападение.

И добавила несколько медицинских терминов. Сержант вдумчиво кивал, будто изъяснялся на латыни ежедневно. Но Алексея Павловича этот мертвый язык отчего-то обидел, и он заявил сухо:

— До свидания! Я пошел.

Сержант ласково, но твердо взял его под локоток.

— Ну да, вы пошли. Но туда или туда?

Он широким жестом обрисовал Алексею Павловичу проблему выбора: свой «газик» или «Скорую помощь». Алексей Павлович глянул на одну машину, на другую, оглянулся на уже собирающуюся группку любопытствующих прохожих и выбрал — пошел к «Скорой помощи».

Попова пропустила его в салон первым, они уселись, и машина понеслась, оглашая окрестности воем синей мигалки на крыше.

Алексей Павлович опасливо забился в уголок и тоскливо поинтересовался:

— Вы меня чего... везете в дурдом?

— Куда? — не поняла Попова.

— Ну... в психушку?

— Зачем?

— Так вы ж сами сказали — пациент...

Попова расхохоталась до слез. И от этого естественно-го человеческого порыва черты ее обычно каменно-непроницаемого лица смягчились, преобразились, и обнаружи-

лось, что это вовсе не такая уж пожилая, а еще не безнадежно удалившаяся от молодости женщина, и более того, похоже, в этой своей молодости она была хохотушкой.

Алексей Павлович недоуменно наблюдал это преобразование. А Попова, прервав смех, сообщила, что, как он выражается, в дурдоме и без него работы хватает. И что разговор про пациента был лишь для того, чтобы помочь ему выпутаться из щекотливой ситуации. И что теперь он свободен и может отправляться на все четыре стороны.

— А чего эта кричалка верещит? — все еще недоверчиво уточнил Алексей Павлович.

Попова и это объяснила. Кричалка, как он выражается, нужна для того, чтобы обеспечить «зеленую улицу» и побыстрее прибыть на станцию «Скорой помощи». Потому что они и так с этим инцидентом задержались, а на станции машину ждет сменная бригада, потому что ее — Поповой — смена уже окончена.

— И все?

— А что еще?

Вместо ответа он ринулся из своего угла, схватил обе ее руки и благодарно затряс их.

— Ну спасибо! Ну выручили! Ну век ваш должник!

Она отпрянула от этого импульсивного увальня.

— Что за реакция у вас! И вообще, замашки... То в дыру какую-то лазаете, то в окно...

Она так пристально глянула на него, что он понял: вот-вот абстрактные слова про пациента могут перерасти в конкретный диагноз. И стал торопливо объяснять, что в дыру он лазает не из-за отклонений психики, а просто потому, что он, да и множество других заводчан так сокращают путь на работу. А в окно он выпрыгнул тоже не по причине сбоя в деятельности головного мозга, а в связи с критической ситуацией: его хотели женить.

Однако это правдивое сообщение не только не успокоило Попову, а скорее наоборот, еще более напрягло. Тогда ему пришлось рассказать все. Про то, что все началось как раз на комиссии исполкома — и, между прочим, не без ее — Поповой — участия. Про то, что невестка Люся приняла те его шутливые слова про женитьбу всерьез и принялась действовать. Про то, что он не только не разубеждал ее, а, напротив, даже стал подыгрывать ее испугу

перед свадебными перспективами — ну, тут да, тут надо признать, что сработал его скверный характер. И про то, наконец, что вот сегодня Люся и устроила ему сватовство.

В общем, он изложил всю историю с предысторией. Только про Наташу из ресторана он почему-то Поповой не рассказал. Сам не знал почему, но не сказал.

А в заключение опять благодарно схватил ее за руки.

— Если бы не вы, черт знает чем бы все это кончилось! Спасибо вам огромное!

— Хватит, хватит, — она с трудом высвободила руки. — Мы приехали.

Они вышли из машины у ворот станции «Скорой помощи». Машина въехала во двор. А Попова сказала:

— Ну, будьте здоровы! Во всех отношениях.

И пошла к воротам.

— Нет, нельзя же так! — решительно воскликнул он. — С меня, как говорится, причитается! И не спорьте — у меня нынче день рождения!

Алексей Павлович не повел Попову на «пяточок». Туда, где в городском парке кружится, топчется, живет своей нескончаемой жизнью, по своим неписаным законам от голубой весны до золотой осени под милые сердцу звуки старой гармошки, трубы и скрипочки маленькая танцплощадка пенсионеров.

Знал он, отлично знал это местечко, но не повел. Хотя сам как-то пару раз заходил туда — не потанцевать, нет, просто поглядеть, как потешаются «пенсионы» — так он их мысленно именовал. И поглядывал с улыбкой, без особой иронии, но все же с улыбкой, и казалось это все для него лично таким далеким. А тут вот оно — придвинулось... Нет, не повел он Попову на «пяточок». И вообще избрал пролегающую в стороне от него дорожку парка.

А в парк они, конечно, попали не сразу. Когда благодарный Алексей Павлович у ворот станции «Скорой помощи» с бухты-барахты предложил Поповой вместе провести вечер по случаю его дня рождения, она поначалу растерялась от внезапности ситуации. Потом собралась возмутиться беспардонности практически незнакомого

человека. Но вместо этого неожиданно — поверьте, совершенно неожиданно для самой себя — согласилась.

— Только я сниму халат, вы подождете?

Ну конечно, он подождал. Она ушла на станцию, а он прохаживался у ворот. Терпеливо и без особого волнения. Ее довольно долго не было, и он уже ощутил некоторое сожаление: чего это он так молодецки раздухарился, что уж такого сделала она для него, чтобы убить целый вечер с этой в общем-то сухой мымрой.

Но когда она появилась из ворот... Нет, он даже не сразу понял, что это она. Хотя что, собственно, произошло? Да ничего особенного. Просто она сменила белый халат на вполне обычное легкое платьице. И белой докторской шапочки на ее голове тоже не было, отчего ее пышные рыжие волосы ничто больше не сковывало, они свободно упали на плечи и огненно вспыхнули вокруг головы. Вот и все. Но это уже была другая женщина. В данном утверждении, пожалуй, важнее не столько «другая», сколько «женщина». Не строгий доктор и уж тем более не чопорный член жилкомиссии исполкома, а именно женщина. Она улыбнулась ему — не холодно, как прежде, и конечно, не насмешливо, а как-то робко, смущенно и в то же время призывно, в общем, опять-таки истинно женской улыбкой. А он ответил улыбкой некоторой растерянности и приятного удивления.

И они пошли. Сначала он внес традиционное предложение: посетить ресторан «Поплавок». Но она отказалась: лучше бы на свежем воздухе, скажем, в парке, там, говорят, установили итальянские автоматы разноцветного мороженого. Но — с шампанским, уточнил он. Можно и с шампанским, согласилась она.

Однако в парке оказалось, что с шампанским «не можно». Парк был объявлен зоной поголовной трезвости. Во всех кафе монументальные таблички золотом по черному извещали, что кафе эти безалкогольные и в этих точках общепита «приносить и распивать категорически запрещается». Категорически разрешалось приносить и распивать только в кустах и темных аллеях, что там активно и производилось. Но нашим героям этот вид сервиса, конечно, не подходил.

А мороженое в итальянских автоматах действительно

оказалось очень разноцветным. И сильно невкусным — лед и сахар. Правда, сидевший с ними за столиком знающий старичок объяснил, что итальянские конструкторы тут ни при чем, а при чем тут наши отечественные умельцы, которые должны загружать в автомат кроме льда и сахара множество других компонентов, но они, паразиты, не загружают, а уж чего не загружено, то и не будет выдано. Этот знающий старичок мог бы еще многое рассказать, но им, честно говоря, не хотелось слушать. Потому что мороженое, конечно, было плохое, но им-то, безусловно, было хорошо.

А почему — даже непонятно. Ну посидели, поговорили — так, ни о чем, ну как-то неожиданно встретились глаза, ну как-то случайно коснулись руки... В общем, пустяки, а хорошо!

Знающий старичок все-таки достал их своим объяснением принципов работы итальянских автоматов, и они с ним простились, ушли из кафе.

В парке зажглись фонари. Днем замусоренные и довольно убогие, теперь аллеи выглядели празднично в голубоватом фонарном свете. Было много гуляющих — парочки и одиночки с собаками. На людных перекрестках аллей бойко торговали шашлыками, пирожками, петушками на палочках бывшие подпольные комбинаторы, а ныне надежда нашей экономики — кооператоры. В парке было много музыки — из динамиков на столбах, из магнитофонов в руках гуляющих, но особенно активно соревновались электрогитары на молодежной танцплощадке и аккордеон с трубой и скрипкой на «пяточке» пенсионеров.

Алексей Павлович, как уже сказано, не пошел с Поповой на пенсионный «пяточок». Он свернул в сторону от него, повел ее менее людными и не столь освещенными аллеями. Здесь обстановка располагала к легкому философствованию:

— Эх, все суета, суета... Когда же мы суетиться-то перестанем? Я уж такой, как здесь, тишины сто лет не слышал...

— А я — каждый вечер, — сказала она.

— Что?.. — сбился он с философской волны.

— Каждый вечер эту тишину слушаю. Гуляю здесь.

— Да? А знаете, Вера Семеновна...

— Сергеевна.

— Ох, простите! Вера Сергеевна, а может, вы и мне эти прогулки пропишете? Как медик?

— Пожалуйста. Если вас устроит мое общество...

— Еще как устроит! — заверил он. — Вы же... вы ведь такая женщина...

— Помню, помню, — улыбнулась она. — Как вы на исполкоме высказались — «в самом соку»? Смотрите, опять поссоримся...

Он клятвенно ударил себя в грудь.

— Ни за что! А за те слова вы уж меня извините, я совсем не то хотел...

— Ладно, ладно, я забыла об этом.

Она огляделась в полутемной аллее.

— Ой, куда мы забрели? Пойдемте обратно!

— Почему?

— Да тут, наверно, шантрапа какая-нибудь... Вон, с гитарой...

Из глубины аллеи доносились гитарные переборы и виднелась парочка на скамейке. Попова потянула Алексея Павловича под руку обратно, но он пригляделся — это были знакомые личности: Лешка и Машка. Девчонка старательно тренькала на гитаре, а Лешка с видом мэтра одобрительно похлопывал ее по плечу.

— Айн момент, — сказал Алексей Павлович, — мы с этой шантрапой сейчас разберемся...

— Не надо! — забеспокоилась Попова. — Я понимаю, вы храбрый человек, воевали, но не надо...

Однако он уже шагал к ребятам.

— Эй, пионеры, не засиделись вы тут, а? На часы гляньте!

— Ты что, дед? — засмеялся Лешка.

Алексей Павлович не успел ничего сказать — на Лешку налетела испуганная и оттого еще более воинственная Попова.

— Не смей разговаривать со старшими на «ты»! И какой он тебе «дед»!

— Родной, — оторопел Лешка.

— Что?!

— Ну да, ну да, — неловко затоптался Алексей Павлович. — Свои мы, тут все свои...

— Ничего не понимаю! — возмутилась Попова.

Лешка любезно взялся ей все объяснять:

— Понимаете, это мой родной дедушка Алексей Павлович. Это — моя знакомая Маша. А вы... Извините, дедушка нас не представил...

Алексей Павлович затруднился произвести взаимное представление, и Попова выручила его, протянула по-мужски руку:

— Попова!

Лешка ответил вежливым рукопожатием.

— Вера Семеновна, — добавил Алексей Павлович.

— Сергеевна, — уточнила она.

— Ох, извините...

— Ничего, ничего... Какие симпатичные ребята!

— Ага, только взрывоопасные! — проворчал Алексей Павлович. — Небось готовят новый концерт для академика с лифтом...

— Что? — не поняла Попова.

— У дедушки сегодня просто такое настроение, — вновь любезно пояснил Лешка. — Он и отчество ваше подзабыл, и нам забыл сказать «здрасьте»!

Его ирония стала последней каплей, после которой Алексей Павлович взвился от идиотизма ситуации.

— Здрасьте и до свиданья! Опять мне, что ли, от ее отца выговор принимать? А ну марш домой!

— Что с тобой, дед? — изумился Лешка и опять съязвил: — А-а, не на ту ногу приземлился? Вы знаете, дед у меня — ас! Совершил затяжной прыжок из окна без парашюта...

Напоминание о приключении еще более разъярило Алексея Павловича. На его скулах набрякли желваки.

— А ну домой!

Но те же фамильные желваки заиграли и на костлявых скулах Лешки. Он снова вызывающе положил руку Машке на плечо.

— Нет, мы еще погуляем. А ты, дедушка, отдохни, у тебя был нелегкий день.

— Что-о? Это ты кому...

— Тебе, дедушка, тебе. Ты меня вырастил, выучил — и спасибо!

— Сопляк! — сорвался с тормозов дед.

— Алексей Павлович... — попробовала вмешаться Попова.

Но его уже нельзя было остановить.

— А ну марш домой! По-доброму советую!

Но и Лешку тоже понесло без удержу.

— Хватит, насоветовал! А дальше я как-нибудь без тебя разберусь, когда спать ложиться, на кого учиться, с кем жениться.

— Ну, мы дома с тобой потолкуем... Жених!

— Ах, простите, — запаясничал Лешка, — совсем забыл, жених — это вы! Мне рановато, а вы в самый раз — созрели...

Дед оборвал его увесистой оплеухой. И быстро пошел прочь.

Попова бросилась за ним.

Лешка схватился за щеку и, чуть не плача от нелегкой дедовой руки, продолжал кривляться перед Машкой.

— Ах, Маша, Маша, жених обиделся! А невеста побежала его утешать, только бы догнала, не рассыпалась...

Он опять не договорил — девчонка, не проронившая до сих пор ни слова, так же молча вlepила ему пощечину с другой стороны. И тоже убежала по аллее.

А бедный Лешка замер, держась руками за обе щеки.

Алексей Павлович свернул с аллеи, пошагал напрямик через кусты, забился в какую-то глухомань и там уселся на пенек — сгорбившимся комком, усталый и одинокий.

Попова не сразу нашла его. А когда нашла, не знала, что сказать. Просто присела на другой пенек рядом.

Он заговорил сам. Глухо, отчаянно.

— Вот так жизнь оборачивается... Все самое дорогое — раз — и нету! Все, чем жил...

— Ну зачем же так...

— А как? Ладно, понимаю, я — прошлое. Но ведь живешь-то тем, что это прошлое не зря было и что будет у него продолжение... А тут — все, не нужен! Без тебя разберутся, без этого осколка прошлого...

Она осторожно тронула его руку.

— Не надо так, пожалуйста!

— Да-да, простите.

Он яростно провел ладонью по лицу, будто пытаюсь все стереть. Но не стерлось, не успокоилось. Он вновь заговорил быстро, с болью и каким-то удивлением.

— Я ж только вчера... ну просто вчера... в ванночке его купал! Кроха такой был костлявенький... Но шустрый! Никто с ним совладать не мог, только я. Он мать-отца вмиг обрызгает с ног до головы и пищит: «Деду хочу, деду!» Ну те — мокрые — и рады мне его сбавить. Он меня тоже живо до нитки вымочит, но я — хоть бы хны! И весь он... ну просто весь, от пяточек до макушечки, вот тут умещался...

Алексей Павлович с горестным недоумением глядел на свои растопыренные ладони, пытаюсь постичь непостижимое. Впрочем, чего уж тут такого непостижимого — банальный житейский круговорот. И хотя глаза Поповой были полны сочувствия, она смогла утешить его тоже вполне банально:

— Что поделаешь, мы стареем, они растут — закон жизни.

Это его явно не утешило. Она продолжала:

— Да, они растут и вырастают какими-то... ну совсем не такими, какими были мы. Вот ведь еще мальчишка, а сколько ярости, какая убежденность, что он прав, он один! А как хорохорился перед девчонкой... Глаза горят, слова опережают мысли! Что за характер, откуда только это берется...

Алексей Павлович вдруг сказал безнадежно:

— Откуда, откуда. Ясно откуда: мой у него характер. Мой... В том-то и вся беда!

Попова икнула, словно проглотила горошину. А потом не выдержала и рассмеялась. Он покосился на нее с обидой. Она оборвала смех.

— Извините, но, похоже, вы сами разберетесь, а я вам не советчик. Нет у меня ни детей, ни внуков...

Он, все еще в запале, буркнул:

— Ну и, значит, счастливая вы — без этих паршивцев!

— Какое уж тут счастье, — просто сказала Попова. — Всю жизнь одна.

Он опомнился, взмолился:

— Извините меня, дурака! Я все только о своем, простите!

— Что вы... Ничего, я привыкла.

Она съежилась от порыва ветра, обхватила себя обеими руками.

— Холодно... Пойдемте?

Ночью в доме было тихо и печально. Нарушали тишину лишь мерные шлепки падающих в кухонную мойку капель из неплотно закрытого крана. Алексей Павлович стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, и смотрел, ничего не видя, в черноту ночи.

Нудная капель заставила его оторваться от окна, он прикрутил кран и побрел из кухни.

В коридоре он осторожно заглянул в приоткрытую дверь комнаты сына с невесткой. Люся спала на кровати одна. Паша за его совместное с Алексеем Павловичем безобразие — организацию позорного побега в окно — был наказан. Наказание было стандартным: выселение на раскладушку. И унижительным не только морально, но и физически: раскладушка была Паше мала, и ее пришлось дополнить неудобной табуреточкой. Паша горестно шевелил губами и вздыхал во сне.

Алексей Павлович тихонько притворил дверь и пошел в свою с внуком комнату. Лешка — тоже немало натерпевшийся за день, а особенно за вечер — сбросил одеяло и зябко свернулся калачиком, поджав тощие коленки к животу. Дед мрачно глянул на него и стал разбирать свою постель. Но не удержался, подошел и бережно укрыл внука. Лешка что-то промышал и блаженно распрямился под одеялом, сразу согревшись.

А дед устало присел на свою кровать. И заплакал...

Глава 7

Утром в доме обстановка была близка к похоронной. Никто ни с кем не разговаривал, все проскакивали друг мимо друга в ванную или, скажем, в туалет, стараясь друг друга не замечать. Люся обливала мужчин ледяным презрением, хотя и исполнила свои обязанности хозяйки: швырнула — да-да, не подала, а именно швырнула — на стол завтрак.

Завтракали тоже молча и не вместе — Лешка подсел к

столу чуть раньше, Паша чуть позже, а Алексей Павлович вообще только чаю хлебнул.

Само собой и при выходе мужчин из дома традиционного явления Люси на балконе с напутственным взмахом руки не состоялось. Мужчины даже и не оглянулись — знали, что она не выйдет.

И по своим дневным делам они тоже отправились не вместе, хоть и одной дорогой — рады бы другой, но другой не было. Омраченные вчерашними событиями, шли они молча, в отдалении друг от друга, будто каждый сам по себе — впереди дед, за ним сын, позади внук.

Так они и шли по пустырю, пока рев бульдозера не привлек их общее внимание. Машина со стальным ножом наперевес двигалась в сторону последнего на пустыре — резного — домика.

Луковы остановились. На прежней дистанции друг от друга.

— Так! — с отчаянием сказал сам себе Алексей Павлович. — Дожили до понедельника!

Сын и внук сочувственно молчали, но не шли на сближение. Бульдозер ударил в покосившуюся ограду вокруг дома, еще раз и еще... Отчаяние в глазах Алексея Павловича сменилось решимостью.

Он быстро подошел к Паше.

— Дай галстук!

— Зачем...

Но тратя времени на объяснения, отец сам стащил галстук с шеи сына, нацепил на свою шею, застегнул пиджак на все пуговицы.

— Цирк, — усмехнулся издали Лешка.

— Без сопливых обойдемся! — прикрикнул на него дед.

Но Паша тоже сказал недовольно:

— Кончай маскарад! Если по делу, так в райком надо бежать...

— Пока сбегает, он дом порушит. Остановить надо, а там поглядим.

— Как ты его остановишь? Ты кто?

— Представитель я! — Алексей Павлович поправил галстук. — Дружинник, контролер, ревизор...

— Кио на палочке! — снова усмехнулся Лешка.

Дед только гневно зыркнул на внука, но вновь не стал тратить времени на внушение и поспешил к дому.

Бульдозер уже смял ограду, когда перед ним возник Алексей Павлович со вскинутой рукой.

— Стой! Снос дома отменяется!

— Это почему? — высунулся из кабины рыжий парень.

Алексей Павлович сообщил туманно, но многозначительно:

— По причине!

— Какая еще причина?

— Кому положено, знают какая...

— Конкретно!

— Особая. Чрезвычайно важная, государственная причина — вот какая...

Он не знал толком, что сказать, и парень почувствовал это, двинул бульдозер вперед.

— Не морочьте голову, у меня план...

— Стой! — закричал Алексей Павлович. — Ладно, скажу причину.

— Ну? — бульдозерист придержал машину.

Алексей Павлович в отчаянии огляделся вокруг и уцепился глазом, а потом и ухватился рукой за какую-то проволочку, торчащую из земли.

— Вот! — Он заговорщицки понизил голос: — Вот она — причина. И молчок!

— Да про что молчок?

Алексей Павлович осторожно коснулся проволочки.

— Бомба! Только что обнаружена. Сейчас придут компетентные лица. Ясно?

— Ясно, — серьезно кивнул парень. — А откуда бомба?

— Оттуда. — Алексей Павлович ткнул пальцем в небо. — Не разорвалась. Знаешь, какие бои тут были? Я вон там в окопах сидел...

Парень так же серьезно поманил его пальцем. Алексей Павлович приблизился к кабине. Парень шепнул ему:

— А я, отец, два года в армии саперил. И бомбу от железки отличить могу. Так что уйди от греха подальше!

Он рассмеялся и двинул бульдозер прямо на проволочку. Алексей Павлович решительно встал на его пути. Наблюдавшие в отдалении Паша и Лешка при виде этого

рванулись вперед. Парень еле успел остановить бульдозер перед носом Алексея Павловича.

— Ты что, рехнулся! У меня тормоза не держат!

Алексей Павлович молча стоял — нож бульдозера упирался ему в грудь. Парень закричал плачущим голосом:

— Вы чего, чего... Уже народ собирается...

Алексей Павлович только рукой махнул на Пашу с Лешкой.

— Народ — свой. Ты меня, друг, за бомбу прости. Но дом этот ломать нельзя. Никак невозможно!

— Да почему?!

— Выключи свою тарахтелку. Прошу, выключи!

Парень колебался. Но было что-то такое в глазах Алексея Павловича, что заставило его все же выключить мотор и выбраться из кабины.

— Это что, ваш дом?

— Не мой.

— А чей?

— Кто его знает... Общий он. Наш общий дом.

— Не понимаю!

— Конечно, не понимаешь. Чтоб это понять — надо было вон там, вместе со мной в окопах... Ну как тебе объяснить?!

Вопрос был отчаянно-риторический, но на него надо было отвечать. А иначе, если не объяснить, не будет через миг этого дома, никогда больше не будет. И Алексей Павлович начал взволнованно и сбивчиво рассказывать, как сидели они тогда, в сорок втором, на той стороне реки в окопах, а кругом были огонь, дым, смерть... Все пылало, все сметалось с лица страдающей земли... Все, но — не этот дом. Только развиднеется, только солнце разгонит дым, смотрят солдаты, а дом стоит. Один-одинешенек, но стоит! Потом опять — грохот, пламя, ад, ночь. А утром смотрят — дом стоит. Прямо как заколдованный, что ли! И так выстоял он все дни и ночи и остался стоять, когда уже ушли отсюда солдаты на запад, фашистов отсюда погнали... Солдаты ушли, а дом за их спинами остался — живой, непокоренный, невредимый. И когда вернулись солдаты, не все, но вернулись, дом встретил их, дождался, опять же устоял, родной, надежный...

Алексей Павлович оборвал сам себя:

— Как-то я все по-газетному, да?

— Нет, — сказал парень. — Все путем. Хотя про это можно было и в газету написать.

— Про все не напишешь. А дом ломать нельзя... Мы... ветераны, однополчане... мы возле него каждый год собираемся. Что ж я им скажу — не уберет? Он для нас вроде как в капле — море, вся земля наша, вся Россия... Чего-то я опять речи толкаю!

— Да нет, но только раньше надо было в колокола бить.

— Ну виноват, виноват я, старый чурбан! Сам знаешь, в суете живем, все добрые дела до понедельника откладываем, вот и — понедельник...

Они помолчали, глядя на дом, ожидающий решения своей судьбы. Парень сказал:

— Но тут микрорайон будет. Если его не скосить, так что с ним?

— Музей можно сделать или для детишек домик сказочный... Мысли всякие есть, мне бы только до райкома добежать, а?

Алексей Павлович умоляюще глядел на парня. И тот принял решение:

— Ладно, я сегодня только площадку отутюжу. Но если завтра решения не будет, извини, отец, у меня план...

— Будет! — просиял Алексей Павлович. — Будет, сынок, это я тебе — как солдат солдату!

Он тряс руку парню, пока тот не полез в кабину, бросив на прощание:

— Сразу бы так, а то — бомба...

— Кто ж знал, что ты такой бывалый! — засмеялся Алексей Павлович.

Бульдозер снова зарычал и пополз вокруг дома.

Алексей Павлович облегченно сорвал галстук со своей шеи и вернул его на Пашину.

— Держи хомут! С благодарностью.

Он заметно повеселел — а следовательно, подобрел — и больше не желал продолжать семейную конфронтацию.

— Паша, я в райком. А ты звякни, пусть Семен за меня оттул оформит.

Паша тоже хотел примирения и с готовностью пообещал:

— Сделаю, батя. И сам в перерыв сюда подскочу, проконтролирую...

— Не надо, парень надежный, — заверил Алексей Павлович.

А Лешка, в отличие от старшего поколения, не так быстро перестраивался и, находясь еще в колющем состоянии, пробурчал ехидно:

— Во-во, «надежный», а ты вместо того, чтоб поговорить, устроил цирк на проволоке!

Но даже это язвительное замечание не нарушило лучезарность ободренного Алексея Павловича.

— Неправ, — объективно признал он. — Других учу: потолкуй с человеком по душам — все поймет, а сам...

Он не договорил — все трое обернулись на крик:

— Эй! Сюда, скорее!

Бульдозерист как-то странно пятился, карабкался задом на пригорок. Парень уже махал руками из кабины.

— Сюда! Бомба... Тут бомба!

— Пошутили уже! — крикнул ему Алексей Павлович.

И пошел своей дорогой. Сын и внук двинулись за ним.

— Какие шутки! — орал парень. — Бомба! Настоящая!

— Я на один анекдот два раза не улыбаюсь, — уходил Алексей Павлович.

Но Лешка не выдержал, побежал к бульдозеру и тоже заорал:

— Дед! Ну правда, дед, бомба!

Тут уже и Паша вернулся, увидел — и обомлел.

— Батя, да иди же!

Алексей Павлович приостановился, пригляделся недоверчиво к лицам — нет ли розыгрыша? — и нехотя пошел обратно, бурча под нос:

— Юмористы... дурачка нашли... Бомба... Ну какая тут бом...

Последним слогом этого страшного слова он поперхнулся: из земли, сдвинутой бульдозером возле той самой злополучной проволоочки, вылез крутой ржавый бок и часть крыла стабилизатора.

Алексей Павлович удивленно присвистнул:

— Ах ты, е-мое! Я ж прямо как миноискатель!

Все невольно засмеялись. А парень спросил:

— Что делать будем?

— А что? Мы ее не тронем — она нас не тронет.

Алексей Павлович усмехнулся, но тут же посерьезнел, как-то вмиг подтянулся, четко заговорил командирским тоном, хоть и проходил всю войну в рядовых:

— Ты, парень, беги в милицию. Паша звонит в военкомат. Лешка — на дороге. Я — у выхода парка. Чтоб никакая живая душа сюда не свернула.

Паша с бульдозеристом убежали. Как солдаты по приказу отца-командира, разве что только не откозыряли и не рявкнули: «Есть!».

А дед объяснил внуку:

— Она вообще-то просто так не рванет. Но знаешь, тезка, ружье в сто лет раз и само стреляет. Так что ты стой намертво — всех назад заворачивай...

— Да ладно, соображу! — оборвал Лешка, в нетерпении устремляясь к посту на дороге.

Алексей Павлович глянул ему вслед с некоторой обидой, но не до уроков вежливости было сейчас, он тоже последовал на свой пост — к выходу парка. И вдруг услышал:

— Де-ед!!!

Алексей Павлович обернулся: бульдозер, урча и подрагивая, сползал по пригорку к бомбе.

— Тормоза! — Алексей Павлович рванулся к бульдозеру.

Но Лешка перекрыл ему путь.

— Не успеешь, дед! Ни за что не успеешь!

Алексей Павлович еще секунду глядел на медленно сползающий бульдозер и понял: да, не успеть.

— Бежим! — скомандовал он. — Назад!

А что поделаешь, вовремя скомандовать отступление — это тоже входит в непростую военную науку. Бежим, так бежим, назад, так назад — и они побежали. Но Алексей Павлович подвернул ногу и рухнул.

— Дед, ты что? Дед!

Алексей Павлович попробовал приподняться, но застонал от боли.

— Не могу... Беги, тезка!

Лешка молча подхватил деда под мышки и потащил, оглядываясь на угрожающе сползавший к бомбе бульдозер.

— Брось! Брось, говорю, меня не достанет, я тут залягу, а ты беги... Я приказываю, беги!

Но Лешка все тащил и тащил его из последних мальчишечьих сил. Только молчать он уже не мог и приговаривал бессвязно, со слезами в голосе:

— Сейчас, дед... Ну дед... Ну дед же... Сейчас...

Они обернулись на металлический стук — нож бульдозера уткнулся в бомбу.

— Ложи-и-ись!!! — закричал Алексей Павлович.

И тогда мальчишка, видевший войну только в кино, поступил как настоящий солдат: упал и закрыл деда своим телом.

Они ждали страшного взрыва. Но взрыва что-то не было. Была звенящая тишина. Светило солнце. Мирно чирикали птички. Бульдозер застыл, уткнувшись ножом в бомбу. А двое лежали в пыли на дороге и ждали.

Но сколько можно было ждать? Дед зашевелился, заворчал из-под внука:

— Обошлось, слезай... Тяжел ты больно, тезка...

Внук скатился с него, сел на земле и, смущенный своим героическим порывом, снова задержал:

— Найди себе другого — полегче!

Алексей Павлович игнорировал его дерзость и улыбнулся:

— Не надо мне другого. Этот хорош!

А в глазах его стояли слезы. Не от боли в ноге — от радости на душе. Лешка тоже коротко всхлипнул и резко утер нос ладонью.

— Пойдем, что ли...

— Пойдем, пойдем, попробуем...

Дед приподнялся, внук подставил ему плечо, перекинул его руку через свою шею, и так они поковыляли — опять же как солдат, выводящий другого солдата из боя. Но силенок у Лешки было маловато, и они присели на травку передохнуть.

— Болит? — спросил Лешка.

— Ничего, до свадьбы заживет...

Это напоминание рассмешило обоих. И Лешка сказал смущенно:

— Дед... Ты прости, я был неправ...

Что могло быть лучшим лекарством для Алексея Павловича? Он так расчувствовался, что даже возразил:

— Нет, если разобраться, так я неправ больше. Рукам волю дал... Век себе этого не прощу!

В ответ на благородство деда внук в свою очередь стал благородно его оправдывать:

— Ерунда, я моложе, я должен был сдержаться, а у тебя — нервная система...

— А у тебя, что ли, нет? Почитай, чего про вас, акселератов, врачи пишут... Короче, тетка, я был неправ.

— Да нет же, это я был неправ!

— А я говорю — я! Неправ и признаю.

— Что признаешь, что? Ты неправ, что считаешь, будто ты неправ, потому что неправ я!

Похоже, они были готовы опять сцепиться, но со стороны парка прибежал встревоженный Паша.

— Дозвонился! Сейчас милиция будет... А вы чего тут расселись?

— Да командир панику поднял, — небрежно сказал Лешка. — А эта бомба... она просто дура ржавая... тьфу!

Лешка презрительно сплюнул в сторону бомбы... и вдруг с адским грохотом взметнулся столб дыма и пламени, и солнце в небе померкло.

Люсины плечи над наброшенным белым больничным халатом сотрясались от горьких рыданий. Но рыдала она, к счастью, не над прахом. На двух крайних койках палаты сидели дед и внук с одинаково загипсованными и подвешенными к груди руками, только у деда это была правая рука, у внука — левая. А на средней койке, между ними, лежал отец и сын Паша, с гипсовой ногой.

Да, обошлось. А поначалу была, конечно, жуть. Когда после Лешкиного пренебрежительного плевка в сторону бомбы она рванула. Почему — совершенно неизвестно! Может быть — говоря иронически — это был как раз тот случай, когда ружье само стреляет, или — говоря мистически — бомба на Лешку обиделась, или — говоря просто технически — наконец сработал какой-то десятилетия дремавший механизм... Но так или иначе бомба рванула, и солнце в небе померкло.

А когда солнце вновь проглянуло сквозь клочья медленно расплывающегося дыма, оно осветило трех разбросанных в разные стороны представителей одной семьи. Хорошо, что к месту происшествия уже спешили и вызванная Пашей милиция, и поднятые бульдозеристом по

тревоге военные. Осталось еще вызвать «Скорую помощь», что было немедленно проделано, и всю израненную, но оставшуюся в живых троицу под вой сирены помчали в ближайшую больницу.

И снова повезло: ближайшая больница оказалась и новейшей. Буквально вчера сданной в эксплуатацию современной клиникой, с отличным оборудованием, комфортабельными и частично еще пустыми палатами, и с аккуратными коридорами, в которых — не поверите, но факт! — еще не было ни одной койки для тех, кому не нашлось места в переполненных палатах. И врачи тут были тоже как бы еще новенькие — вежливые и предупредительные, не загрубевшие еще в ежедневной рутине и борьбе с медицинской техникой, которая пока еще вся работала, и с дефицитом лекарственных препаратов, которые тоже пока еще были в наличии. И сестрички-нянечки тоже здесь были еще заботливые и симпатичные, еще являлись по первому зову и еще не драли с больных рубрики и трешки, потому что все они были собраны сюда с бору по сосенке из различных старых больниц и еще не узнали друг дружку, не притерлись, не были уверены, что никто никому ни на кого не наступит. Короче говоря, еще не сложился, не спаялся обычный сплоченный коллектив, где один дерет за всех, а все за одного.

Вот в такую больницу — можно сказать, нашего светлого будущего — и попали травматические пациенты Луковы. Здесь их быстренько осмотрели на глаз, под рентгеном и обнаружили на троих три перелома плюс осколочное ранение у Паши. Затем их забинтовали, загипсовали и проводили — Пашу на каталке, а Лешку с дедом пешком — в отдельную палату, извините, номер шесть.

Только после всего этого к ним допустили перепуганную мать, жену и невестку Люсю. И вот ее плечи вздрагивали под белым халатом, а мужчины виновато слушали ее плач.

— Людмила, — первым не выдержал Алексей Павлович, — кончай ты эту сырость...

— Люсь, правда, — поддержал Паша, — мы живые, и порядок!

— Мам, не плачь, — попросил Лешка, — а то и я сейчас зареву!

Но Люся только захлопала еще горше.

— Ой, Луковы-и... Лежала себе эта бомба, никого не трогала... Нет, вам обязательно нужно было сунуть свой нос... Три носа!

Паша попытался проявить объективность.

— Люсь, да если бы батя ее не обнаружил...

— Ну конечно, больше некому! Самый главный, самый серьезный человек... который прыгает в окно-о...

— Мам, дед больше не будет, — пообещал Лешка.

Алексей Павлович с готовностью подтвердил:

— Честное слово, больше не буду!

— Что не будете, ну что вы не будете? Как ребенок... Нет, три ребенка! Да какая женщина это выдержит — одна и трое мужико-ов...

Люся уже плакала не столько от жалости к ним, сколько от сочувствия к себе самой. Алексей Павлович стал ее привычно утешать:

— Людмила, ты не думай, мы ценим, без тебя мы пропали бы, мы понимаем...

— Понимают они! Если бы понимали, разве б такое... в окно... Поставили меня в идиотское положение!

— Это еще кто кого поставил, — не удержался Алексей Павлович. — Сделали из меня клоуна на ярмарке!

От возмущения у Люси разом высохли слезы.

— Вы же сами талдычили про женитьбу!

— Во-первых, талдычил не я, а вы все. А во-вторых, у меня и на это дело свои извилины есть.

— Знаешь, батя, — поддержал жену Паша, — мы уже видели, кого ты своими извилинами нашел — детский сад!

— Ты что? — возмутился Алексей Павлович. — Тоже отца учить вздумал?

— Пап, — влез Лешка, — да пусть дед женится на ком хочет...

— Молчать! — взвился Паша. — Ты можешь помолчать, когда отец разговаривает?

— А ты чего на пацана шумишь дело не по делу? — наступил за внука дед.

— Я ему отец! — заявил Паша.

— А я тебе отец! — вскипел Алексей Павлович.

Люся слушала, слушала их прения, а потом схватила с тумбочки какую-то склянку и грохнула о пол — вдребезги. Мужчины испуганно притихли. А она вымолвила грозно:

— Ну ладно, Луковы! Ладно, отцы и деды! Я вам устрою, я вам... Я дочку рожу!

Мужчины глазели на нее, не соображая, путаться или радоваться столь неожиданной угрозе.

А в окне палаты появилась Машка. Появилась, как всегда, неслышно. Просто какое-то очаровательное юное видение. Все изумленно уставились на нее. Только Лешка сказал спокойно, будто ждал явления этого видения:

— Мам, понимаешь, у нас с Машей одно очень важное дело. Надо обсудить...

Машка все так же молча перемахнула через подоконник, вручила Лешке большое красное яблоко, подхватила его под здоровую руку, а загипсованную Лешка гордо держал перед собой, и они в мгновение ока исчезли из палаты.

Взрослые только переглянулись. Алексей Павлович — с улыбкой, Люся — с грустноватым пониманием, Паша — с полным недоумением. Более подробно обменяться впечатлениями они не смогли: дверь палаты распахнулась, и стремительно вошла в наброшенном белом халате Вера Сергеевна Попова.

Алексей Павлович обомлел. А Люся бросилась спрашивать:

— Доктор, как они? Опасность миновала? Когда им можно домой?

Попова отвечала своим привычным начальственным тоном:

— Ничего узнать невозможно! Безобразие, дежурного врача нет на месте!

— Врача? — удивилась Люся. — А вы...

Попова не ответила Люсе. И вообще не смотрела на нее. Вера Сергеевна смотрела на Алексея Павловича. Подошла к нему, достала из-под наброшенного на плечи халата и неловко протянула ему букетик цветов.

Люсе больше ничего не надо было объяснять. Люся шагнула к мужу и подала ему костыли.

— Пойдем, Паша, пойдем...

— К-куда? — опешил он.

— Ты же слышал, надо найти дежурного врача, срочно надо найти!

И бедный Паша, выставив вперед гипсовую ногу и неумело орудуя костылями, поковылял за женой из палаты. К чести Люси надо отметить, что она даже не оглянулась, не бросила любопытствующего взгляда на неожиданную гостью. А ведь как хотелось!..

Алексей Павлович и Вера Сергеевна остались в палате одни. Он встал с кровати перед ней навытяжку, сияя очами и прижимая к груди гипсовую руку, словно в немой мольбе. А она, наоборот, опустилась на стул и сказала уже не начальственно, а устало:

— Вы опять что-то выкинули... Как маленький, честное слово...

— Да, конечно! — радостно согласился он. — А вам спасибо, что пришли! Огромное вам спасибо!

— За что? Просто когда я узнала, я... — голос ее дрогнул, — я испугалась!

Алексей Павлович был чрезвычайно растроган.

— Испугались? Из-за меня-то, старого болвана? Нет, вы женщина просто замечательная!

Попова была смущена его порывом, попробовала отшутиться:

— Да-да, помню — «женщина в самом соку»...

— Ну вот! — огорчился он. — Я ж говорил, вы меня за те слова простите, извините!

— Ничего, ничего, я все забыла.

— Ну да, такое забудешь! Это ж надо, это додуматься сморозить, что вы в самом соку!

Лицо Поповой напряглось и замкнулось. Но он этого не заметил. Как тот крыловский медведь, что из желания услужить прихлопнул муху на лбу булыжником, так и он в страстном порыве замолить бывшие грехи не замечал смену ее настроения и грешил по-новому, еще более тяжко!

— Да, поделом вы мне тогда врезали, поделом! Я понимаю, комплимент комплиментом, но каково про это... в самом соку... выслушивать в ваши годы...

— Прощайте! — оборвала Попова.

Встала и пошла к выходу. А он все еще ничего не понимал.

— Куда же вы? Посидели бы...

— Некогда. Мне на работу пора. — И добавила едко: — Несмотря на годы!

Только тогда Алексей Павлович так хлопнул себя по тмени, что это вполне могло стать причиной новой травмы.

— Ох! Я ж не то имел в виду!

Она, не отвечая, пошла к двери. Он шустро опередил ее и закрыл дверь собой.

— Не пушу! Я так ждал, что вы придете... То есть я так

надеялся! И вы пришли, но ушли... то есть уходите... Не пушу! И ничего вы со мной не сделаете!

— Это еще почему?

— А потому... потому что вы сами сказали: у меня не-координированный контроль над собой!

Он выпалил этот сомнительный диагноз с такой отчаянной гордостью, будто называл свою ученую степень. Она хотела еще более разгневаться, но вместо этого почему-то улыбнулась. Чуть-чуть, но все-таки улыбнулась. Он обрадовался такому, пусть крошечному, сдвигу и тоже улыбнулся неуверенно. Она ответила ему уже более открытой улыбкой. А он в ответ совершенно счастливо расцвел.

Так они стояли и без слов улыбались — два немолодых человека, нашедшие друг друга.

А потом позади него отворилась дверь палаты и так двинула по локтю гипсовой руки, что он буквально взвыл от боли:

— У-у-о-ой!

В дверь заглянула нянечка с подносом и стаканами. И поинтересовалась любезно:

— Кефир будете?

ЭПИЛОГ

Поэт сказал бы: зима укутала весь город мягким белоснежным покрывалом. И поэт сказал бы совершенно верно. Белый, только что выпавший и не успевший почернеть от заводских дымов снег укрыл дворы и улицы, крыши домов и купол единственного выстоявшего и в революцию, и в войну, и в перестройку православного храма.

И так же стоял на своем месте старый резной дом. Абсолютно целый. Хотя вокруг была покореженная жутким взрывом земля.

Землю не заровняли, не загладили бульдозерами, потому что после этого ЧП, по принципу «обжегшись на молоке, дуй на воду», компетентные органы решили обследовать весь огромный пустырь — не залежались ли где аналогичные сюрпризы минувших боев. И не зря решили: в одном месте отыскалась невзорвавшаяся немецкая фугаска, а в другом откопали артиллерийский снаряд — правда, не фашистский, а наш. Ну, с ними, конечно, никакой

проблемы не было. Вывезли в безопасное место и там рванули.

А старый дом остался стоять как ни в чем не бывало.

И вообще строительная активность на пустыре пошла на убыль. За всеми этими поисками-хлопотами зарядили осенние дожди, пустырь превратился в глиняное месиво, что не стимулирует деятельность строителей. За дождями пали снега, а там и грянули морозы. Всем как-то стало не до пустыря с его одиноким домом. И не только потому, что мороз сковал землю, сделав ее неприступной для бульдозеров, а главным образом потому, что близился Новый год. Удивительнейшая пора, в которой так тесно сплелось сугубо общественное — конец года, штурм плана, сдача объектов — и глубоко личное — старые мечты, новые надежды, неясное ощущение счастливых перемен в судьбе...

Впрочем, до Нового года еще оставалось немало дней, когда мужчины семейства Луковых совершили свой первый выход — старшие на работу, младший в школу. Прошло время, исчезли гипс и повязки. Отлежали они свое в больнице, исидели положенное дома. Настал день, когда Люся, по известной семейной традиции, напутственно помахала с балкона, и трое Луковых отправились знакомой дорогой.

На заснеженном пустыре они остановились у резного дома.

— Стоит он, родимый, стоит! — растроганно сказал Алексей Павлович. — А знаете, ребята, когда меня к ангелам понесло, так я лечу и, не поверите, одно думаю: неужто достала — не меня, а его достала через столько лет война проклятая!

— Слабо ей, батя, — сказал Паша так гордо, словно в этом была его персональная заслуга.

А Лешка предположил:

— Он, наверно, как в сказке — в воде не тонет, в огне не горит!

— Сказка сказкой, — возразил Алексей Павлович, — а он-то наяву, вот он, рядышком, и живой стоит.

— И при детях наших будет стоять, — заверил Паша.

— Да что дети, он и при внуках будет стоять! — уточнил Лешка.

Его исторический оптимизм был одобрен улыбками отца и деда.

И Луковы пошли дальше — через пустырь, к парку, по центральной аллее. Лешка взмахнул рукой и повернул налево. На следующем повороте ушел Паша. А затем и Алексей Павлович свернул на тропинку, зажатую меж кустов.

Вскоре позади него появился знакомый розовощекий бегун. Даже еще более розовощекий от утреннего морозца. Ритмично выпуская изо рта белые облачка пара, он послал традиционный доброжелательно-предупредительный клич:

— Дорогу, папаша!

Алексей Павлович привычно сошел с дорожки, прижался к кустам. Бегун, приближаясь, благодарно улыбнулся:

— Спасибо, дедуля!

Но вдруг у Алексея Павловича зачесалась переносица. Да-да, он вновь ощутил тот самый необъяснимый феномен и неотвратимый симптом, бороться с которым было бесполезно. В глазах его зажегся упрямый — пожалуй, даже слегка безумный — огонек. Алексей Павлович — будто его бес толкнул в бок! — ступил на дорожку и пошел своим путем.

Это показалось бегуну забавным, он засмеялся:

— Что, дедуля, посоревнуемся?

И легко настиг Алексея Павловича. Но обойти его не мог из-за кустов. Бегун дышал в спину Алексею Павловичу, а тот даже не обернулся, только прибавил шаг.

— Дорогу! — бегун уже был раздосадован.

Его идеальный ритм движения сбивался неожиданной и нелепой помехой.

— Дорогу давай, дед!

И тогда Алексей Павлович побежал.

Бегун притормозил от изумления. Потом рванул за ним.

Двое бежали по дорожке. И если у молодого лицо как-то посерело и даже постарело от раздражения, то лицо старого, наоборот, засветилось отчаянным азартом молодости. Он летел вперед и вперед, сбросив груз лет и бед, словно несла его на своих крыльях неведомая живая сила.

И бегун дрогнул. Остановился, повертел общеизвестным манером палец у виска. Свернул на боковую дорожку.

Но Алексей Павлович этого не видел. Он бежал, бежал, не оглядываясь, не утирая пот, задыхаясь, но улыбаясь улыбкой счастливой и молодой...

Кинокомедии

Однажды двадцать лет спустя

Дальний гудок парохода пролетел

и затих над спокойной рекой. С берегов ее начинался и не спеша поднимался вверх по пологим холмам старинный город — один из многих городов, собравшихся в самом сердце России, недалеко от Москвы.

Старина в нем была представлена золотящимися куполами, тихими улочками, витыми колонками ворот деревянных домиков. А современность — забранными в стекло и алюминий корпусами комбината, широким асфальтом новых проспектов и светлой школой в окружении молодых березок.

В классе за столом у окна сидела молодая симпатичная женщина и сосредоточенно кивала, слушая строгий голос учительницы:

— Да, мамаша Круглова, с вашей Валентиной трудный случай. Очень трудный. Надеюсь, мамаша Круглова, вы все поняли?

Строгая учительница в строгом костюме и строгих очках строго смотрела, ожидая ответа.

— Все, все! Поняла, поняла! — Круглова клятвенно прижала руки к груди.

— Хорошо, Надежда Павловна, — чуть смягчилась учительница. — Так что объясните, пожалуйста, Валентине, о чем следует думать в семнадцать лет: об аттестате зрелости или о любви.

— О любви! — неожиданно ответила Круглова на этот риторический вопрос, вовсе не требовавший ответа.

— Что-о? — дружным хором изумились учительница и все участники родительского собрания.

— Ой, мамочка, об аттестате! — исправила ошибку Круглова. — Конечно, об аттестате. Можно выйти?

Она пробежала по лестнице... и очутилась в другом классе. На другом родительском собрании.

— А, товарищ Круглова, здравствуйте, здравствуйте! — грозно приветствовал ее толстяк с указкой. — Я утверждаю, что вы лентяй, товарищ Круглова!

— Ой, мамочка! — опустила на парту Надежда Павловна.

— То есть ваш сын Петр — лентяй! — уточнил толстяк. — У вас прекрасные способности, товарищ Круглова... то есть у вашего сына Петра. Но вы бездельничаете, вы лентяйничаете, и потому законных по вашему уму-разуму пятерок не выдать вам, товарищ Круглова... то есть вашему сыну Петру!

Толстяк закончил тираду и умолк, отдуваясь.

— Я поняла, я постараюсь... то есть мой сын Петр постарается... — Она запуталась и опять по-ученически подняла руку. — Можно выйти?

— Олечка Круглова — гордость нашего восьмого «А», — говорила учительница в очередном классе. — Отлично учится, старательна, помогает товарищам...

Надежда Павловна счастливо улыбалась. И все родители улыбались, глядя на нее. И учительница смущенно улыбнулась.

— Как интересно получается: если ученик плохой, о нем можно говорить часами, а если хороший — так вроде и сказать нечего...

— А тогда и не надо говорить, — еще шире улыбнулась Круглова. — Спасибо вам большое! — И подняла руку: — Можно выйти?

Очкастый, вихрастый и худющий учитель кричал так, что Надежда Павловна испуганно вжималась в парту.

— И выдумкам ее нет конца! И выходам ее нет края! А

что она сегодня устроила — ваша Маша! Маша ваша! А? Запуск спутника!

— С кошкой на борту? — тоскливо уточнила Надежда Павловна.

— На этот раз без кошки! Целый час по спортзалу летала какая-то банка, и никто не мог ее остановить!

— Надо же, девчонка, а вся — в отца! — вздохнула Надежда Павловна. — Я ей велю, чтоб больше не смела эти банки...

— Нет! — перебил учитель, и очки его сверкнули. — Пусть опять запустит! Я должен сам решить эту загадку!

И наконец был класс, где и родители помоложе, и учительница совсем юная.

— Надеюсь, — сказала она, — вы теперь поняли, как это важно: самый первый класс. Так что если вопросов больше нет...

— Есть вопрос! — подняла руку Надежда Павловна. — Вы про всех сказали, а про Иру Круглову...

— Про Иру мы поговорим отдельно, — недовольно перебила учительница. — Если вопросов нет, всем спасибо и до свидания!

Родители поспешили к дверям, а Надежда Павловна подошла к окну.

Во дворе школы сидели на скамейке мальчишка лет пяти и парень в солдатской форме. Солдат покачивал детскую коляску. Она была нестандартной формы, похожая на белый кораблик, а на боку ее, как на кабине шофера дальних рейсов, были нарисованы алые звезды. Десять звезд.

— Юра! — крикнула Надежда Павловна. — Тебе что, отпуск дали, чтоб люльку качать?

— Скажи ему, мама, скажи! — с обидой крикнул пятилетний. — Ты мне Митеньку поручила, а он...

— Да соскучился я по всем по вам, чудики, — улыбнулся солдат Юра.

Надежда Павловна отошла от окна. Юная учительница, с которой они остались в классе вдвоем, возмущенно сказала:

— Мама! У меня первая практика, я волнуюсь! А ты, мама, вопросы... Про Иришу я все уже дома рассказала.

— Дома — одно, а на людях хорошее про дочку вдвойне приятно услышать! — усмехнулась Надежда Павловна.

Учительница засмеялась нехитрой маминой хитрости и взяла портфель.

— Пошли, тебе в Москву собираться...

— Волнуюсь я, Наташенька, — призналась Надежда Павловна. — Двадцать лет ребят не видела... Потом вопрос этот...

— Глупый вопрос! — категорически заявила Наташа.

— Может, и глупый... А — жизненный!

Надежда Павловна задумчиво посмотрела в окно.

И, как бы следуя за ее мысленным взором, приближались белокирпичными контурами окраины новой, бесконечно огромной Москвы. В этом приближении нас сопровождал голос ведущего телепередачи:

— «Что вы уже сделали в жизни и чего еще вы в жизни ждете?» — таков, как вы знаете, дорогие телезрители, традиционный вопрос, который мы задаем участникам передачи «Страна москвичей».

Москва все приближалась — широкими проспектами, многолюдными площадями, потоками машин.

— Одни из них работают в родной столице, другие приехали со строек Сибири, третьи служат на границе или работают за рубежами нашей родины. Но все они — москвичи, жители страны, которой нет на карте, но она есть в наших сердцах — «страна москвичей»...

Мы уже были в самом центре Москвы, среди стеклобетонных громад Нового Арбата.

— Готовя сегодняшнюю передачу, я пошел на определенный психологический эксперимент. Я собрал своих одноклассников...

Спустившись с высот Нового Арбата, мы оказались в переулках Арбата старого.

— Собрал в нашей школе, тридцать лет назад построили ее на старом Арбате в послевоенной Москве...

Мы увидели этот дом: типовое краснокирпичное здание с табличкой «Средняя школа № 7».

— А через десять лет состоялся первый выпуск — это были мы...

На экране возникла фотография прошлого: три десятка юных и веселых лиц.

— И вот сегодня, двадцать лет спустя, мы снова вместе. Наш славный и озорной, боевой и веселый десятый «А»!

Картина, сменившая фотографию, мало соответствовала словам ведущего: перед нами были не только повзрослевшие на двадцать лет, но и совершенно одревесневшие, оцепеневшие лица, которые следили оловянными глазами за чем-то проезжавшим перед ними.

Наконец стало ясно, что взгляды сидящих за столами в школьном классе были прикованы к горящему красному глазку панорамировавшей телекамеры.

— О-о! Это невозможно! — Ведущий вышел из-за спины оператора. — Нет-нет, друзья мои, это совершенно невозможно! Конечно, нам — психологам — известен эффект боязни телекамеры, но не до такой же степени!

На его изображение наплыл титр: «Кандидат психологических наук Ю.А. Вишневский».

— Ну зачем я собрал именно вас? — вопрошал ведущий. — И именно в нашем классе? Чтобы все наполнилось дыханием подлинной жизни!

— Юлик, ну какая жизнь под этой пушкой? — покосился на камеру огромный толстяк.

— Да нету этой пушки, Валера! Я же объяснил: это только запись. До эфира мы еще десять раз посмотрим, подкорректируем... Ну чего вы такие зажатые? Ведь все свои, все родненькие, некоторые по двадцать лет не виделись...

— Толян! — усатый красавец вдруг обнял сидящего рядом капитана второго ранга. — И правда, двадцать! А?

— Вот, Жора на правильном пути, — указал на них Юлик. — Искренняя радость в кадре.

Все рассмеялись. Обстановка несколько разрядилась.

— Ладно, вперед, Юлька! — скомандовала уверенная рыжая женщина. — А то нам никогда не взлететь!

— Верно, Мила, начнем, а там посмотрим... Все готовы?

— Вроде готовы, — сказал долговязый очкарик, и в руке у него неизвестно откуда появился блокнотик.

И у других в руках, как у фокусников, стали появляться блокнотики, бумажки, листочки... Только у Нади Кругловой ничего не было.

— Мишка! Членкор! Не стыдно! — Юлик выхватил бумажку у долговязого. — В Академию пожалуюсь! А всем

вам не стыдно! Не можете без шпаргалки ответить, что вы сделали в жизни? На такой простой вопрос!

— Ой, мамочка, просто-ой! — с искренним испугом протянула Надя.

Все опять рассмеялись.

— А что, Надюша, разве сложный? — удивился Юлик. — В школе ты всем подсказывала, а сейчас я бы тебе подсказал, да ничего про тебя не знаю.

— Подружка, называется! — укорила кудрявая женщина. — Улетучилась замуж на край света — и двадцать лет ни слуху ни духу!

— Какой край света, Леночка? Мы здесь, под Москвой...

— Хорошо, хоть в последний момент явилась, — сказал Юлик.

— Явилась, — вздохнула Надя. — А вот ничего про свою жизнь не сформулировала.

— Да-а, вообще-то вопросик, — тоже вздохнул членкор Миша.

— Друзья, только не гипертрофируйте ситуацию, — мягко улыбнулся Юлик. — Не обязательно отчитываться за всю жизнь. Возможен просто самый значительный факт, какое-то главное событие...

Все затихли, посерьезнели. Притихла и посерьезнела Надя.

Из тишины выплыл сначала отдаленно, а затем все громче и громче крик ребенка:

— Уа-уа-а!

Он летел над ночным городом, вырываясь из темного, спящего дома, под самой крышей которого светилося одно окошко.

Малыш лежал в уже знакомой нам белой коляске, только на борту ее тогда была лишь одна звездочка.

Над коляской склонились юная Надя, в ночной сорочке и с распущенными волосами, и ее столь же юный муж Кирилл, в майке и длинных футбольных трусах.

— Ой, мамочка! Кирилл, слышал, он сказал «мама»! Юрочка, сыночек, умница, скажи еще «мама»... Ма-ма, ма-ма...

— Надь, почудилось тебе... Какое «мама»? «Папа» он сказал, «папа»!

— Да нет, я же слышала — «мама»!

— Вот, елки, он — сын, он и сказал «папа». Дочка, может, и сказала бы «мама», а сын — «папа».

— Ма-ма! — на этот раз вполне четко произнес младенец.

— А?! — закричала Надя. — Мама! Ну, слышал: мама!

Снизу в пол застучали, и донесся хриплый голос:

— Чего орешь? Дите орет, ты орешь... В квартире откажу!

Кирилл погрозил в пол кулаком. Надя испуганно зажала ладошкой рот. Только сияли глаза, глядящие на сына.

Кирилл сказал мрачным шепотом:

— Ладно, елки! Сын первым делом — «мама»? Хорошо. Зато дочка... дочка скажет «папа»!

Телекамера проехала мимо толстяка Валеры.

— Черт знает что за столы! — проворчал он. — Наши парты были пошире...

— Это ты был поуже! — усмехнулась рыжая Мила.

— Все равно все другое, — сказал загорелый мужчина. — И парты... и доска... На моей здесь сбоку слово было — ножом...

— А может, Витя, лучше, что слова нет? — поинтересовался бывший кудрявый, а ныне лысеющий.

— Пожалуй, Леша, лучше, — честно посмотрел ему в глаза Виктор.

Долговязый членкор Миша с трудом вытащил из-под стола длиннющие ноги:

— Нет! Не усядусь я здесь, не усядусь!

— А не усядешься, так стой, — категорически сказал Юлик. — Стой и будешь первым. Репетнем, а потом — на камеру. Давай, просто и от души, что ты уже сделал в жизни?

— Ну, я не знаю! — Миша развел руками. — Что, рассказать тебе мою докторскую?

— Во-первых, не мне, а миллионам телезрителей. А во-вторых, твою докторскую, я полагаю, не все доктора поймут.

— Не все, — сокрушенно кивнул Миша, но вдруг просиял: — Вот что! Есть понятное миллионам, включая де-

тей. Мой задачник. Рекомендован во всех школах. Можем считать это моим жизненным достижением?

— Вполне, — согласился Юлик.

— Ну, членко-ор, — протянул усатый красавец Жора, — спасибо тебе! Мой оболтус из-за тебя ни одной задачки решить не может. Он бы тебе рассказал, какое это твое достижение!

Все рассмеялись. А загорелый Виктор сказал серьезно:

— Вообще-то, любое дело — это палка о двух концах. Вот я монтировал на Ангаре комбинат. Красавец гигант получился! Достижение это у меня?

— Безусловно, — кивнул Юлик.

— Так. А на днях я про свое достижение читал в газете. Полтайги он своими дымами потравил, этот мой красавец!

— Брось, Витя, так можно все запутать, — возразил Валера. — Вот я, к примеру, о чем с детства мечтал, того и добился.

— С детства ты мечтал продавать мороженое! — съязвила Мила. — У Арбатского метро.

— Точно, — спокойно сказал Валера. — И осуществил мечту.

— Мороженым торгуешь? — удивился очень солидный Николай.

— Торгую. И делаю. Я на молочном комбинате работаю.

— Карлсон ты наш! — восхитилась Леночка.

— Нет, по Витькиной логике, я не Карлсон, а какая-нибудь Снежная королева. Любая мамаша может сказать: зачем вы, Валерий Михайлович, делаете это жуткое мороженое? От него у моей Лялечки ангина!

Все зашумели, соглашаясь или возражая. А солидный Николай глубокомысленно вздохнул:

— Все так и есть. Сколько людей — столько взглядов на одни и те же стороны бытия.

Надя задумалась, вспоминала свое...

Над серебристой лентой реки застыли в воздухе два мотылька, едва трепеща крылышками. Но вот они метнулись и исчезли, потревоженные бегущей по берегу молодой женщиной в спортивном костюме, ладно подчеркивающим ее стройную фигуру.

Женщина, растерянно оглядываясь по сторонам, пробежала мимо лужайки, на которой ребята, попеременно с отцами семейств, среди которых был и Кирилл, гоняли футбольный мяч.

Кирилл, не сбавляя темпа, подбежал к знакомой белой коляске, на борту которой было уже четыре звездочки, быстренько покачал ее, успокаивая лежащего в ней ребеночка, и молнией вернулся на свой боевой пост, успев перехватить отпасованный мяч.

Кирилл гнал его, отмахиваясь от бежавшего рядом пятилетнего сына Юры.

— Папа, папа, опять Наташка потерялась!

— Какая Наташка? — в азарте кричал Кирилл.

По берегу бродила Надя с двухлетней Валентиной на руках, обшаривая кусты на детской площадке:

— Наташа... Наташенька, доченька... Где ты, Наташа?

За домиком лодочной станции она чуть не столкнулась с женщиной в спортивном костюме.

— Катя! Катенька! Катюша-а! — взволнованно кричала женщина.

— И ваша потерялась? — участливо спросила Надя.

— Как в воду канула! — чуть не плакала женщина. — Мы только причалили, я с ней на минутку вышла на берег и...

— Сколько ей?

— Полтора годика. А вашей?

— Скоро четыре... и вечно теряется, — улынулась Надя. — А как ваша выглядит?

— Черненькая такая... черноглазая. С красным бантиком. Не видели?

— Нет. А моя беленькая. С голубым бантом.

— Тоже не видела. — Женщина опять засуетилась. — Катя! Где же ты, Катюша?!

К маме подбежал Юра:

— Нету Наташки? Я папу позвал...

Женщина удивленно глянула на пополнение семьи. А тут еще явился Кирилл, кативший коляску.

— Ну, елки, куда ты ее девала? Газету нельзя считать спокойной.

Женщина хмыкнула при виде шумной семейки. Но вспомнила о своем и снова закричала:

— Катя! Катюша...

— Наташка! — деловито зашумел маленький Юра. — Вот будет тебе, Наташка, выходи!

— Стоп! — закричал Кирилл. — Всем слушать!

Все затихли. Шелестела листва. Плескалась речная волна. Из-под опрокинутой лодки доносились какие-то всхлипы. Все бросились к лодке, перевернули ее. Под ней сидели маленькая беленькая девочка с голубым бантом в кудряшках и маленькая черненькая собачонка с красным бантом на шее. Сидели, таращились, девочка плакала, собачка тихонько скулила — боялись друг дружку.

— Наташенька! — подхватила на руки девочку Надя.

— Катюша! — подхватила на руки собачонку женщина.

Каждая обнимала-целовала свою пропажу. И все смеялись.

— Ничего вышло! — сказал Кирилл. — Мы думали, у вас тоже девочка.

— А кто же она? — гладила собачку женщина. — Любимая моя девочка!

Она помахала кому-то у реки и крикнула:

— Нашлась! Ленечка, она нашлась!

У берега покачивалась байдарка, в которой сидел молодой симпатичный мужчина. Женщина привычным движением закинула за спину пристяжной детский стульчик, в котором послушно сидела собачка Катенька.

— Свадебное путешествие! — улыбнулась Надя.

— Вот! — обрадовалась женщина. — Нас все принимают за молодоженов. А мы уже женаты семь лет!

Усаживаясь в байдарку, она продолжала щебетать:

— Ленечка, посмотри, какие славные детишки. Целый выводок. Прямо как из инкубатора!

— Шутка?! — начал заводиться Кирилл.

— Почему шутка? — удивился мужчина. — Они у вас действительно очень симпатичные.

Надя придержала Кирилла за рукав и спросила:

— А у вас дети есть?

— Зачем? — искренне удивилась женщина. — В наше время у женщин есть дела поважнее...

Мужчина засмеялся и, оттолкнув байдарку веслом от берега, помахал рукой на прощание.

Надя с Кириллом молча переглянулись.

А по реке летела серебристая байдарка, влекомая легкими серебристыми веслами, вспархивающими над водой, как мотыльки.

— Надя, Надь! — обнимала подругу за плечи Леночка. — Ты куда уплыла?

— Да все туда же... — вздохнула Надя. — Все про жизнь свою формулирую. У Андрюши вон как четко выходит...

Она кивнула в сторону доски, у которой — под взглядом телекамеры — набрасывал мелом какие-то домики, пронзенные солнечными лучами, человек в кожаной куртке.

— Да ну его! — проворчала Леночка. — Совсем заиклился на этом своем «городе солнца»! Придумал какие-то дома круглые, чтоб в каждое окно солнце хоть на час, а заглядывало.

— Так это ж хорошо!

— Чего хорошего? Мог бы уже давно диссертацию защитить, а он... И дома я одна пашу за этого гения... Знаешь, до чего дошло? Он даже не спрашивает: «Ты положила сахар?», нет, он только интересуется: «Леночка, ты уже размешала сахар в моем кофе?»

Юлик замахал на них рукой и сделал страшные глаза. Подруги закивали: мол, поняли, поняли, молчим. Но Надя все же прошептала:

— Не плачься, Ленка. Андрюша у тебя молодец. И ты совсем не изменилась, так замечательно выглядишь!

— Да нет, это косметика у меня замечательная, — отшептала Леночка. — С этим гением будешь выглядеть — «парикмахерскую некогда сходить. Плюс Димка...

— Сын?

— Сыночек. Знаешь, я мечтала, нарожаю целых двух! А потом мы подумали: пусть лучше один, но чтоб ни в чем не нуждался. Чтоб, как в песне, он «спасибо» сказал «за наше счастливое детство».

— И сказал?

— Сказал! — помрачнела Леночка. — Он нам сказал: «Чего вы твердите про трудности? Нам вообще нужно гораздо меньше, чем вам, — в смысле всякого жизненного барахла!»

Юлик опять зашипел на них из-за камеры. Они умолкли и уставились на Андрея, рисующего свой «город солнца». Но Надя видела совсем другое...

Еще не украшенная елка стояла посреди большой комнаты новой квартиры. А украшения готовились за столом, заваленным серебристой фольгой, цветной бумагой, картоном. Под руководством папы Кирилла семилетний Юра, шестилетняя Наташа, пятилетняя Валентина и Петька, двух лет от роду, увлеченно вырезали, клеили, шили игрушки.

Надя, наблюдавшая эту картину стоя в дверях спальни, была явно недовольна.

— Кирилл, можно тебя на минутку?

Впустив Кирилла в спальню и прикрыв дверь, она сердито сказала:

— Опять, да? Ты за фрезу премию получил?

— Не за фрезу, а за резец. Фреза пойдет как изобретение! — загорелся Кирилл. — Там, понимаешь, я такую штуку допер...

— Про штуку потом! Мы же решили, с премии купим нормальные игрушки.

— Нет, Надежда. Мы, правда, решили, но потом я решил: нет! Я в войну из жестянки звезду сам вырезал и выкрасил, так звезду эту я всю жизнь помню.

— Сколько мы войну вспоминать будем? Кончилась война, двадцать лет как кончилась!

— Да не в ней дело. Им это радость — своими руками! Ну, а премия... премия — вот!

Он полез под шкаф, достал сверток, развернул, и перед Надей упало серебристым водопадом платье.

— Ой, мамочка! Это же... то самое!

— Новогодний подарок к Новому году. От мужа, — официально сообщил Кирилл и, воспользовавшись моментом, обнял жену.

— Ты что! Дети!

— Елки! — огорчился Кирилл. — Три комнаты дали, а нигде не спрячешься!

За дверью раздался отчаянный детский плач.

Надя с Кириллом вылетели в большую комнату. Там появился новый персонаж — младшая дочка, четырехлет-

няя Олечка. Шубка ее была распахнута, она размазывала по лицу слезы варежками, висевшими на веревочке.

— Что ты, Оленька?! Что случилось? — обняла ее мама.

— Мне не да-али Снегу-урочку-у играть! В саду-у! На кон... конкурсе-е...

— Ольга, толком говори! — со строгостью прервал ее рев папа. — Почему не дали? Что за конкурс?

— Костю-юмов... У всех были костюмы настоящие-е... а у меня-я вата с карто-онкой... Что мы с тобой рисова-али...

Мама с папой все поняли. И старшие — Юра, Наташа и Валя — тоже, кажется, поняли, молча смотрели на Олечку. Только беззаботный Петька клал ножницами.

Надя подхватила Олечку на руки и ушла в другую комнату.

— Тебе очень обидно?

— Очень, — всхлипывала Олечка. — А еще они смеются.

— Кто смеется?

— Девчонки... Вчера Таня говорит: «У меня нос — мамин, глаза — папины», а Нина говорит: «А у меня уши — бабушкины, а брови — тетины», а я говорю: «А я ношу юбку моей старшей сестры»... А они смеются-я...

Надя тоже не знала, смеяться ей или плакать.

— Но ведь тебе нравится Наташина юбочка?

— Очень! В складочку...

— Ну вот, я и тебя научу шить.

— Конечно, мама, я научусь... только там еще одна тетя сказала... Танина мама... на кон... конкурсе... я слышала, она сказала: «Сколько же этих Кругловых, только нищету разводят...»

Надя окаменела. Посидела так. Встала.

— Ничего, Оленька, ты будешь Снегурочкой. Самой красивой!

Уже был поздний вечер, а Надя все строчила на швейной машинке. У ног ее валялись обрезки серебристого платя — подарок мужа.

Потом она положила прекрасное платье Снегурочки на стул возле спящей Олечки. Поправила на ней одеяльце и вышла.

Надя, одинокая, сгорбившаяся, недвижная, сидела на

темной кухне. Тусклый утренний свет едва пробивался через зимнее окошко.

Появился Кирилл, присел рядом, осторожно спросил:

— Надь, ты чего? Чего не спишь, а?

— Ничего. Просто устала. И больше ничего. Я очень, очень устала.

Она говорила это ровным бесцветным голосом. Кирилл попытался обнять жену. Надя не отстранилась, но и не прильнула к нему, оставалась напряженно-застывшей.

— Я больше не могу. Я хочу спать. Уже много лет, днем и ночью я хочу спать.

Она продолжала говорить тихо и ровно, и от этого становилось еще страшнее. Испуганный Кирилл прижал ее к себе:

— Надюша, не надо! Конечно, ты устала, но ты отдохнешь, ты обязательно отдохнешь.

— Нет! Я никогда не отдохну! Никогда! — Слезы наконец пробились через ее оцепенение, и она заплакала, заголосила бессвязно: — Никогда... нет... Я думала... я ждала, как праздника... а никто не понимает! Никто на свете... Все! Я больше не хочу... я хочу спать! У меня вечно шершавые руки... Тысяча морщин... Я стала старухой! Я больше не хочу... не могу... не хочу...

Кирилл гладил ее по спине, по плечам, вставляя в ее бессвязный плач такие же бессвязные утешения:

— Надюша... Ну, Надюша, не надо, елки... Не хочешь больше — не надо... Пять детей, это хорошо... Пусть так и будет... пять, хватит! Ну, не будет... не будет у нас Машки...

Надя схватилась обеими руками за живот:

— Как — не будет?! Как это — не будет Машки?!

Кирилл уставился на нее:

— Ты же сама говоришь...

— Что я говорю? — она улыбнулась сквозь слезы. — Ой, мамочка, какой ты дурачок! Ну, сообразил, не будет Машки...

— Перерыв! — объявил Юлик.

В коридор, переговариваясь, выходили однокашники. Гасли прожектора. Застыли телекамеры.

В опустевшем классе осталась Надя.

— Надюша! — Юлик задержался в дверях. — Ты чего

заскучала? — И подсел к ней. — А ничего я придумал: собрать вас в классе?

— Да... Все — как в прошлом.

— Смешно... Как мало надо, чтобы вспомнить, как было хорошо в прошлом.

— А сейчас тебе плохо?

— Что ты, у меня все о'кей, — тоскливо сказал Юлик. — И на работе, и дома, и вообще... — Он помолчал. — А ты замужем?

— Двадцать лет.

— Ну да, ты сразу после школы... За токаря, кажется, за автоматчика...

— Револьверщика... Он токарь-револьверщик, мой Кирилл.

— А-а, да... — Он опять помолчал и вдруг выпалил: — А ведь я, Надька, был в тебя влюблен!

— Знаю, — просто ответила она.

— Интересно! — всерьез огорчился Юлик. — Ты, значит, все знала? И как я из-за тебя чуть из окна не выпрыгнул?

— Чуть-чуть не считается! — засмеялась Надя.

— Ясно, — мрачно сказал Юлик и вздохнул. — Слушай, Надюха, скажи честно, вот ты двадцать лет замужем... А тебе ни разу не хотелось бросить все, сбежать на край света?

— Ни разу, — помотала головой Надя.

— Никогда-никогда?

— Никогда-никогда!

Надя смеялась и отчаянно мотала головой, будто старалась отогнать воспоминания...

В плаще нараспашку, косынка сбилась, бежала Надя по пустынным аллеям осеннего парка, усыпанного опавшими листьями.

В дальнем уголке, возле развалин старой усадьбы, над крохотным прудом, худощавый человек с нервным лицом и длинными пальцами стоял перед раскрытым мольбертом и задумчиво глядел на чистый лист.

Увидев подбегавшую Надю, он радостно шагнул ей навстречу.

— Извините, Илья Николаевич! Задержалась! У Юры ангина, врач приходил... Извините...

— Что вы, Надежда Павловна, какие извинения? — перебил он ее, светясь радостью. — Вы пришли — и это уже... это прекрасно!

Илья Николаевич протянул Наде букетик тонко подобранных по колориту осенних листьев. При этом пальцы их коснулись, и оба испуганно отдернули руки, так что Надя еле удержала букет.

— Спасибо, что вы пришли, — сказал он.

— За что спасибо? — смутилась Надя. — Я ж обещала.

— Да, конечно, но все же я... я с трепетом ждал. Ведь я уже не очень молод, а вы... вы такая юная.

— Ой, юная — семерых родила! — совсем смутилась Надя.

— И прекрасно! Знаете, когда я увидел вас с детьми в этом парке, я сразу представил вас... мадонной. Вы проситесь на полотно...

— Не надо, — поспешно сказала Надя. — Это не надо!

— Я вас чем-то обидел? — обеспокоился художник.

— Нет-нет...

Они снова умолкли. Он неловко попытался взять ее за руку и испуганно замер — не оттолкнет ли? Надя только робко глянула, но руку не отняла.

— Знаете, если бы вы все-таки пришли ко мне в студию...

— Нет! — опять поспешно оборвала Надя. — Это нет!

— Что вы, Надежда Павловна, вы не так поняли... Я бы просто написал ваш портрет. Или лучше... — он восторженно окинул ее взглядом с головы до ног, — лучше бы я написал вас... всю.

— Обнаженную? — испугалась Надя.

— Нет!!! — еще больше испугался он. — Я бы написал вас так, в этом плаще, с этими листьями...

Он замолчал. А Надя сказала решительно:

— Тогда я приду. Прямо сегодня. Сейчас!

— Сейчас? — Он не верил своему счастью.

— Да, — заговорила она быстро, — именно сейчас, сейчас... — И опомнилась: — Нет, сейчас нельзя. Сейчас мне домой — Юре компресс делать...

— Понимаю, понимаю... Тогда — завтра?

— Да, завтра! — воодушевилась Надя и вновь увяла: —

Нет, послезавтра Наташку в пионеры принимают, надо кофточку белую дошить.

— Но, возможно... — не терял он надежды, — возможно, в среду?

— В среду — да! — решительно согласилась Надя, но сникла: — Нет, в среду мы с Валентиной задачками занимаемся. Не даются ей эти задачи!

— А... а в четверг?

— В четверг точно — нет! Четверг — банный день, я младших отмываю, Машку особенно, она всегда как чуело, я, говорит, самая маленькая, значит, самая близкая к земле и поэтому больше всех вымазываюсь... Ой! — оборвала она бесконечную фразу. — Что я говорю?

— Вы говорите правду, — печально сказал Илья Николаевич. — Обычную правду жизни.

— Нет, просто эта неделя такая! Но в пятницу... да, в пятницу!

— В пятницу? — ожил он и снова решился взять ее за руку. — Вы... вы придете в пятницу?

— Да, я приду в пятницу. В пятницу — обязательно!

Он держал ее руки и счастливо смотрел в глаза. Надя смутилась и осторожно высвободила руки.

Едва Надя — все в том же темпе, плащ нараспашку, косынка набок — подбежала к своему дому, как из подъезда вылетела дворничиха-татарка, ведя за руку вихрастого второклассника Петьку.

— Ай, чертов шайтан! — кричала она. — Твой башибузука стекло сломала! Совсем на кусочки поломала!

— Где разбил, тетя Фатима? Когда? — опешила Надя.

— В подъезде разбила. Тыри дня назад. А сейчас признался! Теперь тыри рубля неси, мамка Надя!

Фатима торжественно передала Петьку маме и удалилась.

— Так! — Надя устало опустилась на скамейку. — Что с тобой происходит, Петя? Подрался с Будякиным, вырвал на парте зайца, подложил кнопку химичке... учительнице химии! Теперь — стекло...

Петька молчал и вздыхал.

— Что молчишь? Что вздыхаешь? Куда ты катишься?!

Она горестно потерла ладонью левую сторону груди.

И Петька не выдержал:

— Мама! Ну не бил я стекло! Я только с Будякиным подрался, а больше ничего вообще!

— Так-так, интересный разговор... Ну давай потолкуем.

Во дворе появился мальчишка в кепочке и возбужденно зажестикублировал, призывая Петьку к себе.

— Чего это Шурик? — заметила его Надя.

— А я знаю? — Петька крикнул Шурику: — Потом, ну потом!

Шурик закружил по двору на небольшом отдалении.

— Так что расскажешь? — спросила мама.

— Это я их выручаю — друзей. — вздохнул Петька. — Понимаешь?

— Не понимаю. Давай-ка толком.

— Ну я подрался с Будякиным. И, значит, мне влетит. Так?

— А как иначе?

— Вот и Корзухин сказал: «Тебе все равно за Будякина влетит, так ты еще скажи, что на парте вырезал, хотя это я вырезал, но ты выручи друга».

— Дела-а, — поразились мама Надя. — Ну, дальше, дальше...

— Дальше Рудько говорит: «Выручи еще одного друга, я кнопку подложил Тамаре Анатольевне, так скажи, что это ты, тебе все равно за Будякина и Корзухина влетит». А сегодня еще Дима Пеночкин говорит: «Я стекло в подъезде разбил...»

— Ой, мамочка, — рассмеялась Надя. — Христосик ты мой!

— Кто? — не понял Петька.

— Не важно, страдалец ты, в общем, за друзей. Только какие же это друзья? — посерьезнела Надя. — Это же трусы и хитрюги, вот что я скажу! Паразитство это, прости за слово нехоршее.

— Мам, я уже и сам думал...

— Думал — это хорошо. Думай, Петенька, думай, тогда до всего додумаешься. Ну, пошли домой.

Но тут не выдержал и подбежал Шурик:

— Тетя Надя, можно Петю на минутку?

— На минутку можно.

Шурик отвел Петьку и что-то жарко ему зашептал.

Петька мотал головой. Но Шурик настойчиво умолял. И Петька вернулся к маме.

— Мам, понимаешь... Шурик нечаянно треснул лампочку из рогатки. А он мой друг и...

— Ой! Ой-ей-ей! — Надя затряслась от смеха. — Пропадешь ты, мой христосик, со своей добротой... Ладно, семь бед — один ответ!

Счастливый Петька побежал к Шурику, но остановился:

— Мам, еще... Тебя в школу вызывают. Такое маленькое родительское собрание.

— Что за маленькое собрание?

— Ну... ты, я и классный руководитель.

— Ясно, — подавила улыбку Надя. — И когда это... маленькое собрание?

— В пятницу, — сказал Петька и направился к Шурику.

— В пятницу?! — простонала Надя.

Петька даже остановился.

— В пятницу. А ты что, не можешь?

— Могу, Петенька, как не могу... Приду обязательно...

Петька убежал.

Надя так и осталась на скамейке, и все качала головой, и все приговаривала — то с улыбкой, то со слезами:

— В пятницу!.. А?.. Надо же — в пятницу...

Кружились и падали желтые осенние листья.

— Нет! Нет! Нет! — отмахивался солидный Николай. — Уберите камеры!

— Это еще почему? — удивился Юлик.

— Потому! — многозначительно ответил Николай. — Я пришел просто повидаться с ребятами. Но говорить ничего не буду. Не имею права.

Все сразу поскутнели под его серьезным взглядом. Только Мила отчего-то развеселилась:

— Ах, он не имеет права! Ах, скажите! Но нам безумно интересно: чего же вы все-таки достигли в жизни?

— То, чего мы достигли, вам уже показывали. По телевизору, — весомо сказал Николай.

— Прекрасно! — не унималась Мила. — Но есть и второй вопрос: «Чего еще вы в жизни ждете?»

— То, чего мы ждем, сбудется, надеюсь. И тоже будет показано по телевизору.

— Ясно, — сказала Мила. — Ты работаешь на космос.

— Да, — с достоинством подтвердил Николай.

— В научном институте, — уточнила Мила.

— Да.

— Завхозом.

— Да... А откуда ты знаешь?

И был обвал смеха.

А Мила, покрутив пальцем у виска, пояснила:

— У Колечки завихрение. Наши дети в одной школе учатся.

— Тьфу, черт, — тоже рассмеялся Николай. Но вновь посолиднел. — Между прочим, ничего смешного. Завхоз, завхоз... Да кто из вас хоть чуть-чуть представляет, что это такое — иметь на руках огромное хозяйство!

Надя понимающе кивала его словам, вспоминая...

Чумазая Машка — лоб и щека в чем-то черном — разбирала отверткой кораблик. Она сосредоточенно отвинтила капитанскую рубку и уже отдирала от бортов палубу, когда раздался крик продавщицы:

— Ты что вытворяешь?! Родители, товарищи родители, чей это ребенок?

Надя метнулась от кассы к прилавку с игрушками.

— Машка, горе ты мое! На секунду нельзя отвернуться!

— Мама, не волнуйся, я сейчас все починю...

— Она починит! — возмущалась продавщица. — Кто это у меня теперь возьмет?

— Мы возьмем, мы, — поспешно заверила Надя. — Сколько стоит?

— Семь восемьдесят.

— Ой, мамочка! — ахнула Надя.

— Так он же на полупроводниках, — со знанием дела объяснила Машка. — У него три режима работы...

Надя, не дослушав, wygrебла все бумажки с мелочью и показала пустой кошелек дочери:

— Вот! Кроссовок теперь не видать!

— Нужны мне эти кроссовки! — фыркнула Машка.

— Ах, тебе не нужно? А Ирише и Сашке нужны. Им после тебя эти кроссовки носить было положено.

— Мама Надя, ну извини, ну прости, — затараторила Машка. — Все равно я этот кораблик уже разобрала... не-

чаянно... А теперь я к нему кое-что приделаю и такое путешествие устрою... кругосветное!

Надя, нагруженная как ломовая лошадь — две сумки в руках и рюкзак за спиной, — бросилась в последний штурм к выходу из «Детского мира», этого безумного, безумного, безумного мира, наполненного гулом и коловращением потоков мам, пап и детей.

Машка катила за мамой знакомую коляску, верх которой был закрыт клеенкой, а на борту красовались уже восемь звездочек.

Но к выходу они не пробились — путь им преградили полная блондинка в черном костюме с белым жабо и молоденький сержант милиции. Он вежливо козырнул Наде, блондинка что-то сурово сказала... И Надя с Машкой не успели опомниться, как оказались в небольшой комнате администратора.

Блондинка уселась за свой стол.

— Ну, сержант, выясняй!

— Да, — снова козырнул милиционер, — мы бы хотели выяснить, что у вас, гражданочка, имеется в этих сумках?

— Покупки имеются, — не понимала Надя, — вещи разные...

— Вот именно — очень разные! — съязвила блондинка. — Я за ней долго наблюдала. Набирает все подряд во всех отделах, всех размеров — от двадцать шестого до сорок шестого. Одних пеналов пластмассовых семь штук взяла! Скупают все, а потом спекулируют!

Надя онемела от возмущения. А Машка закричала:

— Что вы врете? Что вы врете?

— Ах, они еще оскорбляют! Сержант, составляй протокол!

Может, в другой раз добродушие и улыбчивость Нади победили бы. Но сейчас она была на пределе.

— Составляй протокол! И что здесь, не забудь! — Она сорвала клеенчатый верх коляски и стала выкладывать на стол. — Сахару пять кило, хлеба три буханки, котлет любительских сорок штук, сосисок молочных четыре килограмма!

И связку этих сосисок она набросила, как ожерелье, на шею блондинки.

— Ах, что это... кошмар! — блондинка срывала с себя сосиски.

— Мамочка, молодец! Молодец! — восторженно вопила Машка.

— Гражданка, гражданка, — оторопел сержант, — к порядку прошу, к порядку...

— А это, по-вашему, порядок?! — Надя разбушевалась. — Это порядок — не думать о многодетных матерях? Семь пеналов... Да мне, если хотите знать, одной картошки на зиму надо тонну! Тыщу килограмм! Об этом кто думает? Кто? Размеры двадцать шесть — сорок шесть? А у меня они и есть — всех размеров! Думаете, дети безразмерные бывают? Порядок, да? Это что, порядок: Герои Труда, Герои Союза — все без очереди, имеют право, а мать-героиня — нет! А между прочим, всех этих героев она родила — мать!

Все притихли от ее взрыва.

И она опомнилась, достала из сумочки паспорт.

— Извините, я просто хотела сказать... Вот, у меня восемь детей. Вот посмотрите...

— Все ясно, ясно, — смущенно отталкивал паспорт сержант, — извините, гражданочка, ошиблись.

А блондинка сказала то, чего лучше бы ей не говорить:

— Да, накладка вышла. Но в принципе порядки у нас правильные. А то есть и такие героини: восемь детей — и отцов восемь.

— Мама! — закричала Машка. — Она... она... ведьма она!

Машка отчаянно выхватила из кармана какую-то пестарду, рванула ее перед носом блондинки, раздался оглушительный хлопок, и все заволочло облаком сажу.

Облако рассеялось — блондинка превратилась в негрятенку.

Вечером в доме был траур. Если передавали тарелку, куклу или карандаш, то делали это молча. Машки нигде не было видно. На кухне Надя и старшая дочь Наташа мыли посуду. А младший сын Антон посуду вытирал.

Обстановку несколько разрядил Кирилл, возникший с огромной сковородкой и огромным дуришлагом — наверное, с тысячей дырок.

— Готово! Можно промыть хоть три кило макарон! А здесь — жарить яичницу для всей семьи! Сразу!

— Нашел время, — только и сказала Надя.

— Елки! — огорчился Кирилл. — Сама виновата. Ни за что ребенку всыпала.

— Ни за что? Это она в магазине ничто устроила?

— Я бы им за тебя, мама Надя, еще не так дал! — грозно заверил Антон.

Надя молча терла щеткой все одну и ту же тарелку.

— Час из ванны не выходит, — вздохнул Кирилл.

— Перед ужином сама руки мыла. С мылом, представляете? — вздохнула Наташа.

— А мне она за соль «спасибо» сказала, — вздохнул Антон.

Надя не выдержала — слезы покатились по ее щеке. Кирилл поспешно сказал детям:

— Сходите-ка, гляньте, как она там?

Наташа с Антоном удалились, а Кирилл обнял жену:

— Ну, чего ты? Не казись!

— Ой, мамочка! — всхлипнула Надя. — У нее, наверно, моральный шок... Если ребенка несправедливо наказать, он может надломиться. Я в «Здоровье» читала.

Возвратились Антон и Наташа. Опечаленные.

— Душ там шумит, — сообщила Наташа. — А Машка из-за двери сказала: «Еще раз голову помою». Представляете?

— А я ей говорю: «Как ты себя чувствуешь?» — добавил Антон. — А она мне: «Спасибо, хорошо чувствую».

— Все! — звенящим голосом сказала мама. — Надо звать врача!

— Елки, это еще чего?! — вскрикнул Кирилл.

Под дверь кухни вползла какая-то пенистая масса.

Семейство выбежало в прихожую... и утонуло в заполнившем все пространство огромном мыльном облаке. Только руки-ноги-головы то тут, то там выныривали из него, да реял над всеми победный крик Машки:

— Я избрела шампунь! Сильноскоромногопенящийся шампунь!

И Надя, на миг вынырнувшая из пены, облегченно простионала:

— Слава богу, ребенок здоров! Нормальный ребенок!

Юлик о чем-то переговаривался с пультом через микрофон, висевший на шее телеоператора.

Надю тронул за плечо лысенький толстячок.

— Надежда, слышь, дай глянуть твой конспектик.

— Какой... конспектик?

— Ну, этот... что сделала в жизни и чего ждешь?

— Ой, Сеня! — изумилась она. — Опять списывать?

— Да нет, я только гляну... начало и конец. Вступление и заключение.

— Точно! — Надя зажала рот ладошкой. — Ты и на сочинениях просил: только вступление и заключение. А потом катал, катал все подряд...

Надя изо всех сил зажимала рот, но смех так и лез из нее.

— Ты у Леночки списал «Как я провела лето». И все катал в женском роде: «Я была у бабушки, купалась, загорала...» Ой, не могу, прости, Сенечка!

Сеня тихонько подхохатывал ей без особого удовольствия.

— Было дело. Но сейчас я в другом смысле. Хотелось просто глянуть, сравнить. Все-таки телевидение, понимаешь...

Надя разом перестала смеяться и сказала серьезно:

— Понимаю, Сенечка. Только нету у меня никакого конспекта... Честное слово, сама бы у кого списала! Но у кого спишешь про свою жизнь...

Сизый утренний туман стелился над лесом. Внизу у реки виднелись домики пионерлагеря.

Надя плела венок и улыбалась. Кирилл сидел рядом и тарачил на нее влюбленные глаза. За кустами слышались голоса их детей.

— Хорошо как, господи! — вздохнула Надя.

— Хорошо! — радостно согласился Кирилл, обнял и поцеловал ее.

— Ой, Кирюша! — ласково отбивалась Надя. — Ты когда утомонишься? Когда?

— Никогда! — Он еще крепче обнял ее. — И не надейся!

— Дети же! — вырвалась Надя.

И верно, прибежали дети — маленькая Ириша и Антон.

Мама Надя увенчала голову дочери венком, полюбовалась, потом привлекла к себе и голову Антона.

— Антошка, сколько же мы не виделись! Соскучилась! Как у тебя волосенки-то пахну-ут...

И вдруг принюхалась:

— Чем это они у тебя пахнут? Дымом... Ты что, куришь?!

Антон промолчал. Ирка съебедничала:

— Курит, курит! Я в кустах видела — у него нос дымился!

— Елки! — Кирилл ударил по карманам сына. — Где? Ну?

Антон нехотя, но спокойно вытащил из одного кармана сигареты, из другого спички.

— Ах ты сопляк! Двенадцать лет — курить... Ах ты! — бестолково суетился Кирилл.

— А чего? — упрямо сказал Антон. — И вожатые курят, и учителя... даже женщины. И вообще, знаете анекдот?

— Анекдот?! — Папа Кирилл схватился за ремень.

— погоди, Кирилл, — остановила Надя. — Мне учительница всегда говорила: ваш Антон — большой юморист. Давай анекдот.

Антон помялся, но потом усмехнулся отчаянно:

— Старичок один встречает одного мальчика. Малец курит. Старичок ему говорит: «Эй, сынок, рано ты начал курить!», а малец отвечает: «Почему рано? Уже полдень».

— Смешно-о! — Папа Кирилл опять рванул ремень.

— погоди, — вновь остановила Надя. — Ты скажи, будешь курить?

Антон молчал. Колебался. И отважился:

— Сами учили — не врать. Ну не вру: буду.

Теперь папа Кирилл все-таки выхватил ремень из брюк.

— Не надо! — сказала мама Надя. — Тогда я тоже буду с тобой курить. На пару. Давай папиросы.

Антон не двигался, глядел на маму с кривой улыбкой.

— Ну! Дай матери закурить! И прикурить!

— Надь... Ты брось... — начал Кирилл.

Но ее уже нельзя было остановить.

Она схватила сигареты и спички, лихо закусил сигарету, лихо чиркнула спичкой, лихо затянулась — раз, другой, третий... Глубоко, еще глубже, еще... И глаза у нее полезли на лоб!

— Ой, мамочка-а! — захлебнулась она и рухнула.

Когда Надя открыла глаза, вокруг толпились все пере-

пуганные дети. Кирилл держал ее голову у себя на коленях, старушка докторша совала ей под нос пузырек, а сын Антон ревел белугой:

— Я не буду курить, мамочка! Я никогда... я не буду, не буду!

— Ну, знаете, уважаемая, Макаренко из вас не выйдет, — сказала докторша. — Что за методы? Как это вы воспитываете?!

— Как умею... Извините, — улыбнулась Надя и закрыла глаза.

Перебирая струны гитары, задумчиво наигрывал что-то кудрявый Леша.

— Чего я достиг в жизни? На мои стихи пишут песни. О чем еще мечтаю? Писать стихи хорошие. А как разобратся? Недавно написал — вроде не очень. А Кобзон спел, понравилось, — откровенно улыбнулся Леша.

— Кобзон не из нашего класса, — заявил Юлик, — так что петь придется тебе.

Леша тронул струны. Все притихли. Он негромко запел. Песня была о любви — о первой любви...

Долговязая Валентина точно вышла к волейбольной сетке, взлетела и неотразимым «колом» врезала мяч в землю.

Семейство — Надя, Кирилл, Юра, Наташа, Олечка, Петька, Антон, Машка и Ирина — бешено зааплодировали. Вся южная трибуна небольшого стадиона тоже аплодировала. Вся северная — молчала.

Снова разыгрывали мяч... Удар Валентины... Игроки ее команды бросились обнимать друг друга. А судья, сидящий петушком в своей корзине на уровне сетки, такой же, как и игроки, долговязый акселерат с редкими висячими усиками, просвистел трижды. Игра закончилась.

— Мама, папа! Мне надо с вами поговорить! — возникла перед семейством разгоряченная битвой Валентина.

— Поздравляем! — сказал Кирилл. — С выигрышем. Одевайся, дома поговорим.

— Нет, здесь. А все пусть идут домой! — решительно заявила Валентина.

Старшая дочь Наташа передернула плечиком, высказывая презрение к Валентининым тайнам. А старший сын Юра солидно сказал:

— Надо поговорить — значит, надо. Mam, мы вас в парке подождем.

— А мороженое? — заканючила Ириша. — Обещались, если Валька выиграет...

— Обещали — будет, — заверил Юра.

Вся команда удалилась за ним.

— Вы только сядьте, — посоветовала Валентина родителям.

— Спасибо, мы уж постоим, — сказал Кирилл.

Валентина пожала плечами — как хотите. И бухнула:

— Я выхожу замуж!

Мама в ужасе плюхнулась на скамейку трибуны. Папа медленно опустился на ступеньки.

— Я говорила: сядьте, — опять пожала плечами Валентина.

— Чего сядьте! — вскочил Кирилл. — Ты уж прямо скажи: лягте! Лягте, дорогие мама-папа, в гроб! А я вас крышкой укрою и гвозди вколочу!

— погоди, Кирюша, — тихо сказала Надя. — Ты что, его любишь?

— Люблю! — с вызовом крикнула Валентина.

— Любишь, и хорошо, — спокойно сказала Надя. — А почему ты решила поговорить здесь?

— А мы загадали: если выиграю — сразу скажу!

— Серьезно вы загадали, — чуть улыбнулась Надя. — А он кто?

— Сережа Клюев. Из нашего класса.

— Елки! — опять взвился Кирилл. — Жених из класса? А?!

— Ты же его не знаешь! Он замечательный, он такой... он...

— Это он? — указала Надя на корзину у волейбольной сетки, где одиноко сидел судья-акселерат.

— Откуда ты?.. — изумилась Валентина.

— Вычислила, — улыбнулась Надя. — Позови его.

Валентина убежала. Кирилл набросился на Надю.

— Ты что, елки! Разговоры собираешься разговаривать? Да я его — в шею. И ее могу! Невеста — шестнадцать стукнуло!

— И мне шестнадцать было. А мы с тобой познакомились.

— Сравнила! Мы самостоятельные были, я на год старше тебя, и в шестнадцать мы только познакомились, а не женились. И вообще, ты что, одобряешь?

— Не одобряю, конечно, но нельзя же и так...

Она не договорила. Вернулась Валентина, ведя Сережу с болтающимся на груди судейским свистком.

— Добрый день, — сказал Сережа.

— Здравствуй, — кивнула Надя.

— Интересно! — петухом посмотрел на него снизу вверх Кирилл. — Вы собираетесь в шестнадцать лет...

— Я на год старше Вали, — перебил Сережа.

Надя подавила улыбку. Кирилл слегка сбился.

— Интересно! Как же вы оба — в девятом?

— А я второгодник! — с достоинством сказал Сережа.

Надя охнула. Кирилл захлебнулся от возмущения. Валентина объяснила:

— Он не по успеваемости. Он по поведению...

— Что ты за меня выступаешь? — перебил Сережа. — Я сам могу.

— Ну я уже скажу... Он второгодник по идейным разногласиям.

— По каким? — изумилась Надя.

— Он усы не хотел брить, а его заставляли, а он...

— Кончай за меня толковать! Я объясню сам.

— Не надо! — Терпение Кирилла лопнуло. — Все ясно: мы сами с усами! Пожалуйста, хоть с бородой, но никаких — замуж!

— Уже поздно, — сказала Валентина.

Мама схватилась за сердце. Папа вытаращил глаза.

— Да, поздно, я уже дала Сереже слово.

— А-а, — облегченным хором простонали родители.

Сережа, снисходительно наблюдавший за ними, успокоил:

— Вы не волнуйтесь, у нас все продумано насчет секса.

— Насчет... чего? — поперхнулся Кирилл.

— Насчет секса, — спокойно объяснил Сережа. — Мы решили подождать до полной физической зрелости.

— А-а, тогда спасибо, — не нашел сказать ничего лучшего папа.

— Жить мы будем у нас, — заявила Валентина. — У Сережи с родителями полная несовместимость!

— Идейные разногласия? — съязвил Кирилл.

— Именно идейные! Они...

— Опять! — рассердился Сережа. — Что ты все за меня объясняешь?

— Объясни сам! — обиделась Валентина.

— Я не буду ничего объяснять. Поймут — поймут, нет — нет!

— А если не поймут — так у нас ничего и не будет!

— Ну и не будет!

— Ну и... пусть тогда! Тогда катись! Целую крепко, ваша репка!

— Пока! Чава какава!

И жених, прыгая по скамейкам трибуны, помчался к выходу. Все произошло так скоропалительно, что мама с папой словечка не успели вставить.

— Сережа! Сереженька! — опомнилась Валентина, но бросилась не за женихом, а к маме на грудь. — Сереженька! Ой, мамочка! Сереженька! — путалась она в рыданиях.

Мама гладила ее по волосам, по спине, успокаивала:

— Ну будет, будет, Валюша, все наладится... Ты же замуж собралась, а семейная жизнь такая — без ссор и слез не обойтись. Зато потом как мириться хорошо-о...

— Он меня не понимает. Я его так люблю! — рыдала Валентина. — У меня такая любовь, а никто не понимает!

— Понимаем, понимаем, отчего же не понять... Любовь у тебя. Первая любовь. В том-то все и дело, что — первая...

Мама гладила волосы дочери и улыбалась — светло и чуть печально.

Леша в классе допел, но еще продолжал задумчиво перебирать струны. Последние аккорды растаяли в тишине.

Юлик обвел взглядом одноклассников и остановился на капитане второго ранга Анатолии.

— Толя, теперь расскажи ты: за что получил боевую награду в мирное время?

— За выполнение особо важного государственного задания, — коротко ответил Анатолий.

— Толя, — сказала Надя, — а где сейчас Толя-два? Вы же тогда вместе в училище уходили: Толя-раз и Толя-два...

Надя осеклась, увидев, как все посерьезнели. Толя, помолчав, сказал:

— Надюша, Толя Цветов в прошлом году погиб.

— Как?! — выдохнула Надя.

— При выполнении особо важного государственного задания, — повторил он формулировку.

Скорбно молчали одноклассники.

— Вот ведь как вышло, — сказал Толя и кивнул на камеры. — Наверно, про это не нужно...

— Нет! — каким-то новым, без игры, голосом сказал Юлик. — Это нужно, это необходимо. Это все — наша жизнь...

По узенькой деревенской улочке, поднимавшейся от реки ко дворам, неслась верхом на палочках лихая кавалерийская атака. Впереди пацанов летел Сашка, размахивая голубой саблей:

— Отряд, вперед! Ур-ра! Застава, за мной, в атаку!

Из-за огородного плетня выглянула Надя — рукава блузки закатаны, косынка повязана почти на глаза.

— Сашка! Вы поосторожней там! Опять шишек понабываете!

Но Сашка, не слушая ее, пронесся мимо туда, где за баррикадой из ящиков и бочек готовилась отбить атаку компания таких же пацанов.

Надя вздохнула и вернулась к делам: на огороде работало все ее семейство. Младшие — Петька, Антон, Ириша — собирали молодую картошку в мешок. Старшие — Наташа, Валентина, Олечка — окучивали кусты, которые предстояло обирать осенью. А Машка с Юрой, папой Кириллом и дедом Антоном — постаревшей копией Кирилла — возились с насосом поливальной системы.

— Ура-а! Вперед! Пограничники умирают, но не сдаются! — доносилось с улицы.

Надя обеспокоенно глянула из окна.

— Чем они там кидаются?

— Не суетись, Надежда, — сказал дед Антон, — чем положено, тем и кидаются.

Кирилл включил насос — вода фонтанчиками рванула из труб.

— Пошла, елки! — обрадовался Кирилл.

— А куда ж она, елки, денется! — вторил дед Антон.

Надя вдруг тревожно распрямилась.

— Саша... Где Саша?

На склоне, где только что гремела «канонада», была тишина. Мальчишки толпились у разрушенной баррикады. А к берегу бежал, спотыкаясь, конопатый пацан. Он добежал и остановился. Губы его дрожали.

— Сашку... убило...

— А-а! — страшно закричала Надя.

И полетела слепой сумасшедшей птицей со двора.

На зеленой траве, широко разбросав руки, лежал ее сын Сашка. Мальчишки тормозили его.

— Вставай! Это ж не настоящая бомба, это земли кусок! Вставай!

Сашка не шевелился.

Надя упала на колени, прижала Сашку к груди.

— Сыночка! Родной! Что ты?! Сашенька! Что ты?! Саша-а!

Сашка был неподвижен.

— А-а! — снова страшно застонала она.

И Сашка испуганно вздрогнул, открыл глаза:

— Мапочка, не плачь, я живой!

— Живой! — заорали счастливые пацаны. — Сашка живой!

Они прыгали вокруг Сашки. А Надя застыла на земле.

— Живой, елки? Хо-ро-шо! — протянул Кирилл.

— Хо-ро-шо, елки! — протянул и дед Антон.

И оба они одинаковым движением рванули ремни из своих брюк.

Сашка шархнулся к маме и поспешил объяснить:

— Я был пограничник, и меня убило! Это, конечно, игра понарошку, но надо же играть взаправду...

Надя заплакала. Попробовала улыбнуться. Снова заплакала.

— Мама, ну что ты плачешь? — обнял ее Сашка. — Не плачь, мама! Видишь, война кончилась, и я вернулся с войны живой!

В Надиных глазах еще блестели слезы.

— Ты чего? Ревешь?... — удивленный Юлик стоял рядом с нею.

Надя замаялась, кивнула на юпитер.

— Заревешь тут — вон какой фонарь в глаза!

Юлик с сомнением покосился на нее, что-то быстро посоображал и развернулся на камеру.

— А сейчас, друзья, слово нашей, не скрою, всеобщей любимице, бывшей старосте класса, так сказать, неформальному лидеру, Надежде...

— Ой, мамочка, уже! — охнула Надя.

Все засмеялись, и Юлик улыбнулся:

— Докладывай, каких высот достигла?

— Высот... Я вот сижу, мучаюсь, формулирую...

— А ты не мучайся. И не формулируй. Начни попроще, в двух словах.

— Верно, — обрадовалась Надя неожиданной подсказке. — Можно именно в двух словах. Я — мама!

— А я — папа, — пробасил солидный Николай.

Все опять засмеялись, а Юлик поторопил:

— Ну-ну?

— Что — ну? — удивилась Надя. — Я — мама. Понимаете?

Улыбки еще держались на лицах, но становились напряженными.

— Понимаем, конечно, ты — мама, — Юлик заговорил ласково, как с маленькой. — А где ты работаешь? Кем работаешь?

— Дома. Я мамой работаю, — улыбнулась Надя.

И все улыбались, но уже несколько вымученно. Кто-то вздохнул:

— А что, ничего... бывает...

— Что значит — бывает? — воскликнул Юлик, разворачиваясь на камеру. — Не «бывает», а очень хорошо, что наша Надя занимает почетную должность домашней хозяйки, воспитывающей детей. В одном из своих исследований я категорически настаивал на всяческом уважении к этой функции, в которой женщину пока еще никто заметить не может...

На изображение Юлика наплыл титр: «Кандидат психологических наук Ю.А. Вишневский».

— Да-да, и я убежден, что в свое скромное дело Надя вкладывает все тепло так хорошо знакомой нам еще по школе доброй и широкой души...

Приз на Всесоюзном кинофестивале за фильм
«Однажды двадцать лет спустя»

На «Нике» с А.Аркановым

На «Киношоке» с В.Мережко и Ю.Гусманом

ЛЫСЫХ

Братство

Братство

ЛЫСЫХ

А.Ширвиндт и М.Державин вручают нам с Б.Грачевским приз «Золотой Остап»

Это событие мы отмечаем с Э.Рязановым

Мой юбилей.

Хор мальчиков — Д.Харатьян, В. Мережко, М.Мишин.
У рояля — М.Швыдкой

Цветы от Н. Караченцова

Финал моего юбилея в Доме кино — поцелуй Якубовича
и Ярмольника

— Юлик, погоди, я не о том, — попробовала вставить словечко Надя.

Но Юлик уже развернулся к Леночке:

— Однако, как доказала сегодня Елена Аносова, кроме этого древнейшего предназначения, наша женщина выходит на новые рубежи во всех областях жизни. Это может подтвердить и Людмила Кутузова, которая, я надеюсь, сейчас расскажет об интереснейшем деле, которым она занята...

Камера отвернулась от Нади и уставилась на рыжую Милу.

Надя стояла в школьном коридоре, выглядывая в окно. Из класса вышел солидный Николай.

— Надюша! — окликнул он ее. — Ты чего сбежала? На меня за «папу» обиделась?

— Что ты, Коля, просто за мной должны приехать...

— Слушай, Надежда, а ты чего, собственно, застряла в дому? Давай в мою фирму на работу.

— Спасибо, Коля, только работы мне и дома хватает.

— Нет, погоди, ты не стесняйся, мало ли чего, ну, заел быт... У меня у самого трое детей! Представляешь? Ну и что? Одного — в ясли, другого — в сад, третьего — в школу, а жена — на работу! Вот и решение проблемы.

— Ты уверен, что это — решение? — усмехнулась Надя.

— Конечно! Ты же в классе самая головастая была. Можешь еще выгучиться специальности. Не поздно, ты ж еще молодая.

— Ой, Коленька, за молодую тебе вдвойне спасибо!

— Да брось, я серьезно... Не думай, что я недооцениваю домашние дела и все такое. Ты вообще-то правильно заявила: я — маты! У тебя кто? Мальчик или девочка?

И тут Надя начала смеяться. Николай недоуменно глядел на нее.

— Ой, Коля, прости, — оборвала смех Надя. — Не буду и ничего рассказывать.

— Почему?

— Понимаешь, вот Юлик говорит: «Давайте про самое важное». А я что ни вспомню, получается, у меня все самое важное.

— Так про все и расскажи.

— Если про все рассказывать, — снова улыбнулась Надя, — другая передача получится. Не «Страна москвичей», а «Страна Кругловых»...

Клац! — щелкнул фотоаппарат, запечатлев улыбающегося Петьку, а «иностранный» голос произнес:

— Пьер Круглов!

Снова клац! — на фото серьезная Маша, и тот же голос:

— Мари Круглова!

Французов было трое. Седой поджарый мужчина. Лысый толстяк. И дама неопределенного возраста, который в журнале мод называют «возрастом элегантности». Они фотографировали Надиных детей, записывали имена каждого.

Сопровождал французов наш переводчик — с приятной, но несколько застывшей, возможно, даже навсегда, улыбкой.

— А теперь, пожалуйста, всей семьей, — предложил он Наде.

Все выстроились. Французы прицелились.

— Ой! — вспомнила Надя. — А Митенька?

Она убежала и возвратилась с коляской, на борту которой уже было десять звездочек.

— Дмитрий Круглов! — указала она французам на младенца.

Французы записали имя, снова прицелились.

Но Надя опять вспомнила:

— Ой! А Юра? Давайте сюда...

Она перевела свой «взвод» к другой стене, так, чтобы в кадр попал портрет отсутствующего Юры в армейской форме, и указала на него:

— Юрий Круглов. Солдат.

Французы весело закивали, сфотографировали семейство в полном сборе и тут же, вынув из камеры, вручили фото.

— Техника, елки! — захлебнулся Кирилл. — А можно посмот...

— Меньше восторгов! — перебил сквозь зубы переводчик.

— Вас понял, — по-военному четко ответил Кирилл, но не отводил горящих глаз от заграничной игрушки.

— Прощу к столу! — позвала Надя. — К нашему русскому чаю!

Гости в сопровождении детей и Кирилла двинулись в гостиную, стали рассаживаться.

А Надя задержала переводчика в прихожей:

— Может, все же чего покрепче? Гости все же...

— Ни в коем случае! Чай. Как у вас с сервировкой стола?

— Нормально, — усмехнулась Надя. — И рты не рукавом утираем.

— Не рукавом! Да вы, Надежда Павловна, даже себе представить не можете официальный уровень ваших гостей.

— Ну тогда... ой, извините, все ваше имя-отчество не усвою...

— Трибун Николаевич, — ледяным тоном напомнил он.

— Ну тогда, Трибун Николаевич, я, выходит, не соответствую уровню, тогда увольте меня от...

— Еще чего? Все, все, пожалуйста, пьем чай!

Чай был ароматен, пирог был хорош, гости пили, ели, похваливали. Поджарый что-то сказал переводчику.

— Можем ли мы продолжить беседу за столом? — перевел тот.

— А чего же? За столом самая беседа, — улыбнулась Надя.

Поджарый достал маленький, с записную книжку, магнитофон.

Кирилл опять потянулся к чуду техники, но поймал упреждающий взгляд переводчика и сыграл полное безразличие.

Поджарый задал вопрос. Трибун Николаевич перевел:

— У вас десять детей, а вы выглядите так молодо...

— Потому и молодая, что десять детей, — улыбнулась Надя.

— Но как вы успеваете? Одна... а их десять?

— Это верно, одна бы ни за что не успела. А так десять детей помогают.

Французы рассмеялись.

— У вас истинно французский юмор, — сказала француженка.

— Что вы, я серьезно, — смутилась Надя.

— Нет, нет, мы ценим ваш юмор и надеемся, что вы

оцените наш. Вот скромный сувенир, который, нам кажется, может быть символом многодетной матери.

Француженка вручила Наде фигуру многорукого Шивы, перечисляя:

— Эти руки — для ухода за детьми, эти — для ухода за домом, эти — для ухода за собой, а эти — для ухода за мужем, его тоже не нужно забывать, а то не выдержит, сбежит!

Опять посмеялись — все вместе. Потом лысый сказал:

— Нашу страну беспокоит падение рождаемости. Как вы думаете, что надо делать, чтобы больше рождалось детей?

— Елки! — искренне удивился папа Кирилл. — Что делать, чтоб дети рождались? Ясное дело, что делать...

И осекся, почувяв, что упростил вопрос.

— Понимаете, — сказала Надя, — я так считаю: чтобы подумать о детях, надо немножко забыть о себе.

— Но, — возразила француженка, — мы, женщины, впервые в истории осмыслили себя как свободные и равноправные личности. Как совместить это с материнством?

— А оно само совмещается, — ответила Надя. — Надо только не с того начинать. Не женщина-труженица, женщина-строитель, женщина-борец и — мать, а наоборот: мать, и значит — труженик, значит — личность, значит — очень полезный член общества. И не надо делать вид, что нет трудностей. И физических, и очень даже материальных. Но надо помнить, что все это — для детей. Для будущего, в общем.

Переводчик перевел ее пространную речь несколькими словами. Надя с удивлением посмотрела на него.

И девятилетняя Ириша удивленно глянула... и что-то легко и быстро сообщила французам по-французски. Все изумились, французы наперебой стали что-то кричать Ирише, а она им бойко отвечала. Обалдевший переводчик впервые потерял улыбку.

— В чем дело? — шепнул он Наде. — Откуда это она?

— А у нее как-то с детства... способности, — растерянно, но не без гордости за дочь объяснила Надя. — Мы ее в кружок водили, во Дворец культуры. Представляете, Ириша свободно по-французски, а Петька по родному, по русскому, из троек не вылезает. Странное дело!

— Странное! — с намеком подтвердил Трибун Николаевич и снова надел улыбку. — Девочка, а ты зачем стала переводить?

— А вы забыли, что мама говорила про трудности. Я и перевела, — чистосердечно призналась Ириша.

— А-а, возможно, упустил, спасибо, — улыбнулся он через силу.

Француженка что-то возбужденно заговорила.

— Что она? — спросила уже Надя у новоявленной переводчицы.

— Это я не буду, — смутилась Ириша.

— Тогда позвольте мне, — сказал уязвленный Трибун Николаевич. — Наши гости считают, что у вашей дочери произношение коренной парижанки. И эта встреча для них настоящий праздник.

Поджарый улыбался и тоже что-то твердил. Теперь Трибун Николаевич решил промолчать, но тут уж Ириша перевела:

— Мсье считает, что эту праздничную встречу следует отметить.

— Ну вот! — с облегчением сказала Надя. — Я же говорила, надо чего-нибудь покрепче!

Потом все семейство провожало сильно веселых гостей, которые перебрасывались снежками с младшими ребятами.

У длинного лакированного автомобиля началось прощание.

Наташа и Валентина усаживали лысого, а он прытко выскакивал из машины, делая им галантный жест рукой: мол, только после вас.

Поджарый упорно пытался всучить Кириллу свой чудо-магнитофон, а Кирилл, как мог, отбивался от подарка.

Француженка целовала по кругу Машку, Олечку, Петьку, Сашку, Антона и, закончив круг, снова начинала — Машку, Олечку, Петьку, Сашку, Антона...

А слегка покачивающийся Трибун Николаевич умолял Иришу:

— Коллега, я вас убедительно прошу: переведите им! Во всем виновата моя мама. У моего папы имя очень красивое — Николай. А у мамы имя — Индустрия! И как папа

ни просил, она меня назвала — Трибун. И все! И конец! Переведите им, умоляю, коллега...

— Ну и что? — сердобольно утешала его юная «коллега». — Ну и Трибун, и хорошо. Можно звать вас Триша.

— Триша? — он был счастлив. — Конечно, все-все зовите меня Триша!

Потом все стояли и махали вслед удаляющейся машине, сверкающей черным лаком на фоне белой зимы.

А когда машина свернула за угол и исчезла, на углу обнаружился наш старый знакомец — усатый жених Сережа. Он стоял в короткой куртёнке и зябко бил одной журавлиной ногой о другую.

— Он уже два часа там торчит, — сказала Валентина. — Я пойду, а?

— Беги, конечно, беги, — улыбнулась Надя.

— Я тоже пошла. В библиотеку — сессия! — вздохнула Наташа.

— А мы в кино! — схватил Антона за руку Петька.

— Какое, елки, кино? — придержал их Кирилл. — А уроки?

— Физичка с химичкой и историчкой заболели! — не скрыл радости Антон.

Надя с Кириллом стояли у окна и смотрели с двенадцатизэтажной высоты, как разбегались по земле во все стороны их дети. Уходила вдаль под руку с Сережей Валентина, неслись за угол к кинотеатру Петька с Антоном, лез через забор в соседний двор Сашка с голубой саблей, переходила улицу к троллейбусной остановке Наташа с набитым портфелем, уходили с лыжами на плечах Олечка и Ириша, рискуя попасть в снежные вихри, неотступно следовала за ползущим по улице снегоочистителем чумазая Машка.

— Вот так вот, — вдруг печально сказала Надя.

— Что — так? — не понял Кирилл.

— Разбегутся вот так когда-нибудь все наши детки, и останемся мы с тобой одни.

— Не одни, а вдвоем! — строго сказал Кирилл. — Разница, елки!

— Разница, конечно, разница... — грустно улыбнулась Надя.

Кирилл помолчал и вдруг объявил:

— Надежда, я тебя люблю!

— Любишь, конечно, любишь, — с той же полуулыбкой ответила она.

— Нет! — горячо воскликнул Кирилл. — Я правда тебя люблю!

Надя внимательно посмотрела на мужа:

— Ты что?

— Ничего! Хочешь на колени стану?

Надя помедлила и сказала:

— Хочу!

Кирилл опустился на одно колено.

— А хочешь, в любви объяснюсь?

— Хочу! — уже не задумываясь, ответила Надя.

— А хочешь, я в любви объяснюсь стихами?

— Хочу!

Кирилл собрался с мыслями и начал:

— Я вас люблю! Чего же боле? Что я могу еще сказать...

— Нет, — улыбнулась Надя, — это женские стихи...

— Как?..

— Это письмо Татьяны к Онегину.

— А-а... да. Тогда, знаешь, тогда я без стихов. Своими словами. Ладно?

— Ладно...

Кирилл опять собрался с мыслями и вдруг заговорил — безостановочно и пламенно:

— Надя! Надюша! Я очень тебя люблю! Очень-очень! Я жить без тебя не могу... Я не знаю... просто не знаю, как бы утром просыпался без тебя! Ты самая красивая, самая родная! Ты лучше всех на свете! Всех, всех! Ты просто самая... единственная!

Надя удивленно и взволнованно слушала его горячую исповедь:

— А почему ты никогда не говорил мне... так?

— Не знаю... Наверно, потому, что ты никогда не просила...

Она гладила его волосы и смотрела сияющими глазами... И все это оборвалось требовательным криком младенца:

— Уа-а! Уа-а!

Надя и Кирилл бросились в спальню, где в десятизвездной белой коляске победно вопил Митенька.

— Кирюша! Он сказал «мама»! Слышал: «мама»!

Но, как и много лет назад, Кирилл покачал головой с сомнением:

— А по-моему, «папа».

— Да нет, «мама»! Митенька, солнышко, ну скажи «ма-ма», «ма-ма».

— Послышалось тебе, он все же «папа» сказал. Сын все же. Ну-ка, Дмитрий, скажи «папа»...

Но Митенька на этот раз произнес отчетливо:

— Ма-ма!

— Ну?! — торжествовала Надя.

— Ладно, елки, — вздохнул Кирилл и запетушился. — Сын, ладно, «мама», но дочка скажет «папа», дочка скажет...

— Какая еще дочка? — охнула Надя.

Камеры, свет и все участники встречи были уже на первом этаже в вестибюле.

— Здесь, на пороге родной школы, — говорил Юлик в микрофон, — уже зная, чего они достигли в жизни, мы задаем наш второй вопрос: «А чего еще вы в жизни ждете?» И опять первое слово — Михаилу Астафьеву.

Членкор Миша принял у Юлика микрофон, открыл рот...

— Минуточку! — Юлик увидел кого-то за спиной Миши. — Почему в кадре посторонние?

В окне вестибюля, как в раме фотографии, застыли лица всех Надиных детей. Старшие — Юрий в солдатской форме, Наташа, Валентина, Олечка — со сдержанным интересом наблюдали происходящее. А младшие — Петька, Антон, Машка, Ириша, Сашка, не скрывая восторга, расплющили свои носы о стекло. Посреди этой «семейной фотографии» размещался Кирилл, державший на руках маленького Митеньку.

— Где побреж! — подошел к окну Юлик. — Уберите людей!

И Надя подбежала, замахала руками:

— Ой, да уходите вы, уходите!

— А вы! — закричал Юлик Кириллу. — Ну пусть дети, но вы же взрослый, не понимаете?

— Действительно, взрослый, а хуже маленького, — вторила ему Надя.

Юлик раздраженно обернулся к ней:

— Чего ты меня дублируешь? Я сам справлюсь!

— Ой, ты не знаешь, они такие...

— Кто — они?

— Ну, ребята мои. Меня сюда привезли, а потом по Москве... ГУМ, ЦУМ, Третьяковка... И вот, за мной приехали.

— Стоп! — У Юлика округлились глаза. — Это что, твои дети?

— Мои.

— Что, все — твои?

— Все...

Одноклассники как стояли, так и застыли, глядя на Надю. А потом ринулись к выходу, застревая в дверях.

Один Юлик так и торчал столбом. Потом безжалостно треснул себя по лбу.

— Кретин! Чуть всю передачу не про...фукал.

И снова на его изображение наплыл титр: «Кандидат психологических наук Ю.А. Вишневский».

— Камеры сюда! — закричал Юлик. — Свет сюда, быстро!

Друзья затащили все семейство в вестибюль, целовали Надю, обнимали детей, жали руку Кириллу.

— Да я-то, елки... Я-то что? — скромно отбивался он и протянул Наде жакетик. — Надень, Надюша, холодает...

— Жарко!

— Надень, надень, из окна сквозит.

— Да нет, душно.

— А я говорю: надень! — уже строго потребовал Кирилл.

Надя, чтоб не спорить на людях, набросила жакетик и только теперь поняла, в чем дело, рассмеялась, покачала головой:

— Ой, чу-удик!

А все застыли в новом изумлении: на груди Нади в свете юпитеров сияли две «Медали материнства», три ордена «Материнская слава» и серебряная звездочка матери-героини.

— О-о, кретин! — снова простонал Юлик при виде награды, но вновь собрался: — Так, тишина! Слово Наде...

— Какое слово? Я же ничего не сформулировала... Не знаю, что говорить...

— Ничего говорить не надо! Показываем всю семью — и никаких слов про то, что ты сделала в жизни. Только, Надя, Надюша, я умоляю, хоть два словечка: «Чего вы еще в жизни ждете?» Два словечка.

Камеры, свет, микрофоны — все было направлено на нее.

Надя растерянно посмотрела на одноклассников.

— Чего я еще жду в жизни?..

Оглянулась на детей, на мужа:

— Я жду... жду...

И вдруг улыбнулась смущенно и радостно:

— Я жду ребенка!

1979

На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди*

Над Кремлем реял серпасто-молоткастый

советский стяг, а над Белым домом развевался звездно-полосатый флаг США.

В свои кабинеты по разные стороны океана вошли президенты сверхдержав — Михаил Горбачев и Джордж Буш.

— Товарищ президент! — доложили советскому. — Горячая линия связи с Соединенными Штатами Америки готова!

Горбачев ответил со знакомым ударением на первом слог:

— Можем начать.

И вспыхнуло табло «НА СВЯЗИ БЕЛЫЙ ДОМ».

— Господин президент! — доложили американскому. — Горячая линия связи с Советским Союзом готова!

— О'кей, — кивнул Буш.

И загорелось табло «НА СВЯЗИ КРЕМЛЬ».

Оба руководителя государств взяли телефонные трубки.

— Добрый вечер, господин президент! — сказал советский.

— А у нас, господин президент, пока еще доброе утро! — отвечал американский.

— Надеюсь, это единственное разногласие между нашими странами? — пошутил советский.

— Я тоже надеюсь, — серьезно согласился американский. — Но наша встреча в верхах под угрозой срыва!

— Как? Все договорено — через две недели на Гавайских островах...

* Соавторы сценария — Леонид Гайдай и Юрий Волович.

— Да-да, но наши налогоплательщики протестуют: они обеспокоены преступной деятельностью в Америке русской мафии.

— Кто это — русская мафия?

— Ваши эмигранты. Русская мафия уже переплюнула итальянскую «Коза ностру» и японскую «Якудзу»!

— Господин президент, может, вы несколько преувеличиваете, может, не стоит драматизировать...

Американец не успел ответить, в их разговор врезался третий голос:

— Я извиняюсь, господа президенты, но сколько можно занимать телефон? Мне нужно срочно дозвониться в Одессу!

В обоих кабинетах по обе стороны океана повисла изумленная пауза.

— Бог мой, кто это? — воскликнул Буш.

— Кто-кто! — отвечал голос. — Это — Рабинович!

— Какой Рабинович? Откуда?

— Откуда-откуда! Рабинович из русской мафии.

Тут уж возмутился Горбачев:

— Послушайте, товарищ... э-э... мистер Рабинович! Вы понимаете, что это сверхсекретная горячая линия?!

— Ай, ну секретная, ну горячая... А по обыкновенной вообще в Одессу не дозвониться! В общем, я извиняюсь, господа президенты, но я вас отключаю!

В обеих трубках по обе стороны океана раздалось короткое: ту-ту, ту-ту, ту-ту...

А на обоих табло взамен соответствующих надписей «НА СВЯЗИ КРЕМЛЬ» и «НА СВЯЗИ БЕЛЫЙ ДОМ» вспыхнул одинаковый текст: «НА СВЯЗИ РАБИНОВИЧ».

В русской бане парились мужики.

Причем двое из них были черные, но не в смысле — грязные, а в смысле — негры. Они хлестали друг дружку вениками, кричали, ухали и поддавали жару, так что парилку заволокло белыми клубами пара.

Когда пар рассеялся, эти белые и черные тела — уже в халатах и простынях — сидели в уютном предбаннике за столом с пивом, раками, воблой и солеными сухариками.

Встал улыбчивый лысоватый мужчина с кружкой пенящегося напитка.

— Я хочу поднять тост за то, что стало возможным только в наше время перестройки, демократии и гласности. За нерушимую дружбу Комитета государственной безопасности СССР...

Трое мужчин на это отреагировали по-разному. Один — назовем его Обжора — продолжал равнодушно жевать с набитым ртом, другой — назовем его Нервный — пугливо оглянулся, а третий — назовем его Весельчак — радостно заржал и тоже вскочил с бокалом.

А тостующий продолжил:

— ...и Центрального разведывательного управления США!

С противоположной стороны проявились такие же трое: негр-Обжора, белый-Нервный и еще один негр-Весельчак.

— КГБ и ЦРУ — дружба на вечные времена! — завершил тостующий.

Сухопарый, спортивный, с седым ежиком волос американец обнажил в улыбке идеальные зубы:

— Да, как сказать русский пословиц: гусь свинье не товарищ, а брат!

Все не очень поняли, что он имел в виду, но зазвенели кружками. Обжоры вгрызлись в воблу. Нервные взяли по сухарику и напряженно озирались. Весельчаки хлопали друг дружку по плечам и ржали.

— А теперь, господа-товарищи, — продолжал тостующий, — совмещая приятное с полезным, хочу ознакомить вас с программой дружеского семинара КГБ — ЦРУ. Главное, конечно, братский обмен секретной информацией: списки агентуры и схемы расположения секретных объектов.

Молодой лощеный Адъютант нажал кнопку — отодвинулся занавес, за ним на стене обнаружилась карта.

— А кроме рабочей программы — культурная. Посещение балета Большого театра, коллективный молебен в Загорском храме, поездка в колхоз, прогулка по Арбату... А сейчас небольшой сюрприз.

Адъютант нажал другую кнопку — резко приглушился свет, раздалась пальба, пули дырявили карту на стене с задней стороны. Обжоры застыли с кусками воблы в зубах. Нервные выхватили пистолеты. Весельчаки радостно заржали.

Вслед за выстрелами раздались воинственные кличи, и, прорубив карту саблями в одной руке и паля из пистолетов в другой, вылетела стайка девушек в буденновках, гимнастерках и галифе, с пулеметными лентами крест-накрест на груди.

В зажигательном танце первыми полетели на пол буденновки, потом были сорваны гимнастерки, затем отлетели галифе, и наконец... Нет, в самый волнующий момент комсомольского стриптиза раздались два резких звонка.

Адъютанты — советский и американский — сняли каждый трубку своего телефона, послушали и воскликнули:

— Товарищ генерал!

— Господин шеф!

Советский Генерал и американский Шеф приняли у адъютантов трубки, послушали и воскликнули:

— Есть, товарищ президент!

— Слушаю, господин президент!

Они вскочили, сбросили махровые халаты... и под ними Генерал КГБ оказался в генеральской форме, а Шеф ЦРУ в штатском костюме.

Разведчики обеих стран в небольшом кинозале смотрели на экране кадры, которые комментировал американский Шеф.

— Это Брайтон-Бич, место в Нью-Йорке наибольшего скопления советской эмиграции. Где-то здесь штаб русской мафии... Ресторан «Ланжерон» — тут встречаются мафиози... Казино «Золотой Дюк» контролируется русской мафией...

— Джек! — воскликнул Генерал. — Но вы же все знаете, надо брать!

— Кого брать, Стюпа? — усмехнулся Шеф. — Мы уже брали несколько мелких мафиози, ну и что? Мафия есть, пока есть ее главарь.

— А главаря вы не знаете, — догадался Генерал.

— Ну, немножко знаем. Вот он...

На экране появился человек с косой челкой и усиками.

— Гитлер? — изумился Генерал.

— Он, — кивнул Шеф. — Но и это он.

На экране появился человек в треуголке — рука за бортом сюртука.

— Наполеон! — догадался Генерал.

— Да, Бонапарт, — подтвердил Шеф. — Но и это тоже он... И это. И это...

На экране появлялись изображения Юлия Цезаря, Шарля де Голля, Саддама Хусейна.

— Ну, артист! — восхитился Генерал.

— Да, это есть его кличка — Артист, — подтвердил Шеф. — Человек с тысячей лиц! А настоящего его лица не видел никто...

На экране сменялись белый Джон Кеннеди, черный Мартин Лютер Кинг, желтый Мао Цзэдун... и красotka в открытом купальнике.

— Это тоже он? — прищурился Генерал.

— Нет, моя секретарша. Наш программист — большой шутник!

Американец махнул рукой — экран погас.

— В общем, ясно, — сказал Генерал. — Возьмем Артиста — возьмем и всю мафию.

— Но как его взять? Никто не знает, какой лицо он наденет в следующий раз...

Человек с ленинской бородкой и лысиной, в ленинском костюме с жилеткой, пламенно выкрикивал с ленинской картавинкой:

— Есть такая партия! Замечательная партия наркотиков из Таиланда! Решительно и немедленно реализовать эту партию — архинужно и архиважно!

Его слова встретили аплодисментами представители разных советских народов, что было видно не только по их лицам, но и по таджикской тюбетейке, узбекскому халату, молдавской папахе.

Когда аплодисменты утихли, главарь мафии — Артист продолжил в ленинской манере и с ленинскими интонациями:

— А сейчас я бы хотел узнать, как обстоят дела у товарищей на местах. Товарищ Кац!

Вскочил тощенький носатый человечек в ермолке.

— Что может сказать Кац? Моя контора работает, как часы. Подделка кредитных карточек «Америкэн-экспресс» принесла еще полтора миллиона долларов!

— Прекрасно, товарищ Кац! А что у товарища Насрулаева?

Толстяк в тюбетейке и халате поклонился.

— Уважаемый, Артист-джан, импорт кокаин из Азия приходит, экспорт героин в Европа уходит. Слава Аллаху!

— Браво, браво! А как дела у наших кавказских товарищей из Лас-Вегаса? Товарищ Цуладзе!

— Дела, батано Артист, идут совсем хорошо, — доложил усатый красавец. — Крапленные изотопами колоды, специальные очки, отражающие карты партнеров, магнитные уловители рулеток, — Цуладзе огорченно поцокал языком. — Вот только, понимаешь, Казарян...

— Казарян? Какой это Казарян?

— Ну, батано Артист, когда вы были Александром Македонским, вы назначили Казаряна вашим конем Буцефалом.

— А-а, припоминаю... Так что Казарян?

— Он немножко увлекся, немножко оставил себе выигрыш, немножко, тысяч пять... семь...

— Ай-яй-яй! — сокрушенно покачал головой Артист. — Товарищ Шкаф!

Огромный, действительно со шкаф, детина в вышитой украинской сорочке вскочил, и при этом из кармана его куртки вывалился пистолет. Все вздрогнули.

Артист продолжил ленинской скороговоркой:

— Товарищ Шкаф, надо разобраться с товарищем Казаряном! Срочно, одна нога — здесь, другая — там!

— Уже зроблено, — добродушным украинским говорком сообщил Шкаф. — Одна нога Казаряна — тут, другая — у Чикаго. А голова — вообще у Филадельфии!

— Ха-ха-ха, голова в Филадельфии! — заразительным ленинским смехом залился Артист, но тут же заметил с ленинской чуткостью: — Надо непременно помочь вдове товарища Казаряна и его сиротам! Но к делу, товарищи, к делу. Сосредоточимся на нерешенных задачах. Архиглавнейшая из них — операция «Шейх». Ответственный за операцию — товарищ Шкаф.

— Слухаюсь, Артист!

Шкаф вскочил. Из его кармана выкатилась граната-«лимонка».

Все в ужасе нырнули под столы.

Шкаф добродушно ухмыльнулся.

— Тю! Чого вы перелякалыся той гранаты? Она ж — ручная!

В кинозале КГБ вспыхнул свет.

— До встречи в верхах две недели, — сказал Генерал. — Я не понимаю, Джек, неужели ваша мощная организация не может справиться с какой-то мафией?

— Эта мафия, Стюпа, не какая-то, а русская. Более того — советская, — объяснил Шеф. — А психология советский душа не укладывается в нормальный американский голова! С русский мафия могут справиться только русский специалист.

— Ну, — сказал Генерал, — если русский специалист, тогда есть хороший парень в Одессе. Суперагент!

— Всего один агент? Это невозможно, один не справится!

Советские разведчики только усмехнулись. Адъютант даже позволил себе вмешаться в разговор старших по званию:

— В настоящий момент наш суперагент выполняет задание, с которым не справилась вся одесская милиция!

Нежно плескалось море о пляж, прогуливались парочки на Приморском бульваре, задумчиво глядел вдаль бронзовый Дюк, и казалось, что в этот дивный вечер вся Одесса отдыхала и любила.

Но нет, кое-кто и в этот вечер был на своем посту: в кустах напротив светящегося огнями открытого ресторана на пляже притаился лейтенант милиции.

В ресторан входили и выходили веселые местные жители и подвыпившие иностранные матросы в сопровождении ярко разодетых и размалеванных девиц.

Вот появилась очередная: мини-юбка, макси-декольте. Она закурила сигарету и, виляя бедрами, направилась в ресторан. Но милиционер, вынырнув из кустов, преградил ей дорогу.

— Пройдемте со мной!

— С тобой? — удивилась девица пропито-прокуреным голосом. — А что, у ментов завелась валюта?

Страж закона жестко взял ее за плечо.

— Пойдешь так или в наручниках?

— Ты че, че? — испуганно просипела она. — За мной ничего нет!

— Проверим!

Он молча, короткими толчками подсказывал ей, куда идти — за угол ресторана, прямо, налево, направо... Так они оказались в темноте пустынного пляжа.

— Куда привел? Если в ментовку, так в ментовку...

Девушка не договорила — он дико зарычал, повалил ее на песок, стал хищно целовать.

— Ты че, спятил? Отстань, гад! — отбивалась девушка и вдруг обмерла. — Ах, так это ты — маньяк?

— Ха-ха-ха! — леденящим душу хохотом расхохотался он. — Да, это я! Но ты узнала слишком поздно!

Он навалился на нее, но она тоже засмеялась.

— Ну, раз это ты — так ты мне и нужен!

И резким приемом шмякнула его о землю. Он перевернулся, выхватил нож, сделал смертельный выпад, она одной ногой выбила нож, а другой так врезала ему в пах, что он, взыв от боли, скорчился на земле.

Девушка сняла белокурый парик, утерла им взмокший лоб, отстегнула одну свою грудь — это оказался приемник, отстегнула вторую — это был передатчик, в который она и сообщила вполне мужским голосом:

— Полковник Петренко! Докладывает капитан Соколов!

В кабинете под оперативной картой города седой человек с молодыми глазами сыпал корм золотым рыбкам в аквариуме.

— Слушаю тебя, сынок, — откликнулся он.

— Докладываю, что моим личным методом «ловля на живца» обезврежен кровавый маньяк, насильник и убийца женщин, действовавший под маской сотрудника органов!

— Оборотень, — вздохнул полковник Петренко, подсыпая корм рыбкам. — Ты там его, Федор, не очень?.. Дотянет до суда?

— Жить будет, — Федор Соколов глянул на корчащегося, зажав свой пах, преступника. — А насильничать больше не сможет!

— Добре, — по-хорошему улыбнулся полковник и лас-

ково постучал по стеклу аквариума, подзывая рыбок. — Ну, давай его к нам.

— Есть! — Федор козырнул, хотя полковник его не мог видеть. — И завтра — в отпуск?

Полковник Петренко погасил улыбку, вздохнул.

— Нет, Федор... Завтра — срочно в Москву.

— Но я пять лет не был в отпуске, я три года не ложился спать, родная мать забыла мое лицо!

— Надо, Федя, надо! — сурово оборвал полковник, но смягчился, опять сыпанул корм рыбкам, сказал: — А маме родной мы вышлем твое фото — профиль и фас. В общем, давай, сынок, ко мне, потолкуем. А я пока сготовлю уху...

И полковник сунул в аквариум золотых рыбок мощный кипятильник. Вода сразу забурлила пузырями.

В Большом театре давали балет. Зал сиял позолотой, зрители, затаив дыхание, следили за волшебным зрелищем.

С интересом наблюдали происходящее на сцене и разведчики обеих стран в ложе для почетных гостей. Генерал и Шеф впились глазами в балерину, крутившую фуэте. Оба напряженно шевелили губами: «Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...»

— Тридцать! — Американец откинулся в кресле.

Но балерина продолжала крутить фуэте, и советский радостно продолжал счет:

— Тридцать один... два... три!

Зал взорвался аплодисментами великолепной балерине.

— Вы выиграть пари, — вздохнул Шеф и мужественно подставил Генералу свой лоб.

— Ладно, прощаю, — великодушно сказал Генерал.

— Нет, как сказать русский пословиц: договор дороже мани!

Шеф снова упрямо подставил лоб. Генерал поплевал на пальцы и стал отвечать ему смачные шлобаны.

В такт генеральским шлобанам на Спасской башне били куранты. У Мавзолея происходила смена караула. Группа зевак наблюдала эту церемонию.

Но вдруг их внимание отвлек шум в небесах. Все задрали головы: над Красной площадью кружил, постепенно снижаясь, маленький спортивный самолет.

На боку Адъютанта зазуммерила рация. Он послушал, изменился в лице и что-то шепнул Генералу. Тот вскочил.

— Все на выход!

Адъютант негромко повторил его приказ по рации:

— Всем сотрудникам КГБ — срочно на выход!

Половина зрительного зала — мужчины и женщины, молодые и пожилые — дружно встали и четким шагом направились к выходу.

Двое музыкантов отложили инструменты, развели руками перед опешившим дирижером и покинули оркестровую яму.

Артист балета, красиво державший над головой балерину, свалил ее кулем посреди сцены и исчез за кулисами.

Самолетик приземлился на Красной площади и покапал по брусчатке.

Отъехало стекло «фонаря» кабины пилота, и мы увидели спокойное лицо суперагента Федора Соколова.

А самолет уже со всех сторон окружали зрители Большого театра в вечерних нарядах. Последними спешили два музыканта и артист балета в белом трико.

Федя, с парашютом за спиной, стоял в кабинете перед советскими и американскими разведчиками.

— В чем дело? — грозно спросил Генерал. — Почему применен особый способ прибытия?!

— В Одессе забастовка авиадиспетчеров, железную дорогу перекрыли молдавские экстремисты, автотранспорту перекрыли бензин тюменские нефтяники, а миноносец КГБ арендован кооперативом для круиза по Черному морю!

Генерал задушевно обнял Федю:

— Сокол ты, Орлов! — И выпустил его из объятий.

— Разрешите доложить, — сказал Федя. — Я Соколов.

— А-а, — Генерал снова задушевно обнял его, — тогда

орел ты, Соколов! А как оперативная обстановка в Одессе? Что передал полковник Петренко?

— Полковник Петренко передал вам это!

Федя скинул рюкзак парашюта и стал выкладывать из него банки соленых огурцов, помидоров, компота из вишни.

— Все с личной фазенды полковника Петренко. — Последним он выложил кольцо домашней колбасы. — Колбаску полковник лично коптил персонально для вас!

Генерал обернулся к Адъютанту:

— Капитану Соколову — медаль, полковнику Петренко — орден.

— А можно, — попросил Федя, — полковнику вместо ордена — именной пистолет?

— Зачем именной?

— Сдает старик, — любовно вздохнул Федя, — стал забывать, как его зовут. А так глянет — вспомнит...

— В приказ! — сказал Генерал Адъютанту.

— Служим Советскому Союзу! — отрапортовал за двоих Федя.

— Хорошо служите. Но придется — еще лучше. Вы направляетесь в Соединенные Штаты Америки с особым заданием: ликвидация русской мафии. Главная задача: выявить и обезвредить главаря по кличке Артист. Оперативная легенда: вы — миллионер. Живете на вилле, катаетесь на яхте, даете приемы... Вопросы есть?

— Один. Если я миллионер, где валюта?

— Молодец, сообразил! — Генерал снял трубку. — Бухгалтерия? Капитан Соколов, особо важное задание, легенда — миллионер. Когда зайти за долларами? Так-так... А франки?.. А фунты ихних стерлингов?.. А в следующем квартале?.. Ясно! — Генерал положил трубку и бодро сказал Феде: — Задание то же, но легенда другая: ты — нищий! Ночуешь под мостом, ходишь в лохмотьях...

— Коллега! — вмешался Шеф. — Не надо миллионер, не надо нищий... Отправим его за счет ЦРУ с легенда «советский эмигрант». Парень, твой дом — Одесса? Ну так на Брайтон-Бич ты чувствовать себя, как дома!

И зазвучала песня «ОДЕССА-БРАЙТОН», под которую мы увидели, как похожи и непохожи, как близки и далеки эти две точки земного шара.

Ресторан так и назывался — «Одесса», а гастроном «Москва», а книжный магазин — «Черное море»... И еще родимые вывески — «Пельменная», ресторан «Приморский», магазин «Столичный»...

Толстые одесские мамы катили коляски с толстыми одесскими детьми... На деревянной набережной шлепали костяшками домино одесские пенсионеры...

Но!

Витрины магазинов с одесскими вывесками забиты невиданной в Одессе едой и промтоварами. А на тротуарах лотки зеленщиков с заморскими фруктами... А вдоль тротуаров торгуют остатками отечественных святынь: матрешки, хохлома, гжель, анальгин, валокордин... А над всей Брайтон-Бич протянулась эстакада метро, и грохот поездов заглушает родную речь, чужую музыку, и чей-то смех, и чей-то плач...

Во всем этом вертящемся под песню калейдоскопе участвовал и Федор Соколов, согласно своей легенде — «свеженький эмигрант». Он толкнул в гастрономе пару банок икры, в сувенирном магазинчике сдал павлово-посадский платок и жостовский поднос, а венцом его внешне-торговой деятельности была продажа полной воинской формы офицера Советской Армии.

На этом и песня «ОДЕССА-БРАЙТОН», и дневные похождения Феди окончились. А когда огни поезда на эстакаде прорезали синеву вечера, Федя шел уже налегке по улице, сиявшей огнями реклам.

Увидев на другой стороне надпись ресторана «Ланжерон», он направился туда. Однако войти не успел, дверь распахнулась, из нее вылетела от чьего-то броска фигура неопределенного возраста, без пиджака, с крахмальной салфеткой за воротом мятой сорочки и с бутылкой водки в руке. Вылетев из двери, человек попал прямо в объятия Феди и завопил:

— Не ходите туда! Не ходите — там мафия!

Федя быстро огляделся и, взяв его железной хваткой за плечо, отвел в сторону.

— Спокойно, приятель! И тихо: кто мафия?

— Все! Все как один, это их осиное гнездо!

— Еще спокойней и еще тише: знаете кого-нибудь в лицо?

— Всех знаю! Всех бандитов, всех паразитов...

— Может быть, — перебил Федя, — знаете и Артиста?

— Ай, они все там артисты! — Человек ткнул Феде бутылку. — Попробуйте, вы только попробуйте, как они разбавляют! — Он отхлебнул из бутылки. — Ну вот, разбавлено! — Он снова хлебнул. — Нет, я понимаю, когда в Одессе нам разбавляли пиво, но разве мы уехали в свободную страну, чтобы здесь нам разбавляли водку? — Он вдруг пригляделся к Феде. — Ой, что-то мне знакомо ваше лицо...

— Исключено! — оборвал его Федя. — Как вас зовут?

— Меня зовут дядя Миша. Все меня знают, все меня уважают, и все так зовут — дядя Миша...

— Дядя Миша! — слышалось из ресторана.

Швейцар вежливо держал за плечи белый пиджак.

— Видите? — гордо сказал дядя Миша. — Я же говорил: меня здесь все уважают!

Он с достоинством повернулся к швейцару спиной, протянул руки, готовый принять пиджак на себя. Но швейцар уронил пиджак на землю, вытер о него ноги и удалился.

Дядя Миша так и застыл — руки сзади. Федя поднял пиджак.

— Зайдем-ка в ресторан. Посидим, посмотрим...

В ресторане «Ланжерон» гремел бессмертный танец «Семь-сорок». Его плясали хмельные, одетые столь же богато, сколь и безвкусно, люди. Эта картина за тысячи километров от Одессы была как две капли воды похожа на знакомую одесскую картинку.

Федя трезвым глазом наблюдал происходящее, слушая рассказ захмелевшего дяди Миши.

— А еще вон тот мордастый Самсон Семенович, он жуткий мафиози, чтоб я так жил! За пятьдесят долларов он вам ставит проволочку, электросчетчик крутится совершенно в противоположную сторону, и уже не вы платите электрокомпании, а еще компания должна вам! А эта Мирра Борисовна... Вон танцует — она одна, но с тремя подбородками! Так она вывезла сюда кучу платины: сделала всей семье платиновые зубы — себе, мужу, младенцу полутора лет и даже собаке с кошкой. И так вывезла! Правда, потом собака не дала их снять и так и ходит с платиновыми зубками...

Федя сжал локоть дяди Миши, призывая умолкнуть, так как официант принес сигареты. Федя расплатился, официант дал сдачи, он хотел спрятать купюру, но дядя Миша перехватил купюру.

— Осторожно! Чтоб не было Ильича!

— Какого... Ильича? — не понял Федя.

— Ай, первые фальшивые доллары они по привычке печатали не с Вашингтоном, а с Лениным! — Дядя Миша рассмотрел купюру на свет. — Все в порядке — это Джордж! — Он сунул купюру в собственный карман и снова пригляделся к Феде. — Слушайте, но мне точно знаком ваш портрет.

— Пить надо меньше! — резко сказал Федя. — И вообще, у вас есть информация посерьезней?

— Серьезней? Пожалуйста...

Дядя Миша не договорил — раздалась два пистолетных хлопка. Рука Феде нырнула в карман, он резко обернулся. Но это просто крепыш с приплюснутым боксерским носом открыл две бутылки шампанского.

— Вот вам серьезное! — шепнул дядя Миша. — Говорят, этот имел драку с Гореликом и зарезал двоих!

— И — на свободе? — удивился Федя. — Что, не было свидетелей?

— Так он как раз свидетелей и зарезал! А Горелику только морду набил.

Тем временем «Семь-сорок» закончились. Танцоры расходились по столикам. Барабанщик на эстраде объявил:

— А сейчас все родные, близкие и наш ансамбль поздравляют дорогую Софочку с ее шестнадцатилетием! — И перевел на корявый английский: — Свит сикстин!

Официанты внесли торт со свечами. Толстушка Софочка, которой можно было дать и шестнадцать и тридцать шесть, дунула так, что кремовые розочки с торта полетели в счастливые лица родных и близких.

Одна розочка залепила нос Феде. Он скovyрнул крем и встал.

— Здесь мне все ясно. Я пошел!

— Сейчас, сейчас, догоню...

Дядя Миша торопливо допивал водку, закусывал, распихивал фрукты по карманам.

Барабанщик на эстраде продолжил:

— Дорогая Софочка, твою любимую песню «Целуй ме-

ня, как я тебя!» исполнит наша несравненная Маша Звездная!

В сиянии прожекторов возникла прекрасная огненно-рыжеволосая девица в наряде, скорее обнажавшем, чем скрывавшем ее великолепные формы. Она запела страстное танго любви. Федя восхищенно замер.

А Маша Звездная, сияя блеском глаз и жемчугом зубов, шла с песней по залу, гибко ускользая от тянувшихся к ней рук восторженных нетрезвых мужиков.

Наконец оказалась она у столика Феде, пошла на него с улыбкой и с распахнутыми руками. Федя вскочил, готовый нырнуть в ее объятия. Но они были предназначены не Феде, а дяде Мише — певица подхватила его, прокрутила с ним несколько страстных па и легонько отбросила пьяненького обратно в кресло.

— Кто она? — взволнованно спросил Федя.

— Наша новая звезда! — объяснил дядя Миша. — Приехала из Калифорнии. Говорят, ее вывезли из Одессы в младенческом возрасте, но все равно, если ты родился в Одессе — это навсегда!

И дядя Миша зааплодировал Маше, завершившей песню. Его аплодисменты поддержал весь зал.

Федя выхватил у девушки — разносчицы цветов всю корзину и пошел к певице.

Он уже протянул ей цветы, когда барабанщик объявил:

— А сейчас музыкальный привет дорогому гостю из Одессы — суперагенту КГБ Федору Соколову, прибывшему к нам для борьбы с нашей мафией!

Федя споткнулся и застыл с корзиной в руках.

Оркестр заиграл и запел славную чекистскую: «Не думай о секундах свысока...»

Зал аплодировал Феде. Он стоял, как болван, с корзиной цветов, нелепо раскланиваясь во все стороны.

А дядя Миша, вытащив из кармана мятую газету, побежал к Феде.

— Ай, я же говорил: мне знакомо ваше лицо! Вот, вот же вы, как живой!

В газете под фотографией Феде была подпись: «Совместная акция КГБ — ЦРУ: ликвидация русской мафии. Американская общественность желает успеха русскому Джеймсу Бонду — Федору Соколову!»

Качалась и поскрипывала на ветру вывеска «КОЛХОЗ «СВЕТЛЫЙ ПУТЬ».

Под остатками букв «...ОСКА ...ОЧЕТА» трепыхались выцветшие фотографии.

В сарае виднелся голый остов разворованного на запчасти трактора.

У скотного двора стоял скелет коровы — позванивал колокольчик, подвешенный к шейным позвонкам.

В разбитое окно дома с надписью «ПРАВЛЕНИЕ» виднелся мужик в треухе и валенках, крутивший ручку телефона времен коллективизации.

И всю эту картину сопровождал голос Генерала:

— Председатель колхоза — пьяница, пустил хозяйство по ветру. Колхозники — тоже пьяницы, и что осталось от хозяйства, разворовали. Вот яркое свидетельство порочности социалистического колхозного строя по сравнению с капиталистическим фермерским хозяйством!

Американские и советские разведчики стояли посреди пустынной площади у огромной лужи.

— Кошмар! — воскликнул Шеф. — Стюпа, у вас все колхозы такие?

— Ну уж нет, Джек. В километре отсюда колхоз-миллионер. Но прошли те застойные времена, когда мы возили гостей в передовое хозяйство. Нынче у нас гласность — приказано возить в самое отсталое!

По грязи подкатил вездеход. Из него выскочил лощеный, в начищенных до блеска сапогах, Адъютант.

— Товарищ генерал! Суперагент прибыл на место и ждет дальнейших указаний.

— Надо передать ему пароль и место встречи с нашим суперагентом, — напомнил Шеф.

— Да-да, а также — особые задания по ведомствам, — поддержал Генерал. — Полковник Семенов! Полковник Дынин! Полковник Саакянц!

Названные чины вручили Генералу каждый по конверту.

Генерал протянул их Адъютанту:

— Немедленно передать шифровку!

Чтобы взять конверты, блистательный Адъютант шагнул в разделявшую их лужу... и провалился по горло в грязь.

Мальчик лет восьми вышел из лифта на площадку и бдитительно огляделся по сторонам. На груди его майки была надпись на двух языках: «КГБ+ЦРУ = ЛЮБОВЬ».

Мальчик достал из кармана записку: «БРАЙТОН-БИЧ, 17, КВАРТИРА 100». Он подкрался к нужной двери и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл Федя. Мальчик скользнул между его ног в квартиру.

— Вы — агент КГБ Соколов?

— Допустим, — неопределенно ответил Федя.

— Значит, я на месте! — Мальчик проглотил записку с адресом и сказал изумленному Феде: — Дедушка Моня уже принимает для вас шифровку из Москвы!

Пожилая женщина вела Федю и мальчика по винтовой лестнице на чердак. Федя недовольно ворчал:

— Черт побери, как я мог перепутать время!

— Ничего, ничего, — успокаивала женщина, — это у всех эмигрантов бывает: Москва — Нью-Йорк — восемь часов разницы... Но вы не волнуйтесь, мой Моня все примет. Он в войну был шифровальщиком и с тех пор, представляете, не может остановиться — принимает все шифровки подряд. Нас долго из Союза не выпускали, потому что он знал все шифры Генерального штаба.

— Нашего Генштаба? — поразился Федя.

— Нет, немецкого, в сорок третьем году.

Они поднялись по лестнице в чистенькую прихожую. Федя хотел скинуть обувь, но хозяйка остановила:

— Нет, нет, не надо, когда заходило гестапо, они так натоптали! Прощу сюда...

Всю комнату занимала походная палатка, в которой сидел могучий старик в гимнастерке, сапогах и пилотке связиста минувшей войны, с наушниками на голове. На сколоченном козлами столе у допотопного приемника «Телефункен» горела коптилка из пулеметной гильзы.

— Дедушка, — сообщил мальчик, — агент Соколов доставлен...

— Тихо, Сема! — заорал старик. — Секретные переговоры Саддама Хусейна с Тель-Авивом!

Все уважительно притихли. Моня слушал переговоры. А мальчик Сема деловито просматривал уже записанные

шифровки, что-то откладывал в сторону, что-то отправлял в рот и проглатывал.

— Я как чувствовал! — снял наконец наушники Моня. — Настоящее имя Саддама Хусейна — Адик Гусман!

И начал хлебать щи из помятого солдатского котелка.

— Поздравляю! — сказал Федя. — Но меня интересует шифровка из Москвы.

— А-а, примитивный шифр, — Моня небрежно протянул листок, — КГБ с войны не придумал ничего новенького.

Федя пробежал глазами шифровку.

— Так... Так... Так... А это что? Вы не ошиблись?

— Я никогда не ошибаюсь, — оскорбился Моня. — Вам особое задание: полковник Семенов — сорок восемь шесть три, полковник Дынин — пятьдесят два восемь пять, полковник Саакянц — шестьдесят шесть двенадцать семь.

— Но что означают эти цифры особого задания? — задумался Федя.

— Это даже я понимаю! — вмешалась жена Мони. — Полковнику Семенову — джинсы сорок восьмой размер и колготки для жены шестой размер три пары, полковнику Дынину — джинсы пятьдесят два и пять колготок, а полковнику Саакянцу... что такое шестьдесят шесть? Такой размер я не видела в природе!

— Потому что вы не видели жену полковника Саакянца, — вздохнул Федя. — Ну ладно, а где пароль на связь с агентом ЦРУ?

— Сейчас, сейчас... — Моня рылся в бумажках. — Се-ма, где такой желтенький листок?

— Желтенький? — уточнил мальчик. — Я его уже съел. Как ты учил, дедушка.

— Идиет! Я учил сначала прочесть, а только потом съесть! Извините, товарищ агент! Москва снова передаст, и я снова поймаю...

— Нет, следующий сеанс связи только через три дня, — Федя решительно прокусил ворот своей сорочки и достал оттуда капсулу. — Дайте это ребенку!

— Нет! — Бабушка прикрыла мальчика собой. — Ребенок, конечно, виноват, но он еще ребенок! Лучше убейте меня! А еще лучше убейте Моню!

— Спокойно! — осадил ее Федя. — Это слабительное. Буду ждать в кафе напротив!

Федя пил кофе, читая газету, за одним из столиков на улице под вывеской кафе «Фортуна».

И вдруг увидел: вся в солнечном сиянии, шла, плыла, приближалась прекрасная певица Маша Звездная, причем уже не в эстрадно-легкомысленном одеянии, а в строго-элегантной одежде.

Лицо Феде озарилось радостной улыбкой, он отбросил газету, привстал, но перед его мысленным взором возникло лицо полковника Петренко, ведущего урок в высшей школе КГБ.

— Слушатель Соколов! Доложите первую заповедь разведчика!

Совсем тогда еще юный Федя вскочил и отрапортовал:

— Разведчика может погубить красивая женщина!

— Отсюда вывод?

— Разведчик должен сам погубить красивую женщину!

— Вывод неправильный, — покачал головой полковник. — Правильный вывод: разведчик должен красивую женщину игнорировать!

Воспоминание охладило Федю, он прикрылся газетой, надеясь, что Маша пройдет мимо. Но Маша мимо не прошла. Федя заметил из-под газеты ее остановившиеся ноги. Он опустил газету, чтобы не видеть этого стройного соблазна. Но тогда над газетой возникло не менее соблазнительное лицо.

— Доброе утро! — улыбнулась Маша, присаживаясь за столик.

— Занято! — рявкнул Федя.

— Что с вами? — удивилась Маша. — Вчера вы себя вели гораздо галантней...

— Выпимши был! — грубовато объяснил Федя.

Тут из окна дома высунулась жена Мони с ночным горшком в руке.

— Товарищ агент! Все готово!

Федя бросился в подъезд.

— Шифровка восстановлена! — Моня подал Феде бумажку.

На ней было написано: «ВСТРЕЧА АГЕНТОМ ЦРУ ДЕСЯТЬ УТРА КАФЕ «ФОРТУНА» ТРЕТИЙ СТОЛИК ПАРОЛЬ «НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА» ОТЗЫВ: «НА БРАЙТОН-БИЧ ОПЯТЬ ИДУТ ДОЖДИ».

Федя вышел из подъезда, глянул на вывеску кафе

«ФОРТУНА», часы под ней показывали ровно десять. Федя прикинул глазом третий от входа столик... Это был тот самый, за которым сидела Маша.

— Вы еще здесь? — нахмурился Федя.

— Да, я здесь, — сухо сказала Маша. — И я хочу вам сказать...

— Меня не интересует, что хотите сказать вы! А я вам уже сказал: занято! У меня здесь важная встреча!

— Но у меня тоже встреча. И тоже важная.

— Поищите для встречи с каким-то вашим идиотом другое место!

Маша вдруг расхохоталась.

— Встреча с этим идиотом назначена именно здесь! Я ему должна сообщить, что на Дерибасовской хорошая погода.

— К чертям разговоры о погоде! Сколько можно вам твердить... — Федя осекся. — Что-что? Что вы сказали...

— Я сказала: «На Дерибасовской хорошая погода», — насмешливо повторила Маша.

— На Брайтон-Бич опять идут дожди... — пробормотал Федя.

— Ну, слава богу! — Маша погасила улыбку и протянула ему руку. — Агент ЦРУ Мэри Стар!

— Федя... — растерянno ответил рукопожатием Федя.

Но уже в квартире от его растерянности не осталось и следа. Он шустро накрывал на стол: коньяк, рюмки, нарезанный лимончик, коробка конфет.

— Это, конечно, сюрприз, но не скрою — приятный! Я уж было загрустил, на чужбине так одиноко... А теперь другое дело: мы отлично сработаемся! Прошу к столу! Маша... Мэри... Где вы?

— Я в ванной, — донесся ее голос. — Идите сюда.

— Как?.. — чуть запнулся он. — Прямо... сейчас?

— Да-да, идите скорей!

Федю не надо было уговаривать. Сбрасывая на бегу пиджак, он поспешил к ванной. Там шумел душ и виднелся за занавеской стройный силуэт Мэри.

Эта картина придала ему куражу, Федя сбросил сорочку, брюки, сказал игриво:

— А вот и я!

Он отдернул занавеску и замер: Мэри в ванне, спиной к нему, одетая, что-то привинчивала к головке душа.

— Это наша новейшая разработка — автоматический отключатель....

Федя задернул занавеску и, пока она говорила, стал лихорадочно одеваться.

— Так вот, он автоматически отключает душ, если вместо воды подадут серную кислоту.

Мэри отдернула занавеску — Федя успел застегнуть последнюю пуговицу сорочки. И поспешно спросил:

— Вы полагаете, кто-то захочет искупать меня в кислоте?

— Русская мафия способна на все! — сообщила Мэри. — А я отвечаю за вашу безопасность.

— Ну, тогда я спокоен! И мы можем, наконец, выпить за начало нашей совместной деятельности.

Федя поспешил из ванной к столу, наполнил рюмки.

— Маша! Ну, Мэри... Где вы?

Мэри вошла в квартиру с лестничной площадки.

— Черный ход удачный — в тихий переулок, — сообщила она опешившему Феде.

— Прекрасно! — Федя снова поднял рюмки. — Значит, мы можем, наконец, выпить.

— Нет, нет, я что-то еще не проверила...

Федя заметил тоном коварного сердцееда:

— Кажется, вы не проверили мою спальню?

— Да-да, с точки зрения безопасности спальни — это очень важно.

Мэри направилась в спальню. Федя кошачьей походкой последовал за ней. Послышался шум борьбы и короткие вскрики. Затем из спальни появилась одна Мэри — элегантная, подтянутая.

— С точки зрения безопасности спальни в порядке!

Мэри подошла к столу, положила на две тарелки ломтики лимона и подняла две рюмки.

— Федя! Вы предлагали выпить?

Из спальни появился, держась за подбитый глаз, с оторванным воротом сорочки, но как всегда бодрый Федя.

— Да-да, непременно выпьем!

— За успешное начало нашей совместной деятельности? — улыбнулась Мэри.

— А давайте лучше на брудершафт! — неутомный Федя потянулся к Мэри рюмкой и губами.

— Пристрелю, — глядя ему в глаза, сказала Мэри и спокойно добавила: — Как собаку.

— Понял, — кивнул Федя и залпом осушил свою рюмку. Мэри выпила свою.

— До встречи в верхах осталось десять дней. Мы пытались внедриться в казино мафии в Лас-Вегасе. Результат — труп нашего агента.

— А-а, — съязвил Федя, — за его безопасность тоже отвечали вы?

Мэри бросила на него испепеляющий взгляд и продолжила:

— Прежде чем стать трупом, агент успел сообщить: в Нью-Йорк прибывает шейх Абу-Табу-Рет. Мафия готовит похищение с целью выкупа. Нам надо действовать! Искать, искать...

— Я никогда никого не ищу. Всегда ищут меня.

— Ну, это нетрудно. Вы — как агент — уже раскрыты информацией, которую дал в газете какой-то кретин!

Лицо Федя стало каменным, взгляд стальным:

— Агент Мэри Стар! Сообщаю вам государственную тайну: этот кретин — я!

— Как?! Вы сами себя раскрыли? Но... зачем?

— А затем, чтоб сработал мой метод — «ловля на живца»!

В штабе русской мафии дети разных народов стоя приветствовали овацией Иосифа Виссарионовича Сталина, в образе которого на этот раз явился перед ними Артист. Он переживал аплодисменты, потягивая трубочку. Потом поднял руку, и зал мгновенно стих.

— Я, конечно, не Гоголь, но как говорится в бессмертной комедии «Ревизор», к нам приехал агент КГБ!

В зале стояла гробовая тишина.

— Какие будут предложения, товарищи?

— Разрешите? — вскочил маленький носатый Кац.

— Слушаем вас внимательно, товарищ Кац.

— Я предлагаю сдать!

Артист-Сталин пыхнул трубкой:

— Русские не сдаются, товарищ Кац!

Кац покрылся испариной. Огромный Шкаф похлопал его по плечу. Кац сложил руки за спиной и обреченно ушел.

Артист неслышно прошелся в мягких сапогах. Все, как кролики за удавом, следили, кого он изберет для беседы.

— А что думает... что думает... товарищ Хабибулин?

Толстяк Хабибулин поправил тюрбейку.

— Я думаю: нас уже ловило цэрэу-шмэрэу, фэбээр-шмэбээр, Интерпол-шминтерпол... Вах, пусть теперь нас половит кэгэбэ-шмэбэбэ!

Артист опять пыхнул трубкой, улыбнулся пронзительно:

— Мне кажется, товарищ Хабибулин... шмабибулин забыл, что такое КГБ!

Шкаф похлопал по плечу Хабибулина, тот снял тюрбейку и, тоже сложив руки за спиной, вышел.

— Мне кажется, товарищ Шкаф имеет конкретное предложение? — прищурился Артист.

Шкаф сказал с плотоядным оскалом:

— Я предлагаю тому хлопцу пару лишних дырок в голове!

— Интересное предложение... Но — преждевременное. Как думаешь, Лаврентий?

Усатый Цуладзе что-то ответил ему по-грузински. Артист тоже бросил ему несколько грузинских слов. А затем сообщил всем:

— Товарищ Цуладзе говорит: если рано убить, значит, нужно купить!

В храме шла служба. Среди прихожан советские и американские разведчики в штатском слушали торжественное пение и осеняли себя крестным знамением.

Генерал и Шеф стояли перед иконой с темным ликом и, крестясь, тихонько спорили:

— Это он!

— А я говорю: не он!

— Нет, он!

— А вот и не он!

Генерал обратился к молящейся старушке, указывая на икону.

— Скажите, бабушка, это Николай-угодник?

— Окстись, сынок! Это святая Мария Магдалина!

Генерал насмешливо глянул на Шефа. Тот вздохнул и привычно подставил свой лоб.

— Не здесь! — шепнул Генерал.

Они отошли в темный угол, и Генерал дал американцу шелобан.

Шеф печально считал:

— Раз, три, восемь...

К ним подошел молодой священник с кадилом, негромко сказал:

— Товарищ генерал, разрешите обратиться?

— А-а, капитан, — Генерал продолжал щелчки. — Как идет служба?

— Служу Советскому Союзу! Нынче окропили святой водичкой Высшую комсомольскую школу да крестили секретаря райкома.

— Хорошо. Есть проблемы?

— Архиепископ не присваивает мне очередное звание.

— Значит, не положено! — Генерал дал Шефу очередной шелобан.

— Чего не положено! — обиженно окал батюшка. — Вон Семенову мулла в мечети уж через год майора дал!

— Ислам — это есть тяжелый участок работа, — заметил Шеф.

— А здесь легкий? Не-а, я лучше уйду в синагогу!

Рука Генерала в очередной раз зависла надо лбом Шефа, но при этих словах он развернулся и врезал увесистый шелобан батюшке.

Федя с тележкой для покупок шел по супермаркету, сияющему неоновым огнем и изобилием продуктов: десятки колбас и сыров, розовые бока окороков и ветчины, красная, белая и еще черт знает какая рыба, пирамиды апельсинов, связки бананов, грозди винограда и неисчислимые батареи винных бутылок.

Внимание Феде привлек знакомый голос:

— Это мафия! Я требую жалобную книгу!

Федя усмехнулся и пошел на голос — в дверь, над которой была надпись: «Вниманию вновь прибывших эмигрантов из СССР! Только у нас ностальгические товары для адаптации к американской жизни».

Находившееся за дверью представляло собой рази-

тельный контраст с тем, что находилось перед ней: задрипанное помещение, продавщица в грязном халате, конторские счеты и весы с гирями, а на полках — сырки «Волна», вареная колбаса в целлофане, банки килек в томате.

Посреди этого убожества митинговал дядя Миша с авоськой в руке.

— Я вам напишу! Я вам все напишу в жалобную книгу!

— Пиши, пиши, грамотный, — хамски отрезала продавщица.

— Чего шумим, дядя Миша? — спросил вошедший Федя.

— Вы будете свидетель! Это мафия! Вы думаете, здесь настоящие отечественные товары? Не-ет, они пишут «Волна», но запикивают туда французский «Камамбер»! Вчера я открыл банку кильки — там сплошной лосось! А колбаса? Написано «Молодежная»! Ха-ха! Это же чистой воды телятина! Где крахмал, где туалетная бумага? Нет, вы сами посмотрите...

Дядя Миша переломил палку колбасы и осекся — на колбасном изломе белел клочок бумаги.

— Ну вот, товар качественный! — засмеялся Федя.

Дядя Миша растерянно выковырял бумажку из колбасы и растерялся еще больше:

— Вы не поверите, но это — вам...

Федя взял бумажку. На ней было написано: «АГЕНТУ КГБ ЛИЧНО».

Потом он звонил из автомата.

— Ключуло, Мэри, ключуло! Я говорил: они сами найдут меня! Встреча сегодня в Лас-Вегасе, казино «Золотой Дюк». Я вылетаю, привет!

Дома Федя собирал кейс: самое необходимое — зубная щетка, паста, мыло, пистолет.

Как обычно без звонка и стука, в комнате возникла Мэри с большим кофром. И без предисловия сказала:

— Наденьте это!

Она открыла кофр: там лежал черный фрак с белой манишкой.

— А-а, — догадался Федя, — вечерняя форма одежды для казино?

Он взял кофр, ушел в спальню...

И вновь появился — уже во фраке, манишке и бабочке.

— Ну как? — ослепительно улыбнулся Федя.

— Посмотрим, — деловито сказала Мэри.

И, выхватив пистолет, всадила ему в грудь всю обойму. Выстрелы отбрасывали Федю, он летел, ломая стулья, сбивая вазы, пока не грохнулся в углу.

Мэри подошла к Феде, ощупала его манишку, поправила бабочку.

— Теперь я спокойна. Бронефрак японской фирмы «Ясукинсан» абсолютно надежен!

Федя спросил, еле ворочая языком:

— А если бы... он оказался... бракованным?

— Это была бы трагедия, — вздохнула Мэри. — Для фирмы. Мы бы навсегда отказались от ее услуг!

Федя, в элегантном бронефраке, вел сияющую лаком машину по скоростному шоссе.

На горизонте, как мираж, возник залитый огнями город-мечта ловцов удачи — Лас-Вегас.

Федя катил по нарядным улицам, сияющим блеском реклам и названий бесчисленных казино и отелей. Несколько поворотов — и вот уже манящая неонов вывеска «Золотой Дюк».

Федя подъехал к стоянке. Служитель в униформе распахнул дверцу машины.

— Добрый вечер, господин Соколов! Вас ждут у первого входа.

Федя отдал ему ключи и направился в казино.

А служитель достал переговорник и что-то сообщил.

У входа Федю встретила блондинка с бесконечно длинными ногами под беспредельно короткой юбочкой. В руках у нее был поднос с напитками.

— Угощайтесь, господин Соколов! И прошу — в конце зала кабинет номер семь.

Федя взял с ее подноса бокал и, потягивая коктейль через соломинку, направился в главный зал.

А девушка склонилась к микрофончику на своей бретельке и что-то сказала.

Федя вошел в зал и остановился. Множество ловцов удачи с безумным блеском в глазах пытались поймать свой шанс, лихорадочно дергая рукоятки «одноруких банди-

тов», и над залом стоял неумолчный звон «квотеров» — двадцатипятицентовых монет.

Клиенты посольной сидели за столами рулеток или резались в карты — «баккара» и «блэк джек».

А самая большая толпа собралась возле центрального «колеса счастья», над которым горела цифра максимального выигрыша.

Двое дюжих полисменов вели всклокоченного, истерично хохотавшего мужчину. В руке у него была оторванная рукоятка автомата, которую он продолжал дергать и сам себе кричал: «Дзины! Дзины! Дзинь-дзины!»

Федя вошел в дверь с номером «7».

В небольшом богато обставленном кабинете за карточным столом сидели знакомые нам по штабу мафии уса-тый красавец Цуладзе и еще двое усачей.

— Дорогой! — Цуладзе, распахнув объятия, поспешил навстречу Феде. — Проходи, дорогой, давно ждем, дорогой!

Федя уклонился от его объятий, но сел к столу.

— Угощайся, дорогой! Этот маленький бокал...

— Но с большим чувством! — перебил Федя. — Для этого вы меня сюда и вызвали?

— Зачем вызвали, дорогой? Пригласили! Посидеть, немножко поиграть... Очень хорошая игра — карты!

Цуладзе взял колоду, и карты в его руках рассыпались лентой, свернулись кольцом, скользнули змейкой.

— Талант! — вежливо оценил Федя.

— Вай мэй, игра зависит не от таланта, а исключительно от везения, — Цуладзе прищурился. — И у меня такое ощущение, что тебе, дорогой, сегодня повезет. Тысяч, наверно, сто повезет!

— А может, сто пятьдесят?

Цуладзе обрадовался началу торга и заверил:

— Очень может быть, повезет даже тысяч двести... если ты уедешь домой. К маме, дорогой.

— Ясно. Но переговоры я буду вести только с Артистом.

— Каким артистом? Что за артист, дорогой?

— Не валяйте дурака! Я хочу видеть Артиста. Лично!

Федя встал. Цуладзе придержал его за плечо.

— Не горячись, дорогой. Все хотят видеть его лично.

Но никто еще не видел, — Цуладзе широко улыбнулся. — Ну, триста тысяч и билет на самолет? Да, дорогой?

— Нет, дорогой, — улыбнулся в ответ Федя. — Я не могу уехать, не попрощавшись с Артистом. Невежливо, понимаешь, дорогой?

Он направился к выходу из кабинета. Но два усача преградили ему путь. А Цуладзе, погасив улыбку, сказал:

— Из нашего казино так просто не уходят!

И вновь, как обычно в трудную минуту, перед мысленным взором Феде возник мудрый наставник — полковник Петренко.

— Запомни, сынок, — лукаво улыбнулся он, — в этом деле главное — ловкость рук и никакого мошенства. Туз — он и в Африке туз!

Полковник жестом фокусника сорвал со своего плеча погон, перевернул его, и погон оказался игровой картой — туз.

Федя вернулся в реальность и усмехнулся:

— Из вашего казино? Было ваше — станет наше!

И Федя показал Цуладзе свой класс: карты в его руках не только собирались лентой, змейкой и кольцом, но и вообще летали по воздуху, выделявая фигуры высшего пилотажа. Усачи следили за этим волшебством, приоткрыв рты. В конце полета карты сами оказались у них в руках. Усачи захлопнули рты. А суперагент спокойно отстранил их от двери, одернул фрак, поправил бабочку и вышел из кабинета в зал.

Федя прошелся вдоль ряда автоматов: он небрежно опускал по монетке, и каждый автомат наваливал полное корыто «квотеров». Униформисты пересыпали их на тележку и повезли за Федей.

А он направился к столам игроков в «блэк джек». Здесь Федя больше не демонстрировал манипуляции фокусника, а просто получал карты, бросал их, даже не заглядывая, и пересаживался к следующему столику. Униформистам оставалось лишь собирать за ним фишки-чипы на вторую тележку.

Возле рулеток Федя, подобно гроссмейстеру, дающему сеанс одновременной игры, шел в одну сторону, делая ставки на «красное», «черное» или «зеро», а в обратную сторону шли униформисты — собиратели выигрыша.

За Федей следовали уже три тележки, полные монет и чипов, а также толпа болельщиков — клиенты казино.

А в дальнем углу зала пребывали в полуобморочном состоянии трое усачей. Цуладзе хрипел в радиотелефон:

— Катастрофа! Он выиграл все — автоматы, карты, рулетки... Он уже идет к «колесу счастья»! Батоно Артист, что делать?

— Ну, если даже «колесо счастья»... — Голос Артиста в телефоне стал жестким. — Тогда вы знаете, что делать!

Усачи переглянулись и достали из карманов пистолеты.

А Федя уже стоял у «колеса счастья». Болельщики застыли.

Усачи медленно поднимали пистолеты.

Униформист запустил колесо. Оно начало плавное вращение. Все, затаив дыхание, следили за ним.

Усачи поднимали пистолеты все выше и выше.

Суперагент сосредоточился, уставился пронзительным взором экстрасенса на вращающееся колесо. Оно подплыло к нужной цифре... Перевалило через нее... Толпа ахнула. Федя еще больше напрягся. Колесо качнулось назад... Толпа снова ахнула. Федины глаза чуть не вылезли из орбит. Колесо чуть подалось вперед и застыло.

Усачи подняли пистолеты к своим вискам и нажали курки. Но три выстрела не были услышаны в оглушительном звоне колеса, реве толпы и громе музыки, извещавших, что главный приз взят.

Перед Федей склонился управляющий.

— Как прикажете распорядиться доходами вашего казино?

— Приобретите одноразовые шприцы.

— На всю... сумму? — пролепетал управляющий.

— На всю. И отправьте в Одессу.

Старый Арбат жил новой вольной жизнью. Художники торговали картинами, поэты зазывали стихи, музыканты играли, умельцы расхваливали матрешки, ложки, расписные подносы.

Советские и американские разведчики стояли посреди толпы. Генерал пояснял:

— Наш Арбат — остров свободы творчества и предпринимательства. Здесь каждый найдет что угодно на

души. Но учтите, эти... работники искусств... предпочитают доллары. Какой нынче курс на черном рынке?

— Один к ста двадцати, — доложил Адъютант.

— Ну вот, — объяснил Генерал, — за один рубль дают сто двадцать долларов.

Адъютант поперхнулся, но не решился поправить начальника.

— Прощу, друзья, у вас есть полчаса...

Обжоры с ходу рванули к шашлыкам. Весельчаки уселись перед шаржистом, готовые позировать. Нервные встали спиной к спине, заняв круговую оборону.

— А мы с вами, Джек... — Генерал обернулся. — Джек! Где вы?

Шеф — в трусах, майке и шляпе — сидел на корточках перед цыгановатым наперсточником, возле которого были сложены пиджак, брюки и галстук Шефа. Наперсточник совершил очередную манипуляцию наперстками.

— Здесь! — указал американец.

Парень поднял наперсток, шарика там не было.

Шеф сорвал с головы шляпу и бросил ее на остальную свою одежду.

— Теперь давай на майка!

Но дальнейший стриптиз был прерван появлением Генерала с Адъютантом.

— Джек! — Генерал подхватил Шефа под мышки. — Вы увлеклись, пойдемте, пойдемте отсюда...

— Я должен поймать чертов шарик! — вырывался Шеф.

— Какой шарик! Это все липа, жульничество...

— Че там жульничество! — оскорбленно забузил наперсточник. — Дрейфишь сыграть — так и скажи!

— Пре-кра-тить! — рявкнул Генерал. — Лейтенант Цыганенок! Вернуть нашему гостю проигранное!

Наперсточник мгновенно видоизменился, козырнул:

— Есть, товарищ генерал!

Он вежливо подал обалдевшему от этой метаморфозы американцу его одежду. Тот стал натягивать брюки.

— Разрешите идти? — снова козырнул наперсточник.

— Лейтенант Цыганенок! — нахмурился Генерал.

Наперсточник помялся, достал из кармана пачку долларов, вернул их американцу и четко развернулся, чтобы уйти.

— Лейтенант Цыганенок! — еще больше нахмурился Генерал.

Парень снова помялся, вздохнул, достал из кармана револьвер и с большим сожалением вернул его американцу.

Позади них раздался крик юноши с газетами:

— Свободная пресса! Последние новости! Суперагент КГБ Федор Соколов нанес первый удар русской мафии в Америке! Банкротство казино и три труп мафиози!

— О! — воскликнул Шеф. — Как сказать русский половиц: ваш прострел везде поспел! Примите мои поздравления!

Генерал кисло пожал руку американца. И процедил Адъютанту:

— Почему желтая пресса узнает все раньше нас?

— Рыночная экономика, — объяснил Адъютант. — Кто платит больше, тот узнает раньше!

Генерал только крякнул и сменил тему:

— Сокол Орлов! Э-э, то есть орел Соколов! Но это пока не главное. Главное — Артист!

На этот раз Артист был в образе немощного Брежнева, поддерживаемого в вертикальном положении Шкафом. Грудь его была в иконостасе орденов. Ряды штаба мафии поредели — без Цуладзе и двух усачей, но зато каждый тоже был увешан наградами.

— Я очень огорчен, — читал Артист-Брежнев по бумажке. — Что же это такое, дорогие товарищи?

— Да-да, жалко Цуладзе, — вздохнул Кодряну.

— Цу...Цул... — беспомощно забубнил Артист, пока Шкаф не подsunул ему новую бумажку, и он прочел: — Цуладзе наградить посмертно. — Он повернулся к Шкафу. — Меня, кстати, тоже... — И снова прочел по бумажке: — Мы потеряли казино — надежду и опору нашего развитого капитализма. Терпение лопнуло, нам пора...

— Сдаться? — с надеждой подсказал Кац.

Артист прочитал новую бумажку, подsunутую Шкафом:

— Нет, есть другое предложение: не сдаваться. Раз агента КГБ не удалось купить, надо его убить. — И пояснил от себя: — То есть уничтожить физически.

— Правильно! Давно пора! Кончать его! — поддержал штаб.

— Действуйте, товарищ Шкаф, — продолжил чтение по бумажке Артист. — Желаю успеха в вашем благородном деле! — И дочитал ремарку: — Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Мафия зааплодировала.

Артист-Брежнев обнял Шкафа и впился в его губы таким поцелуем, что у того глаза полезли на лоб.

В ресторане «Ланжерон» посетители аплодировали Феде. Пьяненький дядя Миша кричал:

— Это мой друг! Слышите все: это мой лучший друг!

А за одним из столиков спорили двое:

— Илья Ильич, что вы хлопаете? Вы же всегда были против КГБ.

— Да, я всегда против! Там я против КГБ, а здесь — я против ЦРУ! — И он закричал Феде: — Да здравствует КГБ — светлое будущее всего человечества!

Барабанщик на эстраде сказал:

— А сейчас к нашим общим поздравлениям агенту КГБ по случаю очередной победы над русской мафией присоединяется несравненная Маша Звездная. Песня «Тайный агент моей души»!

Оркестр заиграл вступление. Федя повернулся к эстраде.

И мы увидели, что кто-то неизвестный ловит его лицо в оптический прицел.

Маша-Мэри явилась и запела — как всегда прекрасно.

Дядя Миша отчаянно боролся вилкой с ускользающим по тарелке соленым грибом. Борьба шла не в пользу дяди Миши.

Федя не отрывал глаз от Мэри...

А его лицо вновь возникло в перекрестье неизвестного оптического прицела.

Дядя Миша настиг грибок вилкой, но от нажима грибок взлетел и упорхнул в декольте солидной дамы за соседним столиком. Дама взвизгнула, дядя Миша встал и упорно устремился вилкой в направлении дамской груди, но Федя, ухватив дядю Мишу за пиджак, усадил его обратно.

Дама, стараясь незаметно достать грибок, пошарила в

своем декольте и вытащила оттуда... котлету по-киевски с бумажной розочкой на косточке.

А Мэри продолжала очаровывать зал своей песней.

Дядя Миша игриво ткнул Федю в бок.

— Какая женщина! Я вижу, вы нашли свою любовь!

— У разведчика не может быть любви, — сурово сообщил Федя.

— Ай, любовь — не любовь, лишь бы жена хорошая!

— У разведчика не может быть жены.

— Кто вам сказал этих глупостей?

— Полковник Петренко. Он никогда не женился. Сколько об этом ни просили его дети!

Прицел неизвестного стрелка подобрался к центру лба Феде. Но тут, желая опровергнуть полковника Петренко, дядя Миша возбужденно вскочил и перекрыл Федю собой. Раздался еле слышный за музыкой и песней Мэри легкий хлопок — и дядя Миша рухнул.

Федя, выхватив пистолет, тоже сноровисто упал для безопасности под стол, быстро огляделся, подполз к трупку дяди Миши, перевернул его — во лбу трупа торчала короткая стрела на резиновой присоске.

Федя оторвал стрелу. Дядя Миша открыл глаза и простонал:

— Ай, таки сегодня они не разбавили водку... Мне так ударило в голову!

Федя снял оперение стрелы. На бумажке была надпись: «АГЕНТУ КГБ ЛИЧНО».

Светило солнце, весело бежала горная дорога под колесами открытого автомобиля, из приемника которого лилась все та же ресторанная песня Мэри, а за рулем сидел Федя — в отличном настроении, вертя одной рукой баранку, а другой отправляя в рот спелые вишни из пакета на сиденье.

Несколько поворотов — и на обочине возникла длинноногая девица в коротеньких шортах с рюкзачком за спиной и поднятым пальцем руки. Феде она явно приглянулась, он начал сбавлять ход машины... но песня Мэри в приемнике оборвалась, и прозвучал ее голос:

— Ваша остановка на сотой миле!

Федя вздохнул, снова дал газ и развел руками, проно-

сясь мимо девицы. В приемнике вновь зазвучала песня Мэри.

А на передней панели машины знакомой резиновой присоской была прижата записка: «АРТИСТ СОГЛАСЕН НА ВСТРЕЧУ ЗАВТРА В ШЕСТЬ ВЕЧЕРА НА ПИРСЕ У СОТОЙ МИЛИ ДОРОГИ А-7».

Федя глянул вперед — приближался указатель с цифрой «50». Федя стрельнул в него косточкой из вишни, попал точно в центр нуля и довольно улыбнулся.

В этот момент его машина появилась в окулярах бинокля Шкафа. Он стоял на вершине нависшей над дорогой скалы. Рядом со Шкафом стояли у огромного камня Кац и Кодряну.

— Ну, хлопцы! — скомандовал Шкаф.

И все трое налегли плечами на камень.

А Федя, ни о чем не подозревая, приближался к месту своей гибели. На обочине торчал рекламный щит «Мальборо» — ковбой с сигаретой. Федя и в него пульнул вишневой косточкой, прицельно сбив пепел с сигареты.

Шкаф, Кац и Кодряну, пыхтя, закатывали камень на гребень скалы.

Машина Феде была уже в нескольких десятках метров.

Камень смертельно колебался на самом гребне.

Федя взял очередную вишню и стрельнул косточкой в белый свет, как в копеечку.

Косточка взлетела вверх, звонко тюкнула в колеблющийся на гребне камень, и этой капли оказалось достаточно, чтобы решить смертельное колебание в пользу Феде: камень покатился назад.

Шкаф, Кац и Кодряну бросились наутек. Камень следовал за ними. Они неслись, как ополоумевшие зайцы. Камень их настигал.

Шкаф спрятался за могучий дуб. А Кац и Кодряну сообразили — бросились от дуба в разные стороны. Но и камень оказался не дурак, налетев на дуб, он раскололся на две меньшие, но все равно внушительные глыбы, одна настигла Кодряну, другая Каца... и обе понеслись дальше, оставив на земле два плоских силуэта бывших мафиози.

При виде этой ужасной картины Шкаф взвыл и сокрушенно треснулся головой о дуб. На дубе вскочила шишка.

А Федя беспечно катил по дороге дальше, уплетая остатки вишен.

На скале возле Шкафа приземлился вертолет. Шкаф залез в кабину, схватил радиотелефон:

— Артист! Я извиняюсь, но первый вариант лопнул! Есть жертвы — Кодряну, Кац...

— К черту Каца! — рывкнул голос в телефоне. — Переходи ко второму варианту!

Шкаф кивнул пилоту, и вертолет взмыл вверх.

Внизу по дороге весело бежала машина Феди.

— Ну, Иванов, — сказал Шкаф в радиотелефон, — действуй!

Его команду принял Иванов в кабине огромного рефрижератора, стоявшего на обочине. Когда появилась Федина машина, Иванов пропустил ее, затем пристроился в хвост Феде.

Шкаф из вертолета сверху вел наблюдение.

Впереди показался горный тоннель.

Иванов погудел клаксоном. Федя увидел в зеркальце наседавший сзади рефрижератор и прибавил скорость.

А Шкаф из вертолета командовал по телефону:

— Хабибулин, давай!

Хабибулин сидел в трейлере по другую сторону тоннеля. Он включил мотор и тронул свою махину.

С другой стороны к тоннелю неслись машины Феди и Иванова.

Шкаф заорал в радиотелефон:

— Ну, хлопцы, в лепешку его, у смятку!

Тоннель приближался. Федя уже видел его проем в скале, ограждающие знаки слева от него и легкое строение придорожного туалета — справа.

Хабибулин с противоположной стороны газанул по тоннелю.

Темный провал в скале стремительно надвинулся. Раздался жуткий грохот. Из тоннеля повалил дым.

Потом все стихло. Из туалета справа от тоннеля спокойно вышел Федя, оправляя одежду. Он пошел к своей машине на обочине... и увидел, как из тоннеля одиноко выкатилось большое колесо, потом звонко проскакал металлический обод, а затем выехал Хабибулин. Он сидел в кресле, пристегнутый ремнем, в руках у него была баранка, которую он безумно крутил, а в зубах — моторчик стеклоочистителя, и работающие от него «дворники» начищали чумазую морду Хабибулина.

Шкаф с высоты увидел эту картину и в ярости так топнул ногой, что проломил пол, и нога его торчала из летящего вертолета.

В радиотелефоне раздался нетерпеливый голос Артиста:

— Ну что, сработали?

— Не-е! — простонал Шкаф. — Сорвалось! Знову есть жертвы...

— Следующей жертвой будешь ты! — прорычал Артист.

— Та ни, клянусь! Жертва будет он — агент проклятый! Перехожу к моему личному варианту!

Федя притормозил возле указателя сотой мили, увидел внизу небольшую бухту и пирс, уходящий в волны.

Он заехал на пирс, вышел из машины, посмотрел на часы. Было без пяти шесть.

А из кустов обрыва над бухтой поднимался Шкаф. На плече его была ракета «Стингер».

Федя снова глянул на часы — стрелка продвинулась на две минуты.

Шкаф, шуря пылающий жаждой глаз, устанавливал прицел «Стингера».

Федя уселся на пирсе, свесив ноги вниз, еще раз глянул на часы — до шести оставалась минута.

Шкаф нажал курок. Ракета понеслась к пирсу.

Чьи-то руки, высунувшись из воды, рванули сидящего на пирсе Федю за ноги вниз.

Ракета ударила в Федину машину, взлетел фонтан огня, пирс рухнул.

Шкаф на обрыве удовлетворенно дунул в несуществующее дуло «Стингера».

Огонь, дым, пепел, обломки машины и пирса оседали в океан. А из его волн появились Федя и Мэри.

— Зачем... вы это... сделали? — отплевывал воду Федя.

— Я отвечаю за вашу безопасность! — напомнила Мэри.

— Но я не умею плавать!

И Федя камнем пошел на дно. Мэри нырнула за ним.

А Шкаф при виде всего этого изумленно застыл, потом с ревом переломил стальной «Стингер» о колено и решительно выхватил из-за пояса мясницкий топор.

Мэри пыталась привести в чувство распростертого на

спине Федю. Он безжизненно трепыхался в ее руках. Оставалось одно — искусственное дыхание по методу «из рта в рот». Она накрыла рот Феде носовым платком, набрала полные легкие воздуха, склонилась над Федей, потянулась губами к платку... но в последний миг Федя одной рукой сдернул платок со своих губ, а другой привлек ее к себе. Мэри выдала ему град пощечин.

Из океана уже торчал только краешек садящегося солнца. В наступавших сумерках Шкаф с топором полз к берегу через кустарник.

Выглянув из последнего куста, он увидел Мэри и Федю, но до них было песчаное пространство, которое следовало как-то преодолеть. У куста лежала вверх дном рыбацкая лодка. Шкаф нырнул под нее... и лодка поползла по песку.

Мэри послушала портативный приемник и сообщила: — Вертолет будет через полчаса.

Федя лежал на берегу, а вокруг лежали его брюки, сорочка, носки, туфли.

— За полчаса моя одежда не высохнет. Не будем спешить...

— Спешить надо! Они могут повторить попытку убить вас, смертельно ранить...

— А-а, — отмахнулся Федя, — у полковника Петренко семь смертельных ранений. И все — в голову!

Лодка подползла так близко, что Мэри увидела ее.

— Да, надо же развести костер для посадки вертолета. Встаньте, помогите мне поджечь эту лодку!

Услышав такое, Шкаф под лодкой выпучил глаза.

Федя нехотя поднялся и перевернул лодку. Шкафа под ней не было. Только лежал топор.

— О, и топор есть, — сказал Федя, — сейчас мы ее порубим...

— И принесите одежду, пусть сохнет у костра.

Федя отправился за своей одеждой. Мэри бдительно повела биноклем вокруг.

Из песка высунулась рука Шкафа, потянулась за топором.

Мэри опустила бинокль — рука нырнула в песок.

Вернулся Федя, взял топор, отрубил доски от лодки, положил прямо на то место, откуда высовывалась рука Шкафа, и Мэри чиркнула спичкой...

Костер весело пылал в темноте, окутавшей бухту. На палках сушилась одежда. Федя и Мэри глядели на пламя.

— Я люблю смотреть на огонь, — сказал Федя. — В этом есть что-то первобытное!

— Да, — задумчиво согласилась Мэри, — вот так когда-то сидели у костров наши предки, пели песни...

— Нет, они жарили на огне добытого мамонта!

— Есть хочется, — вздохнула Мэри и потянула носом. — Откуда так пахнет шашлычком?..

Раздался дикий рев, земля под костром разверзлась, выскочила огненная фигура, живой факел бросился в океан и горящей завывающей торпедой понесся к горизонту.

Шкаф — волосы сгорели до бильярдной лысины, левое ухо совершенно черное — яростно орал:

— Артист, дайте последний шанс, я этого агента — у гроб, у могилу, у преисподню закопаю!

Артист — в образе Никиты Хрущева — стучал ботинком по трибуне.

— Это я тебя закопаю! Как проклятый капитализм! Болван! Слабак! Пидерас! А завтра еще прибывает шейх...

— Клянусь, Артист, насчет шейха все будет о'кей!

— Да уж, если ты и тут проявишь гуманизм, я тебе покажу кузькину мать! — Он пригляделся к Шкафу. — А чего это ты такой... черноухий? Что это за абстракционизм?

— Та разве ж у наших жлобов хоть кусочек кожи допросишься? — вздохнул Шкаф. — Пришлось взять у одного негра орган для пересадки.

— Вот яркий пример дружбы народов! — одобрил Артист-Хрущев. — Предлагаю отдать товарищам неграм всесоюзную здравницу Крым!

Советские и американские разведчики шли по коридору с ковровой дорожкой, бюстом Ленина и с табличками на дверях — фамилия и должность: «инструктор», «завотделом», «секретарь».

— Следуя принципам социальной справедливости, — рассказывал Генерал, — наша партия отдает свое имущество народу. Спецполиклиники — инвалидам, спецда-

чи — детям, спецстоловые — многодетным семьям, ну и спецкладбища — естественно, ветеранам войны и труда... А здешний обком выступил с интересной инициативой: отдал свое здание под тюрьму строгого режима. Для коррумпированного партийного аппарата. Получилось удобно: был кабинет — стала камера.

На дверях были тюремные глазки. Генерал приоткрыл глазок под табличкой «Первый секретарь», Шеф заглянул туда.

За столом буквой Т с несколькими телефонами под портретом Маркса человек в полосатой робе арестанта нервно набирал телефонный номер.

— Ну вот, — подытожил Генерал, — очень удобно: каждый сидит на своем месте!

— Да, — кивнул Шеф, — как сказать русский пословиц: не место красит человека, а человек красит яйца!

К Генералу подбежал Адъютант.

— Агент Соколов просит разрешения на срочную операцию!

— Аппендицит? — Посочувствовал Генерал.

— Нет, операция «Шейх». — Адъютант показал американскую газету, прочел: — «В Нью-Йорк прибывает один из самых богатых людей мира шейх Абу-Табу-Рет со своим любимым гаремом». Наш агент просит разрешить срочную операцию — один на один.

— Сокол Орлов!.. Э-э, орел Соколов! — Генерал подмигнул Шефу. — Слышал? Один на один с гаремом!

— Извините, с шейхом, — уточнил Адъютант.

Из кабинета-камеры «первого секретаря» донесся крик. Генерал заглянул в глазок. Мужчина в арестантской робе шумел по телефону:

— И учти, если до обеда не починешь парашу, положишь партбилет!

Личный самолет шейха — а это было видно уже по тому, что фюзеляж лайнера, как голову истинного араба, украшала белая накидка с черным обручем — приземлился в аэропорту Нью-Йорка.

На трапе появился шейх — в такой же накидке с обручем, чернобородый, с черной пиратской повязкой на правом глазу. Рукой, каждый палец которой был унизан де-

сятком перстней, он помахал корреспондентам с фототелекамерами. Хорошенькая стюардесса поклонилась ему на прощание. Он сверкнул единственным глазом, ущипнул ее за бочок, сорвал с пальца перстень, надел на палец девушки, сказал, не допуская возражений:

— Встретимся вечером!

И спустился по трапу, ослепляя улыбкой объективы.

За ним озабоченно сбежал секретарь, гибкий, женоподобный, и поспешил в хвост самолета, где из люка по сходням спускался белый верблюд. Секретарь подвел его к шейху, и тот стал кормить своего любимца колючками на серебряном подносе. Верблюд благодарно кивал и облизывал руки шейха к восторгу щелкающих камерами корреспондентов.

А секретарь побежал в зал багажа, где из окна на транспортер выплывали, как чемоданы, наложницы гарема, укутанные с ног до головы в чадру, с багажными бирками на шеях.

Секретарь сверял бирку с талоном, сгружал наложниц с транспортера на тележки, пересчитывал их.

И вот уже по улицам Нью-Йорка двинулась процессия: впереди шейх на белом верблюде с автомобильным номером на куцем хвосте, следом на мотоциклах телохранители — в чалмах, шароварах и с кривыми мечами за кушаками, затем автобус с гаремом под руководством секретаря, потом орда корреспондентов на своем транспорте, и замыкала процессию машина, в которой сидел Шкаф и парочка гориллоподобных гангстеров.

А на некотором отдалении ехали Федя и Мэри.

— Этот передатчик, — Мэри повесила на шею Феди медальон, — подает непрерывный сигнал. А мой приемник, — она коснулась браслета на своей руке, — запеленгует вас в любом месте. Если в двадцать четыре часа вас нет, я начинаю действовать самостоятельно.

— Вряд ли вам придется, — усмехнулся Федя. — Главное, все сработать четко по моему плану.

— Это большой риск! — вырвалось у Мэри.

— Но это мой метод, — твердо ответил Федя. — «Ловля на живца».

Возле отеля шейх спешил с верблюда, и служители

повели его на автостоянку. Верблюд застыл горделиво посреди машин, со своим собственным номером на хвосте.

Секретарь выпускал по одной наложнице из автобуса, пересчитывал их, отправляя в отель.

Шейх в сопровождении телохранителей тоже проследовал в отель, увидел хорошенькую горничную, сорвал со своего пальца перстень, надел на ее палец, игриво ущипнул и заявил безапелляционно:

— Встретимся днем!

Секретарь загонял наложниц в лифт — по одной и опять пересчитывал. Затем в лифт вошли телохранители.

Шейх направился туда же... но открылись двери лифта напротив, и восхищенному взгляду шейха предстала очаровательная Мэри в элегантной форме лифтера.

— О! — Шейх сорвал очередной перстень и метнулся к ней.

Из своего лифта к нему с воплями ревности и мольбы простерли руки наложницы, но он отмахнулся от них, надел перстень на палец Мэри, страстно заявил:

— Встретимся сейчас!

И при этом даже не обратил внимания на скромно стоящего в глубине лифта Федю.

Мэри обещающе-призывно улыбнулась, нажала кнопку, и лифт с ней, шейхом и Федей пошел наверх.

Секретарь тоже поспешно нажал кнопку, и лифт с наложницами и телохранителями стал подниматься.

Вспыхивали указатели этажей: десятый... двадцатый... пятидесятый... сотый.

На сотом этаже первый лифт остановился. Из него вышел Федя — в одежде шейха, с его бородой и повязкой на глазу. А сам шейх — в одних расписных трусах — забился в угол под пистолетом в руке Мэри. Двери закрылись, лифт пошел вниз.

А на этаж прибыл второй лифт, и лжешейх Федя был окружен взволнованной толпой наложниц и телохранителей.

Все это наблюдал притаившийся за портьерой Шкаф.

Шейх лежал на тахте в Фединой комнате с залепленным пластырем ртом и связанными руками. Мэри развязала его, содрала пластырь со рта, и он немедленно заорал:

— О, красавица! Еще никто не похищал меня ради любви! У-у, я сгораю от страсти! Приди ко мне!

Мэри пришлось невольно уложить темпераментного.

— Извините, ваше высочество... или ваше величество?

— Зови меня просто: Аль-Рахат-эль-Лукум-ибн-Дре-
ве-Сина-Абу-Табу-Рет!

Мэри пошевелила губами, пытаясь повторить, но махнула рукой.

— В общем так, Табурет! Мы похитили вас, чтобы вас не похитили другие. И не потребовали выкуп — миллиард долларов.

Шейх изумленно присвистнул и сказал:

— Твою мать!

— Вы говорите по-русски? — насторожилась Мэри.

— После Оксфорда я учился в Одессе. В кораблестроительном.

— Кораблестроительном... Зачем?

— Верблюды — корабли пустыни! — гордо напомнил шейх и заговорил со знакомым акцентом: — И я вам скажу, как родной: Оксфорд — это фуфло, джентльмены воноchie, а вот Одесса... о-о, Одесса-мама!

— Ну, мы договоримся, — обрадовалась Мэри и тронула повязку на его глазу. — Это ранение в битве за независимость вашей страны?

— Нет, это я лечил ячмень в одесском Институте Филатова.

Шейх заметил накрытый стол с напитками, оживился:

— Но даже одним глазом я вижу, что мы можем выпить за Одессу!

Федя восседал на подушках в роскошных апартаментах. Рядом почтительно застыл секретарь. Вереница лакеев проносила перед Федей серебряные блюда с обильными яствами — мясо, рыба, зелень, фрукты. Каждое блюдо показывали Феде, тот кивал и хватался за вилку и нож, но блюдо уносили и показывали следующее, он опять радостно кивал, но и это блюдо сменялось очередным, пока весь парад съестного не закончился.

— В чем дело? — нахмурился Федя.

— А в чем? — заволновался секретарь. — Вы, как обычно, одобрили меню для ужина гарема.

— Что? Гарема? Вернуть! Назад!

Лакеи поспешной вереницей проследовали в обратном порядке, но на серебряных подносах остались лишь мясные кости, рыбы скелеты да огрызки фруктов.

— О, солнценокосный! Что-нибудь не так? — дрожал секретарь.

— Так, так... — Федя только махнул рукой.

— О, луноликий! А на ночь вы, как обычно, желаете ваш любимый орех «хухры-мухры»?

— Да, желаю орех! — обрадовался Федя.

— Малый или большой?

— Самый большой!

Секретарь удалился и вернулся с подносом, на котором было нечто большое, орехообразное, завернутое в золотую фольгу, и вновь удалился.

Федя набросился на орех с вилкой и ножом, но оба прибора сломались о твердыню. Федя в отчаянии попытался укунуть орех, но поплатился за это зубом.

Вновь появился секретарь — с новым подносом и новым орехом, точнее, крохотным орешком.

— О, верблюдообразный! Большой орех «хухры-мухры» подан!

Секретарь взял огромный орех, оказавшийся просто камнем в позолоте, торжественно ткнул им по малому орешку, расколот, ловко забросил ядрышко в распахнутый от удивления рот Феи и смахнул с его бороды крошки.

— Надеюсь, вы славно насытились?

— Насытился, — буркнул Федя. — Славно.

Секретарь вновь исчез и вернулся с бутылкой вина, показал Феде этикетку. Тот оживленно кивнул — не поел, так хоть выпить. Секретарь махнул рукой, появился лакей с сотней таких же бутылок на тележке и в сопровождении секретаря покати́л их в глубь апартаментов.

Федя ошалело посидел, потом побежал за ними.

В ванной комнате секретарь и лакей выливали вино из бутылок в мраморную ванну.

— Вы что?! — не сдержал крик Федя.

— О, пустынеподобный? — замер от ужаса секретарь. — Разве сегодня не среда?

— Ну, среда...

— Уф! — выдохнул секретарь. — Значит, все верно: по средам — ванна из французского бордо, а в четверг — советское шампанское.

— Все! Уходите! — приказал Федя. — Приму ванну, и спать!

— Как? Разве вы не назначите на ночь любимую жену?

— Сегодня я доверяю выбор тебе, — выкрутился Федя.

Секретарь взял сафьяновую папку со списком гарема.

— Зухра?.. Нет, вас огорчила ее холодность... Саида?.. Нет, вас утомила ее пламенность. А Гульчохра...

— Давай, давай Гульчохру! — Феде надоела эта вольнка.

— Осмелюсь напомнить, — потупился секретарь, — Гульчохра в декретном отпуске. Вот, может быть, сладкогрудая Фатима...

— Да, Фатиму — и спать!

— Как? — вновь изумился секретарь. — Разве вы не пожелаете доброй ночи вашему обожаемому верблюду?

Они вышли на стоянку, где среди машин возвышался верблюд. Секретарь подал серебряный поднос с колючкой. Федя предложил ее верблюду, но тот презрительно покачал башкой и смачно плюнул в лицо лжешейху.

Секретарь вскрикнул и начал оседать, теряя сознание. Федя подхватил его, утешил:

— Ничего, ничего, это у него акклиматизация...

В роскошную спальню сквозь стеклянную крышу последнего этажа светили звезды. Посреди спальни стояла кровать под балдахином. Секретарь поклонился Феде.

— Осмелюсь пожелать приятных сновидений!

И удалился. А Федя — голодный, оплеванный, злой — наконец с облегчением рухнул спиной на кровать... и с воплем вскочил, сорвал покрывало — под ним лежала решетка, утыканная гвоздями.

На крик Феде опять примчался секретарь.

— Что?! Что... это? — гневно указал Федя на гвозди.

Секретарь упал на колени.

— О великий шейх и величайший йог! Прикажи отрубить головы ленивцам, недостаточно наточившим острия твоего любимого ложа...

— Не надо! — прервал Федя. — Сегодня я добрый, прощаю.

Секретарь, пятясь, удалился. Федя вышвырнул из постели решетку и без сил откинулся на ложе.

Но не было ему покоя: зазвучала чарующая музыка, и впорхнула грациозная девушка в парандже, шальварах, с голым животом.

— А-а, Фатима... — уныло вспомнил Федя.

Фатима начала волнующий танец. Но Федю это явно не волновало. Он сонно следил за порханием ножек, движениями плеч, конвульсиями живота. Однако Фатима упорно приближалась, касалась его лица взлетающими шелками. Он вяло похлопал ее по бедру.

— Молодец, Фатима, хорошо, иди... — Но рука его, ощутив живую плоть ее бедра, задержалась. — Хотя нет, погоди... — Рука опустилась пониже. — Погоди, Фатима... о, какая у тебя... Фатима!

Он вскочил, она отпрыгнула и завела древний, как мир, танец-игру: то призывно маня, то лукаво ускользя. Федя возбужденно метался за ней, и сам включился в танец — нечто на манер лезгинки с припаданием на одно колено и выкриками «асса». Однако вожделенная цель все не давалась ему в руки.

Он схватил бокалы, побежал в санузел, зачерпнул из ванны французского бордо и вернулся в спальню.

— Сейчас, Фатима, сейчас мы с тобой тяпнем по-нашему... по-арабскому...

Он протянул ей бокал, но она выплеснула бордо ему в лицо. Только этого не хватало бедному Феде!

— Ты чего, Фатима, обалдела?

Фатима сбросила паранджу, он увидел... лицо Мэри.

— Ма... Мэ... Зачем вы здесь?

— Я отвечаю за вашу безопасность. — Она поиграла голым животом. — Именно это вы называете «ловля на живца»?

— Прекратите! — Федя перешел в наступление. — Где шейх?

— Где надо. И между прочим, ведет себя приличнее вас.

— Черт побери, но я должен соблюдать достоверность!

— Ну, это вам удастся блестяще! — Она зашептала с придыханием: — О, Фатима! Какая у тебя... Фатима!

Федя вдруг повалил ее в постель.

— Вы с ума... Негодяй! — отбивалась она. — Пустите!

— Тихо! — придавил он ее. — Похищение!

И верно, заслонив звезды, над стеклянной крышей спальни завис вертолет. Шкаф сбросил стальной крюк, который проломил стекло, подцепил за балдахин кровать и поволок ее в небо.

Мэри в последний момент успела скатиться с кровати на пол.

Федя поправил на шее медальон, и браслет на руке Мэри засигналил: пи-пи-пи...

В спальню ворвались, привлеченные грохотом, секретарь, телохранители, наложницы. Мэри, набросив паранджу, смешалась с толпой женщин, а телохранители открыли бессмысленную пальбу вслед вертолету, который плавно уносил кровать с Федей в небо Нью-Йорка.

Шкаф с двумя гангстерами, подталкивая Федю автоматами, ввели его в зал заседаний мафии.

— Я буду жаловаться в ООН! — заявил Федя.

— Та ни, не треба жаловаться. Давай миллиард — и свободен!

— Я буду вести переговоры только с вашим шейхом.

— Тю! Який у нас шейх? У нас — демократия!

— Ну, с президентом, боссом, шефом... Я желаю говорить с пастухом, а не с безмозглым бараном.

— Це я баран? — оскорбился Шкаф. — Ни, це ты вонючий козел!

Шкаф дернул Федю за бороду... и борода осталась у него в руке. Федя выхватил бороду, приклеил ее обратно и заявил:

— Сам ты козел!

Шкаф-тупица ничего не понял, но рассвирепел.

— А я кажу, шо козел — ты! — И снова оторвал бороду.

Федя как ни в чем не бывало опять приклеил ее.

— От козла слышу!

Шкаф опять рванул его за бороду... Но тут даже до этого болвана наконец дошло.

— Так це ж ты!

Он сорвал с Федей еще и чалму, и повязку с глаза.

— Попався, гад! — И схватил Федю за грудки. — А где шейх?

Закованный в цепи Федя висел на дыбе.

— Я последний раз спрашиваю, где шейх? — сказал Шкаф.

— А я последний раз спрашиваю: где Артист? — ответил Федя.

Шкаф кивнул гангстерам, те повернули дыбу и опустили Федину голову в бадью с водой.

— Попей, попей водички, вона тоби развяжет язычок!

Голова Феди была в воде... и уровень ее быстро понижался. Несколько мгновений — и бадья опустела.

— Тю! — поразился Шкаф. — Ты шо — усе выпив?

Суперагент выпустил изо рта мощный фонтан, окатив Шкафа с головы до ног. Мокрый Шкаф разъярился.

— Ну, зараз я тебя поджарю, як кабана!

Он включил утюг, поставил его на голый живот Феди и сладострастно ждал его мучений. Но суперагент только улыбался.

— Шо такое? — забеспокоился Шкаф. — Не фурычит?

Он приложил утюг к своей щеке и завопил — на ней запыхал четкий след.

— А ты шо... стальной? — ужаснулся Шкаф.

— Да что я, — скромно отвечал суперагент. — Вот полковника Петренко враги посадили на кол. И ничего — с тех пор у него только выправка строже!

Федя лежал на каменном полу и, как положено погибающему, но не сдающемуся, негромко напевал любимую чекистскую: «Не думай о секундах свысока...»

Песню оборвал грохот засова железной двери.

— Эй, солист! — заглянул Шкаф. — Зараз тебе будет дуэт...

Он втолкнул в камеру дядю Мишу и захлопнул дверь. Федя подхватил нового пленника — избитого, в крови.

— Мерзавцы! За что они вас?

— За шейха-а, — простонал дядя Миша.

— За какого... шейха? — даже не понял поначалу Федя.

— А я знаю, за какого? — всхлипывал дядя Миша. — Нет, вы только подумайте: где я, где шейх... Но они говорят: ты на весь ресторан кричал, что вы с этим Федей друзья... Ай, зачем я кричал на свою голову! Или мы все-таки друзья?

— Друзья, конечно, друзья, — заверил Федя.

— Так они говорят: раз вы друзья, значит, и ты должен знать! Но я ничего не знаю... А вы знаете?

— Да я-то знаю...

— Я вас умоляю! — Дядя Миша пополз на коленях. — Скажите им, где этот паршивый шейх, иначе они растерзают нас!

— Я к тому готов, — твердо сказал Федя.

— Но я совершенно не готов!

— Ну, надеюсь, на вас у них не хватит подлости...

— И не надейтесь, они еще схватили Машу.

— Машу?! — впервые за все время пыток Федя дрогнул.

— Да-да, ее пытаются в соседней камере...

За стеной раздался душераздирающий женский крик.

— Изверги! — простонал дядя Миша. — Мучить нежную девочку!

Федя затарабанил в дверь.

— Мерзавцы! Скоты! Откройте!

Шкаф распахнул дверь. Федя помедлил и сказал устало:

— Передай Артисту: я отдам ему шейха.

Шкаф расплылся в улыбке и доложил... дяде Мише:

— Артист! Федя передал, шо он отдаст вам шейха!

Настала немая сцена. Шкаф прикусил язык. Федя расхохотался. Маленький дядя Миша набросился на огромного Шкафа, заколотил по нему кулачками:

— Идиот! Дебил! Дегенерат!

Федя сорвал с лица дяди Миши наклеенные раны.

— Зачем вам эта бутафория? Настоящему артисту идут естественные украшения!

Федя от души врезал дяде Мише, тот отлетел в угол, отчаянно завизжал, в камеру ворвались гангстеры.

Мэри в квартире Феде напряженно следила за стрелками настенных часов. Было без пяти двенадцать.

На тахте заворочался в хмельном сне шейх, сбросил на пол одеяло. Мэри заботливо укрыла его.

— Мама! — улыбнулся шейх во сне.

— Спи, спи, сынок, — усмехнулась Мэри.

Федя был прикован к стене. Артист холодно прищурился.

— Ну, вспомнил, где шейх?

— Да нет, что-то с памятью моей стало... дядя Миша... или как вас теперь называть, господин Артист?

— Да, я артист! Я приехал сюда не за паршивой колбасой и джинсами! Я приехал за настоящим искусством! Что мне давали играть эти жалкие бездари в Одессе? «Кушать подано»! А здесь... О-о, здесь мой талант творит королей и безумцев, гениев и негодяев...

— Последнее вам особенно удается, — Федя позвенел кандалами. — Извините, что не аплодирую — руки заняты, артист погорелого театра!

Артист оставил возвышенные завыванья и сказал деловито:

— Значит, так: чтобы освежить память насчет шейха, у тебя есть минут тридцать. Уложишься, Шкаф?

Шкаф помешивал мастерком раствор в корыте.

— Та я его минут за двадцать замурую!

И положил к ногам Феде первый кирпич.

Настенные часы гулко забили — двенадцать раз.

От их ударов проснулся шейх и стал изумленным свидетелем того, как Мэри в несколько мгновений превратилась из очаровательной девушки в грозного суперагента ЦРУ.

Раз — и цветастое платье сменилось черными кожаными брюками и курткой.

Шейх, не веря глазам своим, протер их кулаками.

Два — и роскошные волосы были убраны под черный мотоциклетный шлем, а прекрасные очи скрылись за черными очками.

Шейх принял стакан водки.

Три — и карманы куртки были набиты гранатами, а два автомата повисли на плечах дулами вниз.

Шейх икнул, откинулся на тахту и захрапел.

Мэри пошла к окну. Но вернулась. На столе лежал одинокий патрон. Мэри повернула гильзу... патрон оказался губной помадой. Отдавая последнюю дань своему женскому естеству, суперагент подкрасила губы, открыла окно,

пронзительно свистнула, и далеко внизу на ее зов выкатился и застыл под окном мощный мотоцикл.

Мэри вскочила на подоконник и сиганула — точно в седло мотоцикла.

Федя был замурован уже по пояс.

Шкаф, как требовательный художник, отступил на шаг, оценивая свою работу, небрежно взмахнул мастерком... и клекса раствора залепила глаз Артиста. Тот набросился на Шкафа с кулаками.

Мэри в черном костюме, черном шлеме, на черном мотоцикле сливалась с чернотой ночи. Браслет на ее руке давал ровный сигнал.

Она свернула налево — сигнал стал тише.

Она развернулась направо — сигнал стал громче.

Впереди показался какой-то особняк за высокой оградой с воротами. Сигнал браслета резко усилился.

Мэри направила мотоцикл к воротам. На шум выскочили охранники. Мэри снесла своей могучей машиной ворота, разбросав охрану, взлетела на ступеньки, прошибла двери и ворвалась в особняк.

Федя был замурован уже по горло.

Шкаф проверил отвесом вертикальность стенки, весело раскрутил веревочку на пальце, с нее сорвалась гирька... и дала в глаз Артисту. Тот опять кинулся на Шкафа с кулаками.

Мэри, слившись воедино со своим мотоциклом, взлетала по лестницам и скатывалась по ним, неслась по анфиладам комнат, сшибая их двери, как карточный домик, увертывалась от выстрелов бандитов и поражала их с помощью пистолетов, автоматов, гранат и колес мотоцикла.

Над этим адским грохотом зудел сигнал ее браслета, все усиливаясь: Мэри приближалась к цели.

Федя был уже замурован весь, осталось только окошко перед его лицом. Артист подошел вплотную.

— Ну, тридцать секунд: где шейх?

— Где, где... В Караганде!

Федя исхитрился и плюнул все в тот же многострадальный глаз Артиста. Тот снова бросился с кулаками почему-то на Шкафа.

— Кончай! Кончай его, идиот!

Шкаф последним кирпичом навеки закрыл Федю. И отошел от стенки, полюбоваться.

— Дюже добрая работа!

— Какая добрая? Смотри, болван!

Внизу из кирпичной стены торчали босые ступни Фе-ди, и пальцы на них нахально шевелились.

Шкаф схватил мастерок и стал забрасывать их раствором.

Но тут распахнулась дверь, и в камеру ворвалась Мэри на своем верном мотоцикле. Она с ходу врезалась в свежую кладку, кирпичи рухнули, и за ними открылась стена, к которой был прикован Федя, а рядом — еще пяток скелетов.

Мэри выстрелами пистолета сбила Федины оковы.

Артист и Шкаф бросились к двери. На пороге Артист швырнул гранату, захлопнул дверь и задвинул снаружи засов.

Увидев катившуюся по полу гранату, Федя крикнул Мэри:

— Ложись!

— Не время, Феденька... — смущенно потупилась Мэри.

Он не стал ее переубеждать, а завалил вместе с мотоциклом, накрыл своим телом, поймал катившуюся гранату и швырнул ее в дверь. Грохнул взрыв, все заволело огнем и дымом.

Артист и Шкаф уселись в машину, из заднего окна которой торчал пулемет, и рванули к воротам.

Из особняка вылетели вдвоем на мотоцикле Федя с Мэри и бросились вдогонку.

Артист вел машину, Шкаф строчил из пулемета.

Мэри головокружительно уводила мотоцикл от пулеметных очередей, Федя из-за ее плеча вел ответный огонь.

А на неизвестно где находящемся наблюдательном пункте, защищенном накатом бревен и укрытом маскировочной сеткой, собрались разведчики обеих стран.

Оба Весельчака следили за ходом погони в стереотрубу — один в правый окуляр, другой — в левый и заливисто смеялись.

Оба Нервных стояли у двух входов траншеи и тревожно озирались.

Оба Обжоры рубали ложками кашу — из одного котелка.

В углу телефонист непрерывно долдонил в трубку:

— Сокол! Я — Орел! Сокол, ответьте Орлу!

А по траншее шли Генерал с Шефом и, как обычно, спорили.

— Я тебе говорю, Стюпа, у них любовь! — твердил Шеф.

— Ну какая любовь, Джек? — возражал Генерал. — Я же знаю Федора, это достойный ученик полковника Петренко!

— А я знаю Мэри — это моя достойный ученик! Как сказать русский пословиц: яблочко от яблонька, а любовь не картошка!

К начальству подбежал Адъютант, доложил:

— Наши агенты вышли на оперативный простор и преследуют противника! Может быть, вызвать подкрепление?

Генерал поднес к глазам бинокль.

— Еще рано!

Погоня-перестрелка продолжалась уже за городом, по широкому полю, в конце которого виднелся лес.

Феде наконец удалось прострелить колеса, машина перевернулась, из-под нее выбрались Артист и Шкаф и скрылись в лесной чаще.

Федя и Мэри на мотоцикле тоже ворвались в лес, продирались сквозь кусты, сшибали деревья, вырулили на поляну... и отпрянули: на них шел танк!

За штурвалом сидел Артист, а Шкаф наводил пушку.

— Ух, зараз я их! — скалился он. — Зараз як бабахну!

— Не-ет, я их гусеничками, гусеничками! — шипел Артист.

Танк с жутким грохотом надвигался на Федю и Мэри.

А на наблюдательном пункте продолжался спор.

— Вот увидишь, Стюпа, у них большой любви! — говорил Шеф.

— Сказал слепой: увидим! — иронизировал Генерал.

Адъютант снова озабоченно поинтересовался:

— Может быть, вызвать подкрепление?

Генерал мельком глянул на ход сражения в бинокль.

— Еще рано!

Федя рванул Мэри с мотоцикла в кусты, достал из-за пазухи связку гранат, а из нагрудного кармана фотографию.

— Маша! Передай полковнику Петренко его портрет. И скажи: если я погибну, пусть считают меня коммунистом!

— А если погибнут они? — с надеждой указала Мэри на танк.

Федя на миг задумался и решил:

— Тогда пусть их считают коммунистами!

Со связкой гранат в зубах он пополз навстречу танку. Мэри зажмурилась. Прогремел взрыв. Мэри открыла глаза. Из горящего танка, отпихивая друг друга, выкарабкались Артист и Шкаф. А в дыму покачивался контуженный, но живой Федя.

И снова продолжалась погоня, снова Федя и Мэри прорывались через кусты, перепрыгивали овраги...

Так они ворвались в ущелье, окруженное скалами, на которых цвел алый кустарник. Бандитов здесь не было. Федя и Мэри повернули назад. Но в проходе между скал на них уставились мерзкие рожи в противогазах. А в руках у Артиста и Шкафа были химические бомбы с черепами и костями.

— Вот тебе, Джек, и вся любовь! — печально сказал Генерал Шефу.

— Может, все-таки вызвать подкрепление? — спросил Адъютант.

— Уже поздно! — вздохнул Генерал.

И разведчики обеих стран дружно натянули противогазы.

Артист и Шкаф швырнули бомбы. Взрыв — и желтое смертоносное облако начало заполнять каменный мешок. Спасения не было.

— Прощай, любимая! — сказал Федя.

— Прощай, любимый! — ответила Мэри.

И они слились в первом и последнем в их жизни поцелуе.

Гибельное облако укрыло героев желтым саваном.

На наблюдательном пункте все сняли каски, склонили головы.

Желтое облако заполнило весь каменный мешок, зловеще клубилось и медленно уплывало вверх.

Постепенно открывались голые скалы и алый кустарник, ставший черным.

А посреди этой картины всеобщей гибели стояли Федя и Мэри. Одежда на них сгорела до жалких лохмотьев, но они стояли, как и прежде, затаив дыхание в бесконечном поцелуе, сохранившем их жизнь.

Наконец они оторвались друг от друга, шумно выпустили из легких застоявшийся воздух и глубоко, счастливо вдохнули свежий.

— Ну что я говорить! — воскликнул Шеф. — Любовь побеждает смерти!

— Да-а, — согласился Генерал. — Эта штука посильнее, чем Фауст у Гете.

Артист и Шкаф при виде жизнеутверждающей картины — невредимых и непобедимых Феди и Мэри в ужасе рухнули на колени и вскинули руки вверх.

— Победа! — кричал Генерал.

— Виктория! — вторил ему Шеф.

Появились два адъютанта с ящичками орденов и медалей СССР и США. И разведчики обеих стран начали их взаимно цеплять на грудь друг другу.

Генерал приколот Шефу звезду Героя.

— Служу Советскому Союзу! — козырнул американец. — Однако, Стъопа, это не есть все... У них — любовь, я выиграл, я хочу получить мой выигрыш!

— Пожалуйста, Джек. — Генерал подставил Шефу свой лоб, но при этом надвинул до носа каску.

— Не-ет, Стъопа, так не пойдет, — засмеялся Шеф.

Он снял с Генерала каску и с наслаждением игрока, которому наконец удалось отыгаться, сложил пальцы для шелобана, занес их надо лбом Генерала... но тот в последний миг увильнул и крикнул:

— Майор Камикадзе!

— Слушаю, товарищ генерал! — подскочил к нему Адъютант.

— Я убываю на доклад о проведенной операции к Председателю КГБ, — сообщил Генерал и небрежно бро-

сил Шефу: — Джек, мой долг получите с майора Камикадзе...

Генерал улизнул по траншее, прежде чем изумленный Шеф опомнился. Адъютант покорно подставил ему свой лоб. Шеф вздохнул и начал — с двойной яростью и скоростью — отвешивать ему шелобаны.

А потом все повторилось, как в начале нашей истории...

Над Кремлем реял серпасто-молоткастый советский стяг, а над Белым домом развевался звездно-полосатый флаг США.

В свои кабинеты по разные стороны океана вошли президенты сверхдержав — Михаил Горбачев и Джордж Буш.

— Горячая линия связи с Соединенными Штатами Америки готова!

— Можем начать, — с ударением на первом слоге сказал Горбачев.

И вспыхнуло табло «НА СВЯЗИ БЕЛЫЙ ДОМ».

— Горячая линия связи с Советским Союзом готова!

— О'кей, — кивнул Буш.

И загорелось табло «НА СВЯЗИ КРЕМЛЬ».

— Добрый вечер, господин президент! — Горбачев улыбнулся. — Хотя меня уже информировали компетентные органы, что у вас пока еще доброе утро. Но я уверен, это единственное разногласие между нашими странами.

— Да, — согласился Буш, — с последней проблемой — этой русской мафией — уже покончено.

— Я рад, что у нас такой судьбоносный консенсус, — одобрил Горбачев. — Так что до завтра на Гавайях!

— До завтра! — согласился Буш. — Теперь уж нам никто не помешает.

— Конечно, вам таки да никто не помешает! — врезался в их разговор третий голос. — Можете быть совершенно спокойненькие, господа президенты, чтоб я так жил!

— Бог мой, кто это? — воскликнул Буш.

— Ай, вы меня не узнали? Это же я — Рабинович. Из русской мафии.

— Послушайте, товарищ... э-э... мистер Рабинович, — начал Горбачев.

— Да вы беседуйте, не обращайтесь на меня... Ай, нет, я дико извиняюсь, но я вас отключаю. У меня по срочному — Одесса!

В обоих кабинетах взамен соответствующих табло «НА СВЯЗИ КРЕМЛЬ» и «НА СВЯЗИ БЕЛЫЙ ДОМ» вспыхнул одинаковый текст «НА СВЯЗИ РАБИНОВИЧ».

И в обеих трубках застывших, как изваяние, президентов послышалось короткое: ту-ту, ту-ту, ту-ту...

Молодая, красивая, энергичная женщина

сияла ослепительной улыбкой:

— Добрый день, дорогие друзья и особенно — подруги! Как всегда в прямом эфире — программа «Женский взгляд», ее ведущая Кира Туманова, и наш девиз «Ищем днем с огнем мужчину!».

Подобно легендарному Диогену, Кира вскинула над головой фонарь, смахивающий на шахтерскую лампу.

— Поиск достойного представителя якобы сильной половины человечества мы ведем сегодня в супермаркете нашего спонсора — фирмы «Голдкупер».

На телеэкране появилась рекламная заставка «Голдкупера».

А затем Кира с фонарем двинулась вдоль стеллажей супермаркета.

— Что же видит здесь наш «Женский взгляд»? Прежде всего, он видит, конечно, женщин. Этих вечных тружениц, этих заботливых пчел, собирающих и несущих в дом все необходимое, сгибаясь под тяжестью нелегкой ноши!

Живописуемая картина мало соответствовала картине действительной — «пчелы» не сгибались под ношами, а катили их на тележках.

— А где же мужчины? — Кира вскинула повыше свой фонарь. — Ага, вон три-четыре в поле зрения — у пирамиды с алкоголем... Еще парочка забежала за сигаретами... Взяли каждый по блоку. Не надорвутся от тяжести?

Кира свернула за угол стеллажа в очередной проход.

— Увы, как обычно, наши поиски днем с огнем мужчины не увенчались...

Она не договорила — по проходу двигался мужчина. Да не какой-нибудь замухрышка, а этакий могучий «русский медведь», каким его любят изображать иноземцы. И ноша «медведя» была под стать его облику — каждой рукой он катил тележку, нагруженную с верхом.

— Ого-го! — удивилась Кира и бросила в сторону: — Томка, народ!

Маленькая, но крепенькая, как колобок, ассистентка шустро ринулась в проход, широко раскинув руки перед покупателями.

— Господа, господа, идет съемка! Приносим извинения за неудобство!

Тем временем богатырь добавил на вершину горы покупок еще картонные коробки яиц и пытался сохранить шаткое равновесие.

Кира направилась к хозяйственному мужику, опять вскинув свой фонарь.

— Вас приветствует программа «Женский взгляд»!

— Это... зачем? — Он прикрылся рукой от фонарного луча.

— Вот и мы думали: зачем? Зачем зря жечь огонь в поисках мужчины? Но нет, дорогие друзья и особенно — подруги, возможно, мы нашли того, кого...

Кого они нашли, осталось невыясненным. Из-за стеллажа вылетела девчонка лет шести с автоматом, а за ней мальчишка лет четырех с пистолетом.

— Не уйдешь, зевеный квокодив! — вопил он, не выговаривая ни «р», ни «л».

— Уйду! — кричала в ответ она. — А ты — покойник!

Девчонка выпустила из автомата очередь шариков. Но стрелком она оказалась неважным: шарики не сразили мальчишку, а долбанули по лбу Киру.

Кира выронила фонарь, и он взорвался осколками стекла.

— А ну, тормозите! — Богатырь попытался ухватить детишек за шиворот.

Но ухватить не ухватил, а тележку отпустил, и коробки с яйцами скатились к ногам Киры, обдав их бело-желтым фонтанчиком.

Кира отпрыгнула и наткнулась на стеллаж, с которого посыпались банки.

Ассистентка-колобок Томка, самоотверженно прини-

мая банкопад на себя, оттолкнула Киру, и та, поскользнувшись на белках и желтках, непременно бы упала, если бы ее не подхватил богатырь.

— Извините... Пожалуйста, извините!

— Дьявол побери! — вырвалась из его рук Кира. — Что? Эти дети... Почему?

— Потому что мы — банда! — жизнерадостным хором сообщили дети.

— Ну, сейчас я вашей банде! — Богатырь потянул ручки-грабли к малолеткам.

Однако погребенная под банками справедливая Томка завопила:

— Не трогайте детей! Где их мать?

— Да, мать! — подхватила Кира. — Где мать этих детей?

— Ну, я... мать, — признался богатырь.

— Что-о? — вытаращилась на него Кира.

Он сбивчиво забыл:

— То есть не мать... ясное дело — отец... короче, мои дети... мои!

И на экране появился первый титр — название фильма:

ОТЕЦ-ОДИНОЧКА

За ним пошли остальные титры.

А когда они закончились, мы оказались в небольшом кафе с армянскими чеканками и кувшинами. Но столы и стулья были сдвинуты рядами, так что это было похоже на собрание — со столом президиума, со стойкой бара, служившей трибуной, и с несколькими десятками участников — исключительно мужчин.

На стене висел плакат «БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ НА СВЕТЕ МОЖНО, ДА!»

Все происходящее фиксировали две телевизионные камеры.

А за стойкой-трибуной пламенно вещал мужчина лет тридцати трех в костюме с бабочкой и кудрями до плеч:

— Друзья! Товарищи! Братья! Первый съезд Союза отцов, самостоятельно воспитывающих детей, образно говоря, отцов-одиночек, считаю открытым!

Зал поаплодировал.

— Мы горим стремлением объединиться и вместе не-

сти наш общий жизненный крест. Позвольте представить оргкомитет съезда. Виктор Зубов, майор милиции, растит сына...

В президиуме встал тощий, но жилистый мужчина лет тридцати пяти.

Зал приветствовал его аплодисментами.

— Семен Ильич Голубчик, врач-травматолог, у него тоже — сын...

В президиуме забавно раскланялся сорокалетний лысый толстячок.

И ему поаплодировали.

— Сергей Громов, водитель такси, двое детей — мальчик и девочка...

Знакомый нам богатырь — отец малолетних бандитов из супермаркета — неуклюже привстал и получил свою долю аплодисментов.

— Армен Суменович Эйрамджан — отец пятерых детей!

Многодетного отца сорока пяти лет приветствовали особенно бурно.

— Кроме того, Армен Суменович — хозяин кафе «Ахтамар», которое он любезно предоставил в качестве штаб-квартиры нашего Союза!

Бурные аплодисменты перешли в овацию.

— И наконец, ваш покорный слуга — Ярослав Цветов, отец дочери, профессиональный поэт!

Он поклонился так эффектно и низко, что исчез за стойкой.

Но это не помешало собравшимся его приветствовать.

— Друзья, прекрасен наш Союз! — вынырнул из-под стойки Ярослав. — Наши планы грандиозны! Отцы-одиночки перестанут ощущать себя одиночками...

Ярослав что-то пламенно излагал, а за столом шептался президиум.

— Чего он завел: отцы-одиночки, отцы-одиночки, — вздохнул Сергей.

— А что предлагаете вы, уважаемый? — поинтересовался Армен Суменович.

— Да просто — отцы. И все дела!

— А телевидение на фига? — спросил майор Виктор.

— Я извиняюсь, реклама — двигатель торговли, — пояснил Семен Ильич.

Ярослав тряхнул кудрями и поправил бабочку.

— А сейчас мы должны принять, образно говоря, клятву на верность. — Он развернул длинный свиток. — Все, кто с нами, повторяют за мной...

— Это че, блин, вставать? — насутился румяный стриженный крепыш.

— Можно сидя, — разрешил Ярослав и начал читать: — Я, волею судьбы отец-одиночка, вступая в союз братьев по жизни, торжественно клянусь...

Он продирижировал рукой, и зал вразнобой подхватил:

— Торжественно клянусь...

Клятва продолжалась уже на экране телевизора.

— Быть верным нашему братству и словом, и делом, — говорил Ярослав.

— И словом, и делом, — повторил на крупном плане Сергей.

А Сергей перед маленьким кухонным телевизором поморщился.

Он смотрел программу, загружая в кипящую кастрюлю макароны.

Загрузил, взял пылесос и пошел в комнату.

Дети смотрели американский мультик с дерущимися уродцами.

Сергей включил пылесос — на телеэкране зарябило.

— Ты что! — заволновалась дочь. — Дай нам «Спокойной ночи, малыши!»

— Нет, Машка-Ванька, это — не спокойной ночи, это — дурдом в психушке!

— Ну, папочка, — взмолилась Машка, — ну интересное же.

— Такое интересное ты устроила в магазине. До сих пор уши горят...

— Мы пвосто иггави в чевепашек-ниньзей, — вступился за сестру Ванечка.

А учредительное собрание продолжалось на другом телеэкране.

— Клянемся заботиться о своих детях и детях наших братьев, — говорил Ярослав.

— И детях наших братьев, — вторил ему экранный майор Виктор.

А сам майор косился в телевизор, умело подшивая белый подворотничок к милицмейскому кителю.

В кроватке заворочался пятилетний сын.

Виктор приглушил звук телевизора.

Но ребенок сбросил одеяльце и уселся.

— А я все равно не сплю!

— Как не сплю, Константин? Почему не сплю?

— Не спится, — просто объяснил ребенок.

— Ё-мое, не спится! — искренне удивился Виктор. — А мне бы только голову до подушки дотащить... Ну, и как будем действовать?

— Шурику на ночь бабушка песенки поет, — подсказал ребенок.

— Так это — бабушка. А я насчет песенок...

— Хочу песенку! — закапризничал Костик. — Пой, а то не засну!

Майор вздохнул, подумал и взревел мимо нот, но со знанием текста:

— Наша служба и опасна и трудна, хоть порой она почти что не видна, если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...

Костик послушал-послушал и сказал:

— Ты поёшь, конечно, очень хорошо. Но можно я немножечко посплю?

Клятва отцов звучала и по телевизору в кафе «Ахтамар».

— Клянемся делиться с близкими добром и хлебом! — говорил Ярослав.

— Делиться добром и хлебом! — вторил ему на экране Армен Суменович.

А в кафе Армен Суменович и его три сына и две дочери — от семи до пятнадцати лет — убирали со столов, расставляли стулья, протирали чеканки.

Но младшая дочь больше торчала перед телевизором.

— Папа-джан, — восхищалась она, — ты просто как артист Джигарханян!

Армен Суменович притворно-строго нахмурился:

— А ты — совсем как Гаянэ-лентяйка! Видела такой мультик?

— Видела, — вздохнула девочка и принялась собирать посуду.

— Гагик, Вазген, Левон, принесите из подвала картошку. А ты, Анаит...

Старшая дочь Анаит не успела получить указание — зазвонил телефон.

— Кафе «Ахтамар»... Что? Нет! Вы ошиблись номером! Армен Сурунович резко положил трубку. Анаит заволновалась:

— Это... это... Синицын?

— Какой Синицын?

— Ну, Дима Синицын... Из девятого «Б»...

— Нет! — так же резко отрубил отец. — Я же сказал, ошиблись номером!

Но телефон зазвонил снова.

— Никакие женщины не отвлекут нас от наших детей! — говорил Ярослав.

— Женщины не отвлекут от детей! — вторил на экране Семен Ильич.

А в его докторском кабинете появился тринадцатилетний сын.

— Отец, там все отделение балдеет от собственной телезвезды!

— Не выдумывай, Илюша, — Семен Ильич выключил телевизор.

— Скромность — путь к забвению! — укорил его сын, доставая из сумки термос и пакеты. — Кофе с молоком... Как ты любишь. Пицца с ветчиной... Еще теплая. Печенье овсяное. И виноград.

— Спасибо, родной! — Семен Ильич растроганно обнял сына.

— И прими таблетки, — добавил Илюша. — Забудешь схему — позвони.

— А ты опять всю ночь — в Интернете?

— Я же не усну, пока ты не придешь. Спокойного дежурства, отец!

Илюша убежал. Семен Ильич уложил продукты в стол.

А в кабинете появилась пышная медсестра — с подносом.

— Вся травматология на ушах! Вы такой телегеничный! Вот ваш кофе — любимый, с молоком... А пирожки — мои фирменные...

— Спасибо, Людмила, мне все принес Илюша.

— Чудный мальчик! Такой внимательный, такой заботливый.

— Да, — улыбнулся доктор, — я даже теряюсь: кто — сын, а кто — отец...

— Отец — вы! Но эта вечная сухомятка, это отсутствие женской заботы...

— Людми-ила! — простонал он. — Я извиняюсь, в какой раз ты это излагаешь?

— И буду излагать, пока не образумитесь! — твердо пообещала она.

Румяный стриженный крепыш смотрел телевизор, держа на коленях трехлетнего сына, укутанного в одеяло.

— Хранить мужскую дружбу и мужскую честь! — читал клятву Ярослав.

— Мужскую дружбу и честь, — поддержал его на крупном плане крепыш.

— Папа, ты! — Ребенок ткнул пальчиком в экран. — Это сказка?

— Это жизнь, — сурово пояснил отец. — И по жизни Тимохе спать пора!

Он переложил сына с колен на тахту.

— А сказку? — потребовал ребенок.

— Какую, блин... то есть... сказку я тебе в натуре рассказал вчера.

— А спать Тимохе надо сегодня, — резонно возразил ребенок.

— Ну... шас... шас. — Крепыш напрягал гладкий лоб.

В комнату заглянули угловатые мужчина и женщина.

— Тимошенька, рыбка моя, — засюсюкала женщина, направляясь к ребенку.

— А ну, мотайте! — преградил дорогу крепыш.

— Толик, ты охренил? — вскрикнул мужчина. — Можно сказать внуку спокойной ночи?

— Приятного сна! Валите отсюда конкретно, валите!

Оскорбленные гости отвалили, а крутой Толик резко сообщил сыну:

— Сказка! Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком, рассердился дед на бабу — трах по пузу... блин... кулаком!

Ярослав, откинувшись на высокую спинку вольтеровского кресла, с удовольствием наблюдал на экране самого себя, читавшего манускрипт:

— Клянемся с честью нести благородную ношу отца-одиночки!

— Благородную ношу отца-одиночки! — подхватил зал.

Ярослав горделиво поправил бабочку, с которой не расстался даже в домашнем халате.

А в соседней комнате перед иконой, у которой теплилась свеча, стояла тоненькая девочка со взрослым лицом:

— Боженька, сделай так, чтобы мой день рождения был не раз в году, а пять раз. Не из-за подарков, честное слово! Просто я бы чаще видела маму. Боженька, помоги, а за это я... я... — Она подумала и решила: — Я буду любить всех-всех в классе! — Еще поколебалась и добавила: — Даже Нинку Лучинкину!

Из комнаты донесся голос Ярослава.

— Лиза, уже десять часов, ты ложишься?

— Да-да, папочка.

— Зайди ко мне — я поцелую тебя на ночь.

— Сейчас, папочка, — откликнулась Лиза, не отводя глаз от иконы: — И еще, боженька... Я пока маленькая, грехов у меня еще нет, но уже собираются... Так что, пожалуйста, следи за мной, чтобы я чего-нибудь не сотворила!

В спортзале пять молодых женщин — и среди них телеведущая Кира с ассистенткой Томкой — крутили педали велосипедов. Учащенное дыхание, слипшиеся волосы, струйки пота по лбам, перевязанным лентами.

— Девки, сдаюсь! — первой прекратила движение Томка.

Остальные тоже с облегчением бросили педали и радостно зашумели:

— Спеклась Томка! С тебя — пиво! И креветочки, и креветочки!

Томка покорно отправилась в предбанник — накрывать стол.

Три дамы весело плескались в бассейне.

А Кира на массажном столе постанывала под руками восточного человека, поросшего с головы до ног курчавой шерстью.

— А-а... О-о... У-у... Мурад, ты волшебник!

— Вах, зачем — волшебник? — скромно возражал Мурад. — Просто — мастер.

— Большой мастер! Все-таки и мужчина кое на что годится.

— Я тебе скажу, на что годится мужчина. Но ты не поймешь... фумунистка!

— Феминистка, — засмеялась Кира. — Выучи наконец: мы — феминистки.

— Вах, феминистки, коммунистки... Просто — женщины. Значит — глупые.

Мурад вскочил на стол и прошелся босыми пятками по телу Кире.

— Ай — ой — ей! — завопила она от сладкой боли.

Мурад соскочил на пол и горделиво удалился — могучий и мохнатый.

Возвращавшиеся из бассейна три грации поглядели ему вслед.

— Неандерталец, — оценила блондинка Света.

— Примат, — поддержала брюнетка Таня.

— Самец, — подытожила пестрокрашенная Элла.

— Девки, к столу! — позвала Томка.

Укутанные в простыни, как римские патриции, они подняли кружки пива.

— Ну, — произнесла Кира, — за нас с вами и за фиг с ними...

— ...мужиками! — хором завершили свой традиционный тост остальные.

Дамы хлебнули пива и принялись за креветок.

— Кирка, анекдот! — потребовала Томка.

— Есть анекдот! Облезлый бабник говорит юной девице: «Дорогая, чтобы добиться твоей любви, что я могу тебе дать?» А девица ему: «Только наркоз!»

Подруги захохотали, снова принялись за пиво, закурили.

— Светик, дотянись до ящика, — попросила Кира.

— Ой, ты без ящика — ни секунды! — Блондинка Света включила телевизор.

На экране возникло собрание мужчин.

— А того, кто нарушит нашу великую клятву, — говорил Ярослав, — покарает рука судьбы и гнев товарищей!

— Рука судьбы и гнев товарищей! — подхватил зал.

— Что за паноптикум? — удивилась Кира.

Словно отвечая ей, Ярослав сообщил:

— А теперь — выборы совета и президента Союза отцов-одиночек...

— Дьявол побери! — воскликнула Кира. — Почему наш фонарь еще не там?

Новоиспеченный совет шумно заседал в кафе.

— Спокойно, друзья мои! — надрывался Ярослав. — Я понимаю ваши эмоции, но давайте по порядку. Зачитываю, что уже предложено.

Все притихли, слушая список Ярослава.

— Консультация по правовым вопросам, психологическая консультация, ночной детсад для работающих в ночь отцов, празднование дней рождения...

— Именинники месяца, — уточнил Армен Суренович.

— Да, на каждый день каждого ребенка нас не хватит, — кивнул Ярослав. — Далее, муниципалитет и собес, огород для обеспечения детей овощами...

— Отцы, еще подмосковный вариант, — напомнил Сергей. — Летом — пашем в деревне, зимой — продаем что напахали...

— Записано, — кивнул Ярослав.

— А курс молодого бойца? — спросил майор. — Стирка, готовка, глажка...

— Записано. Ты — ответственный.

— Короче, все записано, — сказал Сергей. — Теперь выкалывать — и все дела!

Но Ярослав показал большую сумку.

— Вот еще — письма женщин после телепередачи.

— Всего за неделю? — изумился Семен Ильич.

— Нет, за сегодня. А за неделю — там.

Ярослав показал на бумажный мешок в углу.

— Расписались бабы! — сказал майор. — А чего хотят?

— Крик души и тела, — усмехнулся Ярослав.

— Как будем отвечать? — спросил Семен Ильич.

— Никак! — отрезал Ярослав.

— Это не по-людски, — возразил Сергей.

— А они с нами по-людски? — завелся Ярослав. — Нет, вдовцам, конечно, сочувствуем. Но большинство у нас — разведенцы. Мы прошли все круги ада с этими... спутницами жизни. И бабам наш Союз, образно говоря, но пас-саран!

Ярослав по-интербригадовски вскинул кулак.

А майор стукнул кулаком по столу.

— Ё-мое, как вспомню развод!

— Все равно не по-людски, — настаивал Сергей. — Я возьму письма.

— Бери, — пожал плечами Ярослав. — Читай, мечтай... А сейчас знакомьтесь: коммерческий директор Борис Михайлович Рябинский.

Лысоватый мужчина, сидевший тихой мышкой в углу, поклонился.

— Коммерческий директор чего, уважаемый? — спросил Армен Суренович.

— Нашего фонда. Объясните, Борис Михайлович.

Рябинский заговорил негромко, но очень внятно:

— Вы наметили немало дел. Но дела требуют и немалых расходов. Для инвестиций необходимо создать фонд. И добиться определенных налоговых льгот. Подключим общественность, многодетных отцов...

— Кланяться и кланчить? — перебил Сергей. — А мы сами — без рук, без мозгов?

Вопрос остался безответным — Ярослав снял трубку звонившего телефона.

— Союз отцов-одиночек! А-а, уже прибыли? Прошу, прошу...

Ярослав пригладил кудри и поправил бабочку.

— С утра звонило телевидение, я дал добро на съемку.

— Ну, поэт! Еще ни хрена не сделано, а скоро будут просить автографы...

Возмущенный Сергей осекся — появилась телекоманда во главе с Кирой.

Сияя улыбкой и фонарем над головой, она бодро начала с порога:

— Как всегда в прямом эфире — программа «Женский взгляд», ее ведущая Кира Туманова, и наш девиз «Ищем днем с огнем мужчину!». Поиск привел нас в необычное место: Союз отцов-одиночек...

Тут и она осеклась — узнала Сергея. Но взяла себя в руки и пошла на него.

— Итак, я задаю вопрос первому отцу...

— Может быть, начнем с президента Союза? — обиделся Ярослав.

— Президентом закончим, — пообещала Кира. — А этого молодого человека, дорогие друзья и особенно — подружки, вы уже наблюдали в универсаме. И наша встреча не показала, что воспитание детей стоит доверять мужчинам...

— Уважаемая, жизнь нам доверила, — вздохнул Армен Суренович.

— Не в том дело! — мотнул головой Сергей. — Конечно, мои архаровцы... наколбасили... вы уж простите...

— Забыто, — милостиво кивнула Кира. — Итак, «Женский взгляд» в гостях у Союза отцов-одиночек вглядывается в это изумительное явление...

— Я извиняюсь, — мягко перебил Семен Ильич, — что тут изумительного?

— Ну, как известно, мужчина лишен острой генетической тяги к детям...

— Кому это известно? — удивился Виктор.

— Сейчас узнаем кому, — Кира развернулась на камеру. — Я обращаюсь к женщинам, которых мужчины оставили с детьми...

— Тормозите! — Сергей грудью перекрыл камеру. — Это игра в одни ворота!

Кира остолбенела и онемела. Из-за ее спины выкатилась колобком Томка.

— Вы срываете съемку!

— А вы корячите жизнь! Надумаете потолковать нормально — милости просим. А пока — пока!

Сергей заключил Киру вместе с ее фонарем в свои медвежьи объятия, легко поднял и на глазах изумленной публики вынес из помещения.

Желтое такси неспешно ехало по улицам города.
Высокий очкарик махнул рукой с тротуара. Сергей притормозил.

— На Покровку, — сказал очкарик.

— Полтинник, — предложил Сергей.

— Такси — по счетчику! — строго возразил очкарик.

— О'кей, по счетчику, — согласился Сергей.

Такси рвануло с места...

...и остановилось у дома на бульваре.

— Восемьдесят два рэ, — указал на цифры Сергей.

— Вы же говорили — полтинник! — запротестовал очкарик.

— Но вы же просили — по счетчику, — развел руками Сергей.

Потом женщина на заднем сиденье хлопала его ладошкой по спине.

— Скорей, ну скорей же, скорей!

— Мадам, — пытался увернуться от ее ударов Сергей, — это только лошадь от кнута бежит быстрее, автомобиль устроен иначе.

— Что вы острите! Мы опаздываем!

— Да? Я думал, опаздываете вы, а если — мы...

Сергей рванул машину так, что пассажирку отбросило на спинку сиденья и она оставила в покое спину водителя.

Старичка с потрепанным саквояжем на коленях Сергей вез, похоже, издалека, и слушал его рассказ, наверно, уже давно.

— Это была наша пятая встреча... Нет, четвертая... Или все-таки пятая?

— Шестая, — уточнил Сергей.

— Какой внимательный собеседник! Так вот, на этой... шестой... встрече...

Очередные пассажиры — юноша и девушка — целовались на заднем сиденье.

Сергей косился на них в зеркало и вел такси по возможности плавно.

Но все же на колдобине машину трянуло так, что целующиеся чуть не пробили головами потолок.

— Зубы целы? — обеспокоился Сергей.

Вместо ответа юные вновь соединились в поцелуе.

А из радиотелефона слышался женский голос:

— Кто в районе трех вокзалов? Три вокзала...

— Ноль пятьдесят, — откликнулся Сергей. — Я у Красных ворот.

— Заказ на Басманную. Пиши адрес...

Вечером такси подкатило к детскому саду.

Машка и Ванечка забрались в машину.

— Как день прошел? — поинтересовался Сергей.

— Очень ховошо! — сообщил Ванечка. — Я новость васкажу!

— Погоди. — Отец тронул царапину на щеке дочки. — Что за ранение?

— Кошка глупая! Я подняла ее погладить, а она...

— Как же ты ее подняла?

— За хвост.

— Ага, кошка глупая, а ты большая умница. Еще легко отделаась!

— Пап, ну, пап, — затеребил отца Ванечка, — я новость васкажу!

— Сначала я расскажу, — возразила Машка. — Маленький мальчик веревку нашел, с этой веревкой он в школу пришел, долго смеялись над шуткою дети — лысый директор висел в туалете! Смешная страшилка, да?

— Не так чтоб очень, — вздохнул отец. — Давай лучше, Иван, твою новость.

— Я женюсь! — выпалил Ванечка.

Сергей крикнул — час от часу не легче.

— Женишься? А на ком?

— На Светванке из мвдшей гвуппы.

— Ой, Светланка — кривоногая! — засмеялась Машка.

— Сама ты квивоногая! — оскорбился Ванечка. — А Светванка квасивая! И она мне подавива свадьку мовковку!

— Ну, против морковки не попрешь, — согласился отец. — Женись!

К ужину готовились вместе: Ванечка расставлял тарелки, Машка раскладывала по тарелкам сосиски, Сергей добавлял к ним рисовую кашу.

— Я кашу не буду! — сообщила Машка.

— А ты знаешь, что бывает с девочками, которые не едят кашу?

— Они становятся манекенщицами!

— Возможно. Но ложатся спать голодными. Им ведь и сосисок не дают.

— Ты что, папа! — испугался Ванечка. — Без сосисок можно пвосто уметь!

— Умереть? — огорчился Сергей. — Это перебор. Ладно, ешь...

Он положил Машке сосиску, и дочь с аппетитом набросилась на нее.

— Тормози, манекенщица, — улыбнулся Сергей. — Сначала шкурку сними.

— Это не шкурка, — уточнила дочь, — это сосискины колготки!

Дети ложились на двухъярусную койку: Машка — сверху, Ванечка — внизу.

— Мы в субботу идем в театр? — допытывалась у отца Машка.

— Раз обещано — идем. На «Доктора Айболита».

— Ува, ува, доктов Айбовит! — Ванечка вскочил на постели.

— Но типы, которые не будут спать, никуда не пойдут, — пригрозил отец.

— Мы будем спать, честно-честно! — пообещала Машка.

Дети старательно зажмурили глаза. Сергей улыбнулся.

— Молодцы, симулянты! Ладно, а я в ночь покатаю. Если будет работа, к садику не вернусь. Мария,образишь яичницу, покормишь Ванечку. А ты, Иван, оденься сам — не маленький. Вопросы есть?

— Нет вопвосов! — не открывая глаз, ответил за двоих Ванечка.

Сергей снова улыбнулся и ушел в кухню.

Побросал в стиральную машину детские сорочки и штаны.

А уже высохшие вещички снял с веревки и начал гладить на доске.

Зазвонил телефон — требовательным междугородним звонком.

— Алло! Что?.. А-а, да — Союз отцов... Город Иваново? Очень приятно, текстильный комбинат... Спасибо за поддержку... Нет, тормозите, выезжать не надо! Тем более — всем коллективом! Женщины, дорогие, это же сугубо индивидуально... Да, напишите конкретно: кого кто интересуется, мы передадим по адресам — и все дела! Что — у меня лично? А-а, у меня — двое... Нет-нет, спасибо, у меня лично — никаких проблем!

Семен Ильич с Илюшей сидели перед компьютером, на мониторе которого сменялись фотографии: красивая женщина на фоне роскошной машины, шикарного дома, голубого бассейна... И все это сопровождал голос:

— Как видите, дорогие Илюша и Сема, у нас все хорошо. А как у вас? Здесь телевидение показывает просто жуть! Илюша, я так за тебя беспокоюсь... Сема, умоляю, пусть мальчик приедет, пусть он только посмотрит...

Илюша на полуслове вырубил компьютер.

— Какая умная вещь — Интернет, — помолчав, заметил Семен Ильич.

— Я никуда не поеду! — резко заявил Илюша.

— Мама пока спрашивает не тебя, а меня, — мягко ответил отец. — Но если тебе интересно мое мнение, то почему бы не поехать, не посмотреть...

— Нет! Она нас с тобой предала!

— Илюша, я же объяснял... Ее разделом нейрохирургии у нас не занимались, а мама — уникальный специалист...

— Глеб Степанович тоже специалист?

— Нет. Но ему надо было уехать, — Семен Ильич усмехнулся. — Это же известно: еврей — не роскошь, а средство передвижения.

— Что ты хохмишь! Неужели ты ее простила?

— Мне ее немножко жалко...

— Жалко? У нее есть все!

— А у меня есть ты.

Голос Семена Ильича дрогнул. Илюша смешался, хотел что-то сказать.

Но зазвонил телефон. Отец взял трубку

— Слушаю... Людмила? Что-то в отделении? А тогда что? Нет! Не надо никакой рыбы по-одесски! У нас прекрасные московские пельмени... О, боже!

Бросив трубку, он убежал в кухню. Вскипевшие пельмени заливали плиту.

Майор Виктор, в тренировочных штанах с майкой, и крупная, ярко разодетая и разукрашенная блондинка вывели из подъезда Костика.

— Как можно так опуститься с внешним видом! — возмущалась блондинка.

— Ты чего, — удивился майор, — Константин у меня при полном параде.

— Я не о ребенке, Зубов, я о тебе.

— Так я ж по-домашнему...

— Ну и что? Слышал: в человеке все должно быть прекрасно — и лицо, и штаны... Если ты, Зубов, нуждаешься, мы с Петром Петровичем...

— Видал я твоего Петровича в гробу!

— А Петр Петрович умер? — заинтересовался Костик.

— Типун тебе на язык! — воскликнула блондинка. — Это у твоего отца шутки... ментовские. А Петр Петрович — вот он, вот...

Из машины у обочины жизнерадостно махал рукой золотозубый мужик.

— Салют, пацан! «Макдоналдс» тебя ждет — не дождется!

— Не хочу «Макдоналдс», — возразил Костик. — Хочу зоопарк.

— Нет проблем — зоопарк, — бодро согласился золотозубый.

— Пока, пап! — Костик по-взрослому пожал руку отца и побежал к машине.

А блондинка сообщила Виктору:

— Вообще-то недолго тебе мучиться, пока я заберу ребенка.

— Как... заберешь?!

— Спокойно, Зубов, еще не завтра. Поставлю бизнес, обеспечу фундамент...

— Ё-мое! Константина тебе не видать, как своих...

Майор не договорил — от машины к ним бежал Костик.

— Пап, я забыл... Если в зоопарке маму и Петра Петровича вдруг съест лев, мне к тебе на каком автобусе ехать?

В тюремной комнате свиданий крутой Толик докладывал женщине в ситцевом платье и косынке на глаза:

— Ест нормально, в саду — нормально, спит тоже нормально.

— Все у тебя нормально, — вздохнула женщина. — А как у него животик?

— Животик? — Толик подумал и сообщил: — Животик нормально.

Женщина снова вздохнула и слезно взмолилась:

— Ну, будь человеком! Ну, хоть один разочек...

— Нет базара! Тимоха не должен видеть тебя здесь. Прикинь сама, Люсь.

Люся прикинула и опять только вздохнула. Но потом завелась:

— Отец с матерью рыдают! Чего ты их к внуку не пускаешь?

— И не пущу, блин! Я Тимоху люблю и тебя люблю, Люсь! А предки твои в натуре — уголовники. И ты из-за них тут чалишься.

— Они — уголовники? А сам ты — кто? Иисус Христос?

Толик задумался, почесал в бритом затылке и поклялся, как юный пионер:

— Я завяжу!

Ярослав молча барабанил пальцами по столу, а женщина с прической а-ля молодая Ахматова курила через мундштук. Ярослав принялся к дыму.

— Не комплексуй, — усмехнулась она. — Просто сигареты.

— Да уж, надеюсь, ты не явилась в мой дом со своей травкой!

Она презрительно глянула на него и крикнула:

— Лиза, что ты копаешься?

— Я ищу сборник Алзоева, — отозвалась из другой комнаты девочка.

Ярослав вскипел, устремив на бывшую супругу гневный перст.

— Ты опять тащишь ее в «Пегас»? В этот притон графоманов!

— Ха-ха! Перечти свои опусы в «Литобозе». Полная деградация!

— А твои перлы в «Строфе» — наркотический бред си-вой кобылы!

Обмен комплиментами прервала выглянувшая из комнаты Лиза.

— Мапочка, я еще поищу, мне Нил Сергеевич обещал автограф...

Дочь скрылась за дверью. Ярослав индифферентно молчал.

— Мракобес! — догадалась бывшая супруга. — Ты похитил книгу?

— Уничтожил! — торжествовал Ярослав. — Суд может обязать к свиданиям с матерью, но никакой суд не заставит уродовать ребенка бездарной пачкотней!

— Господи, и этому моральному уроду я отдала лучшие годы своей жизни!

— Могу себе представить, на что были похожи твои худшие годы!

Появилась Лиза и огорченно сообщила:

— Нету нигде...

— Ничего. — Мать встала. — Идем, Нил Сергеевич подарит тебе другую.

— Хорошо, мамочка. А еще у меня к Нилу Сергеевичу вопрос...

— Для ответа на все вопросы жизни у тебя есть отец! — оскорбился Ярослав.

— Хорошо, папочка. Скажи, пожалуйста... Вот в Библии написано: в начале было Слово. А какое?

Армен Суренович на скамеечке в ограде ухоженной могилы негромко беседовал с женщиной на фотографии памятника. Говорил он по-армянски, а мы слышали перевод:

— Что тебе еще рассказать, Тамар-джан? Гаянэ немножко ленится дома, но в школе решает задачки на пять. У Левона хорошо идет английский язык. Жалко, не могу ему помочь — я и по-русски не очень... Вазген и Гагик — спортивные мальчишки. Хотя им надо серьезней отнестись к другим предметам. А вот Анаит... Нет-нет, не волнуйся, в школе у нее хорошо. Но, кажется, Анаит влюбилась. Она так похожа на тебя, и характер твой — не остановишь. Конечно, если бы с ней поговорила ты... Тамар, дорогая, как мне тебя не хватает!

Он умолк, глядя в прекрасные глаза женщины на памятнике.

На его плечо тяжело легла рука с золотым перстнем.

Армен Сурунович обернулся — позади стояли два качка в кожаных куртках.

Кира на стремянке вешала люстру.

Она соединила провода, замотала изоляцией и скотчировала:

— Врубай!

Подруга Томка щелкнула выключателем — люстра загорелась.

— Кайф! Ты, Кирка, мастер, а мне гвоздь вбить — проблема...

— Напряги какого-нибудь мужика.

— Мужика — ни за что!

— Почему, мужики вполне пригодны для рабского наемного труда.

— А чем платить за наемный? Вот-вот сокращение...

Кира огляделась с высоты стремянки — сдвинутая мебель, коробки и узлы.

— Дьявол побери ту минуту, когда я произнесла слово «ремонт»! Ни фиги не успею до отпуски.

— Решила — в Анталья?

— Какая теперь Анталья — с дырой в кармане... Полечу на Байкал.

Кира спрыгнула со стремянки.

— Есть хочу!

— Сварим супчик?

— Да ну, побутербродничаем...

Они направились в кухню. Там тоже был полный раскардаш.

— Ни фига не готовлю, а посуды-ы! — удивилась Кира.

— Вымоем?

— Можно и вымыть... Но есть одна история...

— Анекдот? — оживилась Томка.

— Нет, быть. Приходит к врачу мужик: «Что-то у меня голова кружится, тошнит, тянет на соленькое». — «Так-так, посмотрим... О-о, да вы беременны! Как вас угодзило?» — «Понимаете, все началось с мытья посуды...»

Сергей высадил у Дома дружбы двух бородатых сикхов в чалмах.

И покатил дальше по проспекту, выглядывая голосующих.

— Кто в центре? — ожил радиотелефон. — Центр, центр...

— Ноль пятьдесят, — сказал Сергей. — Я на Новом Арбате.

— Заказ Сивцев Вражек. Пиши адрес...

Сергей не отозвался — он увидел на углу проспекта и переулка десятка два зевак, окруживших телекамеру, перед которой стояла Кира.

— Ноль пятьдесят! Связь! Ноль пятьдесят! — надрылся радиотелефон.

Сергей свернул в переулок и вышел из машины.

— Как всегда в прямом эфире — программа «Женский взгляд», ее ведущая Кира Туманова, и наш девиз «Ищем днем с огнем мужчину!».

Кира вскинула свой фонарь и остановила холеную даму.

— Скажите, вам встречался в жизни настоящий мужчина?

— А разве вообще бывает такое — настоящий мужчина? — усмехнулась дама.

— Исчерпывающий ответ! — одобрила Кира. — Но мы продолжаем поиск...

Сергей за спинами зевак наблюдал, как она остановила полную женщину.

— Вам удалось встретить в жизни настоящего мужчину?

— Да... Наверно, — Женщина была скована каме-

рой. — Наверно... настоящий мужчина — это мой муж. — Она подумала и вздохнула: — Нет... Наверно, нет.

— Благодарю вас! — Кира переключилась на интеллигентную старушку. — Можно вопрос? Вы когда-нибудь видели настоящего мужчину?

— О, да! Да-да! — воскликнула старушка. — Я видела настоящего мужчину!

— Это радует, — без особой радости заметила Кира и развернулась на камеру. — Как видите, для встречи с настоящим мужчиной надо прожить долгую жизнь! — И снова повернулась к старушке: — Кто же он — ваш герой?

— Леонардо Ди Каприо! — выпалила старушка. — Боже, какой мужчина! Прекрасный, благородный! Я счастлива, что дожила до гибели «Титаника»!

Сергей наблюдал, как Кира улаживала ситуацию:

— Вы, конечно, имеете в виду не саму гибель «Титаника», а одноименный фильм... Но наша программа — не про кино, она — про жизнь.

— Леонардо Ди Каприо живет всех живых! — стояла на своем старушка.

— Конечно-конечно, — Кира ускользнула от нее к тетке с огромным баулом. — Можете ли вы ответить на один вопрос?

— Та хоч на два! — согласилась тетка с украинским акцентом. — Тільки я передам привіт моїм рідним у город Мелітополь...

— Привет — потом. Сначала — вопрос. Вы встречали настоящего мужчину?

— Та я вообще мужчину не бачила! Мужиков — да, но они ж — не мужчины, а трутні-кровососи! — Тетка подбоченилась. — Я больше скажу: вси мужики...

— У нас прямой эфир! — предупредила Кира.

— Тогда мовчу. — Тетка поволокла свой баул дальше.

Зеваки смеялись. Сергей протиснулся к камере.

— А можно пару слов?

Кира потеряла дар речи, но тут же усилием воли его обрела и лучезарно улыбнулась в камеру.

— Как видите, наша программа обрела постоянного участника, возможно даже — поклонника. А может быть, это как раз тот настоящий мужчина, которого мы ищем днем с огнем... Но, увы и ах, мы этого не узнаем — наше время истекло. До новых встреч в прямом эфире!

Оператор погасил камеру. Кира погасила улыбку. И рявкнула на Сергея:

- Дьявол поberi, вы шпионите за мной?
- Нет, просто ехал мимо.
- Вот и поезжайте, и обязательно — мимо!
- Поеду. Но с одной просьбой.
- Какая еще, к дьяволу, просьба?
- Пожалуйста, помашите мне вслед с улыбкой!

Кира гневно распахнула рот, но Сергей уже шел к своему такси.

- Вообще-то, клевый мужик, — сказала подруга Томка.
- Супермен!
- Суперболван! — пресекла ее Кира.

Комната была завалена одеждой, игрушками и продуктами в ярких упаковках. Семен Ильич, Армен Суренович, Виктор, Сергей и коммерческий директор Рябинский слушали Ярослава, дочитывавшего письмо.

— Гуманитарная помощь будет поступать регулярно. А кроме того, мы приглашаем тридцать детей на отдых в Германию. И знайте, ваше благородное дело всегда найдет отклик в наших сердцах.

— Стыд-позор! — проворчал Сергей. — Помощь голодающим Поволжья...

— Нет, — возразил Ярослав, — образно говоря, солидарность трудящихся.

— Да они-то трудящиеся, потому у них и всего навалом. А мы на дядю рассчитываем!

— Уважаемый, — улыбнулся Армен Суренович, — не отсылать же обратно.

— Я прикинул. — Директор Рябинский показал бумажку с цифрами. — Если все реализовать по розничным ценам и аккумулировать в нашем фонде...

— Тормози, Борис Михалыч, — нахмурился Сергей. — Чего реализовать? Прислали отцам и детям — им и отдадим.

— А платья, колготки, извините, тампаксы? Тоже — отцам?

— Ну, немцы от души переборщили... Женское отдадим матерям.

— Каким матерям? — насторожился Ярослав.

— Обществу матерей-одиночек. Они ведь предлагают дружить.

— Только через мой труп! — заявил Ярослав.

— Можно и через твой, — согласился Сергей.

— Нонсенс! Чем отдавать что-нибудь этим гиенам жизни, лучше сжечь!

— Ё-мое, крыша поехала? — изумился Виктор.

— Сжигать, конечно, не надо, — примирительно зашепел Рябинский. — Женские товары тоже пополнят наш фонд и...

— Ну, нет, голосуем! — оборвал его Сергей. — Кто за то, чтобы гуманитарную помощь отдать по назначению — отцам и матерям?

Сергей вскинул руку, за ним — Армен Суренович, Виктор и Семен Ильич.

— Ясно? — спросил Сергей.

— Вполне, — усмехнулся Ярослав. — Особенно насчет женщин. Есть сигналы.

— Про что сигналы? — напрягся майор.

— Про то, — опять усмехнулся Ярослав, — что отдельные наши собратья стабильно позволяют себе нездоровые отношения с женщинами...

— Что ж тут нездорового, поэт? — удивился Сергей. — Наоборот, мужики вполне здоровы.

— Примитив! А как это совместить с членством в нашем Союзе?

Ярослав указал на плакат «БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ НА СВЕТЕ МОЖНО, ДА!»

— Ну, можно, — Сергей улыбнулся. — Но нужно ли?

В луче прожектора на сцене с металлическим столбом томно извивался под страстную мелодию гибкий красавец в золотом плаще и серебряной шляпе.

Из зала за ним следили женщины — молодые, холерные, элегантно одетые, многие с мобильными телефонами — это смахивало на семинар бизнес-леди.

За одним из столиков устроились наши подруги: блондинка Света, брюнетка Таня, пестрокрашенная Элла и Томка-колобок.

А Кира с телекамерой и фонарем находилась в кулисах.

— Сегодня программа «Женский взгляд» видеоизмени-

ла девиз «Ищем днем с огнем мужчину» — наш поиск происходит ночью...

Красавец на сцене сбросил плащ, оставшись в облегающей тунике.

Дамы в зале дружно зааплодировали.

— Не провожу аналогий с «ночными бабочками», — продолжала Кира, — но этих «ночных мотыльков» мы можем наблюдать только в полночный час...

Красавец под все более страстную музыку освободился от деталей своего туалета — туфли, пояс, трико, не трогая при этом шляпу.

Каждая отлетающая деталь сопровождалась аплодисментами, воплями и даже стонами отдельных дам.

Потерю красавцем набедренной повязки Света, Таня, Элла и Томка приветствовали общим оглушительным свистом.

— Жаль, нам не разрешено снимать происходящее на сцене, — заметила Кира. — Но вы слышите, восторг зала нарастает...

Красавец — в одних плавках и шляпе — эротически извивался вокруг столба.

Дамы визжали и стонали.

Затрещала барабанная дробь. На ее пике красавец сбросил плавки и прикрыл шляпой свое мужское хозяйство.

Свет погас, зал в темноте взорвался аплодисментами и воплями.

Свет вспыхнул — красавца уже не было. А музыка продолжала греметь.

И вдруг какая-то дама вылетела из зала на сцену, сбросила бретельки своего топики и — обнаженная по пояс — пустилась в буйный эротический танец.

Вслед за ней еще несколько дам, выскочив на сцену, обнажились «топлесс», и замелькали бесшабашно и раскованно стройные загорелые тела.

А за кулисами Кира перехватила уже закутанного в плащ красавца.

— Виталий, наши зрители ждут ответы на вопросы...

— Спрашивайте, — не вяжущимся с его внешностью басом ответил красавец.

— Вот мальчишки мечтают стать космонавтами, разведчиками, летчиками... А кем мечтали стать вы?

— Я не мечтал, — пробасил Виталий. — Я был летчиком.

— В каком смысле?

— В прямом — лейтенант военно-воздушных сил. Два года в небе, год на земле. Без керосина и без зарплаты.

— Вирази судьбы! Как это далеко от вашего нынешнего занятия...

— А чем плохо мое занятие?

Кира развернулась на камеру.

— Это уже вопрос к вам, дорогие друзья и особенно — подруги. Достойно ли мужчины — зарабатывать на жизнь, показывая за деньги...

— Минутку! — прервал ее Виталий. — Вам не понравилось то, что я показал?

— Ну... почему, — Кира смешалась. — Судя по реакции зала... это... неплохо...

— В таком случае можно вопрос вам?

— Да, пожалуйста.

— Что вы делаете сегодня ночью?

Кира не дрогнула, насмешливо прищурилась.

— О-о, какой вы отважный лейтенант!

— Отважный, отважный, — подтвердил он.

Но тут же был опровергнут вынырнувшей стайкой сопливых девчонок.

— Виталик! Вита-алик! Витали-ик! — вопили они, хватаясь за плащ кумира.

— Мама! — жалобно пробасил он.

И позорно бежал, оставляя в руках фанаток обрывки золотого плаща.

Юная Анаит, что-то весело напевая, процокала каблучками к подъезду.

И попала в объятия выскочившего оттуда Армена Суреновича.

— Анаит-джан! Ты где была?

— Папа, что ты волнуешься? Мы готовили математику... С Ларисой.

— А-а, математику. — Отец все прижимал к себе дочь, сбивчиво приговаривая: — Уже так поздно... Ты не должна ходить одна... Это опасно!

— Десять часов — поздно? И я не одна, меня до угла проводили...

Анаит прикусила язычок, но отец уже насторожился.

— Кто проводил? Лариса?

— Нет... Дима... Ну, Синицын...

Армен Суренович наконец выпустил дочь из объятий, вздохнул:

— Сколько тебе лет?

— Ты же знаешь...

— Я знаю. Но ты, наверно, забыла. Тебе пятнадцать лет. И уже — любовь?

— Джульетте было четырнадцать!

— Джульетте Саркисян?

— Нет, «Ромео и Джульетта»! — с вызовом пояснила она. — Читал?

— Кино видел, — спокойно ответил он. — И чем хорошим у них кончилось?

Ответить ей было нечего — та история действительно закончилась плохо.

Виктор крутил мясорубкой фарш, подталкивая его куском булки.

— Пап, можно молочка? — заглянул в кухню сын в ночной пижамке.

— Возьми в холодильнике, а то у меня руки...

Костик достал пакет, налил молоко в стакан и отправился из кухни.

— Куда, кровать зальешь...

— Я аккуратно, честное слово! — пообещал Костик.

Майор еще покрутил мясорубку, но, что-то сообразив, пошел в комнату.

На прикроватном коврикe лакал молоко из блюдца пушистый котенок.

— Папа! — Костик шлепнулся на пол, прикрывая котенка. — У Колькиной мамы сразу шесть котятков родились... Не ругай меня!

— Да как не ругать? Я — на службе, ты — в саду. А кормить, гулять — кто?

— Утром и вечером — я. А днем бабушка — я ей звонил — будет его гулять...

— Бабушке хватает прогулок с больным дедушкой. Нет, отдай котенка.

— Палочка, он такой красивый! И умный! И лечебный!

— Чего-о? — недоуменно протянул майор.

— Ну, Колька говорит, что все кошки — лечебные. Если у хозяина что болит, они его лечат — ложатся ему на больное место!

Отец усмехнулся и присел перед котенком.

— Заливает твой Колька...

— Не заливает! Я коленку стукнул, и он сразу лег мне на больное место...

Тут котенок вдруг подпрыгнул и приземлился на голову Виктора.

Майор замер с выпученными глазами.

Илюша стоял у окна, глядя в ночь.

За его спиной шагал из угла в угол Семен Ильич.

— Ты взрослый мальчик... Сам поедешь, сам посмотришь, сам решишь...

— Нет! — сказал Илюша, не оборачиваясь.

— Сказать «нет» легче всего. Пойми, здесь все очень сложно... У вас в школе не платят учителям... У нас в больнице сократили врачей...

— Поедем вместе, — сказал Илюша, так же не оборачиваясь.

— Уехать от моих больных? Я могу жить только здесь. Здесь у меня — все.

— И у меня все — здесь. А там — ничего и никого.

— Там твоя мама.

— Мама? — Илюша наконец обернулся. — Кукушка, променявшая меня на...

— Не смей так говорить о матери!

— А как о ней говорить? Она вытерла о тебя ноги! Она просто дрянь...

Отец оборвал сына пощечиной. На миг оба застыли.

Потом Семен Ильич прижал к себе Илюшу, заговорил сквозь слезы:

— Прости! Сыночек... Родной мой... Прости... Пойми... Я люблю тебя!

Илюша безжизненной куклой покачивался в его объятиях.

Но затем все-таки сломался, обмяк, заговорил тоже сквозь слезы:

— И я тебя люблю! Очень... Понимаешь... Я... Ну я... Прости!

Отец и сын плакали, обнимались и что-то шептали друг другу.

А Сергей спал. Утомленный безразмерным отцовским рабочим днем, он заснул в кухне — щекой на гладильной доске посреди детских вещичек.

Зазвонил телефон — долго, пока очнувшийся Сергей не нашел трубку.

— Алло! Какой... Союз? А... ну, да... отцов... А который час? Девять утра?

Сергей глянул в темное окно, потом на часы.

— Какое утро — час ночи! Ах, у вас на Камчатке... Ладно, чего теперь извиняться... А что за срочность, Камчатка? Нет, дорогие женщины, у нас все же не брачная контора! Ну да, на письмо ответил — один раз. А переписка — извините! Да понимаю, что у вас — коллектив... Я вам адреса наших мужчин дал — вот с ними и переписывайтесь... Желаю счастья в личной жизни!

Сергей положил трубку. Тронул утюг, отдернул руку и продолжил глажку.

Утром Сергей вел такси по улице с трамвайными путями.

Повернул налево, и был остановлен свистком милиционера.

— Чего свистишь — денег не будет! — улыбнулся ему Сергей.

Гаишник на улыбку не ответил, четко козырнул.

— Инспектор Глушко. Почему произвели поворот с трамвайных путей?

— Так в новых правилах поворот с путей разрешается...

— Если нет знака, — закончил за него гаишник. — А знак висит.

— А вчера не висел, — Сергей опять улыбнулся. — Ты, что ль, повесил?

Инспектор снова на улыбку не ответил, а глянул очень недобро.

Аркадий Инин

ВСЁ НЕЙ

Саша Захарова

Фле Вали-
Тамизина
и Толкунова

Светлана Тома

Нина Усатова

Аня Самохина

Лето на гребиване „Кичотавр“

Лида Шукина

Лариса Удобицкая
и Тамара Фотиева

Катя Семёнова,
Оля Дроздова,
Арина Царяева

Зима на фестивале в Гатчине

Оле Остроумова

Лина Гребенкова

Алла Борисовна

Елена Абдуллаевна

Натанша Тундзарева

Лена Иковлева

Клара Ђовићкова

Члены жюри конкурса красоты

Сергей достал сумочку с документами и как бы невзначай уронил купюру.

— Командир, у тебя денежка упала!

— Это у вас упало, — возразил гаишник.

— Нет, мои все красненькие, а эта синенькая. Твоя денежка.

Инспектор поднял купюру и опять четко козырнул.

А Сергей покатил дальше. Женский голос сказал в радиотелефон:

— Кто в районе Сокола? Заказ на Песчаную улицу...

— Ноль пятьдесят, — откликнулся Сергей.

Он подъехал к дому, открыл багажник и нырнул в него, сдвигая свой инструмент, чтобы освободить место для вещей клиента.

— Пожалуйста, скорей! Я опаздываю!

Сергей резко выпрямился, стукнувшись затылком о крышку багажника.

Перед ним стояла Кира — с большим чемоданом и видеокамерой в чехле.

— Дьявол побери, все-таки вы за мной следите! — возмутилась она.

— Нет, вы сами меня вызвали. — Он потирал ушибленный затылок.

— Я вызвала не вас, а такси! Но теперь придется на попутной...

Кира поставила чемодан и замахала рукой машинам.

— Только оплатите ложный вызов, — сказал Сергей.

— А говорят, — усмехнулась Кира, — гусары с женщин денег не берут!

— Я не гусар, вы не женщина.

— А кто же я, по-вашему?

— Вы — борец с мужчинами.

Она вскипела, но не успела ответить — он сунул чемодан в багажник.

— Поехали! А то действительно опоздаете.

Он захлопнул багажник и сел за руль. Она чуть помедлила, но тоже уселась, демонстративно отвернувшись к окошку.

И они поехали. Молча. Потом он спросил:

— А чего вы так не любите нашего брата?

— С вашим братом я не знакома! — отрезала она. — А если вы имеете в виду мужчин вообще, то я их просто не замечаю.

— Но все-таки ищите. Днем с огнем.

— И все-таки не находим. Даже днем с огнем.

— Не там ищите. Как тот мужик искал кошелек у фонаря. Его спрашивают: где потерял? В кустах. А чего не в кустах ищешь? Так там темно, а здесь светло!

Сергей засмеялся. Кира даже не улыбнулась.

— Встречный вопрос: а почему вы так не любите женщин?

— Я к женщинам отношусь нормально.

— Да, конечно, это норма: отнять у женщины детей и...

— Моя жена, — перебил Сергей, — умерла при родах сына.

С Киры слетела вся надменность, она прижала обе ладони ко рту.

— Извините! Я не знала... Ради бога, извините!

— Ничего. Уже четыре года...

Они вновь замолчали. За окном мелькали деревья загородного шоссе.

— В командировку? — Сергей кивнул на видеокамеру.

— Нет, вырвалась в отпуск. Но поснимаю на Байкале...

— Так вы байкалочка? — обрадовался Сергей.

— Нет, я москвичка. На Байкале у меня друзья.

— А-а, я подумал — мы земляки... То есть сам я не совсем с Байкала — алтайский. А после армии приземлился в Москве.

— Лимитчик? — вырвалось у Киры.

— Лимита, — добродушно кивнул он. — А что ж, если столичные брезгают крутить баранку? Сначала на стройке пахал, потом арендовал эту развалюху...

Он хлопнул тяжелой ладонью по приборному щитку. Машина задрожала, зафырчала, начала спотыкаться. Сергей взмолился:

— Прости, подруга! Не обижайся на болвана! Давай, милая, поехали!

Машина, вняв его мольбам, перестала дрожать, ворчать и набрала ход.

— Она у вас ручная?

— Отзывчивая. Ты к ней с душой — и она к тебе с добром. Как женщина.

— Типично мужское представление! — с ходу завелась Кира. — Женщина — как игрушка! Нажал кнопку — и заработала!

— Скажите, Кира, — мягко спросил Сергей, — вас что, кто-то сильно обидел?

— Меня? Да не родился еще тот, кто мог бы меня обидеть!..

Она вновь категорически отвернулась к окошку.

Остаток пути они ехали молча. Такси подкатило к аэропорту.

— Где регистрация? — Сергей достал чемодан из багажника.

— Я сама! — Кира забрала у него чемодан.

— Сама так сама. А когда вы обратно?

— Двадцатого, — автоматически ответила она и спохватилась. — Что за вопрос?

— Вопрос сервиса. Фирма предлагает клиенту встречу.

— Клиенту хватило проводов!

Она подхватила чемодан и, сгибаясь под тяжестью, побрела в аэропорт.

Он смотрел ей вслед с неясной улыбкой.

Армен Суренович в поварском колпаке нес огромный торт со свечами.

Трепетные огоньки высвечивали в темноте сияющие глаза детей.

— А теперь, уважаемые, все вместе ка-ак дунем!

Дети, напрягая щеки, дули на свечи, пока они не погасли.

Вспыхнул свет, отцы и дети зааплодировали.

— Снято, — сказал Ярослав телеоператору. — Теперь — подарки. — Он громко объявил: — Подарки именинникам месяца!

Сергей, Виктор и Семен Ильич раздавали куклы, машинки, игры.

Сергей вручил Костику корзиночку.

Малыш поднял крышку — там лежал знакомый пушистый котенок.

— Папа! — Счастливый пацан вскинул котенка над головой. — Спасибо!

Майор издали развел руками: мол, я ни при чем, это — от всего коллектива.

— А мне? — Тимоша дернул за рукав крутого Толика. — Я тоже хочу котенка!

— Зачем котенка? У тебя еще хомяк не сдох! — логично пояснил Толик.

Ярослав командовал телеоператору:

— Подарки — крупно! На фоне дадим спонсоров. Затем — чаепитие, а мы удалимся на совет. Но сначала — меня...

Ярослав поправил бабочку, тряхнул кудрями и объявил:

— А теперь, образно говоря, гвоздь программы! Чай с именинным тортом!

Армен Суменович в колпаке взмахнул блестящим ножом, дети с тарелочками выстроились к торту, а отцы — члены совета — двинулись на выход.

Совет заседал в кухне, у плиты с кастрюлями.

— Ну, на фига телевидение? — недоумевал Сергей. — Могут дети спокойно попить чай?

— Могут. Но это должна видеть общественность, — ответил Ярослав.

— Паблисити привлекает средства в наш фонд, — пояснил Рябинский.

— Много уже накапало? — заинтересовался Виктор.

— Процесс пошел, — уклонился от прямого ответа директор.

— Какой процесс! — буркнул Сергей. — Планов навалом, а дел с гулькин нос.

— Нет, я извиняюсь, — Семен Ильич стал загибать пальцы. — Культпоход на «Айболита» был, гуманитарную помощь раздали, теперь вот — именинники...

— А ночной детсад не получается, — загибал в ответ пальцы Сергей, — а где консультации психолога, а юриста нет, как и не было...

— Юристы с психологами такие деньги ломают! — вздохнул майор.

— А для чего существует наш фонд? — напомнил Семен Ильич.

— Фонд накапливает активы, — парировал Рябинский.

— Накопители-плюшкины, кто чего подаст! — не выдержал Сергей. — Отцы, сами-то мы с руками, с головами...

— Конкретно? — перебил Ярослав.

— Конкретно я нашел деревеньку. Летом дети там отдыхают, мы работаем: сад, огород, пасека... Зимой продаем то, что наработали летом. Магазин конкретный есть.

В кухне появился Армен Суменович.

— Уважаемые, телевидение просит на финальную песню.

— Опять телевидение! — вскипел Сергей.

Но все же они вернулись в зал. Веселые, перемазанные тортом дети нестройно выводили: «К сожалению, день рожденья только раз в году!».

Отцы с просветленными лицами подхватили песню.

И все были счастливы.

Но вдруг Армен Суменович почувствовал чей-то взгляд и обернулся.

Из-за входной портьеры выглядывали два качка в кожаных куртках, и один, ухмыляясь, манил Армена Суменовича пальцем с золотым перстнем.

Сергей и Ярослав ехали в лифте.

— Куда ты меня все-таки тащишь? — недоумевал Сергей. — Объясни толком.

— Все увидишь сам, — упирался Ярослав. — Сюрприз!

— Сюрприз для меня?

— Нет, для кое-кого! Если разведка доложила точно...

Выскочив из лифта, Ярослав позвонил в дверь. Пауза. Он позвонил снова.

— Кто там? — спросил мужской голос.

— Вам телеграмма! — сообщил Ярослав.

Сергей изумленно уставился на него.

А дверь открыл Семен Ильич в майке.

— Вы? Какими судь...

Ярослав оттолкнул хозяина и рванул в квартиру.

Медсестра Людмила — в домашнем халатике — накрывала на стол.

— Что и требовалось доказать! — торжествовал Ярослав. — Ты — свидетель!

— Чего... свидетель? — не понял Сергей.

— Аморального разложения члена нашего Союза!

Людмила уселась на стул. Семен Ильич рванул майку на чохлой груди.

— Я извиняюсь, в чем дело?

— Вопросы задаю я! — отрезал Ярослав. — Где ваш сын?

— На экскурсии в Ленинграде... э-э... Петрограде... э-э... Петербурге...

— А тем временем эта дама, образно говоря, сожительствоует здесь?

— Вы! Да вы! Как вы смеете! — Семен Ильич петушком попер на Ярослава.

— Тормозите! — Сергей встал между ними. — Поэт, ты с дуба рухнул?

— Нет, я в здравом уме! — заверил Ярослав. — Мы клялись: никаких женщин!

— Ой! — выйдя из ступора, заголосила Людмила. — Ой, стыд какой, позор!

— Людмила Ивановна... Люда... Что вы... Что ты... — сутился Семен Ильич.

— Вообще-то, женщина — пожалуйста, — уточнил Ярослав. — Но тогда прочь из братства отцов-одиночек!

Сергей ухватил его за неизменную бабочку:

— Может, ты и святее папы римского, а мы не монахи!

Ярослав пытался что-то возразить, но Сергей покрепче зажал его бабочку и улыбнулся хозяевам:

— Извините, не можем с вами поужинать! Дела, дела...

Он повел Ярослава на выход, но у двери обернулся:

— Да, в пятницу у нас встреча с мамами-одиночками.

— Только через мой труп! — прохрипел Ярослав.

— Свой труп ты нам уже обещал, — напомнил Сергей.

На этот раз в кафе собрались не отцы и дети, а мужчины и женщины.

Речь держала дама в темном строгом костюме «член правительства».

— Общество матерей-одиночек надеется, что эта первая встреча будет не последней. Давайте познакомимся, пообщаемся, заключим договор о дружбе...

— И ненападении, — весело подсказал Виктор.

— Какое нападение? — строго удивилась дама. — У нас общая беда!

— И чудная еда, — Семен Ильич тоже пытался снять пафос.

Однако дама не желала снижать уровень происходящего.

— Здесь все — домашнего приготовления наших мастериц. Но сначала я хочу поблагодарить организатора этого мероприятия — лично Сергея Сергеевича...

— Анна Антоновна! — взмолился Сергей. — Давайте лучше начнем!

— Давно пора! — Майор стрельнул пробкой шампанского.

— Уважаемые, — встал Армен Суменович, — обычно этот тост — второй, но сегодня он — первый. За прекрасных дам!

Мужчины выпили стоя. И все приступили к закускам и разговорам.

Армен Суменович что-то вдумчиво пожевал и сообщил: — Корица.

— Не-а! — Мотнула кудряшками худенькая женщина. — Это кардамон!

— А-а, я кардамон употребляю только в долму.

— Кардамон в долму? Хотелось бы продегустировать...

— Не исключено, уважаемая, — уклонился он от прямого приглашения.

Крутой Толик осушил бокал и тут же наполнил его снова.

— Вы вообще... часто выпиваете? — осторожно спросила чернявая соседка.

— Вообще — редко! — Он быстро поставил бокал. — Чисто в праздник.

— Я и думаю: такой интересный мужчина... Нет, но в праздник — можно.

Толик с облегчением опять ухватил бокал.

Решительная толстушка стаскивала пиджак с растерянного майора.

— Давайте, давайте, я покажу...

— Что вы! — упирался Виктор. — Не надо, неудобно...

— Все удобно! — Она сдвинула посуду и разложила пиджак на столе. — Сначала гладят лацканы... Вот так... Потом складывают... Так... И гладят рукава... Короче, зайду к вам завтра и покажу практически!

А потом мужчины и женщины расслабились и вместе затащили старинную: «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...».

Сергей и Анна Антоновна наблюдали происходящее.

— Народ кайфует, — улыбнулся он.

— Мероприятие на уровне, — без улыбки подтвердила она. — Но вы еще ничего не рассказали о себе. Сколько у вас детей?

— Манечка и Ванечка.

— Да? И у меня двое. Может, нам встретиться, обсудить наши проблемы...

Сергей напрягся, но его выручило появление Ярослава.

— О! — воскликнул Сергей. — Анна Антоновна, знакомьтесь — живой труп!

— То есть?! — выпучила глаза дама.

— То есть наш поэт. Он клялся, что мы встретимся только через его...

— Да, я был против! — перебил Ярослав. — Но раз это произошло де-факто, необходима информация.

Он распахнул дверь, и появились очередные телевизионщики с камерами.

Поющие про рябину и дуб затихли, прижмурились от вспыхнувшего света.

— Эх! — бросил Сергей Ярославу. — Испортил песню... поэт!

В городе лил дождь. Сергей вел такси сквозь водную пелену, не косясь на тротуары в поисках клиентов, да их и не было — все попрятались от ливня.

На здании центрального телеграфа менялись случайно совпавшие цифры — время и температура воздуха: 20. 00... 20°C... 20. 00... 20°C...

Сергей резко затормозил, уставился на мелькание цифр — 20... 20... 20...

И так же резко рванул машину сквозь дождь.

На здании аэропорта тоже горела надпись — «20 СЕНТЯБРЯ».

Сергей подъехал как раз в тот момент, когда появилась Кира — с чемоданом и видеокамерой. Он тормознул перед ней и распахнул дверцу.

— Ехать подано!

Кира вздрогнула от неожиданности и язвительно поинтересовалась:

— Опять чистая случайность?

— Нет, точный расчет. Я говорил: фирма гарантирует встречу.

— Встретили? И до свидания!

Она поволокла свои вещи, но тут же попала в кольцо автоводителей.

Киру не было видно, только доносились ее вскрики:

— Что?.. Сколько?.. Вы обалдели!

Сергей протаранил окружение.

— Сестричка! Привет! Я тебя обыскался!

И забрал вещи из рук потерявшей способность к сопротивлению Кира.

Они уже ехали по шоссе, а Кира все не успокаивалась:

— Дьявол их побери! Сто баксов, двести баксов — беспредел!

— Наплевать и забыть. Лучше расскажите, как отдохалось?

— Байкал — чудо, погода — сказка! Только порыбачить не смогла.

— Терпения не хватало?

— Ага, любопытство замучило: хочется глянуть, кто там на крючке?

— С рыбой не удалось, но хоть мужиков наловили?

— Что за хамские... — гневно начала она.

— Тормозите, я про работу, — улыбнулся он. — Наснимали настоящих мужчин?

— А-а, нет, про работу я там забыла. Совсем, начисто, к дьяволу!

— Зря. Байкальские мужики — от почвы, корневые...

— Чушь это, литература! В столице — порченые, а в глубинке — настоящие... Да все вы одинаковые — три «тэ»!

— Чего... три?

— Три «т» — тахта, тапочки, телевизор. Короче, суть одна — мужская!

— А у женщин — женская. Так и живем, хлеб жуем, детей рожаем...

— Насчет детей уже прекрасно обходятся и без мужчин.

— Это... как? А-а, из пробырки...

— А чем плохо?

Он пожал плечами. Уставился в дождевое стекло. И вдруг улыбнулся.

— У нас с вами — вроде кино...

— Какое еще кино?

— Ну, помните: Ефремов — городской таксист, Доронина — деревенская...

— Очень похоже! — фыркнула Кира.

— Ладно, наоборот: вы — городская, я — деревенский. Но все равно: они — в такси, такси — в дожде, а из приемника — песня. Про нежность.

Сергей ткнул кнопку приемника, и зазвучало именно это: «Опустела без тебя земля, как мне несколько часов прожить...»

— Вы что, специально? — вздрогнула Кира.

— Ей-богу, случайно! — растерялся Сергей.

Такси пробивалось сквозь ливень с песней про нежность.

А когда они подъехали к дому, песня и ливень затихли. Сергей достал из багажника чемодан. Кира попыталась его отобрать.

— Я сама!

— Нет, вы — из другой телепрограммы.

Сергей понес чемодан в подъезд, Кира возмущалась следом.

— Дьявол, что за бесцеремонность! Может быть, меня встречают...

— Не встречают.

— Почему?

— Потому что не провожали.

Крыть ей было нечем. Они вошли в подъезд.

— Спасибо, тут уж я правда сама.

Кира вошла в лифт. Сергей поставил туда чемодан и хотел закрыть дверь.

Но Кира вдруг спросила:

— А если честно, почему приехали за мной?

— Если честно, фирма гарантирует доставку клиента.

Сергей улыбнулся и мягко прикрыл дверь лифта.

Потом Кира бесцельно бродила по так и не пришедшей в божеский вид после ремонта квартире. Включила электрочайник, села перед ним в ожидании.

Сергей прикрыл одеялом разметавшуюся во сне Машку, уложил на подушку свесившуюся руку Ванечки, погасил ночник и вышел из спальни.

Кира пила чай, разгрызая окаменевшие за время ее отсутствия сушки.

Сергей достал из холодильника творожную массу и принялся лепить сырники.

Кира заметила повисшую на одном гвозде занавеску и достала из стола молоток.

Сергей жарил на плите сырники.

Кира заколачивала молотком гвоздь для занавески.

Сергей снял сковородку с плиты, обжегся, бросил сковородку и схватился за мочку уха.

Кира угодила по пальцу молотком, отшвырнула его, сунула палец в рот и тихонько заскулила.

Сергей, потирая мочку уха, тоскливо глядел в темноту ночи.

Кира дула на палец и так же тоскливо глядела в темное окно.

За окнами вновь пошел дождь...

Совет собрался в кафе. Ярослав нервно потеревил бабочку.

— Господа! Образно говоря, я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие. Наш коммерческий директор исчез!

Дальнейшее тоже соответствовало гоголевскому «Ревизору».

— Как исчез? — воскликнул Армен Суренович.

— Куда исчез? — воскликнул Семен Ильич.

— Каким это макарком исчез? — воскликнул Виктор.

— Не знаю, — дал на все вопросы один ответ Ярослав.

— А что наш фонд? — спросил Сергей.

— Весь капитал исчез вместе с директором, — скорбно сообщил Ярослав.

— Ё-мое, мы этого гада из-под земли! — Майор схватил трубку телефона.

— Я уже сообщил компетентным органам, — остановил его Ярослав. — Но они говорят: у нас подснежников хватает.

— Каких подснежников? — не понял Семен Ильич.

— Подобных типов находят или в Швейцарии, что недостижимо, или в лесу, когда снег сойдет, что уже бессмысленно.

— Дождались! — сказал Сергей. — А чего ждали, у него на лбу было — жулик!

— Я извиняюсь, — возразил Семен Ильич, — физиогномистика по Ломброзо...

Он не стал развивать свой тезис. И все уныло примолкли.

А Ярослав начал издалека:

— Все идеи рождаются, расцветают, но в конце концов приходят, образно говоря, к летальному исходу.

Он умолк, ожидая реакции. Никакой реакции не было. Он продолжил:

— Вот и эта идея, пережив взлет, угасает, теряя интерес общественности...

— Уважаемый! — не выдержал Армен Суренович. — О какой идее речь?

— Об идее Союза отцов-одиночек.

— В смысле? — удивился Виктор.

— В том смысле, что меня осенила новая идея — Мужской клуб! Образно говоря, в пику женскому движению — партия мужчин, выдвигающая кандидатов в парламент и даже, чем черт не шутит...

— Трепло! — грохнул кулаком по столу Сергей. — Павлин ты, а не поэт!

— Что ты себе позволяешь? — гневно тряхнул кудрями Ярослав.

Сергей, не обращая на него внимания, сказал остальным:

— Отцы, вот Лев Толстой сказал... ну, не дословно, но по смыслу: беда в том, что плохие люди умеют объединиться и стать силой, а люди хорошие — слабаки, только болтают и философствуют...

— Ты про что? — не понял майор.

— Хорошие мы с вами люди, отцы! — горько усмехнулся Сергей.

— Ну, — Кира подняла кружку пива, — за нас с вами и за фиг с ними...

— ...мужиками! — завершили традиционный тост подруги-феминистки.

Укутанные простынями, они сидели в сауне — с пивом и криветками.

— Кирка, анекдот! — потребовала Томка.

— Есть анекдот! Точнее — реклама. Прокладки «Олдейс-плюс» решают наши проблемы, когда наступят критические дни! Но даже прокладки «Олдейс-плюс» не решают наши проблемы, если критические дни не наступят!

Все засмеялись, но блондинка Света заметила:

— Это же — про баб... А что про мужиков?

— Про мужиков? — Кира подумала и удивилась: — А про мужиков нету...

— Ой, Кира Андревна, — заерничала брюнетка Таня, — чегой-то вы переменялись, про мужиков злого слова не скажете...

— Ой, чую, на Байкале ей видение было! — в том же тоне подхватила пестрокрашенная Элла. — Сладкое видение мужескаго полу!

— Вы что, Кирка — айсберг! — заступилась за подругу Томка. — Скажи им!

Что сказать, Кира не знала. Ее выручил массажист Мурад.

— Эй... фумунистки... кто первый?

— Я! — с облегчением вскочила Кира.

В предбаннике она легла на стол, и Мурад заработал мохнатыми руками.

— Ай! Ай-яй! — блаженно постанывала Кира. — Ну, ты коро-оль...

— А ты не король. Плечо — деревянный, нога — каменный, спина — мертвый!

— Ой, Мурадик, — кокетливо вздохнула Кира. — Это уже старость.

— Нет, глупость! Жирный-сладкий ешь? Вино пьешь? Табак куришь?

— Ем, пью, курю, — признала все грехи Кира.

— Вах, тогда какой можешь быть король? Развалина!

— Дьявол побери, кто развалина?

Кира вырвалась из мохнатых лап Мурада.

— А если так?.. А так?.. А вот так!

Кира лихо продефилировала походкой манекенщицы — с выбросом конечностей от бедра. Но перестаралась насчет выброса — поскользнулась на мокром кафеле, шлепнулась и завопила, схватившись за ногу.

Сергей делал бутерброды с колбасой, Машка мыла посуду и подавала Ванечке, а тот вытирал ее полотенцем и показывал отцу.

— Смотри, чисто? Да? Чисто?

— Как в аптеке! — одобрял отец.

— Нет, чисто делаю я, — возразила дочь. — А Ванька делает сухо.

— Тоже верно, — согласился отец и уложил бутерброды в пакет. — Ладно, хозяйничайте тут. А у меня суббота — самая работа.

Сергей потрепал детские затылки и пошел. Машка сказала вслед:

— Пап, если заработаешь денежки, купи мне беременную куклу!

— К-какую куклу? — слегка заикнулся Сергей.

— Беременную. И у нее через девять месяцев будут детки-кулятки.

Пока отец соображал, как реагировать, вмешался Ванечка.

— Машка, гвупая, всех деток пвиносит аист — и куквяток, и своняток!

— Ой, слоняток! Интересно, а как это аист поднимет слоненка?

Отец, не включаясь в дискуссию, пошел на выход. Но зазвонил телефон.

— Алло! Да... Нет, не Союз... Все, распался наш Союз! Ну, как, как... Как Советский Союз. Конечно, жалко... И Советского — тоже... Нет, Дарья... как вас?.. Ахмедовна? Интересный вариант! Нет, Дарья Ахмедовна, нет... Понимаю, умоляете... Ладно, последний раз. Пишите: солидный, непьющий, детей двое...

Пузатый дядька бросился чуть ли не под колеса такси.

— Стой! Стой!

— Стою, — выглянул в окошко Сергей. — У вас пожар?

— У всех пожар! — Дядька уселся в машину. — Возьмем телевизор за углом!

Такси свернуло к магазину, из которого граждане волокли аппаратуру.

— Тут распродажа? — спросил Сергей.

— Везде распродажа! — объяснил дядька. — Родину продали! Вот рупь и обвалился! Скорей, а то мне еще посудомойку брать!

Дядька рванул из машины, как в атаку.

Магазин встретил их обилием покупателей и опустошающимися полками.

Телевизоров было три. По одному шел фильм, по другому — реклама, по третьему — футбол. Его и стал смотреть Сергей, пока дядька оформлял покупку.

Но долго посмотреть не удалось, два продавца унесли телевизор.

Сергей переключился на фильм. Но и этот телик унесли из-под его носа.

А дядька уже тащил по полу упакованный аппарат.

— Тормози, отец, я отнесу, — Сергей легко подхватил коробку.

И застыл — на экране последнего телевизора под знакомые позывные появилась не Кира, а Томка и бодро общила:

— Как обычно, в прямом эфире — программа «Женский взгляд»...

Томку заслонили два продавца, чтобы унести и этот последний телек.

— И как обычно, мы ищем днем с огнем мужчину...

— Момент! — Сергей с коробкой преградил продавцам путь к телевизору.

— Какой момент? — зашумела бабулька-покупательница. — Это мой! А у вас — свой! Товарищи, телевизоры по одному в одни руки!

— Необычно лишь то, что программу веду я — Тамара Лестратенко...

— Ты чего застрял? — волновался дядька. — Посудомойки закроются!

Сергей не обращал на него внимания — слушал стеб Томки.

— А наша Кирочка повредила свою ножку. Но найти настоящего мужчину нелегко даже со здоровыми конечностями, а уж Баба Яга — костяная нога...

Сергей ткнул в руки покупательнице свою коробку.

— Зачем мне этот? — отмахивалась бабулька. — Я выбила за тот!

— А этот мой! — обиделся дядька. — Ты что, сбился с курса?

Сергей поставил коробку на пол и выбежал из магазина.

Потом он с большим бумажным пакетом долго звонил в дверь.

Наконец открыла Кира — нога забинтована, под мышкой костыль.

— Ой!!!

Она шарахнулась и хотела захлопнуть дверь, но он успел подставить ногу.

— Врача вызывали?

— Уберите ногу!

— Больная, меня больше волнует ваша нога.

Одной рукой — в другой был пакет — он подхватил Кирку и внес в комнату.

— Отпустите меня! — вопила она. — Дьявол побери, что у вас за манеры!

— Манеры вполне приличные — ношу женщин на руках.

Он осторожно опустил ее в кресло. Она устремила на него костыль.

— Меня не интересуют ваши женщины! Убирайтесь!

— Вам вредно волноваться, больная. Примите передачу.

Он выкладывал бананы, йогурт, колбасу, а она заталикивала их в пакет.

— Не надо! У меня все есть!

— Ничего, больная, запас карман не тянет.

— Сами вы больной! На голову! Следите за мной, врывае-
тесь, командуе...

— А как не командовать? Вы же — малый ребенок.

— Я? Ребенок? Ха-ха! — фальшиво засмеялась Кира.

Но вдруг оборвала смех, как-то вся обмякла и призна-
лась жалобно:

— Вообще-то, да... Я чувствую себя бестолковой дев-
чонкой... В квартире никак не разгребусь... И еще нога ду-
рацкая...

— Эта беда — не беда, мы сейчас...

— Нет-нет, уходите! Я ужасно выгляжу!

— В гробу будете выглядеть хуже. Что вы сегодня ели?

— Ела? — Она пыталась вспомнить: — Яблоко... И бу-
терброд... С чем-то...

— Больная, а вы случайно не знаете, где в этом доме
кухня?

За кухонным столом Сергей наблюдал, как Кира упле-
тает за обе щеки.

— У-м-м... Фантастика! И это... из того... что было в
холодильнике?

— Из чего же еще?

— У-м-м... Научите меня так готовить?

— Нет. Я буду вам готовить сам.

— В качестве домработницы?

— Нет. В качестве мужчины, которого вы нашли —
днем с огнем.

— Все-таки вы наглец! — Кира вскочила, но рухнула
от боли в ноге. — О-ой!

Сергей подхватил ее и понес в комнату. Она слабо со-
противлялась.

— Вы что... Хватит... У вас мания — таскать на руках женщин...

Он бережно уложил ее на тахту, прикрыл пледом.

— Так годится? Не больно?

— Спасибо, хорошо. Только еще дайте сигареты — там на столе.

— А вот курить будем бросать.

— Опять раскомандовались! Все, спасибо, покормили, уложили — и чао!

— А вы справитесь одна?

— Я не одна, у меня подруг — море! Уходите!

— Что ж, будьте в прямом смысле здоровы...

Он пошел на выход. Она, прикусив губу, смотрела ему вслед.

И когда он уже был у двери, закричала:

— Куда пошел! Стой, дурак! Стой!

Он бросился назад, упал перед ней на колени.

— Ты что? Ну, что с тобой? Успокойся...

Но успокоиться она уже не могла, поток речи мешался с потоком слез.

— Дурак... не понимаешь... да, я одна... нет, конечно, подруги... но что — подруги... я устала быть одной... я так устала!

— Ну-ну, тихо... Тихо, маленькая... Все будет хорошо...

— Нет... ничего не будет... и я не маленькая... я большая... дура!

— Вот и славно, я — дурак, ты — дура... Нет, ты — дуручка... Маленькая моя...

Он гладил ее волосы, утирал ее слезы, тихонько целовал мокрые щеки и доцеловался: сначала слились их губы, потом слились их тела, но от этого движения она вскрикнула — о себе напонила нога.

— Давай отпилим ее к дьяволу! — засмеялась сквозь слезы Кира.

— Ну нет, потом возить тебя в коляске...

— Да, на такие подвиги мужики не способны! Когда вы нужны — ау, где вы?

— Мы рядом. — Он обнял ее.

— Нет! — Она отстранилась. — Вы ненадежные и самовлюбленные... Как бабы... Хотя нет, бабы — это вам комплимент!

— Интересно, — улыбнулся он, — кто засорил эту неразумную головку?

— Никто, я все знаю сама! С детства! Нет, еще раньше — отец бросил маму до моего рождения... Струсил, сбежал, слинял!

Кира выкричалась и умолкла. Помолчал и Сергей.

— Ты его даже не знаешь? — Он взял ее за руку.

— Его все знают! — Она руку выдержнула.

— То есть?

— То есть народный артист театра и кино! Мама, как увидит, слезу роняет!

— Она его простила?

— Ха-ха! Она его и не винила! Она его понимала: великий талант, семья может помешать искусству... Дьявол, почему мы, бабы, такие идиотки!

— Ну, ты не совсем такая.

— Да, я не такая совсем! Я не прощаю ни его, ни... всех... всех! В наш садик за детьми приходили отцы, сажали их на плечи, подбрасывали в воздух, и дети смеялись, а я редела, редела, редела...

Растравив себя давней печалью, Кира заплакала. А Сергей улыбнулся.

— Маленькая моя... Столько лет живешь с обидой... Ну, все, все, тормози...

Он гладил ее волосы, утирал слезы, и она затихала в его сильных надежных руках, и вновь их губы искали друг друга, и вновь сплетались тела...

И снова в ночной тишине раздался то ли крик, то ли стон — то ли от боли в ноге, то ли от счастья на душе.

Домой Сергей вернулся утром. Тихонько заглянул в детскую — дети спали.

Он прошел в комнату, упал спиной на кровать, широко раскинув руки и блаженно улыбаясь. Потом снял куртку и начал стаскивать сорочку.

Но появился Ванечка — в трусиках и шлепанцах.

— Папа, пивет! Ты откуда пвишев?

— Я не пришел, — Сергей поспешно натянул сорочку обратно. — Я, наоборот, одеваюсь и ухожу. И все мы одеваемся и уходим в сад...

— А сегодня воскресенье! — удивился Ванечка.

— Воскресенье? А-а, ну да... Чего ж ты вскочил?

— Я не вскочив, я иду писать.

— А-а, иди, иди... И потом — спать. Спокойной ночи!

— А уже утво! — опять удивился сын.

— А-а, утро? — Сергей никак не мог врубиться в реальность.

Ванечка удалился. Сергей опять начал снимать сорочку.

Но зазвонил телефон. Он схватил трубку, заговорил шепотом:

— Алло! Нет, ошиблись... Не отец-одиночка... Стоп, это ты?

— Это я, — подтвердила Кира, укутанная в плед на тахте. — Так что же, здесь живет отец-одиночка?

— Нет! Здесь нет одиночки! Больше нет, правда?

— Правда. А почему ты шепчешь?

— Дети спят.

— А-а, Манечка и Ванечка... А у нас с тобой будут дети?

— Ровно через девять месяцев.

— Циник!

— Нет, просто мне не по душе дети из прибирки.

— Пошляк!

— Нет, я влюбленный.

— Это я, дьявол меня побори, влюбленная!

— Но я в тебя влюбился первый. Влюбился — и люблю, люблю, люблю...

— Кого ты влюбишь? — поинтересовался Ванечка на пути из туалета.

— Я?.. — Отец не нашел ничего лучшего, чем спеть: — Я люблю тебя, жизнь!

— А-а, — понимающе кивнул Ванечка и пошлепал в спальню.

— Ты что? — недоумевала Кира. — Дети спят, а ты поешь...

— Уже не пою. Уже тоже сплю.

— И я. Очень спать хочется.

— Так давай уснем вместе. Кладем трубки — и... Раз, два, три!

Они одновременно положили трубки телефонов.

Кира плотнее укуталась пледом. Закрыла глаза. И улыбнулась.

Сергей, тоже улыбаясь, начал расшнуровывать ботинки.

Но прозвучал новый звонок — в дверь. Он пошел открывать.

Армен Суренович, обычно спокойный и улыбчивый, сейчас был неузнаваем: глаза безумные, сухие, голос хриплый, прерывистый.

— Они... ее... похитили!

— Кто похитил? Кого?

— Анаит! Девочку мою... Звездочку... Я говорил: одна не ходи... Подонки!

— Армен Суренович, зайдите, объясните толком...

— Некогда заходить! Если не будет денег, они... они ее...

У Армена Суреновича перехватило горло. Но Сергей уже все понял.

— Рэкет?

— Да, пришли, я сказал: нет! Опять пришли, я сказал: убирайтесь! И тогда подонки... девочку мою... звездочку...

Он наконец заплакал.

В кафе Армена Суреновича собрались Сергей, Виктор и крутой Толик.

— Отцы! — сказал Сергей. — Дело, конечно, добровольное. И опасное. Какие мысли, что делать?

— Скажу, чего не делать, — ответил майор. — Не звать милицию. Бесполезно!

— А мент в натуре соображает, — ухмыльнулся Толик.

— Мнением шпаны не интересуюсь, — потемнел лицом майор.

— Тормозите! — остановил их пикировку Сергей. — Срок у нас — полночь.

— Да, полночь! — лихорадочно заговорил Армен Суренович. — Если бы не полночь, если бы было время, я бы все продал, все им отдал...

— Не выход, — возразил майор. — Они все возьмут и опять придут.

— Короче, — сказал Сергей, — денег нет, и нет времени.

— И братву уже не собрать, — заметил Толик. — Да наши и не пойдут против одинцовских.

— А тебе все одно, кого метелить? — опять не удержался Виктор.

— Нет, — спокойно ответил Толик. — Но, прикинь, девочку вытащить надо.

— Встреча в Коньково? — уточнил Сергей.

Армен Суменович кивнул. Толик небрежно заметил:

— На стрелке будут шестерки. А надо конкретно выбить, где ее прячут.

Он достал пистолет.

— Ё-мое! — нахмурился майор. — Не хватает нам криминала!

— А у них чего — детский утренник? — прищурился Толик и добавил не без сожаления: — Да пушка чисто газовая.

— Отцы! — сказал Сергей. — Действуем так...

Армен Суменович, Виктор и Толик усаживались в такси Сергея.

В свете фар возник размахивающий чемоданчиком Семен Ильич.

— Стойте, подождите, я извиняюсь, задержался на дежурстве!

— Да вы пока не нужны, — успокоил его Сергей. — Посидите на связи...

— Что значит — не нужен? — оскорбился Семен Ильич. — Вам может понадобится медицинская помощь.

— Медицинская помощь понадобится им! — пообещал Толик.

— Не знаю, кому — им, но им я тоже помогу. Согласно клятве Гиппократ!

Доктор с чемоданчиком решительно уселся в машину.

На пустыре за рынком стояли «Жигули». Один качок в кожаной куртке держал руку с золотым перстнем на руле, другой — курил возле машины.

К пустырю подъехало такси. Кутивший сказал водителю:

— Чугун, заводи!

Из такси вышел Армен Суменович и направился к «Жигулям» с кейсом в руке. Подошел и протянул его качку.

— Открой! — приказал тот.

Армен Суменович нервно пытался открыть кейс, но ни пальцы, ни замок его не слушались.

— Дай сюда, чурка! — Качок забрал кейс и начал его открывать.

Армен Суренович выхватил газовый пистолет Толика и пальнул.

Качок, коротко вскрикнув, рухнул.

Водитель Чугун бросился на Армена Суреновича.

Но из такси уже бежали Сергей, Толик, майор и доктор.

Толик сбил водителя наземь, вывернул ему руку.

— Где девчонка? Где, ну?

— Хрен гну! — пыхтел в ответ Чугун. — Я тебя, сука, достану!

— Осторожно! — суетился Семен Ильич. — Вы травмируете ему сустав!

— Я ему яйца травмирую! Типа оmlет!

Толик так заломил Чугуна, что тот заорал благим матом.

«Жигули» петляли загородными улочками.

Машину вел помятый Чугун. Рядом сидел Сергей с пистолетом.

А связанного качка на заднем сиденье сторожил Армен Суренович.

Следом вел такси Виктор, позади него сидели Семен Ильич и Толик.

Показался какой-то брезентовый шатер, вроде цирка-шапито.

«Жигули» помигали задними огнями. Майор притормозил такси.

Толик напялил шерстяной шлем с прорезью для глаз.

— Вам холодно? — удивился Семен Ильич.

— Ему боязно! — усмехнулся майор. — Вдруг нарвется на коллег?

Толик лишь промычал сквозь шерсть что-то малопривычное.

Чугун — со связанными руками — подвел всех к шатру, условно постучал.

— Чугун, ты? — спросили из шатра.

— А кто ж...

В дверях возникла фигура, Сергей вырубил ее, и все ворвались в шатер.

Анаит была привязана к столбу, державшему шатровый свод.

А за столом с выпивкой и закуской сидели стандартные качки в куртках.

— Папа! — закричала сквозь слезы Анаит. — Я тебя ждала, папочка!

— Доченька! — бросился к ней Армен Суренович.

Но путь ему преградили качки. И началась драка.

Армен Суренович не слишком ловко, но все же успешно отбивался какой-то доской от юркого типа.

Виктор и Толик дрались более умело — каждый со своим бандитом.

А Сергей метелил один сразу двоих — малорослого крепыша и верзилу.

— Отвяжите меня! — уже без слез вопила Анаит. — Отвяжите!

— Айн момент! — Семен Ильич достал из чемоданчика скальпель.

Бандит подкрался к Толику и взмахнул обрезком трубы.

Но Виктор засек его краем глаза и броском достал в челюсть.

— Я твой должник, мент! — ухмыльнулся Толик и тут же крикнул: — Сзади!

Виктор обернулся — на него летел бандюга с ножом.

Майор присел, нападавший перекувыркнулся и навалился на кулак Толика.

— Мы квиты, шпана! — сообщил майор.

Далее Виктор и Толик сражались спиной к спине, укладывая нападавших.

Семен Ильич наконец перепилил скальпелем веревки на руках Анаит.

Девчонка с неожиданной прытью ринулась в гущу сражения.

— Доченька, беги отсюда, беги! — пробивался к ней Армен Суренович.

Но Анаит, как кошка, вцепилась в одного из качков, царапалась, кусалась.

Семен Ильич с трудом оторвал ее и потащил прочь, приговаривая:

— Девочка, так нельзя, у тебя ведь затекли связанные руки!

Сергей уже размазал по стене верзилу и дрался с малорослым крепким орешком. Они кружили вокруг центрального столба, обмениваясь ударами.

— О, самолет! — вдруг поднял палец Сергей.

Крепыш невольно глянул вверх, а Сергей уложил его кулаком в лоб.

Потом оглядел шедшую с переменным успехом битву и крикнул:

— Отцы, на выход!

— погоди, мы еще этих гадов... — кипятился майор.

— Я сказал: все — на выход!

— На выход, значит — на выход, — Семен Ильич потащил Анаит к двери.

За ними последовали все отцы.

А богатырь Сергей, как библейский Самсон, выворотил столб, державший крышу, и выскочил за дверь.

Друзья глядели на брезент, под которым копошились поверженные враги.

Но тут вдруг возник водитель Чугун и попер с монтировкой на Толика.

— Я сказал, сука, достану!

Толик уклонился, вырвал монтировку и дал по башке ее хозяину.

Чугун упал. Толик замахнулся монтировкой, чтобы добавить.

— Лежачего не бьют! — влез ему под руку Семен Ильич.

Толик не удержал взмах, и монтировка опустилась на голову доктора.

Семен Ильич лежал в кресле кафе. Виктор бинтовал его голову.

— О-о... у вас прекрасные руки, — стонал бедный доктор. — Если бы вы не были милиционером... о-о... вам бы следовало пойти в медицину...

— Тогда считать мы стали раны, товарищей считать! — декламировал майор.

К счастью, особых ран считать не пришлось — товарищи, отделившиеся царапинами, разбирали стаканы, по которым разливал водку Армен Суренович.

— Спасибо, уважаемые, спасибо всем! — взволнованно твердил он. — Как вы их... как мы их вместе... сделали!

— Рано базарите, — предупредил Толик. — Они еще конкретно сделают...

На его мрачный прогноз никто не реагировал, все бы-

ли опьянены общей битвой, общей победой и желали это опьянение усугубить.

— Отцы! — Сергей поднял стакан. — За наше братство! Ура!

Все подхватили «ура» и выпили.

Армен Суренович вновь наполнил стаканы.

— Все-таки жалко, уважаемые, что наш Союз распался!

— Се ля ви, — вздохнул Семен Ильич.

— Чего? — не понял майор.

— Такая жизнь, блин! — перевел с французского на русский Толик.

Майор глянул на него с удивлением, граничащим с уважением.

Все снова опустошили стаканы.

— Отцы, а уже утро, — Сергей отдернул штору.

За окном светало. Все как-то поскуцнели.

— Понедельник. — Забинтованный Семен Ильич встал. — Пора на работу.

Все начали прощаться, пожимая руки, хлопая друг друга по плечам.

— Уважаемые, — просил Армен Суренович, — все равно, пожалуйста, приходите сюда... Здесь вас очень любят и всегда ждут...

Словно в ответ на его призыв, раздался звонок.

Все настороженно обернулись к двери. Армен Суренович открыл.

И появился белобрысый конопатый паренек, который неловко держал на руках неумело спеленатого ребенка.

— Тут записывают в Союз отцов-одиночек? — проокал он по-вологодски.

Все уставились на парнишку. Толик развел пальцам.

— Опоздал ты, братан. Нет уже в натуре Союза.

— Как это? — заокал паренек. — Не тот адрес?

— Адрес тот, но... — вздохнул Сергей. — А ты чего в такую рань?

— Из общаги поперли. Сынок ночь орет, и комендант орет.

— Уважаемый, а что же его мама? — спросил Армен Суренович.

— Родила и бросила. Мы с ней — первокурсники. В педагогическом.

— Та-ак, — почесал в затылке Виктор. — А бабка или дед есть?

— Отец-мать в деревне. Но мне туда возврата нету, это ж позор — с дитем...

Все были ошарашены душераздирающей историей.

— А если все же поискать мамашу? — предложил майор.

— Чего ее искать-то? Она тоже в общаге. Однако ей племя не позволяет.

— Какое, я извиняюсь, племя? — не понял Семен Ильич.

— Тутсихутсимальгальсика, — выговорил паренек. — Берег Слоновой Кости.

Все в полном недоумении уставились на него.

А Сергей сообразил — откинул с младенца простынку.

И обнаружил пухлогубое черное личико.

Толик присвистнул. Виктор крикнул. Армен Суменович уселся на стул.

— Как зовут пацана? — улыбнулся Сергей.

— Племя велело: Ньянго-Пьянго. Но я настоял: Серега. Как меня.

— И меня, — еще шире улыбнулся Сергей. — А чего вас гонят — он же тихий...

Черный Серега заорал так, что лопались барабанные перепонки.

— Тихо! Тихо! Помолчи, родимый! — окал паренек и дико тряс сына.

— Отец, ты что? — Сергей отобрал ребенка. — Тебя, отец, учить и учить...

Он умело пристроил младенца на своей широкой груди и тихонько запел:

— Спят усталые игрушки, мишки спят...

Ребенок продолжал орать, заглушая колыбельную.

Виктор забрал его у Сергея и продолжил:

— Одеяла и подушки ждут ребят...

Дитя орало, но уже потише.

Армен Суменович взял его у майора и пропел:

— Даже сказка, уважаемый, спать ложится, чтобы ночью нам присниться...

— Ты ей пожелай, — принял детскую эстафету Толик, — баю... блин... бай!

Короче говоря, белые мужчины разных лет и национальностей, передавая с рук на руки черного младенца,

пели ему колыбельную песню, что до боли напоминало счастливый финал другого фильма.

Да и в нашем фильме на лица поющих уже наплывали финальные титры...

А впрочем, может, это был еще не конец. Может быть, как в начале нашей истории, появилось крупно, во весь экран, молодое и красивое лицо Киры.

— Добрый день, дорогие друзья и особенно — подруги! Как всегда в прямом эфире — программа «Женский взгляд», ее ведущая Кира Туманова, и наш девиз «Ищем днем с огнем мужчину!». Впрочем, лично я своего мужчину уже нашла...

И мы увидели, что позади Киры стоит Сергей.

— Точнее, я не просто нашла своего мужчину, я его создала...

И мы увидели, что Кира кормит грудью сына.

А чтобы не оставалось никаких сомнений, она высоко подняла младенца, демонстрируя его однозначно мужские достоинства.

И мы увидели всю счастливую семью: сидящая Кира, стоящий Сергей, по бокам — Машка и Ванечка, а на руках у Киры — младенец.

Новоявленный мужчина, поднатужив животик, пустил струю в объектив.

И принялся этой струей ВЫПИСЫВАТЬ финальные титры...

И это
всё
о ней

«Женщины — это даже как бы и не люди, а какие-то совсем особые существа, живущие рядом с людьми, еще никогда никем точно не определенные, непонятные, хотя от начала веков люди только и делают, что думают о них».

Иван БУНИН
«Записи», Собрание сочинений,
том 9, стр. 352

Женщина и мужчина

Я не могу молчать!

Очень долго мог, но все, хватит, больше не могу — накипело. Пора сказать правду.

А правда в том, что абсолютной неправдой являются бытующие до сих пор представления о разнице между мальчиками и девочками, плавно переходящей в различие между мужчинами и женщинами.

Первичные половые признаки, вторичные половые признаки... Ерунда все это! То есть не совсем, конечно, ерунда, но не это главное. Главное — другое.

Моя теория, проверенная, само собой, на практике, утверждает: человечество действительно делится на мужчин и женщин, но совершенно иным образом. Вот каким: мужчины — это существа, всегда довольные тем, что у них есть, а женщины — это существа, никогда не удовлетворенные тем, что имеют.

Объясню наглядно.

Мужчины — это те, кто, состоя в браке, не рвется на свободу, а обладая свободой, не стремится вступить в брак. Те, кто, являясь толстяками, не пытается похудеть, а будучи худыми, не стремится поправиться. Те, кто, проживая в деревне, не грезит о городе, а находясь в городе, не бредит о деревне.

И наоборот, женщины — это те, кто из семейной жизни тянется на свободу, а будучи свободными, лезет в семейный капкан. Те, кто упорно сбрасывает вес, который имеют, или жадно набирает килограммы, которых у них нет. Те, кто в деревне вздыхает о городской суете, а в городе мечтает о сельской тишине.

Ну, и так далее, и тому подобное.

А теперь самое главное: все, кого я только что отнес к мужчинам, вполне могут обладать и первичными и вторичными половыми прелестями женщин, а все, кто был мною отнесен к женщинам, возможно, могут гордиться первичными и вторичными половыми достоинствами мужчин.

Так что для ясности дальнейшего изложения примем соответствующие термины: «биологический мужчина» и «биологическая женщина».

Например, если человеческое существо с короткими волосами непременно хочет их отрастить, а с длинными волосами категорически желает их отрезать, то это существо — женщина. Просто в случае с «биологическим» мужчиной речь пойдет о том, что он то отпускает бороду, то сбривает ее.

Если же человеческое существо носит пиджак и брюки, пока они не сотрутся, а не пока выйдут из моды, то это существо — мужчина. Просто в случае с «биологической» женщиной то же самое относится к юбке и блузке.

Иначе говоря, согласно моей теории, мужчина — не пол, а субъект постоянного и глубокого удовлетворения своим статусом, и женщина — не пол, а источник вечного недовольства и жажды перемен.

Если, к примеру, вас вполне устраивает, что ваша мебель — стол, кресло, диван, шкаф — годами стоит на одном и том же месте, значит, вы — мужчина. Хотя, возможно, вас зовут Мария Гургеновна.

Если же вас непрестанно одолевает желание поменять местами стол и шкаф, несомненно вы — женщина. Хотя, может быть, ваше имя Иван Соломонович.

Если вы всю жизнь привычно отдыхаете в одном и том же райском уголке, с одним и тем же пляжем, магазином, кинотеатром, с одними и теми же соседями-отдыхающими, то и вы, и эти самые ежегодные соседи — безусловно мужчины.

Если же каждое лето вами овладевает охота к перемене мест, если вы мечетесь между вариантами отдыха от «лучше гор могут быть только горы» до «самое синее в мире Черное море мое», то есть ищете себе на голову приключения, то вы — явная женщина.

Особо следует рассмотреть вопрос о брачных отношениях.

Счастье, когда семья состоит из двух мужчин. (Напомню, что в нашем толковании одной из этих мужчин является «биологическая» женщина.) Так вот, в случае брака двух мужчин все всем довольны, никто никого не будоражит идеями каких-то перемен, в общем — тишь да гладь да божья благодать.

Неплохо, и когда семья складывается из двух женщин. (Естественно, в нашем изложении одним из этих женщин является «биологический» мужчина.) В такой семье женское стремление что-то изменить в принципе по душе обоим супругам, задача лишь в том, чтобы векторы этих перемен как-то совпали, а не находились в противофазе, что равнозначно эффекту свидания двух встречных поездов.

Но уж чему не позавидуешь, так это супружеству мужчины и женщины.

Вот уж где сойдутся лед и пламень: совершенное нежелание перемен со стороны мужчины (как вы уже понимаете, мужчиной может быть и жена) и неукротимое стремление к переменам со стороны женщины (в данном случае женщиной может быть и муж). Это превратит брак — и без того сам по себе адский институт — в полную преисподнюю.

Конечно, моя теория действует не как догма, а лишь как правило. И как всякое правило, она имеет исключения. Которые только подтверждают правило.

Бывает, что и мужчина живет себе спокойно, а потом как взбрыкнет да разведется с женой или поменяет мужа, передвинет шкаф или перекроит платье. Но это только так — случайный протуберанец на обычно тихом солнышке. А далее все устаканится и придет в привычное равновесие.

Аналогично бывает, что и женщина на часок или даже на денек разнежится под ровным солнцем жизни да и плюнет на порыв переклеить обои или переехать на Га-

вайи. Но это, повторяю, лишь на часок, в крайнем случае на денек. А потом — и обои затрещат, и Гавайи загудят, так что никому мало не покажется.

Какой же вывод из моей, возможно, совершенно антинаучной, но глубоко жизненной теории, спросите вы. А если и не спросите, я все равно отвечу.

Вывод такой: стабильность мироздания, надежность и гарантия от непредсказуемых перемен — все это только благодаря мужчинам. И если бы мужчинами было все человечество, то оно бы, ничего не меняя, спокойно и радостно сидело бы и по сей день в каменных пещерах.

Однако, как ни обидно это признать мне — мужчине, но все-таки я вынужден констатировать: из этих пещер мы ушли, уехали и даже улетели исключительно благодаря таким переменчивым, таким неумным и неутомным женщинам.

ЖЕНЩИНА И МИСТИКА

Вряд ли кто станет оспаривать истину, что женщина — существо неземное. И значит, просто наивно и даже смешно ожидать от нее приземленного отношения к действительности.

Да никто такого и не ожидает, все давным-давно знают, что восприятие женщиной окружающего мира и себя в этом мире совершенно не реалистическое, а исключительно мистическое.

В отношениях с мистикой женщина — открытая книга, чистый лист, на котором можно написать что угодно. Причем это что угодно может написать кто угодно.

Вот, к примеру, астрология, хиромантия, гороскопы...

Может ли разумное существо — имеется в виду, естественно, мужчина — всерьез верить, что его бизнес, творчество или путешествие зависят не от природного ума и знаний, а от того, что ему в гороскопе предписано быть Львом, Овном, Тельцом или иным животным?

А может ли разумный мужчина поверить, что его служебные отношения зависят не от противоборства с характером ближайшего начальника, а от противостояния далекой планеты Юпитера и еще более дальней кометы Галлея?

И может ли, наконец, разумный мужчина верить, что его семейные отношения зависят не от печальной картины остатка зарплаты в кулаке, а от картинки линий на ладони?

Но для женщины вся эта мура так же естественна и неоспорима, как для мужчины таблица умножения.

Причем если астрологию, хиромантию и гороскопы еще можно с натяжкой отнести к цивилизованным проявлениям мистики, то всевозможные привороты и заговоры, гадания и ворожба явно тянут в средневековую чертовщину. Однако женщине и сам черт не брат!

Можете ли вы себе представить влюбленного юношу, который бы в крещенский вечерок расшвыривал за ворота башмаки, чтобы узнать заветное имя своей суженой?

А можете ли вы себе представить влюбленного мужчину, который бы толк в ступе ломтик груши, хвостик мыши и ложку туши, чтобы сварганить приворотное зелье для своей любимой?

И можете ли вы, наконец, себе представить любящего мужа, крадущегося к спящей жене, чтобы вырвать у нее три волоска — да еще так, чтоб она не проснулась, а затем сжечь эти волоски на огне, — да еще полученном путем трения берестяных палочек, и все это для того, чтобы отвести супругу от интимных встреч с ее главным бухгалтером?

А женщине ничего этого и представлять не надо, женщина все это просто исполняет — спокойно и без тени сомнения в чудодейственности сей белиберды.

Самое любопытное, что это все проделывает не только жительница таежного селения (от темноты) или труженица текстильного городка (от безысходности). Нет, все это проделывает и в большом городе дама с высшим образованием. Более того, если простая женщина совершает это с безрассудной верой, то просвещенная дама еще и подводит под эту галиматью научную базу.

Женщина по сути своей — идолопоклонница и язычница.

Она верит в бога и в йогу, в Нострадамуса и в Джуну, в групповые трансы и спиритические сеансы, в филиппинских хиллеров и марсианских пришельцев.

При этом у каждой женщины свои идолы, которых она

боготворит с любовью, равной ненависти к чужим идолам.

Следует признать, что женщина не только испытывает мистическое влияние со стороны, но и сама исполнена мистической силы. Это и всяческие предчувствия, и вещи сны, и особенно — непостижимая для мужского ума женская интуиция.

Скажу больше: эта чертова интуиция нам — мужчинам — не только непостижима, но и опасна.

Ты еще только предполагаешь... а она уже все знает!

Ты еще только задумал... а она уже все почувствовала!

Ты еще только собираешься... а она уже все просекла!

Эту интуицию женщина не приобретает с годами — нет, она в ней заложена с детства. Классический пример: сестрица Аленушка и братец Иванушка. Ну как, ну на каком основании она могла проинтуичить, что если он выпьет, козленочком станет?

Но ведь действительно, выпил — и стал!

А что же все же мы — мужчины?

О, мы же все же тоже соображаем, что мир устроен не так просто, что где-то как-то в чем-то эти мистические женщины, возможно, правы и, как прозорливо заметил один мудрец: «В действительности все совсем не так, как на самом деле».

Однако, даже осознав это очевидное невероятное мужчины, пусть и прямолинейные, но, в который раз подчеркиваю, все-таки разумные существа, становятся не рабами мистики, а ее хозяевами.

Обратите внимание: подавляющее большинство всех этих кашпировских и чумаков, магов и экстрасенсов, колдунов и шаманов — мужчины. Так значит — что? А значит, вот что: дурит наш брат-мужик вашу сестру-женщину!

ЖЕНЩИНА И ДЕНЬГИ

Меща моя (не путать с «зайка моя») в день нашей свадьбы сказала мне про свою родную дочь, мою будущую супругу: «Денег ей в руки не давай. Сколько ни дашь — все просвистит!»

С тех пор вот уже сорок лет я не перестаю изумляться

тому, как эта не шибко грамотная курская крестьянка (теща моя) образно и точно сформулировала вечно животрепещущую тему «Женщина и деньги».

Однако на этом я закончу живописание лично моих семейных финансовых перипетий (хотя, поверьте, мне есть что живописать) и обращусь к общечеловеческой практике в этом вопросе.

Мужчины относятся к деньгам по-разному: одни их любят, другие презирают, третьи к ним равнодушны.

А женщины деньги просто ненавидят!

Ничем другим я не могу объяснить то, как яростно женщина старается поскорее избавиться от денег, как она их стремительно тратит, транжирит, просто-таки швыряет деньги направо и налево, не успокаиваясь до той минуты, пока у нее в кошельке не останется ни гроша.

Только после этого женщина переводит дух и задумывается... где взять новые деньги?

Но не радуйтесь, новые деньги нужны женщине вовсе не для того, чтобы их собрать и сохранить. Нет, новые деньги нужны ей лишь для того, чтобы с уже описанной ненавистью их растратить, растратжирить, расшвырять налево, направо, а также на ветер.

Будем объективны: женщина совершает все это не по злему умыслу, а по природному недомыслию.

Более того, каждый раз, когда в руки женщины попадает очередная сумма, она совершенно искренне пытается (как это ей ни противно) спланировать разумную (как это ни нелепо применительно к женщине) систему расходования денег. Столько-то надо потратить на то, столько-то на это и ни в коем случае ни на что другое.

Но когда наступает час трат, деньги вновь улечучиваются, как сон, как утренний туман. А в руках у женщины оказывается вовсе не то и не это, а как раз именно что-то другое.

Пусть объяснит этот феномен кто сможет. Я же не могу.

Я знаю одно: когда мужчина берет деньги и отправляется покупать, скажем, ботинки, то он возвращается именно с ботинками, если они есть, или с деньгами, если ботинок нет.

А женщина, отправившись, к примеру, за зубной щеткой, может вернуться с платьем, с креслом, с пылесосом

сом — в общем, с чем угодно, только не с зубной щеткой, хотя таковая в продаже и была.

Женщина не умеет считать деньги. Хотя, казалось бы, чего там уметь (два плюс два — четыре, подумаешь, бином Ньютона). Но женщина может быть профессором математики, знатоком компьютера или даже астрономом, готовым подсчитать все звезды на небе, однако при этом она не в состоянии точно сосчитать деньги в своем кошельке.

Женщина может пересчитывать их трижды — и трижды получать разные суммы.

А особенно невероятным и, главное, абсолютно неожиданным открытием для женщины бывает вообще отсутствие денег в кошельке.

Вот она открывает его в полной уверенности, что они в нем есть, а их нету! Но как же так, но ведь еще только вчера они были, ведь еще только сегодня она клала сюда сдачу, куда же они делись?..

Время от времени и мы — мужчины — взбрыкиваем и тоже начинаем гневно вопить: «Куда?! Ну объясни, куда деваются деньги?!»

На это они — женщины — отвечают еще более гневным воплем: «А ты пойди по магазинам, посмотри на цены — перестанешь задавать идиотский вопрос!»

И мы честно идем, и честно смотрим, и честно перестаем этот вопрос задавать. Примерно в течение месяца.

Но затем вопрос этот все же начинает нам казаться не таким уж идиотским.

Ну хорошо, ну магазины, ну цены... Но можно же как-то все учесть, просчитать и понять, куда же все-таки, черт побери, деваются деньги!

Меньше всего мне бы хотелось, чтобы излагаемое воспринималось как брюзжание мужчин, зарабатывающих деньги, в адрес женщин, эти деньги тратящих.

Нет, в наш эмансипированный век женщина и сама зарабатывает, причем не меньше, а то и больше мужчины.

Однако от этого ее отношение к деньгам ничуть не меняется. Меняется лишь то, что в данном случае не мужчина — женщине, а женщина — самой себе задает сакральный вопрос насчет того, куда деваются эти проклятые деньги.

Все это положительно свидетельствует о не изначальной вредности женского характера, а лишь о загадочном и непостижимом мужскому уму, сотворенном причудливыми силами природы женском менталитете.

Для тех, кого недостаточно убеждают мои личные скромные размышления, призову на помощь арсенал мировой классики.

Вспомните яркие образы пушкинского Скупого рыцаря, мольеровского Гарпагона, гоголевского Плюшкина, ильфо-петровского подпольного миллионера Корейко... Что их всех объединяет, кроме безумной любви к деньгам, умения их считать и способности их копить? Объединяет их то, что все эти персонажи — мужчины.

А можете ли вы припомнить образ такой же силы, страсти и скупости, но — женский? Я не могу.

Даже в фольклоре Баба Яга — хулиганка, но оборванка, а вот Кощей «над златом чахнет».

И в общем-то мы ко всем подобным мужским персонажам относимся довольно терпимо. Ну богатые, ну жадные, ну такие уродились...

Но представьте себе на минуту в образе богатейки и скупердяйки женщину. Стали бы мы такую классику зачитывать до дыр? Ни за что!

Да чего там классика, вы просто представьте вашу жену или хуже того — вашу любимую, с алчным огоньком в очах пересчитывающую дрожащими ручонками купюры, отслюдывая их наманикюренным пальчиком...

Тьфу, противно даже представить!

Так, может, ну их? Так, может, пусть?

Пусть эти неземные и в чем-то даже ирреальные создания — женщины — живут, как умеют, и тратят деньги, как хотят.

В конце концов, есть же такое мнение, что не в деньгах счастье.

Так что давайте и мы, мужчины, будем просто жить, любить наших женщин и считать их нашим счастьем.

Короче, давайте спать спокойно.

И лишь изредка просыпаться в холодном поту от безусловно дурацкого, но все-таки очень интересного вопроса: куда, ну куда же, куда эти ирреальные создания девают вполне реальные деньги?!

ЖЕНЩИНА И УБОРКА

Сочинители известной песенной строки «и вся-то наша жизнь есть борьба», на мой взгляд, имели в виду прежде всего женщину.

Да, женщина всю жизнь борется — с природой, с обстоятельствами, с другими женщинами, с возрастом, с транспортом...

А еще женщина борется за чистоту.

Последний вид борьбы самый изнурительный и бесплодный. Ибо если есть на свете что-нибудь совершенно бессмысленное, так это уборка помещения.

Любой здравомыслящий мужчина понимает: после того как грязь убрана, она рано или поздно все равно возникнет опять. Так что даже классические символы бессмысленных занятий — борьба Дон Кихота с ветряными мельницами и закатывание Сизифом своего камня на гору — это просто детский лепет по сравнению с борьбой за чистоту.

Однако женщина этого не понимает и понимать не желает. Она снова и снова с отвагой Дон Кихота и упорством Сизифа принимается за уборку.

Понятие это неоднозначное. Бывает уборка поверхностная ежедневная, бывает углубленная ежемесячная и, наконец, венец всего — генеральная уборка.

Эту гигантскую битву за чистоту женщина назначает по случаю какого-нибудь праздника, какого-то, как раньше говаривали, «красного дня календаря».

Но для мужчины этот день становится черным днем жизни.

Оттянуть генеральную уборку можно, отменить — ни за что. Она приходит неотвратимо — в полководческой решимости женщины и в боевой готовности всех уборочных средств.

А средства уборки делятся на: автоматические (пылесосы, полотеры), механические (швабры, веники) и биологические (мужчины).

Мужчина в уборочном процессе используется прежде всего как движущая сила. То есть для передвижения мебели и выноса мусора.

Мужчине посмысленнее доверяется протирка тряпкой ровных поверхностей (но, конечно, не окон и зеркал, кото-

рые женщина полирует только сама, нежно дыша на стекло, будто возвращая ему жизнь искусственным дыханием).

Если же, по мнению женщины, мужчина физически слаб для использования в качестве движущей силы и умственно туп для пользования тряпкой, то он в лучшем (счастливом!) случае просто на время уборки изгоняется из дома, а в худшем (ужасном!) применяется в качестве досадной помехи на трудовом фронте.

Женщина гоняет мужчину с места на место, как затравленного зайца, как загнанного волка: «Стой здесь! Иди туда! Замри там! Не топчись, где вымыто! Чего разлегся, я тут буду пылесосить!»

Все это, конечно, ничуть не помогает женщине физически, но чрезвычайно бодрит женщину морально. Как образ врага, придающий дополнительный героизм ее битве.

В бесконечном и бессмысленном процессе уборки есть один особо невыносимый момент — условно говоря, «пыль под диваном». На самом деле это может быть пыль не только под диваном, но и за комодом, и на шкафу и в прочих местах, где просто так она не видна, а чтобы увидеть эту пыль, надо специально залезть под диван, отодвинуть комод или взобраться на шкаф.

Ну скажите — я обращаюсь, естественно, к разумным мужчинам — ну кому мешает пыль, которая не видна? Конечно же, только женщине.

И она с упорством маньяка забирается под диван, за комод, на шкаф и в другие уголки и закоулки, уничтожая невидимую глазу пыль и роняя невидимые миру слезы.

Но главный уборочный кошмар для мужчины — это наведение женщиной порядка на его столе. То, что женщина именует порядком, мужчина называет бардаком. И соответственно — наоборот.

Когда женщина начинает раскладывать на столе мужчины все очень аккуратно (как она это понимает) и по своим местам (как она их определяет), то у мужчины есть лишь один выход — убить женщину.

Но тут, черт побери, срабатывает дурацкая жалость.

Впрочем, завершив уборку, женщина умирает сама. Да, именно так она и сообщает, рухнув в кресло: «Все, я умираю!»

И в этот момент самым ошибочным для мужчины был бы вопль типа: «А кто тебя заставлял это делать?!»

Нет, мужчина должен немедленно посочувствовать женщине и ни словом, ни взглядом не выдать свое глубокое убеждение, что она могла бы вовсе и не помирать, а еще бы жить и жить, даже, может быть, жить вечно, если бы не затеяла эту идиотскую уборку.

Следует особо предостеречь: в самом финале уборочного действия возникает неожиданный и потому опасный эффект.

Мужчина вдруг с приятным удивлением замечает, что воздух в помещении стал как-то прозрачен и свеж, что окружающие предметы как-то празднично засияли, что пейзаж за вымытым окном преобразился из буднично-серого в солнечно-многокрасочный.

В связи со всем этим мужчина даже начинает задумываться: а может быть, все было не совсем напрасно, а может быть, не пропадет тот скорбный труд....

И вот тут очень важно не расслабляться. Потому что уборочный вирус в принципе опасен для жизни. Ведь если до уборки женщина заставляла мужчину только снимать обувь на пороге, то после уборки ему уже запрещается бросать где попало остальные вещи, а от этого совсем недалеко и до бесчеловечных требований мыть руки перед едой и ноги перед сном.

Так что с уборкой надо бороться изначально — в зародыше самой мысли о ней. И не поддаваться на всякие женские разглагольствования, мол, «дай тебе волю — совсем зарастешь грязью».

Не бойсь, мужики, не зарастем!

Мы, между прочим, тоже кой-чего про чистоту понимаем: и зубы чистим — практически через день, и пыль с ушей стряхиваем — по субботам.

ЖЕНЩИНА И ЛОГИКА

Вот уж действительно «две вещи несовместные»!

Где присутствует логика, там отсутствует женщина, а где появляется женщина, там исчезает логика.

При этом хочу сразу пояснить: все сказанное — не хорошо и не плохо, все сказанное — просто факт.

Со школьной парты всем известно, что логика — наука о мышлении.

Вот и поразмыслите: есть ли в этой формуле место женщине?

На сей счет справедливо заметил М.Ю. Лермонтов: «Чтобы выучиться женской диалектике, надо опрокинуть в уме все школьные правила логики».

С той же школьной парты всем известна и схема логического суждения: две посылки — один вывод. Например: первая посылка — «все птицы летают», вторая посылка — «орел птица», вывод — «орел летает».

Но женщина эту классическую схему взрывает вдохновенно и бесповоротно. У женщины логическая посылка только одна: «Все мужчины — подлецы».

Из чего уже следуют всяческие выводы.

Вот, скажем, звонит телефон, женщина отвечает «алло», а в трубке — короткие гудки. Какой из этого следует вывод? Да какой угодно: не сработала связь, автомат проглотил жетон, ошиблись номером...

Но женщина из всего богатства предположений выбирает свой убогий и абсолютно нелогичный вывод: звонила любовница.

Или вот: мужчина приходит домой со следом помады на щеке. Опять-таки выводы из этой посылки могут быть самые разнообразные: его поздравила начальница отдела за рационализаторское предложение, он был на презентации косметической фирмы, наконец, просто в автобусной давке его случайно задела губами какая-то пассажирка...

Но вывод женщины вновь примитивно однозначен: поцелуй любовницы.

Или же так: мужчина не ночевал дома. Почему? Да мало ли — опоздал на последнюю электричку, случился приступ аппендицита, просто заблудился в темноте...

Но нет, вывод женщины тверд: ночевал у любовницы.

Вся лирическая логика женщины укладывается в прокрустово ложе анекдота:

— Представляете, любовник Татьяны — садовник.

— Почему?

— Да как я к ней ни приду, у нее в постели — цветы.

— А-а, тогда любовник Натальи — железнодорожник.

— Почему?

— Да как я к ней ни приду, у нее в постели — железно-дорожник!

Женщина умеет вообще перевернуть причинно-следственную связь так, что телега оказывается впереди лошади. Сначала она втемяшит себе в голову вывод, а уж затем подгоняет под него посылку.

Вот знакомая ситуация. Женщина убежденно заявляет: у него появилась другая, потому что он давно не дарит мне цветы.

Но когда его вдруг угораздит цветы принести, женщина заявляет еще более убежденно: у него есть другая, потому что он хочет усыпить мою бдительность цветочками.

Короче говоря, логические построения женщины можно вполне описать двумя народными присказками: «Где — имение, где — наводнение?» и «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька!».

Так что несомненно прав был А.П. Чехов: «Мужской логики никогда не совладать с женской».

Однако при всем при этом я не могу не отметить одну необъяснимую странность: полное отсутствие логики женщины наиболее вопиюще проявляется именно и только в отношениях с мужчинами.

А в других жизненных сферах женская логическая несуразность почему-то наблюдается гораздо менее.

Она не очень бросается в глаза на работе женщины, почти неприметна в ее суеде на кухне и практически не мешает уходу за детьми.

И вот еще что. Бытует парадоксальное мнение, что великие открытия могут делать только полные невежды в данном вопросе, ибо они не знают, что это в принципе открыть невозможно, и просто берут да и открывают. Так и женщина, будучи абсолютно логически невежественной, не понимая никаких причинно-следственных связей, все же порой может совершать неожиданные открытия.

Например, из-за неумения женщины логически мыслить, а следовательно, пользоваться индуктивным и дедуктивным методами, вы не найдете ни одного женского имени среди всемирно известных детективов — Нат Пинкертон, Арсен Люпен, Шерлок Холмс, патер Браун, комиссар Мегрэ, майор Пронин... Даже Агата Кристи избрала мужского героя — Эркюля Пуаро.

Однако при этом каждая женщина безо всякой дедук-

ции-индукции даст сто очков вперед любому детективу-мужчине в отыскании денежной записки супруга, в расшифровке его амурной конспирации и даже в обнаружении какого-нибудь завалявшегося в шкафу трупа. Что подтверждается хотя бы примером не профессионального, а доморощенного детектива — проницательной старушечки мисс Марпл в описании той же Агаты Кристи.

И потому, завершая логический анализ женской алогичности, я неожиданно для себя самого обнаруживаю следующее.

Во-первых, свою алогичность женщина проявляет с весьма последовательной логикой.

А во-вторых, ожидать логичного поведения от заведомо алогичной женщины было бы просто нелогично.

Из этих двух посылок следует один вывод: пожалуй, может быть, с определенной натяжкой, в самом первом приближении и с минимальной долей вероятности, но все-таки возможно предположить, что и у женщин логика есть.

Только — женская логика.

ЖЕНЩИНА И РАЗГОВОРЫ

Знаете историю, как женатый мужчина уговаривает холостого друга жениться?

Он не просто уговаривает, а еще иллюстрирует эти уговоры положительным примером собственной семейной жизни: «Вот, ты — один, как перст, приходишь домой, там пусто, даже некому ужин подать, а то ли дело я — прихожу с работы, меня встречает жена...»

Далее в рассказе важна интонация, и я попытаюсь передать ее ремарками в скобках.

Итак, он говорит: «А вот я — прихожу домой, меня радостно встречает жена, заботливо подает ужин, садится напротив и ласково щебечет, щебечет... (слегка заводясь) щебечет, щебечет... (уже раздраженно) щебечет, щебечет... (с безысходной тоской) щебечет, щебечет, щебечет!»

Нужен ли какой-нибудь комментарий к этой истории?

По-моему, не нужен. Да у меня и нет никаких слов.

А вот у женщины слова, конечно бы, нашлись. Потому что библейское «в начале было Слово» прежде всего относится к женщине.

Согласно медицинской статистике, после появления на свет младенцев первыми из них в подавляющем большинстве начинают разговаривать девочки.

Казалось бы, вот и хорошо, первыми начали — первыми и заканчивайте.

Однако нет, женщина начинает говорить первой, но заканчивает последней.

Если вообще когда-нибудь заканчивает.

Французский писатель Гийом де Буше сказал об этом так: «Существует тысяча уловок, чтобы заставить женщину заговорить, но нет ни одной, чтобы заставить ее замолчать».

Ярчайший пример — Шахерезада.

Ну кто, кроме женщины, смог бы неустанно проговорить тысячу и одну ночь! Впрочем, и никто, кроме мужчины, не смог бы доверчиво выслушивать, как ему в течение тысячи и одной ночи вешают лапшу на уши.

Случай с Шахерезадой — единственный, когда разговорчивость женщины спасла ей жизнь.

Во всех прочих случаях, наоборот, ее умопомрачающая болтливость понуждает мужчину — хотя бы в мечтах — лишать женщину жизни.

В удостоенном шести «Оскаров» фильме «Английский пациент» есть такой эпизод. Герой едет по пустыне вдвоем с женщиной — при этом подчеркнем, любимой и любящей женщиной. И вот эта женщина не то чтобы даже щебечет, а просто задает один вопрос, другой, третий, десятый... Наконец герой замечает: «Ехал я как-то по этой дороге с проводником в Файю. Все девять часов пути проводник молчал. Только в самом конце он показал рукой вперед и произнес одно слово: «Файя». Прекрасный это был день!»

В общем, различия между мужчиной и женщиной ясны и очевидны.

Мужчина вспоминает: вчера виделся с друзьями — выпили.

Женщина сообщает: сегодня повидалась с подругами — потрепались.

Для женщины невероятная разговорчивость — норма.

Для мужчины излишняя трепливость — патология.

Болтливый мужчина всего лишь раздражает.

Молчаливая женщина крайне настораживает.

Мужчина мрачно острит: лучший вариант жены — это глухонемая сирота.

Женщина отвечает еще более мрачной остротой: лучший вариант мужа — это слепоглухонемой капитан дальнего-дальнего плавания.

Говоря по-научному, женщина — неутомимый генератор устной речи, вечный двигатель по производству слов. Иногда — осмысленных, чаще — бессмысленных.

Зачем эти слова — неизвестно, о чем эти слова — неважно. Вся ситуация внятно формулируется строкой из песни: «Поговори со мною, мама, о чем-нибудь поговори...»

То есть дочке совершенно все равно, о чем говорить, лишь бы — поговорить. И уверяю вас, что ее маме — тоже.

Особая тема — разговоры по телефону.

Мужчина использует телефон по прямому назначению — как передатчик и приемник информации.

Женщина может провести у подруги целый день, а вернувшись домой, тут же позвонить ей и проболтать еще целый час.

Телефонной теме можно было бы посвятить специальное исследование, потому что тема эта не только особая, но и практически неисчерпаемая. А чтобы все-таки исчерпать ее хотя бы в рамках данного разговора — всего одна байка.

Звонит телефон, жена берет трубку, оживленно беседует минут пятнадцать и кладет трубку.

Муж удивлен: «С кем это ты поговорила так быстро?»

Жена объясняет: «Да какая-то женщина ошиблась номером!»

Эта байка свидетельствует еще об одной загадочной женской черте.

Ну ладно, разговоры дома, на работе, со знакомыми — все это еще куда ни шло и как-то объяснимо. Но совершенно необъяснима для мужского понимания способность женщины легко и непринужденно вступать в разговорный контакт с абсолютно незнакомыми людьми.

Вот приходит мужчина с женщиной, скажем, на какой-нибудь юбилей, а там, как обычно, кроме всем родного юбиляра, присутствует и много не знакомых друг с другом людей, которые оказываются за столом рядом.

Мужчина при этом ощущает явную неловкость, не знает, как себя вести, что сказать, да и говорить ли что-ни-

будь вообще, пока не выпьет одну-другую-третью и не расслабится для облегчения общения.

Совсем иное дело — женщина. Едва присев рядом с абсолютно ей не знакомой соседкой, женщина с ходу начинает интенсивную беседу, в которую с такой же интенсивностью включается соседка, и буквально через минуту, глядя на них со стороны, вы ни за что не скажете, что за минуту до этого они еще даже не были знакомы — напротив, у вас будет полное ощущение, что это беседуют давние и близкие подруги.

Потом изумленный мужчина спросит у женщины: «Ну о чем, скажи, бога ради, о чем вы могли толковать с ней?!»

А она ответит не менее изумленно: «Неужели женщинам не о чем поговорить?!»

Все это странно, но все это правда.

Женщинам почему-то всегда есть о чем поговорить. Даже при самой случайной встрече в купе поезда, в магазине, в химчистке — где угодно. То ли у них гораздо больше тем для бесед — моды, болезни, косметика, кулинария, дети, мужчины... То ли они просто способны беседовать и безо всяких тем.

Не знаю. И наверно, никогда не узнаю. Ибо «тайна сия велика есть».

Я знаю только одно: самая жуткая картинка на свете — это две женщины за столом, в одной руке — по чашечке кофе, в другой — по сигаретке, и они говорят.

Женщины говорят — а где-то рвется связь времен, и проносятся минуты, дни, столетия.

Женщины говорят — а в мире рушатся старые империи, и возникают империи новые.

Женщины говорят — а человечество улетает в космос и возвращается из космоса.

А женщины все говорят, говорят, говорят...

Криминалисты рассказывают о поразительном случае: две узницы отсидели десять лет в одной камере, а когда их выпустили на свободу, они никак не могли расстаться. Все стояли за тюремными воротами и болтали — за десять лет не наговорились!

Так вот, я бы, конечно, мог еще значительно продолжить рассуждения по поводу женских разговоров. Но не стану их продолжать, чтобы не уподобляться самому субъекту этого разговора — женщине.

И потому — надеюсь, вовремя — умолкаю.

Если же все сказанное показалось вам сугубо мужскими нападками на женскую свободу слова, то я лично, продолжая молчать, предоставляю возможность высказаться женщине.

Анна Ахматова:

Я научила женщин говорить...

Но, боже, как их замолчать заставить!

ЖЕНЩИНА И ЖЕНЩИНЫ

Начну с такого наблюдения: для каждой женщины сама она — «женщина», а все остальные женщины — «бабы».

То есть о себе она говорит, к примеру, так: «Научись наконец обращаться с женщиной!», или так: «Вам не стыдно сидеть, когда женщина стоит?», или так: «Молодой человек, пропустите женщину вперед!».

А вот про других женщин тексты звучат примерно так: «Вчера видела Тюлькина с новой бабой!», или так: «Жуткая баба — наша секретарша!», или так: «Вася, тебе звонит какая-то баба!».

Спектр женщин, окружающих женщину, широк и многообразен: соученицы и сослуживицы, соседки и приятельницы, всякие родственницы и вовсе незнакомки.

Любопытно, что многие женщины в разные периоды жизни успевают побывать в разных, диаметрально противоположных ипостасях: дочь и мать, жена и любовница, невестка и свекровь.

Но еще любопытнее, что взгляды одной и той же женщины, оказавшейся в этих ипостасях, тоже меняются с легкостью необычайной на диаметрально противоположные.

Возьмем тандем: жена и любовница. Женщина-жена всегда права. Она глубоко верит в святость уз Гименея, любовницу своего мужа именует набором уничижительных имен существительных с непременно приставочкой «эта»: эта дрянь, эта тварь, эта гадина... ну и далее по мере фантазии и воспитания.

А та же самая женщина, оказавшись в роли любовницы, убеждена, что узы Гименея — это всего лишь ржавые

кандалы, и жену своего любовника тоже именует исключительно с приставочкой «эта»: эта мегера, эта халда, эта клуша... ну и опять же далее по вкусу и образованию.

Конечно, любое сравнение хромает, конечно, случается в жизни и по-иному, а славная певица Алена Апина вообще излагает телефонный диалог жены с любовницей в идиллических тонах: «Не молчи, не молчи, моя соперница, и давай по-бабьи поболтаем...» Но тут уж, как говорится, «разрешите вам позволить не поверить!».

Женщина знает о других женщинах все. И с удовольствием делится своими знаниями с мужчиной. Ему, доверчиво-наивно восхищающемуся чьим-то солнечным загаром и нежной кожей, всезнающая женщина не преминет сообщить про ультрафиолетовую лампу и следы трех подтяжек на шее.

Попробуйте поставить эксперимент, скажите женщине про другую женщину что-нибудь вроде:

— О, какая блондинка!

— Крашенная! — усмехнется женщина.

— А какая улыбка!

— Тридцать два куска пластмассы! — поморщится женщина.

— Но какой прикид, все от Диора!

— С барахолки в Коньково! — уточнит женщина.

Впрочем, этот эксперимент не очень чист, так как в нем болтается мужчина.

Гораздо чище и нагляднее все выглядит, когда женщины встречаются один на один, в смысле — одна на одну:

— Сколько лет, милочка, сколько зим! О, у тебя седина? Прелестно! Что за краска?

— Какая краска, милочка, это уже мои собственные...

— Перестань! В твои годы седина — прелестно! Краска импортная?

— Да нет же, клянусь, это мои волосы!

— Твои?! Милочка, надо срочно покраситься. В твои годы седина — это ужасно!

Про все про это замечательно сказал восхитительный Марк Твен: «Лучшими судьями для женщины могут быть сами женщины». И добавил: «Палачами — тоже».

Совершенно особое и практически неопишемое явление — это молчаливый взгляд одной женщины на другую

женщину. Но так как я тысячекратно наблюдал это, рискну все же попытаться описать.

Итак, женщина идет по улице. А навстречу ей идет другая. За несколько шагов на подходе взгляд женщины напрягается, четко фокусируясь на встречной. Затем ее глаза производят мгновенное объемное фотографирование, не упуская ни единой детали фигуры и одежды. Потом в глазах женщины начинается экспресс-анализ увиденного. И, наконец, в них запечатлевается результат анализа: явная зависть, или, наоборот, торжествующее превосходство, или — что гораздо реже — спокойное равнодушие.

Надо ли уточнять, что эта глазоскопия при появлении другой женщины производится не только на улице, но и в театре, в магазине, в транспорте — где угодно.

И уж вовсе не надо уточнять, что описанную процедуру совершает не только взгляд рассматриваемой нами женщины, но и взгляд женщины, встречной по отношению к рассматриваемой.

Все эти мои пространные наблюдения концентрированно изложила польская художница Янина Ипохорская: «Взгляд одной женщины на другую напоминает контроль багажа на таможне».

Наконец, придется сказать и о главном.

До сих пор я иллюстрировал единичный случай — женщина и другая женщина. Но неизбежно приходит пора рассмотреть и случай множественный — женщина и другие женщины. А это уже — женский коллектив, это уже — просто беда, это — катастрофа.

И описать все это я даже не берусь, потому что мое скромное дарование пасует там, где бессилен даже могучий талант.

Скажу лишь одно: если бы Лев Толстой попал в женский коллектив, он бы превратился в Салтыкова-Щедрина.

ЖЕНЩИНА И СКАНДАЛ

Многоопытные французы утверждают, что женщина из любого пустяка может сотворить три вещи: шляпку, салат и скандал.

Я не специалист по шляпкам, еще менее — по салатам,

но я постоянный и активный участник женских скандалов. С потерпевшей стороны.

И если салат я могу только отведать, а шляпку оценить, то про женские скандалы я могу бесконечно говорить.

И содрогаться!

Поводов для скандала может быть множество, но истинная причина скандала одна — сама женщина.

Женщине скандал необходим. Как свежий воздух, как живительный витамин, как подтверждение того, что пороха в ее пороховнице еще не меньше, чем пудры в ее пудренице.

Отбросим сразу скандалы проходные: на улице и на работе, в магазине и в транспорте... Это так, проба пера, разминка мускулов, тренировка нервов перед главным и настоящим скандалом — тем, что женщина устраивает мужчине.

Для возжигания костра скандала годится любой горючий материал, даже самого противоположного свойства.

Немытая посуда («Ну сколько можно твердить, что у меня не сто рук, сделай хотя бы это!») или, наоборот, вымытая посуда («Ну сколько можно твердить, лучше не берись, если не можешь вымыть ее чисто!»); разбросанная одежда («Ну сколько можно твердить, что это квартира, а не свинарник!») или, наоборот, аккуратно развешенная одежда («Ну сколько можно твердить, что после твоей идиотской приборки ничего невозможно найти!»); не вбитый гвоздь («Ну сколько можно твердить, что если у тебя нет мозгов, то хотя бы должны быть руки!») или, наоборот, вбитый гвоздь («Ну сколько можно твердить, что нельзя дырять стены где попало!»).

Женский скандал не имеет четко осмысленной драматургии. Он может начаться с конца и закончиться началом, а может просто ходить по кругу, возвращаясь к одним и тем же фактам и аргументам бесконечное число раз.

Женщина — поэт скандала, она действует с легкостью Моцарта, а не с рациональностью Сальери.

Психология развития скандала соответствует женской психологии вообще, которую грубо, но точно формулирует известный анекдот:

— Милая, мне кажется, ты не права...

— Ах, я не права?! Но если я не права, значит, я гово-

рю неправду, значит, я вру, а если я вру, значит, я брешу, но брежут только собаки... Мама, он меня сукой назвал!

Да, женщина поэт, творец скандала. Но не новатор, а консерватор, даже традиционалист.

Возьмем, к примеру, опорный скандальный тезис: «Я отдала тебе лучшие годы моей жизни!»

Казалось бы, он уже так набил оскомину, так затаскан не только по жизни, но даже по анекдотам, что более невозможен для произнесения. Но нет, он все произносится и произносится с тем же первозданным накалом страсти, с тем же бурным потоком слез, словно никто и никогда до этой женщины этих слов не произносил.

Женщина не холодный стратег, просчитывающий все ходы предстоящей битвы, а спонтанный тактик, бросающийся в пучину скандала по принципу Наполеона: «Главное ввязаться в сражение, а там поглядим!»

Но при этом женщина очень точно ощущает необходимый момент завершения скандала, край пропасти, в которую можно рухнуть, последнюю черту, которую не следует переступать. Ведь еще чуть-чуть, и мужчина не просто хлопнет дверью, а захлопнет ее за собой навсегда.

Однако не надейтесь на столь простую и облегчающую развязку. В самый последний миг срабатывает тончайшее женское чутье, и вот уже она переходит с оглушительного крика на чуть слышный стон, и вот уже она хватается за сердце, и вот уже она теряет сознание...

И даже самый без вины виноватый, самый тупо бесчувственный мужчина останавливается на пороге.

А распахнутая им дверь тихо покачивается, так и не хлопнувшись навсегда.

Только не надо делать примитивный вывод, будто женщина в скандале играет.

Что вы, женщина в скандале живет!

И бушует она искренне, и сердце у нее схватывает искренне, и шепча «я умираю», она искренне собирается в мир иной, но зато потом... О, потом, после скандала, как улучшается цвет ее лица, как ободряюще бежит кровь по ее жилам, каким светом победы сияют ее глаза!

Скандал явление интернациональное.

Только пылкая итальянская женщина совершает больше взмахов рук в секунду, чем горячая эстонская женщина выпускает слов в минуту.

Скандал явление вечное.

Словарь утверждает, что русское слово «скандал» происходит от французского «scandale», которое в свою очередь восходит к латинскому «scandalum». Этот ряд можно продолжить от латинян к варварам, к этрускам, к шумерам, ко всем прочим ныне «мертвым» языкам, в которых, конечно же, было живое слово «скандал».

А когда еще и слова-то не было, наверняка было на-скальное изображение, которым вдохновенный дикарь запечатлел прекрасную дикарку в процессе грандиозного скандала из-за разбросанных по пещере набедренных повязок.

И как в древние времена, так и в дни сегодняшние встает один и тот же вопрос: что делать? Да, что делать в ситуации женского скандала мужчине?

Ответ прост: ничего не делать.

В процессе женского скандала мужчине остается только одно, единственно разумное — молчать.

Она себе шумит, а ты себе молчишь.

Понимаю: нелегко. Осознаю: невыносимо. Но — эффективно.

Причем в этом стоическом молчании очень важно не поддаваться на ее провокации типа: «Ну, что ты молчишь?! Что ты вечно молчишь?!»

Она же не дура, она же понимает: тебе есть что сказать.

Но каждое сказанное тобой слово только лишняя щепка в костре скандала.

Нет, ну в самом крайнем случае можно ей и врезать!

Но если даже идти на эту экстремальную меру, то тоже — молча. Безо всяких слов.

Она и так поймет.

Впрочем, тут есть опасность: женщина может ответить ударом на удар, и классический скандал обернется банальным мордобоем. А это — фи! — выходит за рамки наших интеллигентных размышлений.

Итак, женщина сама отработает отпущенную на скандал энергию и прекратит его тоже сама.

Ведь женщина — это стихия. И она пройдет, как гроза, уляжется, как буря.

В некогда всенародно любимой песне весьма образно сформулирована драматургия женского скандала:

*В нашей жизни всякое бывает,
Налетает с тучами гроза,
Туча уплывает, ветер утихает,
И опять сияют небеса.*

А вот когда эти самые небеса засияют, тогда и начинается самое главное — счастливый конец, хеппи-энд скандала — слезы примирения, поцелуи прощения, клятвы любви.

И закрадывается потаенная мысль: а может быть, в этом-то все и дело?

Может быть, женщина затевает горькие часы скандала именно ради сладких минут его завершения, ради сермяжной правды народной мудрости: «Милые бранятся — только тешатся!»

ЖЕНЩИНА И ВСЕ

Знаете ли вы, как смертельно обидеть женщину?

Может быть, сказать ей: «Ты — дура»? Да, обидно, но все же большинство женщин довольно спокойно переживут недооценку своих умственных способностей.

Тогда, может быть, сказать ей: «Ты — уродина»? Да, это, конечно, покруче. Недооценка внешних достоинств воспринимается женщинами гораздо болезненней, чем недооценка способностей умственных.

И все-таки нет, для того чтобы обидеть женщину по-настоящему, по-большому, надо сказать ей совсем другое: «Ты — как все женщины!»

И достаточно. И женщина взовьется под небеса: «Не смей сравнивать меня со ВСЕМИ! Меня не интересуют эти твои ВСЕ! Они — это они, а я — это только я!»

И пошло, и поехало, и понеслось...

Почему? Ну почему каждая женщина так упорно, так фанатично, я бы сказал, так безумно желает быть единственной и практически неповторимой?!

Как, например, отвечает мужчина на излюбленный женский тезис: «Все мужчины — подлецы!» Он недоумевает, он возражает: «Чего это я подлец? Ничего я не подлец. Разве я сделал то-то? Нет, я совсем не делал того-то...»

Короче говоря, мужчина не пускается в абстрактные рассуждения, а пытается ответить на конкретное обвинение.

Но попробуйте сказать женщине самое невинное, ну, к примеру: «Все женщины — кокетки». Думаете, она станет доказывать, что лично она вовсе не кокетка, то есть постарается опровергнуть конкретное утверждение в отношении себя?

Ничего подобного. Она просто издаст абстрактный вопль: «Не смей меня путать со ВСЕМИ женщинами!»

В известной сказке А.С. Пушкина царица задает волшебному зеркалу не такой вполне естественный вопрос: «Как я выгляжу, хороша ли я собой?», нет, она интересуется: «Я ль, скажи мне, ВСЕХ милее, ВСЕХ румяней и белее?»

Зеркало отвечает уклончиво: «Ты прекрасна, спору нет».

Но царице этого мало. Она таки добивается от зеркала информации, что «царевна ВСЕХ милее, ВСЕХ румяней и белее».

В результате чего начинается криминал с отравленным яблочком.

Возьмем два варианта любовных треугольников.

Первый — он, она и ее муж.

Второй — она, он и его жена.

В первом случае мужчину мало волнует наличие у его любовницы мужа. Муж им воспринимается просто как досадный факт, как неудобное препятствие для свиданий с дамой сердца. А в остальном — ну муж и муж. Объялся груш.

Но во втором случае женщину наличие у ее любовника жены волнует чрезвычайно. Причем гораздо меньше — как препятствие для свиданий, это как раз для женщины — дело второе. А первое дело то, что раз есть жена, значит, она — любовница — уже для мужчины не единственная. И это женщину точит, мучит, корежит...

Другая ситуация: мужчина и женщина в театре.

Мужчина смотрит на сцену. Женщина косит глазом в зал.

Мужчина не только не обратит особого внимания, но даже просто не заметит вокруг множество других мужчин в практически одинаковых двубортных костюмах.

А женщина, обнаружив в зале хотя бы еще один ка-

кой-нибудь бантик или рюшечку, схожие с бантиком или рюшечкой на ее платье, впадет в такой транс и стресс, какие не преодолеет вся мировая драматургия.

Нынче модно составлять «горячие десятки» песенных хитов сезона. А если бы попытаться определить рейтинг песен, которые по сердцу женщине во все времена и сезоны, то не знаю, как бы распределились места шлягеров «Три года ты мне снилась», «Ты — любовь моя последняя», «Ты — моя летняя зима, мое зимнее лето» и даже «Ты — моя банька, я твой тазик», но точно знаю, что самое первое место в такой «горячей десятке» заняла бы простенькая бардовская песенка «Ты у меня ОДНА, словно в ночи луна».

Да, это только неразумный мужчина мог додуматься до песенного текста: «Мне тебя сравнить бы надо с первой красавицей».

Какие могут быть сравнения?

Хоть с первой красавицей, хоть с двадцать первой!

Даже если это сравнение окажется в пользу женщины, все равно сама мысль о возможности сравнения — уже оскорбление.

Короче. Если вы хотите сделать женщине приятное, принесите ей цветы. И женщине будет приятно.

Если вы хотите женщину порадовать, подарите ей духи. И женщина обрадуется.

Но если вы хотите женщину осчастливить, скажите ей: «Ты моя единственная». И женщина будет счастлива.

Просто бред какой-то!

Ну, бред — бредом, а французский писатель Жюль Ренар так и рекомендовал: «Не говорите женщине, что она прелестна, скажите ей, что другой такой женщины в мире нет, и вам откроются все двери».

Возможно, все это относится только к женщинам западно-европейского менталитета, а у южно-восточных женщин все иначе?

Там ведь женщины изначально нацелены на более скромное и даже коллективное, а не индивидуальное понимание своей роли в жизни мужчины.

Незабвенная Гюльчатай определяла это просто: «Одна жена обед готовит, другая жена детей моет, третья жена мужа любит...» И все, и никаких проблем.

Хотя, может быть, это только — кино, художествен-

ный вымысел. А на самом деле, возможно, у них в гареме всё не так уж идеально.

И не исключено, что когда по утрам евнух командует: «Все на зарядку!», какая-нибудь младшая любимая жена поднимает дикий визг: «Не смей меня ставить в один ряд со ВСЕМИ!»

Не знаю, не знаю...

Знаю только, с каким гневом и ужасом восприняла бы любая женщина рассказ Марка Твена про одного негра, который получил свидетельство о браке, но в нем по ошибке стояло имя другой женщины. И негр предпочел жить с этой другой женщиной, чем платить два доллара за новое свидетельство.

«Потому что, — утверждал Марк Твен, — разница между двумя женщинами не стоит двух долларов».

Правда, американскому писателю Марку Твену заочно возражала французская писательница Колетт: «Мужчины на удивление нелогичны: твердят, что все женщины одинаковы, но постоянно меняют одну на другую».

Вот и один друг моей уже далекой юности, навстречавшись со многими женщинами, упорно желавшими быть единственными и неповторимыми, как-то признался, что мечтает встретить такую, которая хоть однажды призналась бы, что она — в общем-то, такая же, как и все женщины.

«Вот она-то, — восклицал мой друг, — та, которая скажет, что она такая же, как все, и будет единственной и неповторимой!»

Я спросил: «Ну, предположим, ты встретишь такую — и что?»

Он ответил: «На ней я и женюсь!»

Другу моей юности скоро уже на пенсию.

Но он до сих пор холост...

ЖЕНЩИНА И ВЫХОД

Американские психологи констатировали следующее.

Когда мужчина говорит, что он готов к выходу из дома, то это значит, что от реального выхода его отделяет лишь посещение туалета.

Когда же это говорит женщина, то это означает, что до выхода ей нужно успеть как минимум вымыть голову, погладить наряд и, разумеется, сделать макияж.

Итак, рассмотрим это процесс.

Женщине предстоит светский выход. В театр, на концерт, в гости — неважно куда.

Все равно ведь любой предстоящий концерт, любой спектакль начисто затмит увлекательнейшее зрелище — сборы женщины на выход.

Но, как и всякое зрелище, оно имеет смысл только тогда, когда у него есть зритель. Говорят, что в отсутствие зрителя женщина собирается на выход гораздо быстрее и спокойнее. Но кто может это подтвердить, если не было зрителя?

Итак, сборы женщины на выход наэлектризовывают весь дом, как атмосферу перед грозой.

Начинается все с решимости женщины «привести в порядок руки».

Напрасны неуклюжие попытки мужчины заверить, что руки у нее и так в полном порядке. Наивны его жалкие намеки на то, что нынче в гостях целовать даме ручки как-то не принято, а в темноте зрительного зала руки и вовсе не видны.

В ответ на все это женщина в лучшем случае лишь глянет на мужчину, как на несмышленища, и промолчит. А в худшем — выскажется. И мужчине лучше не доводить ее до худших высказываний!

Когда с помощью маникюрного прибора и лака для ногтей руки — уже не по намекам мужчины, а по мнению самой женщины — действительно в порядке, наступает момент выбора вечернего туалета.

Вообще-то она еще утром решила, что именно наденет вечером. Но все равно каждый выход в свет — это возможность генерального смотра всего гардероба.

Швыряние из шкафа и в шкаф платьев, юбок, туфель, шляпок сопровождается громкими, непременно доносящимся до слуха мужчины, в какой бы точке квартиры он ни находился, стенаниями по поводу крайней скудости этого набора.

И вновь попытки мужчины намекнуть, что из этого вернисажа можно составить ассортимент небольшого магазина, совершенно бесплодны.

Ибо в данном случае взгляды на один и тот же предмет излагаются по известному принципу относительности: мужчина считает, что у нее ЦЕЛЫХ ДВЕ сумочки к ОДНОМУ платью, а женщина убеждена, что у нее ВСЕГО ОДНО платье к ДВУМ сумочкам.

Наконец, избрав в муках наряд, женщина с вдохновением истинного художника принимается разными подручными средствами «делать лицо».

Процесс этот начинается с долгих пристальных взглядов в зеркало и стонов-причитаний, похожих на скверные стихи: «О боже, что за рожа, на кого я похожа, о боже!»

Все это произносится тем пламенней и чаще, чем женщина прекрасней и моложе. А чем более — с течением жизни — эти восклицания начинают соответствовать действительности, тем они произносятся реже.

Женщины, эти антинаучно-фантастические создания, терпеть не могут ползучий реализм.

Когда наконец щеки женщины обрели нужную бледность или, напротив, чахоточный румянец, а глаза утонули в иссиня-черных мертвецких тенях век и нафабранные ресницы при похлопывании ими стали издавать деревянный перестук, женщина приступает к последним мелочам — кольца, цепочки, браслеты, платочки...

«Где моя вторая клипса? — стонет женщина. — Где она, я тебя спрашиваю?!»

Тут самое неразумное для мужчины возмутиться: почему она спрашивает о своей клипсе у него?

В ответ он узнает, что больше спрашивать не у кого, ибо чей еще пиджак валяется в прихожей, чья еще сорочка найдена под ванной, чьи еще тапочки изъяты из духовки...

Связь между тапочками и клипсой непостижима. Но мужчине лучше ее и не постигать. Ему следует просто упасть на колени или распластаться на животе у ног женщины и молча ползать по полу в поисках клипсы. Пока женщина сама не найдет ее на собственном ухе.

Вообще роль мужчины-зрителя в спектакле «Женщина собирается на выход» довольно сложна. Потому что мужчина не только и не просто зритель, но и активный участник спектакля.

Наименее продуктивна и наиболее смешна роль мужчины-нытика. Наблюдая бесконечные сборы, он лезет на

стены и бьется о них головой, таращится на часы и сует циферблат под нос женщине... Наивный! Он еще не понимает, что любая его двухсекундная реплика вызовет двадцатиминутный монолог женщины, на лишние двадцать минут оттягивающий время выхода.

Ненамного продуктивнее и роль мужчины-ворчуна. Он не торопит женщину, он лишь многозначительно вздыхает и роняет вроде бы куда-то вдаль вроде бы ни к кому не обращенные слова, что вообще-то, по слухам, в гости ходят, чтобы общаться, а не разглядывать туалеты, или — что в театр, говорят, отправляются, чтобы посмотреть представление на сцене, а не глазеть на дам в зале... Тщетно! Его колкости вызывают либо, как и в первом случае, странную отповедь, либо нервное подергивание руки со щеточкой для туши, что приводит к асимметрии очертаний лица. И надо начинать все сначала, а значит, опоздание опять-таки увеличивается.

Поэтому наиболее успешная роль в данном спектакле — это многоопытный мужчина-стоик. Он спокойно покуривает сигарету или играет сам с собой в шахматы. Он смотрит телевизор или говорит по телефону. Он пишет диссертацию или просто считает в уме до тысячи и обратно. Ибо он знает главное: ускорить сборы женщины невозможно. Их можно только удлинить.

Впрочем, эта пассивная роль вполне годится для мужчины, но совершенно не устраивает женщину. Она активно вовлекает его в процесс своих сборов, требуя застегнуть молнию платья или замочек цепочки. А также терроризирует его консультативными вопросами: «Как ты думаешь, сюда идет эта брошка?» или «Глянь, я не слишком накрашена?».

Излишне объяснять, что на первый вопрос следует отвечать кратким и категоричным «да», а на второй — таким же «нет».

Все иные ответы с вводными словами типа «я думаю», «пожалуй», «на мой взгляд» только приведут к очередным переменам украшения или макияжа. И время выхода вновь устремится к бесконечности.

Ну, а когда наконец женщина — полностью готовая к выходу — появляется перед мужчиной, тут уж ему остается сыграть последний всплеск своей роли — восхищение.

И мужчина это старательно играет... Но вдруг начина-

ет ощущать, что, кажется, уже не играет, а действительно чувствует восхищение. И даже восторг.

Более того, мужчина невольно задумывается.

А может быть, и правда все гости сегодня соберутся для встречи именно с ней — такой нарядной и прекрасной?

А может быть, действительно актеры сегодня будут представлять именно для нее — такой молодой и воздушной?

И может быть, то, что они давно опоздали, это ерунда в сравнении с ней — такой нежной и удивительной, как ерунда час опоздания в сравнении с вечностью?

Наконец мужчину поражает совсем уж крамольная мысль: а может быть, женщина так долго и тщательно занималась всем этим вовсе не для себя, а как раз для него?

Мужчина удивляется, мужчина размышляет, мужчина соображает...

А женщина приближается к нему стремительной легкой походкой — абсолютно совершенная и потому вполне умиротворенная — и говорит с мягким укором: «Ну? Я уже давно готова, а ты все еще без галстука!»

ЖЕНЩИНА И СУМОЧКА

«Есть много, друг Горацио, на свете, что непонятно даже мудрецам!» — так говаривал Гамлет, принц Датский.

С тех давних пор появилось немало нового непонятного: загадочная телепатия, таинственная парапсихология, необъяснимые экстрасенсы...

Но и во времена Гамлета, и в дни нынешние не было и нет ничего загадочнее, таинственнее и необъяснимее, чем обыкновенная дамская сумочка.

Действительно, на первый взгляд, обыкновенная: из кожи или пластика, замши или материи, небольшого размера, но чего в ней только нет! Вернее, что там только есть! Помада и расческа, платочек и авторучка, тушь для ресниц и проездной билет, флакончик духов и записная книжка, кошелек с деньгами и квитанция химчистки, пудреница и конфетка, лак для ногтей и ключ от квартиры... Если добавить еще десяток самых неожиданных

предметов и — в пятидесяти случаях из ста — сигареты с зажигалкой, то примерная опись содержимого сумочки современной женщины перед вами.

Но главное — не уложить все это в сумочку. Главное — все это из нее достать.

В сумочке обычно ничего невозможно разглядеть, и поиск в ней ведется на ощупь. Открывая сумочку, женщина заранее не знает, что и когда она там обнаружит. Ибо дамская сумочка живет по своим неведомым законам, куда более загадочным, чем шаровая молния или идолы острова Пасхи.

Вот первый закон сумочки: «ЧТО ИЩЕШЬ, ТО — НА ДНЕ».

Например: если необходима помада, то сверху окажется авторучка, за ней — духи, затем — проездной билет и так далее и тому подобное (список смотри выше). А искомая помада сиротливо обнаружится на самом дне сумочки.

Однако, если ровно через минуту понадобится только что лежавшая сверху авторучка, то на ее месте теперь непременно окажется помада, ниже — сигареты, ниже — ключ от квартиры и так далее (по тому же списку). А искомая авторучка отыщется опять-таки лишь на дне.

Казалось бы, из этого следует практический метод, который порой и применяет отчаявшаяся женщина: чтобы найти что-нибудь в сумочке, надо просто вывалить на стол все содержимое, опрокинув ее вверх дном. По логике, искомый предмет теперь окажется сверху.

Но дамская сумочка не знает логики. Ее первый закон неумолим и необъясним, как черные дыры вселенной: и в этом случае то, что ищешь, все равно окажется не наверху кучки вещей, а снова в самом ее низу.

Ничуть не утешительнее и второй закон сумочки: «НЕ-НУЖНОЕ ВМЕСТО НУЖНОГО».

Например: если требуется лак для ногтей, то первым делом попадаетея, наоборот, ацетон, которым этот лак смывают. Или: необходим проездной билет, а рука упорно натывается на конфетку, за которую никто в метро не пропустит. Или: нужна зажигалка, но в руку сам собой лезет тюбик помады, который хоть и схож по форме, но не даст никакого пламенного содержания. Даже если добывать из него огонь трением.

В общем, второй закон сумочки сравним по загадоч-

ности с филиппинской хирургией, а по зловредности — с законом бутерброда, падающего маслом вниз. Всегда ненужное вместо нужного. И потому так знакомо зрелище бедной женщины, безнадежно копающейся у дверей в поисках ключа или у кассы в поисках кошелька.

Но самый таинственный — третий закон сумочки: **«ЗАКОН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ И ПОЯВЛЕНИЯ МАТЕРИИ»**.

Например: только что, ну просто только что, ну буквально секунду назад в сумочке была расческа, но вот ее уже нет, и найти ее невозможно ни поисками на дне, ни опрокидыванием сумочки вверх дном. Расческа исчезла, улетучилась, растворилась в пространстве!

Обратный пример: уже год, как таким же образом исчезла квитанция обувной мастерской, уже давно написано и заверено во всех инстанциях заявление о пропаже, уже получены по нему отремонтированные и снова требующие ремонта босоножки, как вдруг — через год! — из недр сумочки выпадает эта самая, теперь уже абсолютно ненужная квитанция, когда ищется совсем другая, очень нужная (смотри закон второй) вещь.

Короче говоря, содержимое дамской сумочки живет по своим, неведомым науке и даже лженауке законам.

Оно исчезает и появляется по своей загадочной воле, легко посрамляя известный подобными шутками Бермудский треугольник.

Время от времени женщина пытается навести в сумочке порядок. Выбросить все ненужное, отобрать все необходимое, аккуратно рассортировать его по отделениям и кармашкам.

В этом сказывается отсутствие реализма мышления и присущая женщине наивная вера в чудо.

Но чуда не происходит.

Необходимое по-прежнему исчезает, ненужное все так же лезет на первый план, проходит полдня — и снова все смешалось! Как в доме Облонских. Или при вавилонском смешении языков.

Известно, что женщины чаще... ну как бы это поделikatнее... чаще срываются, взрываются и заводятся. Одни объясняют это стрессами городского транспорта, другие — кухонными перегрузками, третьи — конфронтациями в магазинах.

Но и те, и другие, и третьи не правы.

Причина всему этому одна — все та же сумочка.

Счастье еще, что природа к женщинам более благосклонна и снабдила их защитным механизмом, смягчающим воздействие закономерностей сумочки на нервную систему.

А вот если бы мужчине хоть раз довелось поискать там что-нибудь нужное, он бы тут же легко и непринужденно превратился в нормального психа!

Да, загадочен и таинственен, непредсказуем и необъясним этот феномен — дамская сумочка.

И сравниться с ней по загадочности и таинственности, непредсказуемости и необъяснимости может только ее хозяйка — сама женщина.

ЖЕНЩИНА И РЕВНОСТЬ

Вообще-то все уже давно описано и вполне сформулировано.

Есть, к примеру, в словаре Ожегова формулировка академическая: «Ревность — мучительное сомнение в чьей-то ревности и любви».

А есть у Вильяма Шекспира формула драматическая: «О, ревность, когтистый зверь, скребущий сердце!»

Наконец, есть у Александра Пушкина и формула поэтическая:

*Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.*

Так что вроде бы все, достаточно. Для мужчины. Но не для женщины.

Потому что он и она всегда и во всем — а в ревности тем более — такие разные.

Мужчина бывает в принципе и не ревнив.

Женщина не бывает не ревнива — в принципе.

Мужчина ревнует тех, кого любит.

Женщина ревнует всех.

Женщина может любить мужа, а может и вовсе его не любить, но пусть только этот муж попробует заглядеться на другую женщину — мало ему не покажется!

Женщине может быть совершенно безразличен ее сотрудник, но при виде его внимания к другой, пусть тоже совершенно ей безразличной сотруднице женщина не удержится от ревниво-язвительных реплик.

Женщине абсолютно плевать на случайного соседа по какому-нибудь застолью, но все равно ей абсолютно невыносимо слышать комплименты, которые он отпускает другой случайной соседке.

То есть абсолютно прав был Дюма-сын, сказав: «Ревность — это искусство причинять себе еще больше зла, чем другим».

Вернемся к словарной формулировке про «ревность — мучительные сомнения в верности...» Кстати, любопытно: РеВность — ВеРность, всего две буквы, но от их перестановки, в отличие от перестановки мест слагаемых, сумма очень даже изменяется. Но я о другом — о том, что если совсем откровенно, то суть «мучительных сомнений» женщины не столько в хранении верности, сколько в сохранении собственности.

Малые дети, которые, жутко ревнуя все подряд — маму, папу, кошку, игрушку, плачут: «Это МОЯ мама! Это МОЯ игрушка!»

Вот и для женщины не столь важно, любим или не любим предмет ее ревности, сколь важно, что это — ЕЕ предмет. И потому — руки прочь от МОЕГО!

«Ревность — разновидность чувства собственности», — справедливо считал Поль Лафарг.

Сказав о том, кого ревнуют, не умолчим и о том, к кому ревнуют.

Мужчина ревнует только к другому мужчине или, как острят про совсем безумных ревнивцев, к любому телеграфному столбу.

А женщина ревнует не только к другой женщине, но и к мужчине, и к тому же столбу, и еще ко множеству объектов — как одушевленных, так и совершенно неодушевленных.

Она ревнует к друзьям мужчины: «Эти алкаши тебе дороже меня!»

Она ревнует к хоккею: «Эта паршивая шайба у тебя вместо сердца!»

Она ревнует к собаке: «Скоро ты и в постель уляжешься с этой таксой!»

Обо всем этом заявила со знанием дела французская женщина Мадлен де Скюдери: «Ревность всегда находит больше, чем ищет».

Мужчина ревнует по вполне конкретному, пусть иногда и ошибочному, поводу.

Женщина ревнует и по конкретному, и по абстрактному, и по вообще фантастическому, то есть порожденному ее неумейной фантазией, поводу.

Стоит мужчине просто глянуть на встречную женщину, стоит мужчине только заметить симпатичную теледикторшу, стоит мужчине лишь улыбнуться продавщице... Нет, всего этого мужчине делать не стоит!

Пример. Мужчина на концерте певицы восхищается: «Какое у нее роскошное контральто!» Женщина возмущается: «Людей бы постыдился, развратник!» Это анекдот — не про дремучую некультурность, нет, это — про дикую женскую ревность.

И так всю дорогу в этом вопросе у женщины и мужчины — сплошные недоразумения и недопонимания.

«Я видела, как ты на нее смотрел!» — заявляет женщина.

А мужчина недоумевает: ну как уж так он смотрел, обычно смотрел, глазами...

«Я знаю, что у тебя на уме!» — стонет женщина.

А мужчина не понимает: ну что уж такого у него на уме, ничего у него такого на уме нет, кроме самого ума...

«Я чувствую, что у тебя с ней!» — рыдает женщина.

А мужчина не соображает: ну что уж такого у него с ней, ничего у него с ней такого, чего бы хотелось...

В общем, как писал Михаил Лермонтов: «Все ясно ревности — а доказательств нет!»

Но женщине и не особо нужны доказательства. Не будем недоумками и признаем: да, женщина кое-что видит, многое знает и еще больше чувствует. Это чертовое чутье у женщины не отнять. Хотя, конечно, надо бы.

Впрочем, это женское достоинство порой оборачивается недостатком, играющим с самой женщиной злую шутку. Ведь мужчина — существо такое доверчивое, так легко внушаемое. И когда женщина проницательно талдычит ему, что он уделяет особое внимание какой-то даме, мужчина покорно задумывается: а может быть, мудрая женщина права, и может быть, та дама и впрямь за-

служивает его внимания, и может быть, надо это внимание ей уделить... И уделяет.

Великий Сааведра Мигель де Сервантес не только написал роман «Дон Кихот», но и высказал такую мудрейшую мысль: «Ревнивцы вечно смотрят в подзорную трубу, которая вещи малые превращает в большие, карликов — в гигантов, догадки — в истину».

Конечно, ревность ревности — рознь.

Ревнуя просто сослуживца, женщина ограничится уничтожительными колкостями.

Ревнуя мужчину к рыбалке, она обойдется несмертельным скандалом.

Ревнуя к соседке по коммунальной квартире, она расщедрится на пакет соли в соседкин борщ.

Но уж зато ревность к настоящей похитительнице действительно любимого мужчины может взорваться как угодно: от тихих слез и громких истерик до трагического решения взять и покончить — или с собой, или с соперницей, или, что гораздо разумнее, с коварным изменщиком.

При этом в защиту женщины — а я всегда отважно выступаю в защиту этого беззащитного создания — следует признать: если уж она идет на трагическую акцию, то лишь по неопровержимому факту измены.

Да, нигде — ни в искусстве, ни в жизни — не найдем мы случая, когда бы женщина вершила свое правосудие, не имея стопроцентной убежденности в реальном существовании повода для ревности.

В отличие от того, как поступил свирепый мавр Отелло с невинной голубкой Дездемоной.

Но что с этого Отелло взять: беда ведь не в том, что — мавр, а в том, что — мужик.

ЖЕНЩИНА И ГЕОГРАФИЯ

Удивительно, но тему для этих размышлений мне подарила женщина.

«Ты уже много чего про нас написал, так напиши еще про женский топографический кретинизм!» — сказала она.

И засмеялась.

Это меня удивило еще больше: обычно женщина свои недостатки скрывает или хотя бы стесняется их, а вот в топографическом кретинизме она почему-то признается чуть ли не с гордостью.

Женщина может рыдать из-за какой-нибудь ерунды вроде недобора внимания от любимого или перебора килограммов на талии, но про действительно серьезную проблему — свой географический дебилизм — женщина почему-то говорит со смешком.

А мужчине не до смеха. Мужчина при виде женщины, заблудившейся в трех соснах, приходит в ярость.

Ну хорошо, ну давайте без ярости, давайте спокойно разберемся, как такое возможно в природе: женщина выходит из пункта А по прямой в пункт Б, а оказывается на кривой в пункте С?!

Науке известны география физическая и география экономическая, география почв и география растений... Но никакой науке не известна и никаким законам не подвластна женская география.

Помню, в городе Нью-Йорке дамская половина нашей киноделегации категорически отказывалась верить, что ее мужская половина попала сюда впервые. «Какое впервые? — возмущались женщины. — Вы тут ни разу не заблудились!»

И бесполезны были все попытки втолковать им, что заблудиться в Нью-Йорке невозможно: слева направо — стриты, сверху вниз — авеню. «Что вы нам малюете дурацкие квадратики? — еще больше возмущались женщины. — Они же на асфальте не нарисованы!»

Так же бесполезны попытки мужчины описать женщине какой-нибудь маршрут передвижения.

— Пойдешь по этой улице и свернешь на третьем перекрестке, — поясняет мужчина.

— Какой перекресток? — недоумевает женщина. — Все перекрестки одинаковые!

Мужчина не сдается:

— Этот перекресток регулируемый, на нем светофор.

Но не сдается и женщина:

— А что — светофор? Все светофоры тоже одинаковые!

Мужчина тихо свирепеет:

— Нет! Перекрестки разные, и светофоры разные, и еще там на углу в будке милиционер!

Женщина тоже накаляется:

— Что ты несешь! Милиционеры-то уж точно все одинаковые!

Бессердечные мужчины (хотя таковые среди нас почти не встречаются) любят иной раз покуражиться над бедной женщиной. Выходят с ней, к примеру, из гостиницы, а шагов через десять на шаг отстают и делают еще шаг в сторону — за дерево. И наблюдают, как женщина, продолжая себе доверчиво идти и беспечно щебетать, вдруг останавливается на полушаге и умолкает на полуслове, обнаружив отсутствие спутника.

Она испуганно озирается глазами, полными отчаяния и незащитности, как у потерявшегося ребенка или у брошенной собачонки.

И мужчине надо быть просто безжалостным истуканом (а таких среди нас практически нет), чтобы при виде этих затравленных глаз не вернуться к женщине со спасительной улыбкой: «Дорогая, ты что, немножко заблудилась? Вот же наш отель — в двух шагах!»

Я долго пытался раскрыть секрет отношений женщины с топографией. И кажется, совершил открытие, достойное Джордано Бруно (только не надо оваций и праздничного костра).

Дело в том, что в топографии для координации пунктов на местности выбирается так называемая центральная привязка — ну, скажем, аптека, и к ней мысленно привязывается все остальное: справа — почта, слева — магазин, прямо — школа... Все предельно ясно. Мужчине.

А женщине — непостижимо.

Потому что, если для всех центром солнечной системы является солнце, то для женщины и центром солнечной системы, и пупом всей вселенной является сама женщина. А значит, ни на какой местности не может быть никакой центральной привязки, кроме самой женщины.

Вот она и бродит вокруг этого пупа вселенной — то есть себя самой, не находя выхода из замкнутого круга.

Впрочем, все вышесказанное касается всех женщин, кроме жен.

Один личный пример. Когда моя жена улетала по инженерным делам в Якутию, я прощался с ней особенно те-

пло, не очень рассчитывая увидиться снова: ведь мало того, что для женщины все перекрестки и все светофоры одинаковые, так еще же и все якуты на одно лицо!

Однако жена вернулась домой в положенный срок, выполнив командировочное задание и благополучно найдя все необходимое — и гостиницу, и завод, и аэропорт... «Но как?! — воскликнул я. — Ты ведь с трудом находишь дорогу от нашего дома до гастронома!»

И жена ответила: «Элементарно! Я же везде и всюду хожу только за тобой, как привязанная, на автопилоте. А там пришлось передвигаться самостоятельно. Так что я, по-твоему, дура?!»

Нет, по-моему, моя жена, как и все прочие жены, далеко не дура.

И я занял ваше внимание своей частной историей только для общего вывода.

Если какой-нибудь мужчина (хотя нам подобное коварство абсолютно не свойственно), но все-таки если мужчина, понадеявшись на топографический кретинизм жены, захочет ее навек потерять, бросив одну в бесконечном городе или даже в бескрайней пустыне, то уверяю вас: в результате кретином окажется он сам.

Ибо, оставшись одна, женщина мобилизуется, найдет-ся и вернется.

Если, конечно, ей этого захочется.

В общем, все — как в известном анекдоте.

Мужчина, у которого умерла супруга, жалуется другому мужчине: «Как это тяжело — потерять жену!»

А другой, не зная про горе первого, вздыхает о своем: «Да-да, потерять жену практически невозможно!»

ЖЕНЩИНА И ВОЗРАСТ

В давние благословенные времена на солнечной Пицунде в нашем Доме творчества кинематографистов отдыхали Владимир Высоцкий, Марина Влади и ее восьмилетний французский сын Владимир (ударение на последнем «и»).

Роман барда с актрисой был в самом разгаре, и кинематографическим дамам было ужасно любопытно все.

А особенно любопытствовали они насчет возраста великолепно выглядевшей Марины.

Однако спросить напрямую дамы, естественно, не решились, и они попробовали традиционно подъехать на кривой козе с вопросом, сколько лет маме, к ее ребенку.

И тут я увидел, как мальчишка гневно вскочил и на ломаном, но внятном русском закричал: «Это не можно сказать! Никогда не можно спросить, сколько лет женщина!»

Несмотря на прокол своего хитроумного замысла, наши дамы были в полном восторге: вот настоящий француз, вот наследник всех д'артаньянов, вот истинный джентльмен, усвоивший с младых ногтей, что возраст женщины — это табу, это секрет, почище всех государственных секретов, это тайна, покруче любой военной тайны!

Дамы восторгались, а я искренне не понимал: почему, собственно, нельзя спросить женщину, сколько ей лет?

Ну хорошо, ну допустим, в каких-то уж вовсе преклонных годах даже мужчине не хочется лишний раз вспоминать эти годы.

Но почему женщина даже в молодые и прекрасные тридцать лет радостно сияет, когда ей дают двадцать восемь? И почему в двадцать восемь она счастливо тает, если ей дают двадцать пять?

Короче говоря, почему всю свою — порой долгую и счастливую — жизнь героическая женщина ведет титаническую борьбу за сохранение великой тайны своего возраста?

Для этой борьбы она использует косметику и одежду, диеты и массажи, пластические операции и сеансы магии, подчистку документов и маленькие хитрости.

Например, женщина не хочет, чтобы ее называли по отчеству. Потому что она всерьез убеждена, что ее старит именно эта приставочка — «Ивановна», «Яновна», «Тиграновна».

Или, к примеру, я млею от умиления, когда мой внук кричит мне по телефону: «Привет, дед!», а мои знакомые дамы шарахаются, как черт от ладана, при обращении «бабушка».

И бедные их внуки вынуждены называть этих почтенных матрон просто по именам. Хорошо еще, если — Таня или Катя, а то и вовсе какая-нибудь Ляля или Мура.

А еще женщины — всегда «девочки». Так они именуют друг дружку независимо от возраста.

Забавно слышать, как где-нибудь в магазине, редакции, парикмахерской или другом дамском коллективе перекликаются труженицы зрелых лет: «Девочки, третья касса за молоко не выбивает!», «Девочки, макет должен быть готов завтра!», «У кого мой фен, девочки?».

И свои дамские междусобойчики женщина — опять же независимо от возраста — именует «девичниками».

Правда, аналогичные мужские компании женщина тоже устаивает звания «мальчишник».

Но я, честно говоря, не слышал такой формулировки из уст самих мужчин.

Так что это тоже чисто дамская уловка: если мужчина — «мальчик», то и женщина, хочешь не хочешь, — «девочка».

Кроме того, женщина по своей натуре противник любой четкости, точности, конкретных цифр. И уж тем более она их яростный враг, когда речь заходит о прожитых годах. Уходя от конкретики, женщина изобретает туманные иносказания: «цветущий возраст», «бальзаковский возраст», «возраст элегантности»...

Впрочем, иногда женщина все-таки высказывает более определенные, хотя и совершенно различные, точки зрения на возрастной идеал.

Одна печалится: «В жизни раз бывает восемнадцать лет!»

Другая бодрится: «В сорок пять — баба ягодка опять!»

Третья веселится: «Вот уже десять лет, как мне тридцать!»

А известная актриса Стелла Патрик Кэмпбелл в переписке с не менее известным Бернардом Шоу сообщает: «Мне всего тридцать девять лет и ни на один день больше! Конечно, у меня есть дочь двадцати восьми лет от роду, ну и что? В Индии это никого бы не удивило».

Совершенно не понимаю, при чем здесь Индия.

Но хорошо понимаю, что наличие детей, конечно, может даму подвести.

Однако женщины и в этом вопросе категоричны. Английская виконтесса Нэнси Астор заявила: «Я никогда не сознаюсь, что мне уже пятьдесят два, даже если придется признать моего сына незаконнорожденным!»

В общем, размышлял я, размышлял над вопросом, почему женщину нельзя спрашивать о ее возрасте, а потом вспомнил давний фильм «Чужие письма».

Там героиня-учительница мучилась вопросом, как объяснить ученикам, что чужие письма ни в коем случае нельзя читать.

Наконец в финале эта молодая учительница пришла к своей старой учительнице и спросила: ну как им это объяснить, ну как? А мудрая старушка ответила: никак. Никак не надо объяснять, почему нельзя читать чужие письма, просто нельзя — и все.

Так вот, наверно, и с вопросом, сколько лет женщине, то же самое: нельзя этот вопрос задавать — и все.

А самое главное, задавай — не задавай, все равно истину не узнаешь.

Я в жизни не слышал ничего более жуткого, чем то, что сказала польская художница, ну, правда, еще и юмористка, Янина Ипохорская: «Чтобы узнать мой возраст, вам придется меня распилить и сосчитать слои!»

Так что надо просто смириться с тем, что у женщины бывает только три возраста: молодость, зрелость и «как вы хорошо выглядите».

И пусть милые женщины радуются жизни, повторяя вслед за американской сценаристкой Бетти Дэйвис: «Мои ровесницы так быстро стареют, что просто приятно смотреть!»

А глупые мужики пусть распевают свою дурацкую песню: «Мои года — мое богатство!»

ЖЕНЩИНА И ТЕХНИКА

Широко распространено мнение, что женщина относится к технике, как к некой враждебной и непонятной силе.

Однако мнение это распространено хотя и широко, но неверно.

Точнее, техника, конечно, женщине непонятна — да. Но она ей не враждебна — нет.

Скорее, наоборот, женщина к технике относится ласково, как к домашним животным.

Женщина называет какую-нибудь кнопку — «пипоч-

кой», рукоятку — «рогулечкой», колесо — «крутяшечкой», а технический агрегат в целом — «штучкой».

Женщина изъясняется примерно так: «Все очень просто — нажимаешь на эту пипочку, потом дергаешь за эту рогулечку, поворачиваешь эту крутяшечку — и эта штучка как задырдычит!»

Причем подобная инструкция по эксплуатации может относиться в равной степени и к электромясорубке, и к синхрофазотрону.

С такой же равной степенью отваги женщина приступает и к работе — хоть на синхрофазотроне, хоть на электромясорубке.

Поэтому я убежденно отвергаю и другое, тоже широко распространенное мнение, что женщина боится техники.

Женщина вообще ничего не боится. Кроме мышей.

А технику женщина не боится совершенно.

Разве что чуть-чуть побаивается.

И для поддержания своего имиджа неземного и непрактичного создания женщина вначале обязана немного поойкать: «Ой, что это за штучка? Ой, а как она работает? Ой, я этого не смогу!»

Не обращайтесь внимания — еще как сможет.

После ритуального ойканья женщина решительно берется за дело — включает, переключает, врубает, разгоняет, останавливает и запускает вновь... Пока эта «штучка» не сгорит к чертовой бабушке!

Вообще-то у каждой серьезной технической конструкции есть так называемая «защита от дурака». Если какой-нибудь уж абсолютно технически неграмотный клиент нажмет не на ту кнопку или рванет не ту рукоятку, срабатывает система блокировки, предохраняющая от разрушения всю конструкцию.

Но «защита от дурака» не является защитой от женщины. Потому что женщина — не дура. Будьте уверены, женщина найдет и нажмет ту единственную «пипочку», женщина отыщет и рванет ту единственную «рогулечку», против которой всякая защита бессильна!

Любознательный мужчина как в детстве начал курочить по винтикам свои игрушки, интересуясь, что там у них внутри, так и во взрослом состоянии не просто работает с техникой, но и старается докопаться, на каких именно принципах она работает.

А женщина, ну кроме редких садисток, и в детстве не препарировала внутренности своих кукол, и в зрелые годы только пользуется техникой, но совершенно не понимает и понимать не желает, как она там внутри функционирует.

Например, на вопрос, знает ли она, как работает трансформатор, женщина удивленно отвечает: «Кто же этого не знает? Трансформатор работает так: у-у-у!» И долго гудит, имитируя гудение трансформатора.

Женщине свойственно по-язычески одушевлять и обожествлять могучие и загадочные силы природы, таинственные явления и предметы.

Женщина может побеседовать с солнцем, умоляя его наконец согреть землю, или поговорить с дождем, призывая его больше эту землю не увлажнять.

Точно так же она любит и потолковать с различными объектами техники.

Я был свидетелем, как одна женщина внушала электрочайнику: «Давай закипай! Уснул ты, что ли?», другая — уговаривала швейную машинку: «Ну, миленькая, что ты застряла, ну строчи, пожалуйста, строчи!», а третья — грозила компьютеру: «Кончай свои глюки! Если ты выкинешь еще один фокус, я выкину тебя!»

И что самое поразительное — после женской беседы чайник закипал, машинка строчила, а напуганный компьютер начинал работать как часы.

Так что когда ранним утречком женщина быстренько выгружает хрустящую картошечку из кипящей фритюрницы, достает пышный омлет из микроволновой печи, снимает румяные сосиски с электрогриля, выхватывает поджаристые ломтики хлеба из тостера, превращает апельсин в апельсиновый сок соковыжималкой — и все, все, все это подает мужчине на завтрак, да еще попутно успевает пройтись по ковру с пылесосом, загрузить белье в стиральную машину, а посуду — в посудомоечную, то мужчина начинает задумываться: а может, это вовсе и не важно, что женщина ничего не смыслит в технике и даже ее побаивается?

Не беда, думает мужчина, пусть себе боится.

Главное: глаза — бояться, руки — делают!

ЖЕНЩИНА И ЛОЖЬ

Считатели моих скромных заметок, наверно, обратили внимание на то, что я, не слишком полагаясь на собственный опыт и умственные способности, подкрепляю свои незрелые размышления глубокими мыслями классиков.

А на этот раз я вообще решил сразу припасть к самому авторитетному и неиссякаемому источнику — народной мудрости.

Итак, сборник «Все от женщины на свете», раздел «Народная мудрость», страница 54, цитирую: «Женщины лгут, даже когда молчат».

Этой цитатой я подстраховываю себя, приступая к рассуждениям на столь непростую тему. Потому что лично я ведь могу и ошибиться. А народ ошибаться не может.

Так вот, это его — народная — мудрость гласит, что женщины лгут, даже когда они молчат.

А уж когда женщина заговорит...

Нет, будучи, как обычно, кристально объективным, я не могу не признать, что и мужчина тоже порой, случается, иногда приврет.

Однако мужчина и женщина лгут совершенно по-разному.

Мужчина врет скучно и прямолинейно, используя убого-примитивный набор вариаций.

А женщина лжет вдохновенно, она сочиняет целые мыльные сериалы.

То есть мужское вранье — результат логики, а женская ложь — произведение фантастики.

Еще одно принципиальное различие.

Мужчина врет и знает, что он врет.

А женщина поначалу тоже, естественно, знает, что она лжет, но затем — в процессе сочинения — она начинает сама совершенно искренне верить в свою ложь. (Марк Твен тонко заметил: «Кто не способен обмануть самого себя, то едва ли сможет обмануть других»).

Один из самых сильных приемов женщины — не лгать что-то новое, а отрицать уже солганное. «Что?! Я такое говорила? Да никогда в жизни я не говорила такого!»

Все попытки ошарашенного мужчины доказать, что она не то что «никогда в жизни», а вот только что, буквально

но секунду назад это сказала, не приводят ровным счетом ни к чему.

Одаренная женщина может даже вызвать у мужчины ощущение галлюцинации: он уже и сам начинает сомневаться, а не причудились ли ему ее слова.

Этот момент расслабления мужчины весьма благоприятен для женщины: она легко может втюрить в его беспомощные мозги сколь угодно бредовую информацию.

Мужчина, пойманный на вранье, чаще всего сразу признается.

А женщина, уличенная в одной лжи, тут же городит новые сорок бочек арестантов. (Польская журналистка Ванда Блоньская сказал со знанием дела: «Солгать раз легко, но трудно солгать только раз».)

И потому мужчину в общем-то можно разоблачить.

Женщину — практически ни за что.

Вот, например, мужчина сообщает: «Задержался на работе, было собрание».

Женщина отвечает: «Я звонила к тебе на работу, никакого собрания не было».

И все. И спекся мужчина.

Но — не женщина.

Начнем с того же: она сообщает, что на работе было собрание.

Он отвечает, что звонил на работу — собрания там не было.

А на какую работу он звонил, уточняет она, ведь у нее же есть еще одна работа на полставки.

Выясняется, что он звонил и туда, но там тоже не было ни ее, ни собрания.

Ах, он звонил и туда? А по какому, интересно, номеру?

Он сообщает — по какому.

Она подтверждает, что номер правильный. Но предполагает, что он его неправильно набрал.

Он заверяет, что набрал правильно и ему подтвердили, что и телефон тот, и работа именно та — на полставки, но ни ее, ни собрания все-таки там не было.

И тут — следите за рукой! — женщина стремительно производит виртуозную подмену предмета разговора. А зачем, собственно, он туда звонил? Он что, следит за ней? Он за ней шпионит?!

И диалог поворачивает в совсем иное русло, и мужчи-

на не успевает не то что сообразить, но даже глазом моргнуть, как уже не женщина перед ним, а он перед женщиной оправдывается и даже просит у нее прощения.

Вышеупомянутый Марк Твен писал: «Ложь обойдет полсвета прежде, чем правда успеет надеть ботинки».

Продолжая эту мысль американского коллеги и опровергая популярную формулу «У лжи короткие ноги», Эдуардо де Филиппо написал пьесу «Ложь на длинных ногах».

Отгадайте с одного раза, чьи именно длинные ноги имел в виду итальянский комедиограф?

Впрочем, все-таки есть, бывают моменты, когда мужчина испытывает некое двойственное отношение к исследуемой проблеме. Это когда женщина говорит: «Ты самый умный!» Когда она шепчет: «Ты самый нежный!» Когда она утверждает: «Ты самый-самый лучший!»

С одной стороны, и в эти минуты мужчина, конечно, догадывается, что женщина где-то в чем-то явно загибает.

Но с другой стороны, она делает это как-то уж очень достоверно. Как-то так убедительно. Как-то здорово похоже на правду.

И мужчина — существо в целом доверчивое — готов простить женщине эту маленькую ложь.

Более того, он даже готов в эту ложь поверить.

Ибо сказал поэт: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман!»

ЖЕНЩИНА И ЧУДОВИЩЕ

Эту зарубежную историю про красавицу и чудовище (русский вариант — про аленький цветочек) знают все с детства. Читали, слышали, смотрели кино.

Ну а тем, кто не слышал, не читал и не смотрел, изложу кратко.

В этой истории красавица повстречала дикое чудовище, от которого всякий бы только шарахнулся.

Но красавица не только не шарахнулась, а, напротив, проявила добро и ласку, преданность и верность.

В результате чего это жуткое создание оборотилось прекрасным принцем.

И дело даже не в том, что принцем, а самое главное — чудовище превратилось в человека.

Казалось бы, даже не слишком сообразительная женщина должна была соображать, что эта задача в принципе невыполнима, что невозможно сотворить, извините, из дерьма конфетку.

Но женщина ничего не соображала и соображать не желала.

Она просто полагала, что это чудовище — не такое уж чудовище, что его заколдовала злая волшебница (возможно — предыдущая женщина), а на любое колдовство можно найти встречные чары.

Ладно, пусть эта история — из сказки. А вот вам — из жизни. Точнее — из телевизора. В студии при немалом скоплении народа в железной клетке сидит обнаженное, в одной набедренной повязке, чудовище. Оно воеет, лает, рычит и даже пытается укусь за ногу человека.

Но любопытно не это — мало ли в жизни психов. Нет, любопытно совсем другое — тут же за столиком сидит вполне миловидная женщина, оказывающаяся женой этого чудовища. И она объясняет, что оно... то есть он... короче, ее муж — вовсе не псих и никакое не чудовище, а талантливый художник. Который в этой железной клетке объездил голышом полсвета, демонстрируя таким образом свободу человеческой личности.

Это вроде бы частный случай. Но это и всеобщая картина.

Каждая женщина где-то красавица, а каждый мужчина в чем-то чудовище (хотя, напоминая, возможно, и без вины виноватое — это все происки злой волшебницы).

И вот, каждая красавица стремится превратить каждое чудовище в человека.

Правда, в русской народной сказке изложен и обратный вариант: благодаря мужчине-царевичу пучеглазая лягушка превратилась в царевну.

Но, во-первых, эта сказка — наша, русская, то есть ни на что в мире не похожая.

И, во-вторых, царевич все совершил случайно, скорее по недомыслию, нежели сознательно обращая болотное чудище в красавицу.

А вот женщина эту процедуру очеловечения соверша-

ет осознанно и целеустремленно, искренне веруя в ее возможность.

Впрочем, может быть, это тоже всего лишь ни на что в мире не похожая, наша, российская, такая уж на женском роду написанность?

Ведь, скажем, парижская красотка Эсмеральда и не думала отдавать душу чудищу Квазимодо, а страдала по красавицу-подлецу Фебу.

Я знаю, да и вы наверняка знаете, что множество симпатичных славных душевных женщин — одиноки.

Но я не знаю, да и вряд ли знаете вы хоть одного алкаша, бомжа, бандита или иного морального уроды, у которого бы не было пусть не жены, так хоть какой никакой подружки жизни.

И эта жена или подружка твердо верит и надеется, что ее чудище рано или поздно станет человеком.

Только ни в коем случае нельзя сужать наши размышления до алкашей и бомжей.

Неисчислимы вполне респектабельные, хорошо одетые и неплохо зарабатывающие чудовища, которым ни в жизнь не стать бы людьми, не будь рядом с ними готовой на подвиг их преображения женщины.

Кстати, заметим, что далеко не все чудовища мечтают, да и просто согласны стать людьми. Многих их них вполне устраивает своя чудовищная жизнь. И они сопротивляются борьбе женщины за изменение их жизни, надеясь, что она поборется-поборется, да и успокоится.

Однако это их чудовищное заблуждение.

Если уж женщина за что-то возьмется, она своего достигнет.

Ей говорят: брось, он же просто последняя пьянь...

Но женщина отвечает: а знаете, какая у него после опохмелки хорошая улыбка!

Ей говорят: плюнь, он же просто последний душегуб...

Но женщина отвечает: а знаете, как он обожает птичек!

Ей говорят: забудь, он же просто последний тунеядец...

Но женщина отвечает: а знаете, какой у него гениальный замысел романа!

Эта святая вера женщины в то, что любое чудовище

может стать человеком, потрясает своей необъяснимостью.

Нет, конечно, имеется популярное объяснение насчет того, что любовь зла — полюбишь и... Но не до такой же степени!

В общем, я пытаюсь — уже в который раз — постичь очередную тайну женской души. И не могу — тоже в который уже раз — ее постичь.

Наверное, эта великая тайна известна лишь самим женщинам.

Возможно, эту тайну знает, например, моя жена. Которая беззаветно и бессмысленно вот уже сорок лет пытается превратить в человека одно чудовище...

ЖЕНЩИНА И КАПРИЗ

Как все-таки выручают нас классики!

У них припасены классические мысли и мудрые высказывания на все случаи и по любому поводу. Жизнь и смерть, война и мир, мужчина и женщина...

Последняя тема освещена классиками особенно подробно и разнообразно. Что неудивительно — ведь и сами классики так или иначе являются мужчинами или женщинами, и третьего тут не дано.

Потому-то они весьма активно и размышляли, и высказывались по самым общим и очень частным вопросам взаимоотношений обоих полов.

Возьмем, например, такое явление, как женский каприз.

Казалось бы, об этом не то что размышлять, а даже вспоминать страшно.

Но нет, бесстрашные классики не обошли своим вниманием и эту тему.

Николай Васильевич Гоголь высказался так: «Если уж один бессмысленный каприз красавицы бывал причиною переворотов всемирных и заставлял делать глупости умнейших людей, что было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру».

Размечтался классик!

Как это женский каприз может быть «осмыслен»?

Весь суть каприза — в его бессмысленности.

А если бы в нем был хоть какой-то смысл, то это уже был бы не каприз, а осмысленное желание.

Суть женского каприза исчерпывающе сформулирована русским фольклором: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!»

А в зарубежной литературе ярчайшая иллюстрация — известная новелла О'Генри про то, как молодая жена сказала Малышу Мак-Гарри: «Милый, я, пожалуй, съела бы персик», и хотя для персиков был совсем не сезон, но Малыш прочесал за ночь все овощные палатки и магазины Манхэттена, и везде ему предлагали апельсины, но ему были нужны персики, и тогда он навел полицию на подпольный притон и получил свои синяки и шишки в битве с бандитами, и шикарный стол притона опять-таки был завален апельсинами, но Малыш все же отыскал под столом один-единственный персик и принес его молодой жене, и...

— Гадкий мальчик! — влюбленно проворковала она. — Разве я просила персик? Я бы гораздо охотнее съела апельсин.

Ни у О'Генри не было, ни у меня нет слов, чтобы прокомментировать этот апофеоз бессмысленности женского каприза!

А ведь, вообще-то, у нас равные стартовые условия: все дети изначально капризны.

Но потом мальчики вырастают в мужчин и перестают капризничать.

А девочки, вырастая в женщин, не только не перестают, но капризничают еще больше.

На мой взгляд, это потому, что женщине в принципе не хочется взрослеть и стареть, а мечтается вечно оставаться маленькой славенькой девочкой.

Тут самое время проявить мою широко известную объективность и признать, что мужчина — не ангел и тоже бывает капризен.

Но, во-первых, это исключение.

А во-вторых, про такого мужчину все равно говорят: «Капризный, как женщина!»

Исходя из приведенной выше мысли Гоголя о том, что женский каприз «заставлял делать глупости умнейших людей», следует признать: каприз женщины — это нелегкий тест для мужчины.

Одни мужики действительно готовы, подобно Малышу Мак-Гарри, исполнять любые женские капризы. Что не очень разумно. Ибо исполнить все капризы женщины невозможно — они нарастают бесконечно, как снежный ком.

Другие, напротив, категорически отвергают все, даже самые безобидные и легко исполнимые женские капризы. Что тоже не слишком разумно. Ибо женщина, лишенная хотя бы мелких капризов, способна закапризничать по-крупному, так что мужчине мало не покажется.

Третьи — наивные — пытаются на полном серьезе объяснить женщине нелепость ее капризов. Что уж вовсе неразумно. Ибо женщина и безо всяких объяснений мужчины прекрасно осознает бред своих капризов. В чем и заключается для нее их прелесть.

И наконец, лишь отдельные мужики, которых, увы, не так много, поступают толково: с одной стороны, соглашались с правом женщины на каприз, но, с другой стороны, не собираются никакие капризы исполнять.

Это высший пилотаж — мастерски увиливать, откладывать, клясться, что забыл, божиться, что теперь-то уж вспомнил... Короче говоря, тянуть время, пока капризное желание — обычно внезапное, спонтанное и потому все-таки временное — не зачихнет само собой.

Согласно словарю Ожегова, каприз — это «мелкая прихоть, причуда». А в свою очередь прихоть — это «капризное желание, причуда». А причуда — это «странный каприз». То есть получается замкнутый круг, из которого мужчине выбраться без потерь невозможно.

Вопрос лишь в количестве и качестве этих потерь.

Таким образом, задача мужчины опасна и трудна: стоически выслушать очередной безумный каприз женщины, героически удержаться и не дать ей за него в лоб, патетически пообещать этот каприз исполнить — и как можно скорее свое обещание забыть.

А задача женщины гораздо проще и приятней — добиться своего, да еще так, чтобы в конце концов обалдевший мужчина, сам того не осознавая, пропел ей хриловато-мужественным баритоном Александра Розенбаума:

*Не уходи, побудь со мной,
Ты — мой каприз!*

ЖЕНЩИНА И МОДА

Мода — безжалостный и ненасытный Молох, которому женщина готова принести в жертву все.

Прежде всего, следование моде — это ощутимый удар по карману.

Вспомним хотя бы ильфо-петровскую людоедку Эллочку и ее соревнование не на жизнь, а на смерть по части нарядов с заокеанской Вандербильдихой, итогом которого был полный крах скромного состояния инженера Щукина.

Впрочем, мода запросто погубит любой бюджет — хоть инженера, хоть миллионера.

Разница лишь в том, что в угоду моде инженерша меняет майки и клипсы, а миллионерша — шубы и автомобили.

Но в конце концов, дело даже не в деньгах.

Самое забавное: следуя моде, чтобы эффектно выделиться, женщины надевают практически одно и то же, в результате чего становятся похожими, словно из одного инкубатора.

И все равно я не берусь сказать, чего женщина боится больше — выглядеть старой или старомодной.

Американский писатель Генри Торо, почему-то проживавший отшельником в лесах, высказался ехидно: «Главная обезьяна в Париже натягивает на себя новую шляпу — и обезьяны всего мира делают то же самое».

Быстро-быстро, пока женщины не успели оскорбиться, замечу, что слова американца адресованы не только женщинам — ведь обезьяна существо двуполое.

Да, чего скрывать, и мы — мужики — тоже следуем велениям моды. Чай, не в лаптях ходим и не веревкой подпоясываемся!

Однако степень покорности моде мужчины и женщины несравнимы. Как в принципе несравним накал мужского и женского восприятия всех прочих явлений жизни. Женщина и в моде куда неистовей, неукротимей и безоглядней.

Фридрих Ницше заметил: «Самые застенчивые девушки являются в полуобнаженном виде, если того требует мода, и даже увядшие женщины не отваживаются вос-

противиться этому, как бы умны и хороши ни были они в других отношениях».

Ну, на Ницше тоже обижаться не стоит — он не жаловал не только женщин, но и всех людей. Кроме сверхчеловеков.

А вот кто-то из моих коллег-юмористов славно описал начальника, который уволил секретаршу с дивной формулировкой: «За ношение мини-юбки без должных на то оснований».

Боже, сколько мы наблюдаем — не то что без должных, но и вообще безо всяких оснований — мини, бикини, декольте...

Замечу общеизвестное: мода ходит по кругу. Время от времени возвращаются бабушкины рюшечки и оборочки.

Так что женщина могла бы и не мчаться за модой впереди паровоза, а спокойноенько пересидеть, пока старая мода совершит круг и опять станет новой. Согласитесь, что это разумно.

Но где — разум, а где — женщина?

Однако я как-то заикнулся на одежде, в то время как мода — гораздо шире. Мода на прически и рестораны, мода на мебель и курорты, мода на мысли и вещи...

Та же незабвенная Эллочка отдала коварному Бендеру драгоценный стул и готова была отдать вообще что угодно за чайное ситечко, модное «в лучших домах Филадельфии».

Более того, женщина додумалась даже до моды на фигуру. Вспомните английскую модель Твигги: женщина-подросток плоско, извините, грудая и тоще, простите, задая.

Миллионы женщин планеты положили жизнь и здоровье на диеты, аэробики и даже хирургию, лишь бы подогнать свои параметры под модно-бухенвальдскую фигуру.

При этом любопытно, что вроде бы женщины все делают, чтобы понравиться мужчинам, однако в народе говорят грубо, но точно: «Мужик — не собака, на кость не бросается!» Так что, согласитесь, это было нелогично.

Но где — логика, а где — женщина?

Впрочем, утверждение, что женщина следует моде ради мужчин, довольно спорно. Во всяком случае его оспаривает француз Франсис де Миомандр: «Женщины искренне считают, что наряжаются либо для нашего удо-

вольствия, либо для своего собственного. На самом деле они наряжаются, чтобы удивлять друг друга».

А другой француз — Пьер Клод Виктуар Буаст высказал вообще интереснейшую мысль: «Женщина была бы в отчаянии, если бы природа создала ее такою, какою делает мода».

Ну, высказать-то он высказал. Но кто его услышал?

Модно — и женщина устраивает на своей голове «вертикальную химию».

Модно — и женщина раскрашивает ногти одной руки в пять цветов радуги.

Модно — и женщина прокалывает «пирсингом» не только губы, нос, но и пупок.

Модно — и женщина отдыхает в Хургаде, проклиная египетскую жару.

Модно — и женщина ужинает в китайском ресторане, проклиная червей и козявок.

Модно — и женщина читает Кастанеду, проклиная того, кто сказал, что это модно.

И женщину может утешить (или, наоборот, еще больше напярчить?) разве что только парадокс Сальвадора Дали: «Мода — это то, что очень быстро выходит из моды».

ЖЕНЩИНА И МУКИ

Одно жуткое воспоминание из моей, увы, весьма уже далекой юности. Из тех приснопамятных времен, когда наши советские женщины еще не носили брюки. Из тех трудно представимых сегодня лет, когда у них еще не было колготок.

Да-да, беззаботная современная молодежь, представь себе, были такие времена, когда всего этого не было.

А были у наших девушек только чулочки на резиночках, тоненькие такие чулочки из капрона, изготовленного из стеклянной нити.

Так вот, на морозе эта нить стекленела окончательно и намертво прикипала к телу. И бедные девчонки, приковыляв со свидания, плюхались в горячую ванну (замечу, кстати, что и ванна тогда была далеко не у всех), где со слезами и чуть ли не с кожей сдирали эти стеклянные чулочки.

Конечно, на свидание в мороз можно было надеть и толстые хлопчатобумажные чулки, и теплые, пардон, трико. Однако девчонки мучились, но держали фасон. Они шли на эти муки ради... а черт его знает, ради чего!

Да не ради — чего, смеялись сквозь слезы девчонки, а ради — кого. Ради вас, мальчишек.

Вот с тех давних пор я и знаю: женщины — мученицы. Самоистязательницы. Партизанки зои космодемьянские.

Взять хотя бы каблук. Высокий каблук, на котором женщина мучается весь свой век, делая вид, что именно об этом она весь век и мечтала.

Кто изобрел эту инквизиторскую деталь обуви — не знаю. Знаю только, что это был недобрый человек.

Вдумайтесь только: вместо того чтобы надежно и ровно ходить по земле, женщина поднимается на цыпочки, задирает пятку на пять, десять, а то и все пятнадцать сантиметров, заталкивает несчастные пальцы ног в узкий носок туфли и в этом абсолютно неестественном положении шагает по жизни, держа улыбку и уверяя, что каблук улучшает ее осанку.

Еще раз пардон, но если человека посадить на кол, так у него будет вообще идеальная осанка!

Высокий каблук — причина искривления позвоночника, сложных вывихов и простых переломов очаровательных конечностей.

Высокий каблук застревает в ступеньках эскалаторов и постоянно ломается, нанося немалую моральную и материальную травму.

Короче, высокий каблук — это мука. Мука мученическая.

Но женщина упорно шкандыбает на этой — очень справедливо именуемой — шпильке, и все мучения ей нипочем.

Счастье еще, что в нашей европейской части планеты не привились отдельные азиатские штучки. Ведь что уж там каблук — в Китае предметом добровольной пытки была вся туфелька. Ее надевали на ножку девочки и не снимали, пока девочка не становилась взрослой женщиной. То есть женщина росла, а ее нога — нет. Считалось, что маленькая ножка — это очень красиво. А раз красиво — мучайся!

Женщина затягивается до перехвата дыхания шнуровкой.

Женщина заковывается до остановки крови корсетом.

Женщина скукоживает косметической маской кожу лица.

Женщина оцетинивается рогатой морской миной — бигуди.

Да, только женщина могла додуматься до такого ужаса: натывать в голову железяк и ворочаться с ними на подушке всю ночь, чтобы утром осчастливить окружающих очаровательными, по ее мнению, кудряшками.

Я уже не говорю про муки аэробики и варварство диет, про борьбу с морщинами путем скальпеля и силиконовые протезы бюстов.

А главное — про постоянную и беззаветную готовность женщины предложить себя в качестве подопытного кролика для испытания любых препаратов и аппаратов, заклинаний и снадобий, о которых она узнала от таких же подопытных крольчих, фанатично прославляющих чудеса внешнего и внутреннего преображения от применения всего вышеперечисленного.

И опять возникает вопрос: ради чего?

И опять же ответ: ради вас, мужиков.

Но, по-моему, этот ответ неубедителен. Потому что немотивирован.

Великий Шекспир мотивировал взаимоотношения Дездемоны и Отелло следующим образом: «Она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним!»

И эта ситуация вполне естественная: мужчина мучается, женщина его жалеет.

Нормальное дело, такая женская планида.

Но мы-то пытаемся рассмотреть обратный вариант: мучается женщина и надеется на сострадание мужчины.

Однако, как сказал поэт, «надежды юношей питают».

А про девушек поэт ничего не сказал.

Нет, конечно, жалко их — бедных мучениц. Даже порой жалко до слез.

Но кто заставляет женщин мучиться? Никто не заставляет. Это им самим помучиться охота. А как известно, охота пуще неволи.

Так рассуждает глубокомысленный мужчина.

А легкомысленная женщина рассуждает по-иному.

Вернее, она вообще меньше всего рассуждает, а просто живет, упрямо напевая известную песенку: «Если долго мучиться, что-нибудь получится!»

И в это женщина твердо верит.

Ну что ж, блажен кто верует...

ЖЕНЩИНА И БРАК

Всякая женщина хочет замуж. Даже та, которая замужем.

И тут нет парадокса. Просто мечта женщины о замужестве это не что-то убого приземленное — муж, кастрюли, дети, памперсы, а нечто возвышенно-неземное — опереться на сильное плечо, укрыться за надежной спиной, жить долго и счастливо и умереть в один день.

Правда, по жизни-то выходит именно так — муж, кастрюли, дети, памперсы...

Но все равно женщина хочет замуж.

Конечно, многие мои читательницы возмутятся: «Чушь! Мечтать выйти замуж, чтоб стирать ваши неароматные носки? Наоборот, мы отбиваемся от желающих затаскать нас в рабство!»

Ну, не знаю, то ли отбиваются так слабо, то ли желающие столь сильны, но так или иначе женщины замуж выходят. По любви и по другим вполне естественным и уважительным причинам: потребность в защите, боязнь одиночества, желание иметь детей, стремление хранить семейный очаг...

А еще женщина выходит замуж по причине, которая для мужчины тоже имеет какое-то значение, но для женщины ее значение чрезвычайно. Это — косые взгляды соседей, притворные вздохи знакомых, прозрачные намеки подруг: мол, уже давно — не девочка, а все еще одна да одна...

Взгляды, вздохи и намеки так достают женщину, что она готова выскочить за кого попало.

Но горе этому «кому попало»! Потому что женщина, вышедшая за него по таким мотивам, далее действует согласно известному объявлению: «Юная стройная голубоглазая блондинка вступит в брак с очень пожилым нем-

цем, чтобы отомстить за дедушку, замученного в сорок третьем году».

Замужние женщины даже внешне отличаются от незамужних.

Замужние не такие ухоженные, более усталые, затурканные бытом, но... Но есть в них некая уверенность, какая-то успокоенность.

А незамужние и лучше выглядят, и свободнее себя ведут, и веселее, и эффектнее, но... Но есть в них какая-то напряженная независимость, некий вызывающий задор.

При этом любопытно, что во взгляде замужней и незамужней женщины друг на друга сквозит одно и то же — превосходство.

Это смахивает на встречу двух кораблей, один из которых плывет в Израиль, а другой из Израиля, и евреи на палубах посылают друг другу один и тот же общепонятный жест — крутят пальцем у виска.

То, что женщина стремится замуж, не означает, что осуществившая это стремление довольна. Нет, женщина непостоянна и постоянно неудовлетворена.

Замужняя женщина клянет замужество, проклинает семейные хлопоты, стонет под гнетом домашнего ига... Однако освободиться от этого ига вовсе не спешит.

Впрочем, не очень спешат и мужчины.

Пушкин справедливо заметил:

*Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.*

Браки заключаются на небесах.

А расторгаются браки на земле.

Мужчина все-таки рвет с прошлым довольно решительно и бестолково.

А женщина обычно борется до последнего. В арсенале ее борьбы немало средств — от бывшего заявления в партком до нынешнего найма частного детектива для слежки за этим гадом.

Не только женщина хочет в брак. Мужчине тоже хочется. Но — колется.

С одной стороны — грязные носки, холодные пельмени, перхоть и кариес...

Но с другой — свобода передвижения, независимость кошелька, отсутствие тещи...

Поэтому, чтобы народонаселение не иссякло, государство допекает мужиков.

Еще две тысячи лет назад Платон предлагал вменить холостяку выплату суммы, «чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит облегчение и выгоду». Два века назад французский Конвент обложил одиночек двойным налогом. А в советское время тоже был шестипроцентный налог, да еще профком обделял холостяков путевками и ставил последними на квартиру.

Мужчин, все же намеревающихся вступить в брак, немецкий философ Артур Шопенгауэр предостерегал: «Жениться — значит вдвое сократить свои права и во столько же увеличить свои обязанности».

А тем, кто все-таки упорствует в брачных намерениях, немецкий же писатель Карл Юлиус Вебер рекомендовал хотя бы вот что: «Женись на маленькой хрупкой женщине, ибо из всех зол надо выбирать меньшее».

И вообще, по вопросам супружеской жизни высказывались многие мудрецы.

А так как, да простят меня милые дамы, но подавляющее большинство мудрецов — мужчины, то и взгляд их — чисто мужской.

Они любят сравнивать супружество с физическими недостатками и тяжкими болезнями.

«Брак — это лихорадка наоборот: начинается жаром, а кончается холодом» (Гиппократ). «В любви теряют рассудок, в браке замечают эту потерю» (Сафир). «Счастливое супружество может быть только между слепой женой и глухим мужем» (Монтень).

Другой излюбленный образ брака — цепи. Не символическо-романтические узы Гименея, а самые настоящие кандалы.

Максим Горький писал: «Жена к тебе цепью на всю жизнь прикована. И оба вы на манер каторжников. Старайся идти с ней в ногу, а не сумеешь — цепь почувешь».

Но если этот образ естественен для буревестника политкаторжан, то странно, что ему вторит Александр Дюма: «Цепь брака настолько тяжела, что нести ее приходится вдвоем». Правда, затем Дюма продолжает свою мысль с французским легкомыслием: «Иногда — втроем».

Впрочем, не только умные мужчины, но и отдельные неглупые женщины упражнялись в брачных размышлениях.

Датская писательница Карне Бликсен даже сочинила «Мужскую молитву»:

Господи, избавь меня от женитьбы!

Но если я все-таки женюсь, избавь меня от рогов!

Но если уж без рогов нельзя, пусть я не узнаю об этом!

Но если я об этом узнаю, пусть это меня не волнует!

А мне лично самым убедительным из всех рассуждавших на заданную тему кажется Сократ.

Несмотря на то что его регулярно лупила домашней туфлей жена Ксантиппа (а может быть, именно вследствие этого), он заявил: «Брак — зло, но зло необходимое. Попадется хорошая жена — будешь счастливым исключением, а если плохая — станешь философом».

Правда, Ксантипп стервозных — навалом, а вот — философов...

ЖЕНЩИНА И ПОДРУГА

Все-таки не следует высокомерно пренебрегать музыкальной попсой.

Ведь «попса» — от «популярный», а «вокс попули» — это «глас народа», а лучшая часть народонаселения — женщины.

Так что не мешает хоть иногда вслушиваться в глубоко жизненные и душераздирающе правдивые песнопения попсы.

Вот, например, хит девичьей группы «Стрелки». Прембула его такова:

*На вечеринке лучших друзей
Он танцевал с подругой моей.*

А далее следует практически шекспировское:

*Как ты могла, подруга моя,
Ближе тебя ведь нет у меня,
Так поступить с любовью моей
На вечеринке лучших друзей!*

Если спуститься с вершины этой немислимо изящной поэзии в долину суровой прозы, то перед нами предстанет удивительное и драматическое явление — женщина и ее подруга.

Вообще-то, подруги бывают и у мужчин: школьная подруга, подруга жизни, «подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя», «выпьем, добрая подружка бедной юности моей»... Но все это, естественно, не то.

Подруга женщины — абсолютно особый и ни с чем не сравнимый статус отношений. Требования женщины к подруге сложны и противоречивы.

Подруга должна уметь слушать и разговаривать (зачем же изливать душу глухонемой?), но не должна быть болтливей тебя самой (зачем же бесконечно выслушивать ее душеизлияния?).

Подруга должна быть достаточно благополучной по жизни (зачем же вечно ее утешать?), но не благополучнее тебя самой (зачем же вечно ей завидовать?).

Подруга должна быть умной (зачем же общаться с душой набитой?), но не умнее тебя самой (зачем же чувствовать себя душой?).

Подруга должна быть достаточно привлекательной (зачем же везде мелькать с полным крокодилом?), но ни в коем случае не краше тебя самой (зачем же проигрывать на ее фоне, наоборот, фон должен быть выигрышным!).

Последнее обстоятельство, пожалуй, самое важное. Оно сформулировано в житейской заповеди: «Не родись красивой, а имей страшненькую подругу!»

Настоящие подруги знают друг про дружку все. Взгляды и вкусы, привычки и слабости, точный рост и подлинный возраст, размеры одежды и фасоны обуви, характер мужа, нрав любовника, болезни детей и даже график «критических дней».

С подругой советуются о своих делах и сплетничают про дела чужие.

С подругой делятся радостями и рыдают у нее на груди от печалей.

С подругой ссорятся навеки и мирятся с клятвами вечно дружить.

Кинематограф создал особое амплуа — подруга героини фильма. Есть целая плеяда актрис, которые никогда не играют главные роли, но в ролях подруг они столь блиста-

тельны и любимы зрителями, что еще неизвестно, какая роль главнее.

Конечно, роль подруги в жизни гораздо сложнее, чем на экране. Подруга — это, как говаривали в старину, «наперсница» — любимое и пользующееся особым доверием лицо во всех делах женщины.

Прежде всего — в делах интимных.

Подруга передает любовные записки.

Подруга стоит «на атасе» при любовном свидании.

Наконец, подруга вообще добывает «хату», то бишь место встречи для этого самого свидания.

И следовательно, подруга — знаток и хранительница самых тайных тайн женщины. Причем знаток — глубокий, а хранительница — так себе. Ведь женщине даже собственную тайну хранить не вмоготу, а уж тайны чужие...

Заметим еще, что для женщины исключена известная мужская ситуация: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...»

Нет-нет, у женщины никакого просто «так» быть не может.

Если уж — друг, в смысле — подруга, так за тебя в огонь и в воду!

Но если уж — враг, так берегись, подруга!

Однозначно: нет более страшного врага, чем бывшая подруга.

Кажется, у китайцев есть такая картинка женской дружбы: Скорпион, плывущий через реку на спине Черепахи. Скорпион не кусает ее из боязни быть утопленным. А Черепаха не топит его, опасаясь укуса.

Мужчины, особенно мужья, не любят подруг своих женщин, особенно — жен.

Еще во втором веке нашей эры древний римлянин Квинт Септимий Флорент Тертуллиан поучал: «Подруги легкомысленной болтовней смущают стыдливость наших жен, от суровости их отвлекают к лени, склоняют к праздному любопытству и распутству».

То есть уже в те давние времена наивный мужчина полагал, что женщина сама-то по себе хорошая — просто у нее подруги плохие.

Это смахивает на аналогичную веру женщины в то, что вообще-то мужики хорошие — просто водка плохая.

Остается лишь добавить, что знаменитое «коварство и любовь» это вовсе необязательно — про мужчину и женщину. Это в не меньшей степени — про женщину и подругу.

И когда, как на упомянутой в начале этих заметок «вечеринке лучших друзей», былую любовь сокрушает коварство, женщина делает судьбоносные выводы.

Самый радикальный вариант изложен неподражаемой Алисой Фрейндлих и неповторимым Андреем Мягковым в культовом фильме «Служебный роман»:

— У меня в жизни была печальная история. Ходил ко мне один человек. Долго ходил. А потом женился на моей подруге.

— Но я не собираюсь жениться на вашей подруге.

— Вам это и не удастся. Я ликвидировала всех подруг. Я их уничтожила!

И тут уж, сами понимаете, комментарии излишни.

ЖЕНЩИНА И ПУТЬ

Есть такая славная песенка:

*Подари на прощанье мне билет
На поезд куда-нибудь,
А мне все равно, куда он пойдет,
Лишь бы отправиться в путь!*

Песенку эту написал мужчина. Но написана она несомненно с позиции женщины.

Ну, кто еще может выдать подобную программу передвижения в совершенно неопределенном направлении, с абсолютно неизвестным конечным пунктом и чрезвычайно бессмысленной целью? На это способна только женщина. И не просто способна, а только об этом она пламенно мечтает, только этого она страстно желает.

Казалось бы, ну и хорошо. Ну и пусть желает и мечтает. Да пусть, наконец, едет.

Но штука в том, что женщина желает ехать не одна. А непременно — с мужчиной.

Во всяком случае мне не доводилось слышать, чтобы

Кнопочки на карте мира — это маршруты моих путешествий

Самая западная точка Европы —
мыс Кабо-де-Рокка в Португалии

Фонтан Треви в Риме

Дома у М. Козакова в Тель-Авиве

Древний город Петра в скалах Иордании

На улице Нью-Йорка с М.Мишиным

В кафе на Манхэттене с друзьями — семейство Черняховских и Г. Винников

Вода, вода, кругом вода...

Голубая лагуна в Исландии

Норвежские фьорды

Русалочка в Копенгагене

В Средиземном море с Н.Теняковой, А.Филиппенко, С.Юрским и группой «Мона Лиза»

Сан-Себастьян в Испании

Кепка и трубка Шерлока Холмса в его доме — 222б, Бейкер-стрит, Лондон

Пиратский карнавал в Бискайском заливе

женщина сказала самой себе: «А поеду-ка я туда, сама не знаю — куда!» Или чтобы женщина предложила своей подруге: «Слушай, Таня (Софико, Каринэ, Гюльчатай), а давай рванем подальше отсюда — куда глаза глядят!» Нет, это крайне соблазнительное предложение женщина адресует именно и только мужчине. Причем именно и только — любимому.

Но мужчину — как любимого, так даже и вполне любящего — такое предложение если и не пугает, то по меньшей мере ставит в тупик. Потому что когда речь заходит о поезде или любом ином средстве передвижения, мужчине разумному вовсе не «все равно, куда он пойдет». И мужчине нормальному совсем не улыбается перспектива тронуться с насиженного места по туманной мотивировке — «лишь бы отправиться в путь».

Почему же на все это так тянет женщину?

Ответа я не знаю и, как обычно, пытаюсь узнать его с помощью классиков.

Вот Пушкин написал об Онегине:

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест.
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест.)*

Но Пушкин — сам мужчина — писал тоже про мужчину, справедливо полагая безрассудную охоту к перемене мест весьма мучительной и считая, что этот крест — удел в общем-то немногих мужчин.

А что касается женщин, то такой добровольный крест готовы нести практически все представительницы прекрасного пола.

Опять же — почему? И опять же обратимся к классике. Может быть, ответ — в тексте Грибоедова: «Где ж лучше? Где нас нет!»

Да, это похоже на объяснение. Женщина рвется в светлую даль, почему-то убежденная, что эта даль — именно светлая и что там ее ждет истинный рай. Причем, тут вовсе не обязательны стандартные райские приметы: солнце, море, пальмы... Нет, жительница суровой Гренландии может стремиться на солнечные Канары, но жительница солнечных Канар вполне может представлять себе райским местечком ледники Гренландии. Лишь бы — не

здесь, лишь бы — на ином меридиане, лишь бы — там, где нас нет.

Городские дамы особенно любят помечтать о тихом домике в деревне, где кругом ни души, где «только мы вдвоем». Да-да, это опять же не мечта об отшельничестве, а снова-таки покушение на мужчину в качестве одушевленного элемента неодушевленной природы в рамках сельской пасторали. Но что в этой глуши будет делать мужчина и даже, извините за прозаические подробности, чем она там будет мужчину кормить — об этом в своем поэтическом порыве женщина не думает и думать не желает.

А может быть, все дело в известной немецкой формуле, что женщине положено находиться при трех «к» — «кюхе» (кухня), «киндер» (дети), «кирхе» (церковь)? И современная женщина, вырвавшись за эти красные флажки, уже не в силах остановиться и рвется дальше — без цели и смысла? В отличие от нас — тоже вполне современных — мужчин, которые с удовольствием приняли формулу три «т» — тахта, тапочки, телевизор.

И никуда мы не рвемся, и безмятежно себе живем. До той жуткой минуты, когда в нашу безмятежность врывается женщина с этим своим кошмарным: «Милый, давай уедем куда-нибудь!»

Короче говоря, беда не в том, что женщиной овладевает охота к перемене мест. И не в том беда, что женщина убеждена, будто лучше как раз там, где ее пока еще нет. А беда в том, что для подтверждения всего этого женщина норовит утащить за собой мужчину.

И бывает, мужчина поймается на крючок, размахтается: а может, и впрямь взять билет на поезд куда-нибудь, не глядя в расписание, куда он пойдет, и просто отправиться в путь?

Но по зрелому размышлению, как представишь себе все это: идти на вокзал, брать билет, садиться в поезд, отправляться в путь...

Нет, мужчина остается дома. При своих троих — тахта, тапочки, телевизор.

Потому что мужчина не то чтобы ленив и неохоч к перемене мест, а просто усвоил правило арифметики: от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

ЖЕНЩИНА И РОМАН

Вообще-то, для женщины любовный роман — не примета какого-то определенного времени года, а постоянная жажда души.

Но есть один особенный и потому заслуживающий особого разговора вариант романа — курортный роман.

Из этого разговора сразу исключим приезд на курорт женщины совместно с мужчиной. Тут и говорить не о чем — никакого романа у них быть не может. Точнее, роман у них, наверно, уже был, раз они приехали вместе. Приехали, ходят под ручку и только спорят, куда сходить: он тянет в пивной бар, а она — на концерт гастролеров.

Нет, мы рассмотрим ситуацию, когда женщина отправляется на курорт одна — вольная птица. То есть, возможно, у нее где-то и остался муж или, как нынче куртуазно выражаются, бойфренд. Но сейчас и здесь, на курорте, она — именно вольная птица.

В принципе, женщина едет на курорт отдыхать.

Однако беседовал я как-то с дамами, вернувшимися из шикарного пансионата.

— Ну? — спросил я, не сомневаясь в положительном ответе. — Как отдыхалось?

— А! — махнула рукой одна. — На три сотни баб — два десятка мужиков!

— Совершенно не отдохнули! — подвела итог вторая.

Уточним: курортный роман не обязательно имеет в виду курорт как таковой.

Действие может происходить и на Канарских островах, и в палаточном лагере на Валдае, и в средиземноморском круизе, и в походе на байдарках по Енисею.

Суть в одном: на отдыхе, вдали от места проживания и работы, встречаются мужчина и женщина, и...

И далее принято считать, что все мужики — исключительно казановы, которые только и рыскают, а может быть, рыщут, чтобы соблазнить и покинуть беззащитную женщину-жертву.

Я решительно отвергаю подобный тезис.

Потому что это, конечно, так, но вовсе не только так.

Если в песне, то — «курортный роман похож на обман».

Если в стихах, то — «ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Но если в правдивой прозе, то и обмануть, и обмануться равно готовы оба — как женщина, так и мужчина.

Курортный роман располагает к легкому сочинительству и безобидному фантазированию. Нигде, как на курорте, любой мужчина — «дублер космонавта» или «секретный разведчик», а каждая женщина — «актриса» или «фотомодель».

Впрочем, для курортного романа романтические версии совсем не обязательны. Может просто сработать мечта о чем-то ином, небывалом, не привычном по месту проживания и работы.

Ну к чему, скажем, женщине-кассиру роман с кем-то, смахивающим на ее бухгалтера?

Или зачем, например, женщине-балерине кто-то, напоминающий ее балетмейстера?

Поэтому на курорте чаще сходятся противоположности, персонажи разных миров. Вроде «культурной дамы» (Людмила Гурченко) и «сибирского валенка» (Александр Михайлов) в народном фильме «Любовь и голуби».

Повторяю: неверно, будто в курортном романе женщина — только беззащитная жертва. Бросьте в меня сколько угодно камней, но женщина бывает и хищница.

Видали ль вы, как по вечерней набережной шагает нарядная стая дам-отдыхающих: в сердцах — огонь, в глазах — призыв, в зубах — сигареты...

Довольно жуткая картинка!

Естественно, готовность к любовным подвигам у разных женщин различная. На сей счет есть такой — на грани — анекдот.

Солнечный пляж. Обнаженный мужчина лежит на спине, только лицо прикрыто шляпой. А мимо проходят три женщины.

— Это не мой муж, — говорит одна.

— Да, это не твой муж, — подтверждает вторая.

— Этот мужик вообще не из нашего санатория, — заявляет третья.

Курортный роман принципиально отличается от романа обычного.

В обычном романе мужчина тупо и прямолинейно спешит к заветной цели, а женщина не торопится, жен-

щина позволяет себе и колебаться, и взвешивать, и ждать окончательного решения своего сердца.

На курорте же ни колебаться, ни взвешивать, ни ждать некогда — обратный билет имеет конкретную дату.

Так что в курортный роман женщина ныряет скоропалительно и безрассудно — как в омут головой.

Причем ввиду своей скоротечности курортный роман развивается особенно страстно и бурно, минуя все стадии, обычно необходимые женщине для плавного вхождения в любовный штопор.

В общем, и мужчина, и женщина на старте курортного романа безоглядны одинаково.

Вот только финиш чаще всего разный.

И тут я как честный человек обязан вернуться к выше мною отвергнутому тезису про коварных мужиков-казанов. Ибо действительно финал курортного романа, как правило, исчерпывается следующей печально известной байкой.

Пребывание на курорте окончено, мужчина и женщина разъезжаются-разлетаются по домам, нежный поцелуй на прощание...

— Мы поженимся? — спрашивает она.

— Лучше созвонимся, — отвечает он.

ЖЕНЩИНА И СЛЕЗЫ

Женщина часто плачет.

Она плачет при встречах и при расставаниях, плачет от горя и от радости, плачет от избытка чувств и от их недостатка, плачет по конкретному поводу и безо всякого повода...

Этот неисчерпаемый ряд вполне исчерпывается формулой французского поэта Жана Антуана де Баифа: «Женщина смеется, когда может, а плачет, когда хочет».

Палитра женских слез несравненно богаче мужских.

Всем известна только «скупая мужская» слеза.

А женские слезы бывают и «светлые», и «печальные», и «святые», и «нежные»... А у незабвенной Маруси из фильма Гайдая «капают горькие», но одновременно и «капают сладкие» слезы на копье.

Женщина может выдать любое количество слез на единицу глаз.

Не знаю, как полагают специалисты-окулисты, но им ни за что не убедить меня, что слезные железы у мужчины и у женщины устроены одинаково.

Нет, в отличие от мужской, женская слезная железа имеет неограниченные водопроводные возможности. Она в состоянии исторгать не капли, не ручейки, а водопады, реки, океаны слез!

Я, конечно, слабо помню те давние времена, но не исключаю, что даже Всемирный потоп был всего лишь результатом слияния в единый поток всех слез женщин вселенной.

Слезы — способ приспособления женщины к несовершенству окружающего мира.

Мужчины полагают, что слезами горю не поможешь.

А женщина поплачет, поплачет — и глядишь, горе если и не ушло, то во всяком случае утихло.

«Слезы — красноречие женщины», — сказал другой француз Антуан де Сент-Экзюпери.

И он прав. То, что женщина не в состоянии объяснить речами, она весьма доходчиво растолкует слезами.

И наконец, слезы — оружие женщины. Оружие индивидуального действия, но массового поражения.

Мужчина неизбежно проигрывает женщине все «слезные войны» и безоговорочно капитулирует на условиях противника.

Мужчина может противостоять многому из боевого арсенала женщины — капризы, скандалы, истерики... Только не слезы. Нет, слезы — это невыносимо!

Женщина плачет, она, зараза, ревет белугой, а мужчина мечтает только о том, чтобы она утихла, мужчина готов на все, только б она перестала реветь.

То есть мужчина в отношении женщины придерживается того же принципа, что и по отношению к ребенку: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Естественно, слезы женщины бывают как искренние, так и фальшивые. Однако различают их лишь сами женщины, но никак не мужчины.

Ибо еще один француз Альбер Турнье очень верно подметил: «Когда прекрасные женские глаза затуманиваются слезами, видеть перестает мужчина».

Да, это только Москва слезам не верит, а мужчина, наивный мужчина верит женским слезам. Верит до смешного, верит даже тогда, когда женщина и не собирается его обманывать.

Вот классический эпизод из «Веселых ребят».

На симфоническом концерте у дамы по щекам струятся обильные слезы. Сидящий рядом мужчина растроганно шепчет: «Эмма, за эти слезы я люблю тебя еще больше!» А затем камера панорамирует вниз — бедная дама стаскивает одной ногой с другой ноги безжалостно жмущую туфлю.

Искренность или неискренность женских слез довольно легко проверяется по тому, как эти слезы исчезают.

Если женщина даже после того, как достигла своей цели, еще долго всхлипывает, успокаивается, значит, плакала она от души.

Если же по достижении цели щеки женщины мгновенно просыхают и она тут же берется за пудреницу, то мужчина может сообразить, что рыдала она притворно.

Хотя чего уж соображать, когда цель женщины уже достигнута!

Да, разбираться в женских слезах задним числом — дело пустое.

Подтвердим это уже привычным для данных замечаний цитированием бывалых французов.

«Женщину можно спросить, почему она плачет, но никогда не стоит ее спрашивать, почему она плакала: женщина этого не помнит», — заметил Дюма-сын.

Вот ведь сын-то он сын, а соображал не хуже, чем отец!

ЖЕНЩИНА И СВАХА

Мой одесский друг, поставщик всяческих забавных историй, как-то поведал мне одну такую — естественно, одесскую.

Врач «Скорой помощи» примчался к помирающей бабушке-старушке. Он измеряет ей давление, а она слабеньким голоском интересуется: «Я извиняюсь, доктор, вы женаты?»

Врач — не без удивления неуместностью вопроса в данной обстановке — кратко отвечает: «Нет».

Тогда голос старушки крепнет, она даже приподнимается: «Сёма, а ну быстро кофе доктору!»

И доверительно сообщает врачу: «Вот что я вам скажу: у меня есть племянница, правда, троюродная, но чудесная девушка, вы меня понимаете?»

Надеюсь, и вы уже понимаете, о чем я поведу разговор.

Да, история эта не только одесская — история эта всемирная. Во всем мире, во все времена, даже на предсмертном одре женщине хлебом не корми, только дай кого-нибудь посватать!

Я не имею в виду профессиональных свах, которых нынче развелось не менее чем дипломированных колдунов и лицензированных ведьм. Нет, я имею в виду всех наших матерей и жен, дочерей и сестер, соседок и сотрудниц — в общем, каждую и любую женщину, занимающуюся сватовством не по работе, а по душе.

Известна байка, что все люди — мужчины и женщины — это половинки единого целого, которые разбросаны по нашей планете. Они ищут друг друга и, только друг друга отыскав, становятся счастливыми.

Красивая абстрактная легенда.

Но женщина ее воспринимает как абсолютно конкретную реальность.

И готова отдать все свои духовные и физические силы на поиск и соединение этих самых половинок в счастливый союз.

Нет, ну честное слово, у женщины просто возникает какой-то зуд при виде половинок, болтающихся порознь.

Причем было бы еще как-то понятно, если бы ее беспокоила судьба своей же сестры-женщины. Действительно, почему бы из солидарности не помочь одинокой даме найти семейную радость? И помогают. Но как-то вяловато.

Все-таки женская солидарность — штука не слишком распространенная.

Зато почему-то женщину гораздо больше волнует судьба одиночки-мужчины.

Женщина не может ни спать, ни есть, ни даже помечтать спокойно, пока не устроит радостную жизнь всем этим бестолковым мужикам, которые без нее бы ни за что бы не додумались до брачных уз.

Как только в поле зрения женщины появляется новый сосед по дому, сотрудник по работе или сопляжник по отдыху, она немедленно принимается откровенно-прямым или хитроумно-окольным путем выяснять, женат ли он. И если нет... О, если нет! Тогда у женщины непременно отыщется прелестная родственница, очаровательная знакомая или потрясающая соученица, как будто специально созданная Всевышним для блаженства именно этого мужчины.

Осада идет по всем правилам: описание адских мук холостяцкой жизни, расписывание райских прелестей жизни семейной, а для самых непокорных или непонятливых идут в ход апокалиптические пророчества в стиле гоголевской свахи: «Ведь в голове седой волос уж глядит, скоро совсем не будешь годиться для супружеска дела!»

Самое интересное, что никакого интереса лично у женщины нет.

Она не устраивает свою собственную судьбу, она сама уже замужем — давно и даже, вполне может быть, удачно. Но женщина печется не о себе, а лишь о счастье совершенно постороннего мужчины.

И тут я должен решительно осудить тот факт, что отдельные неразумные мужики совершенно безосновательно отождествляют абсолютно различные понятия: сваха и сводня.

Толковый словарь Ожегова толкует сурово: «Сводничество — корыстное посредничество между мужчиной и женщиной».

Но, помилуйте, о какой корысти может быть речь?

Женщину вдохновляет не презренный металл, а прекрасная идея!

Правда и, увы, неразумному мужику эта идея почему-то вовсе не кажется столь уж прекрасной. И он на первых порах активно ей сопротивляется.

На вторых порах сопротивляется тоже. Но уже менее активно.

И лишь на третьих порах задумывается.

А может, действительно женщина старается исключительно для его мужского блага?

А может, и впрямь не без оснований размечтался другой гоголевский персонаж: «Вдруг вкусишь блаженство, какое точно бывает только разве в сказках, которое про-

сто даже не выразишь, да и слов не найдешь, чтобы выразить!»

И мужчина надевает парадный костюм (халат, бурнус, лапсердак, набедренную повязку).

И отправляется в загс (церковь, мечеть, синагогу, чум шамана).

И совершает торжественный брачный обряд.

Если только не успевает в последний момент сигануть из окошка...

ЖЕНЩИНА И ТАЙНА

Вы, конечно, видели, как малые девчонки где-нибудь в песочнице или на карусели, притянув голову подружки к своему уху, тараторят о чем-то взахлеб, но шепотом.

Вы, наверно, наблюдали, как юные девушки где-нибудь за стойкой бара или за столиком кафе, потягивая кофе и затягиваясь сигареткой, толкуют о чем-то пламенно, но вполголоса.

Вы, возможно, замечали, как немолодые женщины где-нибудь на лавочке у дома или на скамейке в парке беседуют о чем-то взволнованно, но негромко.

Вот так или примерно так — от детских косичек до седых волос — женщины верят друг дружке свои тайны.

Однако известно: если хочешь, чтобы тайное стало явным, расскажи это женщине. Так говорят в народе. И не только в нашем русском народе.

Например, вот что витевато, но точно говорят в древнем и мудром народе Индии: «Не было еще случая, чтобы необожженный кувшин сохранил воду, решето — тонкую муку, а женское сердце — тайну».

Предвижу, что женщины могут обидеться. А чего обижаться на бедных индусов?

Ну, конечно, любая женщина на просьбу сохранить тайну отвечает классически: «Не беспокойся, я — могила!»

А наверно, в той же Индии женщины клянутся: «Я — индийская гробница!»

Но, увы, эксгумация тайны хоть из российской могилы, хоть из индийской гробницы одинаково возможна и повсеместно распространена.

Само собой, мужчине тоже доводится хранить тайны.

Причем мужские тайны весьма разнообразны. Это может быть и тайна бытия, и тайна космоса, и тайна следствия, и военная тайна...

А суть и смысл всех тайн, которые хранит женщина, в общем-то исчерпывается одним утесовским шлягером: «У меня есть сердце, а у сердца — песня, а у песни — тайна, тайна эта — ты!»

Да, как правило, тайна женщины — это сердечная тайна.

В отношении женщины к тайне сменяются два желания.

Первое желание — узнать тайну. Желание иссушающее и испепеляющее, не дающее женщине ни спать, ни есть, пока она тайну не узнает.

А когда узнает, возникает второе желание — эту тайну сохранить. Желание такое же испепеляющее и иссушающее, но — в отличие от первого — практически неисполнимое.

Женщина вполне искренне и даже порой мучительно пытается не проболтаться, не проколоться, сохранить все доверенное ей по секрету. Но — не может.

Древний грек Сократ утверждал: «Женщине легче держать на языке горящий уголь, нежели тайну».

Немецкий писатель Карл Гуцков полагал: «Тайна нестерпима для женщин: они задыхаются, готовы лопнуть, если не заговорят».

А немецкий же поэт Моисей Сафир высказался более изящно и образно: «Тайна имеет свойство молодого вина, которое постоянно грозит взорвать бутылку».

Таким образом, женщина выбалтывает тайну вовсе не из вредности натуры, не из желания кому-то насолить, не из стремления кого-то выдать или, хуже того, продать. Упаси меня бог заподозрить в чем-либо подобном чистые и невинные женские создания!

Нет, дело лишь в том, что женщину буквально распирает наполняющая ее тайна и, не освободившись от нее, женщина действительно может лопнуть, взорваться — это просто опасно для ее жизни.

Конечно, не следует впадать в крайность. В принципе, и женщина может сохранить тайну не хуже, чем мужчина. Но и тут наблюдается коренное различие.

Мужчина сохраняет чужую тайну лучше, чем свою.

А женщина, наоборот, хранит свою тайну надежней, чем чужую.

То есть мужчина может поделиться с другом историей своего тайного увлечения, но ни за что не выдаст врагу «секретного завода план». Разве что под пытками.

А женщина даже под пытками не выдаст тайну своей любви, зато легко может проболтаться о романе своей подруги.

Но если уж совсем честно, если не усугублять и без того кардинальные различия между мужчиной и женщиной, то следует завершить эти рассуждения справедливым соображением испанского драматурга Фердинандо де Рохаса: «Никто не хранит тайну лучше того, кто ее не знает».

ЖЕНЩИНА И ТЕЛЕВИЗОР

У известное дело — женщина любит подглядывать.

Мужчине достаточно и подслушивать.

Но женщине — нет, женщине все-таки услышать маловато, ей очень хочется еще и увидеть.

Из этого следует вывод: для мужчин изобретено радио, а телевидение — прежде всего для женщин. Просто женщины решили: чем тайком подглядывать в отдельную замочную скважину, гораздо интереснее открыто наблюдать весь мир.

Однако изготовить такую мудреную штуковину, как телевизор, самим женщинам, естественно, было не по уму... пардон... не по зубам. И поэтому женщины напрягли, как только они умеют напрягать, покорных мужчин, а уж мужчины склепали этот чертов ящик. Для женских глаз и на свою голову.

Действительно, ну чего там смотреть мужчине? Футбол-хоккей? Да, конечно, интересней увидеть матч по телику, чем услышать радиокомментатора. Но ведь столько лет слушали — и ничего, и все было ясно, и счет был известен.

Что еще? Политика? Да, но дебаты в Думе тоже вполне можно послушать по радио. И даже лучше сто раз услышать, чем один раз увидеть эти лица!

Мужчина и женщина смотрят по телевизору разное.

А если смотрят одно и то же, то все равно видят это одно и то же по-разному.

Мужчина просто и прямо воспринимает информацию: вот — криминальная разборка на улице, вот — съемки на Канарских островах, вот — показ высокой моды...

А женщине внешнего восприятия информации недостаточно. Эмоциональная женщина как бы оказывается внутри этой информации.

Наблюдая криминальную разборку, она трепетно ощущает себя возможной жертвой случайной пули. Глядя на Канары, она видит себя на солнечном пляже и чуть ли не смахивает со щеки брызги океана.

А во время показа мод она прикидывает на себя все платья-костюмчики, убеждаясь, что они идут ей гораздо больше, чем этим плоским супермоделькам.

Вообще телевизионные персонажи женского пола — предмет особого внимания женщины. То есть мужчина, конечно, тоже не совсем бревно, мужчина тоже может среагировать: «Какая красotka!» Или наоборот: «Кто пустил на экран эту мымру?»

Но реакция женщины гораздо глубже, тоньше и разнообразнее.

Женщина замечает, что дикторша Танечка что-то осунулась и в связи с этим предполагает некие осложнения в личной Танечкиной жизни.

Женщина отмечает, что депутатка Петрова, напротив, явно размордела и потому не приходится ждать от нее толковых законов на благо народа.

Женщина наблюдает интервью актрисы Н. о связи искусства с действительностью и догадывается, что в действительности этой Н. и близко бы не было в искусстве, если бы не ее связь с режиссером М.

В целом же восприятие женщиной увиденного по телевидению, как и ее восприятие всех прочих явлений жизни, совершенно непредсказуемо.

Мой одесский друг рассказал такую историю.

Его жене позвонила взволнованная подруга: «Ты смотришь телевизор?»

Жена, готовая по нынешним временам к не самым лучшим новостям, запаниковала: «А что? Что случилось?!»

В ответ подруга завопила еще взволнованней: «Ты видишь Шарапову? Она уже третий день с одной челкой!»

Мой одесский друг смеялся. Смеялся и я.

Но ни жена моего друга, ни ее подруга, ни какая-либо иная женщина не нашли бы в этой истории ничего смешного.

Очень редко бывает, чтобы женщина просто сидела и смотрела телевизор. Как существо чрезвычайно занятое, женщина обычно телевизор смотрит, убирая квартиру или гладя белье, нянча ребенка или кормя мужчину. Поэтому в ее бедной головке сливаются и путаются персонажи мыльной оперы и ее собственной житейской драмы.

Женщина ощущает себя одновременно Золушкой, рабыней Изаурой и просто Марией, будучи на самом деле Анной, Дарьей или Виолеттой.

Да, женщина легко примеряет на себя экранные платья, экранные прически и экранные судьбы.

Любая женщина могла бы порассказать куда больше сама, чем целая программа «Я сама».

А душераздирающая история какого-то там «Человека в маске» это просто детский лепет по сравнению с тем, что могла бы сообщить женщина — хоть в маске, хоть без нее, — если бы только оказалась на экране.

И судьба иногда дарует женщине этот счастливый — один на миллион — случай попадания на телеэкран. Ну, скажем, в панораме по лицам покупательниц универсама, или в социологическом опросе на улице, или крупным планом среди зрительниц какого-то концерта.

О, это радость, это праздник, это триумф!

Ее поздравляют близкие подруги: «Боже мой, как ты туда попала?»

Ей звонят дальние родственники: «Вся наша семья гордится тобой!»

Ее приветствуют доброжелательные соседки: «Ой, вы на экране выглядите гораздо лучше, чем в жизни!»

И женщина горделивой походкой телезвезды отправляется на рынок с безумной, но прекрасной мечтой о высшем пике популярности: может быть, узнавшие ее торговцы скинут цену на зелень.

А что же, спрошу я, как обычно в финале, мужчина?

А мужчина сидит, смотрит телевизор и думает: стоило ли ради удовлетворения женского интереса к подглядыванию изобретать эту сложнейшую хреновину, эту всемирную замочную скважину?

Но теперь-то уж чего об этом думать.

Теперь-то уж раз оно изобретено — сиди и смотри!

Тем более что американская медсестра Энн Ландерс обнародовала такой — видимо, медицинский — факт: «Телевидение служит доказательством того, что люди готовы смотреть все, что угодно, лишь бы не смотреть друг на друга».

ЖЕНЩИНА И ЛЮБОПЫТСТВО

Когда Пушкин высказался в том смысле, что русские люди «ленивы и нелюбопытны», Александр Сергеевич, на мой взгляд, имел в виду только мужчин.

Нет, конечно, женщины тоже бывают ленивы. Но нелюбопытных женщин — ни русских, ни французских, ни зулусских — не бывает.

В толковом словаре понятие «любопытство» имеет два толкования.

Во-первых, это — «стремление узнать, увидеть что-нибудь новое».

А во-вторых, это — «мелочный интерес ко всяким, даже несущественным подробностям чего-нибудь».

Так вот, женское любопытство — это как раз во-вторых, то есть — «мелочный интерес» и «несущественные подробности».

Впрочем, это лишь неискрушенный, как и все мужчины, создатель толкового словаря полагал, что интерес может быть мелочным, а подробности — несущественными.

Любая женщина этому создателю втолковала бы, что ее интерес не мелочен, а глобален, и что нет несущественных подробностей.

Ибо как раз в этом заключается суть женского любопытства: давай подробности!

У мужчины можно как-то разграничить любопытство и любознательность.

У женщины такой грани нет.

Возбудить любопытство женщины — легко.

Удовлестворить любопытство женщины — куда труднее.

Причем все средства хороши для удовлетворения ее жгучего любопытства. А не жгучего любопытства не су-

ществует. Эта пагубная страсть именно сжигает, просто-таки испепеляет женщину.

Или вот еще выразительный словесный пассаж — «снедаемая любопытством». Да, любопытство женщину снедает, сжигает, а сама она при этом не ест, не пьет, теряет аппетит и сон, пока не удовлетворит свое любопытство.

Вообще, у существительного «любопытство» есть много прилагательных — «праздное», «пустое», «излишнее», «навязчивое»... Все они как нельзя лучше подходят женщине.

Любопытно отметить, что истинное любопытство лишено всякой конкретности и уж тем более корысти.

То есть, когда мы пытаемся что-то выяснить с какой-то определенной целью, это вовсе не любопытство, а целенаправленное действие с объяснимыми мотивами.

Подлинное же любопытство необъяснимо и немотивированно. Просто женщине нестерпимо осознавать, что где-то что-то происходит, а она не знает, где и что именно.

Более того, она и сама не знает, зачем ей надо это знать, но узнать крайне хочет!

Любопытство донимает женщину с малых лет. Причем девчонок абсолютно не устраивает народная мудрость: «Все будешь знать, когда вырастешь с мать». Еще чего — ждать так долго! Нет уж, не дожидаясь вырастания, девчонки суют любопытные носики туда же, куда впоследствии суют еще более любопытные носы женщины.

Женщина игнорирует и другую народную присказку: «Любопытной Варваре нос оторвали». В порыве безудержного любопытства она готова отдать на отрывание не только нос, но и любую иную часть тела.

А самое поразительное то, что женщина — обычно весьма пекущаяся о своем возрасте — не пугается даже такой народной страшилки: «Много будешь знать — скоро состаришься».

Ну и пусть, ну и ладно, состаришься еще неопределенно скоро, а узнать-то припекло уже сейчас!

Анатоль Франс утверждал: «Рано или поздно любопытство становится грехом».

Господи, прости женщине любопытство!

И пусть это будет ее самый большой грех.

Но впрочем, несправедливо валить все грехи на слабую женщину.

Если быть до конца справедливым — а я в который раз заверяю, что всегда стремлюсь таковым быть, — то следует вспомнить слова большого ирониста Оскара Уайльда.

Он сказал: «Знаете ли вы, как велико женское любопытство? Почти так же, как мужское!»

Однако все-таки заметьте — не точно так же, а почти...

ЖЕНЩИНА И УКРАШЕНИЯ

Не место красит человека — человек красит место.

А женщина красит не человека, и не место — женщина украшает саму себя. И занимается этим в буквальном смысле с незапамятных времен.

Я тут в очередной раз вычитал, а потом и выписал размышления древнего римлянина Квинта Септимия Флорента Тертуллиана.

Вот как он размышлял: «Убранством я называю то, что зовут женской опрятностью, а украшательством — то, что следовало бы назвать женским позором. Первое заключается в уходе за волосами, кожей и открытыми частями тела, второе — в золоте, серебре, драгоценных камнях и нарядах, то есть настоящее распутство».

Ну, положим, крутой римлянин чересчур разбушевался — позор, распутство...

Однако некоторые вопросы все же имеются.

Ведь женщина — это вполне живое и даже порой мыслящее существо. Как же, растолкуйте мне, как можно на это живое и мыслящее цеплять какие-то железки и стекляшки, словно на неодушевленную елку?!

Понимаю, обычай этот уходит в доисторическую глубь веков.

Троглодиты и неандертальцы — как женщины, так и мужчины — отгоняли злых духов амулетами из костей динозавра, пугали врагов ожерельями из клыков мамонта, а своих любимых завлекали немислимой красотой колец в носу и перьев в зад.

Но однажды, увидев собственное отражение в ровной глади озера, мужчина шарахнулся: «Ё-мое! Чой-то у меня в ноздре? Какая гадость!»

А женщина увидела в зеркале озера совсем иное: «Ой, что за штучка в моем носике? Какая прелесть!»

И дальше все пошло по-разному.

Мужчина посрыгал с себя все цацки и двинул по пути цивилизации.

Женщина, напротив, добавила побрякушек и двинулась перпендикулярным путем.

С тех пор мужчина не перестает изумляться.

Как очаровательны нежные женские ушки — так зачем же цеплять на них килограммовые серьги, оттягивая мочки к бедрам?

Как волшебна чудная женская шейка — так зачем же вешать на нее полпуда каменных ожерелий, склоняя гордую шейку к коленям?

Как прекрасны тонкие женские пальчики — так зачем же утыкивать их кольцами и перстнями, превращая хрупкие пальчики в растопыренный веер?

Можно перечислять еще немало прелестных частей женской анатомии, подвергающихся мучительному украшению. Но апофеозом для меня была женщина на пляже, у которой кольцо было вставлено в проколотый пупок!

Спокойно, спокойно, нетерпеливые мои читатели! Сейчас я скажу и про мужчин.

В американском журнале мод был такой вопрос: «Какие украшения может носить мужчина?» И такой ответ: «Никаких!»

Ну да, этот журнал читали явно не все, и некоторые мужики тоже цепляют на себя чего попало. Но вы же понимаете, что это за мужики...

Следует отметить еще одно обстоятельство. Конечно, для женщины важна не только красота украшения, но и его стоимость. Однако я убежден, что корыстный момент все-таки не главный.

Детская радость современной женщины, играющей брильянтами чистой воды, абсолютно идентична наивному восторгу первобытной дамы при виде бусиков из чистого стекла.

А сколько было, мягко говоря, неприятностей по поводу этих цацек! Вспомните хотя бы дурацкие подвески английской королевы, из-за которых пришлось попотеть Д'Артаньяну и компании.

Не говоря уже о том, что из-за какого-то паршивого

браслета ревнивец Арбенин подсунул на маскараде невинной Нине смертельный яд, пусть и подслащенный мороженым.

Между прочим, всеми этими проблемами маялись не только вышеупомянутые древние римляне, но даже еще более древние греки.

К примеру, философ-материалист Фалес из Милета сморозил такое: «Не наружность надо украшать, а быть красивыми в духовных начинаниях!»

Само собой, он остался вопиющим в пустыне — этот материалист.

Ибо женщины-то все поголовно идеалистки.

И потому бессмысленны и бесполезны все увещевания легкомысленных женщин со стороны здравомыслящих мужчин.

Таких, например, как Леонардо да Винчи: «Сияющая красота юности уменьшается в своем совершенстве от чрезмерных и слишком изысканных украшений».

Не идут на пользу женщинам даже рекомендации их же сестры — писательницы Сесилии Бель де Фабер, правда, скрывшейся под мужским псевдонимом Фернан Кабальеро: «Украшать себя нужно не для того, чтобы хорошо выглядеть, но для того лишь, чтобы не выглядеть плохо».

Нет, женщины действуют по другому принципу: сначала украсимся, а потом поглядим — как мы выглядим.

Впрочем, одна моя знакомая сообщила, что самый лучший ее наряд это — клипсы и сапоги.

Я тупо уточнил: «Ну, клипсы, сапоги и... что?»

Она засмеялась: «И все!»

Повидать этот самый лучший наряд мне не довелось.

Но я всегда верю женщине на слово.

ЖЕНЩИНА И УМ

А зачем женщине ум?

Это не я спрашиваю. Это так кокетливо вопрошают хорошенькие женщины, утверждая, что им достаточно и красоты.

Но они, конечно, лукавят. Конечно, они просто спрашиваются на комплимент. Мол, что вы, что вы — вы не только чертовски красивы, но и дьявольски умны!

«У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной — сколько у двух куриц». Так сказал Конфуций.

И все! Лучше Конфуция не скажешь, хуже женщину не обидишь.

Надеюсь, после этого китайца мои умствования насчет женского ума покажутся совершенно безобидными.

Не один Конфуций, многие лучшие мужские умы бились над загадкой ума женского. Пытались понять. Силились вникнуть. Старались постигнуть.

И сходили с ума от невозможности постичь умом мужчины феномен ума женщины.

В принципе мыслители сошлись на следующем.

С одной стороны, у женщины, конечно, ума нет (Наполеон утверждал, что «женщина уже довольно умна, если она знает различие между сорочкой и скюртуком своего мужа»).

Но, с другой стороны, у женщины есть нечто большее, чем ум (Киплинг полагал, что «женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность»).

Да, нечто большее, чем ум, это — удивительная догадливость и необычайная проницательность женщины. Женщина быстро и бессознательно постигает истины, до которых мужчина доходит лишь путем долгих и глубоких размышлений.

Иначе говоря, у женщины такая догадливость, что дай бог мужчине такой ум!

Впрочем, не следует и преувеличивать сообразительность женщины. Нет, порой она бывает поразительно несообразительна.

Вспомним шлягер: «Ты скажи, че те надо — может, дам, че ты хошь». Это же чушь какая-то: целый вечер ходить-бродить, наблюдать его «нервную дрожь» и даже не догадываться, «че» ему в конце-то концов «надо»!

Михаил Юрьевич Лермонтов считал: «Нет ничего парадоксальнее женского ума. Женщину трудно убедить в чем-нибудь: надобно ее довести до того, чтобы она убедила себя сама».

Таким образом, ум женщины (если все же признать у нее наличие такового) — это природой заложенное в ней понимание взаимосвязи вещей и явлений, которое формулируется очень просто: женщина всегда права.

А если женщина не права, то это проблема мужчины. Которую ему и решать.

Более того, о многих вещах и явлениях женщина вообще не думает — она и так знает, как все должно быть.

И с этого знания ее не собьет никакой, пусть самый умный мужчина.

Кстати, подлинно умный мужчина тот, у которого хватает ума не требовать ума от женщины.

А подлинно умная женщина та, которая не афиширует свой ум.

Вот классическая реприза: «Какой умный мой муж! Он размышляет над глобальными проблемами: расширение НАТО, отношения с Международным валютным фондом, санкции против Саддама Хусейна... А я — дурочка, я решаю всякие пустяки: какая должна быть мебель, куда поехать на отдых, что купить — мужу мотоцикл или мне шубу...»

Да уж, прав был Поль Валери, утверждавший: «Умная женщина та, в обществе которой можно держать себя как угодно глупо».

А небезызвестный колонизатор Джозеф Редьярд Киплинг, считавший, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», примерно так же считал мужчину и женщину двумя совершенно разнополярными созданиями.

Однако при этом он признавал: «Самая глупая женщина может сладить с умным мужчиной, но с дураком сладит лишь самая умная».

Любят ли мужчины умных женщин? Чего греха таить — нет, не любят.

А любят ли женщины умных мужчин? И здесь таить нечего — да, любят.

Вот такой парадокс.

Хотя что уж тут парадоксального — все ищут то, чего им самим не хватает.

Правда, остается загадкой отражение этой темы в фольклоре. Который, в свою очередь, является отражением жизни. Абсолютно непонятно, почему Иван — традиционно дурак, а Василиса — наоборот, премудрая?

Может, разгадка в том, что все эти гусяры, бандуристы и акыны, все эти гомеры, бояны и братья гриммы —

сплошной блеф, а на самом деле все мифы и сказки сочиняли женщины.

Можно долго спорить, есть ли у женщины ум. Но бесспорно одно: даже если у женщины ум есть, то он у нее есть только до той поры, пока не заговорит ее сердце.

А когда начинаются сердечные дела, женщина творит глупость за глупостью, множит ошибку на ошибку, вытворяет такое, что кажется, будто у нее не функционирует не только ум, но и просто рассудок.

Небезызвестный кардинал Мазарини заметил: «Самая мудрая женщина, которая могла бы управлять целым государством, выбирает своим господином мужчину, которому нельзя доверять в управление даже десяток куриц». (Черт, опять эти курицы, а ведь Мазарини от Конфуция отделяют две тыщи двести лет!)

В общем, как уже сказано выше, немало умных мужчин пытались разобраться с феноменом ума женщины, однако никому это до конца не удалось.

Однако ближе всех к истине все-таки подобрался немецкий писатель Иоганн Пауль Фридрих Рихтер.

Фамилия у него была длинная, но формулировал он кратко: «У женщины все — сердце. Даже голова».

ЖЕНЩИНА И УСТАЛОСТЬ

Есть у женщин одна фраза, для мужчин невыносимая.

То есть невыносимых женских фраз не одна, а великое множество, но одна невыносима особенно. Это когда женщина вдруг, да-да, почему-то чаще всего именно вдруг, совершенно ни с того, казалось бы, ни с сего произносит: «Я устала!»

Конечно, женщине, тем более нашей российской, есть от чего устать — работа, хозяйство, магазины, дети, а у некоторых и того хуже — муж.

Но дело в том, что, произнося сакраментальное «я устала», женщина имеет в виду вовсе не то, что она днем таскала шпалы, а вечером пахала по дому.

Нет, речь идет вообще не об усталости физической, а о какой-то иной. Я даже не могу понять, а следовательно, и объяснить — о какой.

Пожалуй, квинтэссенция этого явления выражена в

известной песне-вопле нашей суперзвезды: «Устала Алла!» Но у нее-то, понятно, хватает причин для усталости — гастроли, овации, фанаты, диеты, клип, Филипп...

Хотя нет, этот свой стон звезда издала еще до Филиппа.

Ей и без него было от чего устать.

А всем прочим-то женщинам — от чего?

У меня долго складывалось и наконец сложилось ощущение, что женщина сообщает об усталости не от чего-то определенного, частного, а как бы в целом — от жизни.

Иначе чем объяснить такой распространенный сюжет: еще нет ни трудов, ни забот, еще только солнце взошло, еще женщина только проснулась, еще с трудом открыла «сомкнуты негой взоры» — и тут же устремив их куда-то в пространство, вздыхает: «Боже, как я устала!»

Вот это-то мужчину и бесит.

Потому что — ну чего ей на это ответить?

Сказать: «Я тоже устал»?

Не советую.

Ибо такого наслушаешься про то, от чего могут устать эти козлы-мужики, что даже если ты действительно устал, после ее монолога усталость как рукой снимет!

А может, в ответ на ее программное заявление взять и промолчать? Просто как бы принять к сведению — мол, устала и устала.

Нет, тоже не рекомендую.

Ибо не для того женщина это произносила, чтобы мужчина промолчал.

Следует еще заметить, что свое скорбное заявление об усталости женщина делает не только в самый неожиданный момент, но и в самых неподходящих местах.

Например, не за штурвалом комбайна или за ткацким станком, что было бы вполне понятно. А скажем, среди шумного бала или на солнечном пляже, что вовсе необъяснимо. И потому приводит мужчину в ярость.

Все веселятся, все отдыхают, а она, видите ли, устала!

От чего? Дай ответ!

Не дает ответа.

Ну, сказала бы: «Я устала ходить на работу!»

Ну, объяснила бы: «Я устала бегать по магазинам!»

Ну, растолковала бы: «Я устала кормить целую ораву!»

Но в том-то и дело, что женщина ничего не говорит, не объясняет, не растолковывает.

А лишь тяжело вздыхает и просто сообщает: «О, как я устала!»

Вернее, сообщает не просто, а с душевным надрывом, драматическим надломом и трагическим накалом.

Это у женщины какая-то универсально-исчерпывающая формулировка.

Вместо четких и понятных описаний своего состояния — «я больна», или «я грустна», или «я одинока» — женщина произносит глобальное «я устала».

И полагает, что всем все ясно.

Однако ясно не всем.

Да простят меня усталые дамы, но этот их душераздирающий текст по абсурду смахивает на популярно-уголовную татуировку на ногах «они устали».

Объективности ради признаем, что хотя речь идет в основном о российской женщине, но это не ее изобретение. Посмотрите хоть любую «мыльную оперу», хоть серьезный зарубежный фильм. Та же картина.

Исчерпав все претензии к мужчине и не зная, что бы еще ему предъявить, стонет француженка: «Я устала, Пьер!», плачет англичанка: «Я так устала, Питер!», рыдает латиноамериканка: «Как же я устала, Педро Хулио Альберто!».

Мужчина тоже может устать.

Но конкретно — нарубив дров, натаскав воды, побросав уголек в топку.

А неконкретная усталость женщины буквально доказывает мужчине!

Ведь скажи она: я устала таскать картошку, он бы ей картошку принес. Наверно.

Или скажи она: я устала убирать квартиру, он был ей пропылесосил. Возможно.

А скажи она: я устала торчать у плиты, он бы ей сделал бутерброд. Вероятно.

Но что ответить на совершенно абстрактное и абсолютно немотивированное сообщение женщины, этого мужчина не знает.

Во всяком случае я точно не знаю.

Могу лишь поделиться скромным личным опытом.

Когда я слышу эту бессмысленную краткую фразу, я считаю в уме до десяти, набираю в легкие воздуха и отвечаю столь же кратко и бессмысленно: «Устала? Отдохни!»

ЖЕНЩИНА И ИНТРИГА

Одна бабулька долгие годы работала в центре города — уборщицей подземного туалета.

А потом она очутилась в таком же подземном заведении, но на далекой окраине.

И это свое социальное понижение туалетная работница пояснила так: «Интриги, ох, какие тут интриги!»

Сия поучительная байка повествует о том, что, где бы женщина ни находилась и какого бы уровня она ни достигла — от подземного туалета до правительственных высот, излюбленное женское занятие — интрига.

Правда, английский сочинитель Уильям Теккерей утверждал: «Есть женщины, созданные для любви, а есть женщины, созданные для интриг».

Но, на мой взгляд, английский сочинитель усложнил проблему. Женщина отлично совмещает и любовь, и интриги.

Способность женщины к интригам грандиозна и безгранична.

Женщина может запросто интриговать даже в одиночестве. К примеру, одна-единственная леди Винтер доставила Д'Артаньяну и прочим мушкетерам больше головной боли, чем все гвардейцы кардинала.

Однако чаще женщина предпочитает интриговать в коллективе.

Когда вы увидите, как несколько женщин о чем-то увлеченно шепчутся, можете смело задавать вопрос: «Против кого дружим?»

Коллективные интриги всегда остро- и сложносюжетные, со многими персонажами и разнообразными действиями. Они развиваются в причудливом стиле любимых женщинами «мыльных опер»: подслушивание, подглядывание, раскапывание компромата, симуляция амнезии, подметные письма, подброшенные младенцы...

И пусть проносятся столетия, пусть меняются времена, но не меняется суть интриги.

Давние хитросплетения римских патрицианок императора Цезаря или версальских кокеток короля Людовика мало чем отличались от нынешних хитросплетений тружениц научного института или продавщиц супермаркета.

Существительное «интрига» не зря употребляется с глаголом «плести».

Женщина именно плетет интригу, как плетут замысловатое кружево: петелька — крючок, петелька — крючок...

И в эту тончайшую интригу-паутину попадают как другие женщины, так и мужчины.

Конечно, мужчина тоже интриговать способен.

Более того, если уж он берется за это дело, то достигает немыслимых для женщины вершин.

Вспомним хотя бы таких жутчайших интриганов, как Никколо Макиавелли и Шарль Морис Талейран.

Но по натуре своей мужчина к интриге не склонен.

Мужчине не по душе, да и не по плечу ювелирность, изощренность и утонченность, с которыми плетет интригу женщина.

Мужчина предпочитает методы примитивные, но ощутимые и быстрее приводящие к цели — дать по башке, двинуть в ухо, долбануть в лоб.

Обычно женщина плетет интригу с определенной целью.

Но бывает, что женщина интригует и просто так, от нечего делать, потому что интрига у нее в крови.

А порой женщина не столько даже интригует — в смысле коварных действий, сколько заинтриговывает — в смысле возбуждения интереса кого-нибудь к чему-нибудь.

В данном случае интриганство женщины безобидно — это как легкая тренировка, чтобы не терять квалификацию.

Интрига имеет и любопытное уменьшительное понятие — интрижка.

Уменьшительное-то оно уменьшительное, однако для женщины весьма немаловажное. Потому что интрижка — это хоть и не пламенный роман, но все же любовная история. А подобная ерунда женщине глубоко не безразлична.

В заключение отмечу, что еще один англичанин, тоже сочинитель и тоже Уильям, но — Шекспир заявил: «Интрига составляет силу слабых. Даже у неумного хватает силы, чтобы навредить».

Соглашаясь, что женщины — слабый пол, и учитывая,

что сила ума — не главное женское достоинство, следует признать: великий Шекспир — на то и великий, что ситуацию «женщина и интрига» он растолковал коротко и ясно.

ЖЕНЩИНА И ВРЕМЯ

Общезвестно: счастливые часов не наблюдают.

Если исходить из этого, то практически все женщины счастливы.

Потому что все женщины практически не наблюдают часов.

Оглянитесь: много ли вы видите мужчин, у которых нет часов на руке? Разве что только тех, у кого часы по новой старой моде — на цепочке в кармашке жилета.

А теперь гляньте на женщин. У половины из них, если не более, часов нет.

Все очень просто: для женщины, в отличие от мужчины, часы не являются предметом первой необходимости.

Потому что часы — точный счетчик времени, а для женщины, опять-таки в отличие от мужчины, время — категория, не поддающаяся точному отсчету.

И дело не в самих часах как механизме фиксации минут и секунд.

У мужчины механизм времени как бы внутри, мужчина, и не глядя на часы, может хоть приблизительно сказать, который час.

А женщина даже не всегда знает, какой день.

Вспомним: время — деньги. Женщина убедительно подтверждает это тождество: как она абсолютно не в состоянии удержать деньги в руках и они у нее буквально утекают сквозь пальцы, точно так же, мгновенно и необъяснимо, у женщины утекает сквозь пальцы и время.

Женщина может искренне желать явиться в нужное место в намеченный час, может искренне мечтать совершить что-то в определенный срок, может даже тщательно спланировать весь свой день — какое дело за каким и в какое время следует исполнить. Но затем происходит нечто для женщины непостижимое: дела еще не начинались, а день уже закончился.

Типичный женский всплеск-вскрик: ой, уже пять ча-

сов! Или — шесть, или — девять, или — двенадцать. Приход любого часа дня и ночи для женщины всегда — неожиданность.

Столь же неожиданны психологические нюансы в оценке женщиной одного и того же отрезка времени.

Я слышал, как на серебряной свадьбе после очередного тоста юбилярша прошипела юбиляру: «Ну, чего ты талдычишь — мы счастливо прожили четверть века, четверть века! Сказал бы просто — двадцать пять лет!»

А вот другой пример психологически разного подхода мужчины и женщины к одному и тому же отрезку времени.

Мужчина (не сомневаясь в горячей благодарности): «Дорогая, я купил тебе шубу! Очень надежный мех — не сносится и за десять лет!»

Женщина (и не думая благодарить): «Ты с ума сошел! Хочешь, чтобы я десять лет носила одну и ту же шубу?!»

А временами женщина вовсе выпадает из времени, полностью теряет ему счет.

Например, в каком-нибудь магазине дамских товаров, в которые женщина может окунуться на немыслимо долгие часы.

Или в беседах с подругой, которые имеют какое-то начало, но не имеют по сути никакого конца.

Что уж говорить про краткий миг любви, в который женщина вообще готова погрузиться навек!

Примечательно, что, не отдавая себе внятного отчета о настоящем времени, женщина почему-то великолепно ориентируется во времени прошедшем.

Особенно — что касается лирических моментов жизни.

Только женщина может легко и уверенно сообщить: мы с ним встретились в семьдесят третьем году пятого августа в четверть восьмого вечера.

Мужчина о той же встрече, пусть даже с очень любимой женщиной, вспомнит с немалым напряжением: мы с ней встретились... это... Ну... как-то летом. Если вообще не скажет: осенью.

Естественно, что при вышеописанных взаимоотношениях женщины со временем она опаздывает на свидания. Ну, на свидание лирическое это еще понятно — пусть он подождет, поволнуется, помучается. Но женщина опаздывает и на деловое свидание, даже на такое, в котором она сама заинтересована больше, чем тот, кто ее ожидает.

Однако самое удивительное вовсе не то, что женщина везде опаздывает.

Поразительно другое — что она всегда успевает.

Женщина опаздывает на работу, но успевает совершить трудовые подвиги.

Женщина опаздывает на поезд, но успевает уехать.

Женщина опаздывает на свидание, но успевает выйти замуж.

Да, связь времен с женщиной причудлива и прихотлива.

Известный призыв: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» женщина приемлет только с легкой корректировкой: «Остановись, мгновенье, я прекрасна!».

А если она не может так лестно отзываться о себе в какие-то мгновения, то и нечего им останавливаться, и пусть себе «свистят они, как пули у виска». Женщина их попросту не замечает.

Короче говоря, женщина умеет какие-то моменты времени сжимать до нуля, а какие-то растягивать до бесконечности.

И если вспомнить строчку Пастернака «у времени в плену», то можно с уверенностью сказать, что это — не про женщину.

Скорее, наоборот, время — в плену у женщины.

ЖЕНЩИНА И Я

Когда у меня был юбилей, естественно, были и поздравления. Мне писали, телеграфировали, звонили по телефону.

Мужчины звонили и представлялись (хотя вроде и без того имена известные и голоса знакомые): «Здравствуй, это Арканов!», «Привет, это Ширвиндт!», «Салют, это Якубович!»

А женщины звонили так: «Здравствуй, это я!»

Да, так и только так, все как одна: «Здравствуй, это я!»

И начинались мучения.

Кто это — «я»?

Какая еще — «я»?

Мне приходилось многократно терзаться этими вопросами и задавать вопросы встречные, наводящие, помогающие как-то идентифицировать поздравительниц.

Но это была лишь моя головная боль, а в голову звонившим дамам подобные вопросы даже не приходили.

Женщина твердо убеждена, что она абсолютно узнаваема и категорически незабываема.

Причем степень близости отношений женщины с мужчиной тут совершенно не важна. Она может быть его сегодняшней любовницей или его позавчерашней сотрудницей, они могли видаться час назад или не видаться три года — все равно женщина уверена, что ее телефонное «это я» однозначно, как изображение в Интернете или отпечаток пальца в Интерполе.

Что остается мужчине?

Мужчине остается выкручиваться.

Прежде всего, конечно, не дай бог, брякнуть: «А кто это — я?»

Слез, обид, жутких оскорблений или язвительных нотаций (в зависимости от конкретных взаимоотношений) не оберешься!

Поэтому мужчине следует для начала, по возможности, искренне обрадоваться: «А-а, это ты!»

Однако затем очень важно проинтуичить степень выражения радости. Потому что нейтральное «здравствуй» в адрес достаточно близкой женщины или, наоборот, развязное «салют» в адрес дальней чопорной родственницы может только осложнить ситуацию.

Далее, отрадовавшись ритуальному «узнаванию» женщины, мужчина должен перейти к узнаванию реальному. С помощью, как уже сказано выше, наводящих вопросов, осторожных намеков, счастливых озарений.

Это смахивает на известную игру, когда женщина, подкравшись сзади, прикрывает вам пальчиками глаза и вы начинаете гадать: «Света? Грета? Жоржетта?»

Хотя нет, пожалуй, этот тончайший и опаснейший процесс больше сродни продвижению сапера по минному полю. Ибо в игре с закрытыми глазами все-таки можно неоднократно ошибаться, а минер, как известно, ошибается только раз.

Какое-нибудь неудачно вставленное «когда мы с тобой в Сочи...» или «твои любимые вареники с вишнями...» может вызвать в лучшем случае мгновенноледяной переход на «вы» («Вам не кажется, что вы меня с кем-то путаете!«).

а в худшем — классическую истерику («Мерзавец, это не твоя драная кошка Эльвира, это я!»).

Причем заметьте, даже в таком экстремальном варианте женщина верна себе: кто это — «я», так и остается не проясненным.

Иногда женщина расширяет лаконичную формулу до более пространной: «Здравствуй, это я, узнаёшь?»

Только у меня тут стоит вопросительный знак, а женщина произносит это безо всякого вопросительного знака — скорее с восклицательным.

То есть добавочка «узнаёшь» вовсе не выражает хоть какую-нибудь неуверенность, какую-то тень сомнения. Нет, это просто легкая женская игривость.

И бедный мужчина покорно подтверждает, что несомненно он ее «узнаёт», а затем начинает лихорадочно соображать, что же ему предстоит.

И опять-таки спектр предположений чрезвычайно широк — то ли просто надо одной женщине вернуть контакты, то ли пора совсем другой платить алименты.

Рассмотрение очередного женского феномена хорошо бы закончить его объяснением. Хорошо бы, но у меня никакого объяснения нет.

Ну не могу я объяснить, почему женщина так железобетонно убеждена, что она узнаваема и незабываема, единственна и неповторима.

Не могу объяснить, отчего первая, а может, и вообще единственная буква женского алфавита — это большая буква «Я».

И потому сдаюсь на милость победительниц.

И лишь пытаюсь, пусть малоубедительно, но все же переубедить женщин.

Ну милые вы наши, славные, хорошие, ну бог с вами — неповторимые, ну черт с вами — единственные, ну поймите и поверьте: это не мы по вашему изумительному голосу не узнаем вас, а это телефонная связь паршивая, аппаратура устаревшая, да и сами мы кое-кто не первой молодости и не второй свежести — барабанные перепонки уже не те.

Так что, будьте добры, пожалуйста, после вашего грандиозно-волнующего «это я» добавляйте еще какой-нибудь пустячок вроде «Зина», «Нина», «Октябрина»...

Не считите за труд, а?!

ЖЕНЩИНА И ОДЕЖДА

Эти размышления практически не потребуют от меня усилий по изложению собственных мыслей.

Данный вопрос можно исчерпать сплошными цитатами из великих мыслителей.

Потому что этим предметом женщина достала всех мужчин всех веков и всех народов!

Начнем с немца Генриха Гейне: «Вы помните историю Евы? Как только женщина приходит в сознание, ее первая мысль — новое платье».

Продолжим итальянцем Паоло Бови: «Прежде всего красивое платье, затем красивый мужчина, чтобы поклоняться ей, таковы обычные желания женщины».

Поддержим французом Себастьяном Шамфором: «Наряд — предисловие к женщине, а иногда и вся книга».

Украсим англичанином Джозефом>Addисоном: «Павлин во всем своем блеске не выставляет напоказ столько цветов, сколько можно насчитать в наряде англичанки».

Подведем итог испанцем Лопе де Вега: «Половиной своей красоты женщины обязаны портникам».

И наконец, окончательно завершим русским Львом Толстым.

Хотя так просто завершить не удастся. Классик в этом вопросе был совершенно неостановим и крайне гневен: «Отчего азартная игра запрещена, а женщины в чувственных нарядах не запрещены? Они опаснее в тысячу раз! Всякая разодетая женщина представляет опасность для общества. Когда я вижу разодетую женщину, я хочу закричать: городской!»

Ну, не будем идти на крайности полицейских репрессий.

Однако что-то же с этим все-таки делать надо. Хотя — бесполезно.

Как ни странно, но разницу в подходе мужчины и женщины к этой проблеме весьма точно выразила именно женщина — француженка Мадлен де Пюизье: «Мужчина, которому предстоит сделать какой-нибудь решительный шаг, думает: «Что я скажу?», а женщина: «Как я оденусь?»

Для мужчины одежда — это всего лишь подручное средство, чтобы укрыться от холода или обнажиться в жару.

Для женщины одежда — предмет постоянных раздумий, забот, усилий, поиска, выбора, покупок, а главное, непрерывной смены-перемены.

По наблюдениям американских психологов, женщина переодевается для того, чтобы пойти в магазин, вынести мусор, развесить белье, посидеть у телевизора, спуститься за почтой, сходить за солью к соседке... В то время как мужчина переодевается лишь на свадьбы и похороны.

Причем это — американский мужчина.

А наш — ну, разве что на свадьбу, а на похороны вряд ли переоденется.

Поразительно, что женщина помнит всю свою одежду — каждую тряпку.

Мало того, она еще и четко помнит, что когда и куда надевала.

Всем известны бесхитростные вирши на обороте девичьей фотографии:

*Видишь, Вася, я снялася
В этом платье голубом,
Но не в том, что отдалась я,
А в совсем-совсем другом.*

При этом ладно бы — помнит себе и помнит.

Но нет, женщина еще и терроризирует мужчину: «Ты помнишь розовую кофточку, в которой я была на свадьбе Жанны?.. Помнишь открытый свитерок, который я надевала на премьеру Упырьева?.. Неужели ты не помнишь атласные брючки, в которых я пришла на наше третье свидание?..»

Ну, не помним мы, не помним! Ни кофточку, ни свитерок, ни брючки.

Скажу больше: мы даже не помним ни Жанну, ни Упырьева с его премьерой.

И еще страшнее: мы с трудом припоминаем третье свидание.

Не говоря уже о первом.

А самое не укладывающееся в голове мужчины — это нытье женщины, что ей надоела старая юбка или блузка. И хотя она твердит об этом вечно, оно у него все равно не укладывается.

С разумной точки зрения мужчины, все как раз — наоборот. Старые, добрые привычные джинсы или свитер

так славно умялись соответственно очертаниям его фигуры, так свободно растянулись, не стесняя его движения, так спокойно обвисли и слегка продырявились, создавая легкую вентиляцию тела.

Опять же, казалось бы, ладно — пусть два взгляда на один и тот же вопрос. Ей надоедает одежда, ему не надоедает.

Но нет, женщина никаких двух взглядов допустить не может, она признает лишь один взгляд — свой.

И потому идет бесконечная война.

Женщина прячет, выбрасывает, сжигает старую одежду мужчины.

А мужчина ищет, находит, восстанавливает из пепла и вновь надевает любимые обноски.

Мужчина обретает душевный покой.

Женщина — на грани нервного срыва.

И я не знаю, как успокоить женщину, как ей объяснить, что одежда это — тьфу, ерунда, бытовая необходимость, всего лишь оболочка, не более.

Может быть, женщине польстит такая виртуозно-куртуазная формулировка немецкого романтика Иоганна Пауля Фридриха Рихтера: «Одежда есть оружие красоты, которая слагает ее после сражения, как воин перед своим победителем».

А может, женщину вразумит то же самое, но сказанное короче и проще толковым французом Жаном Кокто: «Каждая юбка надевается лишь для того, чтобы быть снятой».

ЖЕНЩИНА И КОКЕТСТВО

Если и есть в женщине что-то данное ей от природы в момент появления на белый свет и неистребимое за все годы, что женщина на белом свете находится, так это — кокетство.

Кокетству никто женщину не учит.

Но уже самые малые девчонки так умеют закатывать глазки, надувать губки и сводить бровки, что ставят в тупик своих столь же малых ровесников противоположного пола.

При этом, как в детстве, так и далее по жизни, женщины вовсе не требуется принимать осознанное решение:

мол, вот сейчас я с ним пококетничаю... Нет, кокетство женщины — действие бессознательное, функция автоматическая.

А главное, как утверждал Жан де Ларюйер: «Кокетка до последнего своего вздоха уверена, что она хороша собой и нравится мужчинам».

Но ошибочно полагать, будто женщина кокетничает лишь с теми мужчинами, которые ей по сердцу и которых она желает заманить в свои сети.

Ничего подобного. Женщина кокетничает направо и налево со всеми.

Даже когда предмет ее вовсе не интересуется, она все равно не силах удержаться. Да и не прикладывает никаких сил для удержания.

То есть можно сформулировать следующее: кокетство женщины это неодолимое и неукротимое желание и стремление всем нравиться, но без потребности и возможности всех любить.

А вот когда доходит до любви, до мужчины, который интересуется женщину всерьез, тогда она не тратит свои чары по-пустому, а подходит к делу гораздо толковее, пускающая в ход более тяжелую артиллерию, чем легкое кокетство.

Француз Фредерик Сулье заметил: «В ответ на любовь добродетельная женщина говорит — нет, страстная — да, капризная — и да, и нет, кокетливая — ни да, ни нет».

Вот это вот дурацкое «ни да, ни нет» доводит нормального мужика до бешенства!

Поэтому многие мужчины сурово осуждают кокетство.

К примеру, другой француз — Поль Массон так заклеил это свойство женщины: «Красота — ключ к сердцам, кокетство — отмычка».

А россиянин Виктор Авсеенко со свойственным россиянам максимализмом заклеил еще круче: «Кокетство — это кража чужого чувства с помощью надетой маски, это нравственное шулерство».

Лично я далеко не столь суров и максимален.

На мой взгляд, кокетство — это только легкая проба пера, оттачивание женского оружия, своего рода смотр войск в ожидании более ответственных и, не исключено, кровопролитных битв.

У бывалых мужчин есть схожая привычка — чистить

коней, сушить порох и вострить сабли, чтобы решительное сражение не застало врасплох.

И как всегда, справедливости ради, я не могу оставить слабых женщин на осуждение прокурорам-мужчинам.

Я призываю в качестве адвоката женщину. Не просто женщину, а королеву.

Румынскую королеву Елизавету, которая была еще и писательницей под псевдонимом Кармен Сильва.

Так вот, Елизавета-Кармен утверждала: «Кокетство женщины — не всегда средство завлекать, оно бывает и средством защищаться».

Королева знала, что говорила. Да-да, мы, мужики, тоже не сахар.

Мы можем так пристать-достать бедную женщину, не исключая и саму королеву, так что ей — хоть криком кричи! Ну, женщина порой и кричит. Порой и отбивается.

Однако бывают и такие непростые обстоятельства, когда мужчина — из разряда тех, кому и чувством нет сил ответить, но и по фэйсу неловко съездить. Вот тогда женщина в порядке самообороны и выдает ему суррогат чувства — кокетство.

Таким образом, доверчивый мужчина получает обертку от конфетки вместо самой конфетки. И ходит довольный, лелея бессмысленные надежды.

Поэтому, несмотря на все сказанное выше, я обязан предостеречь.

Однополчане мои (в смысле — лица одного со мной пола)!

Не принимайте кокетство за нечто совсем иное, за призывный огонек.

Не летите на этот огонек, сломя голову и опалия крылья.

Ибо кокетство женщин для них — бессердечных — просто игра.

А для нас — беззащитных — просто гибель!

ЖЕНЩИНА И ПОКУПКИ

В каком-то фильме сыщик разоблачил преступника — мужчину, переодетого женщиной. Переоделся тот хорошо, и загримировался классно, и походку женскую отработал достоверно. Однако все равно был схвачен, во всем

признался и задал лишь один вопрос: «Как вы догадались, что я не женщина?»

И сыщик ответил с проницательностью Шерлока Холмса: «Элементарно! Вы шли по улице и ни разу не глянули на витрины магазинов».

Да, этот сыщик знал женщин.

Разглядывание витрин и посещение магазинов, даже когда ей не надо ничего покупать, это проза жизни женщины. А когда еще и надо что-нибудь купить, это уже поэзия.

Мужчина не в состоянии осмыслить формулу «пройтись по магазинам».

А для женщины это столь же осмысленно, как «пойти в театр».

Мужчине абсолютно все равно, что покупать — колбасу, носки, телевизор.

А для женщины каждая покупка исполнена своего, конкретного значения.

Мужчина идет в магазин, когда в холодильнике нечем поживиться даже мыши.

Женщина пополняет запасы регулярно, составляя заранее список необходимого.

Мужчина сводит процесс покупки к примитиву: пришел, увидел и купил.

А женщина погружается в этот процесс с головой. И с душой.

Звездным часом женщины является покупка вещей, которые надо примерять. Примерка — это утоление детской мечты женщины стать актрисой.

Женщина примеряет не только то, что собирается купить, но и то, что заведомо не купит.

Ну зачем ей, труженице стройплощадки, это платье со шлейфом? Ну куда она, медицинская сестричка, наденет эти сапоги до бедра? Ну где она, скромная учительница, появится в этом декольте до пуза?

Но женщина примеряет и шлейф, и сапоги, и декольте — чтобы хоть на миг превратиться из Золушки в принцессу!

Женщина может перемерить все шляпки, туфли, перчатки в магазине, но ничего не взять. При этом женщине требуется железное здоровье, а работникам прилавка — стальные нервы. Вот, как в анекдоте.

Продавец: «Большое спасибо, мадам!»

Покупательница: «За что? Я же ничего не купила».

Продавец: «Да, но с вашей помощью мы провели инвентаризацию всего товара!»

Отдельное зрелище — лицо женщины в момент принятия решения о покупке.

На ее лице отражаются титаническое бремя, вулканическое смятение, грандиозное напряжение... Проблема Гамлета «быть или не быть» — просто детский лепет в сравнении с дилеммой женщины «брать или не брать».

Особенную ярость мужчины вызывает не столько пламенное стремление женщины делать покупки, сколько ее поразительное умение делать покупки ненужные и бесполезные.

Впрочем, это — с точки зрения мужчины. А с точки зрения женщины — в каждой покупке есть толк. Который она в ответ на вопрос мужчины: «Зачем тебе это?!» излагает исчерпывающе: «Очень хочется!».

И женщину вряд ли переубедит утверждение даже такого мужчины, как Бенджамин Франклин, чей портрет украшает долларовую купюру, которой, возможно, женщина за покупки и расплачивается: «Если ты покупаешь то, что тебе не нужно, то скоро будешь продавать то, что тебе необходимо».

Однако все же, как обычно, я замолвлю словечко в защиту бедных женщин, не понимаемых мужчинами.

Вот, скажем, у женщины есть все — шубы, платья, духи, брильянты... И мужчина справедливо полагает, что эта женщина счастлива.

Но женщина — загадочное существо! — несчастна.

И загадка объясняется просто: эти шубы, платья, духи, брильянты покупает и приносит ей мужчина.

А женщине важно не только обладать вещами, но и иметь сладостную возможность самой их приобретать.

Покупка для женщины — это не простой акт товарно-денежных отношений, а сложный психофизический феномен.

Покупка — способ релаксации женщины.

Покупка для женщины — надежный антидепрессант.

Если настроение женщины на нуле, если на душе скверно и даже если вовсе жить не хочется, нет лучшего средства, чем вышеупомянутое «пройтись по магазинам».

Какая связь между настроением, душой и магазинами — этого мужчине не понять.

Это может постичь только женщина.

Более того, у каждой женщины есть свой рецепт покупок-лекарств от житейских болезней. Одна лечится покупкой косметики, другую возвращает к жизни приобретение обуви, а у третьей панацея от всех бед — новые колготки.

Что же касается нас, мужчин, то мы делимся на три типа.

Один — не ходит в магазины никогда, ни за что, ни при какой погоде.

Другой — изредка отправляется с женщиной за покупками. Но после первого прилавка начинает дергаться. После второй очереди ощущает зубную боль. А после третьей примерки окончательно звереет и убегает пить пиво с клятвой: больше никогда, ни за что, ни при какой погоде!

И наконец, третий — редчайший, практически вымирающий тип мужчины, который сопровождает женщину в поход по магазинам. Он — носильщик сумок и пакетов. Он — консультант с правом ничего не решающего голоса. Он — мальчик на побегушках, которому женщина покрикивает из примерочной кабинки: «Принеси юбку сорок восьмой размер!», «Поддай такое же платье, но без воротника!», «Дальтоник, я же сказала: черно-белый свитер, а этот бело-черный!»

Ну, а на что же еще годимся мы, мужчины, в этом утомительно-отвратительном процессе?

Разве что лишь на то, о чем я виртуально провозглашаю тост: «Пусть, мужики, нам будет по карману все то, что нашим бабам по плечу!»

ЖЕНЩИНА И КОМПЛИМЕНТЫ

Да, доброе слово и кошке приятно. А уж — женщине...
Добрые слова, предназначенные женщине, называются комплименты.

Перед комплиментами самая сильная женщина — бессильна.

Перед комплиментами самая защищенная женщина — беззащитна.

Перед комплиментами самая неприступная — отступает.

Только не думайте, что женщина ничего не понимает. Все она понимает, все соображает. Но ничего поделаться с собой не может.

Комплименты для женщины — как душ: освежают, ободряют и повышают жизненный тонус.

Комплименты для женщины — как солнце: согревают душу и оттаивают сердце.

Комплименты для женщины — как лекарства: заглушают сердечную боль и лечат душевные раны.

Однако между комплиментами и лекарствами — существенная разница. Лекарства следует потреблять в ограниченных количествах. Передозировка лекарств смертельна. А комплименты ограничивать не следует. Передозировка комплиментов для женщины не только не смертельна, а, напротив, живительна.

Комплименты — это еще и лакмусовая бумажка, с помощью которой женщина оценивает мужчину.

Например, если у женщины красивые длинные ноги и женщина говорит, что у нее красивые длинные ноги, то женщина заключает, что этот мужчина — прямолинейный, недалекий и скучный. А вот если у женщины нос кнопкой, а мужчина утверждает, что у нее римский профиль, то женщина... Нет-нет, она вовсе не решит, будто этот мужчина — бессовестный лжец. Наоборот, она сделает вывод, что он обладает яркой фантазией и неординарным мышлением.

И вообще, женщина с дивными волосами довольно равнодушноотреагирует на сообщение, что у нее дивные волосы. Но если у женщины так себе фигура, то она будет счастлива услышать, что фигура у нее идеальная.

Короче, как философски заметил философ Френсис Бэкон, «труднее всего излечивается болезнь ушей».

Женщина ничуть не обманывается насчет своих достоинств и недостатков. Она их знает куда лучше, чем мужчина. Женщина вообще проницательна, и трудно обмануть ее в чем-либо. Кроме — комплиментов. Эту наживку женщина заглатывает не глядя. И не думая. И даже не желая думать.

Комплименты — не путь к уму женщины, а дорога к ее сердцу. От доброго слова добреет взгляд мегеры-секретар-

ши, от теплого слова теплеет лицо халды-проводницы, от ласкового слова становится ласковой словарный запас чумы-продавщицы.

Комплименты бывают тонкие и грубые.

Вот пример тонкого комплимента. На требование в метро: «Уступите место пожилой женщине!» следует изумленно уставиться на нее и воскликнуть: «Я с удовольствием, но покажите мне эту пожилую!»

Пример грубого комплимента гораздо проще. Скажем, при виде толстушки надо поинтересоваться: «Где выращивают такие топ-модели?»

Тонкие комплименты — тоньше, но — рискованней.

Грубые комплименты — грубее, но — безотказней.

И в этом деле невозможно переборщить. Пробуйте, экспериментируйте, несите любой бред. Скажите дурнушке: «Ты красавица!» — и она на это клюнет. Скажите глупышке: «Ты умница!» — и она это заглотнет. Сообщите истеричке: «У тебя ангельский характер!» — и она расцветет от счастья.

В общем, тут нет предела. Тут просто беспредел!

Классический пример дал Евгений Шварц в пьесе «Голый король». Первый министр говорит королю: «Я старик честный, старик прямой. Позвольте мне сказать вам прямо, грубо: вы великий человек!» На что король отвечает: «Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза!»

Этой цитатой, как вы догадываетесь, я уже перекинул мостик от женщин к мужчинам. От лица которых английский писатель Оливер Голдсмит признался: «Мы равнодушно принимаем заслуженные комплименты и с признательностью выслушиваем те, на которые не имеем никакого права». А тоже английский и тоже писатель Генри Филдинг продолжил: «Скажите дураку, что он очень умен, а плуту, что он честнейший человек, и они заключат вас в свои объятия».

Так что все мы — и женщины, и мужчины — одним мирром мазаны.

И потому логично завершить эти заметки славным призывом Булата Окуджавы: «Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все — любви счастливые моменты!»

ЖЕНЩИНА И ХАРАКТЕР

Древняя персидская пословица гласит: «Чужой ум можно узнать в какой-нибудь час, но нужны годы, чтобы узнать чужой характер».

Утверждая это, древние персы, на мой взгляд, говорили только насчет мужчин.

Ибо для того, чтобы узнать ум женщины, никакого часа не нужно — хватит и пары минут.

А уж для узнавания женского характера тем более не нужны никакие годы — женщина проявляет характер немедленно и во всей красе.

Да, скрыть, утаить, удержать свой характер — это женщине не под силу. Женщина в этом не властна, она не может обуздать себя.

Поэтому она предпочитает обуздывать другого. Естественно — мужчину.

Был такой фильм «Девушка с характером». Кто не видел, поверьте на слово: это совсем не «Девушка моей мечты».

Уже давненько идут споры насчет души человека: где, в какой именно точке тела она, душа, находится? Таким же спорным является вопрос: где, в каком месте гнездится женский характер? Ясно лишь одно — наверняка не в голове.

Перед женским характером отступают ум, разум, здравый смысл.

Про поступки, которые женщина совершает под его влиянием, говорят уныло и безнадежно: «Ну что поделаешь, ну такой у нее характер...»

То есть женский характер — как диагноз, с которым не поспоришь. Как стихия, против которой не попрешь. Как война, которая все спишет.

Точнее говоря, у женщины даже не характер, а нрав. В смысле — норов.

Искренне надеюсь не обидеть ни одну милую даму сравнением с норовистой лошадкой, которая, чуть что не по ней, взбрыкивает, косит горячим глазом, рвет удила и бьет копытом, затаптывая все, что под копыто попадет.

Короче, тут как нельзя кстати фраза кого-то из наших юмористов: «Коня на скаку остановит, себя — не сумеет никак!»

Российская история и литература оставили нам классические характеры сумасбродок и самодурок: помещица Салтычиха, купчиха Кабаниха, барыня, сгубившая беднягу Муму...

А я в своих заметках не раз цитировал англичанина Оливера Голдсмита, неизменно с ним соглашаясь. Но на этот раз я хочу с Оливером поспорить.

Вот, он написал: «Характер женщины определяется красотой или безобразием ее лица».

А по-моему, ничего подобного. Видали мы и не слишком красивых женщин с очень милым характером и, наоборот, красотою с характером — оторви да брось!

Спасение от женского характера, пожалуй, только в одном — в женской отходчивости. Женщина переменчива, как ветер мая, и потому она обычно не слишком надолго задерживается в одном психофизическом состоянии.

То есть мужик, конечно, тоже бывает с характером — крутой, своенравный, буйный. Если уж он проявляет свой характер, то делает это, круша все вокруг до основания. И затем — длительное время отходит от бури и приходит в себя.

А женщина — как легкий флюгер.

Вот она только что буянила, метала молнии и насылала громы на голову мужчины.

Но вот уже она как ни в чем не бывало щебечет по телефону с подругой.

А тем временем ошалевший мужчина все еще выбирается из-под остатков бурелома.

И вот еще что интересно. Чисто теоретически женские характеры бывают разные: сильные и слабые, вздорные и спокойные, сумасбродные и уравновешенные... Но, повторяю, это — чисто теоретически.

А практически — по жизни попадают в основном сумасбродные, вздорные, скандальные...

Однако ведь где-то — опять же теоретически — где-то есть и тихие, мягкие, спокойные... Но где они, где — практически?

В общем, как говорят остроумные французы: «Женишься на обаянии, а жить приходится с характером».

Да уж — приходится.

ЖЕНЩИНА И ЗЕРКАЛО

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что если бы женщине предложили взять с собой на необитаемый остров всего один предмет, она бы взяла зеркало. Потому что женщине без зеркала в этом мире как-то одиноко. А женщина и зеркало — это уже сладкая парочка.

Женщина просто не состоянии пройти и не заглянуть в любое попадающееся на ее пути зеркало. Даже если оно расположено так неудобно, что она рискует свернуть шейные позвонки.

А кроме различных зеркал вокруг, есть еще заветное зеркальце в дамской сумочке. И уж им-то женщина пользуется вообще непрерывно.

Женщина так часто смотрится в зеркало, что у меня даже возникает серьезное опасение. А может быть, она не столько проверяет свою внешность, сколько идентифицирует свою сущность? То есть, может быть, это ирреальное создание — женщина — испытывает ежеминутную потребность удостовериться в реальности самого факта своего существования.

Писатель с простыми именем и фамилией — Сергей Сидоров — высказал такую непростую мысль: «Зеркало — это граница между прошлым и будущим, в котором можно увидеть только настоящее».

Но женщина к этому относится проще. Глядя в зеркало, она успевает все: и оценить настоящее, и взгрустнуть о прошлом, и задуматься о будущем.

В театре есть термин «зеркало сцены». Это, собственно, тот четырехугольник, где разыгрывается действие пьесы, подразумевающее действие жизни. Для женщины даже маленькое карманное зеркальце — это тоже своего рода «зеркало сцены», в котором отражается течение ее жизни — и радость побед, и горечь утрат...

Впрочем, оценить свое отражение объективно — это далеко не каждой женщине по плечу.

Классик Гоголь предупреждал, что «на зеркало неча пенять, коли...» (не стану из деликатности завершать известную цитату), но некоторые дамы очень даже пеняют.

Помните, в сказке другого классика — Пушкина:

*Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет...
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло!»*

Заметим, что порой зеркалом для женщины служит мужчина. Заглянув ему в глаза, она может увидеть в них тако-ое...

А что сказать про отношение к зеркалу самого мужчины? Скажем следующее: если он, как еще один классик — Толстой, не является «зеркалом русской революции», то в остальных случаях мужчина смотрит в зеркало не часто.

Да и чего ему туда смотреть? Только расстраиваться!

В очень жизненном анекдоте мужик утром после вчерашнего с ужасом вглядывается в зеркало, самого себя не узнавая, и мучительно бормочет: «Ко... Ко... К-ко...» А тут доносится голос жены: «Колька, ты уже продрал глаза?» И мужик с огромным облегчением радостно договаривает: «А, во, Колька!»

Отдельные мужчины любят ныть, что женщина пьет из них кровь. Выходит, женщина — вампир. Но посмотрите любой фильм про кровопийц, и вы узнаете, что подлинный вампир никогда не отражается в зеркале. А женщина-то очень даже отражается! Так какой же она вампир?

И наконец, даже если мужчина и не часто пользуется каким-нибудь предметом, все равно у него всегда найдется про этот предмет какая никакая мудрая мысль.

Вот и Балтасар Грасиан, представленный в энциклопедии как «испанский иезуит, писатель и глубокий мыслитель», изрек следующее: «Есть зеркала для лица, но нет зеркал для души. Этот пробел следует восполнить серьезными размышлениями над самим собой».

Ну, зануда...

Милые дамы, не слушайте вы этого Балтасара!

Не знаю, какой он там писатель и мыслитель, но уж точно — иезуит.

ЖЕНЩИНА И ЭМАНСИПАЦИЯ

Уже немало лет и даже столетий женщина борется за эмансипацию — за равноправие полов.

Но вот тут-то и заключено некое лукавство.

Дело в том, что слово «эмансипация» в точном переводе означает вовсе не «равенство», а «освобождение от зависимости». То есть в данном случае — освобождение от зависимости женщины от мужчины.

А это, как говорится, себе дороже!

Ведь, согласитесь, трудно найти женщину, которая не мечтает опереться на надежную мужскую руку, склониться на надежное мужское плечо, укрыться за широкой мужской спиной, что, естественно, предполагает и определенную зависимость от мужчины.

Поэтому женщина предпочитает толковать эмансипацию по-своему, как равенство.

Ну и отлично, ну и давайте равняться в общем строю...

Нет, виноват, не получится. В строю по команде «Равняйся!» следует повернуть голову направо так, чтобы видеть грудь четвертого человека. А с женщинами все индивидуально — уже первый бюст может перекрыть весь дальнейший строй.

Впрочем, это частный армейский случай. (Хотя заметим в скобках, что эмансипированные женщины рвутся в армию столь же активно, как и за руль автомобиля, штурвал корабля или в кресло депутата).

А в более общем смысле равных прав и товарищеских отношений возникает проблема, которую несколько грубовато сформулировал английский писатель Гилберт Честертон: «Если женщина станет товарищем, вполне возможно, что ей по-товарищески дадут под зад».

Более интеллигентно это формулируется по Марксу: «Бытие определяет сознание». Во всяком случае — прямолинейное сознание мужчины.

Например: если мегера-начальница наорала на тебя в офисе, то ты вряд ли уступишь смахивающей на нее женщине место в троллейбусе.

Уходя шире в проблему и глубже в историю, отметим такой парадокс.

Средневековые рыцари были крайне галантны с прекрасными дамами, пели им серенады, состязались за них на турнирах.

Но в свободное от турниров время дамы сидели в замках и не смели пикнуть!

А уезжая в командировку, скажем, на крестовый поход, галантные рыцари вообще заковывали бедных дам в чудовищный «пояс верности».

Какая самая возвышенная на свете поэзия — розы, слезы, грезы, неземная любовь и готовность отдать жизнь за один лишь взгляд любимой?

Ну, конечно, это поэзия Востока.

А где самые бесправные на свете женщины?

Увы и ах, но тоже на Востоке.

Иначе говоря, уже не по закону Маркса, а по закону Ломоносова: чего в одном месте прибавится, того в другом месте убавится. То есть: прибавляется равенства — убавляется романтизма.

Это, конечно, очень нехорошо, это совершенно неблагородно.

Но что поделать, если живет в нас, мужиках, нечто средневеково-феодальное и восточно-деспотическое.

Суть проблемы верно изложил создатель еще одного закона — бессмертного Закона Паркинсона: «Теория равноправия практически не применима. Реформаторы могут добиться поголовного искоренения джентльменов, однако женщина по-прежнему хочет, чтобы с ней обращались как с леди».

Впрочем, не стоит особо прислушиваться к высказываниям мужчин на эту тему.

Английская писательница Вирджиния Вульф (та самая, которую кто-то «боится») предупреждала: «История мужского сопротивления женской эмансипации едва ли не интереснее, чем история самой эмансипации».

И наверняка именно мужчина (какой-то не известный мне автор, но несомненно мужчина) заявил: «Эмансипация — слишком серьезное дело, чтобы его доверять женщинам».

Но тут, как говорится, ловлю вас на слове.

Сказав «а», следует вымолвить и «б».

Если не доверять эмансипацию женщинам, то, выходит, за это дело должны взяться мужчины.

И значит, верно заявил другой, вполне известный автор — австрийский журналист Карл Краус: «Права женщин — это обязанности мужчин».

ЖЕНЩИНА И ФЕМИНИЗМ

Возможно, кому-то покажется, что разговор о феминизме — это тот же разговор об эмансипации.

Ничего подобного!

Эмансипация — мирное движение.

Феминизм — непримиримая борьба.

Эмансипе — это в общем-то забавная женщина, предпочитающая носить мужские брюки и шляпы.

Феминистка — это яростное существо, желающее брюки и шляпы у мужчин вообще отобрать.

Программная фраза феминисток: «Женщина может сделать все то же, что и мужчина, кроме одного — обмотить стену стоя».

Главный лозунг феминисток: «Все люди — сестры!»

Эмансипация — это мечта о равноправии женщин с мужчинами.

А феминистки даже и не мечтают о жалком равноправии.

Барбра Стрейзанд так и заявила: «Не думаю, что мы и мужчины равны. Мы выше!»

Ну, Барбра — американка. А феминистки Америки вообще самые крутые.

Подашь им пальто — получишь возмущенный взгляд.

Поможешь выйти из машины — получишь гневную отповедь.

А уж, не дай бог, поцелуешь ручку — схлопочешь по фэйсу.

К счастью, наши дамы не такие оголтелые.

Наши — гораздо милее, улыбчивее, трогательнее, беззащитнее.

Наши — принимают цветы, понимают комплименты и не рвутся платить за себя в ресторане.

И вообще, наши еще только осваивают азы феминистики.

Моя знакомая женщина-кинорежиссер рассказывала о международном женском форуме, на котором наши да-

мы слышали часто повторяемое, но не знакомое им словечко «сексизм». И решили, что «сексизм» — это хорошо, это нечто вроде призыва к сексуальной раскованности и даже свободе.

И когда слово получила наша делегация, ее представительница закатила речь, красной нитью которой был призыв: «Даешь сексизм, хороший и разный!»

Однако на протяжении этой речи наши дамы с удивлением замечали, что их соседки постепенно отодвигаются от них, как от прокаженных. И к концу речи наша делегация оказалась в полном вакууме.

Потом уже им объяснили, что «сексизм» — это термин, означающий дискриминацию женщин по половому признаку.

Впрочем, это было давно. А теперь и у нас уже начинаются робкие феминистские телодвижения.

Как широко известно, главная наша феминистка — Маша Арбатова.

Она излагает свою платформу довольно внятно: «Феминизм состоит не в том, чтобы говорить мужчинам, что женщины — такие же люди, как они, а в том, чтобы говорить женщинам, что они — такие же люди, как мужчины».

Мысль, конечно, интересная. И замысел благородный. Не опустить мужчин, а поднять женщин.

Но женщины пока что не шибко поднимаются.

Бедная Маша! Она сама рассказала о студентке МГУ, мечтающей выучиться и стать профессиональной феминисткой. Когда у юной мечтательницы спросили, что это означает, та ответила: «Это значит вообще ничего не делать и говорить, что мужики — козлы!»

А в славном городе Воронеже создан форум под названием «Независимая женская демократическая инициатива», сокращенно — «НеЖДИ».

Намек ясен. Следуя мичуринскому «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!», воронежские красавицы и умницы сами себя призывают «не ждать» милостей от мужчин, а взять их у них своими руками.

Впрочем, женщины, может, и глупенькие, но не дуры. Они тоже кое-чего соображают. И говорят об этом.

Французская писательница Колетт высказалась тонко-парадоксально: «Женщина, считающая себя умной,

требует равных прав с мужчинами. Женщина действительно умная — не требует».

Пламенная защитница животных Брижит Бардо уверяет: «Чем больше женщина стремится освободиться, тем несчастнее она становится».

А создательница культового романа «Джентльмены предпочитают блондинок» Анита Лус вообще кипит от негодования: «Эти феминистки меня просто бесят! Они забираются на ящики из-под мыла и заявляют, что женщины умнее мужчин. Это правда, но об этом надо помалкивать, иначе нам придется закрывать лавочку».

И в заключение — еще одно, на мой взгляд, весьма авторитетное мнение.

Виконтесса Нэнси Астор была самой первой женщиной, избранной в британский парламент. Уж она-то знала толк и в женщинах, и в мужчинах, и в общественном устройстве.

Так вот, Нэнси Астор вопрошала: «Что может быть хуже, чем мир, которым управляют мужчины? Разве что мир, которым управляют женщины!»

ЖЕНЩИНА И ИЗМЕНА

В суровые и наивные советские времена бытовал такой лозунг:

*Запомни: изменяя мне,
Ты изменяешь всей стране!*

Несомненно это придумал мужчина.
Возможно, тот самый, который сочинил и песню:

*Раньше думай о Родине,
А потом — о себе!*

Но женщина смотрит на мир иначе.

Женщину это самое «изменяешь ВСЕЙ СТРАНЕ» мало колышет (если, конечно, речь не о предателе родины, а о любимом мужчине).

А вот это «изменяя МНЕ» для женщины во сто крат страшнее.

Не знаю, как бы описала картину души обманутой женщины сама женщина, а мужчина Вашингтон Ирвинг

описал это так: «Сердце женщины, в любви своей оскорбленное изменой, подобно крепости, захваченной, опустошенной и покинутой».

Печальное зрелище!

Обманутую женщину ничто не может утешить. И уж менее всего — телеграмма, которую присылает с курорта мужчина: «Но люблю только тебя!»

Женщина не в состоянии понять такое: люблю — но изменяю.

У женщины в голове не укладывается, что можно изменить телом, не изменяя душой.

Женщина и слышать не желает разумных аргументов, что измена — это всего лишь дань мужской физиологии.

Была бы ее воля, она бы эту «физиологию» выдрала с корнем!

Писательница Филипп Жерфо — дама с мужским именем — сказала: «Мужчина прощает и забывает. Женщина прощает — и только».

То есть женщина еще как-то может простить измену, но забыть ее — ни за что.

И следовательно, женщина все равно невольно возвращается на круг: «Не забудем, не простим!»

А не простим — значит, отомстим.

Месть женщины за измену страшна. Об этом свидетельствуют классические примеры — от древнегреческой Медеи до среднерусской леди Макбет Мценского уезда.

И хотя в наше цивилизованное время первобытные страсти вроде бы поутихли, но все равно, мужики, остерегайтесь, не доводите их — себе дороже!

Однако, как известно, есть две стороны медали.

Пока что мы говорили про измену женщине.

А теперь поговорим про измену самой женщины.

Вежливый, как все японцы, Кикиути Кан рассудил так: «Если мужчина может забавляться со многими женщинами, отчего женщине не поступать точно так же».

Вот женщина так и поступает. Но все-таки не «точно так же».

Не надо все сводить к примитиву: око — за око, зуб — за зуб.

Нет, женщина может крупно отомстить за измену, но не мелко изменить в отместку.

Для более глубокого анализа мотивов женской добро-

детели и измены у вежливого японца, конечно, кишка тонка.

Тут нужен многоопытный в амурных делах француз.

Например, знаменитый моралист Франсуа де Ларошфуко.

Во-первых, Ларошфуко говорил: «Большинство женщин сдается не потому, что сильна их страсть, а потому, что велика их слабость».

Ну, это он просто искал для женщины оправдания. И зря, потому что женщина сама что угодно, как угодно и перед кем угодно оправдает.

Во-вторых, Ларошфуко утверждал: «Почти все порядочные женщины — это нетронутые сокровища, которые потому и в неприкосновенности, что их никто не ищет».

Ну, это уже просто ковбойский анекдот про неуловимого Джо, который лишь потому неуловимый, что на фиг он кому нужен, чтобы его ловить.

А в-третьих, Ларошфуко уверял: «Есть немало таких женщин, у которых в жизни не было ни одной любовной связи, но очень мало таких, у которых была бы только одна связь».

Ну, а это уже в переводе с французского на русский звучит просто и ясно: «Лиха беда — начало!»

Женская измена отличается от измены мужской.

Прежде всего тем, что, как кто-то остроумно заметил, женщина ищет, с кем провести вечер, а мужчина — с кем провести ночь.

Кроме того, женская измена отличается от мужской несколькими «не»: она, как правило, не случайная, не легкомысленная, не беззаботная.

Мужчина порой и рад бы изменить, да побаивается.

А женщина не изменяет не оттого, что боится, а оттого, что хранит верность.

Эту разницу отметил еще Овидий Публий Назон: «Добродетельна та, которую не понуждает страх. А кто верна из боязни, вовсе не верна».

И еще женскую измену, в отличие от мужской, гораздо труднее разоблачить и сложнее доказать.

Когда женщину спрашивают, изменяла ли она, женщина отвечает: «Да. Не изменяла».

Какая изумительная казуистика!

Это очень похоже на популярные нынче опросы с вариантами ответов «да», «нет», «затрудняюсь ответить».

Так вот, женщина обычно «затрудняется».

Зато мужчину женщина раскалывает легко, как пустой орех.

Она говорит ему с проницательностью следователя: «Я все знаю! Я знаю — где ты мне изменяешь, я знаю — с кем ты мне изменяешь». И добавляет с уничтожительной усмешкой: «Я только не знаю — чем ты мне изменяешь?»

Обидно, конечно. Но за что боролись, на то и напоролись!

Кроме того, женщина отлично владеет известным боевым приемом: лучший способ обороны — нападение.

Не случайно еще хозяин «ювеналова бича сатиры» Децим Юний Ювенал вопрошал: «Когда жена с особенным усердием мучает мужа?»

И сам себе отвечал: «Когда ей надо скрыть измену и обмануть его».

Но вообще-то мой друг — не гневный сатирик, а грустный юморист — Костя Мелихан считает так: «Женщина изменяет тому, кого не может изменить».

Толковая мысль. Неплохо бы нам, мужикам, эту мысль осмыслить.

ЖЕНЩИНА И ИНТУИЦИЯ

В различных моих размышлениях об удивительных и загадочных свойствах удивительного и загадочного существа — женщины я не раз слегка касался, пожалуй, самого удивительного и самого загадочного из всех ее свойств — женской интуиции.

Но при более зрелом размышлении я понял, что женская интуиция заслуживает не случайного легкого касания, а отдельного пристального рассмотрения. Что я и попытаюсь сейчас проделать.

Итак, прежде всего отмечу, что хотя некоторые мужчины порой отказывают женщине в признании каких-то ее умений и свойств, но женскую интуицию все мужчины признают однозначно.

Правда, незадолго до новой эры царь иерусалимский Агриппа Первый высказывался на эту тему еще не очень

прямо, а с уклончивым подтекстом: «Женщина не совсем хорошо постигает вещи, которые могут быть объяснены лишь с помощью интеллекта».

Но уже в новой эре мужчины отменил всякий подтекст и предпочли прямые и ясные тексты.

Оноре де Бальзак: «Женский инстинкт стоит прозорливости великих людей».

Артур Конан-Дойл: «Женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических доводов».

Готхольд Эфраим Лессинг: «Одна женщина намного проникательнее сотни мужчин».

Я долго думал, я пытался понять: а почему, собственно, мужчины так безоговорочно признают наличие у женщины сверхъестественной интуиции?

И после долгих раздумий я наконец понял: а потому что — боятся!

Да-да, мужчины боятся попасть под власть этой самой интуиции, опасаются ее разоблачительного действия и, проявляя осторожность, на всякий случай задабривают женщину.

Но тщетны наши мужские хлопоты — женщину на мякине проведешь!

Женщина и признание своей интуиции благосклонно примет, и все равно просвечивание мужчины по полной программе произведет.

Так что, в порядке самообороны нам следует попробовать кое-что другое.

В философском смысле интуиция — непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения.

Эту научную формулировку задолго до ее рождения, еще в четвертом веке нашей эры, изложил в более образном виде египетский монах Филатерий.

Сидел он с другими монахами в Ските (я пишу Скит с большой буквы, как название пустыни под Александрией, где проживали монахи, а уже потом это стало именем нарицательным), так вот, сидел Филатерий в Ските и однажды сказал: «Женщины догадываются обо всем. Ошибаются они лишь тогда, когда думают».

Уж не знаю, откуда монах так знал женщин.

Но, может быть, мужики, именно на этом самом плац-

дарме мы и сумеем дать им наш последний и решительный бой!

Действуем так: вот она проинтуичила, вот она все просекла, вот уже вроде спасения нет... Но тут-то и надо ей безо всякой агрессии, мягко так предложить: нет, дорогая, погоди, милая, ты про все очень правильно догадываешься, однако теперь давай немного подумаем...

И — логикой ее, и — аргументами, и — фактами!

И все. И тут она растеряется. И проколется ее интуиция, как воздушный шарик. И отступит ее мракобесие пред мощною силой рассудка.

И сдастся женщина на милость мужчины-победителя.

Складно я все это изложил. Красиво. Но — нереально.

Знаю, пробовал. Не раз пытался я увести женщину из темного царства интуиции в светлый мир разума. Пустое занятие.

Женщина легко и изящно уклоняется от попыток заставить ее о чем-нибудь подумать, что-либо осмыслить. И упорно продолжает свое — интуичит, интуичит, интуичит... До победного конца.

Женщина интуичит про наше настоящее.

Женщина просекает наше прошлое.

Женщина провидит наше будущее.

Ей подвластны все наши тайные загадки, все наши загадочные тайны.

Она видит нас как ладони, она наблюдает нас как на рентгене, она знает всю нашу подноготную...

Но как? Откуда? Почему?

Я уже было совсем отчаялся это понять.

Я даже был готов уже поверить в любую мистику.

Но в последний миг мне подарил шанс на прозрение, мне бросил спасательный круг понимания простой американский театральный критик Джордж Джин Натан.

Этот критик критически заявил: «То, что мы называем интуицией женщины, объясняется всего лишь прозрачностью намерений мужчины».

И сразу все стало ясно. И сразу стало легче.

Простая разгадка сложной загадки таинственной женщины.

Оказывается, дело-то вовсе не в том, что она — интуитивная — все про нас видит, а в том, что мы — наивные — сами ей все показываем.

И уже упоминавшаяся в моих заметках полячка Магдалена Самозванец подтвердила с обезоруживающей откровенностью: «Нет загадочных женщин, есть просто недогадливые мужчины».

ЖЕНЩИНА И СТЕРВА

Сколько я ни пишу о женщине, а все не перестаю удивляться: как она непредсказуема!

То про нее, не дай бог, не то что слово, а хотя бы словечко нелестное сказать. А то женщина сама про себя такое скажет...

Вот Элизабет Тейлор как-то похвастала: «С особой легкостью и удовольствием мне даются роли стерв».

Но это хоть ладно, это — роли на экране.

А Ирина Аллегрова спела прямо про жизнь: «Все мы, бабы, стервы!»

Услыхав это, я, во-первых, был крайне удивлен.

А во-вторых, категорически не согласен.

Нет, не все женщины... ну, такие ... ну, как поет Аллегрова... хотя, конечно, многие... но далеко не все... да, очень многие... но все-таки не все...

Короче, собравшись с духом, я решительно и честно заявляю: есть, бывают, попадаютсЯ в жизни бедных мужиков жуть какие бабы-стервы!

Да что говорить, вы их и сами встречали.

А если не встречали, вам крупно повезло.

Но везет, увы, не всем. И даже не очень многим.

Особенно почему-то не везет великим.

Начиная с уже упоминавшейся мною Ксантиппы — жены Сократа, которая лупила великого философа домашней туплей.

И заканчивая Софьей Андреевной, от которой рванул в никуда граф Лев Николаевич Толстой.

Хотя почему — начиная и заканчивая? Да нет, и до Ксантиппы и после Софьи Андреевны стервозные женщины доставали великих мужчин до самой печенки.

Разве что только судьба сжалилась над Достоевским, послав Федору Михайловичу за все его мучения Анну Григорьевну — кроткую и любящую спутницу жизни.

Сравнивая ее с прочими женами великих, поэт писал:

*Анна Григорьевна Сниткина —
Горлица среди ворон.*

Впрочем, какое дело нам-то, простым смертным, до судеб великих?

Великие — они на то и великие, что им уж так на роду написано: и большая слава, и немалые страдания.

Но нас-то, простых, зачем Всевышний одарил стервозными дамами?

Ах, как эти стервы пьют из нас кровь!

Ах, как эти стервы нас изматывают!

Ах, как эти стервы нас терроризируют!

Минуточку...

А почему это я так разахался?

Да потому, что, как бы они над нами ни измывались, но сами-то они при этом чудо как хороши.

Ах, как эти стервы не только пьют, но и будоражат нашу кровь!

Ах, как эти стервы волнуют наши сердца!

Ах, как эти стервы туманят наши головы!

В общем, черт побери, приходится с изумлением признать: мужчины любят стерв.

Ругают, проклинают, ненавидят, но — любят.

Странное дело, вроде бы ни по какой иной части мужчины не замечены в мазохизме. Но тут же — явный мазохизм: они нас терзают, а мы их любим.

Надо бы любить тихих и нежных, покорных и безропотных.

А мы любим этих...

Почему?!

Мы же про них все знаем, все видим, все соображаем.

А великие — они тем более не дураки были. Но кого любили?

Правда, великие умели даже из этой, казалось бы, безвыходной ситуации находить разумный выход.

Например, Сократ говорил: «Сварливая жена — то же, что норовистый конь. Как наездник, одолев норовистого, легко справляется с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми».

И еще великих, конечно, выручал философский подход к явлениям жизни.

Тот же Сократ в ответ на замечания его коллеги Алкивиада, что ругань Ксантиппы непереносима, стоически отвечал: «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса».

Когда же Ксантиппа сначала обругала Сократа, а потом окатила его водой, он с улыбкой воскликнул: «Я так и знал, что за громом последует дождь!»

Но опять-таки повторяю: это великие.

А что же делать нам — простым смертным?

Прежде всего, следует повнимательней приглядеться к самим себе. Может быть, рядом с женщиной-стервой наблюдается и мужчина-стервец?

Затем надо задуматься над утверждением бельгийской журналистки Сильвии Чиз: «Стервами не рождаются — ими становятся». Может быть, мы сами как-то виновны в этом становлении?

Ну, а если уж стерва досталась совершенно без вины виноватому, то тут бороться бессмысленно.

Это только Шекспир на сцене успешно произвел «укрошение строптивой».

А в жизни не стоит и пробовать.

Но и отчаиваться тоже не стоит.

Тот же Шекспир писал: «Если бы все те, у кого строптивые жены, дошли до отчаяния, то десятая часть человечества повесилась бы».

Но ведь не вешаются. Ни десятая, ни сотая часть.

Потому что не отчаиваются. А приспособливаются кто как может.

Вот есть извечная уловка: человек, желая смягчить воздействие какого-нибудь явления, ищет ему другое наименование.

Это, конечно, страусиная политика: прятать голову в песок.

Но все-таки стерва — очень уж резкое словечко. (В скобках опять удивлюсь: как это его выпекает Аллегрова? Нет, я понимаю, слова песни сочинил мужчина, но она-то за чем за ним повторяет!)

Так вот, мы прибегаем к страусиным эвфемизмам, то есть иносказаниям, заменяющим резкое «стерва». Ну, скажем: «язва», «зараза», «ведьма», «гадюка», «мегера»...

Конечно, как говорится, хрен редьки не слаще.

Но на последнем слове этого ряда я хочу остановиться.

Дело в том, что в греческой мифологии Мегера — богиня мщения.

Так, может быть, мегера, в смысле стерва — это и есть отмщение мужчинам.

За что?

А я откуда знаю — за что.

Это вы спросите у женщин.

ЖЕНЩИНА И СЕКС

Мы во всем идем своим путем.

И в сексе — тоже.

Свои размышления на эту тему я хотел, как обычно, подкрепить соображениями великих и умных людей.

Но на этот раз никаких соображений не будет.

Дело в том, что, например, российская «Энциклопедия мысли» вообще не содержит такого слова — «секс».

Более того, вы будет смеяться (или — печалиться?), но этого слова нет даже в десяти томах Малой Советской Энциклопедии. (Каюсь, в Большую я не заглядывал).

А в словаре Ожегова сказано кратко: «Секс — все то, что связано с половой жизнью».

И это все? Да, все.

Но как же — все, ведь это же — целая жизнь! (Хотя и половая).

Короче говоря, попробую сам, без поддержки великих и умных, сообщить вам следующее.

Наша женщина прошла трудный и славный путь. От некогда оглушившего весь мир отчаянного вскрика: «Секса у нас нет!» до сегодняшней лихой песенки: «Секс, секс, секс — уноси готовенького! Секс, секс, секс — кто на новенького?»

Да, сегодня все доступно: Камасутра, Тантра-йога, программа «Про это».

Сегодня полное раскрепощение и массовое просвещение: эротические фильмы — по телику, порнушка — по видео, реклама безопасного секса — повсюду.

Таким образом, наши женщины по независящим от них историческим обстоятельствам, как говорится в русской пословице, «долго запрягали», зато теперь «быстро поехали».

Аж дым столбом!

Женщина — по природе своей максималистка — не может и не хочет останавливаться на полпути.

Сбросив прежние монотонно-серые пуританско-закрытые одежды, наша женщина нарядилась в разноцветные одеяния и обнажилась так, что практически макси-декольте переходит в мини-юбку.

Женщины, прежде не слишком щедро награждавшие сексом даже мужей, теперь бойко заводят любовников.

Девушки, прежде красневшие при одном упоминании о первой брачной ночи, теперь спокойно обсуждают с юношами достоинства орального секса.

Девчонки, прежде интересовавшиеся лишь одним — детей приносит аист или их находят в капусте, теперь на школьных переменах изучают картинки сексуальных позиций.

Все изменилось даже на вербальном уровне.

На смену привычным и милым эпитетам вроде «обаятельная», «привлекательная», «очаровательная» пришло одно универсальное определение — «сексуальная».

А для самых продвинутых — «сексапильная».

И добро бы еще — только женщина.

Но нет, повсюду звучит: «сексуальная одежда», «сексуальный автомобиль», «сексуальное воспитание» и даже какое-то особое «сексуальное питание».

Доходит до смешного.

Прежде нашей женщине так ханжески задолбали мозги, что она даже стеснялась признаться, что вообще интересуется сексом.

А теперь нашу женщину так достала свобода нравов, что ей уже неловко признаться, что она сексом интересуется вовсе не так уж безумно.

В общем, теперь вроде и у нас — все как у людей.

Все, да не все. В главном мы по-прежнему идем своим путем.

Вот, уже в зубах навязли американские киношки с их идиотскими «делать любовь» и «заниматься любовью». Но ведь это не просто корявый перевод и не иносказательная формула известного процесса. Нет, это как раз точный перевод и верная формулировка того, как участвуют в этом процессе зарубежные дамы.

А наша женщина любовь не «делает».

Наша женщина любовью не «занимается».

Наша — просто любит. Так, что порой стены дрожат. А то и рушатся!

Разговор у нас, конечно, не про физиологию. Разговор у нас — про психологию.

Поэтому любопытны наблюдения психологов касательно различного отношения к сексу, как и ко всем прочим явлениям жизни, мужчины и женщины.

Женщина все-таки предпочитает секс, связанный с любовью.

Мужчина же прекрасно обходится в сексе и без любви.

Женщина приближается к сексу непрямым путем, через чувство или хотя бы через имитацию чувства, и, конечно, обязательны слова, слова, слова.

Мужчина же устремляется к сексу молча и прямо, как солдат, намеревающийся взять крепость не долгой осадой, а молниеносным приступом.

Женщине перед сексом требуется с полчаса объятий и поцелуев — то есть интимная прелюдия ей нужна.

Мужчина же полагает, что проводить даму до постели — это и есть вся прелюдия.

Женщина после секса хочет продолжать нежное общение — разговоры и ласки.

Мужчина же после секса хочет только спать и чтоб женщина не приставала.

И вообще, знаете ли вы, что такое вечность с точки зрения мужчины?

С точки зрения мужчины, вечность — это время между той секундой, когда он получил свое, и той минутой, когда она наконец ушла!

Вот и поговорили о сексе...

А впрочем, чего о сексе разговаривать?

Сексом надо заниматься.

Хотя что значит — надо?

Секс — дело такое: хочется, не хочется...

Потому что (все-таки под конец я отыскал цитатку — выручила, как ни странно, феминистка Джермейн Грир): «Плохая еда — лучше чем никакая, но плохой секс — хуже чем никакой».

А некоторые вообще рекомендуют разумное воздержание от этого занятия.

Ну и что? От воздержания еще никто не умер.

Правда, никто и не родился.

ЖЕНЩИНА И ЮМОР

Очень деликатная тема.

Сказать, что женщина не понимает юмора, — это обида.

Сказать, что женщина юмор понимает, — это неправда.

Пожалуй, самое верное и необидное — сказать ниже следующее.

Женщина понимает юмор. Но понимает не так. Как мужчина.

В давние советские времена, на заре КВН, я гостил у друзей-юмористов в Закавказье. И поинтересовался, почему их республика не играет в эту веселую телеигру, ведь вся страна играет, а они — нет.

Мой кавказский друг чуть помедлил, а потом признался: «Знаешь, дорогой, мы пробовали КВН. Но, понимаешь, одна команда пошутит — другая обижается!»

Вот примерно такая же картина наблюдается и в отношении женщины к юмору. Когда мужчина шутит, женщина, словно гордый горец, обижается на шутку.

Вполне созвучно этим моим соображениям высказался и французский писатель Этьен Рей: «Женщина прощает презрение, грубость, ненависть. Она не прощает иронию».

Ну, положим, женщина и презрение с грубостью тоже не очень прощает.

Но юмор в свой адрес она не прощает категорически.

Согласно словарю, юмор — это всего лишь «беззлобно-насмешливое отношение к чему-нибудь». Однако женщина начисто игнорирует «беззлобное» и выделяет только «насмешливое».

Мужчина ни сном ни духом не желает ничего дурного — он просто шутит.

А женщина уверена — он насмехается.

И эта уверенность сидит в женской головке так прочно, как сказано у поэта Некрасова: «Если уж втемяшится в башку какая блажь, колом ее отудова не выбьешь!»

Женщина в принципе относится к себе весьма серьезно.

И всегда подозревает мужчину в желании посмеяться над ней.

Поэтому чрезвычайно трудно предугадать, насчет чего вообще можно шутить, общаясь с женщиной.

Может быть, насчет логики? Конечно, нет!

А может, насчет внешности? Ни в коем случае!

Или, может, насчет возраста? Упаси бог!

Короче, где мужчина лишь добродушно усмехнется, там женщина взвоется под потолок.

В литературе есть лишь одна блистательная писательница-юмористка Надежда Тэффи. Да, блистательная, но — одна.

В кино и театре очень мало комедийных женских ролей. Наверно, авторы — по преимуществу мужчины — не решаются выставлять женщину в смешном виде.

Да и комедийных актрис тоже немного. Видимо, женщина не любит валять дурака. Вернее — дурочку.

Нет, было бы, конечно, совсем несправедливо представлять женщин такими мрачными надутыми буками. Напротив, женщины бывают весьма жизнерадостны и еще с девчоночьих лет большие хохотушки.

Но вот даже пересказать анекдот женщина практически не умеет.

Она, как это вообще свойственно женщине, нагружает простую фабулу анекдота таким количеством ненужных житейских подробностей, что теряется нить повествования. Или же она легкомысленно меняет всего одно слово, но это слово меняет всю финальную репризу.

Марк Твен заметил: «Отличный способ испортить с человеком отношения — сказать: «Нет, вы не так рассказываете этот анекдот!» И потом рассказать по-своему».

Так вот, женщина — известная мастерица портить отношения — использует, в частности, и этот марктовский способ.

Есть, правда, один день в году — 1 апреля, когда шутить, смешить и разыгрывать друг друга не только можно, но и нужно всем. Включая женщин.

Тот же Марк Твен сказал: «В этот день нам напоминают, что мы собой представляем в течение остальных трехсот шестидесяти четырех дней».

Сказанное относится и к женщине. Как в остальные триста с лишним дней она к шуткам не расположена, так и в первоапрельский день ее лучше не трогать даже в шутку.

Я, например, вот уже сорок лет предлагаю жене один и тот же розыгрыш.

В год нашей свадьбы я пообещал, что каждый раз 1-го

апреля буду ей вскользь говорить: «У тебя какое-то пятнышко на щеке». Или — на лбу, или — на носу. И она будет тут же машинально заглядывать в зеркало.

В ответ жена оскорбилась и заверила меня, что она не такая дуручка, чтобы клевать на такую приманку.

С тех пор каждый год с утра и до ночи 1-го апреля мы с ней оба — как в разведке. Жена бдительно следит, чтобы не расслабиться, не отвлечься и не пропустить мой коварный ход. А я терпеливо выжидаю момент, когда в хозяйственно-кухонно-детских заботах она все-таки потеряет бдительность.

И этого момента вот уже сорок лет я рано или поздно дожидаясь. И вскользь говорю про пятнышко. И жена автоматически заглядывает в зеркало.

Долгие годы я полагал это свидетельством отсутствия у жены чувства юмора. Но недавно ее подруга съязвила: «А может, она просто играет с тобой в поддавки: чем бы большое дитя-муж не тешилось, лишь бы не плакало!»

Огорченный этой мыслью, я додумался до мысли еще более огорчительной. А может, наша семейная история подтверждает слова Александра Дюма: «Неглупой и остроумной женщине неприятно находиться в обществе глупца?»

И может быть, права актриса Стелла Патрик Кэмпбелл — любимая женщина ехиднейшего Бернарда Шоу, которая не менее ехидно заметила: «Знаете, почему господин отказал женщинам в чувстве юмора? Чтобы мы могли любить мужчин, вместо того чтобы смеяться над ними!»

Ну что ж, в финале этих размышлений вы, наверно, ожидаете, что я все же присоветую вам, как лучше разыграть, как остроумнее пошутить с женщиной...

Но я вам советую с женщиной вообще не шутить.

Ибо шутить с женщиной — это играть с огнем!

ЖЕНЩИНА И НЕРВЫ

«М уля, не нервируй меня!»

Эта крылатая фраза из фильма «Подкидыш» уже слегка подзабылась.

Но несколько десятилетий у всех на устах было грозное обращение героини великолепной Фаины Раневской к

своему плюгавому супругу, после которого тот мгновенно и покорно сникал.

«Муля, не нервируй меня!» — за этим предупреждением четко читалось печальное продолжение: «А если разнервируешь, то очень горько пожалеешь, потому как я за себя не отвечаю!»

Нервы — это индульгенция, отпускающая женщине все грехи, оправдывающая любые ее действия.

Достаточно только сказать все объясняющим и все извиняющим тоном: «Знаете, у нее с нервами не в порядке» или: «Понимаете, нервы у нее разгулялись».

Примерно так же в другом фильме хулиган косил под психбольного: «Я щас тебе все выдам, а мне за это ничего не будет — у меня справка!»

Вот так и женщина: что хочет, то и выдает, а ей за это ничего не бывает. Потому что она — нервная.

Хотя и без справки.

Впрочем, и справку добыть женщине ничего не стоит. Какая-нибудь да болезнь у нее найдется. Но ведь известно, что все болезни — от нервов.

А если разобраться, то что это за штука — нервы?

Если разобраться, то «нервы — это тончайшие отростки-волокна, образующие ответвляющуюся от головного и спинного мозга систему, которая управляет деятельностью организма».

Я не доктор. Но хочу поспорить. Не с медицинской точки зрения, а с житейской.

Во-первых, не знаю, как насчет мозга спинного, но что женские нервы имеют весьма далекое отношения к головному мозгу, это, на мой взгляд, очевидно по «деятельности организма» женщины.

А во-вторых, не знаю, как мужские, но женские нервы, опять-таки на мой взгляд, не такие уж «тончайшие волокна».

Голливудские исследования показали, что на просмотрах фильмов ужаса вдвое чаще падают в обморок совсем не тонконервные женщины, а толстокожие мужчины.

И при виде крови из пальца мужчины тоже чаще бухаются без сознания, чем женщины.

А в последнее время некоторые мужья корчат из себя героев, присутствуя при родах своих жен. И потом беско-

нечно исходят нервным восторгом по поводу этого процесса, который для женщины — обычное дело.

Еще пример. Почему большинство хирургов — мужчины, а большинство стоматологов — женщины?

Да потому, что у мужчины нервов не хватает, чтобы мучить больного, мужчине легче сразу взять — и отрезать.

А вот женщина долго и хладнокровно терзает зубы пациента до окончания всех нервных окончаний.

И еще представьте, какие нервы требовались для ведения столетней войны соседок по коммунальной кухне? Железные, стальные нервы!

Между тем, в прошлом... то есть уже в позапрошлом девятнадцатом веке дамы и шагу не ступали без флакончика нюхательной соли или нашатыря, подчеркивая этим утонченность своей нервной системы, которую только тронь, как немедленно понадобятся вышеуказанные спасательные средства.

В те времена наряду со словом «нервный» употреблялось словечко «нервический».

Поэт Яков Полонский писал: «Ее нервического плача я был свидетелем не раз».

Ох, уж этот их нервический плач!

Все мы бывали свидетелями не раз, как с этим самым плачем женщины обвиняли нас, мужчин, черт знает в чем. Мы и «действуем на нервы», и «нервы мотаем», и «портим нервы», и «играем на нервах», и «нервируем по пустякам», и вообще они, бедняжки, всю свою жизнь «держатся на нервах»...

В задачке спрашивается: если так на самом деле, то какие бы нервы могли все это выдержать?

Ответ: только женские нервы.

Так что не верьте, братцы, что нервы у них — тончайшие волокна.

Нет, у них — морские канаты!

Одно из привычных и повседневных женских занятий — нервотрепка.

И не столь важно, чьи нервы женщина треплет — свои или чужие, мужские.

Важно, что нервные клетки — и свои, и чужие — не восстанавливаются.

Так что же делать?

А ничего не делать.

Просто следует при общении с женщиной не терять оптимизм и надеяться на лучшее.

При этом бодро напевая известную песенку:

*И не надо, друг, тратить нервы —
Вроде зебры жизнь, вроде зебры.
Только что был один черно-черный цвет,
А глядишь, уже — и белый свет!*

ЖЕНЩИНА И ТЕЩА

О по словарю: «Теща — мать жены».

И все. Даже слегка обидно. Так коротко, так сухо — про тещу.

А ведь женщина-теща — это фигура легендарная, личность мифологическая, героиня трагическая, комическая и трагикомическая — одновременно.

Прежде всего, теща — персонаж бесчисленных анекдотов.

А так как анекдоты про тещу сочиняют зятья, то есть мужчины, то и анекдоты эти, соответственно, мужские, то есть хамские.

И юмор у них — черный.

Например, такой диалог мужиков: «Где твоя теща?» — «В Минске». — «А-а, «Минск» — хороший холодильник!»

Или вот такой монолог зятя: «Последнее время я стал относиться к теще гораздо теплее. Ношу ей цветы... Покрыл оградку...»

Если же зять мысленно и не хоронит тещу, то во всяком случае не желает ей ничего доброго: «У тещи должно быть только два зуба. Один зуб — чтоб открывать пиво, другой зуб — чтоб постоянно болел!»

А если зять и не желает теще безвременной кончины или тяжелой болезни, то он, как минимум, над тещей насмехается с друзьями.

«Сергея, видишь картинку на аптеке?» — «Вижу, Колян, это эмблема: змея и чаша». — «Не, это моя теща ест мороженое!»

Нелегко жить с тещей в одном доме.

Но не намного легче и на расстоянии.

В уик-энды и по праздникам начинается женское нытье: «Поедем к маме, ну поедем к маме!»

Что остается мужчине?

Только, как в известной рекламе, сделать вид, что именно он — глава семьи и что именно в его главу пришла эта шальная мысль: «Если я сказал: поедем к маме, значит — поедем к маме!»

Так что, хошь — не хошь, а едешь к теще на блины.

Однако все вышеизложенное — это, как говорится, с одной стороны.

Но с другой стороны, и тещу можно понять.

Вы только представьте: вдобавок к ее собственному мужу-охламону в семье появляется еще и муж дочери.

И значит, теперь бедной женщине надо обучать уже не одного, а двоих снимать ботинки у порога, не разбрасывать шмотки где попало, не стряхивать пепел в хрустальную вазу...

Да еще эти двое — зять и тесть — все равно рано или поздно договорятся.

Потому что этим двоим, чтобы сговориться, нужен только третий.

Ну кто, кроме тещи, вынесет подобную нагрузку?

А добавьте к этому сердечную боль женщины-матери при виде того, что этот зять — ни дать, ни взять! — вытворяет с ее бедной дочечкой-кровиночкой.

Как этот варвар достает ее своим идиотскими разговорами о хоккее!

Как этот вандал мучает ее своим бесконечным лежанием на тахте!

Как этот изверг угнетает ее вечными поисками его «зачки»!

Конечно, народная пословица загодя предупреждает: «Дочь — чужая добыча. Дочь — отцу с матерью не кормилица».

Но сколько ни предупреждай, а все одно материнско-тещинское сердце болит.

А у кого что болит, тот, ясное дело, о том и говорит.

И когда теща начинает говорить...

Точнее всего это стихийное бедствие описывается формулой: «Когда говорят пушки, музы молчат!»

Да, не зря комнатное растение с длинным и острым алым цветком так и называется — «тещин язык».

Теща не просто говорит — теща нудит, зудит, жужжит и пилит зятя.

На что зять немедленно отвечает очередным анекдотом.

Муж на даче, решив отрезать засохшую ветку, спрашивает жену: «Где наша старая пила?»

И тут же раздаётся голос тещи: «Ну, не такая уж я и старая!»

Впрочем, все сказанное выше вовсе не означает вечное и бесконечное противостояние тещи и зятя.

Нет, периоды горячей войны сменяются эпизодами войны холодной.

Бывают и длительные перемирия.

Бывают и классические состояния «ни мира, ни войны».

А бывает, вы не поверите, но совершенно точно бывает, что теща и зять живут душа в душу.

Вот, к примеру, как я и моя теща.

Более того, всю свою долгую, вот уже сорокалетнюю семейную жизнь я твержу, что скорее бы разошелся с женой, чем расстался с любимой тещей!

ЖЕНЩИНА И СВЕКРОВЬ

Марлен Дитрих сказала: «Если вы чувствуете за плечами крылья, значит, у вас хорошая свекровь!»

Не знаю, великая актриса сказала эти слова в абстрактном смысле или за ее конкретными плечиками прорезались эти самые крылышки.

Но знаю, что большинство дам ходят совершенно бескрылыми.

Во всяком случае, женщина-невестка не может ни улететь, ни взлететь, ни даже вспорхнуть, потому что на ней тяжкой гирей висит женщина-свекровь.

Невольно напрашиваются сравнения: зять и теща — невестка и свекровь.

Но сколько бы они ни напрашивались, а никаких сравнений тут и быть не может. Зять с тещей против невестки со свекровью — это просто детский сад!

Все дело в том, что зять и теща — это, естественно, мужчина и женщина, а невестка и свекровь — это две, извините, бабы.

И следовательно, все, что касается уже описанных мною взаимоотношений женщин (см. эссе «Женщина и женщины»), в полной мере справедливо и для данного случая.

Вот, скажем, когда ссорятся теща и зять, то это просто крики, скандал, базар-вокзал.

А когда дружески беседуют свекровь и невестка, то это уже драматическое искусство.

Тонкая пикировка, язвительные диалоги, обмен ударами, как утюгами, завернутыми в вату, обмен уколами, которые не оставляют следов, но жалят безотказно.

Например.

СВЕКРОВЬ (с кокетливым вздохом). Ах, как время летит, как все меняется... Помню, юной девчонкой я была очень глупенькая и такая страшенькая...

НЕВЕСТКА (крайне любезно). Ой, что вы, мама, вас совсем не берут годы, вы с юности ничуть не изменились!

Угодить свекрови, или как говорят невестки — свекрухе, практически невозможно.

Еще пример.

Свекровь расщедрилась и подарила невестке в день рождения две пары туфель.

Благодарная невестка, желая ее порадовать, в тот же праздничный вечер надела одни подаренные туфли.

Свекровь это увидела и, поджав губы (почему-то свекровь обычно беседует с невесткой именно поджав губы!), сказала: «А вторые туфельки, значит, тебе не понравились?»

Однако, как и в случае с тещей, свекровь тоже можно в чем-то понять.

Действительно, пришла какая-то чужая, обзывает тебя «мамой», а сама оттяпала твоего сыночка, и он теперь только ей в рот и глядит, и ходит какой-то неухоженный, да и вообще неизвестно, не отравит ли она его своей ужасной стряпней...

Кстати, когда две чужие женщины встречаются в одной семье, это — беда. Но если они еще и встречаются на одной кухне — это вообще катастрофа!

Да, и вот еще что... (Не хотелось бы говорить, но и умолчать нельзя).

Так вот, еще свекрови надо и за собственным супругом

хоть вполглаза, да приглядеть. Потому как известно: «Седина — в бороду, а бес — в ребро!» Классика не раз рисовала нам такую гадкую фигуру, как «снохач» — свекор, положивший глаз на невестку-сноху.

В общем, и объяснение и оправдание свекрови дала американская журналистка Хелен Роулэнд всего одной исчерпывающей фразой: «Матери нужно двадцать лет, чтобы из мальчика сделать мужчину, а потом первая встречная за двадцать минут делает из него дурака!»

Что мне к этому добавить?

Разве лишь одно: не только свекрови, но и сами невестки — тоже не подарок. Потому что невестки — тоже женщины.

И если когда-нибудь невестка станет свекровью, то отольются ее будущей невестке ее нынешние слезки!

Поэтому, следуя благоразумному призыву Кота Леопольда «Ребята, давайте жить дружно!», я обращаюсь к моим любезным читательницам.

Ребята... э-э... дорогие женщины!

Помните: не исключено, что в один прекрасный (или ужасный?) день любая из вас тоже может стать тещей или свекровью.

А если повезет (чем черт не шутит, когда бог спит!), то и той, и другой — в одном лице.

ЖЕНЩИНА И СПЛЕТНИ

Женщины обычно этого и не скрывают, и не стесняются.

Они так жизнерадостно и заявляют: «Сегодня соберемся у Татьяны — посидим, посплетничаем...»

А что, сплетничать — это так естественно для женщины. Ведь сплетня происходит от «плести», «сплестать» — хоть вологодские кружева, хоть кружева слов — нет большой разницы.

Слово за слово — «а вот говорят», «а вот еще говорят», «а еще вот чего говорят» — так и сплетается то, что в словаре названо: «Слух о ком-чем-нибудь, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях».

Но тут я бы сразу и категорически разделил.

«Заведомо неверные сведения» — это особо тяжкая форма сплетни, именуемая клеветой.

По этой части все-таки главные спецы — мужчины. Хоть переслушайте арию Дона Базилио «Клевета», хоть перечитайте Лермонтова «Клеветникам России».

Я же веду речь о более легкомысленной и более присущей женщинам форме сплетни — той самой, что «основана на неточных данных».

То есть: кто-то где-то что-то слышал и кому-то рассказал.

Или как говорят на Украине: источник информации ОБК — «одна баба казала».

Очень точное выражение — «пустить сплетню». Да, этого вполне достаточно — только пустите ее, а уж она сама пойдет, побежит, полетит из уст в уста, из уха в ухо.

Соотношение сплетни и истины причудливо, как плетение макраме.

Это понимают и ловко излагают сами женщины.

Я частенько цитирую двух польских пани, которые являют свое остроумие почти синхронно. Вот и сейчас...

Ванда Блоньская: «То, что о ней говорят, может быть, сплетни, но не вранье».

Янина Ипохорская: «Не знаю, что обо мне говорят мои подружки, но знаю, что это неправда».

Сплетня имеет множество синонимов. И согласитесь, что это довольно разные вещи: гадкое «рыться в грязном белье» и безобидное «перемывать чужие косточки».

Впрочем, по причине моего в целом теплого отношения к женщине я, пожалуй, чересчур снисходителен. Сплетня может быть вполне безобидна, но вовсе не безопасна.

Не зря Брижит Бардо утверждает: «Легче защитить свою добродетель от мужчин, чем свою репутацию от женщин».

А яростная феминистка (естественно — американка) Эрика Джонг воскликнула: «Сплетни — опиум угнетенных!»

В переводе с феминистского языка на человеческий это означает, что мы, гнусные мужчины, так их, несчастных женщин, угнетаем, что им, беднягам, остается лишь один опиум, чтобы забыться, лишь одна радость в жизни — сплетня.

Ну, это уж, извините, называется валить с больной головы на здоровую!

А яростная Эрика на вышесказанном не остановилась, ее вообще занесло невесть куда: «Мужчины ненавидят женские сплетни, потому что подозревают правду: их размеры замеряются и сравниваются».

О господи, нам бы ваши заботы, пламенные феминистки!

Нет, мы не любим сплетни вовсе не поэтому.

А потому, что самый печальный и, увы, весьма распространенный синоним сплетни — это «злословие».

Еврейский Талмуд, собравший всю мудрость древнего народа, в этом вопросе очень суров: «Троих язвит злословие: того, кто говорит, того, который слушает, и того, которого злословят».

Великий Шекспир утверждал: «Язык злословия более ядовит, чем жала всех змей Нила».

А французский просветитель Дени Дидро предупреждал: «Если вы услышите, что женщина злословит про любовь, то знайте, что ее собственные прелести стали увядать».

Задумайтесь, бездумные мои сплетницы, над мудрым словом просветителя!

В общем, чего долго толковать, сплетня — это, конечно, не подарок.

И хорошо бы пресекать сплетню в зародыше. Что некоторые и стремятся делать. А для этого пытаются найти первоисточник, то есть — автора сплетни.

Но авторы сплетен, как и авторы анекдотов, никому неизвестны. Их как бы и в природе не существует. Сплетня — сирота без отца и даже без матери.

Еще одна американка (но не феминистка) Клэр Люс объяснила: «Сплетни — как фальшивые деньги: порядочные люди их сами не изготавливают, а только передают другим».

Отсюда, кажется, следует простой вывод: а вот не передавали бы — и все, и загубили бы сплетню на корню.

Но это только кажется. Сплетню загубить невозможно.

Нет, она тоже, естественно, не вечна. Поживет, поживет, да и загнется. Но только — своей смертью.

А пытаться как-то остановить или погубить сплетню — занятие бесплодное.

И об этом тоже все четко сказала женщина.

Агата Кристи: «Сплетня — это девятиглавая лернейская гидра, у которой взамен одной отрубленной вырастают две головы».

ЖЕНЩИНА И ОБЩЕНИЕ

Сразу, чтобы никого не обидеть, сообщаю, что, строго по науке, человек — это животное. Общественное, но животное.

Значит, и мужчина — животное, и женщина — тоже, pardon, животное.

Причем, на мой не научный, а дилетантский взгляд, женщина — животное стадное. Ну, если помягче, то не стадное, а стайное.

То есть женщины любят сбиваться в стайки.

И не скрою, это меня удивляет. Потому что я уже писал: женщина считает себя единственной, неповторимой и не желает быть «как все» женщины.

Но парадоксально, что в то же время женщина не любит пребывать в гордом одиночестве, а тянется к подругам жизни.

Женщины начинают еще девчонками сбиваться стайками в детсаду: ля-ля-ля, шу-шу-шу...

И завершают этот процесс бабушками на лавочках у подъездов: шу-шу-шу, ля-ля-ля...

Это — не боязнь одиночества.

Это не то, о чем говорил Хемингуэй: «Человек не может один».

Это не то, о чем писал Маяковский: «Горе одному, один — не воин».

Нет, то, о чем мы с вами беседуем, не боязнь одиночества, а жажда общения.

Женщина обладает, говоря современным языком, невероятной степенью коммуникабельности.

Например, женщина терпеть не может ходить куда-нибудь одна.

Ну, не ходить одной в кино — это еще как-то понятно. Женщине необходимо по ходу фильма с кем-нибудь обсудить, где еще играл этот артист, огорчаться, что эта актриса заметно подурнела, и вообще, непрерывно обмени-

ваться впечатлениями о происходящем на экране, за что лично я бы просто убивал, причем убивал бы прямо на месте... Извините, отвлекся!

Да, так вот, кино или театр — это хоть как-то объяснимо.

Но почему женщина не любит одна ходить в кафе, в баню, на прогулку?

Женщина радостно принимает любые формы стадного... извините, стайного общения: светские салоны, деревенские посиделки, междусобойчики, кружки, девичники...

Конечно, мужчины тоже порой собираются в компании. И большие, и малые.

Вот, скажем, мужская толпа движется на стадион — поболеть за любимую команду.

Или встречаются три товарища — продегустировать любимый напиток.

То есть мужчины, если уж собираются, то всегда — с конкретной целью.

А женщины сбиваются в стайки просто так. Просто пообщаться.

Потолковать о времени и о себе, посплетничать и попереживать, поделиться кулинарными рецептами и медицинскими рекомендациями, похвалить детей и поругать мужчин...

Женщины стайками клубятся на службе, стайками лежат на пляже, стайками гуляют на природе, стайками прогуливаются по фойе театра.

Стайки бывают свои и чужие. Стайка со стайкой дружит или враждует.

Эти женские образования — мимолетны и эфемерны.

Они не спаяны общими интересами или общими идеалами.

Они легко собираются и так же легко распадаются.

Однако на смену распавшимся непременно и так же легко рождаются новые стайки.

На работе и на отдыхе то и дело слышится: «Девочки, пойдемте перекусим!», «Девочки, давайте попьем кофейку!», «Девочки, сходим покурить!».

А мужчина живет проще и прямолинейнее.

Он не ищет ничьей подмоги в делах, где можно действовать в одиночку.

Мужчина хочет курить — идет и курит.

Мужчина хочет пить — идет и пьет.

Мужчина хочет... — идет и...

Рассматривая последний деликатный момент, вновь подчеркну, что все свои рассуждения я излагаю только как дилетант.

А есть и профессионалы — психологи. Которые наблюдают то же самое, что и дилетанты, но в отличие от нас делают глубоко научные выводы.

Так вот, насчет вышеупомянутого деликатного момента психологи выяснили следующее.

Мужчины используют туалеты по их прямому назначению.

Для женщин же туалет — нечто вроде светского салона.

Мужчины, находясь в туалете, не обмолвятся и словом.

Женщины — даже до того не знакомые — выходят из туалета хихикая, как закадычные подружки.

Эти свои наблюдения психологи завершают таким замечательным выводом:

«Никогда еще ни один мужчина не произнес, вставая из-за столика в ресторане: «Слышь, Витек, я собрался сходить пописать. Не желаешь ли со мной за компанию?»

А женщины произносят нечто подобное как само собой разумеющееся.

И отправляются из-за стола легкой стайкой, клином журавлиным в определенном направлении.

Но трудно понять: что же более настоятельно позвало их в эту недалнюю даль — естественная нужда или сверхъестественная жажда общения?

ЖЕНЩИНА И ФИГУРА

Элизабет Тейлор как-то разоткровенничалась: «Я знаю, что я красива, хотя ноги у меня коротковаты, стопы великоваты, а бедра широковаты. Кроме того, у меня несколько подбородков, и вообще я слишком полна».

Не менее откровенно-иронически высказалась и Софи Лорен: «Все, что вы видите, я обязана спагетти».

Конечно, такую откровенность и такую иронию могут себе позволить лишь неотразимые звезды вроде Элизабет и Софи.

Ни одна другая женщина не вымолвит ничего подобного о своей фигуре.

А если и выскажется, то лишь сугубо наедине сама с собой, да и то с единственной целью: начать борьбу за совершенствование фигуры.

Фигура женщины — это святая святых.

Можно сколько угодно восхищаться частностями — стройными ножками, гибкими ручками, осиной талией, лебединой шеей — но все эти частности должны сложиться в единое целое — прекрасную женскую фигуру.

И если они в это складываются — счастье!

А если не складываются — печаль...

Женщина с красивой фигурой шагает по жизни как победительница.

Женщина с неважной фигурой порой вообще прячется от жизни, от людей.

Конечно, мужикам — пузатым, горбатым, кособоким и даже, как мойдодыровский умывальник, «кривоногим и хромым» — не понять эти женские мучения.

Зато нам вполне по уму — уставиться вслед женщине и восхищенно крикнуть при виде стройной фигуры или кисло поморщиться при виде фигуры хилой.

Женщины это видят. Даже не видят — чувствуют. Спиной чувствуют, затылком, боком, всей кожей своей ощущают.

А мы только посмеиваемся над их стремлением к заветным параметрам.

Как, например, в КВНе: «Я вчера на дискотеке склеил потрясную девчонку! Девяносто—шестьдесят—девяносто... И это — только голова!»

Женщины на наши шуточки отвечают песней гордости за свою фигуру.

Как в известной частушке:

*Подарил бесстыжий мой
Мне лилицу рыжую.
А мне с моей фигурой
Надо чернобурую!*

Да, женщина хорошей фигурой гордится.

А с плохой фигурой женщина борется.

Борьба за фигуру — это, как правило, борьба с весом.

Правда, наша отечественная звезда, завидно фигури-

стая Людмила Гурченко возмущается: «Женский организм — это вам не гармошка: потолстею — похудею, потолстею — похудею... Надо держать себя в руках!»

Легко сказать — держать. А как?

Большинство женщин все-таки не держатся, а сражаются. До победы. Над фигурой. И над здравым смыслом.

Одна моя знакомая представляет себе только такой идеал: «Вес тела должен быть равен его температуре!»

Впрочем, достижение идеала веса еще не означает достижения идеала фигуры. Тут возникает очередная проблема.

Вот как ее изложила польская художница Янина Ипохорская: «Когда ты наконец вешишь столько, сколько ты хотела, теперь хочется разместить этот вес по-другому».

То есть на очередном этапе борьбы за фигуру предстоит выбор соотношения ее различных частей.

Не будем скрывать, выбор этот происходит между... как бы помягче, поделikatней... ну, скажем, между верхом и низом.

Решая эту дилемму, разные женщины делают одинаковый выбор.

Актриса Кэтлин Тернер: «Если сбрасываешь вес, забота о заднице, это идет во вред лицу. Но если с лицом все в порядке, это идет во вред заднице. Я выбираю лицо».

Писательница Барбара Картленд: «Женщине приходится выбирать: либо беречь лицо, либо хранить фигуру. Мой совет: берегите лицо и не вставляйте со стула!»

Однако следует признать: сегодня такой выбор уже не столь однозначен.

Дело в том, что во все времена красивая фигура была красивой мечтой женщины. Но в наше время — время топ-моделей, шоу-балетов и стриптиз-баров — для множества девушек фигура — это уже не предмет возвышенных мечтаний, а инструмент жизненных побед.

И вот тут-то, в отличие от вышеизложенного, возможны варианты, когда, как говорится, «ни кожи, ни рожи», но зато — фигура...

А значит, для достижения ее совершенства все средства хороши.

Тайские таблетки, китайские иголки, американские тренажеры, японские сжигатели жира, жизнерадостные

типы на улицах и в метро с табличками «Хочешь похудеть? Спроси — как!».

Чрезвычайно впечатляют и фотографии потребителей волшебных средств — до и после их потребления. Сначала — дама огромная, как слон, потом — стройная, как лань.

А еще — рекламы, краткие и убойные, как выстрел: «похудение», «суперпохудение», «экстрапохудение», «супер-экстрапохудение», «похудение навсегда» и, наконец, чудовищный апофеоз — предложение «исхудать».

Нет, наверно, апофеоз — это «похудеть как артисты»!

Мужчина читает подобную галиматью и думает: сколько же прохиндеев финансово жиреют на стремлении женщины физически похудеть...

А женщина читает и думает: ну и пусть жиреют, лишь бы я худела...

Что поделаешь, фигура требует жертв!

Пожалуй, самое кошмарное, что я слышал на эту тему, было сказано законодательницей всемирной моды незабвенной Коко Шанель.

Когда великой француженке было около пятидесяти, она договорилась вот до какой жути: «Отрежьте мне голову — и вы не дадите мне больше тринадцати».

Трудно сказать, какая у нее была голова.

Но можете себе представить, какая у Коко была фигура!

ЖЕНЩИНА И ЗАГАДКА

В этом заголовке, наверно, было бы точнее вместо союза «и» употребить дефис. То есть не «Женщина и загадка», а «Женщина-загадка». Потому что женщина сама по себе, по своей сути — уже загадка.

Впрочем, эту мысль я неоднократно высказывал в своих заметках, да и без меня эта мысль общеизвестна, и сама женщина ее упорно культивирует. Особенно когда женщине нечем другим ответить на какой-нибудь недоуменный мужской вопрос.

— Почему?! — гневно вопрошает мужчина.

— Потому, — уклончиво отвечает женщина.

— Я не понимаю! — кипит мужчина.

— А разве надо все понимать? — интересуется женщина.

— Конечно, все понимать, все знать! — утверждает мужчина.

— Но должна же быть в женщине какая-то загадка, — заявляет женщина.

Нормального мужика это, конечно, бесит. И он, конечно, бесится:

— Какая еще загадка! Мы что — дети? Мы взрослые люди — какие загадки!

А женщина на это только молчит и улыбается. Загадочно.

Да, не зря классический символ загадки женщины — это загадочная улыбка леонардовской Моны Лизы.

Правда, есть мнение, что на самом деле никакой этой загадочной улыбки не существует — ее просто выдумали искусствоведы.

Более того, один язвительный сатирик вообще предположил: а может, Мона Лиза улыбается так, просто потому что она — дура?

Но я с гневом отвергаю это кошунственное предположение беспардонного сатирика, порочащее загадочных женщин.

Хотя, как ни странно, иногда и сама женщина со свойственной ей казуистикой пытается свалить эту самую загадочность с больной головы на здоровую. То есть — на голову мужчины. Как, например, польская журналистка Янина Ипохорская: «Мужчины только делают вид, будто не понимают женщин. Это им дешевле обходится».

Я с еще большим гневом отвергаю и это ложное утверждение, порочащее ни в чем не повинных мужчин. Нет, мужчина не гонится за дешевизной, наоборот, как в песне поется, «мы за ценой не постоим», только бы понять загадку женщины.

Но нет такой цены, чтобы понять.

Примеров тому тьма. Но мне хватило, к примеру, одного. Это когда одна моя знакомая сидела-сидела, думала-думала и вдруг произнесла мечтательно:

— Что бы такое съесть, чтобы похудеть...

Вы можете понять, чего же все-таки хотела эта женщина? Я — нет.

Загадка. Ребус. Кроссворд.

А ведь, честно говоря, далеко не каждый мужчина большой любитель разгадывать загадки и решать кросс-

ворды. Так что женщине не следует особо перебарщивать по части своей загадочности. Потому как мужчина погадает-погадает, да и плюнет, да и слиняет разгадывать загадку одной женщины с помощью совсем другой.

На этот счет остроила когда-то одесская команда КВН: «Мальчик Петя из пятого класса «А» спрашивает: «Мне нравится девочка Люся из третьего класса «Б». Как проверить мое чувство?» Отвечаем: «Проверь свое чувство на других девочках».

Впрочем, в этом деле имеется и свой вопрос-загадка. А есть ли вообще смысл отгадывать загадки женщин? Ведь американская писательница Дороти Паркер предупреждает: «Мужчина, если бы и смог понять, что думает женщина, все равно не поверил бы».

Иначе говоря, для мужчины отгадка может оказаться еще загадочней, чем сама загадка.

А другой американский писатель Чарльз Ангофф вообще уверяет: «Загадочность женщины является продуктом романтического воображения мужчины».

Да, не спорю, мы — мужики — романтики. Но не до такой же степени!

Мужчина не только романтик, но и аналитик. Мужчина романтизирует, но и анализирует. И упорно силится разгадать вечную загадку женщины.

Однако усилия его напрасны. Ибо остроумец Станислав Ежи Лец пояснил: «Вечная загадка не та, у которой вообще нет разгадки, а та, у которой разгадка всякий день новая».

Вот в этом-то и вся женщина. В этом и вся загадка.

Хотя, нет, пожалуй, даже не в этом. А вот в чем.

Известная французская куртизанка и по совместительству хозяйка литературного салона Нинон де Ланкло предложила такую альтернативу: «Выбирайте: либо любить женщину, либо понимать ее».

Казалось бы, все по-честному: есть выбор — выбирайте.

Но на самом-то деле эта Нинон проявила обычное женское лукавство. На самом-то деле никакого выбора нет. Ведь как я уже, надеюсь, убедительно доказал, понять женщину невозможно.

А если женщину невозможно понять, то что остается? Остается, черт побери, ее любить!

ЖЕНЩИНА И ПОДТЕКСТ

Уже много раз сказано, что женщина много говорит. Да, женщина несет немало текста. Но еще больше — подтекста.

Суть, я думаю, понятна: текст — это то, что женщина произносит, а подтекст — это то, что она при этом думает. И первое со вторым у женщины редко когда совпадает. А часто и вовсе расходится.

Естественно, самое поразительное и парадоксальное несовпадение текста с подтекстом наблюдается у женщины в разговорах с мужчиной.

Мудрый и язвительный старец Вольтер уверял: «Если дама говорит «нет», это значит «может быть», если она говорит «может быть», это значит «да», а если она говорит «да», то это — не дама».

Ну действительно, ну какая же это женщина, если она сразу и безо всяких фокусов скажет именно то, что думает? Нет, надо ведь сначала покуражиться над мужиком, наговорить ему кучу туманного текста под знаком «нет», чтобы он сам мучительно докапывался до сокровенного подтекста «да».

Впрочем, философ Вольтер высказался довольно мягко и интеллигентно. А если круче и резче, то женщина, говоря одно, имеет в виду не просто нечто иное, а вообще диаметрально противоположное.

Она говорит: «Убери руки!», а сама думает: «Обними меня покрепче!»

Она говорит: «Отстань!», а сама думает: «Ну, что ты так вяло пристаешь?»

Она говорит: «Забудь меня!», а сама думает: «Только попробуй забыть!»

Психологи даже рисуют забавные графики несовпадения текстов и подтекстов женских речей, когда сочетание одних и тех же букв, лишь слегка видоизменяясь, выявляет разницу меж тем, что женщина произносит и что она на самом деле имеет в виду.

Вот один из таких графических примеров.

Женщина говорит мужчине:

— ИДИ ОТСЮДА!

Но сама при этом думает:

— ИДИОТ, СЮДА!

Особенно непросто с очень юными девушками. Они думают тако-ое!.. Но твердят одно: «А мне мама, а мне мама целоваться не велит!»

Честно говоря, иногда уже и сама женщина устает от собственных противоречий. Иногда она говорит, но в то же время думает: что я говорю, что я несу, я же совсем другое хочу сказать — милый, дорогой... ну и так далее. Однако ничего поделать с собой женщина не может и продолжает нести текст, оставляя мужчине тяжкую роль раскапывателя подтекста.

Но не станем заикливаться на мужчинах. Весьма активно и очень тонко женщина пользуется текстом с подтекстом и в отношении других женщин. Правда, в этом случае подтекст используется как бы в благородно-утешающих целях.

То есть, скажем, глядя на новую шляпку подруги и думая: «Господи, что это за гадость!», женщина произносит вслух: «Боже, какая прелесть!»

Но тщетно, ведь всем женщинам отлично понятен этот птичий язык. Так что одна женщина ничуть не обольщается, когда другая говорит: «Ты сегодня чудесно выглядишь!», и читает за этим текстом подтекст: «Ну и страшненькая ты нынче!»

А еще, как ни странно, женщина умеет помолчать. Но очень выразительно. Я бы даже сказал, женщина умеет молчать гораздо красноречивее, чем когда она пускает в ход свое красноречие. Женщина смотрит на тебя и просто молчит, и не произносит никакого текста, но в этом ее взгляде и молчании — такой подтекст, что никакого текста уже и не нужно!

В общем, один пишем — два в уме, два на ум пошло — три с ума сошло...

Впрочем, женщины-то с этим разберутся. И, может быть, для них во всем этом ничего страшного и нет. А вот для нас — мужчин — нет ничего страшнее. Потому что для нас — это не жизнь, а сплошное гадание. От которого наша мужская жизнь и зависит.

Нет, иногда у женщины текст и подтекст совпадают. Но это не всегда радует.

К примеру, если она говорит: «Не звони!», и это действительно значит — не звони.

Или если она говорит: «Ты — козел!», и ты действительно чувствуешь себя козлом.

Но попробуй разберись, когда это — именно так, а когда — совсем наоборот.

В этом-то и весь секрет женского текста. А главное — подтекста.

ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ

Начну с такой полуанекдотической байки.

Ночь, луна, в постели — он и она.

И должно быть, оба счастливы.

Но нет, в порыве страсти она шепчет: «Милый, ты меня любишь?»

На что он крайне изумляется: «А что ж я делаю?!»

Вот. Две параллельные непересекающиеся философии, два мира, два космоса — мужчина и женщина.

Мужчина любит и делает свое дело.

Женщина тоже любит, но жаждет не только дела, а еще и слова любви.

Для разных мужчин смысл жизни разный: для кого — карьера, для кого — деньги, для кого — власть.

Но для разных женщин смысл жизни один — любовь. И только любовь.

А все, что вне любви, для женщины не жизнь, а просто существование. Как бы спячка в ожидании весны.

То есть внешне женщина и без любви живет вроде бы нормально: учится, работает, ездит в транспорте, ходит по магазинам, ест, пьет и даже «занимается любовью». Но — не любит. И потому по сути не живет, а так — функционирует.

Но вот когда женщина полюбит, каким счастливым светом загораются ее глаза, какой летящей становится ее походка, как солнечно сияет ее улыбка... И сразу всем все становится ясно.

Шепчутся студентки: «Наша Маша влюбилась!»

Посмеиваются сотрудницы: «Наша Мария Петровна в нежных чувствах!»

Судачат соседки: «Наша-то Петровна опять в кого-то втюрилась!»

Короче говоря, пушкинское «любви все возрасты покорны» относится именно и прежде всего к женщине.

(Правда, замечу в скобках, что, приводя эту мысль Пушкина, забывают не менее важную мысль Тургенева: «Любовь на всякий возраст имеет свои страдания».)

Однако вернусь к основной теме и приведу в ее подтверждение еще один пример.

Моя любимая теща, восьмидесяти шести лет от роду, увы, сутками лежит почти без движения. Но дважды, когда ее будильник показывает девять утра и восемь вечера, она приползает к телевизору, чтобы посмотреть один и тот же — утренний и вечерний — показ стоэпной серии мексиканского сериала «Первая любовь».

Это вообще характерно для женщины: если уж по каким-то обстоятельствам нет своей любви, то необходимо хотя бы посочувствовать, посопереживать, говоря по науке, сублимироваться в любовь чужую.

Потому-то представительницы всех возрастных категорий проливают потоки слез по поводу таких далеких, но им чрезвычайно близких мексиканских страстей.

Потому-то женщина готова часами выслушивать истории любви близких подруг и случайных знакомых.

Потому-то женщина обожает соединять в любовные союзы чужие судьбы.

За любовь женщина готова простить все. В этом деле для нее не существует никаких правовых норм.

Героини вышеупомянутых сериалов творят черт знает что: травят мужей ради любовников, топят любовников за их измену, разряжают револьверы в своих соперниц... А кандидатка каких-нибудь наук в Москве, продавщица бананов в Рио-де-Жанейро и бухгалтер-пенсионерка где-нибудь в Лондоне одинаково всхлипывают: «Но ведь она любила!»

Кстати, а может, наоборот, совершенно некстати, но как и пушкинская строка, так и многократно употребляемая в моих рассуждениях присказка «любовь зла — полюбишь и козла», тоже относится именно и прежде всего к женщине.

Один из братьев Гонкур — Эдмон — печально констатировал: «Женщины всегда любят дурных людей».

Да уж, кого только не может полюбить женщина!

Алкашей и дебилов, подлецов и наркоманов, бандитов и политиков...

Для женщины нет дилеммы: долг или чувство?

Какой может быть долг, когда — чувство!

Вспомним хотя бы реальную историю дамы-следователя из питерских «Крестов», влюбившуюся в своего подследственного и передавшую ему пистолет для побега.

А какие мы знаем примеры великой мужской любви? Ну несмышленный юнец Ромео, ну полубезумный на почве Дульсинеи рыцарь Дон Кихот, ну князь Мышкин, так тот и вовсе, как известно, идиот.

Зато про великую любовь женщины написаны монбланы книг, сняты эвересты фильмов, сложены гималаи песен. Анна Каренина и мадам Бовари, Катерина и Ани-сья, бедная Лиза и Дама с камелиями — имя им легион!

Причем все эти женские любви — несчастные.

«Женщина не способна любить человека счастливого. Та, что никогда не испытывала жалости к любимому, по-видимому, не знала любви», — полагал Анри Рене Ленорман.

Женщина за любовь отдает карьеру, корону, в конце концов — жизнь.

Ибо женщине за любовь ни черта не жалко — пропади все пропадом и гори оно все синим пламенем!

Почему для женщины любовь имеет такое значение — науке не понятно.

Почему женщине без любви не жизнь — науке неизвестно.

Хотя медики что-то там лопочут насчет разной роли коры больших полушарий, в результате чего у мужчины наблюдается интимифобия — боязнь чересчур тесной душевной привязанности, а у женщины этой самой фобии нет... Но вся эта химия ровно ничего не объясняет.

Так что скажем честно: наука пока не в курсе дела.

Нет, конечно, мужчина тоже любить умеет. Но не до такой же степени!

Ну, полюбил-полюбил какое-то время, но надо же и делом заняться. Поварить сталь, попахать землю, пописать стихи...

А женщина это понять не в состоянии. Если уж наступило ее буреломное чувство, то женщина не в силах отключиться от своей драгоценной любви ни дома, ни на работе, ни в самолете под небесами, ни в метро под землей.

Для женщины любовь — понятие круглосуточное. Типичный ее текст: «Милый, давай скроемся где-нибудь, чтобы никого вокруг, чтобы только я и ты, ты и я!»

Мужчину эта перспектива ужасает. Потому что любовь — любовью, но есть же еще дела, друзья, телевизор, наконец... А не только это самое — «ты да я, я да ты».

В общем, сколько на эту тему ни рассуждай, а ничего нового не откроется.

Могу лишь в который раз повторить: очень разные мы — мужчины и женщины.

Более того, Станислав Жан де Буффлер предупреждал: «Рассуждать о любви — это терять рассудок».

Так вот, пока рассудок еще не потерян, я рассуждать прекращаю.

Скажу только, что все это нам — мужикам — непонятно.

Но, может, нам ничего и понимать не нужно?

Может, надо просто поверить на слово, что им без этой любовной ерундовины не жизнь?

Ну так и скажи ты ей: «Я тебя люблю!»

И выдавай это ей трижды в день, как лекарство: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю...»

Что, от этого тебя убудет, что ли?

Библиография

1. **И НЕЧЕГО УЛЫБАТЬСЯ!** (соавтор Л.Осадчук) — «Прапор», 1969 г.
2. **НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ** (соавтор Л.Осадчук) — «Советская Россия», 1974 г.
3. **ИЗ ГОДА В ГОД** (соавтор Л.Осадчук) — «Искусство», 1974 г.
4. **СВАДЬБА ПО-ДЕЛОВОМУ** (соавтор Л.Осадчук) — «Прапор», 1979 г.
5. **ПОЩЕЧИНА** (соавтор Л. Осадчук) — «Правда», 1979 г.
6. **ОДНАЖДЫ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ** — «Искусство», 1983 г.
7. **ФИЛЬМ...ФИЛЬМ? ФИЛЬМ!** — «Правда», 1985 г.
8. **В ОЖИДАНИИ ЧУДА** (соавтор Л. Осадчук) — «Искусство», 1985 г.
9. **ТАИНСТВЕННО ЗВЕНИТ ХРУСТАЛЬ** — «Московский рабочий», 1987 г.
10. **НАЧАТЬ С НУЛЯ** — «Правда», 1988 г.
11. **СРОЧНО К ДИРЕКТОРУ** (соавтор Л.Осадчук) — «Прапор», 1989 г.
12. **ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО** — «Советский писатель», 1990 г.
13. **ПЕРЕУЛОК НАДЕЖД** — «Искусство», 1993 г.
14. **КИНОКОМЕДИИ** — «Прибой», 1995 г.
15. **ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ** — «Киноцентр», 1996 г.
16. **МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА** — «Книга. Просвещение. Милосердие», 1998 г.
17. **ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ** — «Прибой», 1998 г.
18. **ЗОЛОТОЙ ЮМОР** — «Вагриус», 1999 г.
19. **ВСЁ О НЕЙ** — «Авантитул», «ОЛМА- ПРЕСС», 2002 г.
20. **ДУША, СЕСТРА И МАЧЕХА** — «Вече», 2002 г.

Фильмография

1. **ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО** — Беларусьфильм, 1972
Режиссер — А.Игйшев
В ролях: Л.Наумов, Г.Макарова, Л.Каневский, Б.Гитин, Э.Гарина
2. **ВПЕРЕД, ГВАРДЕЙЦЫ!** — Таджикфильм, 1972
Режиссер — В. Ахатов
В ролях: С.Фарада, А.Миршакаров, С.Мирабшоев
3. **СЕРГЕЕВ ИЩЕТ СЕРГЕЕВА** — Беларусьфильм, 1974
Режиссер — Г.Иванов
В ролях: Ю.Каморный, Н.Гундарева, В.Гафт, Л.Дьячков, М.Терехова
4. **ПОВЕГ ИЗ ДВОРЦА** — Киностудия им. Довженко, 1975
Режиссеры — Н.Малецкий, В.Попков
В ролях: Н.Смирнова, В.Конкин, Р.Ткачук, Б. Брондуков,
5. **КРАТКИЕ ВСТРЕЧИ НА ДОЛГОЙ ВОЙНЕ** — Таджикфильм, 1975
Режиссеры — А.Рахимов, С.Чаплин
В ролях: Т.Шакирова, А. Магеррамов, В.Павлов, В.Носик, А.Тураев
6. **МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ** — Молдова-фильм, 1975
Режиссеры — М.Бадикяну, В.Харченко
В ролях: В. Абдулов, Р. Ткачук, Л.Еремина, С. Морозов
7. **ОТВАЖНЫЙ ПИРАК** — Таджикфильм, 1976
Режиссер — М.Махмудов
В ролях: С.Курбанов, Г.Абдуллаева, Л.Рыскулова, А.Мансуров

8. **ПО УЛИЦАМ КОМОД ВОДИЛИ** — Одесская киностудия, 1978
Режиссеры — М.Генин, Н.Ковальский
В ролях: В.Тихонов, В.Этуш, Л.Куравлев, Р.Быков, В.Басов, С. Крамаров, Е. Весник, Р. Ткачук, А. Демьяненко, Н. Селезнева, В.Ивашов, М.Кокшенов, С.Морозов, В.Талызина, И.Ясулович
9. **УЗНАЙ МЕНЯ** — Киностудия им. Довженко, 1978
Режиссер — В. Попков
В ролях: И.Савина, Ю.Григорьев, С.Морозов, Н.Древина, О.Ганиев
10. **ОДНАЖДЫ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ** — Киностудия им. Горького, 1980
Режиссер — Ю.Егоров
В ролях: Н.Гундарева, В.Проскурин, Е.Лазарев, О.Ефремов, В.Смирнитский, В.Титова, О.Гобзева, М.Яковлева, И.Ясулович, Л.Якубович
11. **ЛЮБОВЬ НЕ ПРОЩАЕТ** — Туркменфильм, 1980
Режиссер — И.Бекмиев
В ролях: Т.Курбанова, А.Довлетов, Ю.Шарипов, А.Филь
12. **У МАТРОСОВ НЕТ ВОПРОСОВ** — Киностудия им. Горького, 1981
Режиссер — В. Роговой
В ролях: Н.Казначеева, В.Андреев, Т.Пельтцер, М.Пуговкин, Г.Юматов, Л.Хитяева
13. **АПРЕЛЬСКИЕ СНЫ** — 2 серии — Таджикфильм, 1981
Режиссер — В. Ахадов
В ролях: С.Никоненко, Е.Воронина, Ф.Абдуллаев, Т.Саби-ров
14. **ОТЦЫ И ДЕДЫ** — Киностудия им. Горького, 1982
Режиссер — Ю.Егоров
В ролях: А. Папанов, Г.Польских, В. Смирнитский, Л.Ари-нина, Н.Трофимов, Е.Лазарев, А.Ясулович
15. **ОДИНОКИМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ОБЩЕЖИТИЕ** — Мосфильм, 1983
Режиссер — С.Самсонов

- В ролях: Н.Гундарева, А.Михайлов, Т.Семина, Ф.Мкртчян, Е.Драпеко, В.Павлов, Е.Майорова, Т.Божок, Т.Агафонова, Е.Скороходова
16. **РАННЕЕ, РАННЕЕ УТРО** — 3 серии — Телеобъединение «Экран», 1984
Режиссер — В.Харченко
В ролях: Е.Лебедев, А.Филиппенко, А.Михайлов, Т.Кравченко, В.Антоник
17. **ДЖИГИТ ВСЕГДА ДЖИГИТ** — Туркменфильм, 1985
Режиссер — М.Атаханов
В ролях: А.Атаханов, Х.Нарлиев, Л.Овчинникова
18. **ТАНЦПЛОЩАДКА** — Мосфильм, 1985
Режиссер — С.Самсонов
В ролях: А.Яковлева, Е.Дворжецкий, В.Дружников, Л.Шагалова, С.Газаров, Т.Агафонова, А.Назарьева
19. **НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР!** — Беларусь-фильм, 1986
Режиссер — Н.Лукьянов
В ролях: Е.Стеблов, Ю.Яковлева, Л.Аринина, И.Метлицкая, Н.Егорова, Б.Брондуков, С.Станюта, В.Букин, Р.Янковский
20. **ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВ** — Ленфильм, 1987
Режиссер — В.Бортко
В ролях: Ю.Беляев, Е.Соловей, И.Розанова, Е.Весник, С.Яковлев, Н.Гринько, Ю.Кузнецов, Н.Сайко, И.Скобцева, Н.Русланова, А.Толубеев, А.Булдаков, Г.Штиль
21. **НЕ СОПЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ** — Телеобъединение «Экран», 1989
Режиссер — Н.Александрович
В ролях: И.Мирошниченко, А.Лазарев, О.Машная, Л.Ярмольник, М.Булгакова, А.Акопян, Н.Харахорина, А. Павлов
22. **ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ, или ОПЕРАЦИЯ «КООПЕРАЦИЯ»** — Киностудия «Союз» киноконцерна «Мосфильм», 1990
Режиссер — Л.Гайдай
В ролях: Д.Харатьян, С.Мишулин, И.Феофанова, Р.Мадянов, Н.Гребешкова, М.Светин, А.Белявский, Л. Ярмольник

23. **УДАЧИ ВАМ, ГОСПОДА!** — Ленфильм, 1992
Режиссер — В.Бортко
В ролях: Н.Караченцов, А.Жагарс, Д.Михайлова, Ю.Кузнецов, В.Талызина, В.Павлов, С.Фурман
24. **НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА, ИЛИ НА БРАЙТОН-БИЧ ОПЯТЬ ИДУТ ДОЖДИ** — Киностудия «Союз» киноконцерна «Мосфильм», 1992
Режиссер — Л.Гайдай
В ролях: Д.Харатьян, А.Мягков, К.Мак-Грил, А.Джигарханян, М.Кокшенов, Л.Куравлев, Ю.Волынцев, Э.Виторган, С.Мишулин, Е.Весник, Н.Крачковская, М.Кикалейшвили, Н.Парфенов
25. **РУССКИЙ БИЗНЕС** — Студия «Рубиз», 1993
Режиссеры — М.Айзенберг, М.Кокшенов
В ролях: М.Кокшенов, С.Крамаров, С.Фарада, Н.Крачковская, В.Захарченко
26. **ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЕВЫ** — Киностудия «Слово» киноконцерна «Мосфильм», 1993
Режиссер — В.Ахатов
В ролях: И.Розанова, А.Панкратов-Черный, Н.Гундарева, Л.Федосеева-Шукшина, Л.Куравлев, И.Бочкин
27. **РУССКОЕ ЧУДО** — Студия «Рубиз», 1993
Режиссер — М.Кокшенов
В ролях: С.Фарада, М.Кокшенов, Н.Крачковская, Л.Куравлев, Р.Рудин
28. **НЕ ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ!** — Объединение развлекательных фильмов — ОРФ, 1994
Режиссер — С.Никоненко
В ролях: Е.Леонов-Гладышев, С.Рябова, С.Никоненко, Т.Догилева, М.Евдокимов, Т.Кравченко, О.Волкова, Е.Воронина, В. Ильичев
29. **РУССКИЙ СЧЕТ** — Студия «Рубиз», 1994
Режиссер — М.Кокшенов
В ролях: Л.Куравлев, М.Кокшенов, В.Ильичев, Н.Крачковская, Н.Харахорина, В.Носик
30. **ТОНКАЯ ШТУЧКА** — Студия «Мавр» киноконцерна «Мосфильм», 1999

Режиссер — А.Полынников

В ролях: А.Захарова, Д.Певцов, И.Бочкин, Н.Джигурда, А.Серебряков, А.Смехова, А.Смоляков, И.Олейников, С.Фурман

31. **ИГРУШЕЧНЫЙ РОМАН** — Коммерческий центр «Питер», 2000

Режиссеры — В.Титов, Е.Леонов-Гладышев

В ролях: Л.Попова, А.Равикович, З.Буряк, Ю.Гальцев, Е.Басова, А.Рудаков

32. **СОБАЧИЙ ВАЛЬС** — Коммерческий центр «Питер», 2000

Режиссеры — В.Титов, Е.Леонов-Гладышев

В ролях: Л.Попова, А.Равикович, З.Буряк, Ю.Гальцев, А.Самохина, С.Мигицко

33. **НЕЖДАННЫЙ ВИЗИТ** — Коммерческий центр «Питер», 2001

Режиссеры — В.Титов, Е.Леонов-Гладышев

В ролях: Л.Попова, А.Равикович, З.Буряк, А.Рудаков, И.Краюхина, С.Лосев

34. **ПОРТРЕТ ТОВАРИЩА СТАЛИНА** — Коммерческий центр «Питер», 2001

Режиссеры — В.Титов, Е.Леонов-Гладышев

В ролях: Л.Попова, А.Равикович, З.Буряк, Д.Нагиев, Е.Никитина, А.Рудаков

35. **ЖРИЦА ЛЮБВИ** — Кинокомпания «Три кита», 2001

Режиссер — А. Павловский

В ролях: Э.Бологова, И.Дмитриев, В.Павлов, М.Кокшенов

Литературно-художественное издание

Аркадий Инин

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том двадцать четвертый

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *А. Мусин*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Т. Комарова*

Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.2003.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Букмен».

Печать офсетная. Бум. писч. Усл. печ. л. 33,6+вкл.

Тираж 6000 экз. Заказ 6825.

ISBN 5-699-02959-1

9 785699 029594 >

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Книги Букеровского лауреата

Л. УЛИЦКОЙ

Людмила Улицкая давно завоевала признание читателей и критиков своими необычайно оригинальными и тонкими произведениями. Первые рассказы писательницы были напечатаны в журналах в конце 80-х годов, но книги увидели свет только за рубежом и лишь через некоторое время на Родине. Произведения Людмилы Улицкой отличаются напряженным сюжетом и великолепный язык. В 2001 году Людмила Улицкая заслуженно стала лауреатом премии Букера, которая была присуждена ей за роман "Казус Кукоцкого".

НОВИНКИ ВЕСНЫ – 2003:

**"Казус Кукоцкого", "Сонечка",
"Сквозная линия", "Медя и ее дети"**

Всё новое
в серии 256 и 464 стр.
первый переплет

Всё новое
в сериях
крупнейшего
издательства "КСМО"
смотрите на сайте
www.ksmo.ru

издательство
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Артуро ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

в серии

“Мастера зарубежной прозы”

Произведения Артуро Переса-Реверте – пожалуй самые модные “интеллектуальные детективы” текущего сезона. Авантюристность сюжетов Реверте подкреплена его биографией – он был матросом и военным журналистом. Изысканность его детективов основана на блестящей эрудиции писателя.

Все книги – объемом
480 – 592 стр.,
твёрдый переплет

*Готовится перевод
нового романа
А. Переса-Реверте,
написанного в 2002 году.*

НОВИНКИ ВЕСНЫ – 2003: “Кожа для барабана”

Всё о новых книгах и авторах крупнейшего издательства “Эксмо”
читайте на сайте: www.eksmo.ru

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Унин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Ан Антология Сатиры и Юмора России XX века

Как важно не быть серьезным

Одного серьезного человека увенчали лавровым венком.

Ан Но этот человек был очень серьезен только в своем серьезном деле.

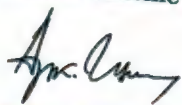
А в жизни он не был серьезен чересчур.

Не был он также и буквоедом.

А Поэтому он решил: «венОк» или «венИк» — какая разница? Всего одна буква.

И стал по субботам париться в бане отличным лавровым венником.

Вот так даже из самой призрачной славы можно извлечь вполне реальную пользу.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века